
LUX
LIBERTAS

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

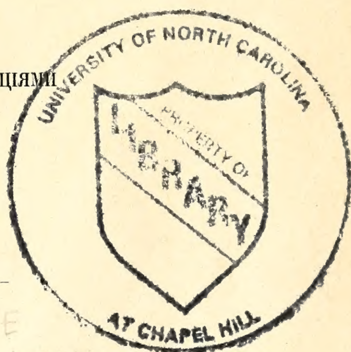
ИСТОРИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное

СЪ 80 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

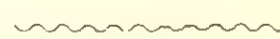

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

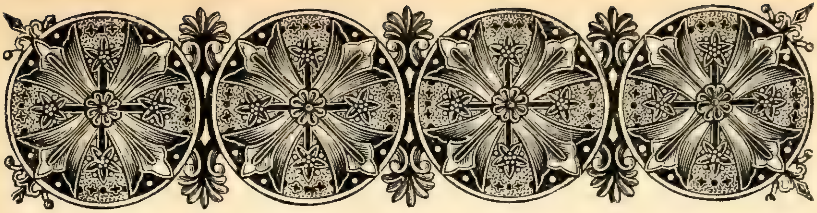
Рисунки дозволены цензурою 12 октября 1902 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

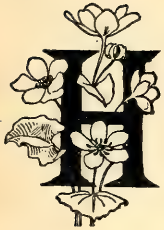
ОТЪ АВТОРА.

Настоящее, четвертое изданіе моихъ историческихъ очерковъ и разсказовъ существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены двѣнадцать новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.

I.

Несмотря на заключенный въ 1661 году въ Кардисѣ миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріязненныя отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей, шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга и ассесора коммерцъ-коллегіи Іоанна Лиліенгофа.

Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги.

Во время пребыванія своего въ Россіи вмѣстѣ съ посольствомъ, Пальмквистъ велъ дневникъ, который представилъ по возвращеніи въ Швецію королю. Дневникъ этотъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и лишь недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ, носитъ слѣдующее заглавіе: Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des Wäger, Pass medh Fästningar och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist». (Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю. Составлены Эрикомъ Пальмквистомъ). Къ рукописи приложены 28 листовъ рисунковъ, картъ и плановъ in-folio, рисованныхъ самимъ Пальмквистомъ. Въ своемъ обращеніи къ королю, которое служитъ предисловіемъ къ дневнику, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «я самъ въ разныхъ мѣстахъ тайно наблюдалъ и рисовалъ, рискуя собой, а также получалъ за деньги нѣкоторыя свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ». Къ Россіи Пальмквистъ относится вообще неблагосклонно. Онъ называетъ русскихъ «націей недовѣрчивой, несговорчивой, робкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменной, много о себѣ воображающей и съ презрѣніемъ относящейся ко всему иностранному». «Русскіе», говоритъ Пальмквистъ, «обладаютъ необыкновенной физической крѣпостью, очень способны къ труду, но при этомъ крайне лѣнивы и охотнѣе всего предаются разгулу, до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ ихъ взяться за дѣло. Ничто не идетъ болѣе къ русскому характеру, какъ торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русскаго рѣдко можетъ устоять передъ деньгами; онъ такъ жаденъ и корыстолюбивъ, что считаетъ всякую прибыль честной. Русскій не имѣетъ понятія о правдивости и видитъ во лжи только прикрасу; онъ столь искусно умѣетъ притворяться, что большею частью нужно употребить много усилій, чтобы не быть имъ обманутымъ. Русскій по природѣ очень способенъ ко всѣмъ ремесламъ и можетъ изворачиваться при самыхъ скудныхъ средствахъ. Купецъ или солдатъ, отправляясь въ дорогу, довольствуются тѣмъ, что берутъ съ собой сумку съ овсяной мукой, изъ которой они и приготовляютъ себѣ обѣдъ, взявъ нѣсколько ложекъ муки и смѣшавъ ее съ водой; такая смѣсь служитъ имъ и напиткомъ и кушаньемъ». На основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи, Пальмквистъ, какъ бы пророчески указывая на будущее пораженіе русскихъ подъ Нарвой, считалъ себя въ правѣ предсказывать шведскому королю, что «подданные Карла XI, подъ его предводительствомъ, какъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ въ особенности въ восточной

странѣ (т. е. Россіи) найдутъ достаточно мѣста и матеріала, чтобъ воздвигнуть въ вѣчную славу его величества видный трофей».

Недавно, въ иллюстрированной шведской газетѣ «Illustrerad Tidning» появилось небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста, сопровождаемое четырьмя, заимствованными оттуда же, политипажами. Полагая, что рисунки эти интересны и цѣнны не только для шведовъ, но и для насъ, мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ уменьшенной, но точной копіи.

Первый рисунокъ изображаетъ зимній поѣздъ знатной русской боярыни. Тяжелый, массивный возокъ тянется по глубокому снѣгу шестью лошадьми, запряженными «гусемъ». Толпа раболѣпныхъ

Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи.

слугъ окружаетъ экипажъ, или помогая лошадямъ, или готовясь исполнить по первому знаку приказанія своей госпожи; встрѣчные люди еще издалека сворачиваютъ въ сторону и, почтительно снявъ шапки, пропускаютъ мимо себя поѣздъ.

На второмъ рисункѣ представлена практиковавшаяся тогда въ Россіи «пытка водой». На первый взглядъ, повидимому, безвредная, она была страшно мучительна. Надъ преступникомъ, крѣпко привязаннымъ къ столбу, утверждался на извѣстной вышинѣ сосудъ особаго устройства, непрерывно выпускавшій изъ себя крупныя капли холодной воды, которыя, съ математическою точностью падая на обнаженное темя несчастнаго, производили нестерпимыя страданія.

Третій рисунокъ изображаетъ тогдашній Николо-Угрѣшскій монастырь, находившійся въ 10—15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ, обыкновенно, иностранныя посольства останавливались для неболь-

шого отдыха передъ въѣздомъ въ столицу, а четвертый представляетъ пріемъ шведскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ частности, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ нѣсколько погрѣшностей, такъ какъ Пальмквистъ рисовалъ его, разумѣется, на память, по возвращеніи съ аудіенціи (напр., рынды, окружающіе тронъ, представлены, вмѣсто собольихъ, въ горностаевыхъ шапкахъ), но въ общемъ—онъ вѣренъ и характеренъ.

II.

Шведское посольство отправилось изъ Стокгольма 21-го августа 1673 года на военномъ кораблѣ «Uttern» и, четыре дня спустя, прибыло въ Фурусундъ, куда въ наше время пароходы совершаютъ свои рейсы въ четыре часа. Простоявъ здѣсь около недѣли по случаю противнаго вѣтра, «Uttern» лишь 14-го сентября вошелъ въ ревельскую гавань. Отдохнувъ въ Ревелѣ, посольство двинулось далѣе уже въ экипажахъ и 18-го ноября достигло русской границы, гдѣ было встрѣчено царскими приставами, назначенными сопровождать его по Россіи. Переѣздъ черезъ границу совершенъ былъ въ торжественной процессіи, которую замыкала «собственная его королевскаго величества карета». На каждой станціи для посольскаго поѣзда заготовлялось 440 лошадей. Въ Новгородѣ возникло неожиданное затрудненіе, едва не принудившее Оксенширна вернуться обратно. До сихъ поръ ни одно шведское посольство не брало съ собой «собственной его королевскаго величества кареты», и въ данномъ случаѣ присутствіемъ ея дѣлалась русскимъ «особая честь». Но оказалось, что ворота, чрезъ которыя долженъ былъ совершиться въѣздъ посольства въ Новгородъ, были слишкомъ низки для кареты, и потому новгородскій воевода Шереметевъ предложилъ Оксенширну оставить въ предмѣстьи ихъ громоздкій экипажъ и совершить въѣздъ въ царской каретѣ. Послы обидѣлись такимъ предложеніемъ, сочтя его «подрывомъ репутаціи шведскаго короля», и ни за что не хотѣли разстаться съ своей каретой, хотя ширина и высота воротъ ясно показывала, что она никакъ не можетъ протиснуться черезъ нихъ. Послѣ долгихъ споровъ и объясненій, Шереметевъ приказалъ наконецъ разломать ворота настолько, чтобы черезъ нихъ могла свободно пройти «собственная его королевскаго величества карета». Въѣхавъ съ обычной церемоніей въ Новгородъ, послы прожили въ немъ до 2-го декабря и затѣмъ продолжали дальнѣйшій путь уже безпрекословно въ царской каретѣ «со сводчатымъ балдахиномъ, четырьмя вызо-

лоченными шарами по угламъ, позолотой снаружи и обитой внутри краснымъ бархатомъ».

Наканунѣ Рождества посольство достигло Николо-Угрѣшскаго монастыря, построеннаго, по словамъ Пальмквиста, «въ пестромъ стилѣ, составляющемъ отличительную черту русско-восточныхъ зданій». Приведя себя здѣсь въ порядокъ, послы двинулись къ Москвѣ. Въ пяти верстахъ отъ столицы началась живая изгородь изъ войска, доходившая до самаго города. По лѣвую сторону были

Пытка водой.

расположены 24 полка пѣхоты съ 200 орудій, а по правую кавалерія. Передъ каждой ротой стояли трубачи и музыканты съ бубнами и свирѣлями, производившіе, по словамъ Пальмквиста, «страшный шу́мъ». Хотя день былъ очень морозный, посольству пришлось, однакоже, двигаться впередъ шагъ за шагомъ, и оно только въ сумерки добралось до Москвы. У самаго города его встрѣтили три царскихъ пристава, которые вышли изъ своихъ саней, чтобы привѣтствовать прибывшихъ отъ имени государя, такъ что посламъ пришлось также вылѣзти изъ кареты и выслу-

шивать любезности и отвѣчать на нихъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ.

3-го января 1674 года назначена была торжественная аудіенція посламъ, но въ этотъ самый день между шведами и русскими возникъ споръ по одному церемоніальному вопросу, сдѣлавшій аудіенцію невозможной. Русскіе требовали, чтобы послы вступили въ тронную залу безъ тростей и шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились оставить трости и шпаги, но отказались обнажить головы, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ инструкцій. Напрасно пристава убѣждали и доказывали, что «даже послы римскаго цезаря не являются передъ царемъ на аудіенціи съ покрытыми головами». Оксенширнъ упорствовалъ, выражая сожалѣніе, что «изъ всего дѣла ничего не выходитъ», ибо пословъ не хотятъ допустить къ аудіенціи «съ должнымъ его королевскому величеству решпектомъ и почетомъ». Такимъ образомъ, въ этотъ день аудіенція не состоялась. На слѣдующій день послы стали просить дозволенія послать въ Швецію гонца, чтобы «повергнуть дѣло на усмотрѣніе короля». Но русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, были «просто грубы» и не только не разрѣшили отправки гонца, но приказали стражѣ никого не выпускать изъ посольскаго помѣщенія и никого не впускать туда. Эта мѣра, которая обыкновенно примѣнялась въ Россіи къ иностраннымъ посламъ до полученія ими аудіенціи, обрушилась весьма непріятно на шведскаго резидента въ Москвѣ, Адольфа Эбершельда, который случайно находился у пословъ; задержанный вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ провести ночь на голой скамьѣ.

Раздоръ между русскими и шведами продолжалъ усиливаться, и 6-го числа посламъ было объявлено царское приказаніе—на слѣдующій день готовиться къ отъѣзду.

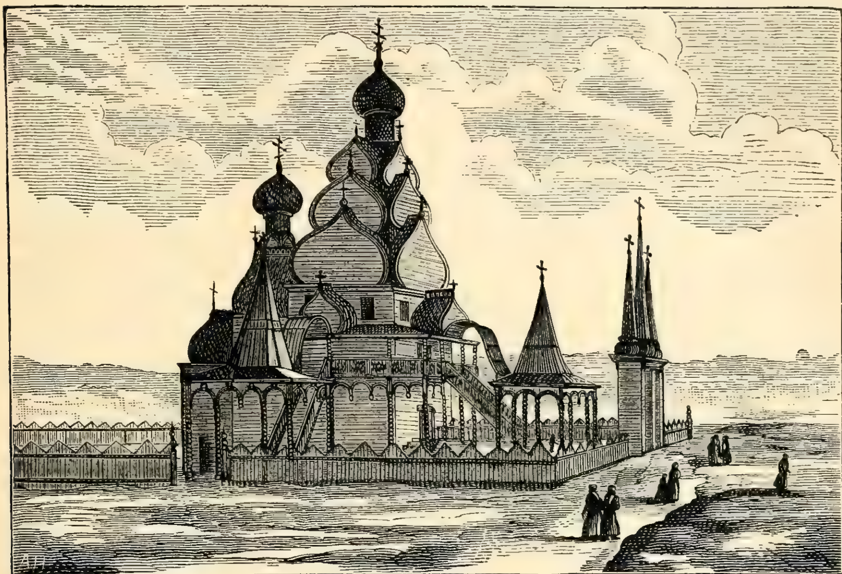
— Это мы готовы сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Оксенширнъ и велѣлъ укладывать вещи.

Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и разрѣшили послать гонца въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эосандеръ посланъ былъ 15-го января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Моску 19-го марта съ отвѣтомъ, что король согласенъ исполнить требованіе царя.

30-го марта аудіенція наконецъ состоялась. Цѣлыхъ три мѣсяца пропали напрасно изъ-за пустыхъ формальностей, которыя играли столь важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между

двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, а царицѣ—вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два, они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфектъ, корзины, кубки, стаканы и т. п.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: «большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра», «искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собой». Вдовствующая королева дарила царицѣ различные

Николо-Угрѣшскій монастырь въ XVII столѣтіи.

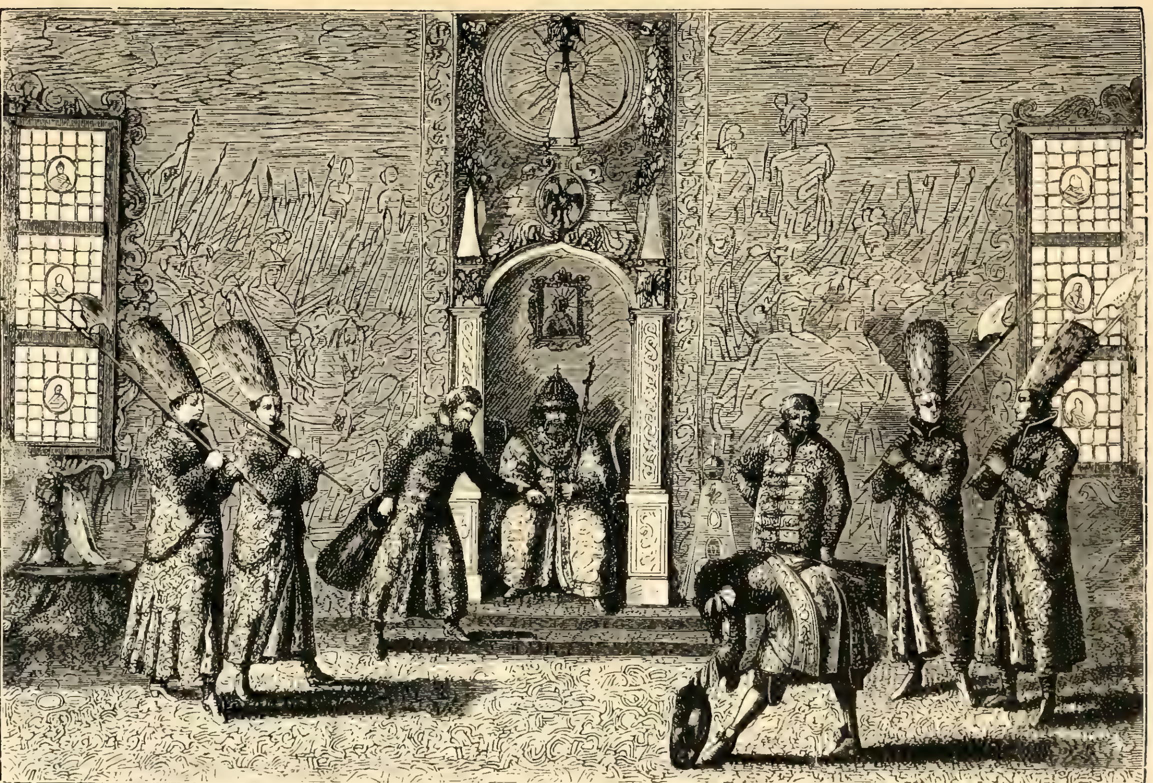
предметы изъ «благоуханнаго дерева-алоэ», между прочимъ шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоцѣнными камнями, шесть «необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣеровъ», часы золотые, «прекрасную ночную юбку» «вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту» и «всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты». За подарками ѣхалъ маршалъ посольства Германъ фонъ-Ферзенъ, потомъ слѣдовали слуги, канслисты, пасторъ, переводчики, лекарь, гофъ-юнкеръ, секретари, несшіе кредитивныя грамоты пословъ на голубой тафтѣ, пажи, потомъ сами послы въ царской каретѣ, везомой парой вороныхъ коней, и наконецъ «собственная его королевскаго величества карета», окруженная драбантами.

Въ пріемной комнатѣ, гдѣ толпились царедворцы, пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ (Kiltov), проводившій ихъ въ тронную залу. Пальмквистъ, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлалъ довольно точный рисунокъ этой залы. По стѣнамъ висѣли дорогіе тканые обои, на которыхъ были изображены сцены изъ миѳологіи и исторіи; рѣшетчатыя окна были украшены нарисованными на стеклѣ портретами въ видѣ медальоновъ; золотые и серебряные сосуды блистали на покрытыхъ бархатомъ поставахъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ двухглавымъ орломъ, подъ богатымъ балдахиномъ; онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, а на головѣ имѣлъ небольшую шапку-корону. Въ сторонѣ, на особомъ поставѣ, лежала держава. По обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ одеждахъ, затканныхъ серебромъ и подбитыхъ мѣхомъ, и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ подойти къ своей рукѣ. Оксенширнъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьѣ пословъ. Потомъ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья, и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьѣ, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи, между шведами и русскими открылись переговоры. Со стороны русскихъ ихъ вели Матвѣевъ и бояре: князь Юрій Алексѣевичъ и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукіе.

— Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ, началъ Оксенширнъ,—и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ. Да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій, наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостью Каменецъ-Подольскомъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложить, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать.

Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шведскаго посольства въ 1674 году.

Затѣмъ Оксенширнъ принялся излагать жалобы на неисполненіе со стороны русскихъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора.

Начался споръ, о чемъ прежде разсуждать—о союзѣ, или неисполненныхъ статьяхъ Кардисскаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.

— Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры, твердили бояре.

Шведы поспорили, но уступили, стали говорить о союзѣ противъ турокъ и объявили, что король ихъ обѣщалъ послать полякамъ на помощь 5,000 человѣкъ войска.

Бояре отвѣчали, что 5,000 очень мало: «великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ турка всѣми силами заодно, а изъ-за 5,000 и союза заключать не для чего».

— Но поляки сами больше у насъ не просили, возражали послы.

— Чего у васъ поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре:—а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами заодно.

Послы объявили, что о такомъ союзѣ договариваться не показано; для заключенія подобнаго союза пусть царь отправляетъ къ королю своихъ пословъ.

— Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали? спрашивали бояре и продолжали:—намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200.000 войска; наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменецъ-Подольскомъ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ.

Въ такомъ родѣ переговоры продолжались около двухъ съ половиной мѣсяцевъ совершенно безплодно. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ пререканій, укоровъ и жалобъ, пришли къ неясному соглашенію и заключили слѣдующій странный договоръ: «Если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно. Также, если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно». Переговоры о торговыхъ пошлинахъ и другихъ вопросахъ, возбужденныхъ послами, были отложены на неопредѣленное время, и 19-го іюня 1674 года посламъ была дана царемъ «прощальная аудіенція».

Такимъ образомъ, дорого стоившее шведскому правительству посольство Оксенширна возвратилось, вмѣстѣ съ «собственной его королевскаго величества каретой», домой не достигнувъ въ сущности никакихъ результатовъ и не принеся ни какой пользы, за исключеніемъ развѣ «Дневника» Пальмквиста, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и для настоящаго времени и изданіе котораго въ полномъ видѣ было бы весьма желательно.

Петръ Великій въ Дептфордѣ.

ПРОФЕССОРЪ Оксфордскаго университета Морфиль любезно передалъ въ мое распоряженіе нѣсколько не лишенныхъ интереса документовъ, найденныхъ имъ въ Бодлеанской библіотекѣ и касающихся пребыванія Петра Великаго въ Дептфордѣ (въ Англіи) въ 1698 году. Документы эти, довольно ярко иллюстрирующіе русскіе нравы того времени, состоятъ изъ заявленія адмирала Бенбоу, арендатора дома, въ которомъ жилъ Петръ въ Дептфордѣ, объ убыткахъ, понесенныхъ имъ отъ постояльцевъ и распоряженій англійскаго правительства по этому поводу. Печатая присланные документы въ переводѣ, считаю не лишнимъ предпослать имъ краткія свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Дептфордѣ, заимствованныя какъ изъ русскихъ, такъ и изъ англійскихъ источниковъ.

Во время перваго путешествія своего за границу, въ 1697 и 1698 годахъ, Петръ Великій, проживъ пять мѣсяцевъ въ Голландіи, рѣшился посѣтить Англію. Причины, побудившія его къ этой поѣздкѣ, изложены имъ самимъ въ собственноручномъ предисловіи къ «Морскому регламенту».

«На Остъ-Индской верфи», пишетъ онъ, «вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершился въ томъ, что подобало доброму плот-

нику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышереченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло стало ему противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Якова Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ ради вышеписанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ оной компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, черезъ четыре мѣсяца, оную науку окончилъ».

Король англійскій Вильгельмъ III, бывшій также и штатгальтеромъ Нидерландскимъ, имѣлъ случай лично познакомиться съ Петромъ въ Утрехтѣ и Гаагѣ, во время пріема московскаго посольства, въ свитѣ котораго царь занималъ скромную должность дворянина. Вильгельмъ оцѣнилъ необычайный умъ молодого русскаго государя, его энергію и страсть къ наукамъ, въ особенности къ кораблестроенію. Желая выразить ему свое сочувствіе, король, по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, приказалъ изготовить, построенную незадолго передъ тѣмъ по новому способу, легкую, красивую двадцатипушечную яхту «Transport-royal» и письменно просилъ Петра принять эту яхту въ подарокъ. Петръ остался чрезвычайно доволенъ такимъ неожиданнымъ и пріятнымъ подаркомъ и отправилъ въ Лондонъ, къ Вильгельму, съ изъявленіемъ своей благодарности, майора Преображенскаго полка Адама Вейде, которому поручилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить королю о своемъ намѣреніи «посѣтить англійскую землю незнатнымъ иностранцемъ, чтобы видѣть корабли и морское поведеніе».

Вильгельмъ выразилъ искреннее удовольствіе еще разъ свидѣться съ царемъ и послалъ въ его распоряженіе королевскую яхту подъ конвоемъ трехъ линейныхъ кораблей.

Царь выѣхалъ изъ Амстердама 7-го января (1698 г.) и на другой день вечеромъ прибылъ въ голландскую гавань Гелветелюйсъ,

къ ожидавшей его здѣсь англійской эскадрѣ. Переночевавъ на яхтѣ, Петръ, на разсвѣтѣ 9-го числа, невзирая на бурную погоду, снялся съ якоря и послѣ двухдневнаго плаванія, 11-го числа, рано утромъ, высадился въ Лондонѣ, въ Іоркъ-Больдингсѣ (нынѣ Бокингамъ-Стритъ, въ Адельфи), гдѣ для него былъ нанятъ большой домъ, выходившій на Темзу. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, король прислалъ камергера Бертона поздравить русскаго государя съ благополучнымъ пріѣздомъ, выразить свою готовность на всякія услуги и спросить, когда можно будетъ видѣться съ его царскимъ величествомъ. Петръ, поблагодаривъ съ своей стороны за добрый пріемъ, отвѣчалъ, что готовъ на свиданіе во всякое время, когда это будетъ угодно королю. На слѣдующій день къ Петру явились, назначенные состоять при немъ, вице-адмиралъ Мичель и маркизъ Кармартенъ. Царь очень скоро сошелся съ послѣднимъ и полюбилъ его за веселый характеръ, познанія въ морскомъ дѣлѣ и всегдашнюю готовность кататься съ нимъ по Темзѣ. Они часто проводили цѣлые вечера вдвоемъ, въ дружеской бесѣдѣ, попивая «peper and brandy» (настойка коньяку на перцѣ). Если вѣрить одной современной англійской газетѣ, Петру особенно пришелся по вкусу напитокъ, называвшійся «Nectar Ambrosia». Эта амброзія была изобрѣтена какимъ-то счастливымъ спекулянтомъ, поднесшимъ свою микстуру царю, который не удовольствовался поднесеннымъ количествомъ, а приказалъ закупить еще большой запасъ.

Король посѣтилъ царя черезъ три дня послѣ его пріѣзда, при чемъ былъ принятъ Петромъ въ комнатѣ, служившей спальнею, гдѣ воздухъ оказался до такой степени испорченнымъ, что, несмотря на стоявшій въ то время холодъ, пришлось отворить окно. Царь былъ у короля спустя дней десять, одѣтый въ московское платье, бесѣдовалъ съ нимъ около двухъ часовъ на голландскомъ языкѣ и познакомился также съ его свояченицей, наслѣдницей англійскаго престола, принцессой Анной, которую, въ письмѣ къ Апраксину, почему-то назвалъ «сущей дочерью нашей церкви». Онъ не обратилъ никакого вниманія на превосходныя картины и другія художественныя произведенія, украшавшія резиденцію короля, Кенигстонскій дворецъ, но зато чрезвычайно заинтересовался находившимся въ королевскомъ кабинетѣ приборомъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра.

Въ Лондонѣ, какъ и всюду, Петръ осматривалъ преимущественно то, что могло принести ему пользу въ практическомъ отношеніи. Онъ побывалъ въ королевскомъ обществѣ наукъ, «гдѣ видѣлъ всякія дивныя вещи», въ Тоуерѣ, «гдѣ честныхъ людей

сажаютъ за караулъ», на монетномъ дворѣ, на астрономической обсерваторіи, и т. п. Разъ посѣтилъ и театръ, гдѣ давали пьесу «Королевы соперницы или Александръ Великій» и гдѣ ему понравилась актриса Кросъ, съ которой онъ свелъ, впрочемъ кратковременное, знакомство. Петръ нѣсколько разъ обѣдалъ у маркиза Кармартена и у другихъ англійскихъ вельможъ, но при этомъ ста-

Петръ Великій въ русскомъ платьѣ, въ бытность въ Голландіи въ свитѣ великаго посольства.

Съ гравированнаго портрета того времени Оттенса.

вилъ условіемъ, чтобы они не приглашали постороннихъ лицъ. Онъ терпѣть не могъ и тщательно избѣгалъ всякой толпы. Когда Вильгельмъ, по случаю своего рожденія, далъ балъ въ С.-Джемскомъ дворцѣ, царь ни за что ни согласился выйти къ гостямъ и помѣстился въ маленькой комнатѣ, откуда могъ видѣть все, не будучи самъ замѣченъ. Посѣтивъ парламентъ, Петръ не захотѣлъ войти въ зало засѣданій, а глядѣлъ на происходившее черезъ слу-

ховое окошко, пробитое въ потолкѣ. Царь посѣтилъ также общество квакеровъ, осматривалъ лондонскія церкви и не разъ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ богословомъ, епископомъ Салисбюрійскимъ, Джильбертомъ Бёрнетомъ, о религіи и положеніи духовенства. Въ Бодлеанской библіотекѣ хранится, нигдѣ еще не напечатанное, письмо Бёрнета, отъ 19-го марта 1698 г., къ доктору Фаллю, начальнику пѣвческой капеллы въ Іоркѣ (precentor), въ которомъ Бёрнетъ, между прочимъ, сообщаетъ краткія, но тѣмъ не менѣе любопытныя свѣдѣнія о своихъ сношеніяхъ съ царемъ. Привожу изъ этого письма, также сообщеннаго мнѣ въ копіи профессоромъ Морфилемъ, то мѣсто, которое касается Петра:

«Дорогой сэръ!.. Послѣ вашего отъѣзда, царь пріѣзжалъ однажды въ Ламбетъ, видѣлъ таинство причащенія и рукоположенія и остался очень доволенъ. Я часто бываю съ нимъ. Въ прошлый понедѣльникъ я провелъ у него четыре часа. Мы разсуждали о многихъ вещахъ; онъ обладаетъ такой степенью знанія, какой я не ожидалъ видѣть въ немъ. Онъ тщательно изучалъ св. писаніе. Изъ всего, что я говорилъ ему, онъ всего внимательнѣе слушалъ мои объясненія объ авторитетѣ христіанскихъ императоровъ въ дѣлахъ религіи и о верховной власти нашихъ королей. Я убѣдилъ его, что вопросъ о происхожденіи Св. Духа есть тонкость, которая не должна была бы вносить раскола въ церковь. Онъ допускаетъ, что иконамъ не слѣдуетъ молиться, и стоитъ лишь за сохраненіе образа Христа, но этотъ образъ долженъ служить лишь какъ воспоминаніе, а не какъ предметъ поклоненія. Я старался указать ему великія цѣли христіанства въ дѣлѣ усовершенствованія сердца человѣческаго и человѣческой жизни, и онъ увѣрилъ меня, что намѣренъ примѣнить эти принципы къ самому себѣ. Онъ начинаетъ такъ сильно привязываться ко мнѣ, что я едва могу отъ него оторваться... Царь или погибнетъ, или станетъ великимъ человѣкомъ».

Лондонскія фабрики и мастерскія также не были оставлены Петромъ безъ обзора. У знаменитаго часовщика Карте Петръ купилъ замѣчательные географическіе часы и при этомъ, какъ увѣряютъ англичане, выучился безукоризненно собирать и разбирать ихъ, а у одного гробовщика онъ даже пріобрѣлъ и отправилъ въ Россію образецъ англійскаго гроба. Но главное вниманіе Петра привлекали Вульвичъ, съ его знаменитымъ литейнымъ заводомъ и арсеналомъ, и Дептфордъ съ его обширными доками и верфями. Въ этотъ послѣдній городокъ, теперь уже слившійся съ Лондономъ, а тогда лежавшій отъ него въ девяти километрахъ, у самаго впа-

денія рѣчки Равенсбурнъ въ Темзу, Петръ рѣшился даже переселиться на нѣсколько недѣль, чтобы, подъ руководствомъ опытныхъ и ученыхъ наставниковъ, усовершенствовать свои познанія въ кораблестроеніи.

Англійскому правительству было не легко найти въ Дептфордѣ приличное и удобное помѣщеніе для царя и его свиты. Самымъ подходящимъ для этой цѣли зданіемъ оказался домъ нѣкоего Джона Евелина, называвшійся «Says-Cort», очень помѣстительный, хорошо меблированный и примыкавшій обширнымъ садомъ къ самымъ до-

Вильгельмъ III, король англійскій.
Съ гравированнаго портрета Хубракена.

камъ. Домъ этотъ нанималъ по контракту адмиралъ Бенбоу, который, несмотря на выгодныя условія, не совсѣмъ охотно уступилъ свою квартиру и выѣхалъ въ гостиницу. Домъ Евелина на скорую руку поновили, садъ украсили растеніями, а въ стѣнѣ, смежной съ доками, пробили дверь, такъ что Петръ могъ во всякое время приходить туда, никѣмъ не стѣсняемый.

Слуга Джона Евелина, остававшійся въ домѣ, слѣдующимъ образомъ описывалъ своему хозяину порядокъ жизни царя: «Домъ полонъ народа ужасно грязнаго (right nasty). Царь спитъ рядомъ съ вашей библіотекой, а обѣдаетъ въ гостиной, что за кабинетомъ.

Ѣстъ онъ въ 10 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера. Иногда бываетъ дома цѣлый день. Часто ходитъ на верфь или плаваетъ по рѣкѣ въ разныхъ костюмахъ. Король платитъ за все». Въ праздничные дни, или по окончаніи дневныхъ работъ, Петръ обыкновенно отправлялся съ нѣсколькими приближенными въ Гоуфъ-Стритъ, въ небольшой кабачокъ, гдѣ спрашивалъ пива или коньяку и отдыхалъ, покуривая свою голландскую трубочку. Хозяинъ заведенія намалевалъ портретъ московскаго царя и прибилъ его надъ дверями, какъ вывѣску. Эта вывѣска провисѣла до 1808 года, когда нѣкто Ваксель (Waxel) почему-то пожелалъ ее пріобрѣсти и предложилъ хозяину, взамѣнъ старой, написать для него новую. Согласно уговору, копія была сдѣлана въ нѣсколько увеличенномъ видѣ и занимала мѣсто оригинала до перестойки дома, послѣ чего портретъ уже не появлялся, но за кабачкомъ до сихъ поръ сохранилось названіе «Таверны московскаго царя» (Czars of Moscovy Tavern).

Изрѣдка Петръ совершалъ кратковременныя поѣздки въ Лондонъ, Гринвичъ и Виндзоръ, для осмотра ихъ достопримѣчательностей. Чтобы сдѣлать пріятное царю, король Вильгельмъ задумалъ повеселить его примѣрною морскою битвою, близъ острова Уайта. Съ этой цѣлью, на Портсмутскомъ рейдѣ была сосредоточена эскадра изъ 12 большихъ военныхъ кораблей. 21-го марта Петръ пріѣхалъ въ Портсмутъ и, переночевавъ у губернатора, на другой день осмотрѣлъ англійскія суда. Когда показалась царская шлюпка, всѣ корабли открыли пальбу, а матросы привѣтствовали державнаго посѣтителя громкими криками. Окончивъ осмотръ, царь взошелъ на 80-ти-пушечный адмиральскій корабль «Гомбургъ». Эскадра вступила подъ паруса и въ тотъ же день обогнула островъ Уайтъ, но по случаю тихой погоды стала на якорь. Во время стоянки Петръ посѣтилъ корабельныхъ капитановъ и «довольно съ ними веселился». На другой день подулъ благопріятный вѣтеръ; корабли выстроились въ двѣ линіи и дважды вступали въ битву, производя, къ великому удовольствію царя, разнообразныя морскія эволюціи. По окончаніи маневровъ Петръ возвратился на рейдъ, осматривалъ городъ, побывалъ въ близъ лежащемъ Сютгей-Кестлѣ (нынѣ Southampton) и на обратномъ пути въ Дептфордъ завтракалъ и обѣдалъ, съ своими спутниками, которыхъ было 21 человѣкъ, въ лучшей гостиницѣ въ Годельмингѣ. Счетъ, по которому было уплачено англійскимъ правительствомъ содержателю гостиницы, за все съѣденное и выпитое гостями, сохранился въ подлинникѣ. Ими было уничтожено за завтракомъ: полъ-барана, четверть ягненка, десять

куръ, двѣнадцать цыплятъ, три кварты коньяку, шесть квартъ глинтвейну, семь дюжинъ яицъ. За обѣдомъ они съѣли: $1^{1}/_{4}$ пуда говядины, цѣлаго барана (вѣсомъ $1^{1}/_{2}$ пуда), три четверти ягненка, плечо и филей телятины, восемь куръ, восемь кроликовъ, выпили двѣ съ половиной дюжины столоваго вина и дюжину краснаго.

Живя въ Дептфордѣ, Петръ, при содѣйствіи Кармартена и съ согласія короля, приговорилъ къ себѣ на службу до 60 человѣкъ разныхъ спеціалистовъ и мастеровъ. Здѣсь же, съ цѣлью подкрѣпить русскую казну, царь заключилъ съ Кармартеномъ условіе,

Маркизъ Кармартенъ.

Съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ.

которымъ предоставилъ ему право исключительной торговли въ Россіи табакомъ за 20,000 фунтовъ стерлинговъ (или 48,000 рублей), съ уплатою всей суммы впередъ. Кармартену было разрѣшено ввести въ Россію и распродать въ одинъ годъ 3,000 бочекъ, или полтора милліона фунтовъ, табаку, при чемъ государь обязался «всѣмъ своимъ подданнымъ, какого ни есть чина, дозволить никоціанъ курить и употреблять, несмотря на всѣ прежніе противные указы и права».

Пріѣхавъ изъ Голландіи въ Англію уже опытнымъ корабельнымъ плотникомъ, Петръ въ три мѣсяца неустаннаго труда изу-

чилъ англійскую систему постройки судовъ, узналъ размѣръ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, пріобрѣлъ необходимыя свѣдѣнія для учрежденія верфей и вникнулъ во всѣ порядки морской службы. Теперь, для полнаго и окончательнаго усовершенствованія своихъ познаній въ кораблестроеніи, ему оставалось только изучить способы сооруженія галернаго флота, и для этого онъ рѣшился отправиться въ Венецію.

18-го апрѣля царь съ чувствомъ живѣйшей признательности простился съ королемъ Вильгельмомъ, который, желая сохранить черты геніальнаго русскаго государя, упросилъ его дозволить списать съ себя портретъ. По приказанію короля, знаменитый тогдашній живописецъ Готфидъ Кнеллеръ необыкновенно вѣрно передалъ потомству прекрасную, мужественную фигуру двадцатипятилѣтняго Петра. Замѣчательный по сходству и мастерству исполненія портретъ царя, работы Кнеллера, находится въ аудіенцъ-залѣ Гамптонъ-Корта, одного изъ королевскихъ дворцовъ близъ Лондона.

21-го апрѣля Петръ сѣлъ на подаренную ему яхту «Транспоръ-Рояль», поплылъ внизъ по Темзѣ, еще разъ посѣтилъ Вульвичъ и Чатамъ, и 23-го числа вышелъ въ море, направляясь къ берегамъ своей любезной Голландіи.

Какъ только царь покинулъ Дептфордъ, адмиралъ Бенбоу вознамѣрился перебраться въ свое прежнее жилище; но его ждало неожиданное и горькое разочарованіе. Московскіе гости оказались совершенными варварами. Въ свое двухмѣсячное пребываніе въ домѣ Джона Евелина они до такой степени безцеремонно распоряжались чужимъ имуществомъ и привели его въ такой безобразный видъ, что адмиралъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія возобновить контрактъ съ Евелиномъ и обратился къ англійскому правительству съ слѣдующей жалобой:

«Джонъ Бенбоу въ почтительнѣйшей просьбѣ заявляетъ, что онъ нѣсколько времени тому назадъ нанялъ домъ Джона Евелина, эсквайра, называемый «Сэйсъ-Кортъ» въ Дептфордѣ, и обязался контрактомъ содержать оный, равно какъ и садъ и проч., въ хорошемъ и удовлетворительномъ состояніи и полной исправности и сдать его въ такомъ же видѣ по истеченіи условленнаго срока; и случилось, съ позволенія Вашей Чести, что его царское величество обратился къ вышереченному, мѣсяца три тому назадъ, желая, на время пребыванія своего въ Англіи, занять его домъ, со всѣмъ убранствомъ, какое въ немъ находилось. Джонъ Бенбоу охотно согласился на это и немедленно вывезъ изъ дома свою семью и передалъ домъ царю въ пользованіе, предполагая, что это будетъ

пріятно Его Милости королю и что царь будетъ пользоваться нанятымъ домомъ, имуществомъ и садомъ иначе, чѣмъ вышло въ дѣйствительности. Домъ оказался въ такомъ дурномъ видѣ, что едва ли возможно дать полное понятіе объ этомъ Вашей Чести. Кромѣ того, много вещей поломано, потеряно и испорчено.

«Посему, нижеподписавшійся почтительно проситъ, не благоугодно ли будетъ Вашей Чести приказать произвести осмотръ дома и проч. для приведенія въ извѣстность нанесенныхъ ему убытковъ и дабы ему могло быть дано вознагражденіе и онъ не вынужденъ былъ понести ущербъ за оказанную имъ любезность».

Просьба Джона Бенбоу была отослана сэру Христофору Рэну, которому поручено было осмотрѣть домъ, садъ и движимое имущество и донести, сколько убытка причинено просителю царемъ и его свитой.

Рэнъ произвелъ осмотръ при содѣйствіи оцѣнщика по части движимости и гардероба, мистера Севелля, и королевскаго садовника, мистера Лаудона, и исчислилъ общую цифру убытковъ въ 350 фунтовъ стерлинговъ. Это исчисленіе основано имъ на слѣдующихъ двухъ документахъ, подписанныхъ Севеллемъ и Лаудономъ.

I.

«Счетъ поврежденій, причиненныхъ постройкамъ и изгородямъ московскимъ царемъ и его свитой въ Сэйсъ-Кортѣ, въ Дептфордѣ:

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
«За 150 ярдовъ окраски	7	10	—
«За 244 ярда бѣленія въ домѣ	2	—	8
«За 300 стеколъ въ окнахъ	—	15	—
«За 20 большихъ стеколъ	2	8	—
«За 3 мѣдныхъ замка	2	5	8
«За 9 замковъ, также испорченныхъ . .	—	12	—
«За ключи ко всѣмъ сказаннымъ замкамъ .	1	—	—
«За 90 футовъ голландской черепицы для поправки каминныхъ трубъ	1	1	—
«За 100 футовъ фламандскихъ изразцовъ для поправки кухни	1	5	—
«За 90 футовъ (не разобранное слово) .	1	10	—
«За починку задвижекъ	—	10	—
«За починку шкаповъ	—	10	—

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
«За поправку испорченныхъ (не разобранное слово)	—	10	—
«За двѣ новыхъ еловыхъ двери	1	4	—
«Всѣ полы попорчены грязью и рвотой .	2	—	—
«За новый полъ въ нижнемъ домѣ . . .	—	14	—
«За починку 300 футовъ аспиднаго и каменнаго помоста	1	—	—
«За 240 футовъ сосновыхъ балясинъ . .	60	—	—
«За 170 футовъ дубовыхъ балясинъ и перилъ	17	—	—
«За 100 футовъ наружной загородки сада .	1	13	8
«За полировку заново 4 мраморныхъ ступенекъ и мраморнаго стола	1	4	—
«За 3 сломанныхъ и потерянныхъ тачки .	1	—	—

«Оцѣнено Уильямомъ Дикинсономъ Кларкомъ.

II.

«Спальная, убранная голубой отдѣлкой, и голубая кровать, обитая внутри свѣтло-желтымъ шелкомъ, вся измарана и ободрана .	4	—	—
«Японскій карнизъ кровати сломанъ . .	—	—	—
«Индійское шелковое стеганое одѣяло, байковое одѣяло и постельное бѣлье запятнаны и загрязнены	2	—	—
«Туалетный столикъ, обитый шелкомъ, сломанъ и изрѣзанъ	1	—	—
«Стѣнной орѣховаго дерева столикъ и рундукъ сломаны	—	15	—
«Мѣдная кочерга, пара щипцовъ, желѣзная рѣшетка, лопатка частью сломаны, частью утрачены	1	—	—
«Палевая кровать разломана на куски, красная отдѣлка, отороченная полосатымъ персидскимъ шелкомъ, сильно подрана и испорчена	62	—	—
«Въ кабинетѣ: четыре полотнища тканыхъ дамасскихъ обоевъ сильно измараны	—	10	—

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
«Въ большой комнатѣ: два большихъ каминныхъ крюка съ мѣдными рукоятями сломаны	—	15	—
«Въ смежной комнатѣ обои требуютъ чистки	1	—	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: коленкоровая кровать съ занавѣсями испятнана и изорвана въ клочки, а большое индійское одѣяло прорвано во многихъ мѣстахъ	3	10	—
«14 голландскихъ плетеныхъ стульевъ всѣ сломаны и испорчены	2	10	—
«12 стульевъ со спинками, обитыми драгетомъ, сильно испорчены	1	10	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: обитая темнымъ камлотомъ кровать сильно порвана и испорчена	2	—	—
«Обыкновенное станетовое одѣяло изорвано и прожжено въ нѣсколькихъ мѣстахъ . . .	—	10	—
«Черный панелевый столъ и рундуки сломаны и испорчены	—	10	—
«Пара каминныхъ крюковъ съ мѣдными рукоятями, лопатка и щипцы сломаны . . .	—	7	6
«Въ слѣдующей комнатѣ: двѣ кровати, одна обитая драгетомъ, другая саржей, изорваны и испорчены	2	10	—
«Старый комодъ, каминные крюки, лопатка и щипцы сломаны и испорчены	—	10	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: голубая, полосатая коломянковая кровать, обитая внутри пестрой, индійской, вышитой тканью, сильно измарана и попорчена, а карнизъ сломанъ .	3	—	—
«12 креселъ, обитыхъ голубой матеріей сильно попорчены	1	10	—
«3 старыхъ голландскихъ плетеныхъ стула сломаны	—	7	6
«Орѣховый комодъ и оклейной столъ сильно испорчены и сломаны	—	15	—
«6 бѣлыхъ, тонкихъ, дамасковыхъ оконныхъ занавѣсей изорваны и испорчены . .	1	10	—

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
«Грѣлка поломана внутри и пожжена . .	5	5	—
«Внизу: японскій столъ, два стула и кушетка всѣ поломаны и испорчены	1	10	—
«7 отлогихъ стульевъ сломаны и утрачены .	1	10	—
«Нѣсколько другихъ стульевъ попорчены .	1	—	—
«Пара каминныхъ крюковъ съ мѣдными рукоятями, пара щипцовъ, лопатка и рѣшетка сломаны и попорчены	—	15	—
«Два стола съ инкрустаціей попорчены .	—	15	—
«Большой турецкій коверъ попорченъ . .	—	15	—
«5 кожаныхъ стульевъ утрачены	1	—	—
«3 простыхъ плетеныхъ стула и 4 зеленыхъ саржевыхъ стула сломаны или утрачены . .	1	—	—
«2 перины и 2 подушки потеряны . . .	8	—	—
«3 пары новыхъ пуховыхъ подушекъ потеряны	3	—	—
«8 перинъ, 8 подушекъ, 12 паръ байковыхъ одѣялъ сильно замараны и попорчены .	3	16	—
«Одна запасная желѣзная рѣшетка изломана въ куски	—	16	—
«3 пары тройныхъ, тонкихъ, голландскихъ простынь утрачены	7	10	—
«3 кресла съ ручками и 5 рѣзныхъ деревянныхъ креселъ изломаны въ куски . . .	1	—	—
«Столъ сломанъ и испорченъ	6	—	—
«20 прекрасныхъ картинъ сильно замараны, а рамы всѣ разбиты	10	—	—
«Нѣсколько прекрасныхъ чертежей и другихъ рисунковъ, изображающихъ лучшіе виды, утеряны и оцѣнены адмираломъ Бенбоу въ	50	—	—

«Дж. Севелль».

«9-го мая 1698 г.».

III.

«Нѣсколько замѣчаній о садахъ и палисадникахъ, принадлежащихъ достопочтенному Джону Евелину, эсквайру, при его домѣ, Сэйсъ-Кортѣ, въ Дептфордѣ, въ графствѣ Кентъ.

«Во все время, пока московскій царь проживалъ въ означенномъ домѣ, не мало поврежденій было понесено въ садахъ и палисадни-

кахъ. Усмотрѣнныя поврежденія двухъ родовъ: одни изъ нихъ могутъ быть поправлены, другія же нельзя исправить.

«1) Трава помята и земля взрыта отъ прыжковъ и выдѣлыванія разныхъ штукъ.

«2) Лужайка, на которой играютъ въ шары, въ такомъ же видѣ.

«3) Вся земля, которая обработывается подъ хозяйственныя растенія, заросла сорными травами и оставалась безъ ухода и обработки, потому что царь все равно не допустилъ бы никого къ обработкѣ, когда наступило для этого время.

«4) Шпалерныя и другія фруктовыя деревья остаются неподрѣзанными и безъ прививки.

«5) Ни живыя изгороди, ни дички не подрѣзаны, какъ слѣдуетъ.

«6) Песчаныя дорожки изрыты ямами и запущены.

«Замѣчанія эти сдѣланы Джоржемъ Лаудономъ, садовникомъ его величества, который удостовѣряетъ, что для приведенія садовъ и плантацій въ то исправное состояніе, въ какомъ они находились до пребыванія его царскаго величества, потребуется сумма въ 55 фунтовъ, въ чемъ я и удостовѣряю.

«Джоржъ Лаудонъ».

«Примѣчаніе. Много вреда нанесено деревьямъ и растеніямъ, что уже оказывается непоправимымъ, а именно: поломаны вѣтви у шпалерныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, попорчены три прекраснѣйшія широколистныя липы, поломаны нѣсколько остролистниковъ и другихъ красивыхъ растеній».

Приведенные нами три акта осмотра владѣній Джона Евелина были представлены сэру Христофору Рэну, который, въ свою очередь, препроводилъ ихъ въ государственное казначейство при слѣдующемъ донесеніи:

«Съ позволенія Вашего Лордства.

«Вслѣдствіе предписанія Вашаго Лордства отъ 6-го мая 1698 года, на просьбу Джона Бенбоу объ осмотрѣ и оцѣнкѣ убытковъ, причиненныхъ нанимаемому имъ дому, садамъ и имуществу его царскимъ величествомъ и свитой его, въ Дептфордѣ, я поступилъ согласно сему и оцѣнилъ поправки дома и двора при содѣйствіи опытныхъ людей; пригласилъ присутствовать мистера Севелля при оцѣнкѣ движимаго имущества, а мистера Лаудона при оцѣнкѣ садовъ и палисадниковъ, къ каковымъ своимъ оцѣнкамъ, при семъ представляемымъ, они приложили свои руки, и я считаю ихъ оцѣнку вполнѣ вѣрною.

«Убытокъ по дому исчисленъ въ 107 фунтовъ 7 шиллинговъ, и по саду въ 55 фунтовъ, а всего 162 фунта 7 шиллинговъ, каковая сумма должна быть, по моему мнѣнію, уплачена мистеру Евелину, владѣльцу дома, такъ какъ контрактный срокъ уже истекъ.

«Убытокъ по имуществу 133 фунта 2 шиллинга 6 пенсовъ; съ прибавленіемъ недѣльнаго дохода, который я оцѣниваю въ 25 фунтовъ, всего слѣдуетъ уплатить 158 фунтовъ 2 шиллинга 6 пенсовъ.

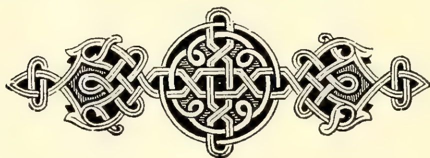
«Сверхъ того, домъ, принадлежащій нѣкоему Росселю, бѣдному человѣку, гдѣ проживала стража, назначенная состоять при домѣ, занимаемомъ царемъ, почти совершенно разрушенъ, такъ что подлежитъ оплатѣ въ полной стоимости.

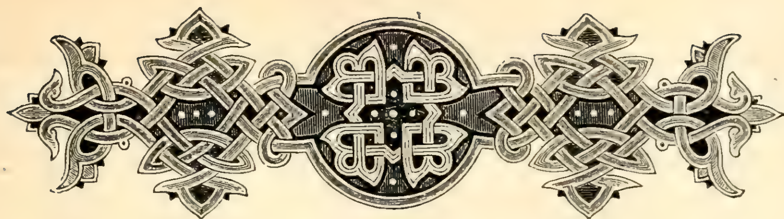
«Христофоръ Рэнъ».

«Мая 11-го дня 1698 г.».

21-го іюля того же года государственное казначейство приказало уплатить деньги всѣмъ лицамъ, понесшимъ убытки отъ пребыванія Петра Великаго въ Дептфордѣ, согласно исчисленію, приведенному въ рапортѣ сэра Христофора Рэна.

Домъ Джона Евелина существуетъ до сихъ поръ въ полуразрушенномъ видѣ. Онъ составляетъ теперь какъ бы часть доковъ, и въ немъ помѣщается полиція и расчетная контора съ рабочими. Окружавшій его садъ превратился въ пустырь, поросшій сорной травой. Но улица, ведущая къ дому, обставленная жалкими лачужками и населенная исключительно бѣдняками, сохранила до настоящаго времени названіе «Царской» (Czars Street).

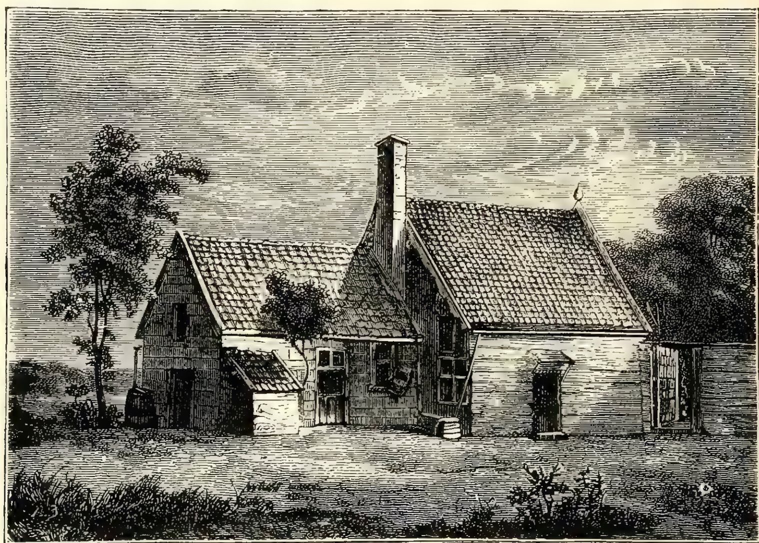
Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.

Въ 1897 ГОДУ исполнилось двухсотлѣтіе одному изъ самыхъ старыхъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ, съ которымъ связано имя Петра Великаго, — Заандамскому домику. Извѣстно, что Петръ въ свою первую поѣздку въ Голландію, въ 1697 г., прожилъ недѣлю въ небольшомъ городкѣ Заандамѣ, на верфяхъ котораго разсчитывалъ практически изучить кораблестроеніе. Государь приплылъ въ Заандамъ изъ Амстердама 8-го августа, въ 6 часовъ утра, съ шестью приближенными лицами, на небольшомъ парусномъ ботѣ. Приблизившись къ берегу, онъ замѣтилъ человѣка, ловившаго угрей, и, вглядѣвшись, призналъ въ немъ знакомаго ему кузнеца, Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ. Петръ окликнулъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ, увидѣвъ русскаго царя въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ, холстинныхъ шароварахъ, съ лакированною шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда Петръ изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его хижинѣ, съ условіемъ, чтобы онъ никому не открывалъ его званія. Напрасно кузнецъ отговаривался бѣдностью и тѣснотой своего жилища; онъ долженъ былъ уступить настойчивости государя и согласился отвести ему заднюю, отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова одного поденщика. Въ то время, какъ Петръ зашелъ въ гостиницу закусить, Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову очистить

квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ, уплативъ ей семь гульденовъ.

Деревянный домикъ Геррита Киста, сколоченный изъ толстыхъ необдѣланныхъ досокъ, подъ черепичной крышей, находился въ западной, наиболѣе уединенной, части Заандама, на Кримпѣ. Помѣщеніе, занятое Петромъ, состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ глухою коморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланомъ; приставная лѣсенка соединяла одну изъ комнатъ съ чердакомъ.

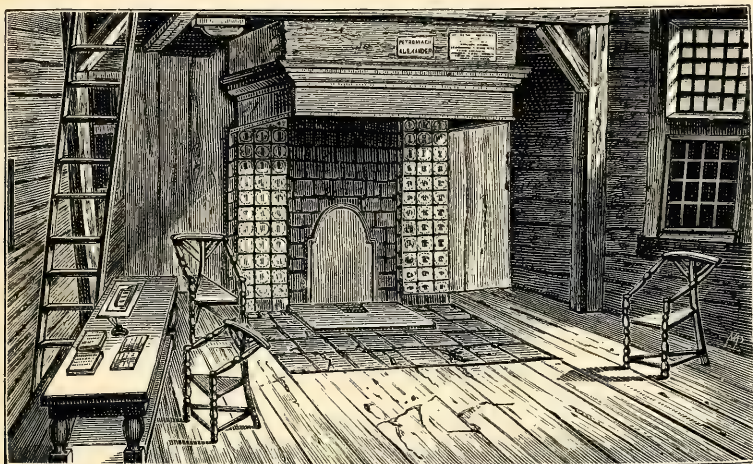

Первоначальный видъ домика Петра Великаго въ Заандамѣ,
Съ гравюры начала XVIII столѣтія.

Мы не будемъ повторять здѣсь подробности пребыванія Петра въ Заандамѣ и причины, заставившія его внезапно покинуть этотъ городъ послѣ семидневнаго пребыванія и измѣнить первоначальное намѣреніе прожить въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все это уже было описано много разъ. Мы намѣрены лишь разсказать дальнѣйшую судьбу «Заандамскаго домика», не лишенную интереса.

Послѣ смерти Геррита Киста, домикъ его переходилъ изъ рукъ въ руки, ветшалъ и былъ забытъ. О немъ вспомнили только въ 1782 году, когда великій князь Павелъ Петровичъ, путешествовавшій вмѣстѣ съ своей супругой по Европѣ, проѣзжая черезъ Заандамъ, пожелалъ видѣть временное жилище своего великаго прадѣда

и сдѣлалъ щедрый подарокъ тогдашнему владѣльцу домика, Якову Девріесу. Вслѣдъ за великимъ княземъ домикъ начали посѣщать всѣ знатные русскіе и иностранцы, путешествовавшіе по Голландіи. Это обстоятельство побудило нѣкоего Вергува купить домикъ за 178 флориновъ и поставить въ немъ кружку для сбора добровольныхъ вкладовъ съ посѣтителей. Вергувъ отдалъ домикъ внаймы и дѣлился съ жильцомъ сборами, иногда довольно крупными. Эта спекуляція продолжалась до начала нынѣшняго столѣтія, когда, вслѣдствіе повышенія земельныхъ налоговъ и почти совершеннаго разрушенія домика, Вергувъ рѣшилъ его сломать. Къ счастью, владѣ-

Внутренность домика Петра Великаго въ Заандамѣ.
Съ гравюры Слюйтера, начала XVIII столѣтія.

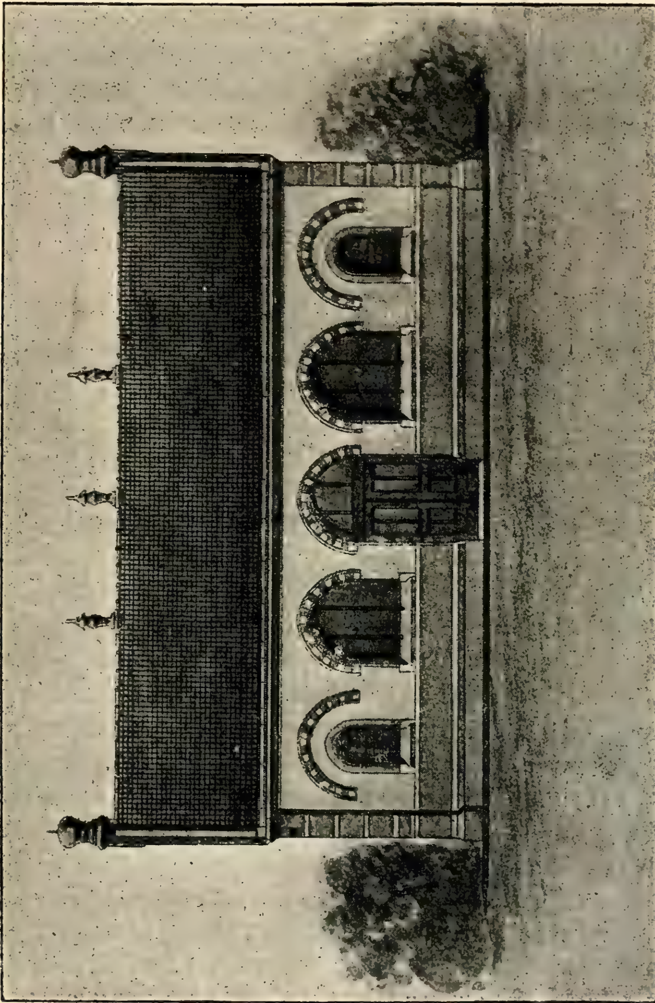
лецъ близъ лежавшей гостиницы, подъ фирмою «Выдра», Бюльзингъ, выразилъ желаніе пріобрѣсти домикъ и заплатилъ за него 200 флориновъ. Онъ сдѣлалъ въ немъ необходимыя поправки и къ кружкѣ для сбора присоединилъ книгу, въ которой посѣтители могли записывать свои имена; но такъ какъ никто уже не нанималъ домика, и онъ отпирался лишь на время осмотровъ, то въ одну ночь кружка была взломана и книга унесена. Тогда Бюльзингъ поселилъ здѣсь сторожа и началъ выдавать за плату входные билеты, стараясь всѣми мѣрами распространить извѣстность домика.

Въ 1808 году король голландскій Людовикъ Бонапартъ намѣревался не только купить домикъ въ собственность государства, но и воздвигнуть въ Заандамѣ, въ память Петра Великаго, обелискъ. По

его распоряженію, былъ составленъ проектъ памятника, представлявшаго высокую дорическую колонну съ пьедесталомъ, на которомъ должны были быть вылѣплены эмблемы, выражавшія цѣль пребыванія русскаго царя въ Заандамѣ, именно: руль, трезубецъ Нептуна и жезлъ Меркурія. Но болѣе важныя дѣла, а затѣмъ отказъ отъ престола, помѣшали Людовику Бонапарту привести свою мысль въ исполненіе.

Въ іюнѣ 1814 года императоръ Александръ I, возвращаясь послѣ занятія Парижа въ Россію черезъ Голландію, посѣтилъ Заандамъ. Еще въ Парижѣ государь говорилъ принцу Оранскому о своемъ желаніи видѣть мѣсто, прославленное трудами Петра Великаго, и потому жители Заандама имѣли время приготовиться къ пріему высокаго гостя. Всѣ дома, фабрики, мельницы, были убраны флагами, вѣнками и гирляндами. Особенное вниманіе было обращено на украшеніе домика и гостиницы, послужившей первымъ пристанищемъ Петру по пріѣздѣ его въ Заандамъ. У входа въ домикъ красовалась надпись: «Для великаго человѣка нѣтъ ничего малаго». На большомъ шлюзѣ были воздвигнуты тріумфальныя ворота, съ аллегорическимъ изображеніемъ мира и надписью: «Александру миротворцу радостный Заандамъ», а по сторонамъ воротъ висѣли два щита; на одномъ было начертано: «Отъ Петра Великаго—честь», а на другомъ: «Отъ Александра Благословеннаго—миръ». Впереди гостиницы, назначенной для пріема государя и покрытой сверху донизу цвѣтами и пальмовыми вѣтвями, были сооружены другія ворота со щитомъ, на которомъ латинскія надписи гласили: «Сей домъ, посѣщенный Петромъ Великимъ, немедленно по прибытіи въ Заандамъ, 18 августа 1697 года, нынѣ радостно открываетъ двери свои Александру великодушному, освободителю Европы, благодѣтелю человѣчества». Вообще, пріемъ, оказанный государю заандамцами, былъ самый теплый и искренній. По осмотрѣ домика принцъ Оранскій предложилъ Александру увѣковѣчить память его пребыванія въ Заандамѣ. Тотчасъ были принесены всѣ нужные для того матеріалы, и государь вставилъ въ трубу печки мраморную доску съ надписью: «Petro Magno Alexander. 1814». Когда принцъ Оранскій выразилъ Александру намѣреніе вставить другую доску, съ надписью въ честь его, онъ отвѣчалъ: «Все и вся Петру Великому; мнѣ ничего. Мое имя не можетъ стать на ряду съ именемъ Петра».—«Мы обязаны воздать вашему величеству должное», настаивалъ принцъ. Къ нему присоединился и губернаторъ, убѣдительно испрашивая дозволенія государя сохранить память о посѣщеніи имъ домика. Александръ уступилъ ихъ желаніямъ, и вскорѣ послѣ его отъѣзда была вставлена

влѣво отъ первой другая доска съ надписью: «Александру Благословенному». При отъѣздѣ государя изъ Заандама, одна изъ тамошнихъ жительницъ поднесла ему искусно сдѣланную модель домика Петра Великаго, а другая—куклу, одѣтую въ такое платье, какое носили заандамскія женщины въ концѣ XVII вѣка.

Каменный чехолъ, построенный надъ домикомъ Петра Великаго въ 1895 году.

Въ 1818 году король голландскій Вильгельмъ I купилъ наконецъ знаменитый домикъ, но уже за 6.000 флориновъ и подарилъ его своей невѣсткѣ, великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, вышедшей въ 1816 году замужъ за принца Оранскаго. Великая княгиня, чтобы сохранить домикъ отъ разрушенія, соорудила надъ нимъ ка-

менный навѣсъ съ открытыми арками, заставлявшимися въ зимнее время ставнями, предохранявшими его отъ вліянія погоды. Однако, несмотря на это, домикъ сильно пострадалъ отъ наводненія, бывшаго въ Заандамѣ въ 1825 году.

Въ 1839 году домикъ посѣтилъ наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II, и въ память своего посѣщенія также вставилъ въ стѣну мраморную доску съ своимъ именемъ и означеніемъ времени—«17-го апрѣля 1839 года». При этомъ случаѣ, сопровождавшій его поэтъ В. А. Жуковскій написалъ на стѣнѣ карандашомъ слѣдующее стихотвореніе:

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

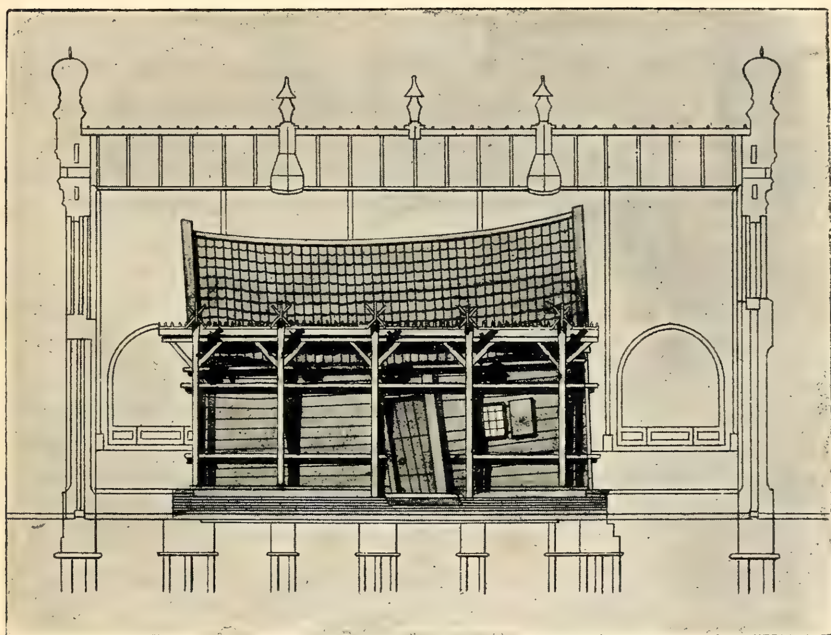
Голландцы сохранили лавку, на которой стоялъ цесаревичъ, когда вставлялъ доску, и серебряную лопаточку, служившую ему при вмазываніи ея. Обѣ эти вещи находятся въ музеѣ въ Гаагѣ. Что касается стиховъ Жуковскаго, то ихъ покрыли лакомъ и прикрыли стекломъ.

По кончинѣ королевы нидерландской Анны Павловны въ 1865 г., домикъ перешелъ къ принцу Генриху Нидерландскому, который велѣлъ соорудить надъ нимъ деревянную, со всѣхъ сторонъ закрытую, постройку. По смерти принца, въ 1879 году, собственникомъ домика сдѣлался король нидерландскій Вильгельмъ III, который, въ 1886 году, подарилъ этотъ историческій памятникъ покойному императору Александру III. По приказанію государя, въ 1890 году, были сдѣланы деревянныя и желѣзныя подпорки, для поддержанія домика съ боковъ, при чемъ весь домикъ былъ поднятъ и поставленъ на каменный фундаментъ, что устранило вліяніе на него сырыхъ, почвенныхъ испареній.

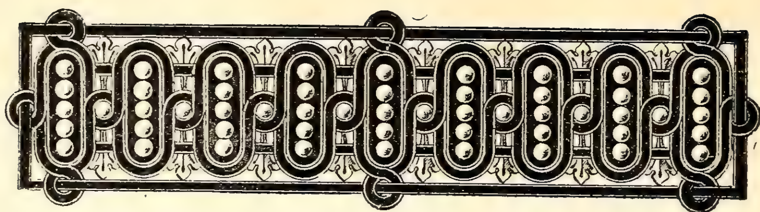
Наконецъ, съ переходомъ домика въ собственность нынѣ царствующаго Государя Императора Николая II, его величеству угодно было повелѣть, въ 1895 году, построить надъ нимъ каменный домъ съ каменной стѣной вокругъ всего мѣста, принадлежащаго къ домику, и тѣмъ на вѣчныя времена сохранить его, какъ отъ вліянія стихійныхъ условій, такъ и отъ пожара, могущаго произойти въ сосѣднихъ постройкахъ.

Въ домикѣ не сохранилось никакихъ вещей времени Петра Великаго. Хотя находящіяся въ чуланѣ нары и выдаются за кровать

царя, а стоящій въ одной изъ комнатъ дубовый столъ и нѣсколько стульевъ за его мебель, но нары такъ коротки, что Петръ, при его ростѣ, никакимъ образомъ не могъ на нихъ лежать, а мебель, по своей отдѣлкѣ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Кромѣ мраморныхъ досокъ, о которыхъ сказано выше, стѣны комнатъ украшены нѣсколькими портретами Петра. Съ боку одного изъ нихъ работы Потмана, 1839 года, изобразившаго царя во весь ростъ, въ одеждѣ голландскаго плотника, прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней словами изъ извѣстной надгробной рѣчи архіепископа Ѳеофана Прокоповича: «Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрыми любимою,—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною,—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною,—славная и быти не престанетъ».

Разрѣзъ каменнаго чехла и наружный видъ домика Петра Великаго въ настоящее время.

Вѣнценосный хирургъ.

Извѣстно, что любознательность Петра Великаго была необычайна. Желая внушить своему народу любовь къ труду, онъ сознательно являлъ ему собою примѣръ энергическаго, неутомимаго и упорнаго въ достиженіи цѣли работника. Въ какой бы сферѣ дѣятельности мы ни стали наблюдать Петра, всюду видимъ, что онъ стремится самолично и основательно изучить всякое дѣло, которое считаетъ полезнымъ. Всѣ, безъ исключенія, отросли знанія интересовали его; но, при этомъ, разумѣется, однѣ изъ нихъ онъ изучалъ по необходимости, другія, чтобы извлечь ту или другую выгоду, и наконецъ, третьи, исключительно, по влеченію своего пытливаго ума. Къ числу послѣднихъ принадлежали анатомія и хирургія. Особенную страсть питалъ Петръ къ хирургіи, занимался ею практически и охотно самъ дѣлалъ самыя разнообразныя операціи.

Въ первый разъ страсть его обнаружилась въ Амстердамѣ, въ 1698 году, при посѣщеніи имъ анатомическаго кабинета знаменитаго тогда ученаго, Фридриха Рюйша, достигшаго удивительнаго совершенства въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ. Петръ пришелъ въ такой восторгъ, что поцѣловалъ трупъ четырехлѣтней дѣвочки, сохраненной съ такимъ поразительнымъ искусствомъ, что застывшая на губахъ ея улыбка дѣлала этотъ препаратъ какъ бы живымъ. Одинъ изъ спутниковъ царя занесъ въ свой дневникъ слѣдующее описаніе музея Рюйша:

«Видѣлъ у доктора анатоміи кости, жилы, мозгъ человѣческій, тѣла младенческія и какъ зачинается во чревѣ и какъ родится; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень, и вся внутренняя разная: и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки, и жила та, на которой легкое живетъ, подобно, какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ; видѣлъ 50 тѣлесъ младенскихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ же, какъ мужеское и женское (тѣла) четырехъ лѣтъ возроста нетлѣнны: и кровь знать, и глаза цѣлы, и тѣла мягки, а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго пола внутреннее: сердце, печень, кишки, желудокъ,—все нетлѣнно. Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще барабанной, которая на мозгу у человѣка живетъ, вся въ жилахъ; косточки маленькія, будто молоточки, которыя въ ушахъ. Животныя мелкія отъ многихъ лѣтъ собранныя и нетлѣнны въ спиртусахъ; мартышки и звѣри индѣйскіе маленькіе, и змѣи предивные, и лягушки, и рыбы многія дивныя, и птицы разныя, зѣло дивны, и крокодилы, се змѣи съ ногами, голова долга, и змѣи о двухъ головахъ; тутъ же жуки предивныя и бабочки зѣло великія», и т. д.

Петръ нѣсколько разъ съ величайшимъ интересомъ осматривалъ музей Рюйша, сблизился съ этимъ знаменитымъ ученымъ, запросто приходилъ къ нему обѣдать, чтобы свободнѣе бесѣдовать съ нимъ, и часто присутствовалъ на его лекціяхъ анатоміи. Когда въ больницѣ св. Петра, которою завѣдывалъ Рюйшъ, оказывались трудные больные, государь непремѣнно сопровождалъ его и внимательно слѣдилъ за производимыми имъ операціями.

Въ это же прибываніе свое въ Амстердамѣ, Петръ, проходя однажды по базарной площади, замѣтилъ небольшую толпу людей, и, приблизившись, увидѣлъ среди нея какого-то странствующаго фельдшера, съ особенною ловкостью выдергивавшаго желающимъ гнилые зубы, употребляя для этого самые простые инструменты. Государь долго любовался его искусствомъ и, какъ только паціенты разошлись, увелъ зубодера въ ближайшую таверну, угостилъ его и уговорилъ, чтобы тотъ выучилъ его, за извѣстную плату, своему мастерству. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, Петръ отлично усвоилъ себѣ всѣ пріемы учителя, сталъ постоянно носить въ карманѣ небольшой футляръ съ хирургическими инструментами и, какъ только узнавалъ, что у кого-нибудь болитъ зубъ,—тотчасъ являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ. Такъ, заѣхавъ разъ къ купцу Тамсену и увидѣвъ, что у отворившей ему двери долговязой голландки подвязана щека, почти насильно усадилъ ее на стулъ и, осмо-

трѣвъ ротъ, немедленно выдернулъ испорченный зубъ. Въ Кунсткамерѣ до сихъ поръ хранится небольшой мѣшокъ съ зубами, собственноручно выдернутыми у разныхъ лицъ государемъ. Иногда даже онъ принималъ на себя роль дантиста съ цѣлью наказать виновныхъ, или укротить строптивыхъ. По этому поводу существуетъ одинъ, вполнѣ достовѣрный, анекдотъ.

Камердинеръ государя Полубояровъ женился на дѣвушкѣ, которой вовсе не нравился. Она была вынуждена выдти за него замужъ, потому что этого брака желалъ самъ Петръ, да и родные считали такую партію очень выгодною. Послѣ свадьбы государь замѣтилъ, что Полубояровъ ходитъ постоянно пасмурный и озабоченный, и спросилъ его о причинѣ. Полубояровъ признался, что жена упорно уклоняется отъ его ласкъ, отговариваясь зубною болью.—«Добро», сказалъ Петръ, «я ее поучу». На другой день, когда Полубояровъ находился на службѣ во дворцѣ, государь неожиданно зашелъ къ нему на квартиру, позвалъ его жену и спросилъ ее: «Я слышалъ, что у тебя болитъ зубъ?»—«Нѣтъ, государь», отвѣчала молодая женщина, трепетавшая отъ страха, «я здорова».—«Я вижу, ты трусишь», сказалъ Петръ: «ничего, садись вотъ на этотъ стулъ, поближе къ свѣту». Полубоярова, опасаясь царскаго гнѣва, не посмѣла возражать и безмолвно повиновалась. Петръ выдернулъ ей здоровый зубъ и ласково замѣтилъ: «Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, инако будетъ безъ зубовъ». Вернувшись во дворецъ, государь позвалъ Полубоярова и, усмѣхаясь, сказалъ ему: «Поди къ женѣ; я вылечилъ ее; теперь она ослушна тебѣ не будетъ».

Любовь Петра къ хирургіи была такъ сильна, что всякій разъ, когда въ госпиталяхъ предстояла какая-нибудь важная операція, врачи были обязаны предварительно доносить ему объ этомъ. Государь почти всегда пріѣзжалъ въ сопровожденіи престарѣлаго, но опытнаго хирурга, доктора Термонта, и часто являлся не только зрителемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. Подъ руководствомъ Термонта, онъ пріобрѣлъ большой навыкъ методически разсѣкать трупы, пускать кровь, вскрывать нарывы, дѣлать хирургическіе прорѣзы и перевязывать раны. Въ дневникѣ голштинскаго камеръюнкера Берхгольца, жившаго въ Петербургѣ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, есть указаніе на двѣ трудныя операціи, сдѣланныя самимъ государемъ. Такъ, у богатаго полотнянаго фабриканта Тамсена, о которомъ упомянуто выше и который пользовался особеннымъ расположеніемъ Петра, появилась большая опухоль въ паху, очень его мучившая. Созванные врачи находили

операцію опасною, но государь, присутствовавшій на консиліумѣ, взялъ ножъ и смѣлою рукой разрѣзалъ опухоль, оказавшуюся, какъ онъ вѣрно опредѣлилъ, гноевидной. Тамсенъ, къ величайшему удовольствію оператора, очень скоро выздоровѣлъ. Въ другой разъ Петръ уговорилъ жену купца Борсте, страдавшую водянкою, позволить ему выпустить изъ нея воду. Онъ даже употребилъ при этомъ

Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ.

Съ гравюры Свистунова.

нѣкоторое насиліе и не мало гордился тѣмъ, что ему посчастливилось выпустить изъ больной болѣе 20 фунтовъ воды, тогда какъ, при попыткѣ одного англичанина-оператора, показалась только кровь. Больная получила облегченіе, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно; операція, хотя и весьма искусно сдѣланная, не спасла ей жизни. Она умерла черезъ десять дней. Государь присутствовалъ на ея похоронахъ и шелъ за гробомъ до кладбища, желая такимъ

образомъ почтить память страдалицы, болѣзнь которой старался облегчить.

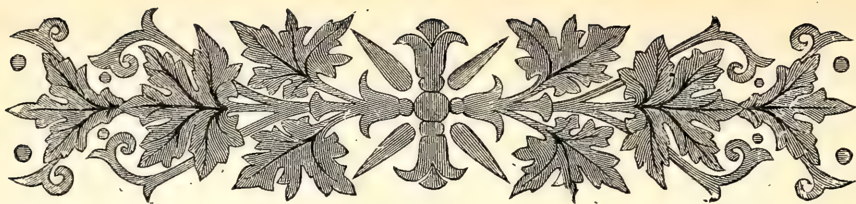
Въ 1717 году, въ бытность свою въ Парижѣ, услышавъ разсказы объ искусствѣ извѣстнаго въ то время окулиста доктора Воолгюйза, Петръ выразилъ желаніе, чтобы онъ произвелъ при немъ какую-нибудь операцію. Былъ отысканъ шестидесятилѣтній инвалидъ, имѣвшій на глазахъ бѣльмы. Въ присутствіи государя, въ его помѣщеніи, въ Hôtel Lesguidières, Воолгюйзъ съ успѣхомъ выдавилъ (per depressionem) бѣльма, при чемъ Петръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ловкаго окулиста.

Понятно, что при такомъ влеченіи къ медицинѣ, Петръ Великій обращалъ особенное вниманіе на развитіе врачебнаго искусства въ Россіи. Въ 1706 году, въ Москвѣ учрежденъ первый военный госпиталь и при немъ хирургическое училище, анатомическій театръ и ботаническій садъ, въ которомъ самъ государь садилъ различныя растенія. Въ этомъ же году учреждены казенныя аптеки: въ Петербургѣ, Казани, Глуховѣ, Ригѣ и Ревелѣ. Въ 1712 году, устроенъ инвалидный госпиталь для престарѣлыхъ воиновъ и богадѣльня для бѣдныхъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Екатеринбургѣ, Ревелѣ и Ригѣ, на что ассигновано ежегодно по 15 тысячъ рублей. Въ 1714 году заведенъ въ Петербургѣ ботаническій садъ. Въ 1715 году, учреждены въ Петербургѣ госпитали: сухопутный и морской на Выборгской сторонѣ. При этихъ госпиталяхъ, подобно тому, какъ въ Москвѣ, учреждены хирургическія училища, въ которыхъ, на казенный счетъ, обучались медицинѣ 50 питомцевъ, чтобы со временемъ сдѣлаться лекарями. Для облегченія въ изученіи медицины, Петръ приказалъ переводить и печатать разныя медицинскія сочиненія. Въ 1707 году, аптекарскій приказъ переименованъ въ медицинскую канцелярію, которая въ 1712 году переведена въ Петербургъ; на содержаніе ея, покупку врачебныхъ матеріаловъ и жалованье врачамъ ассигновано по 50 тысячъ рублей въ годъ. Въ 1717 году повелѣно озаботиться пріисканіемъ въ Россіи минеральныхъ источниковъ. Открытыя раньше Липецкія и Олонецкія желѣзныя воды получили должное устройство.

Петръ неоднократно пытался, черезъ своего лейбъ-медика Арескина, склонить Рюйша къ открытію тайны—какимъ образомъ онъ приготовляетъ свои превосходные анатомическіе препараты и бальзамируетъ трупы. Но переговоры эти не имѣли успѣха, потому что Рюйшъ просилъ за свой секретъ огромную сумму—50 тысячъ гульденовъ. Во вторую поѣздку свою за границу, въ 1717 году, государю удалось пріобрѣсти у Рюйша его музей за 30 тысячъ гуль-

деновъ, при чемъ старикъ, подъ клятвою молчанія, открылъ Петру свою тайну. Впослѣдствіи, по смерти Рюйша, государь сообщилъ ее лейбъ-медику Блументросту. Почти одновременно съ покупкой Рюйшева кабинета, Петръ купилъ, въ Амстердамѣ же, за 10 тысячъ гульденовъ, у аптекаря Альберта Себа, не менѣе рѣдкое и многочисленное собраніе всѣхъ извѣстныхъ водяныхъ и земныхъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ изъ Остъ и Вестъ-Индіи. Эти два богатѣйшія собранія послужили основаніемъ естественному кабинету при Академіи Наукъ.

Императорскій титулъ.

Ништадтскій миръ, завершившій, такъ называемую, «Сѣверную» войну, продолжавшуюся 21 годъ, составляетъ, безспорно, одно изъ величайшихъ событій царствованія Петра Великаго. Съ этимъ миромъ, по мѣткому замѣчанію С. М. Соловьева, кончился степной, восточный періодъ русской исторіи, и начался новый—морской, западный. Впервые славяне, послѣ обычнаго отступленія своего передъ германскими племенами на востокъ, къ степямъ, повернули на западъ и отвоевали у нѣмцевъ часть береговъ Балтійскаго моря, которое чуть было не сдѣлалось нѣмецкимъ озеромъ. Но этимъ не ограничивается значеніе великаго событія. Швеція потеряла на сѣверо-востокѣ свое первенствующее положеніе, которое заняла Россія,—держава новая, не участвовавшая прежде въ общеевропейской жизни и теперь приносившая европейской исторіи цѣлый новый міръ отношеній, держава громаднѣйшая, границы которой простирались до Восточнаго океана и сходились съ границами Серединной имперіи, держава, принадлежащая къ Восточной церкви, естественная представительница славянскихъ племенъ и защитница народовъ греческаго исповѣданія. Давно исторія не видала явленія, болѣе обильнаго послѣдствіями. Сѣверная война была начата московскимъ государствомъ и закончена Россійской имперіей. Блистательный для Россіи Ништадтскій миръ измѣнилъ положеніе Европы: подлѣ Западной Европы, для общей дѣятельности съ нею, явилась новая Европа—восточная, что тотчасъ же отразилось на всемъ европейскомъ организмѣ—отозвалось всюду, отъ

Швеціи до Испаніи. Напряженныя усилія и тяжкія пожертвованія, принесенныя русскимъ народомъ для великихъ цѣлей, указанныхъ великимъ монархомъ, были вознаграждены небывалой славой, неожиданными выгодами. Легко понять, какое чувство овладѣло русскими людьми при извѣстіи о заключеніи Ништадтскаго мира.

Петръ Великій получилъ донесеніе отъ своихъ уполномоченныхъ, Брюса и Остермана, о подписаніи мирнаго договора со Швеціей, 4-го сентября 1721 года, во время морской поѣздки своей въ Выборгъ. У Лисьяго Носа его встрѣтилъ курьеръ Обрѣзковъ и передалъ ему радостную вѣсть. Государь тотчасъ повернулъ обратно въ Петербургъ, подъѣзжая къ которому велѣлъ ежеминутно стрѣлять изъ трехъ пушекъ, находившихся на его яхтѣ, а трубачу неумолчно трубить. На эти необычайные сигналы къ Троицкой пристани поспѣшно и въ недоумѣніи начинаютъ собираться вельможи и народъ. Петръ, подъѣзжая, машетъ платкомъ и кричитъ: «миръ! миръ!» Ему отвѣчаютъ восторженными криками. Приказавъ начать пальбу съ Петропавловской крѣпости и Адмиралтейства и немедленно разослать герольдовъ по городу для объявленія о совершившемся событіи, государь, въ сопровожденіи собравшихся, направляется въ Троицкій соборъ и велитъ служить благодарственный молебенъ. Между тѣмъ, на Троицкой площади спѣшно готовятъ возвышенное мѣсто, ставятъ бочки съ виномъ и пивомъ. Скоро вся площадь сплошь покрывается народомъ. По окончаніи молебна государь выходитъ изъ собора, поднимается на возвышеніе и говоритъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый, вѣчный миръ!» Сказавъ это, Петръ зачерпнулъ въ одной изъ бочекъ ковшъ вина, повторилъ: «Здравствуйте, православные!» и выпилъ. Народъ радостно кричитъ: «Ура! Да здравствуетъ государь!» Многіе плачутъ. Петръ самъ растроганъ, въ глазахъ его видны слезы...

Офиціальное празднованіе было отложено до 22-го октября, и къ этому времени должны были вернуться въ Петербургъ войска изъ Финляндіи и другихъ мѣстъ. Наканунѣ этого дня Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и объявилъ, что въ знакъ благодарности за милость Божію даетъ прощеніе всѣмъ преступникамъ, кромѣ разбойниковъ и святотатцевъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ и слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны до 1718 года. По отбытіи государя, сенатъ единогласно постановилъ поднести ему титулъ Императора, Отца Отечества и Великаго. О

своемъ рѣшеніи сенаторы немедленно сообщили святѣйшему синоду, который вполнѣ его одобрилъ. Тогда сенатъ, въ полномъ составѣ, отправился къ государю и вручилъ ему свое постановленіе, подписанное сенаторами: графомъ Головкинымъ, графомъ Апраксинымъ, княземъ Д. Голицинымъ, барономъ Шафировымъ, А. Меншиковымъ, княземъ Г. Долгорукимъ, П. Толстымъ, княземъ Д. Кантемиромъ и А. Матвѣевымъ. Постановленіе это было слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій государь! Понеже труды вашего величества въ произведеніи нашего отечества и подданнаго вашего всероссійскаго народа всему свѣту извѣстны, того ради, хотя мы вѣдаемъ, что вашему величеству, яко самодержцу, вся принадлежитъ, однакожъ въ показаніе и знакъ нашего истиннаго признанія, что весь подданный вашъ народъ ничѣмъ инымъ, кромѣ единыхъ вашихъ неусыпныхъ попеченій и трудовъ объ ономъ, и съ ущербомъ дражайшаго здравія вашего положенныхъ, на такую степень благополучія и славы въ свѣтѣ произведенъ есть, помыслили мы, съ прикладу древнихъ, особливо же римскаго и греческаго народа, дерзновеніе воспріять,—въ день торжества и объявленія заключеннаго оными вашего величества трудами всей Россіи толь славнаго и благополучнаго мира, по прочитаніи трактата онаго въ церкви, по нашемъ всеподданнѣйшемъ благодареніи за исходатайствованіе онаго мира, принесть свое прошеніе къ вамъ публично, дабы изволили принять отъ насъ, яко отъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, въ благодареніе титулъ Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго, какъ обыкновенно отъ римскаго сената за знатныя дѣла императоровъ ихъ такіе титулы публично имъ въ даръ приношены и на статутахъ для памяти въ вѣчные роды подписываны. Святѣйшій синодъ въ томъ съ нами согласенъ, и тако токмо ожидаемъ обще отъ вашего величества милостиваго намъ невозбраненія».

22-го октября Петръ, вся царская фамилія и вельможи прибыли къ обѣднѣ въ Троицкій соборъ. По окончаніи службы, прочитанъ съ амвона ратификованный мирный трактатъ. Затѣмъ, архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ краснорѣчивую проповѣдь, въ которой, изобразивъ всѣ труды, мудрыя распоряженія и благодѣянія государя, на пользу его подданныхъ, въ продолженіе всего царствованія, и особенно въ минувшую войну, приглашалъ ихъ воздать монарху дань признательности, достойную увѣковѣчить настоящій достопамятный день. Тогда изъ толпы вельможъ выдвигаются сенаторы, во главѣ съ канцлеромъ, графомъ Головкинымъ, который говоритъ слѣдующую рѣчь:

Петръ Великій объявляетъ народу о заключеніи Ништадтскаго мира.

Съ картины художника Сафонова.

«Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо едиными вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ, мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатрѣ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены: и того ради какъ мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожъ, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, именемъ всего Всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молить, да благоволите отъ насъ, въ знакъ нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, императора Всероссійскаго приняти. Виватъ, виватъ, виватъ, Петръ Великій, Отецъ Отечества, императоръ Всероссійскій»!

Сенаторы и присутствовавшіе въ храмѣ трижды прокричали: «виватъ», а за ними повторилъ этотъ крикъ народъ, толпившійся внѣ церкви. Зазвучали литавры и барабаны, загудѣлъ колокольный звонъ и загрохотала съ крѣпости, Адмиралтейства и флота пушечная пальба, сливаясь съ ружейною двадцати полковъ, стоявшихъ парадомъ на Троицкой площади. Когда все успокоилось, Петръ взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ:

«Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить. Однакоже, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который намъ Богъ передъ очьми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ».

Сенаторы благодарили государя, пѣвчіе запѣли: «Тебѣ Бога хвалимъ», а затѣмъ митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій совершилъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, послѣ чего снова раздалась пальба и музыка. Петръ вышелъ изъ собора и направился въ сенатъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ на тысячу человѣкъ. Народъ, заливавшій площадь, бросился къ государю, хваталъ его за руки, за полы кафтана, цѣловалъ ихъ. Восторгъ былъ общій и не поддающійся описанію.

Зданіе сената была драпировано внутри, по стѣнамъ, сукномъ. Здѣсь императора поздравили дамы, разодѣтыя въ самые богатые наряды. Князь Меншиковъ прочиталъ высочайшій указъ о про-

изводствахъ по арміи, а адмиралъ графъ Апраксинъ—по флоту; послѣ нихъ, оберъ-секретарь сената объявилъ о наградахъ и повышеніяхъ уполномоченнымъ на мирномъ конгрессѣ и другимъ лицамъ. Въ сенатскихъ залахъ было накрыто сорокъ восемь столовъ, за которыми не осталось ни одного свободнаго мѣста. Государь обѣдалъ въ большой аудіенцъ-залѣ, а императрица въ сосѣдней комнатѣ. На Екатеринѣ было красное платье, обшитое серебромъ, и драгоцѣнный головной уборъ; на цесаревнахъ—бѣлыя платья, обшитыя золотомъ и серебромъ; волосы ихъ были унизаны разноцвѣтными каменьями. Императрицѣ прислуживали два камеръ-юнкера, а третій стоялъ передъ столомъ и разрѣзывалъ кушанья. За стульями цесаревенъ стояли только ихъ гувернантки. По правую сторону Петра сидѣлъ герцогъ Голштинскій, а по лѣвую—князь Меншиковъ; остальные вельможи и иностранные послы размѣстились, какъ пришлось. Первый тостъ—въ честь заключеннаго мира—провозглашенъ государемъ при звукахъ литавръ и трубъ. Обѣдъ еще продолжался, когда Петръ всталъ изъ-за стола и удалился на свою яхту, чтобы, по обыкновенію, отдохнуть. Уходя, онъ приказалъ всѣмъ оставаться и не уѣзжать безъ его разрѣшенія. По окончаніи обѣда, столы были вынесены, и начались танцы, продолжавшіеся до темноты. Государь, вернувшійся съ яхты послѣ довольно долгаго отдыха, только изрѣдка появлялся въ залѣ, гдѣ происходили танцы, оставаясь, большею частью, внизу, потому что распорядитель приготовленнаго фейерверка сильно подвыпилъ за обѣдомъ, и Петръ, не надѣясь на него, самъ заботился о всемъ. Въ девять часовъ присутствовавшіе были приглашены къ нарочно выставленнымъ окнамъ смотрѣть фейерверкъ. Онъ удался прекрасно и заслуживаетъ описанія, такъ какъ былъ составленъ по указаніямъ и при участіи государя.

Сперва взорамъ зрителей представилось большое зданіе, изображавшее храмъ Януса. Оно было открыто, и внутри его виднѣлся, въ голубомъ огнѣ, старый Янусъ, державшій въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь. Немного спустя, съ обѣихъ сторонъ показались два вооруженныхъ и коронованныхъ рыцаря; на щитѣ одного изъ нихъ былъ изображенъ двуглавый орелъ, а на щитѣ другого три короны. Когда они приблизились къ открытымъ дверямъ храма и прикоснулись къ нимъ, двери начали постепенно затворяться, послѣ чего рыцари сошлись и подали другъ другу руки. Пока горѣло изображеніе храма и самого Януса, стоявшаго на высокомъ пьедесталѣ и окруженнаго разными арматурами, народу былъ отданъ жареный быкъ, лежа-

вшій вблизи храма на возвышеніи о шести ступеняхъ, со свободнымъ со всѣхъ сторонъ проходомъ. Государь самъ отрѣзалъ отъ быка первый кусокъ и попробовалъ, послѣ чего солдаты въ мигъ разорвали его на сотни частей. Тотъ, кому достались золоченые рога, получилъ денежную награду. Въ то же время были открыты устроенные съ обѣихъ сторонъ фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, охраняемые, для порядка, стражею. Едва двери храма совсѣмъ затворились, въ знакъ заключеннаго мира, какъ раздались сперва звуки множества трубъ, литавръ и барабановъ, потомъ была пущена ракета,—и разомъ загрохотали сотни пушечныхъ выстрѣловъ, смѣшиваясь съ ружейнымъ огнемъ и звономъ колоколовъ. «Огонь съ крѣпости, Адмиралтейства и стоявшихъ на Невѣ судовъ, былъ такъ великъ», говоритъ очевидецъ, «что все казалось объятымъ пламенемъ, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться». Послѣ того, направо отъ храма, горѣлъ большой и высоко поставленный щитъ, на которомъ было изображено Правосудіе, попирающее ногами двухъ фурій; послѣднія представляли недоброжелателей и ненавистниковъ Россіи, а надъ всею эмблемою красовалась русская надпись: «всегда побѣдитъ». Затѣмъ зажгли, съ лѣвой стороны, другой щитъ, на которомъ изображался плывущій по морю и входящій въ пристань корабль, съ латинской надписью: «finis coronat opus» (конецъ увѣнчалъ дѣло). Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ красовались двѣ пирамиды изъ такого прекраснаго бѣлаго огня, что казались сдѣланными изъ брильянтовъ. На каждой изъ нихъ сверху сіяла звѣзда изъ такого же огня. Потомъ зажгли еще двѣ пирамиды со швермерами, и въ то же время пустили множество воздушныхъ шаровъ, огромныхъ ракетъ, бураковъ, открыли огненные фонтаны, колеса и проч., огонь которыхъ не прерывался въ продолженіе двухъ часовъ. Наконецъ, на водѣ, было пущено нѣсколько фигуръ изъ голубого и бѣлаго огня, вмѣстѣ со множествомъ водяныхъ шаровъ, дукеровъ, водяныхъ швермеровъ и другихъ огней.

Фейерверкъ окончился около двѣнадцати часовъ ночи. Государь, все время хлопотавшій около фейерверка, возвратился опять въ залъ сената, гдѣ снова начались поздравленія при тостахъ изъ большихъ кубковъ съ превосходнымъ венгерскимъ и другими винами, что продолжалось до трехъ часовъ утра, когда всѣ стали разъѣзжаться, а многихъ пришлось увезти.

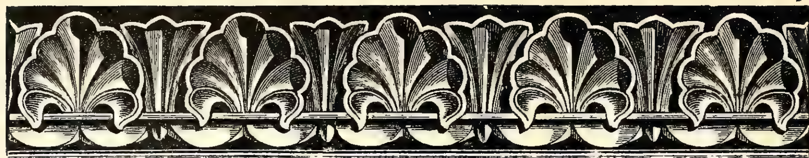
Такимъ образомъ былъ отпразднованъ лучшій день въ жизни Петра, увѣковѣченный золотыми медалями, розданными участникамъ торжества. На лицевой сторонѣ медалей былъ изображенъ на

морѣ корабль и надъ нимъ голубь съ масличною вѣтвью во рту; по сторонамъ моря высились города Петербургъ и Стокгольмъ, а между ними радуга съ надписями: «союзомъ мира связуемы» и «въ Нейштатѣ по потопѣ Сѣверныя войны 1721». На оборотной сторонѣ были вычеканены слѣдующія слова: «В. И. В. Щ. Государю Петру I, именемъ и дѣлами предивными Великому, Россійскому Императору и Отцу, по двадесятилѣтнихъ тріумфахъ Сѣверъ умирившему, сія изъ злата домашняго медаль усерднѣйше приносится».

Теперь остается сказать, какъ отнеслась Европа къ возникновенію на Востокѣ новой имперіи.

Пруссія и Голландія немедленно признали новый титулъ русскаго царя; но не такъ поступили другія державы. Въ Вѣнѣ, когда нашъ посланникъ Ланчинскій, въ торжественной аудіенціи, заявилъ императору о принятіи Петромъ императорскаго титула, Карлъ VI пробормоталъ какія-то невнятныя слова, а канцлеръ и другіе министры, подъ разными предлогами, уклонились дать прямой отвѣтъ. Во Франціи, регентъ Филиппъ Орлеанскій сказалъ нашему послу, князю Долгорукову: «Если бы это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе его величества; но дѣло такой важности, что надо о немъ подумать». Въ Польшѣ отвѣчали, что согласны признать новый титулъ только подъ условіемъ, чтобы Петръ письменно обязался за себя и своихъ преемниковъ не имѣть никакихъ притязаній на русскія области, находящіяся подъ польскимъ владычествомъ. Данія соглашалась признать Петра императоромъ съ условіемъ гарантіи Шлезвига, или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога Голштинскаго изъ Россіи. Со стороны остальныхъ державъ также встрѣтились разныя затрудненія и проволочки. Приходилось оставить ихъ въ покоѣ и предоставить обстоятельствамъ выяснить все значеніе и могущество Россіи. Оно такъ и случилось: скоро Европа должна была примириться съ совершившимся фактомъ—созданіемъ Всероссійской имперіи. Признаніе новаго титула состоялось со стороны Швеціи въ 1723 г., Турціи въ 1739 г., Англіи и Австріи въ 1742 г., Франціи и Испаніи въ 1745 г. и, наконецъ, Польши въ 1764 г.

Первые балы въ Россіи.

До ПЕТРА ВЕЛИКАГО въ высшемъ слоѣ русскаго общества не существовало почти никакихъ увеселеній. Это общество воспитывалось подъ неусыпнымъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, не только запрещавшаго, но и проклинавшаго всѣ лучшія стороны человѣческаго развитія. Аскетизмъ объявлялъ свободную науку—ересью; творчество—соблазномъ; музыку, пѣніе, пляску и т. п.—«хульной потѣхой» и «богомерзкимъ дѣломъ». Духовная проповѣдь, ставя идеаломъ жизни суровое монашество, по принципу отрицала всякую мірскую «прелесть», всякія житейскія наслажденія и радости, противопоставляя имъ смиреніе, постъ и молитву, какъ существенное средство для достиженія загробнаго блаженства. Сперва лишь церковь, съ амвона, въ «учительскихъ грамотахъ», «памятяхъ» и «посланіяхъ» гремѣла противъ «игрищъ», пѣсенъ, плясокъ и т. п., а потомъ къ ней присоединилась и государственная власть, издавшая рядъ запретительныхъ указовъ относительно всякаго рода мірскихъ удовольствій. Понятно, что при такихъ условіяхъ, при полномъ разобщеніи женщинъ и мужчинъ, развлеченія нашихъ предковъ были весьма ограничены и не выходили за предѣлы комнатныхъ забавъ. Жизнь боярской семьи, втиснутая въ узкую рамку, строго подчиненная установленнымъ правиламъ и порядкамъ, текла по разъ навсегда указанному руслу, не смѣя уклоняться въ сторону.

Подчиняясь обычаю, аристократъ до-петровскаго времени уединялъ, обыкновенно, жену и дочерей своихъ въ особый теремъ, окру-

жалъ ихъ доступною ему роскошью и затѣмъ жилъ какъ бы отдѣльно отъ нихъ, даже рѣдко встрѣчаясь съ ними въ самомъ домашнемъ быту, и мало былъ знакомъ съ прелестями семейной жизни. Такая отчужденность вносила въ его характеръ и привычки нѣкоторую черствость и грубость и вынуждала его окружать себя, для развлеченія, разнообразнымъ людомъ, наполнявшимъ барскія хоромы, жившимъ на счетъ хозяина и составлявшимъ его постоянный, домашній кругъ.

Среди этого люда первое мѣсто занимали бѣдные дворяне, называвшіеся «знакомцами»; они всегда дѣлили досугъ и трапезу знатнаго боярина, шли передъ нимъ, когда онъ выѣзжалъ куда-нибудь и, составляя его охранную стражу, всюду принимались съ нимъ вмѣстѣ и чествовались, какъ гости. Второе мѣсто занималъ шутъ, являвшійся, такъ сказать, источникомъ вседневной утѣхи каждой богатой семьи; на обязанности его лежало возбуждать смѣхъ, веселость, и онъ достигалъ этой цѣли или острыми, или пошлыми, но всегда необычайными словами и поступками, при чемъ самый грязный цинизмъ былъ здѣсь не только умѣстенъ, но и заслуживалъ общее одобреніе. За шутомъ слѣдовали бахирь, или сказочникъ, домрачеи и гусельники. Бахирь разсказывалъ разныя сказки, были и небылицы; домрачеи пѣли пѣсни, былины, духовные стихи, подыгрывая на струнномъ инструментѣ, похожемъ на гитару и называвшемся домрой; гусельники забавляли слушателей игрой на гусляхъ. Иногда являлись скоморохи, скитавшіеся, большею частью, артелями и состоявшіе изъ всякаго рода «умѣльцевъ», музыкантовъ, «глумотворцевъ», «шпыней», плясуновъ и т. п. Несмотря на преслѣдованіе, скоморохи умѣли обманывать бдительность властей, и ворота боярскихъ домовъ радушно растворялись передъ ними, такъ какъ естественная потребность въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ чувствовалась всѣми. Челядь въ боярскихъ домахъ была всегда многочисленная. Дворецкій и конюшій считались старшими лицами мужской прислуги, а няня распоряжалась женскою, т. е. разными мамушками, сѣнными дѣвушками и т. п. и вѣдала все домовое хозяйство.

Обыкновенно, день знатнаго боярина проходилъ слѣдующимъ образомъ: онъ покидалъ свой теплый пуховикъ при первомъ звукѣ колокола, въ который пономарь, а зачастую какой-нибудь любитель, начиналъ «клепать» къ заутрени, и спѣшилъ въ церковь. Отстоявъ тамъ заутреню и раннюю обѣдню, онъ возвращался домой, пилъ сбитень съ калачомъ, или приказывалъ подать себѣ «взварецъ» изъ наливокъ съ клюквою и малиною. Потомъ обла-

чался въ бархатный, или объяренный кафтанъ, узкій и длинный, съ пуговицами и стоячимъ воротникомъ, вышитый золотомъ, жемчугомъ, даже драгоцѣнными каменьями, опоясывался дорогимъ кушакомъ, изъ-за котораго всегда торчалъ ножъ или кинжалъ; надѣвалъ длинный «охабень», отдѣланный жемчугомъ, набрасывалъ въ непогоду «корзнъ», родъ плаща или епанчи, а въ морозы соболью шубу, нахлобучивалъ на голову высокую мѣховую шапку и отправлялся въ сопровожденіи «знакомцевъ» на службу или во дворецъ, или въ одинъ изъ приказовъ. Къ одиннадцати часамъ служебныя занятія того времени оканчивались, и бояринъ пріѣзжалъ домой, гдѣ его уже ожидалъ обѣдъ, заказанный и снаряженный домовою хозяйкою—нянею. Переодѣвшись въ рубаху съ косымъ воротомъ, вышитымъ шелками, въ широкое исподнее платье изъ чернаго плиса или цвѣтного атласа и легкое шелковое полукафтанье безъ рукавовъ, замѣнивъ мѣховую шапку на головѣ скуфейкой, бояринъ садился обѣдать. Кромѣ обычныхъ «знакомцевъ» и любимаго шута, за столомъ хлѣбосольнаго хозяина находили мѣсто всѣ случавшіеся при этомъ посторонніе люди. Освященное временемъ, русское гостепріимство было одинаково для званнаго и незваннаго, и боярская спесь не различала, въ обѣденный часъ, знатнаго отъ незнатнаго. Кушанья, раздѣленныя на «статьи», въ каждой по нѣсколько перемѣнъ, приносились всѣ разомъ, во множествѣ, и ставились на столъ, хотя бы обѣдающихъ было всего двое. Вино подносилось за каждымъ блюдомъ. Послѣ обѣда бояринъ ложился отдохнуть, и сказочникъ, присѣвъ въ ногахъ господской постели, тихимъ и мѣрнымъ голосомъ начиналъ свой разсказъ. Изрядно отдохнувъ, бояринъ выходилъ въ молельню, гдѣ слушалъ вечерню, для чего почти всегда содержался домовый священникъ, а затѣмъ отправлялся въ гости, или, если оставался дома и не было никого постороннихъ, забавлялся со своими шутами, читалъ священное писаніе, слушалъ домрачея или гусляра, или игралъ въ шахматы и шашки съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ; иногда уходилъ къ женѣ и дочерямъ и тамъ попивалъ медъ, развлекаясь сплетнями мамъ и разсказами разныхъ странницъ и монахинь. При посѣтителяхъ, домъ до-петровскаго аристократа, обыкновенно чинный, какъ монастырь, оживлялся. Самъ бояринъ, съ виду недоступный, дѣлался радушнымъ и привѣтливымъ хозяиномъ. Тяжеловѣсные серебряные кубки покидали поставцы и являлись на столъ, золоченые ковши двигались неутомимо, старинные меда и заморская романея расходовались усердно. Господскіе шуты острили и кривлялись къ общему удовольствію гостей. Старая безобразная дура, разряженная какъ

восемнадцатилѣтняя дѣвушка, неистово вертѣлась и кричала подъ аккомпаниментъ балалайки, гудка или волынки. Въ одномъ углу полупьяные любители слушали гуслиста и восторгались до слезъ; въ другомъ—играли въ зернь и, азартно бросая костями, передвигали по столу пригоршнями ефимки... Собраніе расходилось иногда очень поздно, около полуночи. Поднимаясь домой, захмелѣвшіе гости, пошатываясь, направлялись къ красному углу, молились передъ образомъ, потомъ кланялись хозяину, лобызали его и выпроваживались имъ на крыльцо, а почетнѣйшіе—до самыхъ воротъ, за которыми, на улицѣ, дрогли кони посѣтителей и стояли ихъ экипажи: изъ уваженія къ знатному хозяину, ни одинъ гость не въѣзжалъ на его дворъ. Обществу, въ которомъ были заглушены всякія умственныя и поэтическія стремленія и инстинкты, у котораго были отняты обычныя средства веселости, нельзя было удержаться отъ злоупотребленія единственной узаконенной веселостью—питіемъ, и потому пиры кончались нерѣдко безобразными сценами, ссорами и даже кровавыми драками.

Женская половина до-петровской аристократіи мало участвовала во всемъ, что такъ или иначе наполняло жизнь мужчинъ. Затворничество русской женщины было, въ сущности, совершенной неволей, особенно между знатными, гдѣ женщина скорѣе могла быть удалена отъ личнаго вмѣшательства въ мелочныя подробности хозяйственнаго быта. Власть отца надъ дочерью и мужа надъ женою была почти безгранична. Невѣста до дня свадьбы не знала и не видала своего жениха, котораго выбиралъ ей отецъ, нисколько не интересуясь согласіемъ или несогласіемъ дочери. Жениху, пробовавшему узнать у родителей невѣсты о достоинствахъ или красотѣ ея, обыкновенно отвѣчали короткой фразой: «спроси у людей, какая она». Замкнутость жизни женщинъ была такова, что даже въ церковь онѣ ходили рѣдко. Сидя въ теремахъ, онѣ шили и пряли и, какъ уже сказано, не участвовали нисколько въ домашнемъ хозяйствѣ, не дѣлили почти никакихъ удовольствій своихъ мужей и отцовъ. Единственными ихъ развлеченіями были: пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ, несвязная болтовня шутихъ и дуръ, сказки мамокъ и розсказни разныхъ богомолокъ и святошъ, странствовавшихъ изъ одного боярскаго дома въ другой за подачками; на святкахъ, въ обширныхъ садахъ, окружавшихъ хоромы каждой семьи, устроивались качели, а на масленицѣ—ледяныя горы; въ дни Пасхи любимымъ развлеченіемъ было катаніе яицъ. Грамотницы, встрѣчавшіяся между тогдашними женщинами и дѣвицами какъ рѣдкое исключеніе, читали священныя книги и переписывали ихъ для

вкладовъ по церквамъ. По понятіямъ того времени, отцы считали всякое умственное развитіе дочери не только лишнимъ, но даже вреднымъ, и съ пеленокъ отдавали ихъ въ полное распоряженіе мамокъ. Безучастіе во всемъ, не исключая семейнаго быта, невѣдѣніе того, что совершалось за порогомъ терема, страдательная роль какого-то посредствующаго существа—вотъ что было удѣломъ женщинъ высшаго круга до-петровской эпохи.

Скучно, вяло и однообразно тянулась демашняя жизнь русскихъ людей XVII вѣка, и вдругъ могучая рука Петра Великаго всколыхнула это застоявшееся болото и круто измѣнила всѣ обычаи и порядки, прививавшіеся къ нему цѣлыми вѣками.

Указы, кореннымъ образомъ ломавшіе старый бытъ, непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. Съ трудомъ разбирая ихъ, наши предки приходили въ ужасъ, не вѣрили собственнымъ глазамъ: высшему классу общества повелѣвалось брить бороды или ежегодно платить за нихъ сторублевую пеню; предписывалось навсегда сложить въ сундуки и предать забвенію терлики, ферези, опашни и лѣтники, вмѣсто которыхъ носить: мужскому полу камзолы и шляпы, а женскому—робы и фижмы. Боярскіе дѣти должны были становиться въ ряды гвардейскихъ полковъ простыми солдатами, или ѣхать за море учиться у чужеземцевъ всякимъ наукамъ. Боярыни получили свободу выходить изъ теремовъ, когда имъ вздумается. Боярышнямъ, осужденнымъ до того никогда не видать жениховъ и знакомиться только съ мужьями, разрѣшено смотрѣть на будущихъ спутниковъ своей жизни раньше вѣнчанія; имъ дано право выходить замужъ по собственной склонности и даже узаконено, чтобы знакомство жениха съ невѣстой и сватовство происходили за шесть недѣль до свадьбы. Изъ боярскихъ домовъ исчезли безполезные челядинцы, отправленные по царскому указу для укомплектованія войскъ, исчезло и самое названіе «холопъ», которое воспрещено было употреблять.

Настало тяжелое время для боярства. Всюду слышался ропотъ, стенанія, проклятія; но, волей-неволей, приходилось покоряться. Всякое сопротивленіе, всякое уклоненіе отъ исполненія царскихъ указовъ вызывало лишь новыя, болѣе крутыя мѣры.

Въ 1700 году, съ цѣлью сблизить оба пола и пріучить ихъ къ «обществу», Петръ Великій началъ устроивать общественно-увеселительныя собранія и велѣлъ приглашать на нихъ «всѣхъ знатныхъ людей женъ и дочерей, одѣтыхъ по-нѣмецки, по-французски и по-англійски». Но это нововведеніе прививалось плохо, потому что всѣ старались уклоняться отъ него подъ разными предлогами,

а государю, находившемуся въ постоянныхъ походахъ и разъѣздахъ, было не до собраній и развлеченій. Только въ 1718 году Петръ серьезно и настойчиво потребовалъ, чтобы русская женщина заняла въ обществѣ то положеніе, которая она давно занимала въ Европѣ. Былъ изданъ «указъ объ ассамблеяхъ», нанесшій окончательный ударъ старому семейному быту. Чтобы лучше передать сущность, духъ и форму этого замѣчательнаго петровскаго учрежденія и памятника нравовъ тогдашняго времени, мы приведемъ здѣсь въ подлинникѣ уставъ объ ассамблеяхъ, ясный и короткій.

«Ассамблея—слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное, въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается, при томъ же и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, покамѣстъ въ обычай не войдетъ.

«Въ которомъ домѣ ассамблея имѣетъ быть, то надлежитъ письмомъ, или инымъ знакомъ, объявить людямъ, куда вольно всякому придти, какъ мужскому, такъ и женскому.

«Ранѣе пяти или четырехъ не начинается, а далѣе десяти пополудни не продолжается.

«Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать и не точію вышеописанное не повиненъ чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; но только повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребляемое въ жажду кто проситъ, игры, на столахъ употребляемыя.

«Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто похочетъ и отъѣзжать воленъ, когда хочетъ.

«Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить или унимать; также церемоніи дѣлать вставаніемъ, провожаніемъ и прочимъ, отнюдь да не дерзаетъ подъ штрафомъ, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтить поклономъ должно.

«Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ, разумѣется, и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ».

Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами безъ соблюденія какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должна была быть ассамблея, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ назначеніе зависѣло: въ Петербургѣ—отъ оберъ-полицеймейстера, въ Москвѣ—отъ коменданта. Прежде чѣмъ гости расходились съ одной ассамблеи, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. На основаніи указа, у кого бы ни происходила ассамблея, хотя бы у самого царя, входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку.

Азартныя игры на ассамблеяхъ не допускались: въ одной изъ комнатъ ставились только столы для шахматъ и шашекъ и приготовлялись—табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Главнымъ увеселеніемъ на этихъ собраніяхъ полагались танцы, посредствомъ которыхъ должны были сближаться между собою молодые люди и дѣвицы. Первое время отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ для своихъ дочерей, а мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ и, едва сдерживаясь, бросали на нихъ грозные взгляды. Но и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собой разговоровъ, и послѣ каждаго танца расходились въ разныя стороны. По словамъ одного современника, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и смотрѣли другъ на друга». Предвидя все это, Петръ посѣщалъ почти каждую ассамблею, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что здѣсь происходило, лично одушевлялъ унылое общество и иногда самъ распоряжался танцами. И въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ, государь проявлялъ свою обычную энергію. Принявшись распоряжаться танцами, онъ начиналъ съ того, что ставилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ нѣсколько паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ былъ въ танцахъ большимъ мастеромъ и затѣйникомъ. Очевидецъ (Берхгольцъ) разсказываетъ, что царь выдѣлывалъ такіе «капріоли», которые составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени. Старые и дряхлые танцоры старались подражать государю, кое-какъ дрыгали ногами, съ трудомъ передвигая ихъ; они путались, задыхались, сопѣли, кряхтѣли, потъ лилъ съ нихъ градомъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Наконецъ нѣкоторые не выдержали и

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.

Съ картины художника Хлѣбникова.

упали. Царь велѣлъ имъ выпить въ наказаніе по большому кубку вина, а самъ принялся танцовать съ молодыми и танцовалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ весьма трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ (Kettentanz, какъ называетъ его Берхгольцъ). Петръ ввелъ также «танецъ съ поцѣлуями», въ которомъ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, обязанъ былъ лишь отдавать почтительный поклонъ дамѣ и цѣловать у нея руку. Впрочемъ, царь не всегда былъ такъ любезенъ и веселъ. Тотъ же Берхгольцъ разсказываетъ, что однажды Петръ пріѣхалъ на ассамблею къ князю Меншикову въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Вмѣсто того, чтобы танцовать, онъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, и такъ сильно трясъ головою и подергивалъ плечами, что нагонялъ на присутствовавшихъ страхъ и трепетъ; поэтому всѣ были очень довольны, когда онъ въ десять часовъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь.

Екатерина, такъ же какъ и Петръ, танцовала очень ловко и проворно. Они успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ остальные не успѣвали окончить еще первый. Но Екатерина танцовала старательно только съ государемъ, который, подобно ей, выдѣлывалъ тогда каждое pà. Съ другими же кавалерами она танцовала небрежно, не подпрыгивала, не вертѣлась, а ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Само собою разумѣется, что являвшіяся въ первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ (въ полтора вершка) каблукахъ, съ пышно расчесанною и, большею частью, напудренной прическою, съ длинными «шлепами», или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но даже не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были также подъстать дамамъ, и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны съ твердыми, какъ желѣзные листы, фалдами, узкія панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшія у бока шпаги, перчатки и такъ называвшіеся «аллонжеловые» (allongés) парики съ длинными, завитыми въ букли, волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ новымъ костюмамъ; женщины, выпущенныя на свободу, почувствовали силу красоты; въ нихъ пробудилось тщеславіе и желаніе обращать на себя вниманіе; онѣ сдѣлались смѣлы и развязны; плѣнные шведы получили свободный доступъ въ старые боярскіе дома и заработывали хорошія деньги,

научая боярышень заморскимъ манерамъ и моднымъ танцамъ. Скоро петровскія ассамблеи уже не требовали понудительныхъ мѣръ, и бывшія теремныя затворницы и прежніе боярскіе сынки отплясывали столь усердно, что удивляли своей неутомимостью и ловкостью даже иностранцевъ.

На ассамблеяхъ танцы дѣлились на церемоніальные и англійскіе. Къ первымъ принадлежали польскій (полонезъ) и минуэтъ, ко вторымъ «англезъ», «аллемандъ», англійскій контрадансъ и другіе. Мы опишемъ нѣкоторые изъ этихъ танцевъ, такъ какъ они уже отошли въ преданіе и теперь никому не извѣстны.

Минуэтъ отличался мѣрностью и церемонностью движеній; танцоры двигались мелкими, размѣренными pà, стараясь придать своимъ фигурамъ изящныя позы, при чемъ дамы, граціозно опустивъ руки, слегка приподымали пальцами полы своихъ юбокъ. Минуэтъ складывался изъ четырехъ хореграфическихъ движеній. Первое состояло изъ двухъ короткихъ полушаговъ правой и лѣвой ноги. Во второмъ движеніи танцоръ дѣлалъ pointe правой ногой, приподнимаясь наноскахъ. Медленнымъ опусканіемъ пятки правой ноги онъ переходилъ въ третье движеніе, при чемъ правая нога плавно сгибалась; затѣмъ повторялся полушагъ, и скользящимъ движеніемъ впередъ лѣвой ноги, составлявшимъ четвертый ритмъ, танецъ завершался. Далѣе слѣдовало повтореніе тѣхъ же движеній, какъ это, впрочемъ, дѣлается почти во всѣхъ танцахъ. Такимъ образомъ, минуэтъ состоялъ, преимущественно, изъ присѣданій. Танцовали его парами, каждая порознь, подъ монотонные и бѣдные мелодіей звуки минуэтной музыки.

Англезъ состоялъ всегда изъ двухъ темповъ и отличался живостью и картинностью движеній, давая женщинѣ возможность высказать свою грацію. Онъ танцовался также парами и представлялъ собою, по идеѣ, пантомиму ухаживанья. Танцорка дѣлала движенія такого рода, какъ будто она убѣгаетъ и уклоняется отъ ухаживанья кавалера, ее преслѣдующаго; то вдругъ, точно поддразнивая его и кокетничая, останавливается въ обольстительной позѣ и едва онъ къ ней приближается, мгновенно оборачивается въ сторону и скользитъ по полу. Одной изъ разновидностей англеза явился впослѣдствіи экосезъ.

Аллемандъ начинался собственно гросфатеромъ. Дамы становились по одну сторону, кавалеры—по другую. Музыканты играли нѣчто въ родѣ монотоннаго марша, и въ продолженіе этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и

становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары дѣлали то же самое, одна за другой, слѣдующія пары. Когда туры оканчивались, музыка начинала играть веселый мотивъ и аллемандъ переходилъ въ оживленный танецъ. Танцующія пары связывали себя носовыми платками и каждый изъ танцовавшихъ, попеременно, идя впереди, долженъ былъ выдумывать новыя фигуры. Иногда танцующія, имѣя во главѣ музыканта, переходили изъ одной комнаты въ другую и обходили такимъ образомъ весь домъ.

Душою ассамблей петровскаго времени былъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій, увлекавшій все общество своей неистощимой веселостью. Однажды, какъ разсказываетъ Берхгольцъ, онъ выдумалъ, на ассамблеѣ у барона Шафирова, особенный танецъ, продолжавшійся болѣе часу. Ягужинскій началъ съ очень медленнаго, но сопровождавшагося прыжками, англеза; потомъ перешелъ въ польскій съ необыкновенными пируэтами; по окончаніи его составился новый танецъ, похожій на штирійскій; въ немъ опять прыгали и дѣлали разныя забавныя фигуры. Однако, Ягужинскій этимъ не удовольствовался: не находя новыхъ фигуръ, онъ поставилъ всѣхъ въ общій кругъ и предоставилъ своей дамѣ, г-жѣ Лопухиной, начать родъ арлекинскаго танца, который всѣ по порядку должны были повторять за ней, съ тѣмъ, чтобы кавалеръ слѣдующей пары выдумывалъ что-нибудь новое, ближайшій къ нему также, и такъ далѣе до послѣдней пары. Въ числѣ многихъ выдумокъ были слѣдующія: Лопухина, потанцовавъ нѣсколько въ кругу, обратилась къ Ягужинскому, поцѣловала его и потомъ стащила ему на носъ парикъ, что должны были повторить всѣ кавалеры и дамы. Генералъ-прокуроръ стоялъ при этомъ неподвижно, какъ стѣна, даже тогда, когда его цѣловали дамы. Затѣмъ, одни изъ кавалеровъ, сдѣлавъ передъ дамой глубокій реверансъ, цѣловали ее; другіе, протанцовавъ нѣсколько разъ въ кругу, начинали пить за здоровье общества; третьи дѣлали щелчки на воздухъ; четвертые вынимали среди круга табакерку и нюхали табакъ и т. п. Но лучше всѣхъ сдѣлалъ Ягужинскій, который былъ послѣднимъ: замѣтивъ, что нѣкоторые зрители, не участвовавшіе въ танцахъ, смѣялись, когда въ кругу цѣловали дамъ, или когда дамы должны были цѣловать кавалеровъ, онъ вышелъ изъ круга и перецѣловалъ всѣхъ зрительницъ, которыя, неожиданно пойманныя, уже не смѣли отказываться цѣловать его и другихъ.

По окончаніи ассамблей, у богатыхъ людей подавался ужинъ, при чемъ дамы обязательно сидѣли вперемежку съ кавалерами, а у людей менѣе достаточныхъ предлагалась холодная закуска.

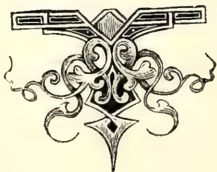
Музыка на ассамблеяхъ была сперва духовая: трубы, фаготы, гобои и литавры; но въ 1721 году герцогъ Голштинскій привезъ съ собою небольшой струнный оркестръ, понравившійся до такой степени, что его наперебой каждый вечеръ приглашали куда-нибудь.

Конечно, ассамблеи временъ Петра не отличались утонченностью обстановки. Въ первую пору все дѣлалось просто: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить помѣщеніе, пропитанное запахомъ кушанья и прокопченное кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ домовъ, почему во время собраній, большею частью, не было общаго для всѣхъ ужина, а гости дѣлились на двѣ группы; когда одна ужинала, другая танцовала. Кромѣ того, петровскія ассамблеи отличались попойками, и спаиваніе не только мужчинъ, но и дамъ было явленіемъ обыкновеннымъ. Тѣмъ не менѣе, ассамблеи въ какіе-нибудь три-четыре года послѣ ихъ принудительнаго учрежденія до такой степени привились въ преобразованномъ русскомъ обществѣ, что сдѣлались для него потребностью и еще черезъ нѣсколько лѣтъ превратились въ такіе балы, которые, по ихъ приличію и чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ описаніе двухъ баловъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

«Большая зала дворца», пишетъ въ 1734 году жена англійскаго резидента леди Рондо, «была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту. Деревья, разставленныя шпалерами, образовали съ каждой стороны аллею, оставляя довольно пространства для танцевъ. Эти боковыя аллеи, въ которыхъ были разставлены скамейки, давали возможность танцующимъ отдыхать на свободѣ. Красота, благоуханіе и тепло въ этой своего рода рощѣ—тогда какъ изъ оконъ были видны только ледъ и снѣгъ—казались чѣмъ-то волшебнымъ и наполняли душу пріятными мечтами. Въ смежныхъ комнатахъ подавали гостямъ чай, кофе и разные прохладительные напитки; въ залѣ гремѣла музыка и происходили танцы. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами въ роскошныхъ платьяхъ. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь въ странѣ фей, и въ моихъ мысляхъ въ теченіе всего вечера возставали картины изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира».

«Знатныя лица обоего пола», разсказываетъ, въ 1757 году, въ своихъ запискахъ французскій дипломатъ графъ де-ла-Мессельеръ, наполняли аппартаменты дворца и блистали уборами и драгоцѣнными камнями. Красота аппартаментовъ и богатство ихъ изумительны; но ихъ затмевало пріятное зрѣлище четырехсотъ дамъ, вообще очень красивыхъ и очень богато одѣтыхъ. Къ этому поводу восхищенія вскорѣ присоединился другой: внезапно произведенная, одновременнымъ паденіемъ всѣхъ сторъ, темнота смѣнилась въ то же мгновеніе свѣтомъ 1,200 свѣчей, отражавшихся со всѣхъ сторонъ въ зеркалахъ. Заигралъ оркестръ изъ 80 музыкантовъ, и балъ открылся. Во время первыхъ минуэтовъ послышался глухой шумъ, имѣвшій, однако, нѣчто величественное: дверь быстро отворилась настежь, и мы увидѣли императрицу, сидѣвшую на блестящемъ тронѣ. Сойдя съ него, она вошла въ большую залу, окруженная своими ближайшими царедворцами. Зала была очень велика; танцовали за разъ по двадцати минуэтовъ, что составляло довольно необыкновенное зрѣлище; контрадансовъ танцовали мало, кромѣ нѣсколькихъ англійскихъ и полонезовъ. Балъ продолжался до одиннадцати часовъ, когда гофмаршалъ пришелъ доложить ея величеству, что готовъ ужинъ. Всѣ перешли въ очень обширную и изящно убранную залу, освѣщенную 900 свѣчей, на которой красовался фигурный столъ на нѣсколько сотъ кувертовъ. На хорахъ зала начался вокальный и инструментальный концертъ, продолжавшійся во все время банкета. Кушанья были всевозможныхъ націй, и служителя были русскіе, французы, нѣмцы, итальянцы, которые спрашивали у единоплеменныхъ имъ гостей, чего они желаютъ. Ужинъ окончился около трехъ часовъ пополуночи, послѣ чего всѣ разъѣхались».

Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.

Существуетъ преданіе, что одинъ англичанинъ, большой чудакъ и любитель художествъ, услышавъ разсказы о необыкновенной красотѣ рѣшетки Лѣтняго сада, нарочно отправился въ Петербургъ, чтобы собственными глазами убѣдиться въ справедливости такихъ похвалъ. Осмотрѣвъ рѣшетку и сознавшись, что не былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, флегматическій британецъ тотчасъ же вернулся на свой корабль и уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Преданіе это, конечно, есть не что иное, какъ выдумка; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что рѣшетка Лѣтняго сада заслуживаетъ особеннаго вниманія: изящество рисунка, качество матеріаловъ, блестящія колонны, изсѣченныя изъ цѣльнаго гранита и украшенныя по верхамъ такими же урнами, яркая позолота стрѣлъ и колецъ—дѣлаютъ рѣшетку эту однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства. Она начата, по повелѣнію императрицы Екатерины II, въ 1778 г. и окончена въ 1784 году.

При Петрѣ I Лѣтній садъ былъ весьма обширенъ, занимая все пространство между Мойкою и Фонтанкою отъ Невы до Невскаго проспекта[1]). Онъ разведенъ въ 1711 году по плану, нарисованному

---

[1]) При императорѣ Павлѣ отъ Лѣтняго сада отрѣзана значительная часть для постройки теперешняго Инженернаго замка, отчего садъ раздѣлился на верхній и нижній. Послѣдній отошелъ, въ 1824 г., къ Михайловскому дворцу.

самимъ государемъ, въ голландскомъ вкусѣ, что можно заключить изъ множества прямыхъ аллей, пересѣкаемыхъ тупыми и острыми углами. У самой Невы, на мѣстѣ нынѣшней набережной, были выстроены три длинныя деревянныя галлереи со спусками къ водѣ; въ средней стояла, на высокомъ пьедесталѣ, превосходная, хотя и немного попорченная отъ долгаго лежанія въ землѣ, мраморная статуя Венеры. Петръ купилъ эту статую у папы за три тысячи скуди и такъ дорожилъ ею, что во время народныхъ гуляній всегда приказывалъ ставить къ ней часового. Отъ средней галлереи, вдоль всего сада, шла главная, весьма широкая аллея, обсаженная липами, кленомъ и акаціей и уставленная дерновыми скамьями. Въ ней были сдѣланы двѣ площадки съ красивыми фонтанами, бившими довольно высоко; вода въ ихъ бассейны проводилась изъ Лебяжьяго канала посредствомъ большой колесной машины. Первая площадка называлась дамской, потому что здѣсь обыкновенно, въ жаркіе дни, сиживала императрица съ своими дамами; вторая носила названіе шкиперской и была любимымъ мѣстомъ Петра. Вправо отъ этой послѣдней площадки стояла съ покрытымъ лицомъ статуя Вѣры, у подножія которой со всѣхъ сторонъ била вода. Влѣво находился огромный птичникъ, гдѣ множество разнородныхъ птицъ частью расхаживали свободно, частью были заперты въ поставленныхъ вокругъ клѣткахъ. Тутъ были орлы, черные аисты, попугаи, фазаны и другія рѣдкія породы пернатыхъ. Здѣсь же, впрочемъ, содержались и нѣкоторыя четвероногія животныя: медвѣди, волки, шакалъ, олень, серны, синяя лисица, большой ежъ и проч. Звѣри тихаго нрава часто выпускались гулять по всему саду; изъ нихъ особенно была забавна одна серна: она любила слушать музыку, ласкаясь ко всѣмъ, ѣла и пила изъ рукъ и умѣла прыгать въ обручъ. Противъ птичника былъ устроенъ, въ видѣ водопада, мраморный фонтанъ, украшенный вызолоченными сосудами, обсаженный цвѣтами и кустарникомъ и обведенный рѣзной дубовой рѣшеткой; а сзади его—оранжерея и небольшой высокій домикъ весьма затѣйливой архитектуры, гдѣ содержались египетскіе голуби. На другой сторонѣ шкиперской площадки, недалеко отъ статуи, стояла, въ кущѣ деревьевъ, маленькая бесѣдка, окруженная водой; въ ней всегда проводилъ время Петръ, когда желалъ остаться одинъ, или когда хотѣлъ напоить кого-нибудь пьянымъ, потому что уйти оттуда не было никакой возможности, какъ скоро отчаливалъ англійскій ботикъ, на которомъ совершалась переправа къ бесѣдкѣ. Здѣсь, на водѣ, плавало большое количество разнородныхъ гусей и утокъ; они были очень ручны и на зовъ подплывали къ корму. По бе-

регу, вокругъ, стояли крошечные домики, куда эти птицы запирались на ночь. Тутъ же находился раскрашенный и вполнѣ оснащенный корабликъ; на немъ иногда потѣшались царскіе карлы. Далѣе, вправо отъ бесѣдки, стояла большая, сплетенная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летали или садились на посаженныя внутри деревца. Еще далѣе, влѣво, находился обширный гротъ, обложенный снаружи безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ и дорогихъ раковинъ. Въ немъ были поставлены стулья и диваны, на которыхъ посѣтители могли отдыхать и прохлаждаться. Передъ гротомъ, на большомъ очищенномъ квадратномъ лужкѣ, были размѣщены искусно выбитыя изъ мѣди и олова фигурныя изображенія эзоповыхъ басенъ съ написанными внизу ихъ толкованіями каждой. Императоръ любилъ собирать здѣсь гуляющихъ и самъ объяснялъ имъ смыслъ изображенныхъ басенъ. Отъ грота, вплоть до дворца, тянулась дубовая, довольно тѣнистая роща, почти вся насаженная собственными руками государя. Самый дворецъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени съ нѣкоторыми позднѣйшими прибавленіями, почти въ томъ видѣ, въ какомъ былъ и при Петрѣ. Первоначально онъ былъ построенъ безъ всякихъ украшеній, по образцу простого домика; но въ 1714 году царь приказалъ совершенно его передѣлать. Наружныя стѣны дворца были оштукатурены и выбѣлены, наличники у оконъ и дверей обиты планками, а надъ окнами сдѣланы барельефы; карнизъ, архитравъ и фризъ подъ орнаментомъ выкрашены желтой краской, кровля покрыта бѣлыми желѣзными листами крестообразно; по угламъ ея поставлены четыре жестяные дракона, а наверху флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ. Въ обоихъ этажахъ дворца расположено по одиннадцати комнатъ; стѣны ихъ покрыты выбѣленною холстиною и обнесены филенчатыми панелями съ рѣзными фигурами, а на потолкахъ вставлены разныя аллегорическія картины въ рамкахъ лѣпной работы; двери сдѣланы изъ дубоваго орѣховаго дерева, съ рѣзными украшеніями, надъ которыми не мало трудился самъ государь. Стѣны кухни, равно и всѣ печи, выложены разноцвѣтными глазированными изразцами. Передъ главнымъ фасадомъ разбитъ небольшой цвѣтникъ, окруженный рѣшеткою [1]). Къ западу отъ дворца, на противоположномъ концѣ

---

[1]) Изъ вещей, бывшихъ во дворцѣ при Петрѣ, въ настоящее время сохранились только слѣдующія: 1) Большіе стѣнные часы, поставленные въ нижнемъ этажѣ въ кабинетѣ, которые, какъ увѣряютъ, куплены самимъ государемъ въ Голландіи. Часы эти въ орѣховомъ футлярѣ, съ тремя мѣдными, высеребренными

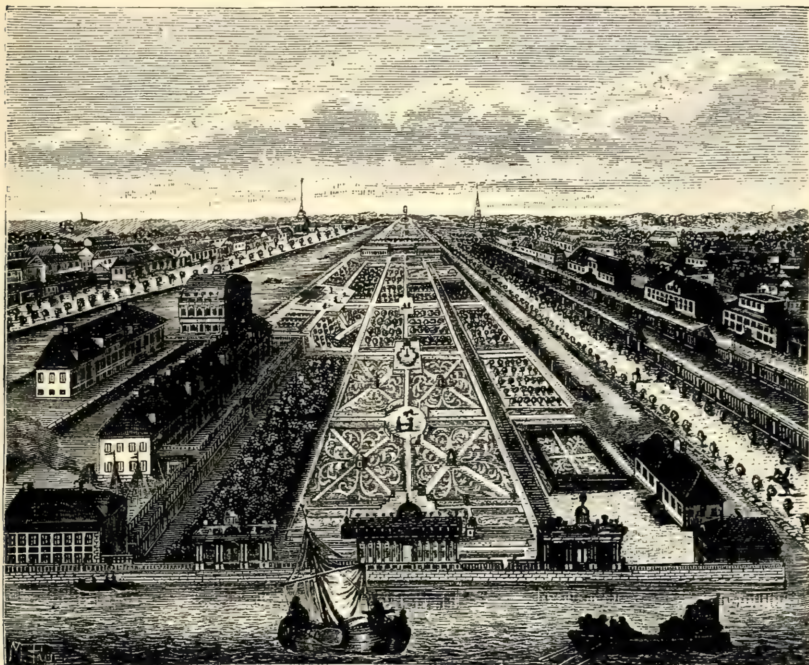
сада, былъ вырытъ, въ 1716 году, каналъ, отдѣлившій садъ отъ Царицына луга, на которомъ, какъ и теперь, производились смотры и парады. Невдалекѣ отъ него, по берегу Невы, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, стоялъ двухъэтажный, мазанковый, одѣтый снаружи плоскимъ камнемъ, «Почтовый» домъ. Въ немъ жили почтмейстеръ и нарочно выписанный изъ Данцига трактирщикъ, который былъ обязанъ, за деньги, кормить и давать помѣщеніе пріѣзжающимъ въ Петербургъ. Въ этомъ же домѣ царь давалъ иногда ассамблеи и дѣлалъ угощенія по случаю разныхъ торжествъ; тогда всѣ квартиранты должны были выбираться оттуда. Противъ самаго Почтоваго дома находилось особенное зданіе, гдѣ помѣщался приведенный въ первый разъ въ Россію въ подарокъ отъ персидскаго шаха слонъ. Армянинъ, сопровождавшій слона, разсказывалъ, что когда онъ прибылъ съ нимъ въ Астрахань, то животное это возбудило въ окрестныхъ жителяхъ такое любопытство, что многія сотни народа, взявъ съ собою мѣшки съ съѣстными припасами, провожали слона сорокъ и болѣе верстъ. По смерти его, въ зданіи былъ поставленъ извѣстный готорпскій глобусъ, подаренный Петру голштинскимъ герцогомъ. Машину эту привезли въ Петербургъ съ большими затрудненіями, потому что, по огромности ея, нужно было расчищать новыя дороги и прорубать лѣса. Глобусъ имѣлъ семь съ половиною саженъ въ поперечникѣ; наружная поверхность его, сдѣланная изъ бумаги, наклеенной на мѣдь, и искусно разрисованная перомъ и раскрашенная, представляла землю, а внутренняя изображала багряное небо съ созвѣздіями обоихъ полукружій, означенными золотыми звѣздочками. На лицевой сторонѣ шара находилась латинская надпись, гласившая, что «свѣтлѣйшій и высочайшій герцогъ голштинскій, Фридрихъ, изъ любви къ математическимъ наукамъ, приказалъ, въ 1654 году, начать сооруженіе этого шара, которое продолжалъ наслѣдникъ его, вѣчно достойный памяти, герцогъ Христіанъ-Альбертъ, и окончилъ въ 1661 году подъ руководствомъ Олеарія». Внутри глобуса стояли столъ и скамьи, на которыхъ могли свободно помѣщаться двѣнадцать человѣкъ; глобусъ приводился въ движеніе особымъ механизмомъ, придѣлан-

---

циферблатами, показывающими: первый—часы, второй—вѣтры, третій—состояніе воздуха. 2) Шкапъ орѣховаго дерева, сдѣланный самимъ Петромъ; въ него, по преданію, императоръ пряталъ всегда свое бѣлье и ботфорты. 3) Двѣ рамы съ жестяными переплетами, также работы Петра: одна вдѣлана въ стѣнѣ коридора, а другая хранится въ особой комнатѣ наверху. 4) Три стула и одно кресло простого дерева, съ камышевою отдѣлкою, окрашенные желтою краскою, составлявшіе часть мебели въ кабинетѣ императора.

нымъ къ столу. Въ 1724 году изъ Персіи привели новаго слона и помѣстили его въ жилищѣ прежняго, а глобусъ былъ перевезенъ въ кунсткамеру [1]).

Передъ Царицынымъ лугомъ, гдѣ нынѣ казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находился домъ герцога голшинскаго, женившагося впослѣдствіи на дочери Петра—Аннѣ. Рядомъ жилъ извѣстный составитель воинскаго устава генералъ Вейде; домъ его былъ

Лѣтній садъ и дворецъ при Петрѣ Великомъ.
Съ гравюры 1716 года.

каменный и одинъ изъ лучшихъ въ описываемой мѣстности. Въ настоящее время изъ старинныхъ зданій здѣсь уцѣлѣлъ только домъ, принадлежавшій лейбъ-медику и любимцу императрицы Елисаветы Петровны—Лестоку. Когда послѣдній впалъ въ немилость, то его судилъ фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ. Имѣніе Лестока было конфисковано, а домъ подаренъ Апраксину. На площади, между Почтовымъ домомъ и Лѣтнимъ садомъ, Петръ

[1]) Въ 1747 году пожаръ истребилъ эту рѣдкость; вмѣсто нея сдѣланъ другой глобусъ, нѣсколько менѣе перваго.

намѣревался воздвигнуть свою собственную статую на конѣ, вышиною въ 54 фута. Модель ея была сдѣлана, въ 1724 году, графомъ Растрелли, такъ же какъ и модель колонны, на которой, подобно Траяновой въ Римѣ, предполагалось изобразить побѣды царя.

При Петрѣ въ Лѣтнемъ саду почти каждую недѣлю происходили гулянья, на которыя были обязаны являться, безъ исключенія, всѣ петербургскіе жители высшаго и средняго сословій.

Въ назначенный для гулянья въ саду день, на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, съ утра, выставлялся желтый флагъ съ изображеніемъ орла, державшаго въ когтяхъ четыре моря. Въ пятомъ же часу пополудни производилось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По послѣднему сигналу, всѣ чиновныя особы, дворяне, канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные матросы должны были спѣшить въ садъ. Посѣтители, большею частью, пріѣзжали въ лодкахъ и, привязавъ ихъ къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой тропинкѣ къ средней галлереѣ, гдѣ уже находилась императрица и великія княжны, которыя, держась стариннаго правила, встрѣчали гостей и подносили почетнѣйшимъ изъ нихъ по чаркѣ водки или стакану вина. Откланявшись государынѣ, посѣтители отправлялись привѣтствовать государя, сидѣвшаго на своемъ обычномъ мѣстѣ, у фонтана на шкиперской площадкѣ, за столомъ, уставленнымъ табакомъ, трубками, стаканами и бутылками съ виномъ. Желая подавать собою примѣръ непринужденности и простоты въ обращеніи, императоръ, отбросивъ всякій этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными. По приглашенію его, нѣкоторые изъ гостей садились играть съ нимъ въ шашки или бесѣдовать, а остальные разсыпались по аллеямъ, осматривая звѣринецъ и птичникъ, или шли на Царицынъ лугъ слушать музыку, состоявшую изъ нѣсколькихъ трубъ, фаготовъ, валторнъ, гобоевъ и литавръ. Капельмейстеръ изъ солдатъ, ради порядка и большей вѣрности, билъ тактъ въ огромный турецкій барабанъ и нерѣдко считалъ четверти, отчего и самъ не всегда попадалъ въ темпъ. Впрочемъ, расположеніе къ музыкѣ было такъ незначительно, что публика обращала все свое вниманіе только на ловкость и дѣйствительность мѣръ распорядительнаго капельмейстера, да и слушателей бывало весьма немного... Въ шесть часовъ являлись въ садъ нѣсколько гвардейскихъ солдатъ съ носилками, на которыхъ былъ поставленъ огромный ушатъ, наполненный простымъ виномъ. Обходя посѣтителей, солдаты подносили каждому ковшъ, величиной съ большой стаканъ, и просили выпить за здо-

ровье царя. Отказывавшійся почему-либо принять ковшъ былъ принуждаемъ къ тому насильно офицерами, нарочно для этой цѣли слѣдовавшими за ушатомъ. Даже дамы не были изъяты отъ такой, крайне непріятной, обязанности, потому что сама императрица прежде всѣхъ брала ковшъ и отпивала изъ него нѣсколько глотковъ вина. Затѣмъ садъ запирался и никто изъ гостей не могъ уже съ этой минуты покинуть собраніе безъ личнаго на то позволенія царя. Въ боковыхъ галлереяхъ накрывались столы съ разными холодными закусками, напитками и сластями, а въ отдаленныхъ аллеяхъ ставились бочки съ пивомъ и водкой. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался разноцвѣтными фонарями и начинались танцы на дамской площадкѣ, а въ дурную погоду въ средней галлереѣ. Всѣ умѣвшіе танцовать заблаговременно занимали мѣста на скамьяхъ, окружавшихъ площадку. Во время танцевъ дамы были угощаемы чаемъ, кофеемъ, медомъ и миндальнымъ молокомъ; лимонадъ, оршадъ и въ особенности шоколадъ считались рѣдкостью и подавались только на торжественныхъ пирахъ. Что касается мужчинъ, то имъ безпрерывно подносили пиво и вино, такъ что къ концу вечера большая часть ихъ непремѣнно напивалась допьяна. Гулянье заключалось обыкновенно фейерверкомъ или, какъ его называли тогда, «огненною потѣхою», сожигаемою подъ руководствомъ самого царя, на судахъ, расположенныхъ по Невѣ. Послѣ фейерверка ворота сада отпирались, и посѣтители могли расходиться по домамъ.

Любимой забавою Петра было катанье на лодкахъ. Въ то время на Невѣ не существовало ни одного моста. Государь роздалъ всѣмъ петербургскимъ жителямъ для переправы суда, написавъ собственноручно инструкцію, какъ ими управлять. Первокласснымъ вельможамъ было подарено по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ двѣнадцать, другой въ четыре весла. Прочимъ жителямъ менѣе, смотря по чинамъ. Каждый былъ обязанъ содержать свои суда въ цѣлости и отвѣчать за нихъ. Въ назначенный для катанья день выставляли въ четырехъ концахъ города флаги; всѣ суда, принадлежавшія придворнымъ лицамъ, подъ опасеніемъ «жестокаго» штрафа, должны были къ извѣстному часу собираться близъ крѣпости, у австеріи, неподалеку отъ нынѣшняго Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу, вся флотилія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе на богатоубранной яхтѣ, имѣвшей, для отличія, на кормѣ флагъ изъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. Никто не смѣлъ ни опережать его, ни уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала императорская

шлюпка, гдѣ находилась государыня и великія княжны; рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье. За этой шлюпкой плыли остальныя, безъ разбора. На нѣкоторыхъ лодкахъ ставились качели. Знатные господа брали съ собою музыку. Большая часть судовъ были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты зеленымъ или краснымъ бархатомъ. Катанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екатерингофа или Стрѣльны. Тамъ всякій разъ уже были готовы закуски. Гуляющіе, вышедъ на берегъ, ужинали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера тѣмъ же порядкомъ возвращались въ городъ. Иногда предпринимались и дальнѣйшія поѣздки, въ Петергофъ, Кронштадтъ и даже Ревель. Безпрестанная пальба и громъ музыки оглашали воздухъ во время пути. Случалось нерѣдко, что забавы эти имѣли не совсѣмъ пріятныя послѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли привыкнуть къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣнье управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ, напримѣръ, въ маѣ 1714 года. Тогда находился въ Петербургѣ посланникъ бухарскаго эмира Гаджи-Магомета. Царь пригласилъ его принять участіе въ увеселительномъ путешествіи въ Кронштадтъ. По неопытности рулевого, шнява, на которой сидѣли посланникъ, канцлеръ графъ Головкинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мелей. Пока было тихо, опасность была невелика; но къ ночи поднялась сильная буря; разбило шлюпку, привязанную сзади, оторвало якорь и бросило судно на камни. Посланникъ, никогда до того не бывшій въ морѣ, дрожалъ отъ страха; но потомъ, видя, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шелковый халатъ, легъ на палубѣ и приказалъ своему муллѣ стать на колѣни и читать громко молитвы изъ корана. Къ счастью, буря скоро утихла, и присланныя отъ царя галеры сняли шняву съ мели и благополучно привели въ Кронштадтъ.

Закладки и спуски кораблей сопровождались всегда веселымъ и разгульнымъ пиромъ, для котораго царь выдавалъ всякій разъ изъ собственной казны по тысячѣ рублей. Въ день закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, «главный корабельный мастеръ», Иванъ Михайловичъ Головинъ, вбивалъ въ киль гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлалъ то же царь и прочіе корабельные мастера. Въ теченіе этой работы изъ адмиралтейства производилась безпрерывная пушечная пальба. Окончивъ закладку, императоръ, со всею фамиліею и присутствовавшими, уходилъ въ

флагманскую залу, стѣны и потолокъ которой были увѣшаны взятыми у шведовъ знаменами. Здѣсь ждалъ посѣтителей сытный обѣдъ, послѣ чего всѣ съѣзжались къ генералъ-адмиралу графу Апраксину, чтобы за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу. Во время корабельныхъ спусковъ, до совершенія молебствія на построенномъ суднѣ, Петръ, одѣтый въ богатый, шитый золотомъ адмиральскій мундиръ, съ андреевской лентой черезъ плечо, взявъ топоръ, подрубалъ одну изъ корабельныхъ подпорокъ. Лишь только корабль касался воды, воздухъ оглашался звуками трубъ и литавръ, пушечными выстрѣлами и громкимъ крикомъ народа, тѣснившагося по обоимъ берегамъ Невы. Когда якорь былъ брошенъ, царь со своимъ семействомъ прежде всѣхъ входилъ на корабль и привѣтствовалъ каждаго, приходившаго къ нему съ поздравленіями, поцѣлуями въ голову; а императрица и великія княжны подносили гостямъ по рюмкѣ вина. Между тѣмъ въ каютахъ накрывались столы, въ верхнихъ—для дамъ, въ нижнихъ—для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился государь, садились по правую сторону—корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ спущеннаго судна; по лѣвую—знатнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе; самъ Петръ всегда бывалъ за ними очень веселъ. Между гостями царствовала совершенная непринужденность. Тосты, сопровождаемые пушечными выстрѣлами, быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, преимущественно венгерское, лилось рѣкой. Пирушки эти продолжались иногда до двухъ часовъ ночи. Всякій былъ обязанъ принимать въ нихъ равное участье. Часовые стояли у выхода и безъ разрѣшенія царя никого не выпускали съ корабля. Къ вечеру, многіе изъ пирующихъ, по обыкновенію, страшнымъ образомъ напивались. Вездѣ были слышны чоканье стакановъ, обѣты вѣчной дружбы, а часто шумъ, споръ, ругательства и даже драки. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ окончаніе пира при спускѣ корабля «Пантелеймонъ», въ іюлѣ 1721 года: «Между тѣмъ въ нижней каютѣ веселились на славу: почти всѣ были пьяны, но все еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ, графъ Апраксинъ, до того напился, что плакалъ, какъ ребенокъ, что̀ обыкновенно съ нимъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Князь Меншиковъ такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво, и его люди принуждены были послать за княгинею и ея сестрою, которыя, съ помощью разныхъ спиртовъ, привели его немного въ чувство и выпросили у царя позволеніе ѣхать съ нимъ домой. Однимъ словомъ, не совершенно пьяныхъ было очень мало, и если бъ я хотѣлъ описать всѣ дура-

чества, какія были дѣланы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то могъ бы наполнить разсказомъ о нихъ не одинъ листъ. То князь Валахскій схватывался съ оберъ-полицеймейстеромъ (Дивьеромъ) то раздавалось чоканье бокаловъ на братство и неизмѣнную любовь. Тѣ, которые были еще трезвы, нарочно притворялись пьяными, чтобы не пить болѣе и смотрѣть на дурачества другихъ. Другіе, совершенно пьяные, умничали и лѣзли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями, что для трезвыхъ, разумѣется, было очень непріятно. Но смѣшнѣе всѣхъ былъ баронъ Бюловъ, который со всѣми ссорился. Генералъ-лейтенанту Бонне онъ сказалъ въ глаза, что тотъ поступилъ съ нимъ нечестно, потому что, несмотря на обѣщаніе быть ему другомъ, не исполнилъ его просьбы и не провелъ къ царю. Генералъ оправдывался, сколько могъ, и отвѣчалъ, что потолкуетъ съ нимъ объ этомъ завтра. Потомъ этотъ баронъ началъ превозносить свою честность и хвастать тѣмъ, что служитъ своему государю только изъ любви, а не изъ боязни батоговъ и кнута. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ вызывать на дуэль одного русскаго подполковника, котораго обвинилъ, будто тотъ свѣдѣнія его въ разныхъ наукахъ выдаетъ за свои; немного спустя, они отправились въ буфетъ и пили вмѣстѣ. Наконецъ пришло извѣстіе, что царь и царица уже уѣхали и что выходъ свободенъ. Радость была всеобщая. Увидѣвъ генералъ-маіора Штенфлихта, страшно пьянаго, подлѣ одной дамы, которой очень хотѣлось отъ него отдѣлаться, я спросилъ его, поѣдетъ ли онъ домой съ нами или отправится одинъ? Но онъ отвѣчалъ, чтобы я оставилъ его въ покоѣ. Я еще прежде слыхалъ, какъ страшенъ и опасенъ онъ бываетъ, когда напьется, и потому поспѣшилъ отойти отъ него. Не прошелъ я и двадцати шаговъ, какъ услышалъ, что онъ вступилъ въ ссору съ однимъ отставнымъ полковникомъ, котораго царь держитъ при себѣ и очень любитъ. Ссора эта становилась все сильнѣе и сильнѣе, такъ что они схватились было за шпаги и хотѣли броситься другъ на друга. Къ счастью, ихъ успѣли разнять, хотя это стоило не мало труда. Штенфлихъ до того остервенился, что его почти никто не могъ удержать. Человѣка своего, который также помогалъ держать его, онъ колотилъ страшно; однакожъ, тому все-таки удалось отнять у него кортикъ, который могъ надѣлать бѣды. Насилу полковнику Лорху и мнѣ удалось стащить его съ палубы, но такъ какъ проходъ былъ очень тѣсенъ, то мы принуждены были выпустить его изъ рукъ. Я услышалъ, что онъ далъ кому-то двѣ оплеухи и, когда оглянулся, увидѣлъ, что у камеръ-юнкера Геклау сшиблены съ головы шляпа и парикъ».

Сцены, подобныя описанной здѣсь, повторялись не только при спускахъ кораблей, но и при всѣхъ общественныхъ и семейныхъ празднествахъ. Въ запискахъ современниковъ встрѣчаются разсказы о попойкахъ, непремѣнно кончавшихся ссорами, ругательствами и драками. Таковъ былъ общій характеръ всѣхъ тогдашнихъ увеселеній.

Свадьба карликовъ.

Изъ числа многихъ оригинальныхъ затѣй Петра Великаго, одной изъ самыхъ оригинальныхъ слѣдуетъ признать попытку развести въ Россіи породу карликовъ посредствомъ браковъ. Съ этой цѣлью Петръ задумалъ женить своего любимаго карла Якима Волкова на карлицѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Оригинальная мысль эта была приведена въ исполненіе оригинальнымъ же образомъ. 19-го августа 1710 года состоялся слѣдующій царскій указъ:

«Карлъ мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25-го дня, а въ тотъ отпускъ, въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ, карлъ, платье: на мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные, цвѣтные, съ позументами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шпаги, и портупеи, и шляпы; и чулки, и башмаки нѣмецкіе добрые; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее нѣмецкое платье, и фантажи, и всякій приличный добрый уборъ, и въ томъ взять тѣхъ домовъ съ стряпчихъ сказки», и проч.

Согласно этому указу, было собрано въ Петербургѣ и Москвѣ около 80 карликовъ и карлицъ, однакоже, сборъ продолжался настолько медленно, что свадьба могла быть отпразднована не ранѣе 14-го ноября. Наканунѣ ея, двое карликовъ, исполнявшіе обязан-

Свадьба карликовъ.

Съ гравюры того времени, Филинса.

ность шаферовъ, ѣздили приглашать гостей въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, запряженной одной маленькой лошадью, убранной разноцвѣтными лентами и предшествуемой двумя верховыми придворными лакеями. На другой день, когда приглашенные гости собрались въ назначенный домъ, молодые отправились къ вѣнцу торжественнымъ шествіемъ. Впереди шелъ карликъ, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго былъ привязанъ большой букетъ изъ лентъ. За нимъ шествовали женихъ и невѣста съ шаферами, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ; потомъ царь, многія дамы, нѣкоторые иностранные министры и знатныя особы. Шествіе замыкалось 72-мя карликами и карлицами, попарно; карлики были одѣты въ свѣтло-голубые или розовые французскіе кафтаны, съ треугольными шляпами на головахъ и при шпагахъ, а карлицы въ бѣлыя платья съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи бракосочетанія всѣ отправились на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меншикова, гдѣ молодыхъ ожидалъ роскошный обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ; надъ мѣстами жениха и невѣсты были сдѣланы шелковые балдахины, убранные, по тогдашнему обычаю, вѣнками. Маршалъ и восемь шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныя ленты. Кругомъ, по стѣнамъ залы, сидѣла царская фамилія и прочіе гости. Праздникъ кончился пляской, въ которой принимали участіе только карлы и карлицы. Петръ усердно подпаивалъ новобрачныхъ и затѣмъ самъ отвезъ ихъ домой и при себѣ велѣлъ уложить ихъ въ постель.

Курьезная свадьба эта была изображена на нѣсколькихъ современныхъ гравюрахъ. Лучшая изъ нихъ—голландская гравюра Филинса, копія съ которой приложена здѣсь.

Затѣя Петра (повторенная имъ еще разъ въ 1713 году) не привела къ желаемымъ результатомъ. Правда, молодая карлица сдѣлалась беременной, но не могла разрѣшиться, и послѣ тяжкихъ страданій умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Вдовецъ карликъ, Якимъ Волковъ, послѣ смерти своей жены началъ пьянствовать и распутничать; всѣ строгія мѣры, принятыя для его исправленія, оказались напрасными. Онъ умеръ въ концѣ января 1724 года и, по приказанію Петра, былъ похороненъ торжественнымъ и опять-таки забавнымъ образомъ. Впереди погребальной процессіи шли, попарно, тридцать пѣвчихъ,—все маленькіе мальчики. За ними слѣдовалъ, въ полномъ облаченіи, крошечный попъ, котораго нарочно выбрали для этой церемоніи по причинѣ его малаго роста. Затѣмъ ѣхали маленькія, особаго устройства, сани. Ихъ везли шесть крошечныхъ лошадокъ, покрытыхъ

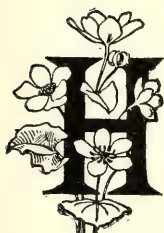
до самой земли черными попонами и ведомыхъ подъ-узцы маленькими пажами. На саняхъ стоялъ гробъ съ тѣломъ усопшаго, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными позументами и кистями. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. Позади гроба слѣдовалъ маленькій карла, въ качествѣ маршала, съ большимъ маршальскимъ жезломъ, обтянутымъ флеромъ, спускавшимся до земли. На этомъ карлѣ, какъ и на прочихъ товарищахъ его, была длинная черная мантія. За нимъ двигались, попарно, остальные карлики. Потомъ выступалъ другой маленькій маршалъ, во главѣ карлицъ. Изъ нихъ самую крошечную вели подъ руки двое наиболѣе рослыхъ карла. Лицо ея было совершенно закрыто флеромъ. За нею шествовали остальныя карлицы попарно, въ глубокомъ траурѣ. По обѣимъ сторонамъ процессіи шли съ зажженными факелами огромные гвардейскіе солдаты и придворные гайдуки. Императоръ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, провожалъ процессію пѣшкомъ отъ Зимняго дворца до Зеленаго (нынѣ Полицейскаго) моста. Тѣло Якима Волкова было предано землѣ на кладбищѣ Ямской слободы. По окончаніи погребенія, всѣ карлики и карлицы были привезены во дворецъ и угощены здѣсь обѣдомъ.

«Едва ли», замѣчаетъ въ своихъ запискахъ одинъ иностранецъ—очевидецъ, «гдѣ-нибудь въ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, можно увидѣть такую странную процессію!..»

Московскій маскарадъ 1722 года.

НИШТАДТСКІЙ миръ, которымъ заключилась двадцатилѣтняя борьба Россіи со Швеціей за обладаніе восточнымъ Балтійскимъ поморьемъ, имѣетъ громадное значеніе въ русской исторіи. Въ Ништадтѣ скрѣпилась навсегда связь Россіи съ образованнымъ міромъ, открылся обширный путь для ея промышленности и торговли, положенъ краеугольный камень рѣшительному перевѣсу ея на Сѣверѣ. Понятно, что заключеніе столь славнаго мира было отпраздновано цѣлымъ рядомъ невиданныхъ до тѣхъ поръ торжествъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ по своей оригинальности пятидневный маскарадъ, происходившій въ началѣ 1722 года въ Москвѣ.

Въ замѣчательномъ собраніи русскихъ гравюръ Д. А. Ровинскаго сохранился экземпляръ рѣдчайшей современной гравюры, изображающей этотъ курьезный маскарадъ. Прилагая здѣсь точную съ нея копію, считаю нелишнимъ привести и описаніе перваго, наиболѣе интереснаго, дня маскарада, сохранившееся въ дневникѣ очевидца, голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца.

30-го января, наканунѣ празднества, всѣ лица, участвовавшія въ маскарадѣ, собрались въ подмосковное село Всесвятское, въ которомъ заранѣе все уже было приготовлено для небывалаго зрѣлища. Переночевавъ здѣсь, участники на другой день рано утромъ

одѣлись въ маскарадныя платья и послѣ завтрака двинулись къ предмѣстью Москвы, гдѣ и приготовились окончательно къ торжественному въѣзду, происходившему въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди всѣхъ ѣхалъ шутовской маршалъ, окруженный группой самыхъ забавныхъ масокъ. За ними слѣдовалъ глава «всепьянѣйшаго собора», князь-папа И. И. Бутурлинъ. Онъ сидѣлъ въ большихъ саняхъ, на возвышеніи въ видѣ трона, въ папскомъ одѣяніи, т. е. въ длинной красной бархатной мантіи, подбитой горностаемъ. Въ ногахъ у него красовался, верхомъ на бочкѣ, превосходно гримированный Бахусъ, державшій въ правой рукѣ большой кубокъ, а въ лѣвой посудину съ виномъ. Потомъ ѣхала, верхомъ на волахъ, свита князя-папы, т. е. кардиналы въ полныхъ облаченіяхъ. Послѣ нихъ, въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ четырьмя пестрыми свиньями, двигался царскій шутъ, наряженный въ самый курьезный костюмъ. Затѣмъ слѣдовалъ Нептунъ, въ коронѣ, съ длинной сѣдою бородою и съ трезубцемъ въ правой рукѣ. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, сдѣланныхъ наподобіе раковины, и имѣлъ передъ собою двухъ сиренъ или морскихъ чудовищъ. За нимъ ѣхала въ гондолѣ «князь-игуменья» Стрѣшнева въ костюмѣ аббатисы, окруженная монахинями. Послѣ нея ѣхалъ со свитой настоящій маршалъ маскарада, князь Меншиковъ, въ огромной лодкѣ, поставленной на полозьяхъ и украшенной на кормѣ золоченой фигурой Фортуны; на носу лодки стояли литаврщикъ и два трубача. Князь и его свита были наряжены аббатами; онъ самъ сидѣлъ отдѣльно у кормы, а прочіе на скамьяхъ, по трое на каждой. За нимъ слѣдовала въ крытой баркѣ, или гондолѣ, княгиня Меншикова, съ своею сестрою и нѣсколькими дамами, одѣтыми испанками. Потомъ ѣхалъ «князь-кесарь» Ромодановскій, въ мантіи, подбитой горностаемъ, имѣя около себя нѣсколькихъ смѣшныхъ наперсниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ облаченъ въ курфиршескую мантію. Князь-кесарь сидѣлъ въ бѣлой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами, необыкновенно хорошо сдѣланными. За нимъ двигалась въ крытой гондолѣ вдовствующая царица Прасковья Ѳедоровна, съ дочерью; царица была въ старинной русской одеждѣ, а дочь ея въ пастушескомъ платьѣ. Далѣе слѣдовалъ въ очень натурально и красиво сдѣланной галерѣ, съ поднятыми парусами, великій адмиралъ Апраксинъ съ своею свитою: онъ былъ одѣтъ гамбургскимъ бургомистромъ. За нимъ ѣхали въ старой настоящей шлюпкѣ, поставленной на полозья, придворныя дамы вдовствующей царицы; потомъ слѣдовала шлюпка съ лоцманами, усердно бросавшими лотъ; это были все морскіе офицеры. За ними двигался гро-

мадный корабль самого императора (длиною въ 30 футовъ), сдѣланный совершенно наподобіе линейнаго корабля; на немъ было множество деревянныхъ и 10 небольшихъ настоящихъ пушекъ, изъ которыхъ по временамъ палили; кромѣ того, онъ имѣлъ большую каюту съ окнами, три мачты со всѣми принадлежностями, паруса и проч., однимъ словомъ, такъ походилъ на большое настоящее судно, что въ немъ можно было найти все, до послѣдней бечевки, и даже маленькую корабельную лодочку позади, въ которой могли помѣститься два человѣка. Самъ императоръ командовалъ кораблемъ, имѣя при себѣ 8 или 9 маленькихъ мальчиковъ въ одинаковыхъ боцманскихъ костюмахъ и одного роста, нѣсколькихъ генераловъ, одѣтыхъ барабанщиками, и нѣкоторыхъ своихъ денщиковъ и фаворитовъ. Государь дѣлалъ съ своими маленькими матросами на сухомъ пути всѣ маневры, возможные только на морѣ. Когда процессія двигалась по вѣтру, онъ распускалъ всѣ паруса, что, конечно, не мало помогало 15 лошадямъ, тянувшимъ корабль; если дулъ боковой вѣтеръ, то и паруса тотчасъ направлялись какъ слѣдовало; при поворотахъ принимались тѣ же самыя мѣры, какъ на морѣ. Всѣхъ удивляла необыкновенная ловкость и смѣлость, съ которыми маленькая команда царя лазила по канатамъ и мачтамъ. За кораблемъ государя ѣхала императрица съ своими придворными дамами, въ великолѣпной, вызолоченной гондолѣ, имѣвшей небольшую печь и обитой внутри краснымъ бархатомъ и широкими галунами. Гондолу тащили восемь рослыхъ лошадей. Форейторы и кучеръ были въ зеленыхъ матросскихъ костюмахъ съ золотою оторочкою и имѣли на шапкахъ небольшіе плюмажи. Спереди сидѣли придворные кавалеры, одѣтые арапами, а позади стояли и трубили два валторниста въ охотничьихъ костюмахъ. Кромѣ того, у кормы стоялъ мундшенкъ, одѣтый въ великолѣпный красивый бархатный костюмъ съ золотыми галунами. Императрица, сидѣвшая въ закрытой со всѣхъ сторонъ баркѣ такъ же хорошо и покойно, какъ въ комнатѣ, нѣсколько разъ мѣняла свой костюмъ, являясь то голландкой, то амазонкой, то въ красномъ бархатномъ платьѣ, обложенномъ серебромъ, то въ голубомъ, съ разными камзолами и другими принадлежностями; она имѣла на боку осыпанную брильянтами шпагу, а черезъ плечо екатерининскую ленту съ прекрасною брильянтовою звѣздою; въ рукахъ у нея было копье, а на головѣ бѣлокурый парикъ и шляпа съ бѣлымъ перомъ. За государыней ѣхалъ, въ буерѣ, ея маршалъ съ другими кавалерами. Затѣмъ слѣдовали члены «всепьянѣйшаго собора», одѣтые арлекинами, скарамушами, журавлями и т. п., въ громаднѣйшихъ саняхъ, устроен-

Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 году.

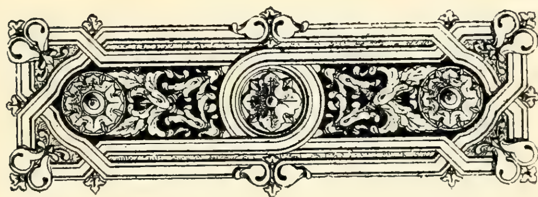
Съ весьма рѣдкой гравюры того времени.

ныхъ особеннымъ образомъ, а именно со скамьями, которыя спереди шли ровно, а потомъ поднимались все выше и выше, въ видѣ амфитеатра, такъ что сидѣвшіе вверху приходились ногами наравнѣ съ головами сидѣвшихъ внизу. Сзади этой машины, изображавшей изъ себя нѣчто въ родѣ головы дракона, были прицѣплены, связанныя между собою, 20 крошечныхъ саней, обитыхъ полотномъ и вмѣщавшихъ въ себѣ по одной маскѣ. Далѣе ѣхали сани, запряженныя шестеркой бурыхъ медвѣдей, которыми правилъ человѣкъ, весь зашитый въ медвѣжью шкуру, а потомъ длинныя, очень легкія сибирскія сани, везомыя 10-ю собаками и управляемыя старымъ камчадаломъ, въ національномъ костюмѣ. Затѣмъ слѣдовали сани герцога Голштинскаго, въ видѣ большой лодки; на переднемъ концѣ ихъ былъ придѣланъ большой рѣзной вызолоченный левъ, съ мечомъ въ правой лапѣ, а сзади, у кормы, также рѣзная, высеребренная фигура Паллады. Въ саняхъ, кромѣ герцога и его свиты, помѣщались музыканты. За герцогомъ, въ саняхъ, также имѣвшихъ видъ лодки съ большимъ вымпеломъ изъ голубой тафты съ нашитыми золотыми виноградными кистями, ѣхали иностранные министры, въ голубыхъ шелковыхъ домино. За ними въ большой же лодкѣ съ палаткой изъ краснаго сукна ѣхали дамы двора герцога Голштинскаго, костюмированныя скарамушами. Далѣе слѣдовалъ князь Валахскій со своей свитой, на турецкомъ суднѣ, имѣвшемъ пять небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ онъ всякій разъ отвѣчалъ, когда палили съ императорскаго корабля. Въ кормѣ этого судна было устроено возвышеніе, уложенное множествомъ подушекъ; князь возсѣдалъ на нихъ подъ балдахиномъ изъ бѣлой тафты. Онъ былъ одѣтъ въ великолѣпный турецкій костюмъ, такъ же какъ и его свита, изъ которой одинъ чалмоносецъ ѣхалъ возлѣ его саней на маленькомъ ослѣ.

Вообще, весь маскарадный поѣздъ состоялъ изъ 60 саней, изъ которыхъ подъ самыми небольшими было не менѣе шести лошадей. Слѣдовательно, рядъ выходилъ очень длинный, такъ что, по приказанію государя, десять унтеръ-офицеровъ гвардіи, посаженные на коней, постоянно разъѣзжали для наблюденія за порядкомъ. Маски отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ; между прочимъ гвардейскіе офицеры были одѣты латниками, англійскіе купцы—жокеями, нѣмецкіе купцы—остъ-индскими мореходами, и т. п. Дамы были костюмированы преимущественно испанками, крестьянками, пастушками, скарамушами и т. п. Самыя послѣднія большія сани поѣзда были сдѣланы наподобіе обыкновенной колбасной повозки; въ нихъ сидѣли десять слугъ князя-папы въ длинныхъ красныхъ

кафтанахъ и высокихъ, кверху зоостренныхъ шапкахъ. Поѣздъ замыкалъ, въ маленькихъ саняхъ, вице-маршалъ маскарада, генералъ Матюшкинъ, одѣтый гамбурскимъ бургомистромъ.

Въ такомъ порядкѣ маскарадная процессія доѣхала до тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ на Тверской улицѣ богачомъ Строгановымъ, который предложилъ участникамъ угощеніе въ особо построенномъ для этого домѣ. Отсюда поѣздъ двинулся къ Красной площади и Кремлю, по которому сдѣлалъ два круга, и наконецъ остановился у императорскаго дворца. Такъ какъ было уже 5 часовъ вечера и наступила темнота, то всѣ получили позволеніе отправиться по домамъ, съ тѣмъ, чтобы на завтрашній день собраться снова въ назначенное мѣсто для повторенія невиданной на Руси потѣхи.

Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

Вскорѣ послѣ основанія Петербурга и Кронштадта, Петръ Великій, убѣдившись въ затруднительности снабженія создаваемаго имъ балтійскаго флота огнестрѣльнымъ оружіемъ и другими воинскими припасами изъ внутреннихъ губерній Россіи, рѣшилъ построить вблизи столицы обширный оружейный заводъ со всѣми усовершенствованіями, видѣнными имъ за границей. Выборъ мѣста для такого важнаго сооруженія требовалъ особеннаго вниманія, и потому Петръ лично изслѣдовалъ всѣ окрестности, и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ подходящую мѣстность въ 26 верстахъ отъ Петербурга къ сѣверо-западу, на береговой песчаной отлогости, въ двухъ верстахъ отъ впаденія рѣки Сестры въ Финскій заливъ.

Изобиліе воды, необозримые лѣса, близость моря, столицы и Кронштадта, вполнѣ удовлетворяли желаніямъ Петра. Здѣсь, на крутомъ поворотѣ рѣки Сестры, образующемъ какъ бы полуостровъ, онъ заложилъ въ 1716 году главную плотину и распланировалъ зданія будущаго завода, названнаго имъ Систербекскимъ, или Сестрорѣцкимъ. Всѣ строительныя работы были возложены на приписныхъ крестьянъ Выборгскаго уѣзда, Кивинованской и Новокирхской деревень. Для руководства же этими крестьянами были переселены на постоянное жительство въ заводъ нѣсколько искуснѣйшихъ олонецкихъ плотниковъ съ семействами.

До заключенія мира со Швеціей, Петръ, озабоченный гораздо болѣе важными государственными дѣлами, не имѣлъ возможности наблюдать за ходомъ работъ въ Сестрорѣцкѣ, и потому постройки подвигались впередъ очень медленно. Но въ 1720 году, когда начались мирные переговоры на Аландскомъ конгрессѣ и Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ, постройка завода оживилась съ необычайной энергіей, такъ что черезъ годъ главная плотина, всѣ деревян-

Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.
Съ фотографіи художника Савельева.

ныя фабрики, казармы для помѣщенія рабочихъ, были уже совершенно окончены, и, къ величайшему удовольствію государя, заводъ открылъ свои дѣйствія въ 1722 году изготовленіемъ фузей и другого оружія.

Въ 1724 году въ Сестрорѣцкъ были выписаны изъ Пруссіи, Швеціи и Польши искусные мастера для отдѣлки оружія и принадлежностей къ нему по европейскимъ образцамъ, съ условіемъ,

чтобы къ окончанію контрактнаго срока они вполнѣ научили своему ремеслу избранное число сестрорѣцкихъ оружейниковъ, за что, сверхъ условленной цѣны, правительство обязалось наградить ихъ особыми суммами.

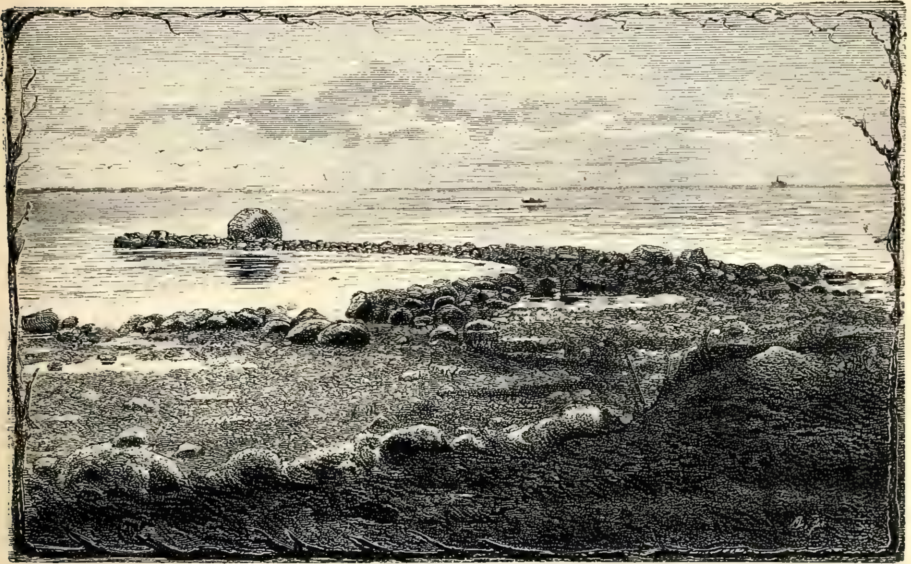
При обзорѣ заводскихъ окрестностей, Петру очень понравилось мѣстоположеніе выдавшагося въ Финскій заливъ мыса, и онъ, въ

Дубовая роща, посаженная Петромъ Великимъ въ Сестрорѣцкѣ.
Съ фотографіи художника Савельева.

1720 году, приказалъ выстроить на немъ, по плану, имъ самимъ составленному, трехъэтажный каменный дворецъ, который и былъ совершенно оконченъ на слѣдующій годъ. Во время частыхъ посѣщеній завода государь останавливался въ этомъ дворцѣ и въ свободные часы занимался разведеніемъ сада съ фруктовыми деревьями. По дорогѣ отъ завода къ дворцу тянулась дубовая аллея, болѣе похожая на рощу; многіе изъ дубовъ, по сохраняющемуся среди сестрорѣцкихъ жителей преданію, были посажены и взле-

лѣяны рукою Петра Великаго. Большая часть ихъ и до сихъ поръ пощажена бурями и всесокрушающимъ временемъ. Дворецъ былъ убранъ очень просто, но со вкусомъ, и заключалъ въ себѣ все необходимое для загородной дачи. Въ церковь, устроенную во дворцѣ, при ея освященіи, государь перенесъ изъ Петербургскаго Троицкаго собора образъ св. Николая чудотворца. Садъ и его дубовыя аллеи были окружены рвомъ въ полсажени глубиною, а внутри

Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.
Съ фотографіи художника Савельева.

находились пруды. Хотя они теперь и заросли, но правильность береговъ ихъ видна до сихъ поръ.

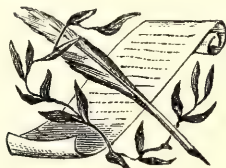
Противъ дворца, на юго-востокъ, была устроена небольшая гавань, въ которой помѣщались суда, приходившія изъ Кронштадта за издѣліями завода, или привозившія въ послѣдній съѣстные припасы и матеріалы для работъ. Береговая часть гавани была укрѣплена бревенчатыми сваями въ два ряда, съ значительною насыпью, служившею какъ бы бульваромъ передъ дворцомъ. Отъ гавани въ настоящее время сохранились еще кое-гдѣ остатки свай.

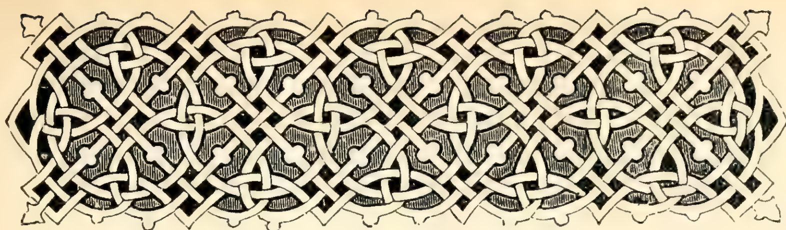
На огромномъ гранитномъ рифѣ, выдавшемся въ заливъ, въ ста саженяхъ отъ берега, противъ дворца, была построена на желѣзныхъ рамахъ бесѣдка, гдѣ Петръ любилъ угощать почетныхъ

гостей, посѣщавшихъ Сестрорѣцкъ. На этой скалѣ, обнажающейся при убыли воды отъ продолжительнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и теперь еще замѣтны мѣста, залитыя свинцомъ, гдѣ были укрѣплены рамы бесѣдки.

По кончинѣ Петра Великаго, дворецъ Сестрорѣцкій, не посѣщаемый никѣмъ, оставался въ запустѣніи и началъ мало-по-малу разрушаться. Всѣ украшенія его и утварь, какъ-то: зеркала, драпировки, мебель, были взяты обратно въ гофъ-интендантскую контору, а иконостасъ и церковныя принадлежности пожертвованы въ Петропавловскую Сестрорѣцкую церковь, гдѣ хранятся до сего времени. Церковь эта первоначально была деревянная, но въ 1782 году вмѣсто нея стали строить каменную, и императрица Екатерина II разрѣшила разобрать полуразрушенный дворецъ и употребить оставшійся отъ него кирпичъ на церковную постройку.

Недалеко отъ Сестрорѣцка находится селеніе Лахта, памятное тѣмъ, что здѣсь въ октябрѣ 1724 года Петръ Великій, спасая ставшій на мель ботъ съ солдатами, получилъ ту смертельную болѣзнь, которая черезъ два мѣсяца свела его въ могилу. Изъ гранитныхъ глыбъ, окружающихъ берега близъ Лахты, впослѣдствіи взятъ громадный камень, служащій подножіемъ конной статуи великаго царя на Сенатской площади, въ Петербургѣ.

Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.

I.

Въ 1697 ГОДУ, во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи, амстердамскіе бургомистры, желая сдѣлать ему удовольствіе, устроили въ заливѣ Эй примѣрное морское сраженіе подъ руководствомъ адмирала Схея. Всѣ парусныя суда, какія только можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ, передъ Схелингвудомъ. Петръ, сопровождаемый своей свитой и бургомистрами, пріѣхалъ на богато украшенной яхтѣ, которую флотъ привѣтствовалъ залпомъ изъ всѣхъ орудій. Вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ батарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что едва можно было разслышать командныя слова, передаваемыя въ рупоръ. Государь не хотѣлъ оставаться простымъ зрителемъ: онъ перебрался на военный корабль и постоянно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе. Распоряжаясь кораблемъ, Петръ обратилъ вниманіе на одного молодого юнгу, почти еще мальчика, съ еврейскимъ типомъ лица, очень красиваго и стройнаго. Этотъ юнга съ замѣчательной ловкостью лазилъ по веревочнымъ лѣстницамъ на мачты, крѣпилъ и ослаблялъ паруса и, вообще, быстро и толково исполнялъ всякія корабельныя работы. По окончаніи маневровъ, Петръ подозвалъ

его, похвалилъ за расторопность, подарилъ талеръ и спросилъ, кто и откуда онъ. Юнга бойко отвѣчалъ, что его зовутъ Антономъ Дивьеромъ, что онъ сынъ португальскаго еврея, переселившагося въ Голландію и здѣсь крестившагося, что отецъ его умеръ, не оставивъ ему никакихъ средствъ, и онъ по необходимости поступилъ въ юнги, не имѣя случая найти себѣ другое, болѣе легкое занятіе. Толковые отвѣты юноши и его симпатичная наружность такъ понравились государю, что онъ тутъ же предложилъ Дивьеру поступить къ нему въ услуженіе, обѣщая, если онъ будетъ служить честно и вѣрно, позаботиться объ его дальнѣйшей судьбѣ. Разумѣется, молодой юнга съ восторгомъ принялъ предложеніе и на другой же день былъ зачисленъ въ штатъ царской прислуги пажомъ.

Петръ не ошибся въ выборѣ. Дивьеръ, дѣйствительно, оказался способнымъ, исполнительнымъ и честнымъ слугой. Не обладая большимъ умомъ, онъ былъ, однакоже, смышленъ, вкрадчивъ, безкорыстенъ, неутомимъ и, кромѣ всего этого, обладалъ живымъ, веселымъ характеромъ. Благодаря этимъ качествамъ, онъ скоро заслужилъ расположеніе государя и всей его семьи, былъ сдѣланъ сперва царскимъ денщикомъ, на которыхъ тогда возлагались разнообразныя порученія, требовавшія находчивости, сообразительности и ловкости, а затѣмъ, быстро возвышаясь, въ короткое время достигъ чина генералъ-майора и званія генералъ-адъютанта.

Освоившись съ русскимъ языкомъ и обычаями, войдя въ кругъ людей, приближенныхъ къ царской фамиліи, Дивьеръ все-таки чувствовалъ себя чуждымъ въ высшемъ обществѣ, которое относилось весьма сдержанно и холодно къ португальскому выходцу. Онъ рѣшилъ преодолѣть это препятствіе женитьбой. Обратить свои искательства въ среду родовыхъ боярскихъ семей онъ не смѣлъ, зная, что его еврейское происхожденіе явится здѣсь несокрушимой препоной: оставалось пробовать счастія у новой аристократіи, созданной Петромъ изъ разночинцевъ, выдвинувшихся на высшія ступени государственной іерархіи своею службою и дарованіями. У всесильнаго и самаго выдающагося представителя этой аристократіи, князя Александра Даниловича Меншикова, была сестра Анна, не особенно красивая и уже въ годахъ, почти потерявшая надежду выйти замужъ, такъ какъ гордый и зазнавшійся князь постоянно находилъ всѣхъ сватавшихся къ ней жениховъ недостойными породниться съ нимъ. Сюда-то и направилъ свои виды Дивьеръ, разсчитывая, не безъ основанія, что, породнившись съ царскимъ любимцемъ, онъ сразу упрочитъ не только свое слу-

жебное и общественное положеніе, но и матеріальное, потому что Меншиковъ назначилъ сестрѣ хорошее приданое. Красивому и ловкому португальцу удалось безъ особенныхъ усилій страстно влюбить въ себя перезрѣлую дѣвушку. Обезпечивъ себя съ этой стороны, Дивьеръ рѣшился наконецъ объясниться съ самимъ Меншиковымъ. Но едва лишь онъ заикнулся объ Аннѣ Даниловнѣ, какъ свѣтлѣйшій князь пришелъ въ страшный гнѣвъ! Внѣ себя, онъ бросился на Дивьера, собственноручно далъ ему нѣсколько пощечинъ и, не довольствуясь этимъ, позвалъ своихъ челядинцевъ и велѣлъ имъ бить на смерть непрошеннаго жениха. Несчастный Дивьеръ, избитый и окровавленный, едва вырвался изъ рукъ усердныхъ слугъ Меншикова и поскакалъ съ жалобой прямо къ государю. Петръ принялъ это дѣло близко къ сердцу. Судъ его былъ коротокъ. Онъ потребовалъ къ себѣ Меншикова и, не принимая никакихъ возраженій, приказалъ ему въ теченіе трехъ дней обвѣнчать сестру его съ Дивьеромъ. Понятно, что послѣ такого происшествія между всесильнымъ временщикомъ и навязаннымъ ему родственникомъ возникла непримпримая ненависть. Оба, разумѣется, внѣшнимъ образомъ скрывали ее, но въ душѣ только ждали удобнаго случая погубить одинъ другого.

II.

Петербургъ сдѣлался столицей, въ сущности, съ 1710 года, когда Петръ Великій окончательно перебрался въ него со всей царской фамиліей, сосредоточилъ здѣсь высшую администрацію и повелѣлъ переселить сюда на постоянное житье мастеровыхъ людей изъ центровъ Россіи, съ ихъ семействами, въ числѣ 15,000 человѣкъ и построить для нихъ на средства казны жилища. Вслѣдствіе этого городъ началъ быстро обстроиваться, и черезъ нѣсколько лѣтъ народонаселеніе его опредѣлялось уже приблизительно въ 35,000 осѣдлыхъ жителей. Разнообразныя мѣры государя къ улучшенію внѣшняго быта населенія новой столицы, развитію въ ней промышленности, устройству благообразія и благочинія, потребовали созданія особаго учрежденія, которое наблюдало бы за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ. Такое учрежденіе явилось въ лицѣ перваго въ Россіи генералъ-полицеймейстера и подвѣдомственной ему канцеляріи. Петръ нашелъ, что наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для столь отвѣтственной должности былъ Дивьеръ, въ энергіи и честности котораго онъ имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться.

27-го мая 1718 года состоялся слѣдующій высочайшій указъ сенату:

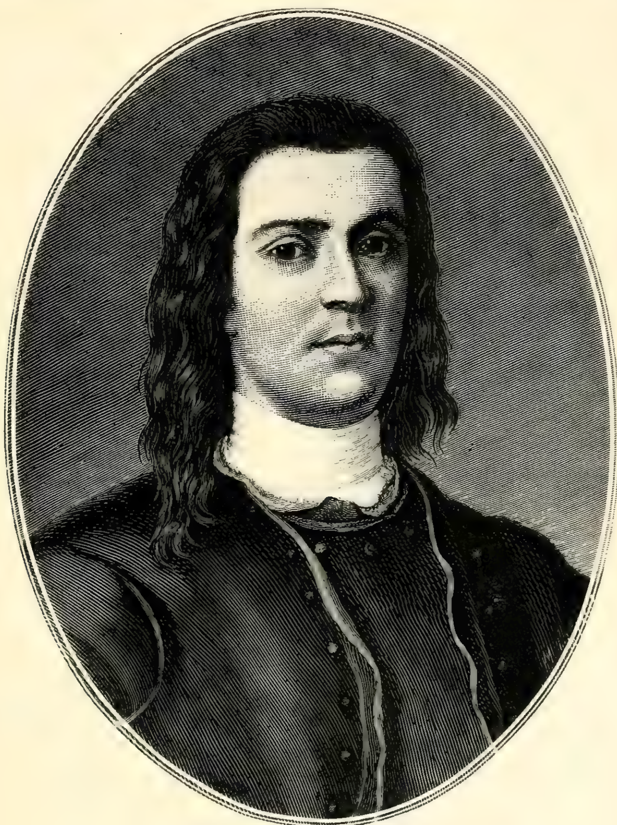
«Господа сенатъ! Опредѣлили мы для лучшихъ порядковъ въ семъ городѣ генералъ-полицеймейстера, которымъ назначили нашего генералъ-адъютанта Дивьера, и дали пункты, какъ ему врученное дѣло управлять. И ежели противъ оныхъ пунктовъ чего отъ васъ требовать будетъ, то чините. Также всѣмъ жителямъ здѣшнимъ велите публиковать, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался. Петръ».

Инструкція, данная государемъ Дивьеру, состояла изъ тринадцати пунктовъ, гдѣ подробно были изложены обязанности полиціи относительно наблюденія за правильностью построекъ въ городѣ, укрѣпленіемъ береговъ Невы и притоковъ, чистотою улицъ и переулковъ, порядкомъ на торговыхъ площадяхъ и рынкахъ, опрятностью помѣщеній торговцевъ, свѣжестью продаваемыхъ съѣстныхъ припасовъ, точностью мѣръ и вѣсовъ, и т. п. Полиція должна была не допускать злоумышленнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты; осматривать каждые три мѣсяца печи во всѣхъ жилыхъ зданіяхъ; искоренять азартныя игры въ зернь и карты; «испровергать» притоны разврата; забирать «гулящихъ и слоняющихся» людей и отдавать ихъ, по допросѣ, въ работы; отбирать отъ домохозяевъ свѣдѣнія о живущихъ у нихъ лицахъ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ; учреждать ночные караулы, при чемъ «караульщики ходили бы по ночамъ съ трещотками, какъ обычай въ другихъ краяхъ»; содержать въ сборныхъ пунктахъ, на случай пожара, водоливныя трубы, ведра, топоры, войлочные щиты, паруса, крючья, лѣстницы; наконецъ, отводить квартиры солдатамъ въ домахъ обывателей, безъ различія званія, и т. д. «Для лучшаго смотрѣнія всякаго противъ сихъ пунктовъ неисправленія», заключалъ Петръ, «надлежитъ опредѣлить въ каждой слободѣ, или улицѣ, старосту и къ каждымъ десяти дворамъ десятскаго изъ тѣхъ же жителей, и дабы каждый десятскій за своимъ десяткомъ накрѣпко смотрѣлъ, чтобы чего не учинилось противнаго запрещенію; и ежели за кѣмъ что усмотритъ, о томъ тотчасъ объявить старостѣ, а ему полицеймейстеру, также учинить распорядокъ между жителями, кому съ какимъ пожарнымъ орудіемъ ходить на пожары».

Получивъ отъ государя «пункты», Дивьеръ обратился въ сенатъ съ просьбой о присылкѣ къ нему всѣхъ постановленій, о выполненіи которыхъ онъ долженъ имѣть наблюденіе, о снабженіи вновь учреждаемаго управленія потребнымъ числомъ служащихъ

лицъ и о публикованіи царскаго повелѣнія, обязывавшаго жителей столицы исполнять всѣ его распоряженія.

Сенатъ 4-го іюня опредѣлилъ: 1) сообщить Дивьеру всѣ указы; 2) дать 10 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ и 160 «солдатъ добрыхъ», одного дьяка и 10 подъячихъ—для канцеляріи; 3) отпустить 300 рублей на первоначальные расходы; 4) для выбора старостъ и

Графъ А. М. Дивьеръ.

Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года.

десятскихъ прислать вѣдомости о числѣ домовъ изъ губернской канцеляріи; 5) вытребовать планы строеній въ городѣ и фасады образцовыхъ домовъ; 6) распубликовать указъ сената объ исполненіи требованій полиціи наклейкою листовъ на перекресткахъ улицъ.

Дивьеръ прежде всего поспѣшилъ организовать личный составъ генералъ-полицеймейстерской канцеляріи, выбравъ себѣ въ помощ-

ники майора Рыкунова, которому было назначено жалованья 168 рублей въ годъ. Занятія остальныхъ офицеровъ (жалованье которыхъ, сообразно чину, колебалось отъ 100 до 50 рублей въ годъ) были отчасти спеціализированы: однимъ поручено наблюденіе за рынками и торговлей; другимъ—за чистотой и порядкомъ на улицахъ; третьимъ—сыскъ воровскихъ людей, пристанодержателей и укрывателей и т. д. Впрочемъ, та или другая служебная обязанность, на то или другое время, возлагалась на нихъ по усмотрѣнію генералъ-полицеймейстера, и положеніе при немъ офицеровъ скорѣе можно сравнить съ положеніемъ нынѣшнихъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій. Дьяки и подъячіе вѣдали исключительно письмоводство. Общій расходъ на содержаніе всего личнаго состава полиціи на первое время былъ исчисленъ въ 1,059 рублей. Форма полицейскихъ состояла изъ кафтана, брюкъ и картузовъ василькового цвѣта съ алыми обшлагами, зеленыхъ камзоловъ, шпаги на лосиной перевязи, ружья и патронной сумы. Сформировавъ свой штатъ, Дивьеръ усердно принялся за благоустройство города, что представляло не мало затрудненій.

Петербургъ того времени былъ не что иное, какъ окруженное лѣсами болото, среди котораго пролегали мѣстами непроходимыя отъ грязи и ночью совершенно темныя улицы, съ разбросанными на обширномъ пространствѣ лачугами и наскоро сколоченными хижинами; только кое-гдѣ, преимущественно на Адмиралтейской сторонѣ и около Петропавловской крѣпости, встрѣчались барскіе дома, построенные на голландскій манеръ. Составъ населенія былъ самый разнообразный: рабочіе и мастеровые, насильно согнанные со всѣхъ концовъ Россіи, мелкіе торговцы всякой всячиной, солдаты, иностранные шкипера и матросы, чухонцы, колодники, разношерстный сбродъ, искавшій заработка и наживы, и т. п. Пьянство, развратъ, воровство, насиліе, грабежи, были обычнымъ явленіемъ и постоянной угрозой для обывателей, но не одни только люди наводили на нихъ страхъ: окрестные лѣса изобиловали волками, дерзость которыхъ доходила до того, что, напримѣръ, въ 1714 году они заѣли двухъ солдатъ, стоявшихъ на часахъ у Литейнаго двора, а немного спустя, на Васильевскомъ островѣ, у самыхъ воротъ дома князя Меншикова, загрызли одну изъ его прислугъ; смѣлые хищники взрывали кладбища и поѣдали трупы покойниковъ, такъ что для обузданія ихъ иногда отряжались цѣлыя команды.

Несмотря на то, что относительно распоряженій Дивьера сохранились лишь отрывочныя и случайныя свѣдѣнія, мы все-таки и на основаніи ихъ можемъ имѣть довольно ясное понятіе о его

дѣятельности, какъ перваго петербургскаго генералъ-полицеймейстера.

Первымъ распоряженіемъ Дивьера было изданіе правилъ мощенія улицъ: «Каждому жителю противъ своего двора посыпать пескомъ и камнемъ мостить гладко, какъ будетъ показано отъ мастеровъ, и чтобы стоки были вдоль улицъ, къ дворамъ ближе, а по концамъ улицъ стоки дѣлать къ рѣкамъ и прудамъ, чтобы были твердо утверждены, дабы весною и въ дожди не заносило». Относительно обдѣлки недостроеннаго берега предписывалось «по рѣкѣ и по протокамъ, чтобъ каждый противъ своего двора сваи билъ и къ сваямъ сталъ фашины и землею засыпалъ крѣпко-накрѣпко».

Затѣмъ, согласно представленію Дивьера, сенатомъ были установлены наказанія за нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ инструкціи генералъ-полицеймейстера. Домовладѣльцы, за необъявленіе о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а также за принятіе въ работы людей безъ свидѣтельства и добрыхъ порукъ, подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторгу, а имущество отбиралось въ казну. Такому же наказанію подвергались допускавшіе производить въ своей квартирѣ азартную игру или пьянство. Кто въ рынкахъ и рядахъ продавалъ нездоровые припасы или мертвечину, то въ первый разъ получалъ кнутъ, во второй—ссылался на каторгу, въ третій — подвергался смертной казни. Вѣсы должны были быть непремѣнно «за орломъ» (то-есть съ клеймомъ), а за фальшивые угрожалось «жестокимъ штрафомъ». За несоблюденіе въ исправности печей, комелей и трубъ полагался значительный для того времени штрафъ: въ первый разъ — 10 рублей, во второй—20 рублей, въ третій—30 рублей.

По улицамъ Петербурга предписывалось соблюдать величайшую чистоту, «чтобы никакого скаредства и мертвечины не валялось». Каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ противъ своего двора рано утромъ или вечеромъ, когда по улицамъ не было ни ѣзды, ни ходьбы, сметать всякій соръ, а камни, которые выламывались въ продолженіе дня, поправлять. За неисполненіе этого правила взыскивался штрафъ, по двѣ деньги съ сажени.

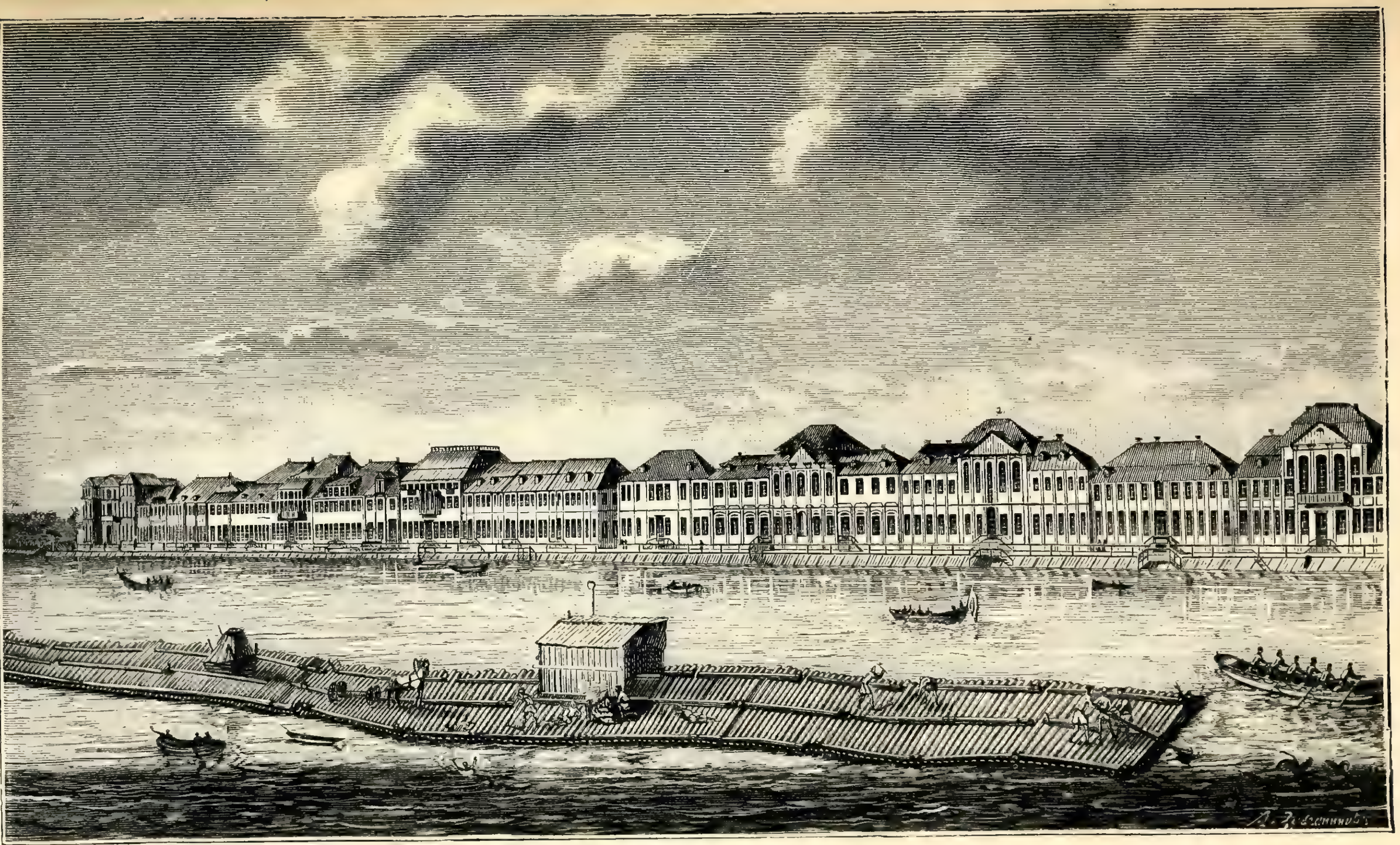
Особенно строго наказывались тѣ, кто вывозилъ на Неву и другія рѣки пометъ и соръ («для того, что такими пометами тѣ рѣки засариваются, отчего по тѣмъ рѣкамъ судамъ проходъ чинится не свободный»). Въ такихъ случаяхъ у знатныхъ ихъ служители, а незнатные домовладѣльцы самолично, были биты кнутомъ и ссылались въ вѣчную каторжную работу.

Постановлено было, чтобы всѣ торгующіе въ Петербургѣ съѣстными припасами по улицамъ и въ лавкахъ «ходили въ бѣломъ мундирѣ, по указу, а мундиръ бы дѣлали по образцу, какъ въ мясномъ и рыбномъ рядахъ у торговыхъ людей». Съ неисполнявшихъ правили штрафъ, а товаръ отбирали въ казну.

Воспрещалось, «чтобъ никто, никакого чину по малой рѣчкѣ Мью и по другимъ малымъ рѣчкамъ и по каналамъ, днемъ и ночью, на лошадяхъ, въ саняхъ и верхомъ, кромѣ пѣшихъ, отнюдь не ѣздили, а ѣздили бы по улицамъ проѣзжимъ того ради, что отъ коневого помета засариваются оныя рѣчки и каналы».

«Для прекращенія воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей» учреждены шлагбаумы, при которыхъ по ночамъ находился караулъ съ дворовъ по очереди. Шлагбаумы находились по концамъ каждой улицы; они опускались ежедневно вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу, а поднимались послѣ пробитія утренней зари въ крѣпости. Въ продолженіе ночи черезъ шлагбаумъ пропускались воинскія команды, знатные господа, лекаря, священники, повивальныя бабки и лица, посланныя по дѣламъ службы; но всѣ они должны были имѣть при себѣ фонари. Впослѣдствіи подтверждено: «когда шлагбаумы ночью опустятъ, въ такіе часы знатныхъ персонъ и при нихъ служителей пропускать съ фонарями безъ задержанія, а безъ фонарей не пропускать. А изъ подлыхъ въ такіе неуказные часы, развѣ кто за крайнею нуждою пойдетъ одинъ съ фонаремъ, спрося у него, пропускать же; а ежели два, или три человѣка и болѣе изъ подлыхъ пойдутъ, хотя и съ фонаремъ, и тѣхъ брать подъ арестъ». При крикѣ «караулъ», рогаточному караулу, подъ страхомъ смертной казни, приказано оказывать вспоможеніе кричавшему.

Просившихъ милостыню велѣно ловить и арестовывать и отбирать отъ нихъ показанія, откуда они и какъ давно бродятъ. Послѣ опроса, просившій милостыню наказывался батогами и отсылался на мѣсто жительства; при вторичномъ же захватѣ, нищенствовавшаго мужчину били кнутомъ на площади и отсылали на каторгу, женщинъ посылали на суконную фабрику въ работу, а несовершеннолѣтнихъ ребятъ послѣ наказанія батогами отдавали или въ мастерство, или тоже на суконную фабрику. Если нищенствующіе, по разслѣдованіи, оказывались помѣщичьими крестьянами, то съ помѣщика за каждаго человѣка взыскивался штрафъ по пяти рублей. «Пѣвшіе на улицѣ пѣсни» также забирались въ полицію и наказывались батогами.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Набережная. (Съ гравюры того времени Зубова).

Извозчиковъ, ѣздившихъ на невзнузданныхъ лошадяхъ или сбивавшихъ пѣшеходовъ, за первую подобную вину драли кошками, за вторую—кнутомъ, за третью—ссылали въ каторгу.

Съ 1721 года Петербургъ начали освѣщать фонарями, которыхъ требовалось (исключая бывшихъ уже на Васильевскомъ островѣ) 595 штукъ. По смѣтѣ, освѣщеніе улицъ и содержаніе фонарщиковъ обходилось тогда въ 21,438 рублей. Освѣщеніе производилось конопляннымъ масломъ и продолжалось только пять часовъ въ сутки.

Сначала расходы на освѣщеніе улицъ хотѣли отнести на домовладѣльцевъ, взимая съ нихъ деньги по числу квадратныхъ саженъ владѣемаго мѣста. Въ докладѣ сенату 1721 года Дивьеръ испрашивалъ, для облегченія жителей, и безъ того обремененныхъ постоями и другими повинностями, брать деньги на освѣщеніе города изъ неокладныхъ сборовъ: съ продажи на возахъ хлѣба, сѣна, дровъ, съ бань, хомутныхъ денегъ и т. п. Такихъ сборовъ поступало въ теченіе года около 11,000 рублей, и изъ нихъ же генералъ-полицеймейстеръ предполагалъ покрывать расходы на мощеніе улицъ, площадей, также содержаніе ихъ въ чистотѣ и прочіе.

Далѣе, Дивьеръ представлялъ о необходимости имѣть особаго городского архитектора съ жалованіемъ въ годъ по 1,000 рублей и трехъ «архитекторскихъ подмастерьевъ» съ ежегоднымъ жалованьемъ по 150 рублей каждому.

Для содержанія города въ чистотѣ, Дивьеръ просилъ установить особыхъ 25 фурманщиковъ съ 50 лошадьми и при нихъ столькими же рабочими для своза съ улицъ сора и навоза; все это, по смѣтѣ, могло обойтись въ 2,750 рублей. Сверхъ того, онъ полагалъ вмѣсто 1,200 ночныхъ караульщиковъ, наемъ которыхъ на каждую ночь стоилъ по 5 алтынъ на человѣка, употреблять рекрутъ за опредѣленное жалованье.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ представленій, сенатъ разрѣшилъ выдать генералъ-полицеймейстеру изъ суммъ штатсъ-конторы 5,000 рублей на фонари, фурманщиковъ и прочее, а всю сумму, требуемую на расходы, разложить на жителей въ цѣломъ государствѣ «для того, что здѣшнее мѣсто (Петербургъ) безъ того дороговизною провіанта и харча и квартирами отягчено, а другіе такой тягости не имѣютъ». Жалованье архитектору и его «подмастерьямъ» было опредѣлено давать изъ городовой канцеляріи, а ночныхъ караульщиковъ оставить на прежнемъ основаніи.

Въ 1723 году положено было на содержаніе фонарей, чищеніе улицъ, укрѣпленіе береговъ и проч. собирать съ домовладѣльцевъ

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Набережная. (Съ гравюры того времени, Зубова).

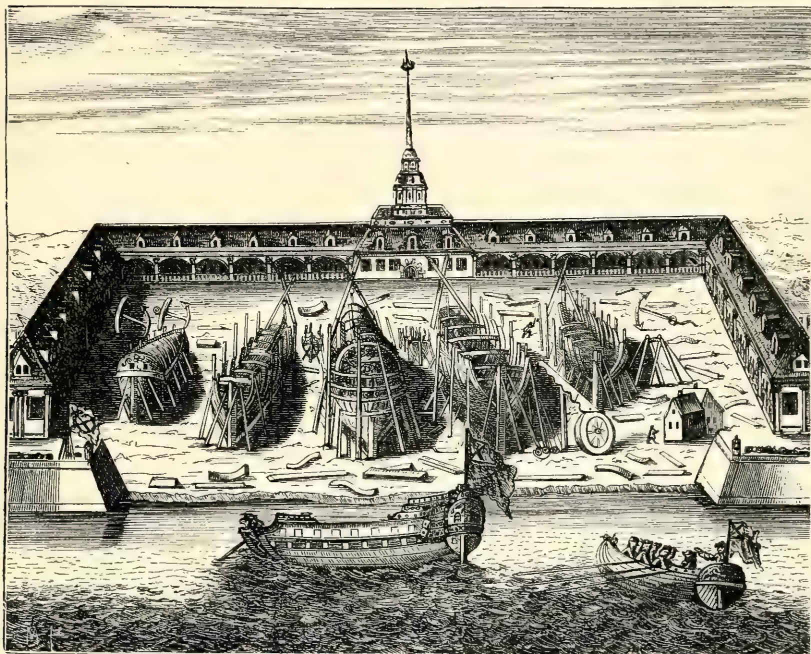
съ каждой квадратной сажени: на Адмиралтейскомъ островѣ по Мью рѣку и на Васильевскомъ островѣ—по копейкѣ; а за Мьею по Фонтанной—по деньгѣ; на Московской и Выборгской сторонахъ и на Аптекарскомъ островѣ—по полушкѣ. Отъ платежа этихъ денегъ были изъяты только получавшіе жалованье 20 и менѣе рублей въ годъ. Кромѣ этого налога, въ канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ на подмогу былъ отданъ хомутный сборъ и четвертая доля сбора съ постоялыхъ дворовъ.

Что касается пожарной части въ Петербургѣ въ Петровское время, то одинъ изъ иностранцевъ-очевидцевъ отзывается съ похвалою о мѣрахъ, которыя были тамъ приняты для прекращенія пожаровъ. Несмотря на то, что не проходило недѣли безъ пожара и что въ городѣ бо̀льшая часть зданій были деревянныя, крытыя досками или дранью, легко воспламенявшимися, пожары, благодаря разумнымъ распоряженіямъ полиціи, никогда не были велики, и рѣдко сгорало разомъ два дома, да и то развѣ если они стояли близко одинъ отъ другого. На всѣхъ городскихъ башняхъ помѣщались постоянно караульщики, сторожившіе городъ денно и нощно: едва замѣчали они пламя въ какомъ-нибудь зданіи, то ударяли въ набатъ, повторявшійся затѣмъ на всѣхъ колокольняхъ, а войска били тревогу въ барабаны. Заслыша это, на пожаръ бѣжали тысячи плотниковъ, которыми былъ полонъ городъ и которые были обязаны, какъ и солдаты, подъ страхомъ жестокаго наказанія за неисполненіе, сбѣгаться съ топорами на мѣсто происшествія. Когда государь былъ въ городѣ, то всегда являлся на пожаръ изъ первыхъ. Онъ собственнымъ примѣромъ поощрялъ работниковъ и, въ случаѣ большой опасности, вооружался самъ топоромъ, взбирался на полусгорѣвшіе дома и вообще дѣйствовалъ такъ, что у зрителей часто пробѣгала по жиламъ дрожь.

Мѣдныя пожарныя трубы съ рукавами были только въ Адмиралтействѣ. Дивьеръ, представляя въ 1721 году сенату, что эти трубы за дальностью разстояній не поспѣвали всюду во время, ходатайствовалъ о заказѣ для четырехъ острововъ по одной заливной мѣдной трубѣ съ рукавами въ Голландіи, каждая по 400 руб., что сенатъ и разрѣшилъ.

Изъ приведенныхъ нами отрывочныхъ свѣдѣній о дѣятельности Дивьера, какъ перваго генералъ-полицеймейстера, можно вывести заключеніе, что онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія государя и былъ усерднымъ и толковымъ исполнителемъ стремленій Петра устроить любимый имъ «парадизъ» по образцу европейскихъ городовъ. По словамъ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, жившаго въ Пе-

тербургѣ въ концѣ царствованія Петра Великаго, Дивьеръ славился своею строгостью и внушалъ городскимъ обывателямъ такой страхъ, что они дрожали при одномъ его имени. Къ сожалѣнію, есть указанія, что иныя мѣры, предпринимаемыя Дивьеромъ на пользу петербургскаго населенія, нерѣдко тормозились медленностью и равно-

Адмиралтейство.
(Съ гравюры 1716 года).

душіемъ сената, черезъ который только, въ отсутствіе государя, онъ и могъ проводить свои распоряженія.

Весь 1722 годъ Петръ находился въ персидскомъ походѣ и вернулся въ Петербургъ лишь въ мартѣ 1723 года. Въ это время цѣны на хлѣбъ и другіе припасы очень поднялись, и генералъ-полицеймейстеръ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, имѣлъ основаніе убѣдиться, что цѣны подняты искусственно и представилъ въ сенатъ свои предположенія о средствахъ для противодѣйствія такому злу, но тщетно дожидался какой-либо резолюція въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Приводимъ любопытное письмо по этому поводу Дивьера къ Меншикову, исполнявшему тогда должность Ингерманландскаго генералъ-губернатора.

«Хотя моя должность и принуждала о семъ его императорскому величеству писать, дабы мнѣ сіе въ упущеніе не причлось, токмо сего оставить не хотѣлъ, дабы прежде вашей свѣтлости о томъ предложить, и дабы оное не причлось и правительствующему сенату въ несмотрѣніе, что мы по его величества пунктамъ свое мнѣніе и росписаніе пунктами о порядочной продажѣ цѣнами муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ правительствующему сенату многократно предлагали и о прочихъ дѣлахъ нужныхъ резолюцій требовали, какъ явствуетъ при семъ приложенная краткая выписка. Понеже, мой премилостивый государь, еще и понынѣ за неотвѣтствіемъ, по предложеніямъ нашимъ, изъ сената никакого опредѣленія достойнаго цѣнами въ продажѣ съѣстныхъ товаровъ не учинено, и купцы, какъ хотятъ, такъ цѣну и подвигаютъ, отговариваясь и указывая, гдѣ хлѣбу есть недородъ, то тамъ-де и тамъ дорогими цѣнами покупается. А нынѣ изъ такихъ мѣстъ и въ привозѣ нѣтъ, а во Псковѣ и по рублю четверть хлѣба покупалась и въ другихъ мѣстахъ, то и цѣнѣ противъ прежней сбавка, а здѣшніе купцы токмо цѣну подвышаютъ, а сбавки не бываетъ, хотя бъ гдѣ дешево покупали. И сего ради, видя за такимъ ихъ подвышеніемъ цѣнъ народное отягощеніе, хотя отъ сената резолюціи о томъ по предложенію нашему и не получили, принуждены были у такихъ купцовъ подъ караулъ брать приказчиковъ, а хозяева ушли и въ повышеніи цѣнъ допрашиваны; опредѣлили за всѣми ихъ расходами и харчами брать имъ съ рубля барыша по гривнѣ, пока изъ сената получено будетъ къ намъ на предложенные о томъ пункты опредѣленіе.

«Сего ради прошу вашу свѣтлость, дабы соизволили милостивое стараніе возымѣть, чтобъ предложеніе мое въ сенатѣ обо всемъ было выслушано и опредѣленіе положено, дабы такія необходимыя дѣла для государственной пользы въ продолженіи долѣе не были оставлены, и его императорскому величеству, какъ увѣдаетъ, во гнѣвъ не произошло, понеже третій годъ какъ пункты поданы: слушать время было довольное».

Но подобные случаи могли происходить лишь въ отсутствіе Петра. Когда онъ находился въ Петербургѣ, Дивьеръ ежедневно лично докладывалъ ему о всѣхъ петербургскихъ происшествіяхъ. Да и самъ государь входилъ во все, что касалось благоустройства новой столицы, не пропускалъ безъ вниманія никакой мелочи и за всякое малѣйшее замѣченное имъ упущеніе взыскивалъ строго, при чемъ доставалось и самому Дивьеру, какъ это видно изъ одного анекдота, разсказаннаго Голиковымъ и Штелинымъ.

Однажды Петръ, проѣзжая по городу вмѣстѣ съ Дивьеромъ въ одноколкѣ, приблизился къ мосту черезъ каналъ у Новой Голландіи. Мостъ былъ неисправенъ, потому что кто-то укралъ съ него нѣсколько досокъ. Государь приказалъ своему денщику сдвинуть остальныя доски, чтобы можно было переѣхать, а самъ, между тѣмъ, отсчиталъ генералъ-полицеймейстеру нѣсколько ударовъ дубинкой, приговаривая: «Это лучше прибавить тебѣ памяти о попеченіи и содержаніи мостовъ въ порядкѣ: будешь самъ все осматривать!». Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ Дивьеру: «садись, братъ!» и поѣхалъ дальше, продолжая прерванный разговоръ.

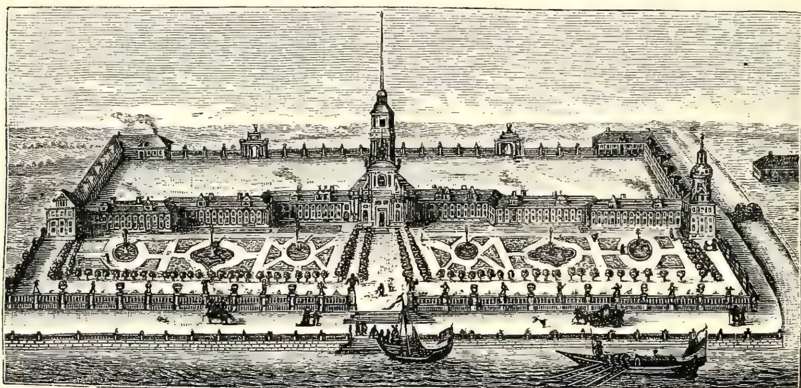
III.

28-го января 1725 г. Петръ Великій умеръ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія. Благодаря энергическимъ и вѣрно обдуманнымъ мѣрамъ, своевременно принятымъ княземъ Меншиковымъ, Екатерина I была провозглашена самодержавной императрицей. Новая государыня начала свое царствованіе щедрыми наградами всѣмъ лицамъ, которыя доказали ей свою преданность. Въ числѣ ихъ находился и Дивьеръ, неизмѣнно пользовавшійся расположеніемъ Екатерины и сумѣвшій войти въ тѣсный кружокъ ея приближенныхъ. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, получилъ орденъ св. Александра Невскаго, званіе сенатора и наконецъ графскій титулъ. Еще при жизни Петра, Екатерина всякій разъ, когда уѣзжала изъ Петербурга, поручала наблюденію Дивьера свою малолѣтнюю дочь Наталью Петровну и пасынковъ: великаго князя Петра Алексѣевича и его сестру Наталію Алексѣевну. Какъ всегда, точный и исполнительный, Дивьеръ аккуратно два раза въ недѣлю посылалъ государынѣ краткія извѣстія о ходѣ занятій царственныхъ дѣтей. «Ея высочество, всемилостивѣйшая государыня, Наталія Петровна», писалъ онъ, «и великій князь съ сестрицей обрѣтаются въ добромъ здравіи и охотно всегда въ ученіи пребываютъ», или: «великій князь и великая княжна изволили писать по-нѣмецки письма собственными своими руками, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, кто лучше писалъ, и изволите о томъ отписать особливое письмо на то имя съ благодареніемъ, дабы могли впредь наилучше писать и читать, и другъ другу будутъ ревновать, и отъ ревности лучше будутъ трудиться».

Несмотря на всемогущество и неограниченное вліяніе Меншикова на Екатерину, Дивьеръ былъ защищенъ отъ его вражды лич-

нымъ расположеніемъ къ себѣ государыни, къ которой имѣлъ свободный доступъ во всякое время, считаясь въ царской семьѣ какъ бы домашнимъ человѣкомъ. Екатерина любила веселаго португальца, забавлявшаго ее своими шутками и неистощимыми разсказами. Оставаясь генералъ-полицеймейстеромъ, Дивьеръ исполнялъ разныя другія порученія, по указанію императрицы, и, между прочимъ, былъ даже посланъ однажды въ Курляндію отстаивать русскіе интересы. Почему именно была возложена такая дипломатическая миссія на Дивьера, трудно понять; но для характеристики его необходимо сказать о ней нѣсколько подробнѣе, хотя она и не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ.

Съ XVI вѣка Курляндія составляла часть Польскаго королевства, но имѣла свои особые законы, права и учрежденія и наслѣдственно управлялась герцогами изъ потомства знаменитаго Готарда Кетлера. Зависимость отъ Польши, всячески старавшейся уничтожить обособленность герцогства и водворить въ немъ католичество, тяготила курляндцевъ. Во время войны съ Карломъ XII, русскія войска не разъ проходили черезъ Курляндію и долго тамъ квартировали и этимъ положили начало прочнымъ сношеніямъ между Россіей и герцогствомъ. Петръ Великій, сознавая важность тѣснаго сближенія съ Курляндіей, задумалъ достигнуть этого, женивъ молодого герцога Фридриха-Вильгельма на своей племянницѣ, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ. Петръ далъ за ней въ приданое 200,000 рублей, которые были обращены на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній, но съ тѣмъ, чтобы эти имѣнія, въ свою очередь, служили залогомъ и обезпеченіемъ сдѣланнаго у Анны Ивановны займа. Въ

Александро-Невская лавра.
(Съ гравюры 1716 г.).

случаѣ смерти герцога, вдовѣ его была выговорена ежегодная пенсія въ 40,000 рублей. Бракъ Анны Ивановны состоялся 31-го октября 1710 года, а черезъ два мѣсяца герцогъ неожиданно умеръ отъ оспы. По праву наслѣдственности, управленіе перешло къ послѣднему потомку Кетлера, дядѣ умершаго герцога, шестидесятилѣтнему герцогу Фердинанду, католику, нелюбимому въ Курляндіи и жившему постоянно въ Данцигѣ. Фердинандъ, вслѣдствіе непріязни къ нему курляндскаго дворянства, остался жить въ Данцигѣ; что же касается Анны Ивановны, то она поселилась въ Митавѣ, приняла въ свое завѣдываніе заложенныя ей дворцовыя имѣнія и старалась образовать около себя партію, расположенную къ Россіи. Такъ какъ Фердинандъ былъ холостъ и старъ, и съ нимъ кончалась династія Кетлеровъ, то курляндцы, тайно стремившіеся къ независимости, сочли необходимымъ еще при его жизни выбрать себѣ новаго герцога. Но Польшѣ хотѣлось, послѣ смерти Фердинанда, присоединить совершенно Курляндію и раздѣлить ее на воеводства и старостства. Для Россіи же представлялось весьма важнымъ, чтобы герцогомъ былъ выбранъ человѣкъ, на котораго она могла бы вліять къ своимъ выгодамъ. Начались, по обыкновенію, разныя интриги, подкупы и т. п. Курляндцы, встревоженные вмѣшательствомъ въ ихъ внутреннія дѣла, рѣшили дѣйствовать независимо и, собравшись въ іюнѣ 1726 года на сеймъ въ Митавѣ, единогласно избрали герцогомъ графа Морица Саксонскаго, побочнаго сына короля Августа II. Морицъ, лично присутствовавшій на сеймѣ, принялъ избраніе, а избиратели послали депутацію къ вдовствующей Аннѣ Ивановнѣ съ предложеніемъ вступить въ бракъ съ новымъ герцогомъ. Анна Ивановна, которой очень нравился Морицъ, готова была обвѣнчаться съ нимъ, но не могла дать положительнаго отвѣта безъ согласія императрицы Екатерины. Рѣшеніе Митавскаго сейма шло въ разрѣзъ политикѣ какъ Польши, такъ и Россіи. Рѣчь Посполитая объявила избраніе Морица незаконнымъ потому, что Курляндія, какъ ленное владѣніе Польши, не могла собственной властью рѣшать такой первостепенный вопросъ, а Россія придралась къ тому, что Морицъ темнаго происхожденія и вслѣдствіе этого не заслуживаетъ герцогской короны и тѣмъ болѣе чести породниться съ императорскимъ россійскимъ домомъ. Это обстоятельство показалось честолюбивому Меншикову удобнымъ для осуществленія давно преслѣдовавшей его мысли—самому сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ. Онъ тотчасъ отправился въ Митаву, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ, чтобы она оставила мечты о бракѣ съ Морицемъ, созвалъ курляндскихъ депутатовъ и гордо потребо-

валъ, чтобы они низложили Морица и избрали герцогомъ его, угрожая въ противномъ случаѣ ввести въ Курляндію 20,000 русскаго войска. Требованіе Меншикова, предъявленное при томъ же въ самой грубой формѣ, возбудило общее негодованіе. Анна Ивановна писала императрицѣ слезныя письма, горько жалуясь на дѣйствія временщика, а въ Польшѣ заговорили о вооруженномъ сопротивленіи такимъ дерзкимъ притязаніямъ. Екатерина испугалась возможности войны съ поляками и поспѣшно вызвала Меншикова въ Петербургъ. Вскорѣ за тѣмъ, на сеймѣ, собранномъ польскимъ ко-

Гостиный дворъ.
(Съ гравюры 1716 г.).

ролемъ въ Гродно, Рѣчь Посполитая постановила: избраніе Морица уничтожить, рѣшеніе о дальнѣйшей судьбѣ Курляндіи отложить до смерти герцога Фердинанда, назначить особую комиссію для изслѣдованія дѣла о незаконномъ избраніи и пересмотра курляндской конституціи, съ цѣлью внести въ нее необходимыя измѣненія для предупрежденія на будущее время подобныхъ попытокъ.

Рѣшеніе Гродненскаго сейма произвело въ Курляндіи сильное впечатлѣніе. Съ одной стороны, раздраженіе противъ Польши усилилось до того, что грозило явнымъ ей сопротивленіемъ; съ дру-

гой, болѣе робкіе начинали склоняться передъ тяжелою необходимостью и заговорили о присоединеніи Курляндіи къ Польшѣ. Такая развязка была бы въ высшей степени невыгодна для Россіи, и здравая политика повелѣвала предупредить ее. Надо было увѣрить курляндцевъ, что мы готовы защищать ихъ самостоятельность и право избирать герцога, лишь бы онъ не принадлежалъ къ саксонскому дому. Съ такимъ порученіемъ и былъ отправленъ въ Митаву графъ Дивьеръ. Явная цѣль его поѣздки состояла въ томъ, чтобы закупить въ Кенигсбергѣ бархату, парчи, кавалерскихъ уборовъ и проч. для двора; но секретной инструкціей ему

Домъ князя Меншикова.
(Съ гравюры 1716 г.).

предписывалось, проѣздомъ черезъ Митаву, остановиться тамъ подъ благовиднымъ предлогомъ, войти въ сношеніе съ расположенными къ намъ лицами, стараться усилить нашу партію и, если можно, подѣйствовать, хотя бы и деньгами, на ожидавшуюся польскую комиссію, въ благопріятномъ для Курляндіи смыслѣ.

Дивьеръ явился въ Митаву и употребилъ чисто полицейскій, выходящій изъ дипломатическихъ обычаевъ, способъ для удостовѣренія въ истинныхъ чувствахъ сторонниковъ Россіи. Пріѣхавъ къ гофмейстеру Анны Ивановны, М. П. Бестужеву, безъ шума и огласки, онъ попросилъ его немедленно пригласить къ себѣ всѣхъ

тѣхъ курляндцевъ, которые считались нашими приверженцами, не сказавъ имъ о его пріѣздѣ, а самъ спрятался въ смежную комнату, откуда могъ слышать каждое ихъ слово. Приглашенные съѣхались; это были представители многихъ благородныхъ фамилій. Между ними и Бестужевымъ завязался разговоръ, который Дивьеръ внимательно подслушивалъ изъ-за двери. Когда онъ убѣдился, что всѣ собравшіеся уповаютъ только на Россію, то вышелъ къ нимъ, какъ будто только что пріѣхалъ изъ Петербурга, показалъ Бестужеву свою вѣрительную грамоту, а затѣмъ, обратясь къ курляндцамъ, именемъ государыни подтвердилъ имъ, что Россія ни подъ какимъ предлогомъ не допуститъ присоединенія и раздѣла Курляндіи.

Дивьеръ видѣлся также съ главными лицами противной партіи и, наконецъ, съ самимъ Морицемъ, который продолжалъ оставаться въ Митавѣ, упорно отказываясь подчиниться постановленію Рѣчи Посполитой. Морицъ доказывалъ, что если русское правительство рѣшилось поддерживать самостоятельность Курляндіи, то для него безразлично, кто будетъ тамъ герцогомъ, потому что герцогская власть крайне ограничена; онъ увѣрялъ въ своей преданности императрицѣ и предлагалъ дать какое угодно ручательство въ томъ, что никогда не будетъ противиться русскимъ интересамъ. Дивьеръ, повидимому, отнесся къ нему вѣжливо и съ участіемъ, потому что на другой же день получилъ отъ него письмо на французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Трудно, кажется, придумать болѣе вѣрное средство для утвержденія вѣрности курляндцевъ (относительно Россіи) и для внушенія довѣренности королю (польскому), какъ немедленно заключить брачный союзъ (Морица съ Анной Ивановной), и какъ бракъ этотъ упрочиваетъ благоденствіе курляндцевъ, которое вполнѣ согласно съ интересами Россіи, то я осмѣливаюсь предложить вашему сіятельству, не боясь оскорбить васъ, десять тысячъ экю, если вы возьмете на себя этому содѣйствовать. Прошу ваше сіятельство не отказать въ принятіи этой суммы и считать это письмо не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ моего уваженія; прошу также быть увѣреннымъ, что благодарность моя прекратится только съ моею жизнью, равно какъ и совершенная преданность, съ которою я не перестану быть вашего превосходительства нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугой. Морицъ Саксонскій, Митава, 1-го марта 1727 года».

Въ то время гражданская нравственность была очень невысока. Вся политика основывалась главнымъ образомъ на подкупѣ. Ни одинъ посланникъ не уѣзжалъ изъ Петербурга въ Варшаву или Гродно безъ особыхъ суммъ, назначенныхъ для раздачи благо-

пріятствовавшимъ намъ лицамъ; въ свою очередь, и иностранные дипломаты щедрой рукой сыпали въ Россіи деньги. Никакая услуга не дѣлалась тогда даромъ. Поэтому письмо Морица является весьма обыкновеннымъ, и намъ кажется, что едва ли бы многіе устояли противъ такого соблазнительнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что обманъ постоянно шелъ рука объ руку со взяточничествомъ. Но къ чести Дивьера должно сказать, что онъ оказался довольно рѣдкимъ исключеніемъ изъ тогдашнихъ «новыхъ людей», которые, подобно Меншикову, жадно стремились къ наживѣ, не брезгуя ничѣмъ. Безкорыстіе Дивьера вполнѣ выразилось въ его отвѣтѣ Морицу.

«Полученное мною сего числа письмо», отвѣчалъ онъ по-нѣмецки, «повергло меня въ удивленіе и чувствительное волненіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведеніе можетъ служить доказательствомъ, что я неспособенъ не только за нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, но и за сокровища всего свѣта сдѣлать хотя самомалѣйшее отступленіе отъ порученія, возложеннаго на меня инструкціей моей всемилостивѣйшей государыни. Это странное предложеніе, равно какъ и тому подобныя искушенія, предполагающія подлыя и низкія чувства въ томъ, къ кому они относятся, оскорбительны для честнаго человѣка. Въ вышеупомянутомъ дѣлѣ, въ которомъ ея величество удостоила избрать меня мелкимъ орудіемъ своей воли, я буду безъ всякаго уваженія къ видамъ частныхъ лицъ и чуждымъ интересамъ, равно какъ и безъ всякаго посторонняго вознагражденія, исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Но если бы дѣло это обратилось и въ вашу пользу, то всякій и безъ того долженъ помнить то, къ чему приличіе обязываетъ. Вашъ почтительный и покорнѣйшій слуга графъ Дивьеръ».

Такъ какъ дипломатическое порученіе, возложенное на Дивьера, заключалось лишь въ томъ, чтобы усилить русскую партію въ Курляндіи и завѣрить ее въ поддержкѣ Россіи при сопротивленіи посягательствамъ Рѣчи Посполитой, то онъ послѣ свиданій и разговоровъ съ нашими сторонниками счелъ свое посольство законченнымъ и въ концѣ марта 1727 года уѣхалъ изъ Митавы.

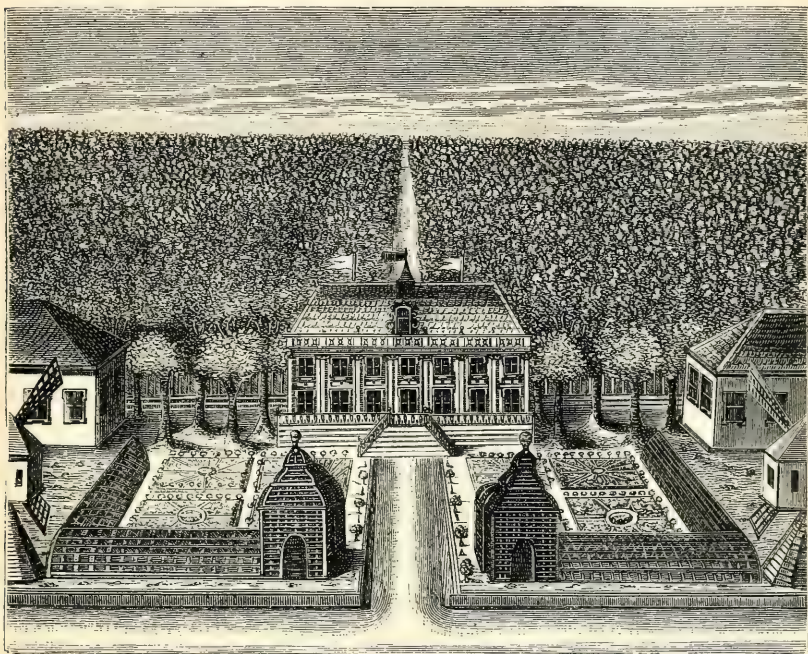
IV.

Здоровье императрицы Екатерины I было уже давно потрясено, и въ началѣ 1727 года появились признаки, не предвѣщавшіе хорошаго исхода. Еще при жизни Петра Великаго вопросъ о томъ, кто будетъ его наслѣдникомъ, сильно волновалъ общество; для

многихъ это былъ вопросъ о жизни и смерти, по крайней мѣрѣ, политической. Петръ, вынужденный обстоятельствами, взялъ на себя право назначить себѣ преемника по своему усмотрѣнію. Такое смѣлое рѣшеніе наносило новый ударъ уже расшатанному коренными передѣлками зданію. Приверженцы Екатерины, возведя ее на престолъ, отдалили развязку рокового вопроса, и теперь онъ снова возникалъ передъ ними со всѣми своими страшными послѣдствіями. Наслѣдниковъ было трое: двѣ дочери Екатерины, Анна, вышедшая замужъ за герцога Голштинскаго, и Елисавета, и внукъ Петра Великаго, двѣнадцатилѣтній великій князь Петръ Алексѣевичъ, сынъ царевича Алексѣя Петровича, отъ брака его съ принцессой Шарлоттой Вольфенбютельской. Народныя симпатіи всецѣло принадлежали юному Петру; за него стояли всѣ старинные вельможи и вліятельные при русскомъ дворѣ послы Даніи и Австріи. Данія опасалась, чтобы власть не попала въ руки враждебнаго ей герцога Голштинскаго, а Австрія надѣялась на безчисленныя выгоды съ воцареніемъ въ Россіи племянника своей императрицы. Новые люди, «птенцы Петра Великаго», стремились всячески устранить Петра и возвести на престолъ одну изъ дочерей Екатерины. Въ числѣ этихъ новыхъ людей, сильныхъ своими дарованіями и заслугами, находились: Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій Макаровъ и др. Всѣ они были усердными помощниками Петра Великаго въ процессѣ несчастнаго царевича Алексѣя, подписали его смертный приговоръ и опасались, что сынъ жестоко отомститъ имъ за смерть отца. Придумывались разнообразныя комбинаціи (напримѣръ, женить Петра II на Елисаветѣ Петровнѣ), чтобы примирить противоположные интересы, но всѣ онѣ рушились, потому что не удовлетворяли, не гарантировали ту или другую партію. Наконецъ датскій посланникъ Вестфаленъ изобрѣлъ планъ, посредствомъ котораго можно было доставить корону Петру. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы отнять у партіи, враждебной Петру, ея могущественнаго главу Меншикова и заставить его дѣйствовать въ пользу Петра. Черезъ австрійскаго посланника, графа Рабутина, Меншикову была указана блестящая будущность, которая можетъ его ожидать при Петрѣ, если онъ выдастъ за него замужъ свою дочь, при чемъ Рабутинъ, отъ имени австрійскаго императора, обѣщалъ князю первое герцогство, которое только сдѣлается вакантнымъ въ имперіи. Меншиковъ съ радостью принялъ такое предложеніе, дававшее ему неожиданный и прекрасный выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову, уступила его настойчивымъ просьбамъ и согласилась на

этотъ бракъ. Можетъ быть, она сознавала невозможность отстранить отъ престола великаго князя въ пользу одной изъ своихъ дочерей и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ человѣка, на признательность котораго имѣла право разсчитывать.

Какъ бы то ни было, вопросъ былъ рѣшенъ въ мартѣ 1727 года, и это рѣшеніе привело въ ужасъ цесаревенъ и ихъ приверженцевъ. Обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ послѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; къ нимъ присоединился и герцогъ Голштинскій. Сначала Екатерина поколебалась, но потомъ, еще разъ секретно переговоривъ съ Меншиковымъ, объявила, что не возьметъ назадъ даннаго ею слова.

Екатерингофъ.
(Съ гравюры 1716 г.).

Въ это время вернулся въ Петербургъ Дивьеръ. Онъ былъ пораженъ, узнавъ о томъ, что произошло при дворѣ въ его отсутствіе. Смертельный врагъ его, отъ котораго нельзя ждать пощады, дѣлается тестемъ будущаго императора! Екатерина умретъ, и тогда у Меншикова будутъ развязаны руки. Пользуясь малолѣтствомъ государя, онъ захватитъ неограниченную власть и прежде всего

обрушится на своихъ недоброжелателей и уничтожитъ ихъ. Дивьеръ видѣлъ впереди неизбѣжную гибель и терялъ голову, не зная, что предпринять, гдѣ искать спасенія...

Между тѣмъ Толстой [1]) старался сплотить около себя единомышленниковъ, чтобы совмѣстно съ ними направить противъ Меншикова всѣ усилія и пружины и убѣдить Екатерину отступиться отъ принятаго ею рѣшенія. Однако, дѣло оказалось труднымъ. Многіе, почуявъ, гдѣ сила, уже передались на сторону Меншикова, или благоразумно устранялись, выжидая дальнѣйшихъ событій. Толстому явно сочувствовали лишь герцогъ Голштинскій, его министръ Бассевичъ, престарѣлый генералъ И. И. Бутурлинъ, А. Л. Нарышкинъ, Скорняковъ-Писаревъ, Ушаковъ и князь И. Долгорукій.

Узнавъ, что Дивьеръ вернулся изъ Митавы, Толстой поспѣшилъ пріѣхать къ нему.

— Знаешь ли ты,—спросилъ Толстой,—о сватовствѣ великаго князя на дочери Меншикова?

— Слышалъ объ этомъ, — отвѣчалъ Дивьеръ, — и удивляюсь, что же вы молчите? Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Лучше было бы, если бы меня въ верховный совѣтъ опредѣлили.

— Надо,—продолжалъ Толстой,—обстоятельно представить государынѣ о всѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти. Меншиковъ и такъ великъ, въ милости, и ежели сдѣлается по волѣ ея величества, не будетъ ли послѣ изъ того государынѣ какая противность? Онъ захочетъ больше добра великому князю, сдѣлаетъ его наслѣдникомъ, и бабушку его [2]) велитъ сюда привезти, а она нрава особливаго, жестокосерда, захочетъ выместить злобу и дѣла, которыя были при блаженной памяти государѣ, опровергнуть. Необходимо все это объяснить государынѣ, пусть ей будетъ извѣстно. По моему мнѣнію, лучше всего, чтобъ ея величество, ради собственнаго своего интереса, короновала при себѣ цесаревну Елисавету Петровну, или Анну Петровну, или обѣихъ вмѣстѣ. Тогда государынѣ будетъ благонадежнѣе, потому что онѣ родныя ея дѣти. Что касается великаго князя, то, когда онъ здѣсь научится, то

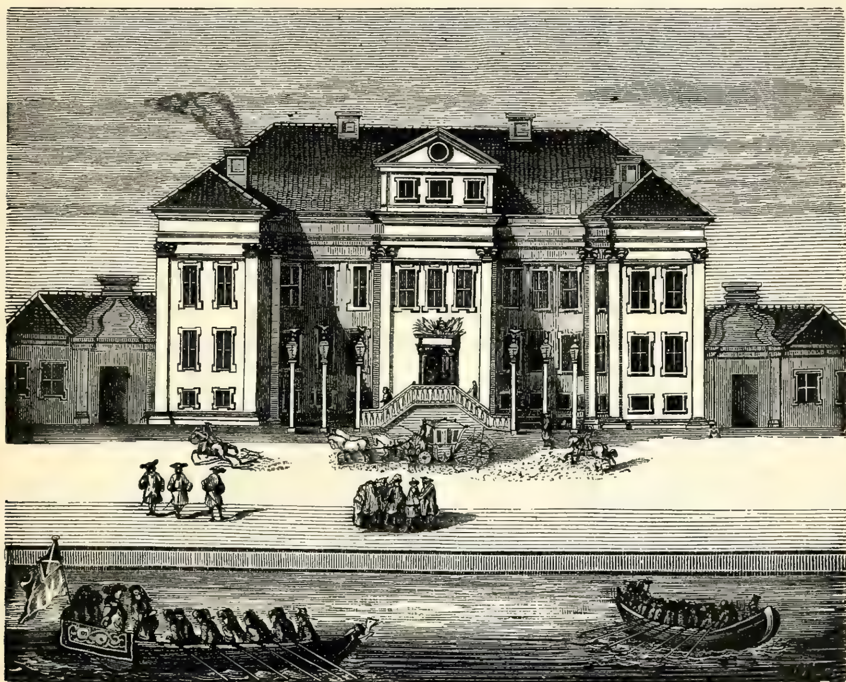
[1]) Толстой особенно боялся воцаренія Петра II, такъ какъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ процессѣ царевича Алексѣя Петровича. Онъ обманнымъ образомъ выманилъ его изъ-за границы и предалъ въ руки грознаго отца.

[2]) Царицу Евдокію Ѳеодоровну, постриженную Петромъ Великимъ и заточенную въ монастырѣ.

можно его послать за море погулять, какъ посылаются прочіе европейскіе принцы, а тѣмъ временемъ коронація утвердится.

Дивьеръ согласился со всѣмъ, что говорилъ Толстой, хотя, въ сущности, ему было все равно, кто наслѣдуетъ Екатеринѣ. Онъ боялся лишь одного—усиленія могущества Меншикова, и желалъ устраненія Петра единственно потому, что тотъ вступалъ въ бракъ съ дочерью его врага.

Пока Толстой переговаривался и обсуждалъ планъ дѣйствій то съ герцогомъ Голштинскимъ, то съ Бутурлинымъ, то съ Дивьеромъ

Зимній Дворецъ.
(Съ гравюры 1716 года).

и другими, рѣшительная минута наступила ранѣе, нежели ея ожидали. 10-го апрѣля у императрицы открылась горячка. Меншиковъ безотлучно находился при больной, подносилъ къ ея подписи указы и, вмѣстѣ съ канцлеромъ Головкинымъ, княземъ Д. М. Голицынымъ и Остерманомъ, сочинилъ для нея духовное завѣщаніе, которымъ наслѣдникомъ престола назначался великій князь Петръ Алексѣевичъ, при чемъ цесаревнамъ и «администраціи» вмѣнялось въ «обязанность» стараться о бракосочетаніи его съ дочерью князя Меншикова; въ вознагражденіе того. что цесаревны

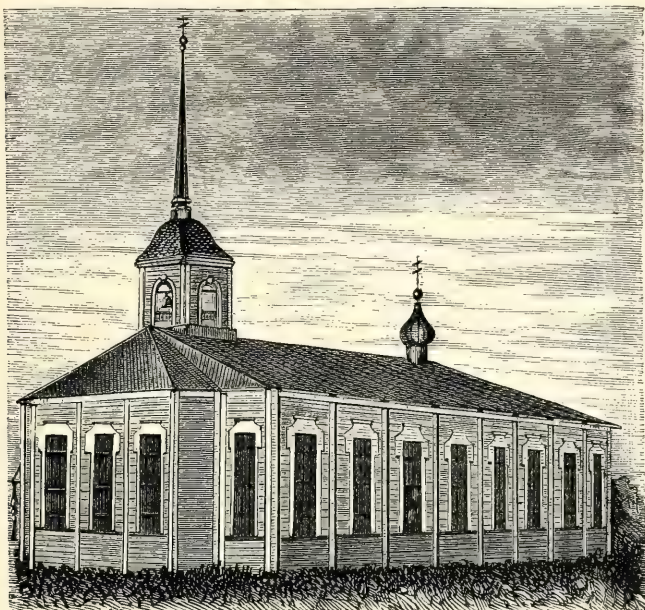
«уклонены отъ наслѣдства отца своего», опредѣлялось выдать каждой изъ нихъ, сверхъ 300,000 приданаго, еще по одному милліону наличными деньгами; до совершеннолѣтія Петра, управленіе государствомъ сосредоточивалось въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Такимъ образомъ, Меншиковъ достигъ своихъ цѣлей и торжествовалъ. Оставалось только поскорѣе отдѣлаться отъ враговъ, и онъ нетерпѣливо добивался случая, который далъ бы ему возможность однимъ разомъ сокрушить ихъ. Случай этотъ не замедлилъ представиться, благодаря необъяснимой неосторожности Дивьера, сдѣланной, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, ибо онъ, по тогдашнему обычаю, любилъ выпить и часто безъ мѣры.

26-го апрѣля состоялся высочайшій указъ о назначеніи особой слѣдственной комиссіи для суда надъ Дивьеромъ, обвинявшимся въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

«1) Понеже объявили намъ ихъ высочества, государыни цесаревны, что сего апрѣля 16-го дня, во время нашей, по волѣ Божьей, прежестокой болѣзни пароксизмуса, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Дивьеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не только не былъ въ печали, но веселился, и плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую, племянницу императрицы) вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: «не надобно плакать». 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собою его высочество великаго князя и нѣчто ему на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна, Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола, въ той же палатѣ плакала; и въ такой печальный случай онъ, Дивьеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но въ злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: «о чемъ печалишься: выпей рюмку вина». И говорилъ то, смѣясь, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ. 3) Когда выходила въ ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна въ печали и въ слезахъ, и передъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ, и смѣялся о нѣкоторыхъ персонахъ. 4) Его высочество великій князь объявилъ, что Дивьеръ, въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: «поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой». И притомъ его высочеству напоминалъ, что его высочество сговорился жениться, а они за его невѣстою будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать».

Дивьеръ отвѣчалъ, что 16-го апрѣля, въ домѣ его величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы сидятъ, попросилъ онъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ; князя Никиту Трубецкого называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ, Дивьеръ, попросилъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ, то Трубецкой на это слово обернулся, и всѣ засмѣялись; великій князь спросилъ у него: «чему вы смѣетесь?», и онъ, Дивьеръ, ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любитъ, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ. Софью Карлусовну вертѣлъ ли, не помнитъ. Цесаревнѣ Аннѣ

Исакіевскій соборъ.
(Съ гравюры 1716 г.).

Петровнѣ говорилъ упомянутыя слова, утѣшая ее. Цесаревна Елисавета Петровна сама не велѣла никому вставать. Великому князю означенныхъ въ обвиненіи словъ не говорилъ, а прежде говаривалъ часто, чтобъ изволилъ учиться, а какъ надѣлъ кавалерію, худо учится, и еще какъ сговоритъ жениться, станетъ ходить за невѣстою и будетъ ревновать, и учиться не станетъ.

Но Меншикову нужно было знать не то, чему смѣялся Дивьеръ и что онъ болталъ спьяна. Ему нужно было, чтобы онъ выдалъ своихъ пріятелей. Поэтому на отвѣтѣ Дивьера отъ имени императрицы послѣдовала такая резолюція: «Мнѣ о томъ великій князь

самъ доносилъ самую истину; я и сама его, Дивьера, присмотрѣла въ его противныхъ поступкахъ и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію, того ради объявить Дивьеру послѣднее, чтобъ онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ».

Дивьеръ пробовалъ было запираться; но покорные Меншикову слѣдователи не стали съ нимъ церемониться. Его вздернули на дыбу, и послѣ двадцать пятаго удара онъ повинился во всемъ, назвалъ всѣхъ единомышленниковъ и сообщилъ свои разговоры съ ними. Меншиковъ страшно торопилъ слѣдственную комиссію; она такъ поспѣшно вела дѣло, что кончила его въ десять дней. Въ докладѣ, представленномъ ею 6-го мая императрицѣ, было сказано, что преступники дерзали опредѣлять наслѣдника россійскаго престола по своему произволу и замышляли противиться сватанью великаго князя, происходившему по высочайшей волѣ.

За нѣсколько часовъ до своей кончины умирающая императрица слабѣющей рукой подписала указъ о наказаніи виновныхъ: «Дивьера и Толстова, лишивъ чина, чести и данныхъ деревень, сослать: Дивьера въ Сибирь; Толстова съ сыномъ Иваномъ въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чиновъ, чести, деревень и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; князя Ивана Долгорукова отлучить отъ двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему безвыѣздно въ деревнѣ; Ушакова опредѣлить къ командѣ, гдѣ слѣдуетъ». Сдавая этотъ указъ для исполненія, Меншиковъ велѣлъ прибавить къ нему слова: «Дивьеру, при ссылкѣ, учинить наказаніе, бить кнутомъ».

15-го мая приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Несчастнаго Дивьера, еще не оправившагося отъ пытокъ, раздѣли и привязали къ «кобылѣ», и палачъ, который до сихъ поръ находился въ его распоряженіи и не разъ подвергался отъ него батогамъ за пьянство и другіе проступки, обрадовался случаю выместить на немъ свою злобу. По словамъ очевидцевъ, онъ съ такимъ разсчитаннымъ звѣрствомъ наказывалъ своего бывшаго начальника, что каждый ударъ на спинѣ ложился одинъ къ другому, и не осталось ни одного мѣста, не затронутаго кнутомъ.

Меншиковъ не пощадилъ и своей сестры. Ей было велѣно ѣхать на жительство съ четырьмя малолѣтними дѣтьми въ деревню. Пожалованная Петромъ Великимъ Дивьеру за службу, въ Ямбургскомъ уѣздѣ, деревня Зигорица была отобрана и подарена штабълекарю Ягану Шульцу.

V.

Ненависть Меншикова къ Дивьеру и Скорнякову-Писареву, съ которымъ у него также были старинные счеты, не удовлетворилась понесенными ими униженіемъ и позоромъ. Съ свойственной ему жестокостью, онъ придумалъ для нихъ новую пытку, назначивъ мѣстомъ ссылки обоихъ Жиганское зимовье, въ Якутской области, на пустынномъ берегу Лены, въ 9,000 верстахъ отъ Петербурга и 800 отъ Якутска. Въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ, куда только изрѣдка наѣзжали подъячій и переводчикъ для сбора ясака съ окрестныхъ якутъ и тунгусовъ, ссыльные были совершенно отрѣзаны отъ всего міра, нуждались во всемъ необходимомъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ были вынуждены питаться однимъ хлѣбомъ и рыбой, и даже рѣдко могли видѣться другъ съ другомъ, потому что сторожившему ихъ караулу было строго приказано не допускать общенія ихъ съ кѣмъ бы то ни было.

Паденіе Меншикова, смерть Петра II и восшествіе на престолъ Анны Ивановны прошли для нихъ безслѣдно. Неизвѣстно, почему Анна Ивановна и Биронъ не захотѣли облегчить участи Дивьера. Можетъ быть, у него были какія-нибудь непріятныя столкновенія съ ними во время посылки его въ Курляндію, или, зная его за преданнаго слугу семьи Петра Великаго, они боялись, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ явится дѣятельнымъ сторонникомъ устраненной отъ престола и любимой народомъ цесаревны Елисаветы.

Счастіе улыбнулось Скорнякову-Писареву ранѣе Дивьера. По окончаніи первой экспедиціи капитанъ-командора Беринга въ Камчатку, правительство нашло необходимымъ учредить въ Охотскомъ острогѣ, вмѣсто ясачной избы, охотское управленіе, независимое отъ Якутска, и устроить при устьѣ рѣки Охоты портъ. Дѣльныхъ администраторовъ въ Сибири не было, и Берингъ указалъ на Скорнякова-Писарева, какъ на человѣка способнаго и наиболѣе подходящаго для такого дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо изучилъ инженерное и водяное искусство, состоя долгое время при Минихѣ во время сооруженія Ладожскаго канала. Согласно представленію Беринга, 23-го апрѣля 1731 года, сибирскій приказъ получилъ изъ сената указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Григорій Скорняковъ-Писаревъ, который сосланъ въ Сибирь на поселеніе и находится въ Жиганскомъ зимовьѣ, опредѣленъ въ Охотскъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ главную команду надъ тѣмъ мѣстомъ». Жалованья ему назначалось 300 рублей въ

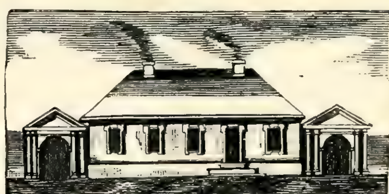
годъ, «да хлѣба всякаго, какимъ онъ хочетъ взять», по сту четвертей и вина простого по сту ведеръ въ годъ. Ему поручалось главнымъ образомъ заселить Охотскъ, завести тамъ верфь, устроить пристань, построить суда для перевозки изъ Камчатки мягкой рухляди и приложить стараніе о развитіи тамъ хлѣбопашества. На первое время для поселенія въ Охотскѣ были отправлены, вмѣсто каторги, неоплатные должники, въ числѣ 153 человѣкъ.

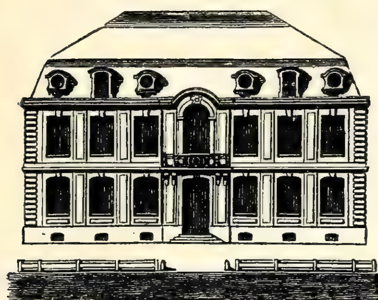
Скорняковъ-Писаревъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ очень способный и умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ вздорный, неуживчивый, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, нечистый на руку. Еще не доѣхавъ до Охотска, онъ уже поссорился съ якутскимъ воеводой Жадовскимъ, а на мѣстѣ у него начались постоянныя пререканія съ Берингомъ, капитаномъ Шпанбергомъ, возникли недоразумѣнія съ подчиненными, посыпались жалобы, доносы. Онъ предавался въ Охотскѣ пьянству и разврату, велъ самую разгульную жизнь, окружилъ себя цѣлымъ гаремомъ, бралъ взятки, не выдавалъ служащимъ жалованье, былъ жестокъ до звѣрства, и т. п. Слухи о безчинствахъ Писарева дошли наконецъ до императрицы, и 13-го апрѣля 1739 года послѣдовалъ указъ: «На мѣсто въ Охотскѣ командира Григорія Скорнякова-Писарева опредѣлить изъ ссылочныхъ Антона Дивьера, а жалованье давать по тому жъ, какъ опредѣлено Скорнякову-Писареву». Сибирскій приказъ 28-го августа сообщилъ объ этомъ Дивьеру, предписывая ему немедленно отправиться въ Охотскъ и при отправленіи принять присягу и прислать ее въ сенатъ. «И велѣно тебѣ», говорилось въ предписаніи приказа, «по прибытіи въ Охотскъ смѣнить Писарева и поступать во всемъ по его инструкціи. А Писарева, по смѣнѣ, держать подъ арестомъ, а о доносахъ Беринга, Шпанберга и его, Писарева, другъ на друга, изслѣдовать накрѣпко». Вмѣстѣ съ тѣмъ было написано и Писареву, чтобы онъ былъ послушенъ Дивьеру.

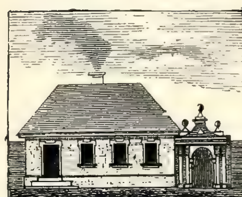
Въ апрѣлѣ 1740 года, Дивьеръ былъ уже въ Иркутскѣ, а 8-го мая въ Верхоленскомъ острогѣ, откуда просилъ выслать къ нему изъ Иркутска приказныхъ. Въ какомъ именно мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Охотскъ, неизвѣстно, но только первое донесеніе его оттуда было отъ ноября 1740 года. Онъ нашелъ Охотскій портъ и команду въ самомъ бѣдственномъ положеніи: «люди претерпѣвали голодъ, малымъ пропитаніемъ едва дни живота своего препровождали».

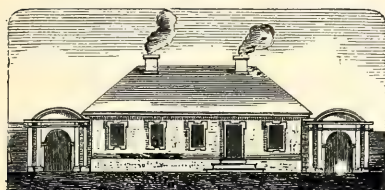
Съ обычной своей энергіей и добросовѣстностью Дивьеръ принялся за устраненіе безпорядковъ и злоупотребленій и приведеніе въ порядокъ ввѣреннаго ему дѣла. Онъ употребилъ всѣ сред-

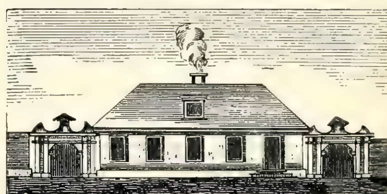

Типы петербургскихъ домовъ времени Петра Великаго.
(Съ рисунковъ того времени).

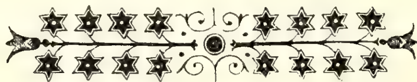
ства порта на постройку необходимыхъ зданій и судовъ, снарядилъ всѣмъ нужнымъ Беринга для его второй экспедиціи и даже завелъ школу, которая послужила основаніемъ штурманскому училищу сибирской флотиліи. Школа эта существовала болѣе ста лѣтъ и была разсадникомъ образованія для всего сѣверо-восточнаго края Сибири. По вступленіи своемъ въ командованіе портомъ,

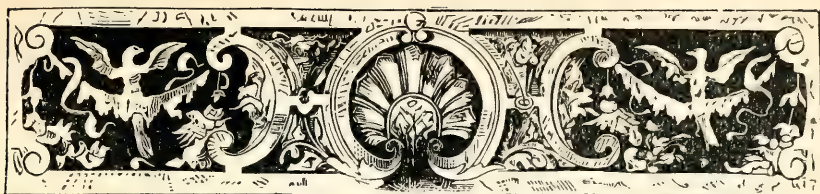
Дивьеръ арестовалъ Писарева, описалъ его имущество, продалъ часть съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги употребилъ на удовлетвореніе команды жалованьемъ, котораго она не получала нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи Дивьеръ раскрылъ всѣ злоупотребленія своего предшественника и донесъ о нихъ сенату. Донесеніе это было получено въ Петербургѣ за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны и послужило имъ обоимъ въ пользу. Императрица вспомнила о нихъ, и 1-го декабря 1741 года состоялся именной указъ: «Обрѣтающимся въ Сибири Антону Дивьеру и Скорнякову-Писареву вины ихъ отпустить и изъ ссылки освободить». Указъ этотъ былъ полученъ въ Иркутскѣ 3-го марта, а въ Охотскѣ 26-го іюня 1742 года. Писаревъ въ это время все еще содержался подъ арестомъ.

11-го іюля, Дивьеръ сдалъ свою должность и выѣхалъ изъ Охотска, а вслѣдъ за нимъ отправился и Писаревъ. По возвращеніи ихъ въ столицу, высочайшимъ указомъ 23-го апрѣля 1743 года имъ возвращены прежніе чины, ордена и имѣнія, а Дивьеру и графское достоинство съ назначеніемъ снова генералъ-полицеймейстеромъ столицы.

Но Дивьеру недолго пришлось пользоваться возвращенными ему благами жизни. Пятнадцатилѣтнія страданія и лишенія совершенно надломили его здоровье; онъ постоянно хворалъ и умеръ 24-го іюня 1745 года.

Въ настоящее время на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры можно отыскать, хотя и не безъ труда, полувросшую въ землю расколотую плиту, прикрывающую прахъ перваго петербургскаго генералъ-полицеймейстера, на которой еще уцѣлѣла надпись: «Генералъ-аншефъ графъ Антонъ Мануиловичъ Дивьеръ... погребенъ 27-го іюня 1745 года».

Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.

ИМПЕРАТРИЦА Анна Ивановна вступила на престолъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, испытавъ до этого много горя, непріятностей и униженій. Съ дѣтства не любимая матерью, она выросла на рукахъ мамокъ, среди распущенной дворни и разнаго рода ханжей, юродивыхъ и святошъ, постоянно наполнявшихъ домъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, прозванный Петромъ Великимъ «госпиталемъ всевозможныхъ уродовъ и пустосвятовъ». Хотя царица и нанимала для своихъ дочерей учителей-иностранцевъ: нѣмца Іоанна-Дитриха Остермана и француза Рамбурха, но ученіе этихъ педагоговъ принесло царевнамъ мало пользы; по крайней мѣрѣ, Анна Ивановна, несмотря на то, что впослѣдствіи долгое время жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, никогда не выучилась свободно говорить по-нѣмецки и тщательно избѣгала объясненій на этомъ языкѣ. Семнадцати лѣтъ Анна Ивановна была выдана замужъ за герцога курляндскаго Фридриха-Карла и черезъ два мѣсяца послѣ брака овдовѣла. Петръ Великій поселилъ молодую вдову въ Митавѣ, подъ надзоромъ гофмейстера Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, и приказалъ отпускать ей на содержаніе изъ курляндскихъ доходовъ «столько, безъ чего прожить нельзя», такъ что герцогиня всегда нуждалась въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ должна была прибѣгать къ униженнымъ просьбамъ и займамъ. Имущественное положеніе Анны Ивановны

въ Курляндіи лучше всего рисуется въ ея собственноручномъ письмѣ къ Петру Великому, написанномъ въ 1722 году:

«Всемилостивѣйшій государь батюшка-дядюшка!

«Извѣстно вашему величеству, что я въ Митаву съ собою ничего не привезла, а въ Митавѣ жъ ничего не получила и стояла въ пустомъ мѣщанскомъ дворѣ, того ради, что надлежитъ въ хоромы, до двора, поварни, конюшни, кареты и лошади и прочее,—все покупано и дѣлано вновь. А приходъ мой деньгами и припасами всего 12,680 талеровъ: изъ того числа въ расходѣ въ годъ по самой крайней нуждѣ къ столу, поварнѣ, конюшнѣ, на жалованье и на ливрею служителямъ, и на содержаніе драгунской роты—всего 12,254 талера, а въ остаткѣ только 426 талеровъ. И такимъ остаткомъ какъ себя платьемъ, бѣльемъ, кружевами и, по возможности, алмазами и серебромъ, лошадьми, такъ и прочимъ въ новомъ и пустомъ дворѣ не только по моей чести, но и противъ прежнихъ курляндскихъ вдовствующихъ герцогинь весьма содержать себя не могу. Также и партикулярныя шляхетскія жены ювели (т. е. ювелирные) и прочіе уборы имѣютъ не убогіе, изъ чего мнѣ въ здѣшнихъ краяхъ не безподозрительно есть. И хотя я, по милости вашего величества, пожалованными мнѣ въ прошломъ 1721 году деньгами и управила нѣкоторые, самые нужные домовые и на себѣ уборы, однако еще много на себѣ долгу за крестъ и складень брильянтовый, за серебро и за уборъ камаоръ и за нынѣшнее черное платье (т. е. трауръ)—10,000 талеровъ, которыхъ мнѣ ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашнихъ нужныхъ потребъ принуждена въ долгъ больше входить, а не имѣя чѣмъ платить и кредиту нигдѣ не будетъ».

Раннее и бездѣтное вдовство, въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которой спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны Ивановны игрушку политическихъ соображеній. Всѣ бѣдные принцы добивались ея руки, чтобы получить въ приданое Курляндію; планы о ея бракѣ составлялись и раздѣлывались, смотря по отношеніямъ между Россіей, Польшей и Пруссіей.

Положеніе герцогини, тягостное при ея великомъ дядѣ, распоряжавшемся всѣми дѣлами племянницы, какъ своими собственными, не улучшилось ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II. Она встрѣчала всюду только огорченія и препятствія. Унизительная роль, которую Аннѣ Ивановнѣ приходилось играть такъ долго, была особенно чувствительна для нея, одаренной отъ природы характеромъ жестокимъ, гордымъ, властолюбивымъ. На тридцать седьмомъ году судьба, казалось, улыбнулась ей: «благородное рос-

Императрица Анна Ивановна.
(Съ гравированнаго портрета Вортмана, 1736 г.).

сійское шляхетство» избрало ее императрицей. Однако, и тутъ примѣшалось неожиданное препятствіе: вмѣстѣ съ актомъ избранія депутаты привезли въ Митаву ограничительные пункты. Наконецъ Аннѣ Ивановнѣ удалось разорвать связывавшія ее путы и сдѣлаться самодержавной; но тутъ въ сердце пожилой императрицы, и безъ того наполненное горькими воспоминаніями, вкралось новое,

роковое сомнѣніе: дадутъ ли спокойно пользоваться властью? Благодаря энергическому движенію гвардіи, пункты, ограничивавшіе самодержавіе, были уничтожены; но между знатными и сильными людьми осталось много недовольныхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ къ нимъ могли пристать и другіе, а въ Голштиніи росъ опасный соперникъ—родной внукъ Петра Великаго, или «чертушка», какъ называла его Анна Ивановна. Стремясь удержаться на шаткомъ престолѣ, она, по необходимости, должна была сосредоточить власть въ рукахъ людей вполнѣ ей преданныхъ, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ ея интересами и которымъ грозила бы неминуемая бѣда, если бы власть перешла въ руки русской знати. Эти люди были иностранцы. Но возвышеніемъ иноземцевъ и особенно одного изъ нихъ, не имѣвшаго въ глазахъ народа никакого права на возвышеніе, оскорблялись русскіе. Анна Ивановна, при своемъ неоспоримомъ умѣ, конечно, сознавала это и потому не могла быть спокойной. Она жила въ постоянномъ страхѣ, тревожно и подозрительно осматриваясь по сторонамъ. Чтобы успокоиться и забыться среди тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для женщины, неспособной, подобно Аннѣ Ивановнѣ, уходить во внутренній міръ души и вызывать оттуда успокоеніе, оставалось одно средство—внѣшнія развлеченія, празднества, окруженіе себя существами, которыя развлекали бы каждую минуту и гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство.

Русскій дворъ, отличавшійся при Петрѣ Великомъ своею малочисленностью и простотой обычаевъ, совершенно преобразился при Аннѣ Ивановнѣ. Императрица хотѣла непремѣнно, чтобы дворъ ея не уступалъ въ пышности и великолѣпіи всѣмъ другимъ европейскимъ дворамъ. Она учредила множество новыхъ придворныхъ должностей и завела многочисленный штатъ служителей, итальянскую оперу, балетъ, нѣмецкую труппу, два оркестра музыки; приказала выстроить, вмѣсто довольно тѣснаго императорскаго зимняго дома, большой трехъэтажный каменный дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ церковь, театральную и тронную залы и семьдесятъ покоевъ различной величины, роскошно меблированныхъ и отдѣланныхъ. При дворѣ начались торжественные пріемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминаціи, фейерверки и тому подобныя увеселенія. Любовь императрицы къ пышности и блеску не только истощила государственную казну, но вовлекла въ громадные расходы придворныхъ и вельможъ, которые, соревнуя другъ передъ другомъ, старались угодить вкусамъ Анны Ивановны и тѣмъ обратить на себя ея вниманіе. «Многіе изъ знатныхъ людей», говоритъ современникъ (князь М. М. Щербатовъ), «стали имѣть открытые

столы; вмѣсто сдѣланной изъ простого дерева мебели, начали не иную употреблять, какъ англійскую, сдѣланную изъ краснаго дерева мегагеня; домы увеличились и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая непристойнымъ имѣть комнату безъ обоевъ; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали, богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахромами, лучшія и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлащенныя и посеребренныя шоры, съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться. Всякая роскошь приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ перенимая малые, повсюду начала она являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а низшіе—по вельможамъ, для той же причины». Правда, попойки, которыми прежде непремѣнно оканчивались всякія торжества и собранія, теперь были совершенно изгнаны изъ придворныхъ обычаевъ, потому что Анна Ивановна не могла видѣть и боялась пьяныхъ; но зато при дворѣ появились азартныя игры и нерѣдко въ одну ставку въ фараонъ или квинтичъ (quinze) проигрывалось до двадцати тысячъ рублей. Сама императрица не была пристрастна къ игрѣ, и если играла, то для того, чтобы проиграть. Въ такихъ случаяхъ она держала банкъ, и ставить могли лишь тѣ, кого она называла. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго императрица никогда не требовала уплаты. Кромѣ картъ, на придворныхъ банкетахъ играли еще въ шахматы и на бильярдѣ, для чего были даже устроены особыя комнаты, носившія названія «шахматной» и «бильярдной». Угощеніе на придворныхъ празднествахъ было всегда обильное, хотя и довольно однообразное; къ обѣду или ужину обыкновенно подавались, во всѣхъ возможныхъ видахъ, говядина, телятина, ветчина, дичь, аршинныя стерляди, щуки и другія рыбы, грибныя блюда, паштеты, «кабаньи головы въ рейнвейнѣ», «шпергель» (спаржа), гороховые стручья и т. д. Всѣ кушанья щедро приправлялись пряностями: корицею, гвоздикою, перцемъ, мускатнымъ орѣхомъ и даже «тертымъ оленьимъ рогомъ». Изъ сластей употреблялись: «шалей», т. е. желе, мороженое, конфекты, цукербродтъ, разнообразныя варенья, пастилы и мармелады, имбирь въ патокѣ; затѣмъ фрукты, каштаны, орѣхи и т. п. Изъ напитковъ подава-

лись водки разнаго сорта, напримѣръ, «приказная», «коричневая», «гданская», «боярская», ратафія; вина: шампанское, рейнвейнъ, сектъ, «базаракъ», «корзикъ», венгерское, португальское, шпанское, волошское, бургонское, пиво, полпиво, медъ, квасъ, кислыя щи и т. п. На расходы по придворному столу, указомъ 1733 г., было велѣно отпускать ежегодно по 67,000 руб. При парадныхъ обѣдахъ, скатерти искусно перевязывались алыми и зелеными лентами и подшпиливались булавками, а столы украшались разными фигурами и «аттрибутами»; была даже устроена особая «гора банкетная деревянная, сверху корона съ крестомъ, и скипетръ и мечи золоченые». Кромѣ того, ставились въ пирамидахъ и искусственные цвѣты, большой запасъ которыхъ постоянно хранился у кухеншрейбера,—такъ въ 1739 г. у него имѣлось: 9,525 цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ «на итальянскій вкусъ» и 8,570 штукъ цвѣтовъ «малыхъ, китайскихъ, бумажныхъ, на проволокѣ, разнымъ маneромъ»; залы освѣщались восковыми свѣчами «съ золотомъ и безъ золота», а на свѣчи надѣвались «налепы банкетные, большой и малой руки, бѣлые, желтые и др.».

Въ дворцовой театральной залѣ представлялись итальянскія оперы, комедіи и интермедіи съ балетами. Итальянская труппа, которой управлялъ извѣстный тогда композиторъ-капельмейстеръ Арайя, была выписана въ Россію въ 1733 г. Въ составъ ея входили «комедіанты», пѣвчіе, танцоры и музыканты, исполнявшіе концертную музыку и игравшіе во время торжественныхъ обѣдовъ. Постановкой балетовъ завѣдывалъ учитель танцевъ въ шляхетскомъ корпусѣ Ланде; онъ завелъ собственную танцовальную школу, въ которую императрица сама выбрала изъ дворцовой прислуги двѣнадцать красивыхъ дѣвочекъ и двѣнадцать мальчиковъ; изъ нихъ впослѣдствіи вышли очень хорошіе танцовщики и танцовщицы. Нѣмецкая труппа существовала съ 1738 по 1740 годъ; она была выписана изъ Лейпцига и представляла комедіи и фарсы. Русскія пьесы, большею частью «сказки въ лицахъ и діалогахъ», ставились весьма рѣдко и разыгрывались придворными кавалерами и дамами. Кромѣ того, при дворѣ числился «комедіантъ персидскаго манера», по фамиліи Лазаревъ. Какого рода было его мастерство, неизвѣстно, но изъ того обстоятельства, что онъ обучалъ своихъ учениковъ «разнымъ штукамъ» и что для представленій его требовались такіе предметы, какъ «сабли», «перчатки» и т. п., можно заключить, что онъ былъ фокусникъ и акробатъ; любопытно, что въ числѣ его учениковъ находилась одна «капральская дочь». Мѣста въ театральныя представленія раздавались безденежно, по чинамъ и званію зрителей.

Извѣстно, что господствующей страстью Бирона были лошади. По этому поводу Манштейнъ занесъ въ свои записки слѣдующую остроту, сказанную австрійскимъ посланникомъ Остейномъ: «Когда графъ Биронъ говоритъ о лошадяхъ, онъ говоритъ, какъ человѣкъ, когда же онъ говоритъ о людяхъ и съ людьми, то выражается, какъ лошадь». Императрица поручила знаменитому архитектору графу Растрелли воздвигнуть вблизи дворца огромный манежъ, или, какъ тогда называли, «конскую школу», роскошно украшенную снаружи и внутри. Конюшенный штатъ стоялъ изъ 393 служителей и мастеровыхъ и 379 лошадей, содержаніе которыхъ обходилось ежегодно въ 58,000 руб. Однихъ только сѣделъ по списку 1740 г. хранилось 212 штукъ, и въ числѣ ихъ значились, напримѣръ, такіе: «сѣдло турецкое съ яхонтами и изумрудами, при немъ серебряныя, вызолоченныя стремена съ алмазами и яхонтовыми искрами, удило серебряное, мундштучное, оголовь и наперстъ съ золотымъ съ алмазами наборомъ, решма серебряная, вызолоченная, съ алмазами, чендарь глазетовый, шитый серебромъ». Анна Ивановна, посѣщавшая манежъ сперва изъ угожденія своему любимцу, потомъ сама пристрастилась къ лошадямъ и, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и полноту, даже выучилась ѣздить верхомъ. Въ манежѣ для нея была отдѣлана особая комната, гдѣ она нерѣдко занималась дѣлами и давала аудіенціи.

Анна Ивановна очень любила всякихъ птицъ и въ особенности «пѣвчихъ» и «ученыхъ» и была страстной ружейной охотницей. Почти во всѣхъ комнатахъ дворца висѣли клѣтки, въ которыхъ пѣли и стрекотали разныя канарейки, чижи, соловьи, скворцы, снѣгири, параклитки, перепела, египетскія голуби, и т. д. При попугаяхъ состояла особая смотрительница, нѣмка Варлендъ, обучавшая ихъ говорить. Въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ были выстроены отдѣльныя зданія, называвшіяся «менажеріями», гдѣ содержались и размножались всевозможныя породы птицъ. Очень часто птицъ этихъ выпускали въ садъ, примыкавшій къ дворцу, и императрица забавлялась тѣмъ, что стрѣляла ихъ изъ ружья или изъ лука.

Придворныя охоты составляли предметъ особенной заботы Анны Ивановны, и она лично дѣлала всѣ распоряженія, ихъ касавшіяся. Неоднократными указами всѣмъ частнымъ лицамъ строжайше воспрещалось, подъ страхомъ ссылки въ каторжныя работы, охотиться на разстояніи 30 верстъ отъ Петербурга и близъ лежащихъ мѣстъ. Придворныя охоты содержались въ Петербургѣ, Петергофѣ и Москвѣ; онѣ находились въ вѣдѣніи канцеляріи егермейстерскихъ

дѣлъ, и на нихъ ежегодно расходовалось до 18,000 рублей. По всей Россіи покупались, ловились и доставлялись въ «звѣровые дворы» всевозможные звѣри: медвѣди, волки, кабаны, олени, дикія козы, лисицы, барсуки, рыси, зайцы и такъ далѣе. О количествѣ ихъ можно судить изъ того, что, напримѣръ, въ 1740 г. изъ одной Москвы было прислано 600 штукъ русаковъ. Охотничьи собаки были самыхъ разнообразныхъ породъ: борзыя, гончія, меделянскія, датскія, лягавыя, «таксели» (таксы), «бассеты», «биклесы», «хорты», «русскія» и т. п. По «ягтъ-штату» опредѣлено было содержать только 138 собакъ, но въ дѣйствительности число ихъ всегда значительно превышало эту норму; такъ, въ 1740 г. нашъ посолъ въ Парижѣ князь Кантемиръ купилъ для императрицы за 1,100 рублей 34 пары собакъ «бассетовъ», а вслѣдъ за тѣмъ посолъ въ Англіи, князь Щербатовъ, прислалъ пріобрѣтенныя имъ за 2,234 рубля 63 пары гончихъ, биклесовъ, борзыхъ и хортовъ. При собакахъ состояли: одинъ оберъ-егерь, четыре егеря, шесть пикеровъ, десять охотниковъ, восемь наварщиковъ, три тенетника и четыре служителя. Любимымъ мѣстомъ охоты императрицы былъ Петергофскій паркъ. Для охоты въ паркѣ обыкновенно разставлялись «полотна», между которыми гончія собаки гоняли звѣрей; полотенъ этихъ требовалось такое громадное количество, что для храненія ихъ былъ выстроенъ отдѣльный цейхгаузъ, находившійся въ вѣдѣніи цейхъкнехта. Практиковался еще способъ охоты, называвшійся «парфорсъ-яхтъ». Онъ заключался въ томъ, что первоначально устраивалась облава, а затѣмъ цѣлое общество охотниковъ травило и стрѣляло разнаго рода звѣрей; для доставленія охотниковъ къ мѣсту охоты держались особые экипажи, «яхтъ-вагены». Ружья для императрицы изготовлялись преимущественно на Сестрорѣцкомъ заводѣ и отличались богатой отдѣлкой, золотыми насѣчками, фигурными ложами; во время охоты они заряжались всегда оберъ-егеремъ Бемомъ, при чемъ пули вкладывались въ гильзы, смазанныя саломъ. Императрица стрѣляла отлично, почти безъ промаха, и нерѣдко убивала пулей птицъ въ летъ. Объ охотничьихъ ея подвигахъ иногда публиковалось въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; такъ, въ № 64, за 1740 годъ, напечатано слѣдующее извѣстіе: «Съ 10-го іюня по 26-е августа ея величество, для особливаго своего удовольствія, какъ парфорсъ-яхтою, такъ и собственноручно, слѣдующихъ звѣрей и птицъ застрѣлить изволила: 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ». Кромѣ охоты, лѣтомъ Анна Ивановна развлекалась уженьемъ рыбы, катаньемъ на шлюпкахъ, изъ

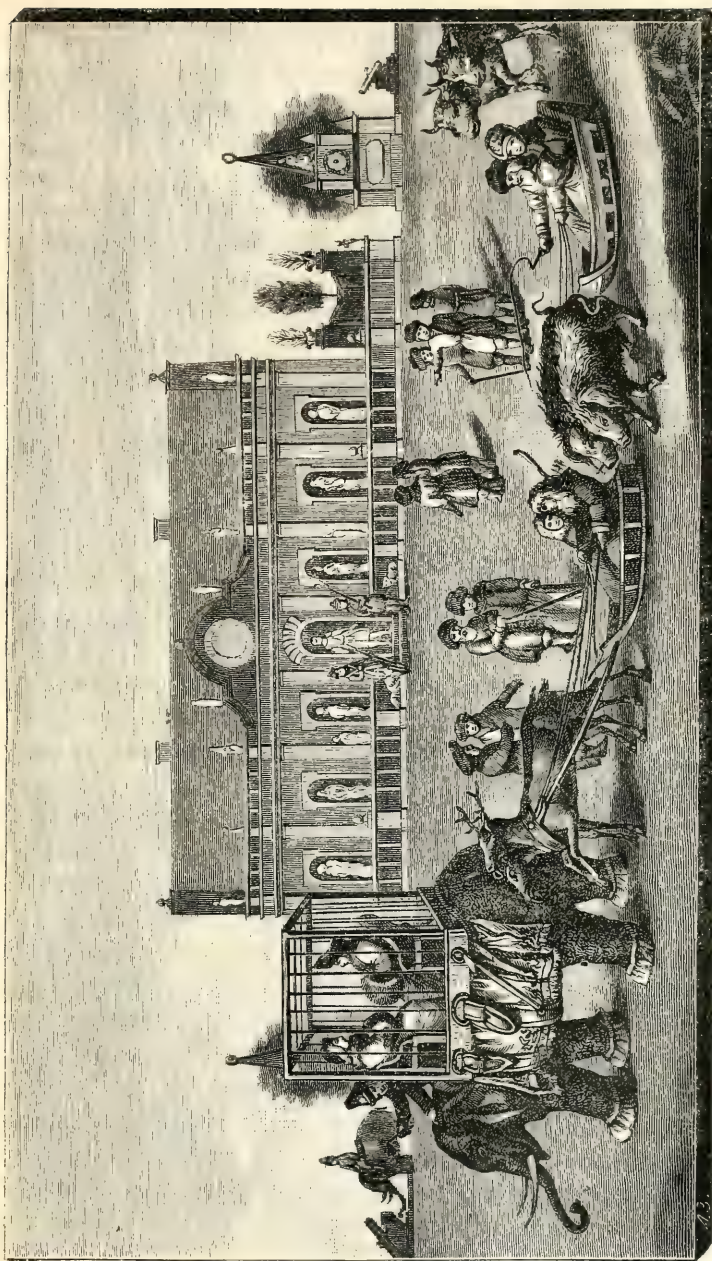
которыхъ была составлена небольшая флотилія съ 24 матросами, подъ командою флотскаго офицера, или катаньемъ по парку «въ качалкахъ», маленькихъ колясочкахъ, запряженныхъ малорослыми лошадками.

Въ обыкновенные дни, когда не было при дворѣ пріемовъ, императрица любила проводить время въ комнатахъ своего любимца или у себя въ спальнѣ, среди шутовъ и приживалокъ. Надѣвъ капотъ изъ турецкой матеріи небесно-голубого или зеленаго цвѣта, предпочитаемаго ею другимъ, и повязавъ, по-мѣщански, голову краснымъ платкомъ, она вышивала съ женою Бирона, съ которой была очень дружна, въ пяльцахъ или играла съ ея дѣтьми въ мячъ, воланъ, пускала имъ змѣй, забавлялась ихъ шалостями и выходками, часто грубыми и дерзкими, но всегда проходившими безнаказанно для этихъ испорченныхъ баловней. Шутовъ и приживалокъ разнаго рода состояло при императрицѣ множество. Среди нихъ были карлы, карлицы, татарчата, калмычата, калмычки, персіянки, арабки, монахини, разныя старухи, называвшіяся «сидѣльницами», и т. п. Иныя изъ нихъ носили особыя прозвища, указывающія на ихъ физическіе недостатки или особенности, напримѣръ: «Мать Безножка», «Дарья Долгая», «Акулина Лобанова», «Дѣвушка Дворянка», «Екатерина Кокша», «Баба Материна», и проч. Всѣ онѣ были обязаны болтать безъ умолку, и Анна Ивановна просиживала цѣлые часы, слушая ихъ глупую болтовню и смотря на ихъ кривлянья. Личностей, обладавшихъ завиднымъ для многихъ даромъ говорить, не уставая, всякій вздоръ, розыскивали по всей Россіи и немедленно препровождали ко двору. Въ государственномъ архивѣ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ писемъ Анны Ивановны, доказывающихъ ея заботливость о пополненіи своего интимнаго штата разными болтуньями и дурами. Такъ, напримѣръ, императрица писала въ Москву: «у вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только, чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я беру ее изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, какъ сказываютъ, что она много говоритъ». Въ другой разъ государыня писала въ Переяславль: «поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ, или изъ посадскихъ, которая бы похожа была на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобы годны были ей на перемѣну; ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сорока и также бъ говорливы, какъ та, Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Анисья Мещерскія».

До насъ дошелъ любопытный разсказъ жены управляющаго дворцовымъ селомъ Дѣдиновымъ, Настасьи Шестаковой, о томъ, какъ въ іюнѣ 1738 г. она провела день во дворцѣ у императрицы. Разсказъ этотъ такъ ярко и вмѣстѣ съ тѣмъ безыскусственно рисуетъ домашній бытъ Анны Ивановны, что мы приводимъ его цѣликомъ:

«Божіею милостію и заступленіемъ пресвятыя Богородицы и повелѣніемъ ея императорскаго величества приведена была во дворецъ лѣтній, и привели меня въ дежурную къ Андрею Ивановичу Ушакову, а его превосходительство велѣлъ меня проводить чрезъ садъ въ покои, гдѣ живетъ княгиня Аграфена Александровна Щербатая, и какъ шла садомъ, стоялъ лакей на дорогѣ и спросилъ: «не вы ли Филатовна?» И я о себѣ сказала: «я». И взялъ меня лакей и довелъ меня до крыльца передъ почивальню и привелъ къ княгинѣ. Княгиня пошла и доложила обо мнѣ, и изволили ея императорское величество прислать Анну Ѳедоровну Юшкову: «не скучно ли тебѣ, Филатовна, посиди»; и посадила со мною отъ скуки говорить Анну Ѳедоровну Волкову, полковницу. А какъ пришло время обѣдать, посадили за столъ съ княгинею Голицыною, съ полковницею Анною Васильевною, съ Марьею Михайловною Возницынаю, съ каморъ-юнфорою Матреною Евстифѣевною, съ Маргаритою Ѳедоровною, съ матерью Александрою Григорьевною, а иныхъ и не упомню».

«А какъ пришелъ часъ вечерни, изволила ея величество прислать Анну Ѳедоровну Юшкову: «ночуй-де у меня, Филатовна!» И я сказала: «воля ея императорскаго величества». А какъ изволила откушать ввечеру и изволила раздѣться, то меня княгиня привела въ почивальную предъ ея величество, и изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшилась: взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было. И изволила привесть меня къ окну и изволила мнѣ глядѣть въ глаза, сказала: «стара очень, никакъ была Филатовна—только пожелтѣла». И я сказала: «уже, матушка, запустила себя: прежде пачкавалась бѣлилами, брови марала, румянилась». И ея величество изволила говорить: «румяниться не надобно, а брови марай». И много тѣшилась и изволила про свое величество спросить: «стара я стала, Филатовна?» И я сказала: «никакъ, матушка, ни маленькой старинки въ вашемъ величествѣ!»—«какова же я толщиною съ Авдотью Ивановну?» И я сказала: «нельзя, матушка, смѣнить ваше величество съ нею, она вдвое толще». Только изволила сказать: «вотъ, вотъ, видишь ли!» А какъ замолчу, то изволитъ сказать: «ну, говори, Филатовна!» И я скажу:

Ледяной домъ и шутовская свадьба въ немъ въ царствованіе Анны Ивановны.

(Съ рѣдкой гравюры того времени).

«не знаю, что, матушка, говорить: душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть». И ея величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться: «поди ко мнѣ поближе». И мнѣ стала ея величества милость и страшна и мила, упала передъ ножками въ землю и цѣлую юбочку. А ея величество тѣшится: «подымите ее». А княгиня меня тащитъ за рукавъ кверху, я и пуще не умѣю встать. И такъ моя матушка свѣтла была, что отъ радости ночью плакала и спать не могла. «Ну, Филатовна, говори!»—«Не знаю, матушка, что говорить».—«Разсказывай про разбойниковъ!» Меня уже горе взяло: «я молъ съ разбойниками не живала». И изволила приказывать, что я дѣлаю, скажи Авдотьѣ Ивановнѣ. И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла къ себѣ, а княгиня живетъ передъ почивальнею. А по утру меня опять привели въ почивальную передъ ея величествомъ въ десятомъ часу, и первое слово изволила сказать: «чаю, тебѣ не мягко спать было?» И опять упала въ землю передъ ея величествомъ и изволила тѣшиться: «подымите ее; ну, Филатовна, разсказывай!» И я стала говорить: «вчерася, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась: сердце все во мнѣ трепетало». И ея величество тѣшилась: «а нынѣча что?» «А сегодня, матушка, къ причастію готовилась». И такъ изволила моя матушка свѣтла быть, что сказать не умѣю. «Ну, Филатовна, говори!» И я скажу: «не знаю уже что говорить, всемилостивая».—«Гдѣ твой мужъ и у какихъ дѣлъ?» И я сказала: «въ селѣ Дѣдиновѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ управителемъ». Матушка изволила вспамятовать: «выде были въ новгородскихъ?»—«Тѣ молъ волости, государыня, отданы въ Невскій монастырь».—«Гдѣ жъ-де вамъ лучше, въ новгородскихъ или въ коломенскихъ?» И я сказала: «въ новгородскихъ лучше было». И ея величество изволила сказать: «да для тебя не отъимать ихъ стать. А гдѣ вы живете, богаты ли мужики?»—«Богаты, матушка».—«Для чего жъ вы отъ нихъ не богаты?»—«У меня молъ мужъ говоритъ, всемилостивѣйшая государыня, какъ я лягу спать, ничего не боюся, и подушка въ головахъ не вертится». И ея величество изволила сказать: «эдакъ лучше, Филатовна: не пользуетъ имѣніе въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти». И я въ землю поклонилася. А какъ замолчу, изволитъ сказать: «ну, Филатовна, говори». И я скажу: «матушка, уже все высказала».—«Еще не все сказала: скажи-тко, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?»—«Видѣла я, государыня, князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій) учитъ княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ».—«Попадаетъ ли она?» — «Иное, матушка, попадаетъ, а иное кривенько».—«А птицъ стрѣляетъ ли?»—«Видѣла, государыня, по-

садили голубя близко мишени и застрѣлила въ крыло, и голубь ходилъ на кривобокъ, а другой разъ уже пристрѣлила».—«А другія дамы стрѣляютъ ли?» — «Не могу, матушка, донесть, не видывала». Изволила мать моя милостиво разспрашивать, покамѣстъ кушать изволила. А какъ убраться изволила, то пожаловала къ ручкѣ: «прости, Филатовна, я опять по тебя пришлю: поклонись Григорью Петровичу, Авдотьѣ Ивановнѣ». И изволила приказать Аннѣ Ѳедоровнѣ Юшковой: «вели отвезть Филатовну на верейкѣ лакеямъ, да и проводить». И пожаловала мнѣ сто рублевъ; изволила сказать: «я-де помню село Дѣдиново: съ матушкою ѣздила молиться къ Миколѣ». А я молвила: «нутко молъ, матушка, нынѣ пожалуй къ Миколѣ-то Чудотворцу помолиться». И ея величество изволила сказать: «молись Богу, Филатовна, какъ миръ будетъ». Изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: «Погляди, Филатовна, моихъ птицъ». И какъ привели меня въ садъ, и ходятъ двѣ птицы величиною и отъ копытъ вышиною съ большую лошадь, копыты коровьи, колѣнки лошадиныя, бедра лошадиныя, а какъ подымешь крыло—бедра голы, какъ тѣло птичье, а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или восемь, длиннѣе лебяжьей; головка гусиная и носокъ меньше гусинаго; а перье на ней такое, что на шляпахъ носятъ. И какъ я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: «какъ-та ихъ зовутъ», то остановилъ меня лакей: «постой». И побѣжалъ отъ меня во дворецъ и прибѣжа ко мнѣ возвратно: «изволила государыня сказать: эту птицу зовутъ строкофамиль; она-де яйца тѣ несетъ, что въ церквахъ по панакадиламъ привѣшиваютъ».

Состоявшіе при императрицѣ приживалки и шуты, болтая, сообщали ей сплетни, ходившія по городу, и интимныя дрязги изъ семейной жизни придворныхъ; но Анна Ивановна этимъ не удовлетворялась: ее интересовали не однѣ только петербургскія сплетни, но и московскія; съ этой цѣлью она вела постоянную переписку съ родственникомъ своимъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ С. А. Салтыковымъ, поручая ему тайно узнавать и доносить ей о домашнихъ дѣлахъ разныхъ лицъ. Въ свои комнатныя фрейлины она выбирала преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя имѣли хорошіе голоса. Когда императрица оставалась въ своей опочивальнѣ, фрейлины должны были сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и заниматься рукодѣліями, вышиваніемъ, вязаніемъ. Соскучившись, Анна Ивановна отворяла къ нимъ дверь и говорила:—«Ну, дѣвки, пойте!» и дѣвки пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: «довольно!» Иногда она требовала къ себѣ гвардейскихъ солдатъ съ ихъ же-

нами и приказывала имъ плясать по-русски и водить хороводы, въ которыхъ заставляла принимать участіе присутствующихъ вельможъ. Она не чуждалась и литературныхъ развлеченій: узнавъ какъ-то, что Тредьяковскій написалъ стихотвореніе игриваго содержанія, она призвала автора къ себѣ и велѣла ему прочитать свое произведеніе. Тредьяковскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ чтеніи: «Имѣлъ счастіе читать государынѣ императрицѣ, у камина, стоя на колѣняхъ передъ ея императорскимъ величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія удостоился получить изъ собственныхъ ея императорскаго величества рукъ всемилостивѣйшую оплеушину».

Анна Ивановна вообще была очень строга къ своимъ приближеннымъ и обращалась съ ними крайне сурово. Такъ, напримѣръ, однажды двѣ фрейлины, сестры Салтыковы, которыхъ она заставила пѣть цѣлый вечеръ, осмѣлились наконецъ замѣтить ей, что онѣ уже много пѣли и устали. Императрица, не терпѣвшая никакихъ возраженій, до такой степени разгнѣвалась на бѣдныхъ дѣвушекъ, что тутъ же прибила ихъ и отправила на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачешномъ дворѣ. Въ другой разъ, узнавъ, что на одномъ частномъ балу какія-то дамы очень хорошо танцовали, она послала за ними и приказала танцовать въ своемъ присутствіи. Дамы начали танецъ, но, смущенныя грознымъ видомъ государыни, смѣшались, перепутали фигуры и въ нерѣшимости остановились. Императрица молча поднялась съ своего кресла, подошла къ помертвѣвшимъ отъ страха танцоркамъ, отвѣсила каждой по пощечинѣ и затѣмъ, возвратившись на мѣсто, велѣла снова начать танецъ. Анна Ивановна очень благоволила къ статсъ-дамѣ графинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой, потому что она хорошо умѣла разсказывать городскія новости и анекдоты; но, несмотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себѣ. Однажды Чернышева, разговаривая съ императрицей, почувствовала себя дурно и едва могла стоять на ногахъ. Анна Ивановна, замѣтивъ это, сказала своей собесѣдницѣ: «Ты можешь опереться на столъ, служанка заслонитъ тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы».

Шуты при дворѣ Анны Ивановны не имѣли того значенія, которымъ пользовались при Петрѣ Великомъ. Петръ держалъ шутовъ не для собственной только забавы и увеселенія, но какъ одно изъ орудій насмѣшки, употреблявшейся имъ иногда противъ грубыхъ предразсудковъ и невѣжества, коренившихся въ тогдашнемъ обществѣ. Шуты Петра очень часто рѣзкой и ядовитой остротой клеймили пороки и обнаруживали злоупотребленія лицъ, даже самыхъ

близкихъ къ государю. Когда вельможи жаловались Петру на слишкомъ безцеремонное обхожденіе шутовъ, онъ отвѣчалъ: «что вы хотите, чтобы я съ ними сдѣлалъ? вѣдь они дураки!» Шуты же Анны Ивановны не смѣли никому высказывать правды въ глаза и, по доброй волѣ или принужденію, исполняли роль простыхъ скомороховъ, потѣшая свою повелительницу забавными выходками, паясничествомъ, сказками и прибаутками. По свидѣтельству Державина, всякій разъ, какъ императрица слушала обѣдню въ при-

Шутъ Балакиревъ.

(Съ старинной литографіи).

дворной церкви, шуты ея садились въ лукошки въ той комнатѣ, черезъ которую ей нужно было проходить во внутренніе покои, и кудахтали, подражая насѣдкамъ. Иногда Анна Ивановна заставляла ихъ становиться гуськомъ, лицомъ къ стѣнѣ, и по очереди толкать одинъ другого изо всей силы; шуты приходили въ азартъ, дрались, таскали другъ друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а въ угоду ей и весь дворъ, восхищались такимъ зрѣлищемъ и помирали со смѣху. Для поощренія и награжденія своихъ шутовъ Анна Ивановна учредила даже особый шутовскій орденъ «св. Бе-

недикта», весьма схожій съ крестомъ ордена св. Александра Невскаго и носившійся въ петлицѣ на красной лентѣ.

Офиціальныхъ шутовъ при императрицѣ находилось шесть человѣкъ: Балакиревъ и д'Акоста, унаслѣдованные ею отъ Петра Великаго, Педрилло, графъ Апраксинъ, князь Волконскій и князь Голицынъ. Появленіе при дворѣ въ роли шутовъ лицъ изъ родовитой русской знати восходитъ къ XVII столѣтію. У Ивана Грознаго былъ шутъ, князь Осипъ Гвоздевъ, котораго грозный царь и убилъ, шутя. Въ шутовскихъ обрядахъ, свадьбахъ и маскарадахъ петровскаго времени главными актерами съ титуломъ «князь-папы» и «князь-игуменьи» фигурировали: думный дьякъ Н. М. Зотовъ, бояринъ И. И. Бутурлинъ, вдова окольничаго Д. Г. Ржевская, статсъ-дама княгиня Н. П. Голицына и др. Анна Ивановна имѣла свои причины продолжать такое униженіе стариннаго боярства, помня хорошо, какъ оно стремилось, при ея воцареніи, ограничить самодержавіе въ свою пользу. Чтобы можно было составить нѣкоторое понятіе о личности шутовъ Анны Ивановны, мы постараемся сгруппировать тѣ немногія и отрывочныя свѣдѣнія о нихъ, которыя разбросаны въ документахъ и мемуарахъ того времени.

Иванъ Емельяновичъ Балакиревъ сынъ бѣднаго дворянина, былъ сперва стряпчимъ въ Хутынскомъ монастырѣ, близъ Новгорода, а потомъ, вытребованный въ 1718 г., наравнѣ съ другими дворянами, въ Петербургъ на службу, опредѣленъ «къ инженерному ученію». Въ столицѣ онъ случайно познакомился съ царскимъ любимцемъ, камергеромъ Монсомъ, понравился ему своимъ веселымъ характеромъ, балагурствомъ и находчивостью и сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. Монсъ, уже владѣвшій тогда сердцемъ императрицы Екатерины I, доставилъ Балакиреву мѣсто камеръ-лакея, поручалъ ему вывѣдывать и выслушивать придворныя новости и разговоры, и при его содѣйствіи продавалъ разнымъ лицамъ свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутомъ, бывшій стряпчій сумѣлъ обратить на себя вниманіе Петра Великаго и получилъ право острить и дурачиться въ его присутствіи. Однако, Балакиреву недолго пришлось пользоваться выгодами своего новаго положенія. Арестованный въ 1724 г. вмѣстѣ съ Монсомъ, онъ подвергся пыткѣ и за «разныя плутовства» наказанъ нещадно батогами и сосланъ въ Рогервикъ въ крѣпостныя работы. По вступленіи на престолъ Екатерины I, Балакиревъ былъ возвращенъ изъ ссылки и опредѣленъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Несмотря на всѣ старанія и хлопоты, онъ только въ царствованіе Анны Ивановны попалъ снова ко двору и получилъ званіе придворнаго шута. Нау-

ченный горькимъ опытомъ, Балакиревъ велъ себя очень осторожно и заботился болѣе всего о томъ, чтобы обезпечить себя на черный день. Анна Ивановна, повидимому, благоволила къ нему; по крайней мѣрѣ, когда въ 1732 г. Балакиревъ женился на дочери посадскаго Морозова и не получилъ обѣщанныхъ ему въ приданое 2,000 руб., императрица приказала, немедленно и не принимая никакихъ отговорокъ, «доправить» эти деньги съ Морозова и отдать ихъ Балакиреву. Въ другой разъ онъ вздумалъ разыграть лотерею, и Анна Ивановна усердно хлопотала о раздачѣ билетовъ. «При семъ посылаю вамъ», писала она въ Москву С. А. Салтыкову, «бумажку: Балакиревъ лошадь проигрываетъ въ лотъ, и ты изволь въ Москвѣ приказать, чтобъ подписались, кто хочетъ и сколько кто хочетъ, и ты пожалуй подпиши, а у насъ всѣ пишутъ». Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что многочисленные анекдоты о Балакиревѣ, изданные нѣсколько разъ и во множествѣ экземпляровъ, большею частью выдуманы или заимствованы изъ польскихъ книжекъ подобнаго же содержанія. Ни одинъ изъ современныхъ Петру Великому писателей, разсказывая о царскихъ забавахъ, даже не упоминаетъ имени Балакирева.

Янъ д'Акоста, португальскій жидъ, нѣсколько лѣтъ странствовалъ по Европѣ, перебиваясь мелкими аферами; держалъ маклерскую контору въ Гамбургѣ и наконецъ присталъ, въ качествѣ приживальщика, къ бывшему тамъ русскому резиденту, съ которымъ и пріѣхалъ въ Россію. Смѣшная фигура, умѣнье говорить понемногу на всѣхъ европейскихъ языкахъ и свойственная еврейскому племени способность поддѣлаться и угодить каждому, доставили ему мѣсто придворнаго шута. Онъ былъ чрезвычайно хитеръ и превосходно зналъ священное писаніе. Петръ Великій любилъ вступать съ нимъ въ богословскіе споры и за усердную шутовскую службу пожаловалъ ему титулъ «самоѣдскаго короля» и подарилъ безлюдный и песчаный островъ Соммерсъ, одинъ изъ среднихъ острововъ Финскаго залива.

Пьетро Мира, обыкновенно звавшійся сокращенно Педрилло, родомъ неаполитанецъ, явился въ Петербургъ въ началѣ царствованія Анны Ивановны пѣть роли буффа и играть на скрипкѣ въ придворной итальянской оперѣ. Не поладивъ, однако, съ главнымъ опернымъ капельмейстеромъ Арайа, смѣтливый Педрилло перечислился въ придворные шуты и такъ удачно исполнялъ свою новую обязанность, что скоро сдѣлался любимцемъ императрицы и неизмѣннымъ карточнымъ ея партнеромъ. На придворныхъ банкетахъ она обыкновенно поручала Педрилло держать вмѣсто себя

банкъ и расплачиваться при проигрышахъ. Благодаря этому обстоятельству, Педрилло сумѣлъ въ короткое время скопить изрядный капиталецъ, съ которымъ потомъ благоразумно удалился во-свояси. О ловкости его въ наживаніи денегъ можно судить изъ слѣдующаго анекдота, разсказаннаго въ запискахъ Манштейна. Жена Педрилло была очень невзрачна собою; однажды Биронъ, желая посмѣяться надъ нимъ по этому поводу, спросилъ его: — «правда ли говорятъ, что ты женатъ на козѣ?» — «Не только правда», отвѣчалъ находчивый шутъ: «но жена моя беременна и должна надняхъ родить; смѣю надѣяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навѣстить родильницу и подарить что-нибудь на зубокъ младенцу». Биронъ расхохотался и обѣщалъ исполнить просьбу. Черезъ нѣсколько дней Педрилло пришелъ къ Бирону съ радостнымъ лицомъ и объявилъ, что жена его, коза, благополучно разрѣшилась отъ бремени, и напомнилъ объ обѣщаніи. Выходка эта очень понравилась Аннѣ Ивановнѣ, и она пригласила весь дворъ навѣстить шута и поздравить его съ семейною радостью. Педрилло досталъ козу, разукрасилъ ее лентами и бантами, уложилъ съ собою въ постель и съ серьезнымъ видомъ принималъ поздравленія. Каждый, разумѣется, былъ обязанъ класть подарокъ подъ подушку шута, который пріобрѣлъ, такимъ образомъ, въ одно утро нѣсколько сотъ рублей. Кромѣ шутовскихъ обязанностей, Педрилло исполнялъ еще разныя порученія императрицы. Черезъ его посредство выписывались иногда изъ Италіи пѣвцы и пѣвицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоцѣнные камни, матеріи и разныя бездѣлушки. Съ этою цѣлью онъ неоднократно посылался за границу и даже вступалъ въ переписку съ владѣтельными особами. Когда въ 1735 г. испанцы вторглись въ Тоскану, управляемую слабоумнымъ и бездѣтнымъ герцогомъ Гастономъ Медичи, Анна Ивановна, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, поручила Педрилло устроить покупку, по дешевой цѣнѣ, знаменитаго тосканскаго алмаза. Сохранилось письмо, съ которымъ шутъ, по ея приказанію, обратился къ герцогу.

«Королевское высочество», писалъ онъ, «я понынѣ должность мою исполнить и вашему высочеству писать пренебрегъ; но понеже сія оказія нынѣ подается, чтобы ея императорскому величеству, моей самодержицѣ, служить, привлекаетъ меня васъ симъ утруждать. И тако объявляю, что понеже здѣсь получена вѣдомость, что владѣніе вашего королевскаго высочества вступленіемъ непріятельскихъ войскъ едва не разорено, а именно отъ вандальскихъ войскъ, ко-

торыя свирѣпыми и жестокими своими поступками разорили земли и, требуя великія контрибуціи, въ бѣдственное состояніе приводятъ подданныхъ вашихъ. Того ради, для облегченія вашего отъ толикаго нападенія, представляю вамъ со стороны сей августѣйшей моей императрицы 15,000 россійскаго войска, да авангардію 40,000 казаковъ и калмыковъ; и надѣюсь, что по прибытіи сего храбраго войска гишпанскія войска стараться будутъ уходить спастись и всю свою храбрость для безопасенія среди Африки содержать, а гене-

Шутъ д'Акоста.
(Со старинной гравюры).

ралъ Монтемаръ и весь гишпанскій дворъ и въ Мадридѣ не безъ опасности будутъ. Однакоже, надлежитъ для содержанія сихъ храбрыхъ войскъ, чтобы ваше королевское высочество приказалъ приготовить довольное число самой крѣпкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивалъ, будучи въ Богеміи, и оною охотно напивался до пьяна. Соблаговолите принять мое предложеніе и увидите, что владѣнія ваши возстановятся, подданные ваши веселиться станутъ и жизнь вашего королевскаго высочества двадцать лѣтъ еще продолжится. Чаю жъ я, что по причинѣ текущаго бѣдствія казна ваша истощена деньгами, и для того пред-

ставляю вамъ купить вашъ самобольшой алмазъ, о которомъ слава происходитъ, что больше его въ Италіи не имѣется; ежели недорогою цѣною оный продать намѣрены, то я вамъ купца нашелъ, ибо (правду вамъ сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ея императорское величество намѣрена тотъ алмазъ купить и деньги за оный заплатить; но изволитъ, чтобъ я себя купцомъ представилъ и торговалъ. Я бы надѣялся, что ваше королевское высочество, не имѣя наслѣдниковъ, не пренебрежетъ сею оказіею и продажею сего алмаза къ ненуждѣ себя приведетъ, понеже великій Богъ вѣдаетъ, кому, послѣ преставленія вашего, имѣніе ваше достанется. Я вамъ сіе представляю, какъ истинный неаполитанецъ и добрый пріятель, и чаю, что такимъ и отъ вашего королевскаго высочества признанъ буду. Безъ замедленія соблаговолите отвѣтъ мнѣ дать и рѣшительно намѣреніе свое объявить, чтобъ я могъ деньги и вышесказанныя войска приготовить и бездѣльникамъ гишпанцамъ напускъ дать».

Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отвѣтъ на это посланіе; но тосканскій алмазъ, вѣсившій 139½ каратовъ, не достался Аннѣ Ивановнѣ, а попалъ въ руки австрійскаго императора. Странное содержаніе письма и выборъ корреспондента объясняется отчасти слабоуміемъ герцога Гастона и личнымъ знакомствомъ его съ Педрилло (какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ выраженій въ письмѣ).

Камергеръ князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій имѣлъ нѣкоторое положеніе при дворѣ Петра Великаго и Екатерины I, единственно благодаря женѣ своей, Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умомъ, свѣтскимъ образованіемъ, честолюбіемъ и безпокойнымъ характеромъ. Волконскій былъ человѣкъ полупомѣшанный, добровольно разыгрывавшій роль шута, и сдѣлался извѣстнымъ Аннѣ Ивановнѣ еще въ Митавѣ, куда онъ неоднократно пріѣзжалъ въ гости къ своему тестю, Петру Михайловичу Бестужеву. Княгиня Аграфена Петровна была вынуждена отстранить мужа отъ управленія имѣніями, потому что онъ тратилъ доходы безпорядочно, на собакъ, сказочниковъ и всякихъ приживальщиковъ. Волконская ненавидѣла дочерей царя Ивана Алексѣевича, и въ особенности Анну Ивановну, которой въ царствованіе Екатерины I причинила много непріятностей. Въ 1728 году, княгиня Аграфена Петровна за тайныя политическія сношенія свои съ австрійскимъ посломъ графомъ Рабутинымъ и другія придворныя интриги, была сослана, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта, въ заключеніе въ Тихвинскій монастырь. Анна Ивановна, вступивъ на престолъ, старалась мстить своему безсильному врагу тѣмъ, что подвергала княгиню всевозможнымъ стѣсненіямъ и лишеніямъ, которыя ускорили

ея кончину, послѣдовавшую въ 1732 г. Когда княгиня Аграфена Петровна была отправлена въ ссылку, князь Никита Ѳедоровичъ поселился въ своемъ имѣніи, сельцѣ Селявинѣ, Переяславскаго уѣзда, гдѣ вполнѣ отдался своимъ причудамъ. Получивъ извѣстіе о смерти Волконской, Анна Ивановна вспомнила о ея мужѣ и его шутовскихъ выходкахъ, когда-то доставлявшихъ ей немалое развлеченіе среди митавской скуки, и поспѣшила навести о немъ справки. «Семенъ Андреевичъ!» писала она Салтыкову въ Москву, «объявляю вамъ, что княгиня Аграфена Волконская умерла, того ради изволь сыскать ея мужа, князя Никиту Волконскаго, и къ намъ его немедленно выслать въ Петербургъ и скажи ему, что ему велѣно быть за милость, а не за гнѣвъ». Волконскій былъ доставленъ въ Петербургъ, и императрица оказала ему свою милость: пожаловала сумасшедшаго князя въ шуты! До какой степени это занимало Анну Ивановну, можно судить изъ слѣдующаго письма ея къ Салтыкову: «Пошли кого нарочно князь Никиты Волконскаго въ деревню его Селявино и вели разспросить людей, которые больше при немъ были въ бытность его тамъ, какъ онъ жилъ и съ кѣмъ сосѣдями знался и какъ ихъ принималъ, спѣсиво или просто, такъ же, чѣмъ забавлялся, съ собаками-ль ѣздилъ, или другую какую имѣлъ забаву, и собакъ много-ль держалъ, и каковы, а когда дома, то каково жилъ, и чисто ли въ хоромахъ у него было, и какова была пища, не ѣдалъ ли кочерыжекъ и не леживалъ ли на печи, и о томъ обо всемъ и тѣхъ его людей разспроси ихъ подлинно, вели взять сказки и пришли къ намъ, и гдѣ онъ спалъ бывали-ль у него тутъ горшки и кувшины, такъ же и деревянная посуда, и о томъ обо всемъ его житіи, сдѣлавъ тетрадку и надписавъ подлинно и подписать «житіе князь Никиты Волконскаго», и къ житію вели приписать, спрося у людей, сколько у него рубахъ было и по скольку дней онъ нашивалъ рубаху». Черезъ нѣсколько времени она опять писала Салтыкову: «По полученіи сего изволь послать въ домъ князь Никиты Волконскаго и всѣ письма его взять и сюда къ намъ прислать, а намъ письма его надобны ради смѣха». Въ 1734 г., поручая Салтыкову исполнить въ Москвѣ разныя комиссіи, императрица прибавляла въ письмѣ: «Да здѣсь, играючи, женила я князь Никиту Волконскаго на Голицыномъ и при семъ прилагается его письмо къ человѣку его, въ которомъ написано, что онъ женился вправду, и ты оное сошли къ нему въ домъ стороною, чтобъ тотъ человѣкъ не дознался и о томъ ему ничего сказывать не вели, а отдать такъ, что будто то письмо прямо отъ него писано». На Волконскаго была возложена обязанность

кормить и ухаживать за любимой императрицыной собачкой, называвшейся «Цытринькой». Содержаніе собачкѣ отпускалось изъ запасовъ дворцовой конторы, и выдача его производилась порядкомъ, установленнымъ для записи расхода дворцовыхъ припасовъ. «Цытринькѣ» было опредѣлено въ кормъ на каждый день «по кружкѣ сливокъ молочныхъ». Волконскій ежедневно долженъ былъ обращаться за сливками къ придворному кухеншрейберу, который, въ ежемѣсячныхъ отчетахъ, подаваемыхъ въ дворцовую контору на ревизію объ израсходованныхъ имъ столовыхъ припасахъ, всегда отдѣльною статьею писалъ расходъ, сдѣланный на собачку, такъ: «Отпущено, по требованію князя Никиты Волконскаго, для кормленія собачки Цытриньки съ такого-то по такое число сливокъ молочныхъ по кружкѣ въ каждый день». Подъ этой статьею всегда значилась росписка Волконскаго въ пріемѣ сливокъ.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, племянникъ извѣстнаго Петровскаго адмирала, графа Ѳедора Матвѣевича, началъ службу камеръ-юнкеромъ при Екатеринѣ I, и въ 1729 г. женился на княжнѣ Еленѣ Михайловнѣ Голицыной, дочери князя Михаила Алексѣевича Голицына, о которомъ будетъ сказано далѣе. Мы не знаемъ достовѣрно, когда и по какимъ причинамъ онъ былъ сдѣланъ шутомъ; но есть указанія, что Апраксинъ нисколько не тяготился своей унизительной ролью, исполнялъ ее съ рѣдкимъ усердіемъ до самой кончины, въ 1738 г., и часто получалъ отъ императрицы крупные денежные подарки; такъ, напримѣръ, въ 1733 году ему было пожаловано 6,000 руб. изъ суммъ Преображенскаго полка. Въ запискахъ Порошина находится, между прочимъ, слѣдующая замѣтка: «Графъ Никита Ивановичъ Панинъ разсказывалъ о шутѣ императрицы Анны Ивановны, графѣ Апраксинѣ, что онъ несносный былъ шутъ, обижалъ всегда другихъ и за то часто битъ бывалъ».

Князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго боярина и любимца царевны Софьи, Василія Васильевича, и сынъ пермскаго намѣстника, князя Алексѣя Васильевича Голицына, родился въ 1688 году, незадолго до того, какъ дѣдъ и отецъ его, лишенные чиновъ и помѣстій, были отправлены въ ссылку въ Пинегу. Когда князь Михаилъ Алексѣевичъ достигъ совершеннолѣтія, Петръ Великій опредѣлилъ его солдатомъ въ полевые полки, гдѣ онъ, на сороковомъ году отъ рожденія, съ трудомъ достигъ чина майора. Потерявъ въ 1729 г. первую жену, Марфу Максимовну, рожденную Хвостову, отъ которой имѣлъ сына, князя Алексѣя, умершаго бездѣтнымъ, и дочь Елену, вышедшую за графа Апраксина, Голицынъ испросилъ себѣ позволеніе ѣхать за границу. Слабоумный отъ

природы, онъ, во время пребыванія своего во Флоренціи, влюбился въ одну итальянку низкаго происхожденія, женился на ней и по ея внушенію перешелъ въ католическую вѣру. По возвращеніи въ Россію въ 1732 г., князь Михаилъ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, тщательно скрывая отъ всѣхъ жену и перемѣну религіи. Обстоятельство это скоро обнаружилось, привело въ отчаяніе всю многочисленную фамилію Голицыныхъ и, разумѣется, дошло до свѣдѣнія императрицы, которой поступокъ Голицына былъ объясненъ его крайнимъ слабоуміемъ. Она велѣла представить его себѣ, пришла въ восхищеніе отъ его глупости и тотчасъ же сдѣлала своимъ шутомъ. — «Семенъ Андреевичъ!» писала она Салтыкову 20-го февраля 1733 г., «благодарна за присылку Голицына; онъ здѣсь всѣхъ дураковъ побѣдилъ; ежели еще такой же въ его пору сыщется, то немедленно увѣдомь». Разумѣется, бракъ князя Михаила Алексѣевича былъ признанъ недѣйствительнымъ, и онъ болѣе уже не увидѣлъ своей жены-итальянки. Голицыну, въ числѣ прочихъ шутовскихъ обязанностей, было поручено подавать императрицѣ квасъ, вслѣдствіе чего придворные прозвали его «квасникомъ». Прозвищемъ этимъ онъ именовался даже и въ официальныхъ бумагахъ того времени. Любопытно, что, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ объ отцѣ его, князѣ Алексѣѣ Васильевичѣ, императрица называетъ послѣдняго княземъ Алексѣемъ Кислищинымъ.

Въ числѣ приживалокъ Анны Ивановны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ императрицы и носившая, къ честь ея любимаго блюда, фамилію «Бужениновой». Калмычка эта, уже немолодая и очень некрасивая собой, какъ-то въ разговорѣ выразила Аннѣ Ивановнѣ охоту выйти замужъ. Посмѣявшись надъ такимъ желаніемъ, императрица спросила Буженинову, есть ли у нея въ виду женихъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказала, что беретъ на себя устройство ея судьбы. На другой же день пятидесятилѣтнему Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невѣсту, и чтобы онъ готовился къ свадьбѣ, всѣ расходы которой ея величество принимаетъ на свой счетъ. Мысль императрицы — женить шута на шутихѣ — встрѣтила полное сочувствіе въ кругу ея приближенныхъ. Камергеръ Татищевъ подалъ идею — построить для этой цѣли на Невѣ домъ изъ льда и обвѣнчать въ немъ молодыхъ «курьезнымъ образомъ». Немедленно была составлена, подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго, особая «маскарадная комиссія», которой порученъ высшій надзоръ и скорѣйшее исполненіе предложенія Татищева.

Комиссія избрала для постройки «Ледяного дома» мѣсто на Невѣ, между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ. Матеріаломъ при постройкѣ служилъ только чистый ледъ; его разрубали большими плитами, клали ихъ одну на другую и для связи поливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Онъ имѣлъ восемь саженъ въ длину, двѣ съ половиной въ ширину и три въ вышину. Кругомъ всей крыши тянулась сквозная галлерея, украшенная столбами и статуями; крыльцо съ рѣзнымъ фронтисписомъ вело въ сѣни, раздѣлявшія зданіе на двѣ большія комнаты; сѣни освѣщались четырьмя, а каждая комната — пятью окнами, со стеклами изъ тончайшаго льда. Оконные и дверные косяки и простѣночныя пилястры были выкрашены зеленою краскою подъ мраморъ. За ледяными стеклами стояли писанныя на полотнѣ «смѣшныя картины», освѣщавшіяся по ночамъ извнутри множествомъ свѣчей. Передъ домомъ были разставлены шесть ледяныхъ трехфунтовыхъ пушекъ и двѣ двухпудовыя мортиры, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ, сдѣланныхъ также изъ льда, красовались два ледяные дельфина, выбрасывавшіе изъ челюстей, съ помощью насосовъ, огонь отъ зажженной нефти. На воротахъ стояли горшки съ ледяными вѣтками и листьями. На ледяныхъ вѣткахъ сидѣли ледяныя птицы. По сторонамъ дома, на пьедесталахъ съ фронтисписами возвышались остроконечныя четырехугольныя пирамиды. Въ каждомъ боку ихъ было устроено по круглому окну, около которыхъ снаружи находились размалеванныя часовыя доски. Внутри пирамидъ висѣли большіе бумажные, восьмиугольные фонари, разрисованные «всякими смѣшными фигурами». Ночью въ пирамиды влѣзали люди, вставляли свѣчи въ фонари и поворачивали ихъ передъ окнами, къ великой потѣхѣ постоянно толпившихся здѣсь зрителей. Послѣдніе съ любопытствемъ тѣснились также около стоявшаго по правую сторону дома ледяного слона въ натуральную величину. На слонѣ сидѣлъ ледяной персіянинъ; двое другихъ такихъ же персіянъ стояли по сторонамъ. «Сей слонъ» разсказываетъ очевидецъ, «внутри былъ пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на двадцать четыре фута пускалъ; ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ».

Внутреннее убранство дома вполнѣ соотвѣтствовало его оригинальной наружности. Въ одной комнатѣ стояли: туалетъ, два зеркала, нѣсколько шандаловъ, карманные часы, большая двухспальная кровать, табуретъ и каминъ съ ледяными дровами. Въ другой

комнатѣ были столъ рѣзной работы, два дивана, два кресла и рѣзной поставецъ, въ которомъ находилась точеная чайная посуда стаканы, рюмки и блюда. Въ углахъ этой комнаты красовались двѣ статуи, изображавшія купидоновъ, а на столѣ стояли большіе часы и лежали карты съ марками. Всѣ эти вещи, безъ исключенія, были весьма искусно сдѣланы изъ льда и выкрашены «приличными натуральными красками». Ледяныя дрова и свѣчи намазывались нефтью и горѣли.

Кромѣ того, при «Ледяномъ домѣ», по-русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня; ее нѣсколько разъ топили, и охотники могли въ ней париться.

По именному высочайшему повелѣнію, къ «курьезной» свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ изъ разныхъ концовъ Россіи по два человѣка обоего пола всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ. Всего набралось триста человѣкъ. Маскарадная комиссія снабдила каждую пару мѣстной народной одеждой и музыкальнымъ инструментомъ.

6-го февраля 1740 года, въ день, назначенный для празднества, послѣ бракосочетанія сіятельнаго шута, совершеннаго обычнымъ порядкомъ въ церкви, разноплеменные «поѣзжане» потянулись со сборнаго пункта длиннымъ поѣздомъ. Тутъ были: абхазцы, остяки, мордва, чуваши, черемисы, вятичи, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество другихъ «разноязычниковъ и разночинцевъ», каждый въ своемъ національномъ костюмѣ и съ своей прекрасной половиной. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе—на оленяхъ, третьи—на собакахъ, четвертые—на волахъ, пятые—на козлахъ, шестые—на свиньяхъ и т. д., «съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторыя въ образѣ птицъ странныхъ». Шествіе открывали «молодые», красовавшіеся въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ.

Свадебный поѣздъ, управляемый Волынскимъ и Татищевымъ, съ музыкою и пѣснями проѣхавъ мимо дворца и по всѣмъ главнымъ улицамъ, остановился у манежа герцога Курляндскаго. Здѣсь на нѣсколькихъ длинныхъ столахъ былъ приготовленъ изобильный обѣдъ, за которымъ каждая пара имѣла свое народное блюдо и свой любимый напитокъ. Во время обѣда Тредьяковскій привѣтствовалъ молодыхъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Здравствуйте, женившись, дуракъ и дурка,
Еще... тота и фигурка:
Теперь-то прямое время намъ повеселиться,
Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.

Квасникъ-дуракъ и Буженинова...
Сошлись любовію, но любовь ихъ гадка.
Ну, мордва, ну, чуваши, ну, самоѣды!
Начните веселье, молодые дѣды:
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ахъ, вижу, какъ вы теперь рады!
Гремите, гудите, бренчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи, весна, свищи, красна!
Невозможно вамъ имѣть лучшее время:
Спрягся ханскій сынъ, взялъ ханское племя,
Ханскій сынъ Квасникъ, Буженинова ханка.
Кому того не видно, кажетъ ихъ осанка.
О, пара! о, не стара!
Не жить они станутъ, но зоблить сахаръ.
И такъ надлежитъ новобрачныхъ привѣтствовать нынѣ,
Дабы они все свое время жили въ благостынѣ:
Спалось бы имъ, да вралось, пилось бы, да ѣлось.
Здравствуйте жъ, женившись, дуракъ и дурка.
Еще... тота и фигурка»!

Послѣ обѣда «разноязычныя» пары плясали каждая свою національную пляску подъ свою національную музыку. Потѣшное зрѣлище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможныхъ зрителей. По окончаніи бала пестрый поѣздъ, предшествуемый попрежнему «молодыми», возсѣдавшими въ клѣткѣ на слонѣ, отправился въ «Ледяной домъ», который горѣлъ огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися въ его прозрачныхъ стѣнахъ и окнахъ; ледяные дельфины и ледяной слонъ метали потоки яркаго пламени; «смѣшныя» картины въ пирамидахъ вертѣлись къ полному удовольствію многочисленной публики, встрѣчавшей новобрачныхъ громкими криками.

Молодыхъ съ различными церемоніями уложили на ледяную постель, а къ дому приставили караулъ изъ опасенія, чтобы счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсѣмъ теплое и удобное ложе...

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ «курьезнаго праздника» императрица Анна Ивановна скончалась, завѣщавъ, какъ извѣстно, русскій престолъ племяннику своему, принцу Браунпвейгскому, Іоанну Антоновичу. За малолѣтствомъ послѣдняго, управленіе государствомъ перешло въ руки матери его, принцессы Анны Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна въ первый же день своего

правленія уволила всѣхъ шутовъ, наградивъ ихъ приличными подарками. Съ этого времени официальное званіе «придворнаго шута» уничтожилось навсегда. Хотя потомъ шуты и продолжали появляться при дворѣ, но уже подъ другимъ именемъ и не въ шутовской одеждѣ.

Въ заключеніе нашего очерка намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила Алексѣевича Голицына и его женъ.

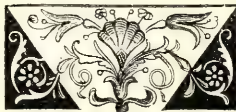
Когда Голицынъ былъ отправленъ, по приказанію императрицы, въ 1733 г. изъ Москвы въ Петербургъ и сдѣлался шутомъ, объ его женѣ-итальянкѣ совсѣмъ забыли. Только черезъ два года Анна Ивановна почему-то вспомнила о ней и поручила Салтыкову узнать «подъ рукою», гдѣ она живетъ, какое имѣетъ пропитаніе и отъ кого, а если выѣхала изъ Москвы, то куда и «на чьемъ коштѣ». Салтыковъ дозналъ, что Голицына проживаетъ въ Нѣмецкой слободѣ, и велѣлъ каптенармусу Преображенскаго полка Лакостову навести точныя о ней справки. Ласкотовъ 21-го января 1735 г. донесъ слѣдующее:

«Пришелъ я католицкой церкви къ патеру Фабіянусу и объявилъ ему, что я пріѣхалъ изъ Воронежа, офицеръ, и при отъѣздѣ оттуда просилъ меня итальянскій патеръ, который при вице-адмиралѣ Змаевичѣ службу отправляетъ, чтобъ я увѣдомился о женѣ князя Михаила Алексѣевича Голицына, на которой женился онъ, князь Голицынъ, въ Италіи, гдѣ отечество ея нынѣ, отъ кого она пропитаніе имѣетъ и на чьемъ коштѣ живетъ. На что оный Фабіянусъ объявилъ мнѣ: она нанимаетъ квартиру бѣдную, и въ той квартирѣ хозяинъ выставилъ двери и окошки за то, что она, княгиня, за квартиру не платитъ, а ей-де не токмо платить деньги, и дневной пищи не имѣетъ; и для ея бѣдности далъ ей два рубля денегъ, и ни откуда никакой помощи къ пропитанію не имѣетъ, и валяется-де на полу, постлать и одѣться нечѣмъ; въ праздникъ Рождества Христова пришла сюда и говоритъ-де мнѣ, что я умираю съ голоду, не имѣю куска хлѣба, и въ то время далъ ей денегъ семь алтынъ; она-де хуже всякой нищей, одежды и пищи никакой не имѣетъ. И приказалъ оный Фабіянусъ служителю своему указать квартиру, гдѣ она живетъ; въ Старой Басманной, въ домѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Полозова вдовы Марьи Федоровой, у сержантской жены Андреевской, въ маленькой комнаточкѣ, найму даетъ по три рубля въ годъ. Оная княгиня объявила мнѣ, что она отъ князя Михаила Алексѣевича Голицына ничего послѣ разлученія съ нимъ отъ него не получала, и пищи ни-

откуда не имѣетъ, развѣ кто милостыню подастъ, и со рвеніемъ говорила: «хотя бы-де мнѣ дьяволъ денегъ далъ, я бы ему душу свою отдала; видишь-де ты, какое на мнѣ платье и какая у меня постель». Одежда на ней понитянная, черная, ветха; постель—наволока холстинная толстая, набита сѣномъ; одѣвается нагольною шубою ветхою. При томъ же она говорила и тужила: гдѣ-де нынѣ мой сынъ, князь Иванъ, котораго я родила съ нимъ, княземъ Михайломъ Алексѣевичемъ» [1]).

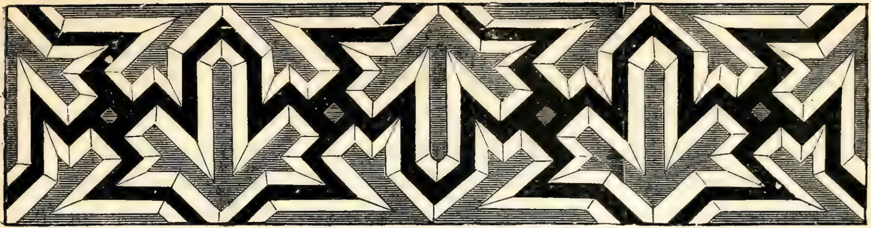
Послѣ донесенія Лакостова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о княгинѣ Голицыной до 7-го сентября 1736 года. Въ этотъ день императрица написала Салтыкову: «Семенъ Андреевичъ! Вели въ слободѣ Нѣмецкой сыскать Голицына жену-итальянку и какъ скорѣе пришли ее къ намъ на почтѣ въ Петербургъ, давъ провожатаго, чтобъ ее бережно довезъ; только бы никто про это не вѣдалъ въ Москвѣ, пока къ намъ пріѣдетъ, и дорогою не вели сказывать, что она ѣдетъ. А какъ привезутъ ее въ Петербургъ, вели явиться у генерала Ушакова тайнымъ же образомъ». Зачѣмъ такъ внезапно потребовалась Аннѣ Ивановнѣ Голицына, и что сталось съ послѣдней по доставленіи ея въ тайную канцелярію къ Ушакову — неизвѣстно. Можно только предполагать, что ея бѣдствія въ Россіи окончились высылкой за границу.

По упраздненіи правительницей въ 1741 году должности придворныхъ шутовъ, князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ удалился въ Москву, гдѣ его жена-калмычка вскорѣ умерла. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей: князя Алексѣя, умершаго холостымъ, и князя Андрея, женившагося на Аннѣ Ѳедоровнѣ Хитрово и оставившаго многочисленное потомство. Въ 1744 г. князь обвѣнчался въ четвертый разъ съ Аграфеной Алексѣевной Хвостовой, съ которой прижилъ трехъ дочерей. Онъ скончался въ 1778 г. въ глубокой старости, и полуразрушенную могилу его еще весьма недавно можно было видѣть съ селѣ Братовщинѣ, по дорогѣ отъ Москвы въ Троицко-Сергіеву лавру.

---

[1]) Объ этомъ сынѣ князя Михаила Алексѣевича не упоминается ни въ одномъ изъ родословій князей Голицыныхъ (Долгорукова, Серчевскаго). Вѣроятно, отнятый отъ матери, онъ умеръ въ младенчествѣ.

Березовскіе ссыльные.

(1727 — 1741 г.).

ВЪ 1066 ВЕРСТАХЪ отъ Тобольска, среди дремучей тайги и пустынныхъ тундръ отдаленнаго сѣвера, на крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки Сосвы, близъ впаденія ея въ Обь, пріютился небольшой городокъ Березовъ. Кругомъ его на необозримыя пространства тянутся съ одной стороны — первобытные хвойные лѣса, съ другой — обширная луговая низменность, покрытая множествомъ озеръ, протоковъ и зыбкихъ болотъ. На всемъ лежитъ печать суроваго сѣвера. Унылая природа бываетъ облечена въ снѣжный саванъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ; жестокіе морозы доходятъ иногда до сорока пяти градусовъ, холодъ захватываетъ дыханіе и превращаетъ выдыхаемый паръ въ иней; птицы падаютъ мертвыми, стекла въ окнахъ лопаются; земля и ледъ даютъ глубокія трещины. Погода отличается непостоянствомъ; воздухъ сыръ и туманенъ; небо всегда закрыто темными тучами, особенно часто свирѣпствуютъ сильные бураны; единственное спасеніе путника или звѣря, застигнутыхъ этою вьюгою, — ложиться въ снѣгъ и терпѣливо ожидать, иногда по цѣлымъ суткамъ, ея конца. Ночи продолжительны и мрачны; лишь по временамъ мракъ сокращается величественнымъ явленіемъ полярнаго горизонта — сѣвернымъ сіяніемъ. Безмолвіе пустыни царствуетъ въ полутемномъ, занесенномъ снѣгомъ городкѣ. Только хвойныя деревья: кедръ, ель и

сосна, по высокому росту и зелени, нѣсколько оживляютъ угрюмую картину этой вѣчной зимы.

Березовъ построенъ въ 1593 году, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ, для упроченія русскаго владычества надъ покоренными остяками. Названіе его произошло отъ находившагося вблизи остяцкаго селенія «Сугмутъ-Вожъ», что означаетъ въ переводѣ—березовый городокъ. При основаніи своемъ Березовъ былъ обнесенъ рвомъ, валомъ и деревянной стѣной съ башнями, въ предосторожность отъ нападенія инородцевъ. Укрѣпленія эти существовали до 1806 года, когда ужасный пожаръ истребилъ не только ихъ, но и почти весь городъ. По описи, составленной въ 1727 году, въ Березовѣ числилось 400 дворовъ служилыхъ казаковъ, три церкви, воеводскій дворъ и приказъ; въ настоящее же время въ немъ всего 170 домовъ, большею частью деревянныхъ и полуразвалившихся, двѣ церкви и около тысячи человѣкъ жителей.

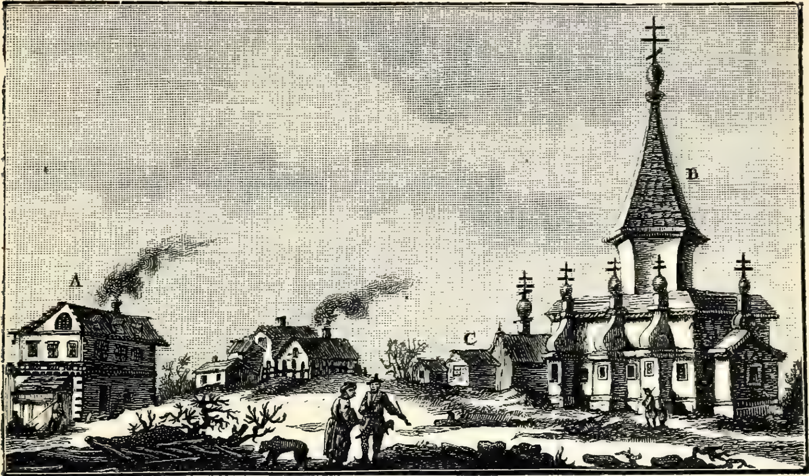
Отдаленность и пустынность Березова сдѣлали его почти съ самаго основанія мѣстомъ ссылки важныхъ государственныхъ преступниковъ. Мы сообщимъ здѣсь нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя намъ удалось собрать, о замѣчательныхъ людяхъ, сосланныхъ въ Березовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1727 года въ Березовъ былъ привезенъ изъ Тобольска, подъ конвоемъ капитана сибирскаго гарнизона Миклашевскаго и двадцати рядовыхъ, знаменитый другъ и сподвижникъ Петра Великаго, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ съ сыномъ Александромъ (13 л.) и дочерьми: Александрою (14 л.) и Маріею (16 л.), обрученною невѣстою юнаго императора Петра II. Ихъ помѣстили въ городскомъ острогѣ, передѣланномъ въ 1724 году изъ упраздненнаго Березовскаго мужского Воскресенскаго монастыря, монахи котораго были тогда же переведены въ Кандинскій монастырь. Слѣды свай и фундамента этого острога уцѣлѣли до сихъ поръ. Онъ стоялъ въ двадцати саженяхъ на западъ отъ нынѣшней Богородице - Рождественской церкви и былъ обнесенъ тыномъ изъ толстыхъ стоячихъ бревенъ. Наружность его представляла невысокое, длинное деревянное зданіе съ узкими, закругленными вверху окнами, а внутренность была раздѣлена на четыре комнаты: одну изъ нихъ занялъ самъ Меншиковъ съ сыномъ, другую княжны Александра и Марія, третью прислуга, а въ четвертой хранились съѣстные припасы.

Несчастіе произвело сильный нравственный переворотъ въ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, властолюбивый и порочный во времена

своего могущества, онъ явилъ въ ссылкѣ образецъ христіанской добродѣтели, твердости, смиренія и покорности волѣ Провидѣнія.

Помышляя единственно о загробной жизни и спасеніи души, Меншиковъ посвятилъ остатокъ дней своихъ покаянію и молитвѣ. Скопивъ изъ отпускавшихся на содержаніе его денегъ (10 р. асс. въ сутки) небольшую сумму, онъ соорудилъ на нее деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. Иліи Пророка, при чемъ работалъ самъ съ топоромъ въ рукахъ.

Видъ города Березова въ XVIII столѣтія.
(Съ гравюры прошлаго столѣтія).

Когда постройка была окончена, Меншиковъ принялъ на себя ничтожную должность церковнаго старосты и съ точностью выполнялъ всѣ сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности, ежедневно первымъ входилъ въ храмъ и послѣднимъ оставлялъ его, звонилъ въ колокола, пѣлъ на клиросѣ, говорилъ иногда собравшимся прихожанамъ назидательныя поученія, почерпнутыя изъ божественнаго писанія. «Благо мнѣ, Господи», повторялъ онъ безпрестанно въ молитвахъ, «яко смирилъ мя еси!» По возвращеніи изъ церкви Меншиковъ заставлялъ дѣтей своихъ читать священныя книги или передавалъ имъ любопытныя событія своей жизни, которыя они записывали. Неизвѣстно, куда дѣвалась эта рукопись, но березовскій мѣщанинъ Матвѣй Бажановъ, умершій въ 1797 году 107 лѣтъ отъ рожденія, часто заставалъ Меншиковыхъ за этимъ занятіемъ. Князь любилъ бесѣдовать съ нимъ и однажды сказалъ ему между

прочимъ: «Вотъ, ты сидишь со мною рядомъ, а прежде наши вельможи, иностранные принцы и князья всячески добивались попасть ко мнѣ во дворецъ, и каждое слово мое считали особою милостью. Теперь же самые дорогіе для меня гости—неимущіе!»

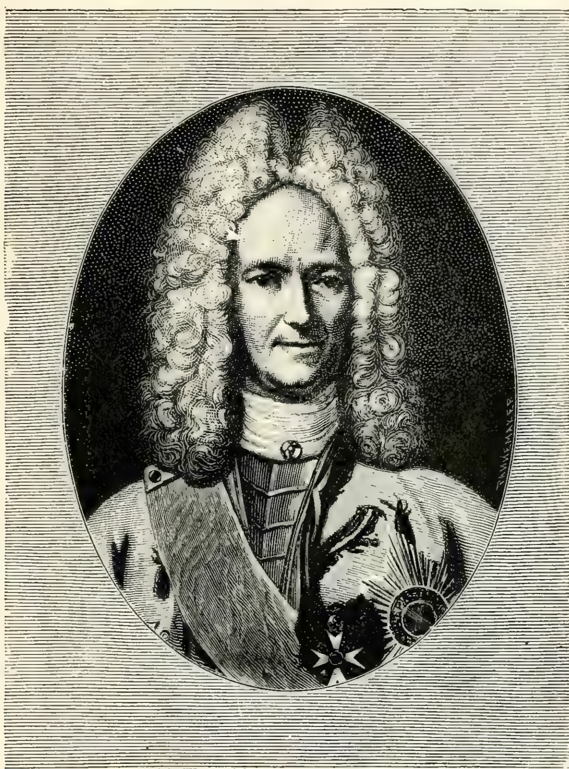
Позднее раскаяніе въ томъ, что онъ своими ошибками погубилъ дѣтей, и мучительная неизвѣстность объ ожидающей ихъ участи терзали сердце Меншикова; душевная болѣзнь скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ 12-го ноября 1729 года пятидесяти шести лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ на берегу Сосвы, близъ алтаря построенной имъ церкви. Быстрая Сосва, обмывая и обрывая въ этомъ мѣстѣ берега, давно уже сгладила всякій слѣдъ могилы свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго.

Княжна Марія недолго пережила отца; она скончалась въ томъ же году, 26-го декабря.

Петръ II за десять дней до смерти вспомнилъ о своей бывшей невѣстѣ и 9-го января 1730 года отдалъ приказаніе верховному тайному совѣту — «освободить изъ ссылки дѣтей Меншикова, съ позволеніемъ жить, не въѣзжая въ Москву, въ деревнѣ дяди ихъ, Василья Арсеньева, и дать имъ на прокормленіе сто дворовъ, пріискавъ изъ нижегородскихъ Меншиковыхъ деревень, а сына записать въ полкъ и отдать для обученія хорошему офицеру». Воля умершаго императора была исполнена уже императрицей Анной Ивановной въ іюлѣ 1730 г. Она разрѣшила Меншиковымъ пріѣхать въ Москву, возвратила князю Александру Александровичу часть отцовскаго имѣнія и пожаловала ему чинъ прапорщика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Княжна Александра Александровна была назначена фрейлиной и вскорѣ выдана замужъ за генералъ-аншефа Густава Бирона.

Въ 1825 году, почти черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Меншикова, тобольскій губернаторъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, желая знать, гдѣ покоится прахъ любимца Петра I, поручилъ березовскому городничему Андрееву отыскать его могилу. Г. Андреевъ, въ свою очередь, желая угодить губернатору, поспѣшилъ исполнить порученіе и донести, что онъ разспрашивалъ старожиловъ и узналъ отъ казака Шахова, бывшаго вожатымъ столѣтняго березовскаго мѣщанина Бажанова, что могила Меншикова находится невдалекѣ отъ берега Сосвы, на косогорѣ у алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной Меншиковымъ. Городничій велѣлъ на указанномъ мѣстѣ вырубить землю. Въ глубинѣ трехъ аршинъ съ четвертью оказался гробъ, длиною въ сажень, обитый краснымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ, въ видѣ креста, на крышѣ. Его открыли; сняли ледъ,

на вершокъ покрывавшій тѣло усопшаго; приподняли шелковое покрывало: лежавшій въ гробу былъ высокаго роста, сухощавый, съ бритою бородой, безволосый, имѣлъ густыя брови; всѣ зубы сохранившіеся; одѣтъ въ халатѣ, стеганной шапочкѣ, подъ которою голова была обернута платкомъ; на ногахъ зеленыя туфли съ высокими каблуками, книзу суживающимися. Гробъ тотчасъ

Князь А. Д. Меншиковъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю В. А. Меншикову).

закрыли и засыпали землей. Въ концѣ своего донесенія губернатору городничій, однако, прибавлялъ, что «не ручается, дѣйствительно ли усопшій былъ князь Меншиковъ».

Спустя полтора года послѣ этого, Бантышъ-Каменскій самъ пріѣхалъ въ Березовъ и приказалъ вновь раскопать могилу. «Когда открыли гробъ», говоритъ онъ, «я увидѣлъ Меншикова, котораго тотчасъ узналъ по портрету, бывшему со мной; черты лица не

измѣнились, но отъ прикосновенія воздуха тѣло все почернѣло; сукно, позументъ, покрывало, шапочка, халатъ подверглись тлѣнію. Отслушавъ литію и поклонившись праху великаго мужа, я велѣлъ, не вынимая гроба на поверхность, засыпать его землею».

Такое свидѣтельство Бантыша-Каменскаго, казалось, уничтожало всякое сомнѣніе въ томъ, что открытый мертвецъ былъ дѣйствительно князь Меншиковъ. Однако, новѣйшія изслѣдованія смотрителя березовскихъ училищъ и члена-корреспондента Географическаго общества г. Абрамова проливаютъ совершенно иной свѣтъ на это дѣло.

Изъ изслѣдованій г. Абрамова оказывается, что березовскій городничій, слишкомъ увлекшись желаніемъ угодить губернатору, не совсѣмъ вѣрно донесъ ему о тѣхъ подробностяхъ, которыя сопровождали открытіе могилы князя Меншикова, и этимъ ввелъ Бантыша-Каменскаго въ странное заблужденіе.

Многіе березовскіе жители, бывшіе очевидцами открытія могилы городничимъ Андреевымъ, такъ передавали объ этомъ г. Абрамову къ 1842 году (черезъ 17 лѣтъ).

30-го іюля 1825 года, въ жаркій день, начали разрывать могилу. Сначала докопались до двухъ маленькихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ ихъ, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ, и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробы младенцевъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. По снятіи ея увидѣли, что въ гробу съ обоихъ концовъ не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ лежалъ покрытый зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало было со всѣхъ сторонъ подложено подъ мертвеца, то, не тревожа его, разрѣзали атласъ по серединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій: лицо бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; шлафрокъ изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу суживающимися; переда остроконечные изъ шелковой махровой матеріи [1]). Могила оставалась цѣлый день открытою, и лицо совершенно почернѣло.

---

[1]) Такіе башмаки въ прошломъ столѣтіи носили женщины.

Сравнивая собранныя имъ свѣдѣнія съ донесеніемъ городничаго Андреева и свидѣтельствомъ Бантыша-Каменскаго, г. Абрамовъ дѣлаетъ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній. 1) Бантышъ-Каменскій, говоритъ онъ, сличивъ находившійся при немъ портретъ князя съ лицомъ покойника, призналъ его за Меншикова. Но могли ли сохраниться какія-нибудь черты послѣ того, какъ покойникъ, остававшійся открытымъ въ теченіе всего іюльскаго жаркаго дня, со-

Князь И. А. Долгоруковъ.
(Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года).

вершенно почернѣлъ, а сукно, халатъ, шапочка и позументы, по словамъ самого Бантыша-Каменскаго, подверглись тлѣнію? 2) Борода у покойника была обрита, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что Меншиковъ съ перваго дня своей ссылки отпустилъ бороду и уже не брилъ ея. 3) Могила открыта на косогорѣ близъ алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной, какъ говоритъ городничій Андреевъ, а за нимъ и Бантышъ-Каменскій, Менши-

ковымъ. По вѣрнымъ же преданіямъ и сохранившимся актамъ извѣстно, что Меншиковъ выстроилъ не Спасскую церковь, а Богородице-Рождественскую близъ острога государственныхъ преступниковъ. Церковь эта, какъ видно изъ дѣлъ березовской воеводской канцеляріи, сгорѣла 20 февраля 1764 года, на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника Петра Өедорова. Въ это время сгорѣли находившіеся при церкви богадѣльня и памятникъ на могилѣ Меншикова. 4) Хотя открытый гробъ и оказался длиною въ три аршина; но такъ какъ у него не было выдолблено вершка по три съ каждаго края, то длина трупа не могла превышать 2 аршинъ 5 вершковъ, если принять въ соображеніе каблуки у башмаковъ, длиною въ полтора вершка, а князь Меншиковъ, какъ извѣстно, былъ ростомъ 2 аршина 12 вершковъ. Наконецъ, платье покойника, капоръ на головѣ, подвязанный лентою, башмаки изъ махровой матеріи—могли принадлежать скорѣе женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ.

Приведенныя нами замѣчанія г. Абрамова такъ основательны и ясны, что послѣ нихъ становится очевидной ошибка Бантыша-Каменскаго, признавшаго неизвѣстнаго и нисколько не похожаго на Меншикова мертвеца за трупъ любимца Петра I.

Что же побудило казака Шахова указать городничему Андрееву, вмѣсто Меншиковой, чужую могилу? По собственному сознанію Шахова, онъ былъ увѣренъ, что покойникъ, пролежавъ въ землѣ 68 лѣтъ, давно сгнилъ, а между тѣмъ ждалъ за такое открытіе награды отъ губернатора и, кромѣ того, полагалъ, что потомки князя будутъ усердствовать Спасской церкви богатыми вкладами.

Но кто же этотъ покойникъ? Почему около него положены два младенческіе гробика, обитые одной и той же матеріей съ большимъ гробомъ?

Вопросъ этотъ отчасти рѣшается слѣдующимъ сохранившимся между многими березовскими жителями преданіемъ.

Въ 1728 году, вскорѣ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ князь Өедоръ Долгоруковъ[1]). Онъ давно былъ влюбленъ въ княжну Марію Александровну и, узнавъ о ея ссылкѣ, выпросился ѣхать за границу, а самъ, подъ чужимъ именемъ, явился въ мѣсто заключенія своей возлюбленной. Они были тайно вѣнчаны однимъ престарѣлымъ священникомъ, которому за это, между прочимъ, былъ подаренъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ. Въ лѣтнее время березовскіе жители часто видѣли князя Өедора и

[1]) Есть основаніе думать, что князь Өедоръ былъ сынъ извѣстнаго князя Василія Лукича Долгорукова.

Княгиня Н. Б. Долгорукова.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Д. И. Долгорукову, по акварели А. Д. Соколова).

его жену, прогуливающихся на берегу Сосвы, при чемъ замѣчали, что она никогда не носила другого платья, кромѣ чернаго, почти всегда бархатнаго, съ окладкою изъ серебряной блонды. Черезъ годъ послѣ брака княгиня Долгорукова скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена въ одной могилѣ съ дѣтьми близъ Спасской церкви.

Въ числѣ рѣдкостей, до сихъ поръ сохраняющихся въ бывшей Спасской церкви, нынѣ Воскресенскомъ березовскомъ соборѣ, находятся: 1) двѣ парчевыя священническія ризы со звѣздами св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ, шитыя дочерьми Меншикова, и 2) золотой медальонъ изящной работы, внутри котораго находится свитая въ кольцо прядь свѣтло русыхъ волосъ. Медальонъ

этотъ, по преданію, поступилъ въ церковь послѣ смерти князя Ѳедора Долгорукова. Волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ женѣ князя — княгинѣ Маріи Александровнѣ.

Въ началѣ царствованія императрицы Анны Ивановны, въ іюлѣ 1730 года, въ Березовъ былъ присланъ въ заточеніе оберъ-гофмейстеръ и членъ верховнаго тайнаго совѣта, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ съ женой Прасковьей Юрьевной (рожденной княжной Хилковой) и дѣтьми: княземъ Иваномъ (22 л.) съ женой Натальей Борисовной (рожденной графиней Шереметевой), Николаемъ (18 л.), Алексѣемъ (14 л.) Александромъ (12 л.) и княжнами: Екатериною (18 л.), Еленою (15 л.) и Анной (13 л.).

Извѣстно, что князь Алексѣй Григорьевичъ и старшій сынъ его, оберъ-камергеръ князь Иванъ, были главнѣйшими виновниками паденія Меншикова и играли первостепенную роль при дворѣ императора Петра II, на котораго имѣли почти неограниченное вліяніе. Князь Алексѣй Григорьевичъ намѣревался даже выдать дочь свою Екатерину замужъ за молодого государя, и только внезапная кончина послѣдняго разстроила этотъ бракъ. Въ то время, когда императоръ томился въ предсмертной агоніи, Долгоруковы, чтобы удержать за собою власть, составили отъ его имени подложное духовное завѣщаніе, гдѣ говорилось, что Петръ завѣщаетъ послѣ себя русскій престолъ обрученной невѣстѣ своей, княжнѣ Екатеринѣ; но, испугавшись сами послѣдствій столь дерзкаго замысла, они поспѣшили уничтожить этотъ фальшивый актъ. Съ воцареніемъ Анны Ивановны, фамилія Долгоруковыхъ, казавшаяся опасной новымъ временщикамъ, окружавшимъ императрицу, подверглась страшнымъ гоненіямъ: всѣ они были лишены званій, орденовъ и имущества и сосланы въ отдаленныя мѣста имперіи. На долю князя Алексѣя Григорьевича и его семейства выпалъ Березовъ.

Тотъ же самый острогъ, гдѣ содержались Меншиковы, сдѣлался тюрьмой Долгоруковыхъ. По недостатку въ немъ помѣщенія, князю Ивану Алексѣевичу съ женою былъ отведенъ для жительства дровяной сарай, наскоро перегороженный и снабженный двумя печками. Именнымъ указомъ императрицы было строжайше запрещено позволять Долгоруковымъ сообщаться съ жителями, имѣть бумагу и чернила и выходить куда-либо изъ острога, кромѣ церкви, да и то подъ конвоемъ солдатъ. Надзоръ надъ ними былъ ввѣренъ нарочно присланному для того изъ Тобольска съ командой майору сибирскаго гарнизона Петрову. На пропитаніе ссыльныхъ отпускалось

Княжна Е. А. Долгорукова.

(Съ портрета, находящагося въ музеѣ Императорскаго Эрмитажа).

ежедневно по одному рублю на каждаго, а между тѣмъ жизненные припасы въ Березовѣ были очень дороги; напримѣръ, за пудъ сахару они платили 9 руб. 50 коп.—цѣна по тому времени непомѣрная. Долгоруковы терпѣли во всемъ большую нужду, ѣли деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ; мужчины имѣли

только одно развлеченіе, — забавляться утками, гусями и лебедями, плававшими въ сажалкѣ на острожномъ дворѣ, а женщины занимались рукодѣліями, вышивая преимущественно по разнымъ матеріямъ священныя изображенія. Жили Долгоруковы постоянно въ ссорахъ и пререканіяхъ другъ съ другомъ; объ этихъ ссорахъ даже возникло въ 1731 г. дѣло и послѣдовалъ слѣдующій указъ императрицы: «сказать Долгоруковымъ, чтобы они впредь отъ ссоръ и непристойныхъ словъ конечно воздержались и жили смирно, подъ опасеніемъ наистрожайшаго содержанія».

Княгиня Прасковья Юрьевна пріѣхала въ Березовъ совершенно больная и черезъ нѣсколько недѣль умерла, а въ 1734 году скончался князь Алексѣй Григорьевичъ, удрученный годами, несчастьемъ и суровостью сибирскаго климата. Они были похоронены, также какъ и Меншиковъ, близъ Рождественской церкви, но могилы ихъ неизвѣстны.

Главой семьи остался князь Иванъ Алексѣевичъ, и вся горечь домашнихъ распрей выпала на долю его несчастной жены, Натальи Борисовны. Благодаря этой симпатичной и благородной женщинѣ, Долгоруковы, несмотря на строгія требованія инструкціи о содержаніи ссыльныхъ, начали пользоваться снисхожденіемъ своихъ приставовъ. Майоръ Петровъ и каптенармусъ Козьминъ особенно мирволили узникамъ и разрѣшили князю Ивану и его женѣ выходить изъ острога въ городъ въ гости и принимать у себя гостей. Скоро и самъ березовскій воевода, простой и добродушный старикъ Бобровскій, и его семья коротко сошлись съ Долгоруковыми, часто проводили у нихъ время и приглашали къ себѣ на вечеринки. Бобровскій и жена его присылали Долгоруковымъ «разную харчу», песцовые и другіе мѣха. Князь Иванъ и Наталья Борисовна, успѣвшіе при описи ихъ имущества и отправленіи въ ссылку припрятать кое-какія дорогія вещи, въ свою очередь, не скупились на «благодарности» Бобровскимъ и Петрову. Они дарили имъ сукна, «часы золотые ветхіе», гарнитуръ и гризетъ насыпной съ искрами и т. п. Гордая «разрушенная» невѣста, княжна Екатерина, ни съ кѣмъ не сближалась, а остальные Долгоруковы были еще слишкомъ молоды. Князь Николай принялся за ученіе. Русской грамотѣ и первоначальнымъ свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи и ариѳметикѣ онъ обучался у иконописца тобольскаго архіерейскаго дома Ковалева. Кто былъ его французскій учитель—неизвѣстно, но въ дѣлахъ сохранились отобранныя отъ него учебныя тетради по французскому языку.

Князь Иванъ Алексѣевичъ, общительный отъ природы, началъ заводить дружбу съ разными офицерами мѣстнаго гарнизона и на-

ѣзжавшими въ Березовъ, съ мѣстнымъ духовенствомъ и съ березовскими обывателями. Особенно онъ подружился съ флотскимъ поручикомъ Овцынымъ, часто бывалъ у него и принималъ у себя, постоянно становился съ нимъ рядомъ въ церкви и даже ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ баню. Близость съ Овцынымъ погубила Долгоруковыхъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, князь Иванъ вспомнилъ разгульную жизнь, которую велъ до ссылки, и сталъ кутить со своими новыми пріятелями. Часто вино не въ мѣру развязывало его языкъ, и онъ проговаривался о многомъ, о чемъ, конечно, трезвый не проболтался бы; подчасъ неосторожно и рѣзко выражался объ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о приближенныхъ къ нимъ людяхъ, разсказывалъ про нихъ разные анекдоты и сплетни, разумѣется, очень интересовавшіе березовскихъ офицеровъ, подъячихъ, священниковъ и обывателей.

На Долгоруковыхъ начали поступать доносы, послѣдствіемъ которыхъ явилось строжайшее запрещеніе выходить изъ острога и усиленіе надъ ними караула. Тѣмъ не менѣе, березовцы продолжали навѣщать ихъ. Въ числѣ этихъ посѣтителей бывалъ тобольскій таможенный подъячій Тишинъ, пріѣзжавшій иногда въ Березовъ по дѣламъ службы. Тишину приглянулась красивая и неприступная «разрушенная» государыня-невѣста, княжна Екатерина. Разъ какъ-то, напившись пьянымъ, онъ въ грубой формѣ высказалъ ей свои желанія. Оскорбленная княжна пожаловалась пріятелю брата, поручику Овцыну, и пьяный подъячій получилъ заслуженное наказаніе: Овцынъ, при помощи казачьяго атамана Лихачева и боярскаго сына Кашперева, жестоко избилъ Тишина. Затаивъ оскорбленіе, Тишинъ поклялся отомстить обидчикамъ. Поводъ къ этому не замедлилъ представиться. Князь Иванъ, подгулявши, принялся бранить при Тишинѣ, какъ не разъ бранилъ при другихъ, императрицу, цесаревну Елисавету Петровну, Бирона.

— Для чего ты такія слова говоришь, какъ бы усовѣщевалъ его Тишинъ: — лучше бы тебѣ за ея императорское величество и за всю императорскую фамилію Бога молить.

— А что, донести хочешь?...догадывался выпившій князь Иванъ.— Гдѣ тебѣ доносить, продолжалъ онъ: — ты нынѣ уже сталъ сибирякъ. Впрочемъ, заключилъ онъ, подумавши: — хотя и доносить станешь, то тебѣ же голову отсѣкутъ.

Тишинъ сказалъ, что и не думаетъ доносить, а донесетъ приставъ Долгоруковыхъ, майоръ Петровъ.

— Петровъ уже нашъ и задаренъ! отвѣчалъ князь Иванъ.

Тишинъ пожаловался Петрову, но тотъ не обратилъ на жалобу вниманія и замялъ дѣло. Тогда Тишинъ подалъ доносъ сибирскому губернатору, обвиняя, кромѣ Долгоруковыхъ и Петрова, также и березовскаго воеводу въ послабленіяхъ ссыльнымъ.

Результатомъ этого доноса было прибытіе въ Березовъ, въ маѣ 1738 г., капитана сибирскаго гарнизона Ушакова «инкогнито», но «съ секретнымъ предписаніемъ». Ему приказано было выдать себя за лицо, присланное по повелѣнію императрицы для улучшенія положенія Долгоруковыхъ, и тайно разузнать о ихъ житьѣ-бытьѣ. Ушаковъ отлично сыгралъ свою роль. Онъ познакомился съ Долгоруковыми, съ разными березовскими жителями, съ священниками, водилъ съ ними хлѣбъ-соль, вступалъ въ бесѣды и такимъ образомъ подъ рукой узналъ все, что ему было нужно. Немедленно по его отъѣздѣ полученъ былъ въ Березовѣ приказъ изъ Тобольска—отдѣлить князя Ивана отъ жены, братьевъ и сестеръ. Несчастный былъ заключенъ въ тѣсную, сырую землянку, гдѣ ему давали грубой пищи лишь настолько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Наталья Борисовна выплакала у караульныхъ солдатъ дозволеніе тайно по ночамъ видѣться съ мужемъ черезъ оконце, едва пропускавшее свѣтъ, и носила ему ужинъ.

Въ концѣ августа 1738 года, въ темную, дождливую ночь, къ Березову подплыло судно съ вооруженной командой. На него въ глубокой тишинѣ были посажены: князь Иванъ Алексѣевичъ, двое его братьевъ, князья Николай и Александръ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, трое березовскихъ священниковъ, одинъ дьяконъ, слуги Долгоруковыхъ и березовскіе обыватели, всего болѣе шестидесяти человѣкъ. Ихъ привезли въ Тобольскъ и сдали тому же капитану Ушакову, который явился теперь передъ ними грознымъ и неумолимымъ судьей. Слѣдствіе, производившееся, по тогдашнему обычаю, «съ пристрастіемъ и розыскомъ», т. е. съ пыткою, продолжалось недолго. Девятнадцать человѣкъ изъ числа арестованныхъ были признаны виновными въ разныхъ послабленіяхъ Долгоруковымъ и прикосновенными «къ вредительнымъ и злымъ словамъ» князя Ивана Алексѣевича и потерпѣли жестокую кару: майоръ Петровъ былъ обезглавленъ въ Тобольскѣ въ іюнѣ 1739 г.; священники биты кнутомъ и разосланы по дальнимъ сибирскимъ городамъ; офицеры, нѣкоторые изъ березовскихъ обывателей и дворовые люди князя Ивана—записаны въ рядовые въ сибирскіе полки.

Князь Иванъ Алексѣевичъ во время слѣдствія содержался въ тобольскомъ острогѣ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованнымъ къ стѣнѣ. Нравственно и физически измученный, онъ

впалъ въ какое-то особенное нервное состояніе, близкое къ умопомѣшательству, бредилъ наяву и разсказалъ даже то, чего у него не спрашивали—исторію сочиненія подложнаго духовнаго завѣщанія при кончинѣ Петра II. Неожиданное признаніе это повлекло за собой новое дѣло, къ которому оказались прикосновенными дяди князя Ивана, князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ. По повелѣнію императрицы, всѣ они были привезены сперва

Графъ А. И. Остерманъ.
(Съ портрета, находящагося въ музеѣ императорскаго Эрмитажа).

въ Шлиссельбургъ, а потомъ въ Новгородъ, подвергнуты пыткамъ и затѣмъ приговорены къ смерти: князь Иванъ Алексѣевичъ—колесованіемъ, а князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ—отсѣченіемъ головы. Казнь совершилась 8-го ноября 1739 г. въ верстѣ отъ Новгорода, на Скудельничьемъ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ церковь во имя св. Николая Чудотворца, построенная въ царствованіе Екатерины II родственниками казненныхъ.

Не были пощажены также братья и сестры князя Ивана Алексѣевича. Изъ нихъ князья Николай и Александръ, по наказаніи кнутомъ и урѣзаніи языковъ, сосланы въ каторжную работу, пер-

вый въ Охотскъ, а второй въ Камчатку; князь Алексѣй отправленъ матросомъ въ Камчатку, княжны Екатерина, Елена и Анна заключены въ разные монастыри.

Княгиня Наталья Борисовна оставалась въ Березовѣ до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны; получивъ свободу, она поселилась въ Петербургѣ, въ домѣ брата своего, графа Петра Борисовича Шереметева, который, наслѣдовавъ отъ отца слишкомъ восемьдесятъ тысячъ крестьянъ, удѣлилъ сестрѣ только пятьсотъ. Наталья Борисовна рѣшилась хлопотать о возвратѣ ея дѣтямъ шестнадцати тысячъ душъ, конфискованныхъ у князя Ивана Алексѣевича, и обратилась съ просьбой о содѣйствіи къ всемогущему тогда лейбъ-медику императрицы—Лестоку. Послѣдній изъявилъ готовность взяться за дѣло и ручался за успѣхъ, но потребовалъ въ вознагражденіе своихъ хлопотъ великолѣпные часы съ курантами, купленные графомъ Петромъ Борисовичемъ въ Лондонѣ за семь тысячъ рублей. Наталья Борисовна передала это брату и, къ крайнему огорченію своему, получила отъ него рѣшительный отказъ. Чудакъ не согласился пожертвовать часами, чтобы устроить будущность сестры и племянниковъ! Правительство возвратило дѣтямъ князя Ивана Алексѣевича всего лишь двѣ тысячи душъ. Окончивъ воспитаніе сыновей, княгиня Наталья Борисовна удалилась въ Кіевъ, во Фроловскую обитель, гдѣ и постриглась подъ именемъ Нектаріи. Она скончалась въ 1771 году.

Княжна Екатерина Алексѣевна была заточена въ новгородскій Воскресенскій дѣвичій монастырь, извѣстный подъ именемъ Горицкаго. Здѣсь, у выхода на такъ называемый черный дворъ, гдѣ находились конюшня, хлѣва и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домъ съ крошечными отверстіями вмѣсто оконъ и толстой дубовой дверью, окованной желѣзомъ, которая запиралась постоянно, и днемъ и ночью, двумя замками, внутреннимъ и наружнымъ. Въ этомъ домѣ, разгороженномъ на чуланчики, содержались секретныя колодницы, никѣмъ невидимыя, кромѣ настоятельницы и приставницъ; только въ случаѣ опасной болѣзни какой-либо изъ арестантокъ призывался для совершенія требъ монастырскій священникъ. Княжна Екатерина провела въ монастырѣ слишкомъ два года въ самомъ строгомъ заключеніи. Несчастіе нисколько не смягчило ея высокомѣрнаго и спесиваго характера. Однажды приставница, за что-то разсердившись на княжну, замахнулась на нее огромными четками изъ деревянныхъ бусъ, замѣнявшими иногда плетку.—«Уважь свѣтъ и во тьмѣ: я княжна, а ты холопка!» сказала Долгорукова и гордо посмотрѣла на приставницу. Послѣдняя сму-

Свиданіе княгини Н. Б. Долгоруковой съ мужемъ въ Березовѣ.

(Съ рисунка художника Рябушкина).

тилась и тотчасъ же вышла, забывъ даже запереть тюрьму: она, дѣйствительно, была изъ крѣпостныхъ. Въ другой разъ пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то важный генералъ. Все засуетилось, забѣгало въ монастырѣ. Игуменья угощала гостя въ своихъ кельяхъ, подносила подарки, образа, вышиванья и т. д. Генералъ пожелалъ осмотрѣть тюрьму и колодницъ и вошелъ къ Долгоруковой; княжна оказала ему «грубость»: не встала и отвернулась отъ посѣтителя. Генералъ погрозилъ ей батогами и удалился, приказавъ игуменьѣ строже глядѣть за колодницей. Въ монастырѣ не знали, какъ еще строже смотрѣть? Думали, думали и надумались заколотить единственное окошечко въ чуланчикѣ, гдѣ содержалась бывшая «государыня-невѣста». Съ тѣхъ поръ боялись даже близко подпускать кого-нибудь къ тюрьмѣ: двѣ монастырскія дѣвочки вздумали было посмотрѣть въ скважину наружной двери—ихъ за это жестоко высѣкли.

Императрица Елисавета Петровна, вступивъ на престолъ, приказала освободить княжну Екатерину и пожаловала ей званіе фрейлины. Уѣзжая изъ монастыря, Долгорукова очень любезно простилась съ игуменьей и монахинями и обѣщала не оставить обитель посильными приношеніями. Она сдержала обѣщаніе и по временамъ посылала горицкимъ отшельницамъ денежныя милостыни и вклады разными вещами. Въ Петербургѣ княжна встрѣтилась со своими братьями и сестрами, также возвращенными изъ ссылки. Императрица очень желала поскорѣе выдать Долгорукову замужъ, потому что народъ, несмотря на оффиціальныя запрещенія, по старой привычкѣ продолжалъ называть ее «государыней-невѣстой». Однако, пристроить княжну оказалось дѣломъ нелегкимъ: березовскія похожденія ея и строптивый нравъ отталкивали всѣхъ жениховъ; притомъ же и она была слишкомъ разборчива. Только послѣ трехлѣтнихъ напрасныхъ стараній удалось наконецъ выдать ее, въ 1745 году, за генералъ-аншефа графа Александра Романовича Брюса, который согласился на этотъ бракъ изъ личныхъ разсчетовъ. Вскорѣ послѣ свадьбы графиня Брюсъ отправилась въ Новгородъ поклониться праху своихъ казненныхъ родственниковъ. На возвратномъ пути въ Петербургъ она простудилась, заболѣла горячкой и черезъ нѣсколько недѣль умерла. Высокомѣріе не покинуло графини Екатерины Алексѣевны даже на смертномъ одрѣ: за два дня до кончины она приказала при себѣ сжечь всѣ свои платья и наряды для того, «чтобы послѣ нея никто не могъ ихъ носить!»

Изъ сестеръ «государыни-невѣсты» княжна Елена вышла замужъ за князя Юрія Юрьевича Долгорукова, а княжна Анна осталась

въ дѣвицахъ. Онѣ поселились въ Москвѣ, построили тамъ домовую церковь во имя Всемилостиваго Спаса и звали къ себѣ на житье пострадавшихъ изъ-за нихъ березовскихъ священниковъ; но изувѣченные священнослужители отказались и пожелали окончить свой вѣкъ на родинѣ. Долгоруковы пожертвовали въ березовскія церкви много богатыхъ вкладовъ; къ сожалѣнію, большая часть ихъ сгорѣла въ пожаръ 1764 года. До настоящаго времени сохранились только двѣ священническія ризы со звѣздами ордена св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ, да нѣсколько богослужебныхъ книгъ. На заглавномъ листкѣ одной изъ послѣднихъ четкимъ почеркомъ написано: «1764 года сентября 1-го дня эту книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири, въ Березовскомъ острогѣ, на поминовеніе своихъ родителей, преставившихся тамо, княгиня Елена, князя Алексѣева дочь, Долгорукова».

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1742 года, березовскій острогъ заключилъ въ свои стѣны еще одного знаменитаго ссыльнаго—вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана.

Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ, принесшій столько пользы и славы Россіи, имѣлъ неосторожность возбудить противъ себя особенное нерасположеніе императрицы Елисаветы Петровны; при восшествіи ея на престолъ, онъ былъ арестованъ, преданъ суду, несправедливо обвиненъ въ разныхъ преступленіяхъ и приговоренъ къ смертной казни, замѣненной потомъ пожизненнымъ заточеніемъ въ Сибири.

О пребываніи Остермана въ Березовѣ сохранилось немного свѣдѣній. Онъ былъ привезенъ сюда вмѣстѣ съ женою, графиней Маѳой Ивановной, рожденной Стрѣшневой, подъ конвоемъ подпоручика лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Александра Ермолина и десяти гвардейскихъ солдатъ. Съ нимъ пріѣхало шесть человѣкъ прислуги: три лакея, поваръ и двѣ горничныя. На содержаніе Остермана и его жены велѣно было отпускать «изъ ближнихъ къ мѣсту заключенія доходовъ» по рублю, а служителямъ ихъ по десяти копеекъ каждому въ сутки. Въ Березовѣ Ермолинъ сдалъ арестантовъ «въ команду» нарочно присланному изъ Тобольска поручику сибирскаго гарнизона Дорофею Космачеву, который получилъ при этомъ изъ сената особую инструкцію. Въ ней, между прочимъ, ему предписывалось: ежемѣсячно доносить въ Петербургъ о состояніи арестантовъ, содержать послѣднихъ «подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ»; отпускать ихъ только въ церковь,

«наблюдая, однако, чтобы тамъ никто съ ними не разговаривалъ»; не позволять имъ ни съ кѣмъ видѣться, не давать имъ чернилъ и бумаги, смотрѣть, чтобы служители ихъ не имѣли сношеній съ посторонними людьми и ходили бы въ городъ для закупки провизіи разъ въ сутки, не иначе какъ въ сопровожденіи солдатъ. «Ежели», говорилось въ инструкціи, «иногда кто изъ нихъ въ подозрѣніи явится, то онаго запереть въ острогъ, въ особливое мѣсто, и съ другими комуникаціи имѣть ему не велѣть и о дѣлахъ его доносить въ сенатъ; ежели бы случилось такое важное дѣло, которое бы времени не терпѣло, то объ немъ на-крѣпко тотчасъ изслѣдовать и виновныхъ подъ строжайшій караулъ взять и о томъ обстоятельно рапортовать въ сенатъ же».

Вмѣстѣ съ арестантами Ермолинъ сдалъ также Космачеву по описи разныя вещи, отпущенныя съ ними высочайше учрежденной комиссіей конфискацій изъ Петербурга.

Такъ какъ Остерманъ былъ лютеранинъ, то императрица приказала отправить въ Березовъ пастора, назначивъ ему жалованье по полтораста рублей въ годъ.

Остерманъ прожилъ въ мѣстѣ своего заточенія слишкомъ пять лѣтъ; въ теченіе всего этого времени онъ никуда не выходилъ изъ острога и, кромѣ пастора, никого не принималъ къ себѣ. Единственнымъ развлеченіемъ его было чтеніе библіи и изрѣдка короткихъ и по необходимости офиціальныхъ писемъ отъ сыновей [1]).

Графиня Марѳа Ивановна, искренно любившая мужа, окружала его самыми нѣжными заботами, предупреждала всѣ его желанія, поневолѣ скромныя, и старалась, какъ умѣла и могла, усладить его тягостную и плачевную жизнь. Остерманъ пріѣхалъ въ Березовъ въ крайне болѣзненномъ состояніи. Страдая жестокими припадками хирагры и подагры, онъ почти не вставалъ съ постели; однако, суровый березовскій климатъ благодѣтельно подѣйствовалъ на его здоровье. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ поправился и началъ ходить, сперва съ помощью костылей, а потомъ опираясь только на палку. Съ весны 1747 года болѣзнь внезапно возвратилась къ нему съ новой силой и скоро прекратила его страданія.

[1]) У графа Остермана было трое сыновей; въ 1741 году они служили капитанами въ Преображенскомъ полку и имѣли александровскія ленты; съ паденіемъ отца лишились лентъ и записаны тѣми же чинами въ армію. Изъ нихъ впослѣдствіи старшій, графъ Ѳедоръ Андреевичъ, былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и московскимъ генералъ-губернаторомъ, а младшій, графъ Иванъ Андреевичъ, государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ

«Сего мая 5-го дня», доносилъ сенату поручикъ Космачевъ, «состоящій у меня подъ карауломъ, бывшій графъ Андрей Остерманъ, заболѣлъ грудью и голову обноситъ обморокъ, а сего жъ мая 22-го дня 1747 года, пополудни въ четвертомъ часу, волею Божіею умре».

Графиня Марѳа Ивановна, послѣ кончины мужа получившая разрѣшеніе вернуться на родину, воздвигнула надъ его могилой памятникъ въ видѣ часовни. Памятникъ этотъ еще до сихъ поръ помнятъ многіе березовскіе старожилы. Часовня длиною въ пять, шириною въ четыре аршина, построенная изъ толстыхъ кедровыхъ брусьевъ, была покрыта въ двѣ доски со свѣсами, вырѣзанными разными фигурами. Съ восточной стороны находилась дверь, кверху полукруглая; съ южной—узкое окно, почти подъ самою крышею; внутри и ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самою могилою—катафалкъ и на немъ подобіе гроба; впереди—икона съ лампадой и передъ ней налой.

Въ 1848 году, начальникъ уральской экспедиціи, полковникъ Гофманъ, проѣзжая черезъ Березовъ и желая узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, велѣлъ бить шурфы. Когда рабочіе взрыли песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы, и проникли до глубины десяти футовъ, то наткнулись на истлѣвшій гробъ, въ которомъ нашли остатки другого гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами, лоскутьями шелковой матеріи и черепомъ, покрытымъ прахомъ и землею. Полковникъ Гофманъ тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ и, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была, вѣроятно, могила какого-нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками къ г. Абрамову. Послѣдній, по собраннымъ свѣдѣніямъ, рѣшилъ, что здѣсь покоится прахъ графа Остермана. Тогда полковникъ Гофманъ велѣлъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставилъ надъ нею черный, колоссальной величины крестъ, къ которому была прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней графскою короною и латинскими буквами: Н. О. (Heinrich Ostermann).

Дочь Бирона.

Въ АННЕНГОФѢ, герцогскомъ замкѣ близъ Митавы, въ Курляндіи произошло 12-го февраля 1718 года событіе, въ сущности весьма обыкновенное, но имѣвшее впослѣдствіи огромное значеніе для Россіи. Въ этотъ день, по случаю внезапной болѣзни оберъ-гофмаршала двора вдовствовавшей герцогини Курляндской Анны Ивановны, Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, къ ней явился съ бумагами для подписи служившій у Бестужева по вольному найму для канцелярскихъ занятій польско-курляндскій шляхтичъ Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ. Молодой, довольно красивый, съ правильными, хотя и рѣзкими чертами лица, подвижной, ловкій, хорошо и крѣпко сложенный, Биронъ съ перваго же раза произвелъ впечатлѣніе на двадцатичетырехлѣтнюю герцогиню, которая давно уже тяготилась своими отношеніями къ пожилому Бестужеву, игравшему при ней съ самаго пріѣзда ея въ Митаву въ 1715 году роль не только близкаго друга, но и строгаго ментора. Подписавъ принесенныя молодымъ человѣкомъ бумаги, Анна Ивановна вступила съ нимъ въ разговоръ и пришла въ восторгъ отъ его ума и сообразительности. Она приказала Бирону каждый день являться къ ней съ докладомъ и вскорѣ сдѣлала его своимъ личнымъ секретаремъ, а затѣмъ камеръ-юнкеромъ.

Такимъ образомъ началась карьера будущаго герцога Курляндскаго, которому судьба назначила въ теченіе десяти лѣтъ почти

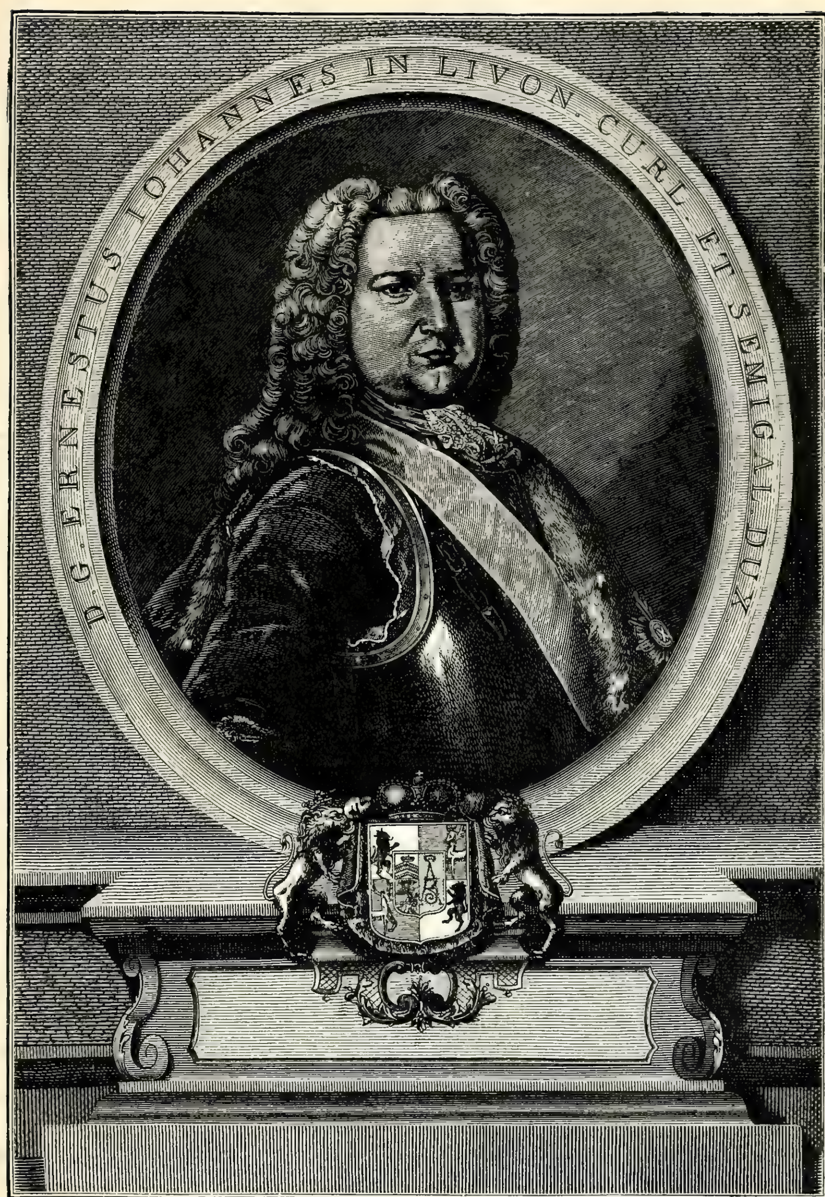
неограниченно управлять русскимъ государствомъ и оставить въ нашей исторіи самую тяжелую память.

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ, средній изъ трехъ сыновей отставного корнета польской службы Карла Бирона, родился въ 1690 году. Отецъ его владѣлъ въ Курляндіи небольшой мызой Димзе и управлялъ принадлежащимъ курляндскимъ герцогамъ имѣніемъ Каленцемъ. Братья Эрнста-Іоанна, Густавъ и Карлъ, по достиженіи совершеннолѣтія, поступили, подобно отцу и дѣду, на службу въ польскія войска, а самъ онъ, не чувствуя призванія къ военному ремеслу, отправился въ Кенигсбергъ учиться въ тамошнемъ университетѣ. Первое время онъ очень усердно посѣщалъ лекціи, но потомъ сталъ вести разгульную жизнь и, замѣшанный въ какую-то грязную исторію, долженъ былъ бѣжать изъ Кенигсберга. Одаренный отъ природы хорошими способностями, большимъ честолюбіемъ и настойчивымъ характеромъ, Биронъ всячески старался пробить себѣ дорогу. Въ 1714 году, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и тщетно хлопоталъ получить какое-нибудь мѣсто при русскомъ дворѣ, затѣмъ столь же безуспѣшно пробовалъ счастья въ Польшѣ, наконецъ вернулся въ Курляндію, сумѣлъ достать себѣ рекомендацію къ Бестужеву, вкрался къ нему въ расположеніе, получилъ, какъ мы уже видѣли, благодаря ему, доступъ къ герцогинѣ и сразу же овладѣлъ ея вдовьимъ сердцемъ.

Неожиданное назначеніе камеръ-юнкеромъ къ герцогскому двору личности низкаго происхожденія, никому неизвѣстной и не имѣвшей никакихъ заслугъ, оскорбило гордое курляндское дворянство, которое не скрывало своего неудовольствія и при всякомъ удобномъ случаѣ старалось выказать Бирону явное пренебреженіе. Анна Ивановна очень хорошо понимала ложное положеніе своего любимца среди курляндской аристократіи, огорчалась этимъ и надумала помочь дѣлу, соединивъ Бирона брачными узами съ какой-нибудь представительницей старинной дворянской фамиліи. Выборъ ея остановился на фрейлинѣ Бенигнѣ-Готлибъ фонъ-Тротта-Трейденъ, небогатой и уже пожилой дѣвицѣ (она родилась въ 1703 г.), болѣзненной, весьма некрасивой, съ лицомъ, до такой степени изрытымъ оспой, что оно казалось какъ бы узорчатымъ, и притомъ не обладавшей ни умомъ, ни образованіемъ, ни даже хорошими манерами. Однако, несмотря на всѣ эти недостатки, родные Бенигны-Готлибъ долго сопротивлялись такому, по ихъ мнѣнію, неравному браку, но наконецъ должны были уступить настойчивымъ просьбамъ герцогини. Бракосочетаніе Бирона совершилось самымъ скромнымъ образомъ въ Анненгофѣ въ 1723 году, и съ этого времени между

Анной Ивановной и Бенигной-Готлибъ установились самыя тѣсныя, дружескія отношенія, не прерывавшіяся всю ихъ жизнь. Жена Бирона сдѣлалась неразлучной ея собесѣдницей, повѣренной всѣхъ ея тайнъ и ревниво оберегала положеніе своего мужа при особѣ герцогини отъ всякаго посторонняго вліянія. Анна Ивановна даже впослѣдствіи не имѣла своего стола и постоянно обѣдала и проводила всѣ свободные часы въ семействѣ фаворита. Отъ брака съ дѣвицей фонъ-Трейденъ Биронъ имѣлъ двухъ сыновей: Петра, род. въ 1724 г., Карла, род. въ 1728 г., и дочь Гедвигу-Елисавету, род. 23-го іюня 1727 г., которой мы и посвящаемъ настоящій очеркъ.

Когда Гедвига-Елисавета начала сознавать себя, отецъ ея уже былъ графомъ, оберъ-камергеромъ и именемъ Анны Ивановны, избранной въ 1730 г., послѣ императора Петра II, на русскій престолъ, безотчетно распоряжался обширной имперіей. Императрица, страстно привязавшаяся къ своему любимцу, перенесла эту привязанность и на его дѣтей. Она сама выбирала для нихъ гувернеровъ и учителей, присутствовала при занятіяхъ и спрашивала уроки. Обыкновенно суровая и строгая, Анна Ивановна совершенно перерождалась среди маленькихъ Бироновъ, по цѣлымъ вечерамъ играла съ ними въ мячъ, въ воланъ, пускала змѣи, выдумывала разныя забавы, снисходила ко всѣмъ ихъ шалостямъ и скоро избаловала и испортила ихъ до такой степени, что они сдѣлались истиннымъ бичомъ не только окружающихъ лицъ, но и всѣхъ придворныхъ. Любимое занятіе этихъ шалуновъ состояло въ обливаніи чернилами и виномъ парадныхъ костюмовъ вельможъ, являвшихся ко двору, и въ срываніи съ нихъ париковъ. Однажды девятилѣтній Карлъ, бѣгая по большой дворцовой залѣ съ хлыстомъ въ рукѣ, безцеремонно билъ имъ по ногамъ собравшихся здѣсь придворныхъ; между прочимъ, онъ жестоко стегнулъ стараго и почтеннаго генералъ-аншефа князя И. Ф. Барятинскаго. Въ эту минуту въ залу вошелъ самъ Биронъ. Раздраженный Барятинскій пожаловался ему на дерзкую выходку сына и замѣтилъ, что если подобныя шалости будутъ повторяться, то пріѣздъ ко двору сдѣлается невозможнымъ. Биронъ вспыхнулъ и нагло отвѣчалъ ему: «Если вы недовольны, то можете подать въ отставку; я ручаюсь, что вы ее получите!» Въ другой разъ тотъ же Карлъ, гуляя по дворцовымъ оранжереямъ, объѣлся, несмотря на просьбы и запрещеніе своего гувернера Шварца, зеленыхъ сливъ и заболѣлъ. Императрица, особенно обожавшая этого ребенка, такъ разгнѣвалась на Шварца, что, не слушая его объясненій, отправила несчастнаго гувернера въ рабочій домъ, гдѣ онъ просидѣлъ вмѣстѣ съ преступниками цѣлый мѣсяцъ, а потомъ приказала вы-

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ.

(Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія).

слать его за границу. Такая же участь постигла придворнаго метръ-д'отеля Кирша, который, обиженный насмѣшками и злыми шутками молодыхъ Бироновъ, осмѣлился сказать имъ нѣсколько рѣзкихъ словъ.

Гедвига-Елисавета не походила на своихъ братьевъ. Она была нехороша собою, дурно сложена, маленькаго роста и имѣла сзади небольшой горбъ; но взамѣнъ этихъ недостатковъ природа наградила ее прекрасными выразительными глазами, хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ, настойчивымъ характеромъ и необыкновенной памятью; она училась съ большимъ рвеніемъ и интересовалась преимущественно серьезными предметами. Однако, въ понятіяхъ родителей Гедвиги-Елисаветы, ея рѣдкія способности не выкупали тѣлесныхъ недостатковъ. Послѣднее обстоятельство сокрушало въ особенности самого Бирона. Онъ относился къ дочери съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ и постоянно преслѣдовалъ ее разными придирками и укоризнами. Такое обращеніе отца дало, разумѣется, сильный толчокъ самолюбію дѣвочки, заставило ее сосредоточиться въ самой себѣ, породило въ ней скрытность и эгоизмъ и пробудило стремленіе къ самостоятельности, которой она достигла, какъ увидимъ впослѣдствіи, довольно оригинальнымъ образомъ.

Въ 1737 году, Биронъ былъ сдѣланъ герцогомъ Курляндскимъ. По этому случаю дочь его получила титулъ «принцессы» и свой особый придворный штатъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ фрейлинъ, камеръ-юнгферъ и пажей. 3-го іюня 1739 года, въ день свадьбы племянницы императрицы, принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны, съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, Гедвига-Елисавета въ первый разъ явилась при дворѣ. Она пріѣхала въ церковь въ великолѣпной золотой каретѣ, сопровождаемая многочисленной и блестящей свитой, и во все время брачной церемоніи стояла рядомъ съ государыней. За офиціальнымъ обѣдомъ, даннымъ во дворцѣ, принцесса Курляндская сидѣла за однимъ столомъ съ новобрачными, а вечеромъ управляла танцами въ маскарадѣ, происходившемъ въ большой дворцовой залѣ. Вступленіе Гедвиги-Елисаветы въ свѣтъ было весьма удачно. Она понравилась всѣмъ своей ловкостью, веселостью и умѣньемъ держать себя. Императрица осталась чрезвычайно довольна поведеніемъ молодой принцессы и нѣсколько разъ въ самыхъ нѣжныхъ словахъ выражала ей свое удовольствіе. Съ этихъ поръ Гедвига-Елисавета сдѣлалась постояннымъ лицомъ при всѣхъ придворныхъ торжествахъ. Хотя она была еще ребенокъ, и при томъ ребенокъ некрасивый, около нея начала увиваться вся лучшая тогдашняя молодежь. Желая угодить всемогущему гер-

цогу, вельможи, наперерывъ другъ передъ другомъ, оказывали его дочери самое раболѣпное вниманіе. Придворная жизнь пришлась по душѣ Гедвигѣ-Елисаветѣ, и она предалась ей со всемъ пыломъ своихъ лѣтъ. Встрѣчая мало радостей въ семействѣ отца, молодая принцесса находила отраду лишь въ придворныхъ собраніяхъ, гдѣ ухаживанья и преувеличенныя похвалы молодежи пріятно щекотали ея самолюбіе, и гдѣ надъ нею не тяготѣлъ суровый деспотизмъ герцога. 14-го февраля 1740 года, въ Петербургѣ съ особеннымъ торжествомъ праздновалось заключеніе бѣлградскаго мира съ Турціей. Въ числѣ лицъ, получившихъ въ этотъ день награды, находилась и Гедвига-Елисавета. Императрица, въ присутствіи всего двора, собственноручно приколола къ ея груди свой портретъ, осыпанный крупными брильянтами.

Несмотря на то, что Гедвигѣ-Елисаветѣ шелъ только тринадцатый годъ, государыня старалась заблаговременно пріискать для нея хорошаго жениха между владѣтельными германскими князьями. Богатое приданое, обѣщанное императрицей за Гедвигой-Елисаветой, побудило нѣсколькихъ иностранныхъ принцевъ добиваться ея руки. Особенно усердно хлопоталъ объ этомъ принцъ Саксенъ-Мейнингенскій, но ему было отказано, потому что онъ пользовался вообще дурной репутаціей и имѣлъ много долговъ. Зять Петра Великаго, герцогъ Голштинскій Фридрихъ-Карлъ, побуждаемый крайне стѣсненными обстоятельствами, обратился къ Бирону съ просьбой исходатайствовать ему отъ русскаго двора пособіе въ сто тысячъ рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ устроить бракъ его дочери съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи русскимъ императоромъ подъ именемъ Петра III. Биронъ, находя весьма лестнымъ для себя родство съ Голштинскимъ домомъ, показалъ письмо герцога императрицѣ и спросилъ ея мнѣнія. Анна Ивановна, ненавидѣвшая Фридриха-Карла, съ досадой разорвала и бросила въ каминъ его письмо, сказавъ: «Этотъ пьяница ошибается, думая выманить у меня подобнымъ предложеніемъ деньги Кромѣ презрѣнія, онъ ничего отъ меня не дождется». Государынѣ хотѣлось выдать Гедвигу-Елисавету замужъ за красиваго и умнаго наслѣднаго принца Гессенъ-Дармштадскаго; однако, желаніе ея не могло осуществиться, ибо отецъ принца, ландграфъ Людовикъ VIII, объявилъ, что ни за что не приметъ въ свою семью «внучку конюха». Оскорбительный отзывъ ландграфа былъ полученъ въ Петербургѣ наканунѣ смерти императрицы.

Анна Ивановна скончалась 17-го октября 1740 года, оставивъ верховную власть до совершеннолѣтія наслѣдника своего, двухмѣ-

сячнаго императора Ивана Антоновича, въ рукахъ герцога Курляндскаго. Сдѣлавшись регентомъ, Биронъ поспѣшилъ возобновить переговоры съ герцогомъ Голштинскимъ относительно брака Гедвиги-Елисаветы съ его сыномъ. Герцогъ, соблазняемый щедрыми обѣщаніями, не замедлилъ дать свое согласіе. Такимъ образомъ, судьба, повидимому, благопріятствовала Гедвигѣ-Елисаветѣ и готовила ей блестящую будущность. Сердечное желаніе принцессы поскорѣе избавиться отъ тягостной для нея зависимости, казалось, было близко къ исполненію, какъ вдругъ неожиданное событіе разомъ уничтожило всѣ эти надежды...

8-го ноября 1740 года, Гедвига-Елисавета, много танцовавшая на раутѣ у кабинетъ-министра князя Черкасскаго, возвратилась домой довольно поздно и, усталая, легла въ постель. Едва успѣла она заснуть, какъ была внезапно разбужена страшнымъ крикомъ, поднявшимся въ комнатѣ ея родителей. Испуганная принцесса соскочила съ кровати, накинула на себя попавшуюся ей подъ руку мѣховую шубку и бросилась на шумъ. Отворивъ двери въ спальню герцога, Гедвига-Елисавета остолбенѣла отъ ужаса. Она увидѣла своего отца полунагого, связаннаго, въ рукахъ нѣсколькихъ преображенскихъ гренадеровъ. Герцогъ кричалъ, рвался, даже кусался; однако, солдаты, безъ всякихъ церемоній, завязали ему ротъ платкомъ, обернули его въ шинель и потащили на улицу. Принцесса вмѣстѣ съ матерью, горько рыдавшей и молившей о пощадѣ, хотѣла было слѣдовать за герцогомъ, но офицеръ, командовавшій отрядомъ, замѣтя это, приказалъ гренадерамъ отвести обѣихъ женщинъ обратно въ комнаты и держать ихъ тамъ подъ карауломъ. Пораженная случившимся, принцесса провела остатокъ ночи съ матерью въ томительной неизвѣстности, страхѣ и отчаяніи. Когда разсвѣло, къ нимъ явился придворный чиновникъ, вѣжливо попросилъ вручить ему ключи отъ всѣхъ шкатулокъ и комодовъ и затѣмъ, посадивъ герцогиню и ея дочь въ закрытый дормезъ, на козлахъ котораго помѣстились два полицейскихъ служителя, велѣлъ ѣхать въ Александро-Невскую лавру. Здѣсь, въ кельѣ архимандрита, Гедвига-Елисавета нашла своего отца и младшаго брата; старшій же, по случаю болѣзни, былъ оставленъ въ городѣ. Въ тотъ же день Биронъ и его семейство были перевезены, по распоряженію матери императора, принцессы Анны Леопольдовны, объявленной правительницей, въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Гедвига-Елисавета прожила съ отцомъ въ шлиссельбургскихъ казематахъ около шести мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ надъ герцогомъ производилось слѣдствіе. Въ іюлѣ 1741 года, оно было

окончено. Сенатъ приговорилъ Бирона за разныя «безбожныя и зловымышленныя» преступленія къ смертной казни; но правительница измѣнила этотъ приговоръ на заточеніе въ сибирскій городокъ Пелымъ, разстояніемъ слишкомъ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Петербурга. Для помѣщенія герцогской фамиліи было приказано выстроить въ Пелымѣ небольшой домъ со службами и обнести его со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно, не подозрѣвавшимъ тогда, что это самое мѣсто скоро сдѣлается его двадцатилѣтней тюрьмой.

Для сопровожденія Бирона и надзора за нимъ въ Пелымѣ были назначены лейбъ-гвардіи измайловскаго полка капитанъ-поручики Викентьевъ и Дурново и двѣнадцать человѣкъ солдатъ отъ разныхъ полковъ. Въ инструкціи, данной изъ Кабинета конвойнымъ офицерамъ, приказывалось содержать герцога и его семейство «подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ неисходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ, и въ тамошнюю ихъ бытность никого къ имъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать». На содержаніе герцога съ фамиліей велѣно было отпускать «изъ сибирскихъ доходовъ» по пятнадцати рублей въ сутки, или 5,475 рублей въ годъ. Для услугъ съ ссыльными были отправлены два лакея: «Александръ Кубанецъ и сибирякъ Илья Степановъ», двѣ женщины: «дѣвка арабка Софья и дѣвка турчанка Екатерина», и два повара. На содержаніе всѣхъ ихъ положено выдавать «особливо» по сто рублей въ годъ. Такъ какъ Биронъ и его дѣти были лютеранскаго вѣроисповѣданія, то правительница приказала послать въ Пелымъ пастора, назначивъ ему полтораста рублей жалованья. Вмѣстѣ съ герцогомъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, «за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни», лекарь Вахтлеръ. Офицерамъ было предписано «держать его подъ крѣпкимъ карауломъ» и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

13-го іюля 1741 года, Викентьевъ и Дурново повезли Бирона и его семейство подъ конвоемъ изъ Шлиссельбурга. Они ѣхали тихо, съ частыми и продолжительными роздыхами, и прибыли въ Пелымъ лишь въ началѣ ноября.

Внезапный переходъ отъ могущества и неограниченнаго самоуправства къ ничтожеству и забвенію произвелъ въ характерѣ Бирона рѣзкую перемѣну. Онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, впалъ въ уныніе и иногда предавался такимъ порывамъ отчаянія,

что окружающіе боялись, чтобы онъ не лишилъ себя жизни. Непріятности, испытанныя имъ въ послѣднее время, подѣйствовали на его крѣпкое здоровье. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Пелымъ, онъ заболѣлъ. Лекарь Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи, потому что не имѣлъ съ собою необходимыхъ лекарствъ, достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считая болѣзнь свою неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти. Гедвига-Елисавета, по очереди съ матерью, дежурила у постели больного и развлекала его чтеніемъ Библіи. Къ довершенію несчастій ссыльныхъ, 28-го декабря, въ полночь, въ спальнѣ герцога загорѣлся отъ лопнувшей печной трубы потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Викентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ въ домѣ у воеводы.

Въ началѣ января 1742 года, до Пелыма достигла вѣсть о восшествіи на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны. Новость эта оживила ссыльныхъ. Во время своего значенія Биронъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, вспомнитъ о немъ и облегчитъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 20-го января въ Пелымъ прискакалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу свободу и шлезвигское имѣніе Вартенбергъ, полученное Бирономъ въ подарокъ отъ прусскаго короля еще въ 1731 году и конфискованное у него вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ въ день ареста. Написавъ императрицѣ благодарственное письмо, герцогъ, еще не оправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, поспѣшилъ оставить Пелымъ. Онъ намѣревался проѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ получилъ новый указъ императрицы, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно. Причина, вызвавшая подобное распоряженіе, неизвѣстна. По словамъ саксонскаго резидента Пецольда, оно произошло вслѣдствіе настояній князей А. М. Черкасскаго и Н. Ю. Трубецкаго, руководившихся при этомъ личными интересами и враждой къ Бирону. Какъ бы то ни было, Викентьевъ и Дурново, согласно присланной имъ инструкціи, миновавъ Москву, 26-го марта привезли бывшаго регента въ Ярославль, гдѣ для жительства его былъ отведенъ большой каменный домъ съ садомъ на берегу Волги[1]).

[1]) По отъѣздѣ Бирона изъ Ярославля, въ 1761 году, домъ этотъ былъ передѣланъ въ острогъ, а въ 1820 изъ кирпичей его построена первая полицейская часть.

Трудный и далекій путь усилилъ болѣзнь герцога и принудилъ его опять слечь въ постель. Императрица, находившаяся въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока. Послѣдній пробылъ въ Ярославлѣ нѣсколько дней и не только помогъ герцогу своимъ искусствомъ,

Гедвига-Елисавета Биронъ.
(Съ портрета, принадлежащаго барону Ѳ. А. Бюлеру).

но, по возвращеніи ко двору, исходатайствовалъ ему значительныя льготы. Государыня дозволила ссыльнымъ принимать къ себѣ всѣхъ, кого они пожелаютъ, и выѣзжать самимъ въ гости и на охоту, однакоже, не далѣе, какъ на двадцать верстъ кругомъ Ярославля, «за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ», то есть въ сопровожденіи караульнаго офицера. Сверхъ того, по приказанію импера-

трицы, Бирону были присланы изъ Петербурга принадлежавшія ему: библіотека, мебель, посуда, охотничьи собаки, ружья и нѣсколько лошадей.

Такимъ образомъ, благодаря снисходительности Елисаветы Петровны, герцогская фамилія могла пользоваться въ Ярославлѣ нѣкоторой свободой или удобствами. Однако, несмотря на это, и Биронъ и его семейство были очень недовольны своимъ новымъ положеніемъ. Они жаловались на недостаточность отпускаемаго имъ содержанія, тяготились зависимостью отъ караульныхъ офицеровъ, безпрерывно заводили съ ними ссоры и черезъ это терпѣли много непріятностей.

Въ особенности досадовала на свою судьбу Гедвига-Елисавета. Оторванная отъ блестящей придворной среды, къ которой неизмѣнно стремились всѣ ея помыслы и желанія, она страшно скучала и считала себя несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ. Тоска и досада, терзавшія ея сердце, увеличивались еще болѣе отъ постоянныхъ преслѣдованій отца. Герцогъ былъ очень вспыльчивъ и раздражителенъ. Малѣйшая непріятность или неудача приводили его въ сильный гнѣвъ, который онъ обыкновенно изливалъ на своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, преимущественно передъ всѣми, доставалось, разумѣется, нелюбимой дочери. Гедвига-Елисавета съ первыхъ же дней пріѣзда своего въ Ярославль начала придумывать средства, какъ бы избавиться отъ отцовскаго гнета и снова попасть ко двору. Она пробовала писать начальнику тайной канцеляріи графу Шувалову, фавориту императрицы, графу Разумовскому, прося ихъ принять участіе въ ея судьбѣ, но никто изъ нихъ даже и не отвѣтилъ ей. Тогда Гедвига-Елисавета рѣшилась на отчаянную попытку — бѣжать изъ отцовскаго дома. Не имѣя возможности привести этотъ планъ въ исполненіе безъ посторонней помощи, она открыла его женѣ ярославскаго воеводы Бобрищевой-Пушкиной, находившейся уже давно въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ ея отцомъ и матерью. Пушкина обрадовалась представившемуся случаю насолить Бирону. Одобривъ намѣреніе принцессы, она указала ей, однакоже, на рискованность и возможную неудачу побѣга и намекнула на болѣе вѣрный способъ порвать разомъ связи съ семьей и обратить на себя благосклонное вниманіе императрицы, которая, какъ извѣстно, была чрезвычайно религіозна, — на принятіе православія. Гедвига-Елисавета съ восторгомъ ухватилась за эту мысль и со слезами на глазахъ умоляла Пушкину руководить ею по своему усмотрѣнію. Пушкина тотчасъ же сочинила письмо къ любимицѣ императрицы,

статсъ-дамѣ графинѣ Маврѣ Егоровнѣ Шуваловой, гдѣ яркими красками нарисовала невыносимое положеніе Гедвиги-Елисаветы въ домѣ отца, выставляла ее жертвой преслѣдованій за стремленіе къ православію и просила довести объ этомъ до свѣдѣнія государыни. Отвѣтъ былъ полученъ самый благопріятный. Шувалова

Баронъ А. И. Черкасовъ.
(Съ портрета, принадлежащаго барону Ѳ. А. Бюлеру).

увѣдомляла, что императрица отнеслась очень милостиво къ желанію принцессы Курляндской и выразила готовность оказать ей свое покровительство. Такимъ образомъ, все устроилось какъ нельзя лучше; оставалось лишь ждать удобной минуты для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана.

Лѣтомъ 1749 года, Елисавета Петровна пріѣхала въ Москву и по обыкновенію предприняла, въ сопровожденіи большой свиты,

паломничество въ Троицко-Сергіевскую лавру. Узнавъ объ этомъ, Пушкина нашла, что теперь самая пора дѣйствовать. 2-го іюня, въ пятомъ часу утра, къ дому Бирона подъѣхала коляска, въ которой сидѣла одна изъ довѣренныхъ прислужницъ Пушкиной. Гедвига-Елисавета, предупрежденная заранѣе, ждала ее у открытаго окна своей комнаты, находившейся въ нижнемъ этажѣ. Она передала посланной сперва узелъ со своими вещами, а затѣмъ, при ея помощи, осторожно спустилась на улицу, вскочила въ экипажъ и черезъ полчаса была уже въ надежномъ пристанищѣ у своей сообщницы. На другой день Пушкина отправилась съ бѣглянкой въ лавру и представила ее графинѣ Шуваловой, которая, въ свою очередъ, отвела ее къ императрицѣ. Гедвига-Елисавета упала на колѣни, зарыдала и не могла произнести отъ смущенія ни одного слова... Императрица растрогалась, обняла принцессу, объявила, что считаетъ святымъ долгомъ взять на свое попеченіе «бѣдную овечку» и обѣщала, тотчасъ же по возвращеніи въ Москву, окрестить ее лично. Дѣйствительно, черезъ три недѣли послѣ этого Гедвига-Елисавета торжественно приняла православіе въ церкви Головинскаго дворца, при чемъ получила имя Екатерины Ивановны.

Приключенія принцессы Курляндской чрезвычайно заинтересовали дворъ; всѣ смотрѣли на нее, какъ на несчастную сироту безъ помощи и связей, и старались вниманіемъ и услугами выказать ей свое участіе. Екатерина Ивановна съ свойственною ей ловкостью воспользовалась такимъ выгоднымъ для нея настроеніемъ придворнаго общества. Она сумѣла заслужить расположеніе духовника императрицы, наставлявшаго ее въ православной вѣрѣ, сдѣлалась домашнимъ человѣкомъ у Шуваловой, вела себя скромно и почтительно, умѣла сказать каждому, съ кѣмъ говорила, что-нибудь пріятное и скоро завоевала себѣ общія симпатіи.

Бѣгство дочери поразило Бирона. Всѣми способами добиваясь свободы и желая смягчить сердце императрицы, онъ въ письмахъ своихъ, которыми надоѣдалъ канцлеру Бестужеву, Воронцову и другимъ прежнимъ благопріятелямъ, постоянно жаловался на свою несчастную жизнь, болѣзненное состояніе, матеріальныя лишенія, претерпѣваемыя имъ въ Ярославлѣ, и непріятности, причиняемыя ему воеводами и караульными офицерами. Онъ испугался, не безъ основанія предполагая, что дочь, по наущенію Пушкиной, въ оправданіе совершеннаго ею поступка представитъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ его отношенія къ дѣтямъ, разскажетъ правду о его житьѣ-бытьѣ и, возбудивъ въ императрицѣ недоброжелательство къ нему, разсѣетъ питаемую имъ надежду вырваться наконецъ изъ ссылки

и водвориться въ герцогскомъ замкѣ въ Митавѣ. Чтобы ослабить невыгодное для него впечатлѣніе, которое этотъ семейный скандалъ могъ произвести при дворѣ и, главнымъ образомъ, въ глазахъ императрицы, Биронъ поспѣшилъ написать Бестужеву письмо, гдѣ постарался не только очернить Пушкину, но и набросить тѣнь на дочь.

«Къ вашему сіятельству», писалъ онъ, «яко первому ея императорскаго величества министру, единственное мое прибѣжище во всѣхъ печаляхъ остается. Но я признаюся, да и Богомъ свидѣтельствуюсь, что я самъ не знаю, какъ мнѣ мое бѣдство изобразить. Тяжкое бремя претерпѣннаго нещастія мысли мои такъ замѣшало, что мнѣ и несонному инако не думается, какъ полугрезится, сколь часто я о моемъ жребіи помышляю. Къ чему еще и то пришло, что я до сего часа, по приключившемся мнѣ вновь въ моей фамиліи прискорбномъ происшествіи, въ состояніи не былъ хотя нѣсколько строкъ къ вашему сіятельству отписать, дабы мою нужду представить. Между тѣмъ, внутренняя сердца моего рвется, такъ что я для доставленія себѣ нѣкоторой льготы долженъ оное вашему сіятельству излить. Всевышній Богъ склони вашего сіятельства сердце къ тому, чтобъ вы содержаніе сего съ горькими слезами и воздыханіями двухъ даже до смерти опечаленныхъ родителей сочиненнаго прошенія приняли и съ тѣмъ меня къ стопамъ ея величества императрицы въ глубочайшей униженности подвергнули. Случай, который меня писать понуждаетъ, не можетъ вашему сіятельству безъизвѣстенъ быть, а съ какими обстоятельствами объ ономъ ея величеству императрицѣ донесено, сіе я въ своемъ мѣстѣ оставляю. Однакожъ, что я вашему сіятельству чрезъ сіе объявить честь имѣю, есть самая истинная правда, прося васъ склоннѣйшее усердствіе о томъ воспріять.

«2-го числа сего мѣсяца дочь моя распоряженіемъ воеводши Пушкиной изъ дома моего въ пять часовъ поутру тайно увезена и скрыта. Сначала и въ первомъ страхѣ мы опасались, что иногда она провесть себя допустила съ непостоянною дочерью помянутой воеводши уйти, ибо сія послѣдняя отъ своихъ родителей уже и въ Тулѣ предъ нѣсколькими годами бѣгала да и не стыдится за честь себѣ то поставлять, что она съ своими родителями плохо поступаетъ и имъ побоями и умерщвленіемъ угрожаетъ. По многомъ, въ превеликомъ страхѣ и амперацiи о нашей пропадшей дочери, учиненномъ навѣдываніи, наконецъ, увѣдомилися мы, что она черезъ одну служительницу воеводши, коя однакожъ прежде въ томъ не признавалась, увезена. Напослѣдокъ же и сама воеводша въ вечеру ко мнѣ пришла, начавъ всякіе чудные разговоры; а видъ ея состоялъ въ томъ,

чтобъ по ея корыстливому нраву наиглавнѣйше что либо отъ насъ вынудить, какъ она и всегда обыкла; но я ни въ какія рѣчи съ нею не вступилъ. И понеже она знать дала, что происшедшее учинилось по всевысочайшему указу, то и я на ея предъявленіе отвѣтствовать только тѣмъ удовольствовался, что все еже ея императорское величество изволитъ изрядно и ея повелѣніе во всѣхъ нашихъ поступкахъ правиломъ есть; ибо что до высокаго ея указа принадлежитъ, къ тому имѣетъ каждый, кто только не безуменъ или бѣшенъ, всегда готовымъ и охотнымъ являться. Сіе суть самыя обстоятельства, сколько они мнѣ извѣстны; однакожъ не могу я протчее состояніе всего дѣла и донынѣ инако признавать, какъ за злонамѣренную интригу отъ воеводши, единственно для того, чтобъ меня и мою фамилію крушить, мучить и досаждать. Причемъ еще и такой посторонній видъ у ней быть можетъ, чтобъ себѣ здѣсь у всѣхъ людей особливую знатность доставить, для того, что она съ каждымъ бранится, да и предъ отъѣздомъ своимъ явно грозила впредь всѣхъ здѣшнихъ перебрать. Еще-жъ она публично отозвалась, что она принуждена была дочь мою у меня увезть, понеже я инако ее до смерти убилъ бы. Но какому разумному человѣку могло-бъ то хотя въ мысль придти, умалчивая дѣйствительно учинить? Я и моя фамилія, мое счастіе и весь жребій, суть во всевысочайшей ея императорскаго величества власти и рукахъ. Ежели-жъ, такъ какъ воеводша предъявила, ея императорскому величеству всемилостивѣйше угодно было-бъ дочь мою имѣть, то мнѣ въ моемъ состояніи, хотя-бъ она самою послѣднею дѣвкою отъ ея императорскаго величества принята была, ничего благополучнѣйшаго случиться не могло-бъ. Дай Боже, чтобъ ея императорское величество мою дочь, ежели я ее толь великаго щастія достойною почитать смѣю, только изъ рукъ воеводши къ себѣ взять соизволила, дабы она еще вящихъ худыхъ качествъ отъ такой коварной женщины не получила, какъ она уже то, къ сожалѣнію, имѣетъ, еже и время покажетъ, о чемъ мнѣ, яко ея родному отцу и ея матери, коимъ она довольно печали, заботы и безсонныхъ ночей причинила, наилутчее извѣстно есть.

«Не былъ ли бы я весьма щастливъ, когда-бъ ея императорское величество и обѣихъ моихъ бѣдныхъ сыновей у меня во всевысочайшую свою службу взять и опредѣлить изволила, какимъ бы то образомъ ни было, близко ли или далеко, только, чтобъ я съ повседневными еще воздыханіями на то бѣдство смотрѣть принужденъ не былъ, что они здѣсь оба безъ дальняго приличнаго наставленія и воспитанія праздно живутъ. Я, ваше сіятельство, прошу,

ради Христа, умилосердитесь надо мною и моею фамиліею и покажите благодѣяніе, чтобъ мои обстоятельства единажды до ушей ея императорскаго величества прямо дошли. Я внутреннею моею самъ удостовѣренъ, что сія великодушная, всемилостивѣйшая и правосуднѣйшая монархиня, по примѣру Всевышняго, Котораго образъ монархи здѣсь на земли и въ сей времянности на себя носятъ, сожалѣніе и милосердіе возъимѣетъ и милость вмѣсто правосудія явитъ.

«Богъ отпущаетъ грѣхи, и она также отпуститъ, ежели я противу ея величества погрѣшилъ бы, хотя мнѣ въ моей совѣсти ничего не извѣстно; а ежели я партикулярнымъ персонамъ какую-либо противность учинилъ и они еще за то злобу на меня имѣютъ, то мнѣ сіе сожалительно; такожъ я подлинно въ ономъ уже пострадалъ. Ея императорское величество, тотчасъ по вступленіи въ славное свое государствованіе, меня и фамилію мою изъ глубочайшей степени бѣдности освободить и сюда перевесть указала; не соизволитъ ли же ея величество напослѣдокъ и все мое бѣдствіе прекратить и дѣло рукъ ея тѣмъ совершить. Ваше сіятельство! Что могу я, бѣдный, больше сказать или писать, окромѣ того, что единственная моя надежда и упованіе по Бозѣ на ея императорское величество непремѣнно пребываетъ. Она одна можетъ помощь мнѣ подать, дабы я больше моимъ непріятелямъ къ дальнѣйшей радости подверженъ не былъ. Если-бъ только ея величество хотя единажды прямо самую истину и бѣдныя мои обстоятельства знала, будучи мнѣ ея величества сожалѣтельное и милостію преисполненное намѣреніе довольно извѣстно! Сверхъ же того, ея величество во время своего государствованія и такимъ людямъ, которые жизнь свою злодѣйствами потеряли было, изъ милосердія милость показать изволила и ихъ смертію не казнила. Чѣмъ же нынѣшняя моя жизнь лучше самой смерти, которой я гораздо охотнѣе, нежели сей, бѣдствомъ преисполненной, жизни желаю? Ваше сіятельство, подвергните меня еще съ симъ краткимъ прошеніемъ въ глубочайшей покорности и униженности къ стопамъ ея императорскаго величества и представьте при томъ мое и фамиліи моей состояніе, какъ же и то, что до вышеизображеннаго происшествія съ моею дочерью касается».

Безпокойство Бирона оказалось напраснымъ. Изъ Москвы, а затѣмъ изъ Петербурга, до него начали доходить пріятныя вѣсти: дочь ничѣмъ не повредила ему, сумѣла заслужить благоволеніе императрицы и привлечь къ себѣ вниманіе вліятельныхъ лицъ. Биронъ тотчасъ же рѣшился эксплоатировать это обстоятельство въ

свою пользу. Ненавистная дочь внезапно сдѣлалась «любезной его сердцу», и онъ самъ обратился въ нѣжнаго отца. Приводимъ любопытное письмо его къ ней изъ Ярославля отъ 7-го апрѣля 1750 года:

«Любезная сердцу моему дочь. Мы, по всей справедливости, должны удивляться, что о твоемъ здоровьѣ не получаемъ ни малѣйшаго извѣстія, но дай Богъ, чтобы это письмо застало тебя здоровою и благополучною! Я и думать не хочу, что ты своихъ огорченныхъ родителей совсѣмъ забываешь, тогда какъ ты теперь благоденствуешь. Ты не будешь до такой степени неблагодарною въ отношенiи къ тѣмъ, которымъ ты, послѣ Бога, обязана жизнiю. Напротивъ того, ты должна бы непрестанно молить Господа, чтобы Онъ, Который держитъ въ руцѣ Своей сердца великихъ и сильныхъ мiра, склоняетъ и направляетъ ихъ по своей премудрости, пробудилъ бы и расположилъ къ милости, какъ это уже и случилось относительно тебя, великодушное и сострадательное сердце нашей всемилостивѣйшей государыни, дабы былъ положенъ конецъ нашему несчастiю, какъ о томъ ежедневно въ слезахъ и стенанiяхъ возсылаемъ горячiя Богу молитвы. Если Господь даровалъ тебѣ дочернее сердце и добрую душу, то ты восчувствуешь нашъ жалобный вопль и при своихъ теперешнихъ счастливыхъ обстоятельствахъ подумаешь объ насъ, твоемъ отцѣ, твоей матери и твоихъ братьяхъ, и не позабудешь объ ихъ любви. Не даромъ же Богъ повелѣлъ чтить отца и матерь, положительно сказавъ при томъ, что за это будешь счастливъ на земли. Вспомни объ этомъ, и съ тобой ничего не приключится дурного, особенно если ты не только будешь бояться Бога, но и будешь оказывать смиренiе, покорность и вѣрность своей государынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношенiи ко всякому будешь вести себя безъ высокомѣрiя, дружелюбно и благородно. Однакожъ, еще мало помнить, что ты должна почитать своихъ родителей: ты обязана доказать на дѣлѣ, что ты ихъ почитаешь и любишь. Кто больше тебя можетъ имѣть случай ходатайствовать за твоихъ родителей? И кто милостивѣе ея императорскаго величества? Императрица еще никогда никого не оставляла коснѣть въ несчастiи и помимо закона помиловала же столькихъ людей, а въ числѣ ихъ даже тѣхъ, которые провинились противъ нея. Бросься смѣло и смиренно къ ея ногамъ, проси и умоляй о помилованiи твоихъ родителей и братьевъ: она непремѣнно сжалится и возвратитъ намъ свободу. Годовщина счастливаго дня коронацiи ея императорскаго величества приближается, все государство Россiйское и всѣ, живущiе подъ ея покровительствомъ и ски-

петромъ, уже радуются сему, равно какъ и мы бѣдные, огорченные. Но подумай, любезная дочь, еслибъ Богу угодно было, чтобъ этотъ день положилъ конецъ нашему несчастью, какою бы радостью возрадовались мы, уже столько униженные и несчастные, согбенные подъ бременемъ (нашего?) креста. Соберись духомъ, любезная дочь, проси за насъ и не оставь насъ тогда, когда всѣ прочіе насъ оставляютъ. Ея величество императрица такъ милостива и великодушна, что она благосклонно проститъ твою смѣлость, какъ имѣющую источникомъ дѣтскія дочернія почтеніе и любовь, и сжалится надъ нами. Мы поручаемъ тебя покрову Божію, милости и защитѣ императрицы. Помяни насъ въ своей молитвѣ и не забудь насъ, какъ и мы тебя не забываемъ, оставаясь (все слѣдующее написано рукою Бирона)

«моя любезная дочь,

«преданный тебѣ и неизмѣнный отецъ

«Э. I. Биронъ, Г. ф. К.

«Ярославль, 7-го апрѣля 1759 года.

«Я тебѣ писалъ, кромѣ этого письма, еще другое, одинаковаго содержанія, дабы либо одно, либо другое, исправно дошло до тебя».

Намъ неизвѣстно, пыталась ли Екатерина Ивановна обращаться къ императрицѣ съ ходатайствомъ объ отцѣ. Сомнѣваемся, чтобы при тогдашнихъ обстоятельствахъ она рѣшилась на это. Ей нужно было прежде всего думать и заботиться о томъ, какъ устроиться самой, ибо у нея не было никакихъ средствъ къ существованію. Только черезъ полгода ей удалось кое-какъ пристроиться. Благодаря стараніямъ Шуваловой, для нея придумали новую должность второй надзирательницы надъ фрейлинами съ весьма, впрочемъ, ограниченнымъ содержаніемъ.

Первой надзирательницей была мадамъ Шмидтъ, родомъ чухонка, отличавшаяся необыкновенной толщиной и грубымъ мужскимъ голосомъ. Она играла при государынѣ нѣкоторую роль и находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ нѣмокъ и шведокъ, императрицыныхъ камеръ-фрау. Мадамъ Шмидтъ надзирала за домашней жизнью фрейлинъ, обращалась съ ними очень строго и сама никогда не показывалась при дворѣ; въ публикѣ, во главѣ фрейлинъ, являлась постоянно принцесса Курляндская, которой мадамъ Шмидтъ тайно поручала смотрѣть за ихъ поведеніемъ въ обществѣ. Отдѣленіе дворца, гдѣ помѣщались фрей-

лины, состояло изъ длиннаго ряда комнатъ, замыкавшихся съ одной стороны — спальней мадамъ Шмидтъ, а съ другой—спальней принцессы. При такомъ расположеніи комнатъ фрейлины, повидимому, были совершенно недоступны, потому что желавшіе проникнуть къ нимъ должны были непремѣнно проходить черезъ спальню или мадамъ Шмидтъ, или принцессы; но мадамъ Шмидтъ часто страдала разстройствомъ желудка отъ множества жирныхъ пироговъ и другихъ лакомыхъ блюдъ, присылавшихся ей родителями фрейлинъ, и такимъ образомъ съ послѣдними оставалось одно сообщеніе — черезъ спальню принцессы. Злые языки говорили, что она взимала плату за проходъ. Можетъ быть, это была выдумка; однакожъ, не подлежитъ сомнѣнію, что принцесса скоро пріобрѣла сильное вліяніе на фрейлинъ и въ теченіе многихъ лѣтъ по своему усмотрѣнію распоряжалась ихъ замужествомъ.

Изъ числа покровителей принцессы самымъ заботливымъ былъ камергеръ Чоглоковъ, гофмейстеръ великаго князя Петра Ѳеодоровича, прежняго жениха Екатерины Ивановны, а теперь наслѣдника всероссійскаго престола. Чоглоковъ считалъ себя въ долгу у фамиліи Биронъ, потому что старшій братъ принцессы помогъ ему сдѣлать карьеру, взявъ его изъ кадетскаго корпуса въ конную гвардію и держа при себѣ въ родѣ ординарца. Черезъ посредство Чоглокова принцесса вошла въ интимный кружокъ великаго князя и очень скоро сумѣла овладѣть сердцемъ послѣдняго. Въ глазахъ Петра Екатерина Ивановна имѣла весьма важное, по его мнѣнію, достоинство: она была принцесса и притомъ нѣмецкая! Вслѣдствіе этого великій князь бесѣдовалъ съ ней не иначе, какъ по-нѣмецки, и осыпалъ ее всевозможными любезностями. Онъ посылалъ ей, когда она обѣдала дома, вина и лакомства съ своего стола, совѣтовался о предполагаемыхъ имъ перемѣнахъ въ формѣ обмундированія голштинскихъ солдатъ и, наконецъ, до такой степени привязался къ хитрой горбуньѣ, что ни на шагъ не отходилъ отъ нея, говорилъ только съ ней одной и впадалъ въ совершенное отчаяніе, если она, по случаю нездоровья, не являлась на его вечера. Такое поведеніе Петра, разумѣется, оскорбляло супругу его, великую княгиню Екатерину Алексѣевну. Чтобы отвлечь великаго князя отъ предмета страсти, Екатерина придумала выдать принцессу замужъ. Гофмейстерина и другъ великой княгини, Владиславова, отыскала жениха. Это былъ камергеръ Петръ Салтыковъ, уже пожилой, глупый, съ безсмысленной физіономіей, тупымъ носомъ и всегда полуоткрытымъ ртомъ. Мать Салтыкова пользовалась особенной милостью императрицы за заслуги, оказанныя ей

при восшествіи на престолъ. Владиславова, находившаяся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Салтыковой, внушила ей мысль женить сына на принцессѣ. Родство съ герцогской фамиліей польстило самолюбію Салтыковой. По приказанію матери, Петръ Салтыковъ отправился къ императрицѣ, бросился ей въ ноги, объяснилъ свою пламенную любовь къ принцессѣ и просилъ у государыни соизволенія на бракъ. Елизавета Петровна потребовала принцессу къ себѣ и посовѣтовала ей не пренебрегать выгодной партіей. Екатерина Ивановна не осмѣлилась возражать и изъявила готовность повиноваться волѣ ея величества. Къ счастію принцессы, императрица вскорѣ заболѣла, и бракъ отложился на нѣсколько недѣль. Екатерина Ивановна не потеряла этого времени даромъ: она сумѣла такъ надоѣсть и опротивѣть своему суженому, что онъ самъ отказался отъ женитьбы. Ни угрозы матери, ни интриги Владиславовой не могли отклонить его отъ этого. На зло всѣмъ онъ тотчасъ же сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Солнцевой и женился на ней. Императрица осталась очень недовольна поступкомъ Салтыкова и, полагая, что принцесса огорчена измѣной жениха, сама нашла ей другого—князя Григорія Хованскаго. Однако, и на этотъ разъ бракъ не состоялся. Сколько Салтыковъ не нравился принцессѣ, столько же она не нравилась Хованскому, и потому послѣдній подъ разными предлогами успѣлъ отдѣлаться отъ невѣсты и уѣхалъ въ армію. Неудача эта нисколько не охладила въ императрицѣ желанія пристроить Екатерину Ивановну. Она вскорѣ отыскала ей третьяго жениха—поручика Преображенскаго полка, барона Александра Ивановича Черкасова, за котораго Екатерина Ивановна и вышла наконецъ замужъ въ 1759 году.

Бракъ этотъ былъ неравенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Черкасову шелъ 27-й годъ, и такимъ образомъ онъ былъ на шесть лѣтъ моложе своей жены. Обладая представительной и пріятной внѣшностью, ловкій, съ изящными манерами, Черкасовъ представлялъ совершенную противоположность съ горбатой и некрасивой Екатериной Ивановной. Характерами они также не сходились: насколько она была хитра, вкрадчива, сдержанна, настолько же онъ былъ добръ, прямодушенъ, вспыльчивъ, своенравенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ широко пользоваться удовольствіями жизни и считался большимъ гастрономомъ и знатокомъ тонкихъ винъ. Можно сказать утвердительно, что Черкасовъ женился на принцессѣ Курляндской изъ расчетовъ, имѣя въ виду при ея посредствѣ войти въ тѣсный кругъ приближенныхъ благоволившей къ ней императрицы и сдѣлать быстро карьеру. Однако, ожиданія его не оправдались.

Государыня дала въ приданое за своей крестницей 20,000 рублей и полную обстановку, стоившую около 30,000 рублей, но не повысила ея мужа и даже не надѣлила его никакимъ придворнымъ званіемъ. Черкасову приходилось самому пробивать себѣ дорогу; и онъ достигъ этого, сблизившись съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной и примкнувъ къ партіи Григорія Орлова, уже тогда подготовлявшаго въ пользу ея государственный переворотъ 1762 года. По восшествіи на престолъ Екатерины, Черкасовъ скоро сдѣлался однимъ изъ довѣренныхъ ея людей и въ 1763 году былъ назначенъ президентомъ преобразованной по его плану медицинской коллегіи, съ пожалованіемъ прямо въ дѣйствительные камергеры.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о семейной жизни баронессы Черкасовой; знаемъ только, что у нея родились сынъ Петръ и дочь Елисавета, что она почти не появлялась при дворѣ и не пользовалась расположеніемъ Екатерины II, которая въ своихъ запискахъ называетъ ее маленькимъ горбатымъ «чудовищемъ» (petit monstre bossu)

Черкасовъ сохранялъ значеніе до паденія въ 1774 году покровительствовавшаго ему Орлова, что отразилось весьма неблагопріятно на его дальнѣйшей службѣ. Новый фаворитъ, Потемкинъ, почему-то не взлюбилъ Черкасова и, очевидно, возстановилъ противъ него императрицу, такъ какъ въ 1775 году онъ былъ уволенъ отъ должности президента медицинской коллегіи съ чиномъ тайнаго совѣтника. Три года послѣ этого оставался Черкасовъ въ Петербургѣ, надѣясь вернуть себѣ милости государыни; но, убѣдившись, что карьера его кончена, въ 1778 году вышелъ въ отставку и, бросивъ нелюбимую и надоѣвшую жену, уѣхалъ въ деревню, въ Смоленскую губернію, гдѣ и прожилъ въ одиночествѣ до дня своей смерти, послѣдовавшей въ 1788 году.

Покинутая мужемъ, Екатерина Ивановна посвятила себя исключительно заботамъ о дочери, воспитывавшейся въ Смольномъ институтѣ. Хотя у Черкасова въ сущности было довольно хорошее состояніе (около 1,300 душъ крестьянъ и домъ въ Петербургѣ), а жена его получала ежегодную субсидію отъ своего отца, возстановленнаго Екатериной въ 1763 году во всѣхъ правахъ и возведеннаго на герцогскій курляндскій престолъ, но привычка къ роскоши и сибаритство Черкасова разстроили его имущественныя дѣла, и когда послѣ смерти Бирона, въ 1772 году, его мѣсто занялъ слабоумный и распутный герцогъ Петръ, положеніе Черкасовыхъ сдѣлалось затруднительнымъ, потому что братъ совсѣмъ пересталъ помогать сестрѣ. Отсюда возникли неудовольствія и раздоры, составлявшіе характеристическую черту въ семьѣ Бироновъ, и Ека-

терина Ивановна оказалась вынужденной обратиться къ императрицѣ съ жалобой, которую мы приводимъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго языка:

«Всемилостивѣйшая государыня! Обливаясь слезами, повергаюсь къ подножію престола вашего императорскаго величества и всенижайше прошу сжалиться надъ положеніемъ, до котораго я доведена съ своею дочерью и съ двумя дѣвицами-сиротами, которыхъ я взяла изъ Смольнаго монастыря, непреклонностью герцога, моего брата, который не только отказываетъ мнѣ въ помощи, о коей я его просила, но еще передалъ министру вашего императорскаго величества записку, исполненную лжи и упрековъ, касательно оказанныхъ мнѣ вспоможеній. Я все это отвергла въ отвѣтѣ, который представила министру вашего императорскаго величества въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ для того, чтобы оный повергнутъ былъ на высочайшее ваше усмотрѣніе; но такъ какъ отвѣтъ этотъ не былъ принятъ, то я вынуждена приложить его при семъ и непосредственно обратиться къ своей всемилостивѣйшей государынѣ для того, чтобы просить ея высокаго, могущественнаго покровительства, ибо ежеминутно ожидаю, что меня посадятъ въ тюрьму мои кредиторы, съ которыми не могу расплачиваться, и рискую лишиться единственнаго достоянія: своего дома и своего серебра, которое сполна заложено. Только ваше императорское величество и можетъ заставить герцога, моего брата, уплатить мои долги и увеличить мои доходы такъ, чтобы я могла жить здѣсь прилично. Но если бъ я была столь несчастлива, что всенижайшая просьба моя не была бы уважена, то соблаговолите, всемилостивѣйшая государыня, купить этотъ домъ, который заложенъ въ опекунскомъ совѣтѣ, для того, чтобы я могла совсѣмъ удалиться отсюда и окончить мое печальное существованіе въ Лифляндіи. Возлагаю свою надежду на извѣстное всему міру великодушіе вашего императорскаго величества и на удовольствіе, которое вы испытываете, помогая бѣднымъ и угнетеннымъ, тѣмъ болѣе, что я въ первый разъ въ продолженіе достославнаго вашего царствованія рѣшилась просить о себѣ и о своихъ дѣтяхъ, которыя такъ мало могутъ ожидать себѣ отъ наслѣдства отца. Всѣми покинутая, прибѣгаю къ своей монархинѣ. Она слишкомъ милостива, чтобы не помочь той, которая чувствуетъ себя счастливой тѣмъ, что есть, съ наиглубочайшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всенижайшая, всепослушная и первая вѣрноподданная.

«Катерина, б. Черкасова, рожденная принцесса Курляндская. С.-Петербургъ, сего 22-го января 1780 года».

Можно думать, что положеніе Черкасовой дѣйствительно было затруднительно, если она рѣшилась обратиться съ просьбой къ императрицѣ, не скрывавшей своего нерасположенія къ ней. Но Екатерина была великодушна: она заступилась за Черкасову, принудила герцога Петра назначить сестрѣ опредѣленную ренту и купила въ казну черкасовскій домъ въ Петербургѣ. Мало того, когда въ 1775 году состоялось присоединеніе Курляндіи къ Россіи, и Петръ Биронъ получилъ въ вознагражденіе за свои ленныя владѣнія 2 милл. талеровъ и пенсію въ 100,000 талеровъ, государыня обязала его формальнымъ актомъ ежегодно выдавать сестрѣ по 10,000 талеровъ въ годъ.

Устроивъ такимъ образомъ, благодаря посредничеству Екатерины, свои финансовыя дѣла, Черкасова рѣшилась навсегда покинуть Петербургъ и переѣхать въ Дерптъ вмѣстѣ съ дочерью, которая въ 1779 году окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ. Что побудило ее избрать своимъ мѣстопребываніемъ этотъ городъ—неизвѣстно, но она жила здѣсь открыто, принимая у себя многочисленное общество и часто давая пиры и балы. По принятому на Западѣ обычаю сохранять дамамъ титулъ, пріобрѣтенный рожденіемъ, несмотря на бракъ съ лицомъ менѣе или вовсе не титулованнымъ, остзейскіе помѣщики величали баронессу Черкасову «принцессой». Въ 1781 году она выдала дочь замужъ за лифляндскаго дворянина Пальменбаха, имѣвшаго обширныя родственныя связи и хорошее состояніе.

Черкасова дожила до глубокой старости. Она скончалась 31-го марта 1797 года. Набальзамированный трупъ ея покоится рядомъ съ трупами отца и братьевъ въ фамильномъ склепѣ герцоговъ Курляндскихъ въ Митавскомъ замкѣ.

Убійство Синклера.

(Эпизодъ бироновской эпохи; 1739 годъ).

КАРЛЪ XII, умирая, оставилъ Швецію въ самомъ печальномъ положеніи. Безпрерывныя войны лишили эту малонаселенную страну болѣе четырехсотъ тысячъ лучшихъ людей; она не имѣла ни денегъ, ни кредита; въ государственномъ управленіи царили безпорядокъ и произволъ; арміи почти не существовало; всѣ дѣла находились въ застоѣ; народъ страшно бѣдствовалъ отъ насилія и множества тяжкихъ налоговъ и поборовъ. Такія глубокія раны могли быть залечены только при продолжительномъ мирѣ съ сосѣдними государствами. Швеція должна была избѣгать всякаго повода къ столкновеніямъ съ ними и не вмѣшиваться съ своими ничтожными средствами въ европейскія дѣла. Графъ Горнъ, стоявшій тогда во главѣ шведскаго правительства, хорошо понималъ положеніе Швеціи, и хотя всей душой ненавидѣлъ Россію, которая была причиной политическаго паденія ея, однако, старался поддерживать съ нею дружескія отношенія. Но Франція, со времени перваго Густава имѣвшая большое вліяніе на политику шведскихъ королей, старалась воспользоваться Швеціей, какъ орудіемъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей въ Польшѣ. Здѣсь въ 1733 году умеръ король Августъ II. Франція желала возвести на польскій престолъ тестя короля Людовика XV, Станислава Лещинскаго. Русскій дворъ принялъ подъ свое покровительство сына Августа и рѣшился всѣми силами противиться возвышенію Станислава. Фран-

цузскій кабинетъ надѣялся вовлечь шведскій народъ въ интересы Лещинскаго. Это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Станиславъ былъ въ первый разъ возведенъ на польскій престолъ Карломъ XII и честь шведскаго народа требовала защищать Лещинскаго противъ общаго врага—Россіи. Французскій посолъ Кастея думалъ тайными интригами достичь осуществленія плановъ своего двора. Петербургскій кабинетъ поручилъ своему посланнику Бестужеву слѣдить за этими интригами, не жалѣть никакихъ средствъ и вести противъ французскихъ минъ контръ-мины. Оба посла израсходовали огромныя суммы денегъ на подкупъ шведскихъ государственныхъ людей и успѣли завербовать себѣ многочисленныхъ друзей. Шведскій сеймъ раздѣлился на двѣ партіи: одна, предводимая графомъ Гилленборгомъ и принявшая названіе «Шляпъ», добивалась тѣснаго союза съ Франціей и разрыва съ Россіей; другая, поддерживаемая графомъ Горномъ и назвавшаяся «Шапками», требовала, во что бы то ни стало, мира [1]. Послѣ долгой и упорной борьбы, партія «Шапокъ» одержала побѣду, и союзъ съ Россіей былъ возобновленъ. Неудача эта чрезвычайно раздосадовала Версальскій кабинетъ. Людовикъ XV отозвалъ Кастея и назначилъ на его мѣсто одного изъ лучшихъ французскихъ дипломатовъ, Сенъ-Севрена. Не успѣвъ вовлечь Швецію въ войну съ Россіей во время спора за польскій престолъ, Франція удвоила свои происки въ теченіе войны Россіи съ Турціей (1736—1739). Передъ открытіемъ шведскаго сейма 1738 года Сенъ - Севренъ истратилъ двѣсти тысячъ талеровъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ французской партіи значительное большинство голосовъ. Въ первое же засѣданіе сеймъ потребовалъ удаленія графа Горна и передалъ его должность Гилленборгу. Вслѣдъ за тѣмъ былъ ратификованъ трактатъ съ Франціей о субсидіяхъ и сдѣлано распоряженіе объ усиленіи войскъ въ Финляндіи и приведеніи всѣхъ крѣпостей на военное положеніе. Для заключенія съ Турціей наступательнаго и оборонительнаго союза и соглашенія съ нею насчетъ общихъ мѣръ сеймъ тайно послалъ въ Константинополь майора Малькольма Синклера.

Воинственныя приготовленія Швеціи и секретное посольство майора Синклера, разумѣется, очень встревожили русскій дворъ. Герцогъ Биронъ, управлявшій тогда дѣлами Россіи, поручилъ своимъ

---

[1]) Поводомъ къ принятію этихъ странныхъ названій послужило слѣдующее ничтожное обстоятельство: король какъ-то, въ досадѣ на графа Горна и его партію, назвалъ ихъ колпаками. Тогда приверженцы французской партіи съ гордостью назвались шляпами.

эмиссарамъ въ Турціи слѣдить за каждымъ шагомъ шведскаго агента и хорошенько разузнать о цѣли его поѣздки. Однако, Синклеръ такъ умно и ловко велъ свои дѣла, что бироновскіе агенты, несмотря на всѣ усилія, не могли вывѣдать его тайны. Турція отка-

Майоръ Малькольмъ Синклеръ.
(Съ рѣдкой шведской литографіи).

залась заключить наступательный и оборонительный трактатъ, но дала кой-какія обѣщанія, благопріятныя для Швеціи. Синклеръ получилъ отъ великаго визиря письмо къ маршалу сейма и собирался уже ѣхать въ обратный путь, а содержаніе этого письма

все-таки оставалось неизвѣстнымъ русскому правительству. Тогда Биронъ рѣшился на одинъ изъ тѣхъ темныхъ и безчестныхъ поступковъ, которыми такъ богата его частная и государственная дѣятельность. Онъ отправилъ навстрѣчу Синклера двухъ своихъ клевретовъ, приказавъ имъ убить его и отобрать находившіяся при немъ бумаги. Достойные люди, принявшіе на себя эту обязанность, были Бутырскаго пѣхотнаго полка капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкій. Не зная навѣрно, гдѣ придется убійцамъ настигнуть Синклера, въ Польшѣ, Австріи или Саксоніи, Биронъ снабдилъ Кутлера, на всякій случай, рекомендательными письмами къ саксонскому министру Брюлю и австрійскому окружному генералъ-губернатору графу Шафгочу; оба они были опытными интриганами, воспитанными въ школѣ придворнаго двоедушія, и потому, какъ увидимъ далѣе, оказали съ своей стороны значительное содѣйствіе къ совершенію этого политическаго злодѣйства.

Между тѣмъ Синклеръ, нисколько не ожидая грозившей ему бѣды, выѣхалъ 12-го мая 1739 г. изъ Константинополя въ сопровожденіи своего знакомаго французскаго купца Кутюрьера и нѣмца-слуги Бунека и 25-го числа достигъ турецкой крѣпости Хотина. Здѣсь онъ получилъ первое извѣстіе о приготовленной ему западнѣ. Хотинскому пашѣ было прислано изъ Польши письмо, въ которомъ говорилось, что русскіе агенты поджидаютъ Синклера въ Лембергѣ и обѣщаютъ большую награду тому, кто его задержитъ. То же самое подтвердилъ ѣхавшій въ это время изъ Варшавы черезъ Хотинъ чиновникъ шведскаго посольства. Испуганный Синклеръ, по совѣту паши, рѣшился измѣнить первоначальный планъ своего пути и миновать Лембергъ. 1-го іюня майоръ прибылъ въ резиденцію польскаго короннаго гетмана, графа Потоцкаго, мѣстечко Станиславовъ, и остановился отдохнуть въ небольшой гостиницѣ, содержимой евреемъ. Едва только Синклеръ и Кутюрьеръ сѣли обѣдать, какъ въ гостиницу вошелъ одинъ изъ русскихъ эмиссаровъ въ Польшѣ, полковникъ Даревскій. Внимательно осмотрѣвъ путешественниковъ, онъ выпилъ рюмку водки и, не сказавъ ни слова, удалился. Вслѣдъ за тѣмъ Синклеръ и его товарищъ были потребованы къ генералу Сабасу, стоявшему съ военнымъ отрядомъ въ Станиславовѣ. Сабасъ пожелалъ видѣть паспорты прибывшихъ. Синклеръ, имѣвшій отъ своего правительства фальшивый паспортъ на имя одного шведскаго дворянина, показалъ его генералу и былъ тотчасъ же отпущенъ. Возвратясь въ гостиницу, майоръ нашелъ въ ней неизвѣстнаго офицера, который очень любезно познакомился съ нимъ и предложилъ ему вина. Намѣреніе офицера, очевидно,

было — напоить Синклера пьянымъ и вывѣдать отъ него кое-что; однако, намѣреніе это не удалось, потому что Синклеръ держалъ себя крайне осторожно, а офицеръ скоро напился такъ, что упалъ подъ столъ. Избавившись отъ непріятнаго собесѣдника, Синклеръ отправился къ графу Потоцкому, объяснилъ ему цѣль своей поѣздки и просилъ билета на свободный пропускъ черезъ польскія владѣнія. Потоцкій не только исполнилъ просьбу майора, но даже далъ ему конвой до города Луденсгофа. На другой день по выѣздѣ изъ Станиславова, Синклера обогнали два всадника, одинъ—закутанный въ бѣлый плащъ, второй—одѣтый въ ливрею. Конвойные признали ихъ за офицеровъ изъ свиты Даревскаго. 7 числа, путники пріѣхали въ Луденсгофъ. Синклеръ предъявилъ губернатору билетъ, выданный Потоцкимъ, и снова выхлопоталъ себѣ конвой до самой польской границы. Во время пребыванія майора въ Луденсгофѣ, какой-то еврей пытался узнать отъ Бунека, куда ѣдетъ его господинъ, говоря, что нашелъ попутчика, который дастъ хорошія деньги за то, чтобы ѣхать въ сопровожденіи конвоя. Синклеръ, заподозривъ еврея, отвелъ его къ губернатору. При разспросахъ еврей отвѣчалъ сбивчиво и потому, по настоянію майора, былъ посаженъ подъ арестъ. Не считая себя въ безопасности, Синклеръ поспѣшилъ оставить Луденсгофъ. 8-го іюня, недалеко отъ мѣстечка Гоганъ, Синклеръ былъ настигнутъ курьеромъ отъ луденсгофскаго губернатора, который увѣдомилъ майора коротенькой записочкой, что его преслѣдуютъ нѣсколько человѣкъ переодѣтыхъ казаковъ. Синклеръ велѣлъ гнать лошадей и, нигдѣ не останавливаясь, благополучно достигъ 9-го числа пограничнаго польскаго города Гольстейна. Здѣсь онъ долженъ былъ разстаться съ конвоемъ и продолжалъ дорогу только съ двумя своими спутниками. Въ Люблинцѣ ихъ задержали и, не взирая на просьбы и подарки, не отпустили до тѣхъ поръ, пока уѣздный начальникъ не удостовѣрился, что они ѣдутъ изъ мѣста, гдѣ нѣтъ чумы. Въ этомъ же городѣ они получили взамѣнъ билета, выданнаго Потоцкимъ, свидѣтельство о здоровьѣ, за императорской печатью. 13-го, путешественники прибыли въ Бреславль и, чтобы избѣжать новыхъ осмотровъ, остановились въ предмѣстьѣ, въ самой бѣдной гостиницѣ. Синклеръ разсчитывалъ прожить здѣсь два или три дня, дождаться обыкновенной почты и ѣхать вмѣстѣ съ нею. Такъ какъ Бунекъ былъ родомъ изъ Бреславля и не пожелалъ сопровождать майора далѣе, то и былъ отпущенъ; вмѣсто же его Синклеръ нанялъ другого лакея—Шольца. Къ несчастію, Бунекъ имѣлъ неосторожность проговориться, что пріѣхалъ изъ Константинополя; его схватили и пред-

ставили генералъ-губернатору графу Шафгочу. На допросѣ Бунекъ открылъ секреты Синклера. Узнавъ объ арестованіи своего бывшаго слуги, майоръ поспѣшилъ нанять дилижансъ; но въ ту минуту, какъ хотѣлъ садиться въ него, былъ остановленъ комиссаромъ, явившимся въ сопровожденіи четырехъ полицейскихъ чиновниковъ и нѣсколькихъ солдатъ. Не обращая вниманія на горячій протестъ Синклера, они принудили его вернуться въ гостиницу, приставили къ дверямъ ея часовыхъ и безцеремонно начали обыскивать путешественниковъ и ихъ вещи. Письмо визиря было зашито Синклеромъ въ подкладку стараго камзола, уложеннаго внизу чемодана, а потому комиссаръ не могъ найти этого столь желаемаго документа; онъ отыскалъ только карту Европы, подписанную Карломъ XII, малозначащую записку къ Синклеру отъ умершей шведской королевы и еще кой-какія неважныя рукописи. Отобравъ всѣ бумаги, комиссаръ объявилъ, что долженъ показать ихъ графу Шафгочу. Майоръ хотѣлъ самъ отправиться къ графу для объясненій, но комиссаръ воспротивился этому и, уходя, сказалъ довольно громко лакею Синклера: «Должно быть, у вашего господина здѣсь много враговъ». Часа черезъ два комиссаръ возвратился, отдалъ майору бумаги и просилъ у него извиненія въ происшедшемъ, говоря, что былъ вынужденъ къ такому поступку императорскимъ указомъ, которымъ строго повелѣвалось осматривать вещи всѣхъ пріѣзжающихъ изъ странъ, подверженныхъ чумѣ. Выразивъ комиссару свое неудовольствіе на сдѣланное насиліе, Синклеръ поторопился выѣхать изъ Бреславля и направился чрезъ Нейштадель въ Грюнбергъ.

Въ то самое время, какъ Синклеръ выѣзжалъ изъ Бреславля, въ этотъ городъ прибыли со стороны Вартенберга [1]) два незнакомца, сопровождаемые четырьмя слугами. Они остановились въ гостиницѣ «Голубого Оленя», назвались русскими офицерами и послали просить графа Шафгоча тотчасъ же принять ихъ, говоря, что имѣютъ къ нему важное и не терпящее отлагательства дѣло. Графъ Шафгочъ, чѣмъ-то занятый, отвѣчалъ, что не можетъ теперь исполнить желаніе прибывшихъ и просилъ ихъ письменно изложить дѣло, для котораго они требуютъ свиданія. Тогда одинъ изъ незнакомцевъ написалъ графу записку слѣдующаго содержанія: «Капитанъ русской службы, Кутлеръ, посланный русскимъ правительствомъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, поручикомъ Ле-

---

[1]) Имѣніе герцога Бирона въ Силезіи, подаренное ему прусскимъ королемъ въ 1733 году.

вицкимъ, преслѣдовать шведскаго майора Синклера, возвращающагося изъ непріязненной Россіи страны, Турціи, съ опасными и вредными для всего христіанства депешами и проектами, проситъ и требуетъ энергичной помощи австрійскихъ властей для арестованія означеннаго майора». Получивъ эту записку, генералъ-губернаторъ немедленно принялъ Кутлера и, переговоривъ съ нимъ наединѣ, выдалъ ему открытое предписаніе ко всѣмъ императорскимъ чиновникамъ, чтобы они, при встрѣчѣ съ майоромъ Синклеромъ, задержали его и представили тотчасъ въ Бреславль. При этомъ, впрочемъ, упоминалось, что въ случаѣ отобранія отъ Синклера какихъ-либо бумагъ, съ нихъ должны быть сняты вѣрныя копіи за подписью губернатора и самого майора, который останется подъ покровительствомъ австрійскихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока дѣло его не будетъ разсмотрѣно и рѣшено генералъ-губернаторомъ.

Разставшись съ графомъ Шафгочемъ, Кутлеръ велѣлъ наскоро купить двѣ сабли и вечеромъ выѣхалъ изъ Бреславля вмѣстѣ съ своими людьми и двумя почтальонами. 17-го іюня, они прибыли въ Нейштадель и, узнавъ, что Синклеръ два часа тому назадъ отправился въ Грюнбергъ, поскакали далѣе. Въ верстѣ отъ деревни Альтшау убійцы догнали свою жертву. Принудивъ почтальона остановить дилижансъ, Кутлеръ подошелъ къ дверцамъ и на французскомъ языкѣ вѣжливо спросилъ сидѣвшихъ: «Кто изъ нихъ майоръ Синклеръ?» Послѣдній назвалъ себя. Тогда Кутлеръ сказалъ ему, что имѣетъ повелѣніе отвезти его обратно въ Бреславль и надѣется, что майоръ, какъ честный человѣкъ, не будетъ оказывать сопротивленія. Синклеръ пожелалъ видѣть приказъ, на основаніи котораго съ нимъ поступаютъ такимъ образомъ. Кутлеръ отвѣчалъ, что удовлетворитъ этому желанію по пріѣздѣ на мѣсто, и, окруживъ дилижансъ своими людьми, приказалъ ѣхать по дорогѣ къ ближайшей саксонской станціи. Синклеръ, высунувшись изъ окна, продолжалъ громко и настойчиво требовать, чтобы ему показали приказъ. Кутлеръ вынулъ изъ кармана предписаніе графа Шафгоча и, не развертывая этой бумаги, сообщилъ Синклеру ея содержаніе. Майоръ возразилъ, что вещи его уже были осмотрѣны въ Бреславлѣ и потому онъ не понимаетъ, зачѣмъ ему дѣлаютъ новыя непріятности и притѣсненія. «Осмотръ, которому вы подверглись въ Бреславлѣ», отвѣчалъ Бутлеръ, «признанъ недостаточнымъ. Впрочемъ, вамъ нечего бояться: вы знаете хорошо, что депеши иностранныхъ дворовъ и ихъ курьеры уважаются всегда и вездѣ. Если у васъ не найдется другихъ бумагъ, кромѣ тѣхъ, что были осмотрѣны въ Бреславлѣ, васъ немедленно отпустятъ. Вы, полагаю, знаете также»,

прибавилъ онъ: «что есть правило отбирать у арестованныхъ оружіе; я прошу васъ отдать мнѣ ваши пистолеты и саблю». Синклеръ, видя безполезность возраженій, молча повиновался. Путники продолжали медленно подвигаться впередъ. Наступили сумерки. Поровнявшись съ большимъ лѣсомъ, лежащимъ близъ Наумбурга, Кутлеръ велѣлъ почтальону остановиться. «Что это значитъ? Для чего вы приказали остановить лошадей?» спросилъ встревоженный Синклеръ.—«Я не хочу проѣзжать городомъ, пока еще свѣтло, чтобы не обратить на насъ вниманія публики», отвѣчалъ Кутлеръ. Затѣмъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ Левицкимъ, онъ обратился къ Кутюрьеру и сказалъ ему: «Потрудитесь пожаловать ко мнѣ, я имѣю кое-что вамъ передать». Кутюрьеръ вышелъ изъ дилижанса. Кутлеръ отвелъ его въ сторону и, посмотрѣвъ въ свою записную книжку, началъ разспрашивать, дѣйствительно ли онъ французскій купецъ, зачѣмъ ѣдетъ въ Швецію, гдѣ и когда познакомился съ Синклеромъ и знаетъ ли, съ какимъ порученіемъ послѣдній ѣздилъ въ Константинополь? Кутюрьеръ отвѣчалъ на первый вопросъ утвердительно, а на остальные далъ весьма уклончивыя показанія. «Вы, я вижу, честный человѣкъ», возразилъ, улыбаясь, Кутлеръ, «но, право, напрасно скрываете продѣлки этого шпіона; онъ стоитъ намъ много хлопотъ и денегъ, и теперь ему не удастся ускользнуть». Когда Кутюрьеръ вернулся къ дилижансу, Синклеръ взялъ его за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказалъ: «Мнѣ очень досадно, что вы терпите изъ-за меня столько непріятностей. Васъ, конечно, отпустятъ; но мнѣ, кажется, придется ѣхать не въ Швецію, а гораздо дальше; именемъ нашей дружбы заклинаю васъ, когда вы пріѣдете въ Стокгольмъ, разскажите тамъ все, что видѣли». Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Левицкій и грубо приказалъ Синклеру слѣдовать за собою. Предчувствуя злой умыселъ, Синклеръ хотѣлъ было сопротивляться, но силачъ Левицкій схватилъ его за воротникъ сюртука и повлекъ въ лѣсную чащу. Между тѣмъ, Кутлеръ принялся развязывать чемоданы майора. Едва только успѣлъ онъ открыть одинъ изъ нихъ, какъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ и крикъ: «Mon Dieu! Jesus! Mon Dieu!» (Боже мой! Іисусъ! Боже мой!). Слова эти казались произнесенными человѣкомъ, бѣгущимъ по лѣсу. Вслѣдъ за тѣмъ послышался голосъ Левицкаго, громко звавшаго своихъ людей. Они поспѣшили на зовъ и, раздѣлившись, бросились въ погоню за Синклеромъ и скоро докончили его. Кутюрьеръ слышалъ крики и звуки сабельныхъ ударовъ и стоялъ ни живъ ни мертвъ отъ страха. Увидя возвращающагося Левицкаго, онъ упалъ на колѣни и сталъ умолять по-латыни о

пощадѣ[1]). «Не бойся», отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ убійца, «было бы грѣшно противъ Святого Духа сдѣлать зло такому хорошему человѣку, какъ ты. Товарищъ твой получилъ то, что заслуживалъ. Онъ былъ врагомъ государя, а врагъ государя есть врагъ Бога, и я думаю, что поступилъ безукоризненно, убивъ его». Затѣмъ убійцы стали дѣлить между собою вещи и деньги Синклера; когда письмо великаго визиря попало въ руки Кутлера, онъ радостно воскликнулъ, показывая его Кутюрьеру: «Вотъ то, за что я не возьму ста тысячъ рейхсталеровъ!» Окончивъ грабежъ, Кутлеръ и Левицкій сѣли въ дилижансъ и велѣли везти себя прямо въ Дрезденъ. Дорогой они неоднократно совѣтовали Кутюрьеру молчать о происшедшемъ. «Берегитесь», говорили они, «проронить хоть одно слово; вы скоро узнаете, кто мы. До тѣхъ поръ, пока вы съ нами, удерживайтесь тщательно даже отъ всякаго нескромнаго знака. Когда же мы васъ отпустимъ, можете говорить, сколько вамъ угодно, и разсказывать обо всемъ хоть самому чорту».

По пріѣздѣ въ Дрезденъ, убійцы явились къ русскому посланнику Кейзерлингу и представили ему Кутюрьера. Кейзерлингъ отослалъ его къ саксонскому генералъ-прокурору Фогелю, по приказанію котораго онъ тотчасъ же былъ посаженъ въ государственную тюрьму. Здѣсь ему предложили составленные русскимъ посломъ тридцать восемь вопросныхъ пунктовъ, касавшихся дѣла Синклера. Кутюрьеръ отвѣчалъ на каждый изъ нихъ подъ присягою и черезъ недѣлю былъ освобожденъ. Кейзерлингъ пригласилъ его къ себѣ, осыпалъ любезностями и подарилъ на дорогу пятьсотъ червонцевъ. Получивъ разрѣшеніе на выѣздъ, Кутюрьеръ отправился въ Стокгольмъ и передалъ графу Гилленборгу подробности описаннаго нами злодѣйства.

Тѣло Синклера было найдено 23-го іюня. Одинъ пастухъ случайно наткнулся на него и далъ знать объ этомъ наумбургскимъ властямъ. Начальникъ города командировалъ на мѣсто происшествія судью, медика и двухъ офицеровъ и поручилъ имъ составить подробный актъ объ освидѣтельствованіи трупа. Оказалось, что Синклеръ получилъ девять ранъ: одну пулей въ животъ, семь сабельныхъ ударовъ въ голову, лѣвый бокъ и руку и ударъ шпагой насквозь въ правый бокъ. Лицо убитаго было страшно изуродовано. Повидимому, убійцы хотѣли сдѣлать его неузнаваемымъ. Въ торопливости они забыли снять съ руки Синклера золотой перстень и не вынули изъ кармана его табакерку и носовой платокъ.

---

[1]) Левицкій зналъ только латинскій и русскій языкъ.

Около трупа нашли три обломка весьма тонкаго шпажнаго лезвія. Всѣ эти вещи и окровавленная одежда Синклера долгое время были выставлены для любопытныхъ въ наумбургскомъ замкѣ.

Извѣстіе о плачевной смерти Синклера произвело въ Стокгольмѣ всеобщій взрывъ негодованія. Озлобленная чернь кинулась къ дому русскаго посланника, избила его прислугу и оскорбила нѣкоторыхъ членовъ посольства. Бестужевъ жаловался на это королю, вслѣдствіе чего 9-го іюля 1793 г. былъ обнародованъ указъ, чтобы никто, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, не осмѣливался чѣмъ бы то ни было обижать и притѣснять иностранцевъ. Королевское повелѣніе, однако, нисколько не остановило волненія умовъ. Черезъ нѣсколько дней чернь съ ругательствами выбила стекла изъ оконъ русскаго посольскаго дома и неистовствовала до тѣхъ поръ, пока не была разсѣяна военною силой. Аристократія и въ особенности французская партія старались всѣми средствами возбудить народъ противъ Россіи. Появились газетныя статьи и памфлеты, въ которыхъ увѣряли положительно, будто Синклеръ былъ убитъ по приказанію русской императрицы. Анна Ивановна, дѣйствительно ничего не знавшая о распоряженіи своего любимца, поспѣшила разослать ко всѣмъ европейскимъ дворамъ объяснительныя деклараціи и торжественно протестовала противъ такого обвиненія... Но дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы уладиться мирнымъ путемъ; разрывъ былъ неизбѣженъ... Скоро возгорѣлась та несчастная для шведовъ война, которая представляетъ одну изъ самыхъ темныхъ картинъ въ исторіи Швеціи.

Холмогорская старина.

СѢВЕРНАЯ Двина за 112 верстъ до впаденія въ Бѣлое море образуетъ своими рукавами нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ находится уѣздный городъ Архангельской губерніи — Холмогоры. Съ восточной стороны онъ прилегаетъ къ рукаву Двины, называемому Курополкою, а съ остальныхъ трехъ сторонъ окруженъ обширными и роскошными лугами, омываемыми рѣчкою Оногрою. По этимъ лугамъ идетъ въ Холмогоры почтовая дорога. Ровно и гладко стелется она,—не въ примѣръ всѣмъ другимъ архангельскимъ дорогамъ. Взоры путешественника, утомленные однообразными, унылыми видами дикой архангельской природы, съ пустынными полянами, кочками и болотами, лѣсами съ чахлыми, малорослыми деревьями, отдыхаютъ на веселыхъ, раскинувшихся въ даль лугахъ, замыкаемыхъ волнистою линіею холмовъ и пригорковъ съ разбросанными на нихъ деревнями.

Но насколько живописны окрестности Холмогоръ, настолько же некрасивъ и бѣденъ самый городъ. По срединѣ его тянется грязная кривая улица, прерываемая пустырями, заросшими травой. Сотни полторы домовъ, искривленныхъ и почернѣвшихъ отъ ветхости, виднѣются въ разныхъ направленіяхъ на двухверстномъ пространствѣ. Единственный въ городѣ каменный казенный домъ представляется роскошными палатами среди своихъ убогихъ деревянныхъ сосѣдей... И еще грязнѣе и унылѣе кажется городъ, когда взгля-

нешь на его роскошную рѣку, на зеленые острова съ деревнями на холмахъ и полями по косогорамъ.

А между тѣмъ этотъ городокъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ на Руси и игралъ нѣкогда довольно важную роль въ исторіи сѣверо-востока нашего отечества. Пронеслись надъ нимъ чуть не сказочныя времена владычества бѣлоглазой чуди, видалъ онъ и буйную вольницу новгородскую, былъ центромъ администраціи и

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.
(Съ гравюры 1840 года).

торговли на дальнемъ Сѣверѣ во времена московскихъ царей; здѣсь жили правители Двинской области и архіереи холмогорской и важской епархіи. Однимъ словомъ, вся древняя исторія сѣвернаго края Россіи выразилась въ исторіи Холмогоръ точно такъ же, какъ новая исторія этого края тѣсно связана съ Архангельскомъ.

Изъ памятниковъ старины, свидѣтельствующихъ о быломъ значеніи Холмогоръ, до нашихъ дней сохранилось только два: соборъ во имя Преображенія Господня и женскій Успенскій монастырь,

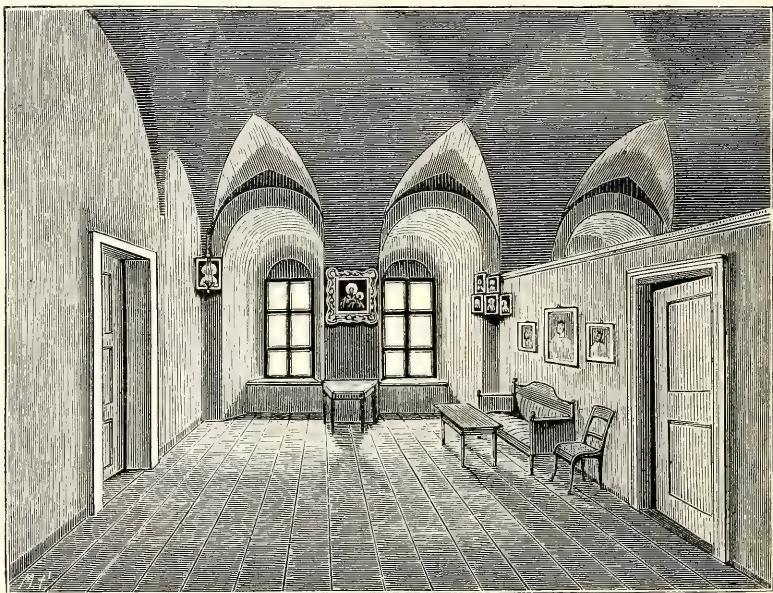
передѣланный изъ прежняго архіерейскаго дома, гдѣ почти сорокъ лѣтъ томилось въ тѣсномъ заключеніи Брауншвейгское семейство. Объ этихъ памятникахъ мы и хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Спасо-Преображенскій соборъ во времена Петра Великаго считался, въ сравненіи съ другими, первымъ въ краѣ по величинѣ и красотѣ. Онъ каменный, пятиглавый, построенный въ византійскомъ стилѣ и не имѣетъ придѣловъ. Свѣтъ проходитъ въ окна, расположенныя въ два яруса и въ трехъ куполахъ, опирающихся на четыре столба; остальные два купола не имѣютъ оконъ. Колокольня въ видѣ башни, въ нижней своей части четырехугольная а въ верхней восьмиугольная; по срединѣ ея вдѣланы стариннаго устройства желѣзные часы съ боемъ. Иконостасъ собора деревянный, четырехъ ярусный, окрашенъ голубой краской съ вызолоченной, потемнѣвшей отъ времени рѣзьбой. Престолъ и жертвенники изъ кипариса. Въ напрестольномъ ковчегѣ хранятся части мощей св. Василія Анкирскаго, св. великомученика Никиты, мученика Христофора и частица гроба Господня. У южной и сѣверной стѣнъ храма находятся десять надгробій, покрытыхъ черными пеленами; здѣсь покоятся умершіе архіереи, погребенные подъ церковнымъ помостомъ. Прежде надъ гробницами висѣли и портреты усопшихъ, но теперь они убраны, во избѣжаніе порчи отъ сырости. Соборъ заложенъ при первомъ архіепископѣ холмогорскомъ Аѳанасіи, 27-го августа 1685 года, въ четвертый годъ по учрежденіи здѣсь епархіи. Постройка окончена въ шесть лѣтъ; на нее употреблено 6,504 рубля 47 коп., частію изъ суммъ, пожалованныхъ государемъ, и частію на иждивеніи домовыхъ имѣній преосвященнаго и добровольныхъ пожертвованій.

Архіерейскій каменный домъ, нынѣ женскій Успенскій монастырь, построенъ почти одновременно съ Преображенскимъ соборомъ, именно въ 1691 году. До 1744 года въ немъ имѣли постоянное жительство архіереи; но въ этомъ году онъ былъ отобранъ въ казну и назначенъ мѣстомъ заточенія Брауншвейгскаго семейства.

Печально и неудобно было жилище несчастной принцессы Анны Леопольдовны, ея мужа и дѣтей. Обширный дворъ архіерейскаго дома, заключающій въ себѣ вмѣстѣ съ землею, занятой строеніями, до 2,084 квадратныхъ саженъ, былъ обнесенъ высокимъ тыномъ или оградою, вокругъ которой днемъ и ночью постоянно ходили часовые для того, чтобы никто не смѣлъ сюда приближаться. Главное зданіе, служившее тюрьмой для Брауншвейгскаго семейства и занимаемое теперь монастыремъ, возвышается у юго-восточной сторо-

ны ограды. Въ верхнемъ этажѣ каменнаго дома, примыкающаго къ монастырской церкви, находится небольшая комната съ однимъ окномъ на дворъ и двумя дверями, изъ которыхъ одна прямо противъ входа, а другая въ лѣвой стѣнѣ. Эта небольшая комната служила передней помѣщенія Анны Леопольдовны. Здѣсь стоитъ небольшой низенькій комодецъ изъ дубоваго дерева, съ массивными мѣдными ручками и замочными бляхами, принадлежавшій бывшей правительницѣ Россіи. Сохранилось еще туалетное зеркало въ рѣзной, на ножкахъ рамѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ скрѣпленной ве-

Комната принцессы Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря.
(Съ гравюры 1840 года).

ревочками; оно составляло собственность дочерей Анны Леопольдовны и нѣкогда отражало ихъ лица. Дверь, противоположная входу въ переднюю, ведетъ въ огромный залъ, занятый теплою монастырской церковью. Въ правой сторонѣ устроенъ алтарь съ небольшимъ иконостасомъ. Потолокъ безъ сводовъ; въ срединѣ онъ поддерживается четырехугольнымъ каменнымъ столбомъ, около котораго помѣщены иконы. При Брауншвейгскомъ семействѣ церкви здѣсь не было; эта огромная комната служила залом ъ. Она очень слабо освѣщена нѣсколькими окнами, находящимися на одной только сторонѣ. Часть свѣта проходитъ также въ стеклянныя двери въ

стѣнѣ противъ входа, ведущія въ другую церковь, гдѣ богослуженіе отправляется только лѣтомъ. Церковь имѣетъ куполъ. До прибытія Брауншвейгскаго семейства она была крестовою (потому что здѣсь жили архіереи), а затѣмъ переименована въ церковь Зачатія св. Анны и поступила въ придворное вѣдомство. По отправкѣ Брауншвейгскаго семейства въ Данію, въ 1780 году, императрица Екатерина II приказала перенести иконостасъ этой церкви въ деревню

Деревня Денисовка.

(Съ гравюры 1840 года).

Ракулу, въ 60-ти верстахъ отъ Холмогоръ, а вмѣсто него поставить новый.

Дверь въ лѣвой стѣнѣ передней ведетъ въ комнату, называемую гостиной Анны Леопольдовны. Эта комната со сводами и хорошо освѣщена тремя окнами, выходящими на почтовую дорогу; она была раздѣлена деревянною перегородкою на двѣ части: большая имѣла до 13 шаговъ въ длину и столько же въ ширину. Мебель гости-

ной состоитъ изъ дивана, стула и двухъ столовъ. Надъ диваномъ висятъ три портрета, между которыми одинъ Петра Великаго; въ простѣнкѣ оконъ большой образъ Божіей Матери. Видъ этой комнаты изображенъ на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ.

Передъ домомъ въ оградѣ находится большой прудъ, на которомъ заключеннымъ позволялось кататься въ шлюпкѣ; они выходили къ пруду по маленькому крыльцу, существующему до сихъ поръ, возлѣ комнаты принцессы Анны. Близъ пруда былъ сарай, вмѣщавшій въ себѣ старую карету; узники пользовались правомъ отъѣзжать въ ней иногда саженъ на двѣсти отъ своего жилища. Въ карету обыкновенно впрягали шесть лошадей; обязанности кучера, форейтора и лакеевъ исполняли солдаты. На такомъ незначительномъ протяженіи совершались всѣ ихъ прогулки. Арестанты никого не видѣли, кромѣ людей, приставленныхъ къ нимъ для услуженія. Одна команда караульныхъ солдатъ помѣщалась въ особой казармѣ, построенной у входа въ ограду, а другая находилась въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ содержалось Брауншвейгское семейство. Обѣимъ командамъ, хотя и имѣвшимъ одно и то же назначеніе, было строго воспрещено сноситься между собою. Глубокая, непроницаемая тайна окружала жилище узниковъ. Ни одинъ посторонній любопытный взоръ не проникалъ во внутренность; никто, даже врачъ, не допускался къ нимъ безъ разрѣшенія губернатора, изрѣдка пріѣзжавшаго въ Холмогоры изъ Архангельска. Холмогорскіе жители знали, что въ этихъ безмолвныхъ стѣнахъ живутъ какіе-то «важные арестанты», но какіе именно, того не вѣдалъ никто. Народъ далъ этой тайнѣ названіе «неизвѣстной комиссіи», которое повторяется на мѣстѣ до сего времени.

На содержаніе Брауншвейгскаго семейства не было назначено опредѣленной суммы, но отпускалось ежегодно изъ архангелогородскаго магистрата отъ 10 до 15 тысячъ рублей. Деньги эти расходовались по усмотрѣнію губернаторовъ, которые поступали относительно несчастныхъ узниковъ крайне недобросовѣстно, заставляя ихъ терпѣть во всемъ нужду и лишенія.

Умственная жизнь арестантовъ была самая жалкая. Какъ уже сказано, они не видѣли вокругъ себя никого, кромѣ прислуги и солдатъ. Единственныя развлеченія ихъ состояли въ чтеніи церковныхъ книгъ, игрѣ въ карты или шашки, работахъ въ саду и ухаживаніи за курами и утками. Приставленные къ нимъ люди тоже не могли никуда ходить съ архіерейскаго двора, что, разумѣется, вредно отражалось на ихъ нравственности. Рапорты, посылавшіеся въ Петербургъ, наполнены донесеніями о ссорахъ, дракахъ, дерзостяхъ прислуги, о незаконно прижитыхъ дѣтяхъ и т. п.

Ненормальныя условія жизни вліяли также на здоровье и физическое развитіе узниковъ: всѣ дѣти Анны Леопольдовны, жившія въ Холмогорахъ, принцы Петръ и Алексѣй и принцессы Екатерина и Елисавета, были или косноязычны, или горбаты, кривобоки, страдали разными хроническими болѣзнями [1]).

Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ-Ульрихъ умерли въ холмогорской тюрьмѣ, но это нисколько не облегчило участи ихъ дѣтей,

Мѣсто, гдѣ находится домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.
(Съ гравюры 1840 года).

которыя и послѣ смерти родителей продолжали томиться въ тѣсномъ заключеніи еще шесть лѣтъ, до 1780 года, когда, наконецъ, императрица Екатерина рѣшилась освободить ихъ и выслать въ Данію. Но къ чему была теперь свобода этимъ одичавшимъ, полуграмотнымъ больнымъ людямъ? Они сами отказывались отъ нея.

— Прежде для насъ было очень желательно жить въ большомъ

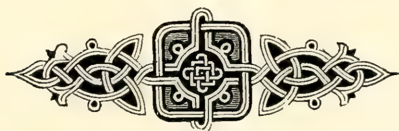
[1]) Старшій сынъ Анны Леопольдовны, императоръ Иванъ Антоновичъ, содержался, какъ извѣстно, отдѣльно, въ Шлиссельбургской крѣпости.

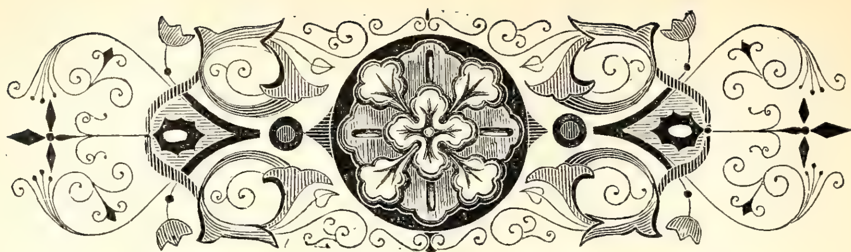
свѣтѣ», говорила принцесса Елисавета А. П. Мельгунову, присланному императрицей въ Холмогоры для отправки Брауншвейгскаго семейства за границу: «по молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію; но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать, какъ только того, чтобы жить здѣсь въ уединеніи. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего-нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостью: мы даже не знаемъ, какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ исходатайствовать намъ у ея величества милость, чтобы позволено намъ было выѣзжать изъ дома на луга для прогулки; мы слыхали, что тамъ есть цвѣты, какихъ въ саду нашемъ нѣтъ. Офицеры, которые теперь при насъ, имѣютъ женъ; мы просимъ позволенія имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портного, который могъ бы на насъ шить платья. По милости государыни присылаютъ намъ изъ Петербурга корсеты, чепчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ для того, что ни мы, ни дѣвки наши не знаемъ, какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого человѣка, который умѣлъ бы наряжать насъ. Баня въ саду стоитъ близко къ нашимъ деревяннымъ покоямъ; мы боимся, чтобы намъ не сгорѣть; прикажите отнести ее подальше. Если вы исходатайствуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ болѣе утруждать не станемъ, ничего больше не желаемъ и рады остаться въ такомъ положеніи навѣкъ»

Эти скромныя желанія, высказанныя принцессой Елисаветой Мельгунову, показываютъ, до какой степени были ограничены требованія и вкусы несчастныхъ узниковъ, и какъ мало интересовались они тѣмъ, что находилось за предѣлами ихъ тюрьмы. Впрочемъ, принцесса Елисавета была совершенно права, упрашивая императрицу оставить ихъ въ мѣстѣ долголѣтняго заключенія. Отправленныя въ Данію, дѣти Анны Леопольдовны до самой смерти влачили тамъ довольно жалкое существованіе и не разъ съ сожалѣніемъ вспоминали о Холмогорахъ...

Говоря о холмогорской старинѣ, нельзя не упомянуть о деревнѣ Денисовкѣ, мѣстѣ рожденія Ломоносова. Деревня эта, называемая въ народѣ «Болотомъ», находится всего въ трехъ верстахъ разстоянія отъ Холмогоръ, на юго-западной части Куръ-острова, образуемаго рукавами Двины: Куронолкою и Куростровкою. Денисовка имѣетъ всего только 10 домовъ. Земля, на которой родился и жилъ

Ломоносовъ, принадлежитъ въ настоящее время крестьянину Шубному. Отъ дома, бывшаго жилищемъ Ломоносова, не сохранилось и слѣда. Существуютъ только полусгнившіе остатки сруба, служившаго фундаментомъ другому дому, построенному какимъ-то крестьяниномъ на этомъ мѣстѣ; послѣдній находится между домомъ Шубнаго и амбаромъ; позади его виднѣется на высокомъ холмѣ вѣтряная мельница, а впереди—каменная куростровская церковь, близъ которой начинается песчаный берегъ мелкой и неширокой Курополки, огибающей Куръ-островъ почти подъ прямымъ угломъ. Жители Денисовки совершенно равнодушны къ памяти своего знаменитаго уроженца, и самое имя его уже начинаетъ забываться ими...

Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря [1].

ЗАПИСКИ современниковъ о своей эпохѣ имѣютъ, безспорно, важное значенiе въ исторической литературѣ; однако, несмотря на всю важность этихъ историческихъ памятниковъ и очевидное преимущество ихъ передъ памятниками иного рода, къ нимъ слѣдуетъ всетаки относиться съ разборчивой критикой, не принимая безусловно на вѣру каждое слово автора. Человѣкъ, описывающiй видѣнное и слышанное собственными глазами и ушами и разсуждающiй о людяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни, едва ли можетъ разсказывать обо всемъ этомъ совершенно спокойно и безпристрастно. Личныя понятiя и воззрѣнiя, симпатiи и антипатiи, удачи и неудачи, невольно отражаются въ разсказахъ самаго, повидимому, добросовѣстнаго повѣствователя и кладутъ рѣзкую печать на всѣ его сужденiя и заключенiя. Есть мемуары, писанные прямо съ цѣлью чьего-либо обличенiя. Имѣются также мемуары, составленные въ надеждѣ исторгнуть ихъ авторамъ восторженную дань похвалъ даже у отдаленнѣйшаго потомства. Попадаются, на-

---

[1] Памятныя записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Второй. Москва. 1862.—Записки объ императрицѣ Екатеринѣ Великой полковника, состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаремъ, А. М. Грибовскаго. Москва. 1864.

конецъ, и такія записки, которыя напоминаютъ собой то̀ журналъ дѣйствій какого-нибудь присутственнаго мѣста или учрежденія, то отмѣтки, дѣлаемыя въ календаряхъ нашими помѣщиками. Творенія послѣдняго рода не имѣютъ, разумѣется, никакого литературнаго достоинства и осиливаются не безъ труда и зѣвоты; но, какъ историческій матеріалъ, часто превосходятъ самые краснорѣчивые и увлекательные мемуары. Съ какою цѣлію они составлялись—по простой ли привычкѣ записывать на память все, что занимало и интересовало писавшаго, отъ полноты ли душевной по случаю какихъ-нибудь особенныхъ событій, по другимъ ли какимъ побужденіямъ и соображеніямъ,—рѣшить это нелегко. Ясно въ этихъ запискахъ лишь одно, что авторъ писалъ ихъ «не мудрствуя лукаво», ибо нерѣдко является въ своемъ собственномъ изображеніи далеко не въ блистательномъ видѣ, съ простодушіемъ и наивностью повѣствуя о такихъ случаяхъ, которые обыкновенно людьми «себѣ на умѣ» проходятся благоразумнымъ молчаніемъ. Но это-то именно простодушіе и наивность и драгоцѣнны для историка: они даютъ ему право вѣрить такому автору гораздо болѣе, нежели тѣмъ, которые судятъ и рядятъ, принимая всевозможные тоны, рисуясь на каждой страницѣ насчетъ другихъ, несравненно болѣе интересныхъ и важныхъ предметовъ.

Таковы именно выставленныя подъ заглавіемъ этой статьи записки Александра Васильевича Храповицкаго. Показанныя рядомъ съ ними записки Грибовскаго не совсѣмъ въ томъ же родѣ. У Грибовскаго уже есть нѣкоторыя разсужденія и поползновенія къ красотамъ слога; онъ вообще не записываетъ, а описываетъ, дѣлаетъ разныя характеристики и оцѣнки, составляетъ «изображеніе императрицы Екатерины II», и т. п. У Храповицкаго нѣтъ никакихъ подобныхъ ухищреній. Храповицкій положительно, «не мудрствуя лукаво», заносилъ въ свою памятную книжку все, что видѣлъ, слышалъ и перечувствовалъ во время службы своей въ званіи статсъ-секретаря Екатерины II, около которой, такимъ образомъ, и вращается исключительно его разсказъ. Статсъ-секретаремъ Екатерины былъ также Грибовскій, и въ его запискахъ императрица стоитъ на первомъ планѣ; но Грибовскій, какъ мы уже замѣтили, старается изобразить Екатерину своими словами; Храповицкій же, по преимуществу, передаетъ намъ слова самой императрицы, разные ея отвѣты и вопросы, замѣчанія и изреченія, не присоединяя къ этому никакихъ толкованій и разсужденій. Вотъ, напримѣръ, какъ начинаются его «Памятныя записки».

1782 годъ.

«18 января. Первый входъ.

«18 апрѣля. «Одинъ только безсовѣстный отказывается отъ призыва въ совѣстный судъ».

«25 апрѣля. «Открылась новая дорога въ Грузію, минуя горы, черезъ что стала открыта вся Грузія».

«6 іюня. «Je ne l'aime pas (Portrait de Franclin)».

«13 іюня. Во вторую часть устава Благочинія войдетъ квартирная и пожарная часть. «Бѣглеца командою искать не можно: ему одна дорога, а командѣ сто; надобно, чтобъ обыватели не держали въ селеніяхъ и ловили».

Вносными знаками отмѣчены здѣсь подлинныя слова самой Екатерины; знаки эти встрѣчаются на каждой страницѣ. Въ томъ же тонѣ и духѣ, какъ начало, ведены всѣ записки Храповицкаго, обнимающія собой пространство времени съ 1782 по 1793 годъ включительно. Чтеніе, безъ привычки, такихъ крайне лаконическихъ отмѣтокъ можетъ утомить иного читателя; но, войдя, что называется, во вкусъ, всякій невольно заинтересуется ими и пойметъ, что отмѣтки эти гораздо любопытнѣе самыхъ велерѣчивыхъ исторій о Екатеринѣ Великой. Общихъ мѣстъ, пышныхъ фразъ, торжественныхъ одъ и панегириковъ сказано и спѣто въ честь этой императрицы не мало. Офиціальный лиризмъ напоминаютъ намъ и Храповицкій съ Грибовскимъ; но они, кромѣ того, показываютъ намъ Екатерину не только лишь на тронѣ, «въ царскихъ утваряхъ», по выраженію одного ея историка, но и Екатерину въ уборной, въ кабинетѣ, за рабочимъ столомъ, въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ къ ней людей,—Екатерину смѣющуюся, шутящую, острящую и разговаривающую просто, какъ и всѣ, — Екатерину грустящую, скучающую, плачущую, хворающую, — словомъ, Екатерину женщину, дѣйствующую по общимъ для всѣхъ смертныхъ законамъ человѣческой природы, съ тою, конечно, разницею, что такое, напримѣръ, обыкновенное явленіе, какъ улыбка, называясь улыбкою императрицы Екатерины II, наполняло души тѣхъ, къ кому относилась, восторгомъ, а наморщенная бровь ея повергала многихъ въ страхъ и отчаяніе.

У Храповицкаго встрѣчаются безпрестанно такія отмѣтки: — «Плакали» (т. е. плакала Екатерина. Храповицкій почти вездѣ выражается о ней не иначе, какъ во множественномъ числѣ).—«Идучи въ спектакль, упали».—«Жаловались головою».—«По случаю просьбы генералъ-маіора Ферзена, женатаго на Радзиволовой, пропѣли:

Императрица Екатерина II.

(Съ портрета, рисованнаго карандашомъ Шубинымъ въ 1794 году).

«Но мы не виноваты,
«Что были глуповаты».

«Такому великорослому нѣтъ мѣста на кораблѣ. Великая разность съ другимъ Ферзеномъ: тотъ герой и со временемъ будетъ подпора государства». — «Сказывали о болѣзни, продолжавшейся близъ двухъ часовъ съ несносною коликою. Ничего не помогло, ни теплое, ни холодное, но прошло, какъ свернулись въ постели на тотъ манеръ, какъ ложатся сороки. Сего съ годъ не было; было на галерахъ и въ Черниговѣ». — «Пришедъ поутру изъ теплой бани, жаловались на худобу оной». — «Не веселы». — «Гнѣвались; получили колику».—«Посылали сказать на низъ (т. е. въ нижній этажъ дворца, къ тогдашнему фавориту графу А. М. Дмитріеву-Мамонову), что красный воскъ отъ мозолей помогъ, извиняясь, что налагаютъ на меня такую комиссію». — «Послѣ обѣда ссора съ графомъ А. М. Слезы. Вечеръ проводили въ постели».—«Слезы. Не выходили, меня не спрашивали и какъ почтовые пакеты, такъ и прочія бумаги, присланы ко мнѣ черезъ З. К. Зотова; легли на канапе, и я уѣхалъ въ 11 часовъ».—«Чихнули и сказали: Quand on eternue, on ne meurt pas».—«Гнѣвнаго духа. Съ утра докладывалъ Зубовъ по гвардейскимъ бумагамъ. У меня не подписали благодарности графу Румянцеву за поздравленіе его съ новымъ годомъ: Je ne suis plus si familière avec lui; я не могла его выжить изъ Молдавіи». — «Примѣтное неудовольствіе». — «Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пускали кровь, въ 10 легли въ постель».—«Поздравя съ тезоименитствомъ, поднесъ рѣзную на камнѣ головку Junius Brutus: приняли милостиво и раза два благодарили; причесались, убрали голову, но, при надѣваніи платья, вдругъ жалуются на ипохондрію и не могутъ сносить публики; слезы и проч.».

Ясно, что Храповицкій видѣлъ и слышалъ Екатерину близко, какъ только можетъ слышать и видѣть свидѣтель, передъ которымъ не скрываютъ ни слезъ, ни отчаянія, ни гнѣвнаго духа, ни веселости и ипохондріи. Храповицкому именно довелось наблюдать при дворѣ и въ домашнемъ быту Екатерины то, чего не могла видѣть «публика», что видѣли только немногіе избранные. Онъ слишкомъ десять лѣтъ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ императрицей. Она не разъ довѣряла и повѣряла ему весьма немаловажныя вещи, бывала съ нимъ порою очень откровенна, нисколько при немъ не стѣснялась и, вообще, держала себя съ нимъ безъ всякихъ особенныхъ церемоній, видя и понимая, что онъ не принадлежитъ къ числу особъ, съ которыми церемоніи эти необходимы. Храповицкій за этимъ, дѣйствительно, не гонялся. Испол-

нительный, услужливый, вкрадчивый, гибкій, придворный и дѣлецъ вмѣстѣ, онъ можетъ быть названъ одной изъ самыхъ типическихъ личностей того времени. Совершить что-либо особенное, выходящее изъ ряда вонъ, увлечься какимъ-нибудь рискованнымъ предпріятіемъ,—на это, разумѣется, Храповицкаго не хватило бы; но составить «Карантинное положеніе» или «Уставъ о соли», править должность директора театровъ, писать разнообразные доклады и толково ихъ докладывать, разсказывать иностраннымъ посламъ о процвѣтаніи и благоденствіи Россіи, проводить цѣлыя ночи за перепискою сочиняемыхъ Екатериною комедій и оперъ и ставить ихъ на сцену, читать императрицѣ во время ея болѣзни—«для разбитія мыслей» — сказки, выбирать ей рѣзные камни, антики и камеи, всегда и на все быть готовымъ, кстати улыбнуться, кстати сдѣлать печальное лицо, никого не задѣть, со всѣми ужиться — въ этомъ отношеніи Храповицкій былъ образцовый человѣкъ. Всегда по горло занятый, онъ, однакоже, подобно большинству тогдашнихъ придворныхъ, не чуждъ былъ при этомъ и умѣнья пожуировать жизнью [1]). Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ Храповицкій присоединялъ еще одно свойство, также не мало благопріятствовавшее ему въ глазахъ Екатерины: онъ былъ отчасти поэтъ. Впрочемъ, литература не составляла для него серьезнаго занятія; Александръ Васильевичъ, какъ и многіе современные ему писатели, брался за «трубу и свирѣлку» только для развлеченія, въ часы досуга; серьезное же въ занятіяхъ его составляла одна служба, которой онъ и отдался и тѣломъ, и душой.

Храповицкій родился 7-го марта 1749 года и получилъ образованіе въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1775 году онъ служилъ секретаремъ въ правительствующемъ сенатѣ, а въ 1783 году опредѣленъ статсъ-секретаремъ императрицы «къ принятію челобитень». Въ этомъ же году онъ награжденъ орденомъ св. Владимира третьей степени, а въ слѣдующемъ, имѣя всего тридцать пять лѣтъ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, въ своей біографіи Храповицкаго (Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Ч. 3. Стр. 503—508), говоритъ, что Александръ Васильевичъ «при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣлъ одинаковую слабость съ Ломоносовымъ», т. е. въ переводѣ—любилъ выпить. Только онъ производилъ это очень осторожно и ловко, а именно—выпивалъ не иначе, какъ на сонъ грядущій, имѣя въ виду, что въ это время его уже не потребуетъ къ себѣ императрица. Екатерина, узнавъ объ этомъ, въ видѣ опыта, послала однажды нарочно за своимъ статсъ-секретаремъ поздно вечеромъ. Дѣло могло разыграться очень плохо; но Храповицкій нашелся. Онъ велѣлъ тотчасъ же пустить себѣ изъ руки кровь и явился передъ лицо государыни какъ ни въ чемъ не бывало.

отъ роду, уже былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [1]).

Быстрая и завидная карьера Храповицкаго, по характеру и особенностямъ той эпохи, не могла назваться необыкновенно блестящей: но зато онъ и былъ обязанъ своими служебными успѣхами только своимъ же служебнымъ способностямъ и усердію, да покровительству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, преимущественно генералъ-прокурора князя Вяземскаго, который, узнавъ его еще по службѣ въ сенатѣ, весьма лестно отозвался о немъ государынѣ. Такимъ образомъ, Храповицкій вступилъ въ важное статсъ-секретарское званіе, напутствуемый довольно хорошо и готовый работать на всѣ руки; но, какъ человѣкъ предусмотрительный и бывалый, онъ позаботился обставить себя сколь возможно благонадежнѣе со всѣхъ сторонъ и не упускалъ изъ виду ничего, что могло служить къ его поддержкѣ. Стараясь всячески сближаться съ людьми значительными и вліятельными во всѣхъ сферахъ, онъ не преминулъ подружиться и съ любимымъ камердинеромъ Екатерины, Захаромъ Зотовымъ, который, въ знакъ дружбы, не разъ передавалъ Александру Васильевичу «самые тайные разговоры». Но едва ли не лучшими рекомендаціями для Храповицкаго, въ глазахъ императрицы, послужили все-таки его исполнительность и «знакомство съ музами». Екатерина, какъ извѣстно, любила литературу и сама занималась ею не мало, хотя о дѣятельности своей въ этомъ родѣ отзывалась въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «что касается моихъ сочиненій, то я смотрю на нихъ, какъ на бездѣлки. Я любила дѣлать опыты во всѣхъ родахъ; но мнѣ кажется, что все, написанное мною, довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я не придавала никогда этому никакой важности» [2]). Тѣмъ не менѣе императрица писала много, особенно для театра,—и вотъ тутъ-то Храповицкому приходилось, дѣйствительно, работать безъ устали. Онъ былъ то переписчикомъ, то корректоромъ, то режиссеромъ, то переводчикомъ, то компиляторомъ, то собирателемъ. Сегодня переписывалъ какую-нибудь новую пьесу, завтра сочинялъ куплеты для другой, послѣзавтра составлялъ словарь риѳмъ, тамъ собиралъ русскія пословицы или дѣлалъ выписки изъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, а въ антрактахъ носился по городу съ разными словесными и письменными порученіями въ родѣ того, напримѣръ, «чтобы

---

[1]) Раутъ. 1854 г. Статья Сушкова: «А. В. Храповицкій». Стр. 129.

[2]) Correspondance de l'impératrice de Russie Catherine II avec le chevalier de Zimmermann. Page 378.

для Циммермана, живущаго въ Ганноверѣ, сшить соболью шапку и послать лучшаго чаю и кофе». Екатерина, видимо, довѣряла литературному вкусу и такту своего статсъ-секретаря и очень часто также обращалась къ нему за его мнѣніями, принимая ихъ, большею частью, очень благосклонно и высказывая при этомъ свои,

Александръ Васильевичъ Храповицкій.
(Съ портрета Левицкаго).

иногда очень интересныя. «Памятныя записки» полны такого рода отмѣтками:

«Поднесъ первыя тетради лексикона рифмъ и получилъ благодарность».—«Переписывалъ оперу Боеславича. За переписку получилъ благодарность; показывали начатую оперу Ивана Царевича».—«Судя по плану, дѣлалъ и подавалъ аріи для оперы Иванъ Царевичъ; получилъ благодарность».—«Приказано составить четвертый актъ; я оный сдѣлалъ и приписалъ аріи и хоры для пятаго акта и не спалъ всю ночь». — «Переписывалъ оперу Иванъ Царевичъ;

не спалъ ночь. Былъ призванъ и получилъ благодарность съ отзывомъ, что много моей тутъ работы».—«Переписывалъ историческое представленіе, подражаніе Шекспиру, жизнь Рюрика, только первый актъ».—«Переписывалъ третій актъ Олега. Поднесъ и благодарилъ за брата Петра Васильевича [1]). Изволили говорить, что мы всѣ малы, а батюшка былъ bel homme [2])». — «Переписывалъ третій актъ Игоря; поднесъ; говорено объ Олегѣ и велѣно хоры передѣлать бѣлыми стихами». — «Поднесъ хоры; ихъ опробовали».—«Носилъ на низъ (т. е. къ графу Дмитріеву-Мамонову) списокъ о назначенныхъ въ владимирскіе кавалеры. Je n'ai pas l'honneur de connaître toute cette société — сказалъ графъ А. М. «Разсмѣялись». Сегодня его рожденіе; приказано, чтобъ въ комнатахъ его сыграть обѣ «Проверби», и позвать меня за трудъ мой въ перепискѣ оныхъ. Когда онъ наверхъ пришелъ, то позвали меня въ спальную и тутъ, при ея величествѣ, онъ пригласилъ меня на ужинъ. Въ 7 часовъ вечера открылся театръ. «Провербы» играли удачно. Спросили меня, много ли смѣялся»?—«Поднесъ переписанную мною комедію L'insouciant; поблагодарили за трудъ;—поздравилъ съ праздникомъ; самого поздравили. «Это праздникъ невѣстъ и жениховъ». Для меня уже поздно. «А который годъ?» Въ мартѣ мѣсяцѣ минетъ сорокъ. «Еще жениться можешь», и т. д.

Составлять лексиконъ риѳмъ, переписывать, дописывать и переводить разныя пьесы, сочинять хоры, собирать пословицы, держать корректуру, заботиться о сценической постановкѣ, дѣлать всевозможнаго рода выписки,—все это брало не мало времени, требовало и сноровки, и умѣнья угодить автору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это нисколько не снимало съ Храповицкаго отвѣтственности по ввѣреннымъ ему статсъ-секретарскимъ и другимъ чисто казеннымъ дѣламъ, которыя императрица никогда не упускала изъ вида. Неутомимаго Александра Васильевича хватало, однакоже, на все. Онъ въ одно время подносилъ Екатеринѣ тетради лексикона риѳмъ и «Карантинное положеніе», одной рукой принималъ конфирмован-

---

[1]) П. В. Храповицкій, человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, служилъ преимущественно по финансовой части, во времена князя Вяземскаго, графа Васильева и Голубцова. Онъ вышелъ въ отставку въ царствованіе Александра I, съ чиномъ тайнаго совѣтника. Александръ Васильевичъ благодарилъ императрицу за орденъ св. Владимира 4 ст., пожалованный его брату 22-го сентября 1786 года.

[2]) Отецъ Храповицкихъ, Василій Ивановичъ, служилъ сержантомъ въ Лейбъ-Компаніи и при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны получилъ дворянское достоинство. Онъ умеръ въ чинѣ генералъ-поручика.

ные сенатскіе доклады, а другой представлялъ переписанную «Провербу»; кончая чтеніе иностранной и внутренней почтъ, садился за чтеніе императрицѣ сказокъ; покончивъ со сказками, принимался за «Уставъ о соли». Случалось также, что Храповицкаго требуютъ вдругъ къ государынѣ. Онъ летитъ, торопится, задыхается—и потомъ вноситъ въ свои «Памятныя записки»:—«Читая изъ Плутарха жизнь Коріолана, замѣчено, что при богослужебныхъ обрядахъ римлянъ провозвѣстники кричали: hoc age—вонми, и что были у нихъ свои оглашенные. Нарочно за симъ былъ позванъ».

При такой суетѣ суетъ, Екатерина была въ правѣ называть Храповицкаго «souffre douleur», но и въ правѣ была замѣчать, что «однакоже, онъ отъ того не худѣетъ». Александръ Васильевичъ, дѣйствительно, не только не худѣлъ, но, напротивъ, толстѣлъ отъ своихъ многосложныхъ обязанностей, исполненіе которыхъ, повидимому, доставляло ему величайшее удовольствіе. Онъ былъ настоящій придворный—дѣлецъ, умѣвшій, когда было нужно, и сказку прочесть, какъ дѣло, и дѣло доложить, какъ сказку. Екатерина не любила грубой лести, но отъ лести тонкой была, какъ и всѣ умныя женщины, не прочь,—и потому Храповицкій не пропускалъ случая, представлявшаго ему возможность слегка подкурить государынѣ. Екатерина, напримѣръ, замѣчала, что «при началѣ царствованія, по счастью, попала на хорошія правила, плоды коихъ теперь видимы»,—Храповицкій тотчасъ же осмѣливался ввернуть, что «не попали, но съ ними взошли на престолъ».—«Всякій можетъ дѣлать изъ сего свои заключенія», отвѣчала императрица, повидимому, совершенно равнодушно, но реплика статсъ-секретаря не могла ей быть непріятною. Разсматривая, въ другой разъ, кабинетскія вѣдомости, Екатерина «изволила изъясняться о разности придворныхъ во время императрицы Елисаветы Петровны и нынѣшнихъ: тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, а Сиверсъ изъ лакеевъ». «Я», говоритъ Храповицкій, «сказалъ, что тогда страхъ и опасеніе замѣняли нынѣшнія почитаніе и усердіе, разсказавъ, съ какою робостью батюшка ходилъ въ караулъ».

Такая вкрадчивая любезность, рѣдкая дѣятельность и основательность, въ соединеніи съ умѣньемъ дѣлать дѣло и исполнять всякія порученія, не могли, конечно, не обратить на Храповицкаго милостиваго вниманія Екатерины. Александръ Васильевичъ, дѣйствительно, былъ на самомъ хорошемъ счету у императрицы, и она, между прочимъ, сказала разъ про него и про завѣдывавшаго вмѣстѣ съ нимъ театральнымъ управленіемъ Соймонова: «Je mettrais la main au feu, qu'ils ne prennent pas des cadeaux». Въ другой разъ,

когда Храповицкій поднесъ ей бумаги и докладъ по дѣламъ придворной комиссіи, въ которую былъ назначенъ членомъ, Екатерина объявила ему свое благоволеніе, «за труды и ясность», и присовокупила: «оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ не годятся; не купи села, купи приказчика». Александръ Васильевичъ тщательно записывалъ въ свои записки каждый разъ, когда удостоивался поцѣловать высочайшую ручку, или когда былъ просто приласканъ императрицей; напримѣръ: «приласканъ во время чесанія волосъ, по тому случаю, что привезъ книги, т. е. сказки; онѣ надобны для разбитія мыслей и суть такого рода, что при чтеніи не требуютъ вниманія, ибо много читали такихъ, кои мысли занимаютъ».—«Встрѣтился въ уборной ввечеру; сказалъ, что иду отъ Марьи Саввишны (Перекусихиной). «Je croyais, que vous m'apportiez encore quelque chose»—относится, думаю, къ книгамъ веселымъ» [1]).

Безпрерывныя сношенія по всякаго рода дѣламъ, разнообразныя мелкія услуги и неоцѣненное добродушіе Храповицкаго должны были неизбѣжно придать обращенію съ нимъ Екатерины такого рода оттѣнки, которыхъ не было въ обращеніи государыни съ ея «орлами», державшимися совсѣмъ на другой ногѣ, нежели Александръ Васильевичъ. Екатерина нерѣдко подсмѣивалась надъ толщиною Храповицкаго и совѣтовала ему всегда садиться на диванъ, а не на стулъ, потому что она сама не будетъ въ состояніи поднять его, если онъ упадетъ; она замѣчала при этомъ, что, несмотря на свою дородность, онъ, однакоже, бѣгаетъ довольно проворно; а разъ даже, находясь въ особенно веселомъ расположеніи духа, толкнула его въ грудь бумагами, сказавъ: «Je vous tuerai avec un morceau de papier». Подшучивала она и надъ сердечными дѣлами Храповицкаго, по поводу разныхъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ красавицъ, спрашивая, зачѣмъ ѣздитъ онъ въ городъ (изъ Царскаго Села), не поссорился ли онъ съ своею возлюбленною, и т. п. Интересовалась она также состояніемъ здоровья своего статсъ-секретаря, въ особенности же его необыкновенной потливостью, ко-

---

[1]) Марія Саввишна Перекусихина, о которой здѣсь упоминается, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, играла въ свое время весьма значительную роль и даже включена Бантышъ-Каменскимъ въ «Словарь достопамятныхъ людей русской земли». (Ч. 2. стр. 568—570), какъ заслуживающая стоять на ряду съ знаменитыми соотечественницами». Марія Саввишна находилась безотлучно при государынѣ, первая входила къ ней въ спальню въ семь часовъ утра, сопровождала ее во время прогулокъ и, по выраженію Бантышъ-Каменскаго, была счастлива только тогда, когда видѣла спокойствіе на величественномъ челѣ обладательницы многихъ царствъ».

торая, впрочемъ, не могла назваться заурядъ необыкновенною, при его тучности и непосѣдномъ образѣ жизни. Объ этомъ именно предметѣ въ «Памятныхъ запискахъ» находится нѣсколько такихъ отмѣтокъ:—«Подавалъ книги; вспотѣлъ».—«Говорено о жарѣ и что я много потѣю». «Надобно для облегченія употреблять холодную ванну; но съ лѣтами сіе пройдетъ; я сама сперва много потѣла».—«Спрошенъ въ три часа пополудни въ Эрмитажъ; очень потѣлъ. Приказали посовѣтоваться съ медиками и употреблять холодныя ванны».—«При входѣ поутру спрошенъ, не боленъ ли?» «Посмотрите, онъ похудѣлъ отъ пота».—«Разговаривали о моей потливости съ Марьей Саввишной. «Не видали человѣка мнѣ подобнаго и въ сей день похожи были на меня».—«Поутру спросили: «здоровъ ли?»—«Слава Богу».—«Пересталъ ли потѣть?»—«Три дня ужъ не потѣю».

Все это, неоспоримо, показываетъ извѣстную степень не только расположенія, но и короткости. Екатерина, конечно, не позволяла себѣ разговаривать и шутить подобнымъ образомъ съ другими, также довольно близкими къ ней людьми. Но лучшимъ доказательствомъ короткости государыни съ Храповицкимъ служитъ откровенность ея съ нимъ по поводу вещей болѣе серьезныхъ и важныхъ. «Памятныя записки» изобилуютъ разными чрезвычайно интересными и характеристичными замѣчаніями и изреченіями Екатерины. Не было почти ни одного, почему-либо замѣчательнаго или любопытнаго событія, случившагося въ періодъ времени съ 1782 по 1793 годъ, о которомъ бы императрица не говорила чего-нибудь съ своимъ статсъ-секретаремъ.

Записанные Храповицкимъ отзывы и мнѣнія Екатерины о разныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицахъ вообще интересны не потому только, что они, большею частью, очень характеристичны и мѣтки, но и потому еще, что по нимъ можно судить, отчего такъ, а не иначе поступала въ извѣстныхъ случаяхъ императрица со своими приближенными, чѣмъ руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ, чему давала особенную цѣну, на что смотрѣла съ удовольствіемъ и на что—косо.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытны въ «Запискахъ» два слѣдующихъ мѣста, гдѣ Екатерина дѣлаетъ характеристику нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ:—«Отмѣчено письмо, по англійскому отказу, оно было круто; «j'avais la tête chaude et je l'ai. Могу вдругъ положить на бумагу всѣ идеи съ обѣихъ сторонъ представляющагося дѣла». Я сказалъ, что одну вещь въ разныхъ видахъ представить и обмыслить вашему величеству свойственно по сдѣланной привычкѣ съ малолѣтства: тутъ повторенъ прежній анекдотъ объ

учителѣ, который заставлялъ одно письмо писать разными оборотами; я на сіе навелъ, слыша давно о томъ отъ князя Вяземскаго. Изъясненіе о горячихъ головахъ: «теперь одинъ князь Потемкинъ-Таврическій; таковы были: князь Г. Г. Орловъ, Захаръ Чернышевъ, Петръ Ивановичъ Панинъ; князь Михаилъ Никитичъ Волконскій здраво мыслилъ, но былъ ласкатель. У Муравьева (Николая Ерофеича) былъ умъ математическій; Чичеринъ (Николай Ивановичъ) умѣлъ разобрать дѣло avec son esprit de justice; Елагинъ (Иванъ Перфильевичъ) хорошъ безъ пристрастія; теперь нѣтъ такихъ головъ; la tête chaude a ses avantages; графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій имѣетъ воинскія достоинства; но двоякъ и храбръ умомъ, а не сердцемъ. Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій не глупъ, но имѣетъ испорченное сердце».—«Читано за секретъ письмо князя Потемкина-Таврическаго отъ 5 мая, — дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на васъ, матушка; принцъ де-Линь, какъ вѣтреная мельница, у него я то Терситъ, то Ахилессъ. «Конечно, князь можетъ надѣяться; оставленъ не будетъ; онъ не знаетъ другого государя; я сдѣлала его изъ сержантовъ фельдмаршаломъ; не такіе злодѣи его нынѣ, каковы были князь Орловъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ, тѣхъ качества я уважала. Князь Орловъ всегда говорилъ, что Потемкинъ у меня какъ чортъ. Князь Орловъ былъ génie, силенъ, храбръ, рѣшимъ, mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule; два дѣла его славныя: восшествіе и прекращеніе чумы; первое не можетъ быть сравнено съ восшествіемъ Елисаветы Петровны. Тутъ не было неустройства, но единодушіе». Вашего величества имя много тутъ дѣйствовало. «Меня знали восемнадцать лѣтъ прежде. Alexis Orloff n'a pas même le courage, и во всѣхъ случаяхъ остановляется препятствіями».

Интересны также записанные Храповицкимъ отзывы Екатерины о княгинѣ Дашковой и Державинѣ, показывающіе, какъ смотрѣла императрица на эти личности и какою степенью ея расположенія онѣ пользовались.

— «Выведенъ совѣтъ, чтобъ очистить комнаты для Анны Никитишны Нарышкиной», пишетъ Храповицкій, «но такъ расположено, чтобъ не было комнатъ для княгини Дашковой: «Съ одной хочу проводить время, а съ другой нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли». — «Дашкова съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла; ссора за пять саженъ земли», насмѣшливо говорила Екатерина Храповицкому.—«Дашкова побила Нарышкина свиней», отмѣчено въ другомъ мѣстѣ «Памят-

ныхъ записокъ» — «смѣясь сему происшествію, приказано скорѣе кончить дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства».—«Княгиня Дашкова прислала письмо къ графу А. М. Дмитріеву-Мамонову съ изъясненіемъ о свиньяхъ». «Тотъ любилъ свиней, а она цвѣты, и отъ того и все дѣло вышло». — «Вышедъ къ волосочесанію», пишетъ въ третьемъ мѣстѣ Храповицкій, «изволили смѣяться, что въ одной сатирической книгѣ, съ англійскаго переведенной, нашли гдѣ искать longitude: c'est dans les procès! Посыланъ съ запискою о семъ на низъ; тамъ приписали, что тутъ же найдутъ и квадратуру циркуля и въ тотъ самый день княгиня Дашкова помирится съ Л. А. Нарышкинымъ. Сему смѣялись, оставя записку у себя» [1]).

О Державинѣ въ «Запискахъ» Храповицкаго говорится слѣдующее:—«По докладу сената приказано Державина отдать подъ судъ». «Онъ лихотворецъ и легко его воображеніе можетъ быть управляемо женою, коей мать злобна и ни къ чему не годна» [2]). — «Читалъ просьбу Державина и поднесъ «Оду Фелицѣ». Приказано сказать ему, что докладъ и просьба его читаны и что ея величеству трудно обвинить автора «Оды Фелицѣ». «Cela le consolera». «Донесъ о благодарности Державина:—«On peut lui trouver une place». — «Провелъ Державина въ Китайскую и ждалъ въ Ліонской». «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ... Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être content de ma conversation». Велѣно выдать неполученное имъ жалованье и впредь производить оное до опредѣленія къ мѣсту. — «Державинъ явился—объ немъ докладывали—недосугъ,—послѣ обѣда впущенъ; приласкали, но не очень». — «Сказали мнѣ послѣ доклада Державина, по случаю просьбы купца Милютина, по почтѣ изъ Софіи присланной, гдѣ ссылается на просьбу, Державинымъ поданную,

---

[1]) Ссора Дашковой съ оберъ-шталмейстеромъ Л. А. Нарышкинымъ, возникшая изъ-за свиней послѣдняго, пойманныхъ и побитыхъ въ саду княгини, не мало занимала и забавляла весь дворъ. Нарышкинъ, извѣстный шутникъ и острякъ, встрѣчая Дашкову, съ комическимъ трагизмомъ говорилъ:—«Elle est sanglante encore du meurtre de... mes cochons!» Екатерина въ это время обнаруживала, вообще, къ Дашковой замѣтную холодность, главнѣйшей причиной которой было то обстоятельство, что самолюбивая и гордая княгиня присвоивала себѣ всю честь переворота 1762 года.

[2]) Державинъ былъ женатъ первымъ бракомъ на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бостидоновой, мать которой была кормилицей великаго князя Павла Петровича, а отецъ близокъ къ Петру III. Это именно обстоятельство и заставило Екатерину смотрѣть на Бастидоновыхъ очень недоброжелательно.

что Державинъ присылаетъ всѣ прошенія о деньгахъ, готовъ принять милліонъ: это работа его тещи; она самая негодница и доходила до кнута, но такъ оставлена за то только, что была кормилицею великаго князя Павла Петровича». — «Разбирая почту, по просьбѣ Елмановой велѣно ей сказать: j'ai un coeur de roche и спросить Державина, не знакома ли ему? Теща его всѣхъ просительницъ знаетъ», и т. д.

Французская революція произвела, какъ извѣстно, сильное впечатлѣніе на Екатерину. Получивъ извѣстіе о злодѣйскомъ умерщвленіи французскаго короля, императрица даже заболѣла, слегла въ постель и два дня почти никого къ себѣ не принимала.—«Ея величество говорили со мной о варварствѣ французовъ», пишетъ Храповицкій, «и о явной несправедливости въ утайкѣ голосовъ при сужденіи: «c'est une injustice criante même envers un particulier». Когда узнали сіе въ Лондонѣ во время спектакля и актеръ объявилъ о семъ публикѣ во время антракта между большой и малой піесой, то всѣ зрители не велѣли продолжать и разошлись. Англія расположена разорить Францію. «Il faut absolument exterminer jusqu'au nom des français». Былъ оборотъ къ собственному ея правленію, съ вопросомъ у меня о соблюденіи правъ каждаго. Я отвѣчалъ, что не только ничего ни у кого не отнято при новыхъ установленіяхъ, для пользы государства нужныхъ, но и права и привилегіи намъ пожалованы и утверждены ея величествомъ». — «Продолженіе разговора о парижскомъ варварствѣ. Въ Вѣнѣ народъ хотѣлъ побить всѣхъ французовъ и намѣренъ сіе исполнить, буде коснутся королевы (т. е. Маріи-Антуанеты), дочери покойной Маріи-Терезіи. «L'egalité est un monstre qui veut être roi».— «Подписанъ указъ сенату о разрывѣ политической связи съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ обоего пола французовъ, которые не сдѣлаютъ присяги по изданному при указѣ образцу».

Напуганная и раздраженная всѣми этими событіями, Екатерина сдѣлалась крайне подозрительна. Благодаря такому настроенію, вскорѣ нашлись вещи, показавшіяся ей вредными и опасными. Вотъ что записано у Храповицкаго о Радищевѣ и его извѣстной книгѣ: «Говорено о сочиненіи: «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы». Тутъ разсѣеваніе французской заразы; отвращеніе отъ начальства; авторъ мартинистъ; я прочла тридцать страницъ». — «Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева, а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому (начальнику секретной экспедиціи) и сидитъ въ крѣпости».—«Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ бунтов-

щикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ представляетъ». Съ примѣтною чувствительностью приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ (дѣло Радищева), чтобъ не быть пристрастiю и объявить — «дабы не уважали до меня касающееся, ибо я презираю».

Екатерина одно время подозрѣвала даже Храповицкаго въ мартинизмѣ и масонствѣ, что, конечно, до глубины души огорчало и безпокоило преданнаго слугу. Онъ съ томленiемъ выжидалъ случая объясниться и, наконецъ, дождавшись его, не преминулъ упомянуть объ этомъ въ «Запискахъ» въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «Читалъ въ московской почтѣ донесенiе князя Прозоровскаго, касательно окончанiя дѣла о книгопродавцахъ, торговавшихъ запрещенными книгами. При вопросѣ: «почему запрещена Киропедiя?» нашелъ я случай изъясниться о старомъ масонствѣ, что былъ въ ложѣ Александра Ильича Бибикова и что я же перевелъ Société anti-absurde, сочиненiя ея величества [1]). Кажется, что выслушанъ хорошо и нѣкоторыми отзывами отдѣленъ отъ нынѣшнихъ мартинистовъ».

Записывая тщательно и аккуратно каждое ничтожнѣйшее проявленiе благоволенiя и расположенiя къ себѣ со стороны императрицы, Храповицкiй такъ же аккуратно отмѣчалъ и случаи ея гнѣва или неудовольствiя, напримѣръ:—«Не кстати вошелъ съ запискою объ убившемся кровельщикѣ. «Не дадутъ кончить несчастнаго письма». Послѣ, при волосочесанiи извинялись, письмо было къ князю Потемкину-Таврическому». — «На не скорый приходъ за почтою сказано: «ты послѣ третьеводнишняго прячешься; я не сердилась, mais c'était un moment d'impatience, на что надобно смотрѣть; весь годъ тобой довольна». Вставъ на колѣни, поцѣловалъ ручку». — «Прикрикнули за донесенiе о шебекѣ, на петербургской верфи построенной. Изъяснился. «Я напрасно кричала, excusez, je suis un peu impatiente aujourd'hui; c'est peut être le beau temps, qui en est la cause».

Самый прискорбный и чувствительный для Храповицкаго случай высочайшаго неудовольствiя приключился съ нимъ изъ-за извѣстной тогда актрисы Урановой и актера Сандунова. Послѣднiй

---

[1]) Le secret de la Société anti-absurde, devoilé par quelqu'un qui n'en est pas. Cologne. 1759. (Печатано въ Петербургѣ). Брошюра эта, направленная противъ масонства, имѣется въ двухъ разныхъ переводахъ, подъ названiями: 1) Тайна общества, вздоровъ не терпящаго, открытая человѣкомъ постороннимъ. Спб. (безъ означенiя года). 2) Тайна противонелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному. Спб. 1759. Послѣднiй переводъ принадлежитъ Храповицкому.

хотѣлъ жениться на Урановой; но за ней ухаживалъ графъ Безбородко, и Храповицкій съ товарищемъ своимъ по управленію театрами, Соймоновымъ, держа, разумѣется, сторону графа, препятствовали честнымъ намѣреніямъ Сандунова. Уранова, любившая своего жениха, рѣшилась на довольно смѣлый поступокъ. Въ эрмитажномъ театрѣ давали однажды оперу «Ѳедулъ съ дѣтьми», сочиненія самой императрицы. Уранова превзошла себя въ этой оперѣ. Екатерина была въ восхищеніи и часто кивала ей головой съ одобрительной улыбкой. Когда Уранова пропѣла послѣднюю арію, всѣ зрители осыпали ее рукоплесканіями, а императрица бросила ей свой букетъ. Уранова схватила его, поцѣловала и, подбѣжавъ на авансцену, упала на колѣни и закричала: «Матушка царица! спаси меня, спаси!» Зрители были поражены такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Екатерина встала и съ участіемъ и любопытствомъ обратилась къ пѣвицѣ. Уранова въ ту же минуту вынула и подала государынѣ просьбу, въ которой подробно излагала обстоятельства, препятствовавшія ей выйти замужъ. Екатерина сильно разгнѣвалась, приказала обвѣнчать Уранову съ Сандуновымъ и перевести ихъ въ московскій театръ; Храповицкій же и Соймоновъ лишились своихъ мѣстъ. Объ этомъ происшествіи въ «Запискахъ» Храповицкаго отмѣчено слѣдующее: «Ввечеру играли въ эрмитажѣ Ѳедула, и Лиза (т. е. Уранова) подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ прислана записка къ Трощинскому, чтобъ заготовилъ указъ объ увольненіи насъ отъ управленія театромъ. Трощинскій въ полночь былъ у меня для совѣта».—«Какъ встали, спросили Трощинскаго и подписали у него указы». Мы уволены, а князь Юсуповъ директоръ. Разсказывали всѣмъ, что насъ смѣнили [1])».

Такіе непріятные случаи Храповицкому, впрочемъ, доводилось заносить въ свою памятную книжку не часто: отмѣтками же о высочайшихъ благодарностяхъ, похвалахъ, милостивыхъ улыбкахъ и т. п. записки его не бѣдны. Отмѣчены у него и всѣ еще болѣе существенные знаки благоволенія къ нему императрицы въ видѣ денежныхъ наградъ, подарковъ и проч. За время своего десятилѣтняго пребыванія въ званіи статсъ-секретаря Александръ Васильевичъ получилъ орденъ св. Владимира третьей степени, орденъ св. Владимира второй степени, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, деревни, въ разное время деньгами 20,000 руб. и три золотыхъ, осыпанныхъ брильянтами, табакерки. 8-го сентября 1790 г.,

---

[1]) Пантеонъ русскаго театра. 1840. № 2. Статья «Воспоминаніе о московскомъ театрѣ при Медоксѣ». Стр. 97 и 98.

въ день торжества мира со Швеціею, Храповицкому былъ пожалованъ брильянтовый перстень въ 6,000 руб. и опредѣлено 2,000 руб. пенсіи, а 2-го сентября 1793 года, по случаю празднованія мира съ Турціей, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ четвертый департаментъ.—«Въ сенатѣ мнѣ сказано о чинѣ и я приведенъ къ присягѣ», записалъ 7-го сентября Александръ Васильевичъ. Это послѣдняя строка его «Памятныхъ записокъ».

Въ 1797 году, въ день коронованія императора Павла Петровича, Храповицкій получилъ аннинскую ленту, а императоръ Александръ I произвелъ его, 15-го сентября 1801 года, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Александръ Васильевичъ умеръ 29-го декабря того же года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ чуть замѣтная надпись на углубившейся до половины въ землю плитѣ указываетъ его могилу.

Записки Адріана Моисеевича Грибовскаго, начинающіяся съ 1792 года, служатъ какъ бы продолженіемъ записокъ Храповицкаго. Грибовскій былъ родомъ малороссъ и воспитывался въ Московскомъ университетѣ. Въ 1784 году, когда Державинъ былъ олонецкимъ губернаторомъ, Грибовскій поступилъ къ нему секретаремъ изъ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, въ которую открыли ему доступъ его начитанность и познанія во французскомъ языкѣ. Въ 1788 году, Грибовскій находился въ военно-походной канцеляріи князя Потемкина и сочинялъ, по его порученію, журналъ военныхъ дѣйствій армій, бывшихъ подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго. Во время четырехлѣтней службы своей при Потемкинѣ Грибовскій получилъ два чина: коллежскаго асессора и надворнаго совѣтника, съ переименованіемъ въ подполковники въ Изюмскій легкоконный полкъ, орденъ св. Владиміра четвертой степени и 4,000 десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи. По отбытіи изъ Петербурга въ Яссы для заключенія мира съ Турціей графа Безбородко, всѣ какъ бывшія въ его вѣдѣніи, такъ и другія собственныя ея величества дѣла, были переданы послѣднему любимцу Екатерины, графу Платону Александровичу Зубову, тогда уже генералъ-адъютанту. Зубовъ слышалъ о Грибовскомъ, какъ о дѣльномъ и способномъ чиновникѣ, и въ 1792 г. исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе о назначеніи его управляющимъ вышеупомянутыми дѣлами. Адріанъ Моисеевичъ прибылъ въ Петербургъ въ январѣ 1792 г. и, разумѣется, тотчасъ же явился къ любимцу. Этимъ

именно онъ и начинаетъ свои «Записки», такъ разсказывая про свое первое свиданіе съ Зубовымъ:

«Генваря 15, ввечеру, поѣхалъ я во дворецъ, чтобъ отдать письмо, данное мнѣ въ Яссахъ графомъ А. А. Безбородко къ Платону Александровичу Зубову, за которое письмо обязанъ былъ О. М. де-Рибасу. Какъ мнѣ желалось вручить сіе письмо лично, то и я былъ допущенъ въ спальню и оное вручилъ. Платонъ Александровичъ сидѣлъ тогда въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что было почти всегдашней его привычкой. Онъ, прочитавъ письмо, сдѣлалъ мнѣ большое наклоненіе головою, что, кажется, означало и привѣтствіе и отпускъ; но я, увидѣвъ стоявшаго передъ нимъ Г. Р. Державина, съ которымъ я имѣлъ до того частую переписку, подошелъ къ нему и, поцѣловавшись съ нимъ, немедленно вышелъ.

«Генваря 16. Призванъ будучи къ Василію Степановичу Попову, узналъ отъ него, что П. А. Зубовъ желаетъ имѣть меня при дѣлахъ, ему порученныхъ, и чтобы я къ нему явился. Такая скорая перемѣна моей службы меня тогда удивила, но я послѣ узналъ, что П. А. давно имѣлъ сіе намѣреніе. Писанное мною изъ Яссъ къ Державину письмо о смерти князя Потемкина, которая составляла тогда весьма любопытную новость, было ему показано и ему полюбилось. Вчерашній день, узнавъ отъ Державина, что я былъ сочинителемъ означеннаго письма, призвалъ Попова и велѣлъ мнѣ объявить о своемъ намѣреніи.

«Генваря 17. Поутру вошелъ я въ покои Платона Александровича, которыхъ третьягодня, по причинѣ вечера, я не могъ разсмотрѣть. Это первый этажъ дворца, извѣстный подъ названіемъ малаго этажа, выходящій на Дворцовую площадь, на самомъ углу Милліонной. Платонъ Александровичъ былъ еще въ шлафрокѣ, обшитомъ собольими хвостами. Въ то время никого въ спальнѣ его не было, кромѣ родственника его Каринскаго. Подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихо:—«Здравствуй! Если ты желаешь со мной служить, то мы поладимъ». На сей комплиментъ я отвѣчалъ утвердительно. Тогда было отъ роду ему 24, а мнѣ 26 лѣтъ».

Получивъ мѣсто при Зубовѣ, Грибовскій получилъ тотчасъ же казенную квартиру на Милліонной, въ старомъ Брюсовомъ домѣ, противъ второго дворцоваго корпуса, гдѣ помѣщался дворъ великаго князя Константина Павловича. Ему была выдана мебель изъ кригсъ-цалмейстерской, а столъ, кромѣ напитковъ, приказано отпускать отъ придворной конторы, на что назначено по пятидесяти рублей въ день; «однако, столъ этотъ», замѣчаетъ Адріанъ Моисеевичъ, «въ самомъ дѣлѣ и пяти рублей не стоилъ; напитки же

отпускались особо, въ довольномъ количествѣ. Столъ П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой обходился придворной конторѣ по четыреста рублей въ день, кромѣ напитковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шоколадомъ стоили не менѣе половинной противъ стола суммы».

Сообщивъ всѣ эти подробности, Грибовскій описываетъ нѣкоторыя лица, бывшія «или при дѣлахъ, или просто въ обществѣ

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій.

Съ миніатюры того времени, принадлежащей его правнучкѣ Е. А. Полубояриновой, рожд. Губерти.

государыни». Такъ, напримѣръ, въ числѣ приводимыхъ имъ характеристикъ, мы находимъ довольно полныя свѣдѣнія о графѣ Безбородко.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко занималъ, послѣ графа Остермана, первое мѣсто въ иностранной коллегіи и, отличаясь самою разностороннею дѣятельностью, пользовался большой довѣренностью императрицы. Изъ малороссійскихъ старшинскихъ дѣтей, онъ, благодаря необыкновеннымъ способностямъ своимъ и знанію дѣлъ, достигъ важнѣй-

шихъ чиновъ и званій и пріобрѣлъ громадное состояніе, «не теряя тѣмъ» — по выраженію Грибовскаго — «своей репутаціи». Передъ кончиною Екатерины онъ имѣлъ уже болѣе шестнадцати тысячъ душъ крестьянъ, соляныя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ, а императоръ Павелъ присоединилъ къ этому еще упраздненный городъ Дмитровъ, Орловской губерніи, съ двѣнадцатью тысячами душъ. Кромѣ того, при всѣхъ замѣчательныхъ съ иностранными дворами трактатахъ и въ другихъ экстраординарныхъ и торжественныхъ случаяхъ Безбородко получалъ значительные подарки червонцами и брильянтами. «Однимъ словомъ», говоритъ Грибовскій, «гетману нашему около двадцати лѣтъ рѣкою лилось богатство; да оно, при склонности его къ лакомымъ столамъ и къ женщинамъ, было ему нужно; надобны были чрезвычайныя суммы, чтобы удовлетворить сіи прихоти, собрать горы серебра и осыпать себя брильянтами». Пиры и праздники Безбородко отличались пышностью и роскошью; въ особенности прославился онъ праздниками, данными имъ въ 1793 году по случаю мира съ Турціею и въ 1796 году по случаю пріѣзда въ Петербургъ шведскаго короля. Тутъ въ его великолѣпныхъ залахъ видны были горки вышиною въ шесть и шириною въ три аршина, сверху донизу уставленные старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины. Безбородко въ торжественные дни пріѣзжалъ ко двору въ великолѣпно позолоченной четырехмѣстной и восьмистекольчатой каретѣ, запряженной цугомъ и окруженной разодѣтыми гайдуками и скороходами; андреевская звѣзда его, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ и пряжки на башмакахъ—были изъ брильянтовъ. Вообще, количество и цѣнность находившихся у него драгоцѣнныхъ камней изумляли всѣхъ, кому случалось ихъ видѣть. При всемъ томъ Безбородко вовсе не походилъ на вельможу, на барина. Онъ не любилъ великосвѣтскаго общества и бывалъ на торжественныхъ празднествахъ только по необходимости. Для великосвѣтскаго общества онъ и не годился, какъ по своей неловкости, такъ и по привычкѣ окружать себя постоянно простыми женщинами. Безбородко былъ роста выше средняго, толстъ, имѣлъ лицо нѣсколько продолговатое, съ веселымъ выраженіемъ, носъ прямой, широкій, ротъ часто разинутый, глаза сѣрые, лобъ низкій, станъ неуклюжій, ноги толстыя. На этихъ толстыхъ ногахъ, сверхъ того, бѣлые шелковые чулки были почти всегда небрежно опущены, и двигался тучный сибаритъ, точно исполнялъ чрезвычайно трудную и тяжелую обязанность. До ходьбы, однакоже, онъ былъ охотникъ и ежедневно, вернувшись въ двѣнадцать

часовъ изъ дворца и надѣвъ простой сюртукъ и простую шляпу, отправлялся странствовать пѣшкомъ по городу. «Нерѣдко», пишетъ Грибовскій, «встрѣчали его въ вольныхъ домахъ у прелестницъ, откуда, увидя подобнаго себѣ гостя, скоропостижно удалялся. Онъ не былъ женатъ и, кажется, былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ то время подавали другимъ примѣръ къ вольной жизни. Безпереводно имѣлъ на содержаніи актрисъ и танцовщицъ, которыя жили въ другомъ домѣ; въ лѣтнее время на дачѣ его на Выборгской сторонѣ бывали большія пирушки съ пушечною пальбою, на которыя, кромѣ его любимой красавицы, приглашаемы были его угодники, имъ взысканные и обогащенные, по большей части также съ любовницами. Чтобы имѣть понятіе о щедрости его къ своимъ фавориткамъ, скажу, что итальянской пѣвицѣ Давіи давалъ онъ ежемѣсячно по 8,000 рублей золотомъ, а при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брильянтами на 500,000 рублей. Танцовщицу Ленушку, отъ которой имѣлъ дочь, онъ выдалъ потомъ за служившаго въ канцеляріи его чиновника Е., при чемъ далъ ей въ приданое упраздненный и ему императоромъ Павломъ пожалованный въ Петербургской губерніи городъ Рожественъ, въ которомъ жили не только казенные крестьяне, но и мѣщане, и который приносилъ ежегодно доходу 80,000 рублей; сверхъ того въ Петербургѣ домъ въ 300,000 рублей, а мужу исходатайствовалъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника по почтамту». Безбородко не былъ нисколько спесивъ въ обхожденіи; всѣмъ, даже самымъ мелкимъ чиновникамъ своимъ онъ говорилъ, вопреки обычаю того времени, «вы». «Но отъ простоты», замѣчаетъ Грибовскій, «весьма былъ далекъ; но, напротивъ того, при весьма неловкой наружности, былъ очень расторопенъ и дальновиденъ». По возвращеніи изъ Яссъ, послѣ заключенія тамъ мира съ Портою, Безбородко увидѣлъ, что почти всѣ бывшія въ его вѣдѣніи дѣла перешли къ Зубову, такъ что ему приходилось ѣздить ко двору только въ совѣтъ, собиравшійся во дворцѣ два раза въ недѣлю. Опасаясь, чтобъ это не подало повода къ какимъ-нибудь невыгоднымъ для него слухамъ, Безбородко все-таки или ежедневно являлся во дворецъ, или, просто, посылалъ одну свою карету къ малому дворцовому подъѣзду. Это дошло до свѣдѣнія императрицы, которая замѣтила сама, что Безбородко, пріѣзжая во дворецъ, скромно усаживался въ углу уборной и потомъ незамѣтно исчезалъ. Екатерина приказала своимъ камердинерамъ докладывать ей всякій разъ о пріѣздѣ графа. Случалось, однакоже, что самъ графъ останавливалъ дежурнаго камердинера, говоря, что у него нѣтъ никакого

дѣла; случалось также, что онъ входилъ къ императрицѣ для того только, чтобъ показать ей письмо изъ Константинополя отъ племянника своего Кочубея, бывшаго въ то время тамъ посланникомъ. Такое бездѣйствіе Безбородко продолжалось по самую кончину Екатерины.

Пристроившись къ Зубову, Грибовскій, разумѣется, не могъ остаться въ тѣни и пошелъ въ гору. Скоро онъ сдѣлался статсъ-секретаремъ и, слѣдовательно, близкимъ лицомъ къ Екатеринѣ.

Разсказывая объ образѣ жизни императрицы, Грибовскій, между прочимъ, знакомитъ насъ съ распредѣленіемъ времени и занятій государыни. Она вставала въ семь часовъ утра и до девяти занималась въ кабинетѣ письмомъ, при чемъ выпивала одну чашку кофе безъ сливокъ («Не пописавши», сказала она однажды Грибовскому, «нельзя и одного дня прожить»). Въ девять часовъ переходила она въ спальню и садилась на обитый бѣлымъ штофомъ стулъ передъ выгибнымъ столикомъ, къ которому былъ приставленъ другой, такой же, обращенный выгибомъ въ противную сторону, для докладчика. Въ это время на Екатеринѣ бывалъ обыкновенно бѣлый гродетуровой капотъ и бѣлый же флеровый чепецъ, наклоненный нѣсколько, по замѣчанію Грибовскаго, на лѣвую сторону. Императрица усаживалась и звонила въ колокольчикъ. На этотъ звонъ являлся дежурный камердинеръ и получалъ приказаніе позвать оберъ-полицеймейстера, который въ числѣ другихъ лицъ, имѣвшихъ до ея величества дѣла, дожидался въ уборной. За оберъ-полицеймейстеромъ, такимъ же порядкомъ, являлись и всѣ остальные. Входившій кланялся, цѣловалъ у императрицы, когда ей было угодно, руку, и если имѣлъ дѣло для доклада, то, по данному знаку, садился противъ нея за выгибной столикъ. Суворовъ же при входѣ клалъ обыкновенно три земныхъ поклона передъ образомъ, а потомъ, обратясь къ государынѣ, дѣлалъ и ей такой же поклонъ.— «Помилуй, Александръ Васильевичъ, что ты дѣлаешь!» говорила Екатерина, поднимая и усаживая стараго чудака. — «Матушка!» отвѣчалъ на это фельдмаршалъ, «послѣ Бога, ты одна моя здѣсь надежда!»

Екатерина занималась такимъ образомъ до двѣнадцати часовъ. Затѣмъ она переходила изъ спальни въ малый кабинетъ, гдѣ старый парикмахеръ ея, Козловъ, убиралъ ей волоса по старинной модѣ, съ небольшими позади ушей буклями. Въ это время приходили великіе князья, а иногда и великія княжны, пожелать бабушкѣ добраго утра. Послѣ волосочесанія императрица выходила въ уборную, въ которой могли присутствовать всѣ, имѣвшіе туда доступъ.

Сюда, для услугъ ея величества, являлись четыре пожилыя дѣвицы, имѣвшія каждая свою спеціальность. Одна изъ нихъ, Алексѣева, подавала ледъ, которымъ Екатерина терла лицо; другая, гречанка Палакучи, накалывала на голову государынѣ флеровую наколку; двѣ остальныхъ, сестры Звѣревы, подавали булавки. Въ теченіе этого туалета, продолжавшагося не болѣе десяти минутъ, Екатерина разговаривала съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ, — преимущественно съ Л. А. Нарышкинымъ и графомъ А. С. Строгановымъ. Раскланявшись потомъ со всѣми, императрица возвращалась въ спальню, сопровождаемая своими камеръ-юнгферами и тамъ, при помощи ихъ и Марьи Саввишны Перекусихиной, одѣвалась къ обѣду. Платье Екатерина носила въ простые дни шелковое, сшитое фасономъ, называвшимся молдаванскимъ. Верхнее было по большей части лиловое или дикое, нижнее—бѣлое. Въ праздники же императрица надѣвала платье парчевое съ тремя орденскими звѣздами: андреевскою, георгіевскою и владимирскою; иногда надѣвала также ленты этихъ орденовъ и малую корону. Башмаки носила на каблукахъ, но не очень высокихъ.

Обѣдала Екатерина во второмъ часу пополудни. Бывавшіе за ея столомъ получали особое приглашеніе, за исключеніемъ Зубова, который всегда обѣдалъ съ императрицей. Послѣ обѣда время проходило за чтеніемъ иностранной почты или за чтеніемъ какого-нибудь интереснаго сочиненія. Въ шесть часовъ начиналось вечернее собраніе въ покояхъ императрицы, или театръ въ Эрмитажѣ.

Въ десятомъ часу всѣ разъѣзжались, а въ одиннадцать часовъ Екатерина уже почивала.

Въ пору, описываемую Грибовскимъ, государынѣ шелъ шестьдесятъ седьмой годъ. За шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ она была еще хороша, и красоту ея напоминали даже въ 1795 году нѣкоторыя черты и части ея лица. Черты эти не отличались правильностью, но общее выраженіе ихъ было привлекательно. Глаза ея, голубые, оттѣненные черными рѣсницами, были очень хороши. Ходила она медленно и твердо, говорила протяжно, и голосъ имѣла мужественный. Ростомъ Екатерина была не высока и въ послѣднее время довольно полна, но, въ извѣстныя минуты, умѣла придавать всей своей фигурѣ такой гордо-повелительный и эффектный видъ, что казалась многимъ женщиной высокаго роста и невольно приводила въ смущеніе людей, очень не робкихъ и свыкшихся съ придворной обстановкой и обычаями. Свѣжесть лица и зубы, за исключеніемъ одного верхняго, Екатерина сохранила до конца жизни; зрѣніе же ея въ послѣдніе годы нѣсколько ослабѣло, и она читала не иначе,

какъ въ очкахъ съ увеличительными стеклами. Грибовскій разсказываетъ, что, придя разъ съ докладомъ, онъ засталъ ее читающей такимъ образомъ и она, улыбаясь, сказала: — «Вѣрно, вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?» — «Двадцать шесть», отвѣчалъ Грибовскій. — «А мы», прибавила императрица, «въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены очки употреблять».

Эта «долговременная служба» прервалась самымъ неожиданнымъ образомъ, 5-го ноября 1796 года. Еще наканунѣ вечеромъ никто не могъ подозрѣвать печальнаго событія. Во дворцѣ былъ малый эрмитажъ, и Екатерина казалась чрезвычайно веселой, получивъ извѣстіе, что генералъ Моро отброшенъ австрійцами за Рейнъ. По этому случаю она написала даже австрійскому посланнику, графу Кобенцелю, шутливую записку такого содержанія: «Je m'empresse d'annocer à l'exellente exellence que les exellentes troupes de l'exellente cour ont complétement battu les français». Вся подъ вліяніемъ этого пріятнаго извѣстія, Екатерина болѣе обыкновеннаго шутила со своимъ придворнымъ острякомъ Л. А. Нарышкинымъ и только ранѣе удалилась въ свою комнату, сказавъ, что чувствуетъ отъ смѣха легкую колику. На другой день она встала въ обычное время, занималась писаніемъ русской исторіи, напилась кофе, приняла Зубова; потомъ вышла изъ кабинета, объявивъ, что сейчасъ вернется. Прошло, однакожъ, довольно много времени, а императрица не возвращалась. Приближенные ея стали тревожиться, и камердинеръ, Захаръ Зотовъ, рѣшился наконецъ освѣдомиться, въ чемъ дѣло. Онъ хотѣлъ отворить дверь въ комнатку, въ которую вошла Екатерина, но дверь что-то задерживало. Зотовъ сдѣлалъ усиліе — и увидѣлъ государыню на полу, безъ чувствъ, головой къ стѣнѣ, а ногами къ двери, которая отъ того и не отворялась. Съ Екатериной сдѣлался апоплексическій ударъ. Неожиданная вѣсть мигомъ облетѣла дворецъ, поднявъ всеобщую суматоху. Все забѣгало, засуетилось, заохало; въ Гатчину, къ наслѣднику, разомъ полетѣло нѣсколько гонцовъ; кто плакалъ, кто хлопоталъ, кто рѣшительно недоумѣвалъ, что ему дѣлать, кто обдумывалъ уже планъ будущихъ дѣйствій. Зубовъ же совершенно потерялъ голову. Онъ не позволилъ дежурному доктору пустить императрицѣ кровь и ходилъ, какъ помѣшанный. Прибывшій вскорѣ изъ Гатчины Павелъ Петровичъ нѣсколько разъ милостиво обращался къ любимцу и увѣрялъ его въ своемъ благорасположеніи; но Зубовъ какъ будто ничего не понималъ. Онъ безпрестанно заглядывалъ въ спальню, гдѣ лежала Екатерина, и возвращался оттуда въ дежурную комнату съ горь-

кими рыданіями. — «Тамъ», пишетъ очевидецъ всѣхъ этихъ сценъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, «вельможа сей сидѣлъ въ углу: — толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго, и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды. Я послалъ лакея и подалъ самъ питье, въ которомъ отказывали ему тѣ самые, кои сутки тому назадъ въ одной улыбкѣ его устраивали зданіе своего счастія, и та комната, въ которой давили другъ друга, чтобъ къ нему приблизиться, обратилась для него въ необитаемую степь».

Отчаянное горе Зубова было неложнымъ предчувствіемъ: императоръ Павелъ оставилъ его сначала при занимаемыхъ имъ должностяхъ и 26-го ноября 1796 года пожаловалъ даже инспекторомъ по артиллеріи, но 6-го декабря велѣлъ ему имѣть пребываніе въ его литовскихъ деревняхъ, потомъ дозволилъ отправиться за границу, а въ ноябрѣ 1800 года вызвалъ снова въ Петербургъ, переименовалъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначилъ шефомъ перваго кадетскаго корпуса. Не испытавъ рѣшительной опалы, графъ Зубовъ и не возвышался болѣе на своемъ случайномъ поприщѣ. Значеніе его невозвратно кончилось въ десятомъ часу утра, 5-го ноября 1796 года.

Вмѣстѣ съ Зубовымъ и другими екатерининскими «орлами» кончилъ свою карьеру и Грибовскій. Намъ неизвѣстны подробности послѣднихъ дней его жизни, но въ концѣ «Записокъ» сохранились слѣдующія бѣглыя замѣтки:

1798 г.

«Присылка за мной въ подольскую деревню сенатскаго курьера въ маѣ».

«Беклешовъ отправляетъ меня съ нимъ въ коляскѣ, которая и сломалась».

«Въ Кіевѣ дана коляска генераломъ Сухтеленомъ, который на мѣсто ея взялъ мой дормезъ. Въ Могилевѣ курьеръ занемогъ горячкой, а комендантъ отправилъ меня въ Витебскъ съ солдатомъ изъ тамошнихъ ротъ. Губернаторомъ въ Витебскѣ былъ Жегулинъ; пріемъ сдѣлалъ онъ мнѣ холодный и робкій и отправилъ съ другимъ солдатомъ въ Петербургъ. Пріѣхалъ я въ Петербургъ въ перекладной кибиткѣ, а коляска оставлена за семьдесятъ верстъ за худобой. Подъѣхали къ дому князя Куракина, тогдашняго генералъ-прокурора; отъ него въ домъ Макарова, въ Галерную улицу; сей ѣздилъ къ генералъ-прокурору и, возвратясь, повелъ меня въ

крѣпость, гдѣ помѣстилъ въ равелинѣ. На другой день князь Куракинъ пріѣхалъ и божился, что не знаетъ причины моего заключенія; велѣлъ отвесть мнѣ одинъ номеръ газеты, скрипку, книги и три изрядныя блюда».

1801 г.

«Въ этомъ году былъ освобожденъ и опять въ подольскую деревню съ курьеромъ отправленъ».

1802 г.

«Пріѣхалъ въ Вишневчинъ, польское мое имѣніе, и продалъ его, а въ 1803 году, въ февралѣ, пріѣхалъ въ Москву».

Исторія мѣднаго всадника.

I.

Мысль воздвигнуть памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ принадлежитъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ 1743 году, по ея порученію, знаменитый въ то время архитекторъ и скульпторъ графъ Растрелли, составилъ проектъ памятника въ видѣ конной статуи императора, одѣтаго въ римскую тогу, на гранитномъ пьедесталѣ съ барельефами. Проектъ удостоился одобренія государыни, и Растрелли приступилъ къ лѣпкѣ модели, но въ 1744 году умеръ, не докончивъ работы. Тогда исполненіе ея было возложенно на его помощника, итальянца, «штукатурнаго дѣла мастера» Мартелли. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, дѣло подвигалось до такой степени медленно, что статуя была отлита лишь въ концѣ 1761 г., всего за мѣсяцъ до кончины Елисаветы Петровны. При Петрѣ III, когда поклоненіе памяти великаго преобразователя Россіи уступило мѣсто благоговѣнію передъ Фридрихомъ II, не могло быть и рѣчи о памятникѣ. Только по воцареніи Екатерины II сенатъ представилъ ей ходатайство Мартелли о выдачѣ ему денегъ на отдѣлку пьедестала и вообще на окончаніе памятника. Императрица, осмотрѣвъ отлитую статую, «апробовать ее не соизволила, въ разсужденіи, что сдѣлана не такимъ искусствомъ, каково бы должно представить толь великаго монарха и служить ко украшенію столичнаго города С.-Петербурга» [1]). Вслѣдствіе этого Екатерина по-

[1]) Статуя, отлитая Мартелли, оставалась въ сараѣ до воцаренія императора Павла, который приказалъ поставить ее на площадкѣ передъ Михайловскимъ, теперь Инженернымъ, замкомъ, гдѣ она находится и въ настоящее время.

ручила главному директору канцеляріи строеній, И. И. Бецкому, предложить извѣстнымъ французскимъ скульпторамъ представить проектъ памятника Петру Великому. Изъ всѣхъ присланныхъ эскизовъ наиболѣе удачнымъ былъ признанъ эскизъ скульптора Фальконета, который и осуществленъ, почти безъ всякихъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ это замѣчательное произведеніе художества красуется на Сенатской площади въ Петербургѣ. И дѣйствительно, проектъ Фальконета, несмотря на нѣкоторую театральность фигуры Петра Великаго, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, въ туникѣ съ развѣвающимся плащомъ на плечахъ, поражалъ оригинальностью и смѣлостью идеи. Только крупному таланту могла придти мысль изобразить великаго царя стремительно несущимся на пламенномъ конѣ вверхъ по дикой скалѣ и величаво простирающимъ надъ своимъ народомъ руку покровительства и помощи.

Этьенъ-Морисъ Фальконетъ занималъ почетное мѣсто среди французскихъ художниковъ. Ему было тогда уже пятьдесятъ лѣтъ. Онъ провелъ молодость въ тяжелой и упорной борьбѣ за существованіе. Родители его, по своей бѣдности, не могли дать ему никакого образованія; онъ умѣлъ лишь читать и писать, когда его отдали въ ученіе рѣзчику на деревнѣ, занимавшемуся преимущественно выдѣлкою болвановъ подъ парики. Чувствуя свое призваніе, юноша собиралъ, гдѣ могъ, рисунки и пытался осуществить ихъ рѣзцомъ. На семнадцатомъ году онъ рѣшился явиться къ славившемуся въ то время скульптору Лемуаню и со слезами просилъ его помочь ему сдѣлаться художникомъ. Онъ понравился Лемуаню, который взялъ его къ себѣ ученикомъ. Въ 1745 году Фальконетъ за сочиненную имъ модель Милона Кротонскаго, терзаемаго львомъ, получилъ званіе члена королевской академіи живописи и скульптуры. Слѣдовавшія за тѣмъ работы расширяли и упрочивали его извѣстность, и въ 1754 году онъ былъ сдѣланъ профессоромъ.

Контрактомъ, заключеннымъ съ Фальконетомъ въ 1766 году, плата за исполненіе памятника Петру Великому была опредѣлена въ 200,000 франковъ. Онъ обязывался пріѣхать въ Россію съ двумя скульпторами, изъ которыхъ старшій получалъ 6,000, а младшій 5,000 ливровъ жалованья въ годъ, и однимъ литейщикомъ съ жалованьемъ въ 4,000 ливровъ. На путешествіе имъ выдавалось 12,000 ливровъ и карета; такая же сумма назначалась на обратное путешествіе во Францію. Начатыя Фальконетомъ статуи и вещи его перевозятся на счетъ русскаго правительства. Ему предоставляется

чистая и удобная квартира по близости мастерской и экипажъ для повседневнаго употребленія, скромный и здоровый столъ, съ правомъ пригласить одного или двухъ знакомыхъ; вообще, онъ освобождается отъ всякихъ хлопотъ по своему домашнему хозяйству, которое онъ не въ состояніи на себя принять и которое лишь затруднило бы его. Приказанія долженъ получать только отъ государыни, или непосредственно, или черезъ министра. Онъ получаетъ ежегодно 25,000 франковъ въ теченіе 8 лѣтъ; если работа продлится менѣе этого срока, то все-таки будетъ выплачено сполна 200,000 франковъ; если по болѣзни, или другимъ непредвидѣннымъ случайностямъ, работа затянулась бы долѣе 8-лѣтняго срока, то Фальконетъ предоставляетъ рѣшеніе своей участи великодушію государыни, сохраняя за собою лишь право жить на казенной квартирѣ.

Фальконетъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1766 года, вмѣстѣ съ восемнадцатилѣтней талантливой ученицей своей дѣвицей Колло. Онъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на Екатерину, и скоро между ними установилась частая и дружеская переписка, прервавшаяся лишь незадолго до отъѣзда Фальконета изъ Россіи, въ 1778 году, когда Бецкому удалось поколебать расположеніе къ нему императрицы.

Съ величайшимъ усердіемъ принялся Фальконетъ за свою работу и въ 1770 году окончилъ гипсовую модель. «Я совершилъ свою задачу», писалъ онъ одному изъ своихъ друзей въ Парижѣ. «О, если бы приведенный мною къ концу памятникъ достоинъ былъ и монархини, его воздвигнувшей, и великаго мужа, имъ изображаемаго, благоугоденъ той части народа, котораго чувствительное сердце и высокій духъ обрѣтаетъ вкусъ въ изящныхъ художествахъ; если бы онъ не постыдилъ ни художества, ни моего отечества, тогда я могъ бы сказать вмѣстѣ съ Гораціемъ: не весь умру!»

Голова Петра Великаго была вылѣплена дѣвицею Колло, что Фальконетъ и не скрывалъ. Моделью для нея служили: восковая маска, снятая съ государя послѣ смерти, гипсовая голова его, находившаяся въ академіи наукъ, и грудное изображеніе, отлитое въ Болоньѣ и считавшееся всѣми его видѣвшими весьма схожимъ. Имѣя въ виду изобразить Петра Великаго не столько побѣдителемъ и завоевателемъ, сколько творцомъ своего народа и законодателемъ, художникъ не призналъ удобнымъ одѣть его въ латы; точно также казалась ему неподходящей одежда римская и греческая, и онъ остановился на, такъ называемой, обще-героической одеждѣ,

подходящей для всѣхъ вѣковъ и народовъ Особенное вниманіе было обращено на изваяніе коня, долженствовавшаго быть, по замыслу Фальконета, мощнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнымъ. Для модели въ его распоряженіе были отданы двѣ лучшія лошади придворной конюшни, «Брильянтъ» и «Лекаприсье». Передъ мастерской было устроено, въ величину предположеннаго подножія, возвышеніе, на которое искусные берейторы ежедневно по нѣскольку разъ вскакивали на той или другой лошади, а Фальконетъ, стоя внизу, изучалъ всѣ движенія и напряженія мускуловъ.

Модель была выставлена для обозрѣнія ея публикой въ мастерской на двѣ недѣли, и, судя по письмамъ Фальконета, ему пришлось пережить тяжелыя минуты отъ разнообразной и невѣжественной критики, которая безцеремонно расточалась обозрѣвателями.

«Умоляю, ваше величество», писалъ онъ Екатеринѣ, «позволить мнѣ передать сцену, происшедшую на-дняхъ въ моей мастерской. Нѣкто г. Яковлевъ принялъ на себя трудъ произнести рѣчь зрителямъ. Нѣтъ гадости, которой онъ не наговорилъ про статую. Этотъ отличный человѣкъ (ce brave homme) утверждалъ, что онъ видѣлъ всѣ статуи и что ни на одной нѣтъ такого страннаго головного убора; онъ забылъ, безъ сомнѣнія, что подобное убранство почти одинаково у всѣхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, статуй. Онъ находилъ ужасными усы, которые императоръ носилъ всю жизнь. Вотъ насколько этотъ проницательный наблюдатель зналъ приличіе и истину. Но все это одни цвѣточки. Онъ пришелъ въ бѣшенство, заговоривъ о русскомъ платьѣ, которое въ дѣйствительности не русское. Онъ повторялъ, что ужасно напялить на Петра ту одежду, объ уничтоженіи коей онъ такъ хлопоталъ. Не зная статуи Марка-Аврелія, онъ никакъ не могъ догадаться, что на обѣихъ статуяхъ одинаковое одѣяніе. Здѣсь нѣкоторые изъ присутствующихъ, болѣе благоразумные и просвѣщенные, воспользовались принадлежащимъ всякому правомъ пожать плечами. Г. Яковлевъ возопилъ, что болѣе 500 дворянъ возмущены моими дѣйствіями, что о нихъ говорятъ во всѣхъ домахъ, что ихъ переносятъ, только повинуясь высочайшему указу. Я сокращу множество разсужденій, возбужденныхъ его выходкою, потому что ваше величество видите все сразу и хорошо, но умоляю васъ снисходить впредь къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя можетъ воздвигнуть на меня заносчивость и слѣпой предразсудокъ». Затѣмъ, описавъ посѣщеніе мастерской членами св. синода, въ сопровожденіи оберъ-прокурора Чебышева, и лестный отзывъ о статуѣ митрополита Платона, Фальконетъ прибавляетъ: «но такъ какъ розы безъ шиповъ

не бываетъ, то синодальный прокуроръ, котораго да хранитъ Богъ, былъ очень смущенъ тѣмъ, что статуя вдвое больше ростомъ, чѣмъ былъ самъ императоръ. Онъ не понималъ, откуда у меня взялась мысль сдѣлать и людей и лошадей въ бо̀льшихъ, чѣмъ они обыкновенно бываютъ, размѣрахъ. Все остальное онъ видѣлъ такимъ же образомъ. Но его сшибла съ ногъ аллегорія предмета, то, что составляетъ его поэзію. Онъ не понималъ, чтобы въ скульптурѣ было болѣе поэзіи, чѣмъ въ кувшинѣ. Объ этомъ можно лишь посмѣяться».

Екатерина поспѣшила успокоить обиженнаго художника. «Этотъ Яковлевъ», отвѣчала она Фальконету: «наговорившій столько глупостей, человѣкъ до того презрѣнный, что былъ выключенъ изъ службы. Не проходитъ двухъ мѣсяцевъ, чтобы онъ не попался въ какую-нибудь скверную исторію, и къ довершенію онъ и не дворянинъ, хотя утверждаетъ, что пятьсотъ дворянъ раздѣляютъ его образъ мыслей. Болтовня прокурора смѣшна и больше ничего. Смѣйтесь надъ глупцами и идите своею дорогою, таково и мое правило. Прощайте, будьте здоровы».

Въ это же время между Бецкимъ и Фальконетомъ возникли сперва недоразумѣнія, а потомъ и непріятности, постепенно усилившіяся. Причина ихъ крылась, главнымъ образомъ, въ мелочномъ самолюбіи Бецкаго. Считая себя начальникомъ, онъ былъ недоволенъ, что Фальконетъ со всѣми своими просьбами и жалобами обращался непосредственно къ Екатеринѣ, совершенно его игнорируя. Чтобы показать свою власть, онъ началъ во все путаться, придираясь ко всякимъ мелочамъ, старался подорвать довѣріе государыни къ Фальконету и въ концѣ-концовъ добился, что тотъ, потерявъ расположеніе Екатерины, уѣхалъ изъ Россіи, не дождавшись открытія созданнаго имъ памятника.

Первое недоразумѣніе съ Бецкимъ возникло изъ-за змѣи, которую Фальконетъ придумалъ бросить подъ ноги лошади и которая должна была изобразить аллегорически зависть и недоброжелательство, попираемыя Петромъ Великимъ. Бецкій настойчиво воспротивился этой мысли, и Фальконету пришлось обратиться къ императрицѣ.

«Довѣріе вашего величества ко мнѣ и къ моему труду», писалъ онъ, «налагаетъ на меня обязанность быть все болѣе и болѣе внимательнымъ, чтобы его заслужить. Люди, быть можетъ, черезчуръ деликатные, быть можетъ, слишкомъ чувствительные, въ немного смѣлой, но простой выходкѣ моего вдохновенія, полагаютъ, что змѣю слѣдуетъ сократить: мнѣ это было ими сказано. Но люди эти не знаютъ, какъ я, что безъ этого счастливаго эпи-

зода опора статуи была бы весьма ненадежна. Они не сдѣлали со мною исчисленія нужныхъ мнѣ силъ. Они не вѣдаютъ, что если послушаться ихъ совѣта, то памятникъ былъ бы недолговѣченъ. Рѣчь идетъ не о томъ только, чтобы поддержать хвостъ лошади; избранное мною средство и способъ имъ воспользоваться отвѣчаютъ мнѣ за ноги, а ноги отвѣчаютъ за все цѣлое. Кладя маленькія препоны большимъ дѣламъ, ставя смѣлую идею въ хвостѣ ничтожныхъ соображеній, ничего великаго не сдѣлаешь. Повергая на судъ вашего величества свои доводы, умоляю васъ рѣшить, не долженъ ли устоять противъ кривыхъ толкованій такой мысли, которая согласна и съ достоинствомъ предмета, и съ историческою истиною. Мы трудимся для потомства. Петру Великому перечила зависть,—это несомнѣнно: онъ мужественно поборолъ ее; это также несомнѣнно...»

Екатерина приняла сторону художника и отвѣчала ему слѣдующей коротенькой запиской: «Есть старинная пѣсня, въ которой говорится: «что надо, такъ надо», — вотъ мой отвѣтъ касательно змѣи; ваши доводы хороши».

Второе недоразумѣніе съ Бецкимъ возникло изъ-за отливки статуи. Фальконетъ хотѣлъ сперва безвозмездно отлить ее самъ, но потомъ отказался. Императрица потребовала отъ него объясненія отказа, и онъ изложилъ ихъ въ слѣдующемъ письмѣ:

«Перваго августа (1769 г.) я написалъ г. Бецкому, что предлагаю отлить самъ статую безъ всякаго вознагражденія. Такое предложеніе пришлось не по душѣ его превосходительству. Онъ отвѣчалъ мнѣ черезъ двѣ недѣли четырьмя словами двусмысленными, неудовлетворительными, потому что въ нихъ чувствовалось непониманіе трудностей, несознаваніе важности этой операціи, о чемъ въ письмѣ своемъ я, разумѣется, долженъ былъ умолчать. Человѣкъ, слишкомъ выставляющій свои заслуги, по справедливости, надоѣдаетъ; но, быть можетъ, человѣкъ простой недостаточно бываетъ поощренъ, когда ему отказываютъ въ справедливыхъ, честныхъ просьбахъ, заявленныхъ только для того, чтобы работа спокойно довершалась. Не отвѣчать значитъ отказывать. Но трудность, въ случаѣ личной отливки мной, заключается еще въ томъ, что я совсѣмъ не умѣю остужать вторичную ковку; къ тому же, я открылъ на дняхъ, что и мастеровой, долженствовавшій помогать мнѣ, не болѣе меня смыслитъ въ этомъ дѣлѣ. Я только что узналъ, что книга, въ которой излагаются въ подробности способы отливки, употреблявшейся Бушардономъ, вышла въ свѣтъ; мнѣ ее вышлютъ на дняхъ. По полученіи ея, когда я изучу эту часть, я легче рѣшусь на что-либо. Тогда ваше величество убѣдитесь, что

и желаніе мое произвести отливку и страхъ исполнить это одинаково основаны на желаніи видѣть успѣшное окончаніе моего труда».

Весной 1771 года, Фальконетъ обратился къ императрицѣ съ новыми жалобами на Бецкаго, по распоряженію котораго около мастерской начали возводить какое-то зданіе, при чемъ сотрясеніе, производимое забивкой свай подъ фундаментъ, грозило, по словамъ художника, разрушить всю мастерскую съ находившейся въ ней моделью. Екатерина приказала остановить работы; но придирки Бецкаго возобновлялись при всякомъ удобномъ случаѣ, и Фальконетъ, не скрывая своего раздраженія, доводилъ о нихъ до свѣдѣнія государыни. Все это наконецъ наскучило Екатеринѣ; ея отвѣты Фальконету сдѣлались короче и суше, а затѣмъ она вовсе прекратила переписку съ нимъ, давая ясно понять, что охладѣла и къ нему, и къ его работѣ.

Въ виду отказа Фальконета отъ отливки статуи, былъ вызванъ изъ Франціи, по рекомендаціи парижскаго архитектора Гепьера, литейщикъ Эрсманъ, договорившійся исполнить отливку за 140,000 ливровъ. Эрсманъ пріѣхалъ въ маѣ 1772 года и приступилъ къ предварительнымъ работамъ, подъ наблюденіемъ назначеннаго для этого Бецкимъ архитектора Фельтена. Вскорѣ между нимъ и Фальконетомъ произошла ссора, такъ какъ Эрсманъ ни за что не хотѣлъ дать коню ту толщину, которую требовалъ художникъ, считая ее необходимою для равновѣсія. Фельтенъ принялъ сторону Фальконета и, убѣдившись въ несостоятельности Эрсмана, потребовалъ его увольненія, что и было исполнено.

Послѣ тщетнаго исканія новаго литейщика, Фальконетъ, находя себя достаточно подготовленнымъ и сдѣлавъ предварительные опыты, въ августѣ 1774 г. рѣшился принять на себя осуществленіе своего художественнаго творенія. Изготовленіе формы, трубъ, печи и другихъ приспособленій заняло около года, и наконецъ 25 августа 1775 г. приступлено къ отливкѣ. 1350 пудовъ расплавленной мѣди было пущено по пяти главнымъ трубамъ въ форму. Сначала все шло хорошо и нижнія части формы уже наполнились, что обѣщало полный успѣхъ, какъ вдругъ одна изъ главныхъ трубъ лопнула, и расплавленный металлъ потекъ на полъ, который вспыхнулъ. Фальконетъ, увидя свой девятилѣтній трудъ уничтоженнымъ, схватился за голову и выбѣжалъ изъ мастерской; за нимъ, спасаясь отъ пожара, бросились и рабочіе. Не потерялъ присутствія духа только одинъ артиллерійскій литейщикъ, Хайловъ. Съ опасностью для жизни онъ быстро потушилъ пожаръ и, кое-какъ заткнувъ лопнувшую трубу, заставилъ мѣдь литься въ форму. Придя въ себя,

Фальконетъ вернулся въ мастерскую, обнялъ Хайлова и подарилъ ему сто рублей. Тѣмъ не менѣе, отливка не удалась. Верхняя часть памятника отъ колѣнъ всадника и груди лошади до ихъ головъ отлилась такъ плохо, что Фальконету пришлось ихъ спилить и, исправивъ форму и трубы, отливать вторично, что и было имъ исполнено, на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ, въ ноябрѣ 1777 г. Для окончательной отдѣлки статуи и ея полировки былъ договоренъ, за 20,000 рублей, часовой мастеръ Сандоцъ, который и совершилъ эту кропотливую работу въ два года.

Окончивъ отливку памятника, Фальконетъ тщетно просилъ императрицу посѣтить его мастерскую; просьбы его оставались безъ отвѣта. Въ то же время Бецкій и многіе другіе распространяли слухъ, что статуя, составленная изъ двухъ частей, никуда не годится и ее необходимо перелить вновь. Глубоко оскорбленный и возмущенный окружавшимъ его недоброжелательствомъ, Фальконетъ рѣшился вернуться на родину и передъ отъѣздомъ, 1 сентября 1778 г., написалъ императрицѣ слѣдующее письмо:

«Благодаря вашему величеству, то, что касается меня лично, окончено; но вопросъ о статуѣ, если я долженъ вѣрить слуху, еще не рѣшенъ. Говорятъ, г. Бецкій желаетъ, чтобы она была перелита. Я долго принималъ это извѣстіе за городской слухъ, но одно изъ очень вліятельныхъ лицъ увѣряетъ меня въ справедливости его. Если это дѣйствительно такъ, то на моей совѣсти лежитъ обязанность предупредить, что подобное обращеніе со статуей было бы крайнею неосторожностью. Ноги всадника на статуѣ совсѣмъ не такія, какія сдѣланы въ формѣ; протянутая рука имѣетъ не то положеніе, какое ей дано на модели, а слѣдовательно и въ формѣ; голова героя выше, чѣмъ на модели и въ формѣ. Я съ трудомъ вѣрю, что подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ, какъ спайка въ моей отливкѣ, хотятъ перелить статую. Статуя въ Бордо точно такъ же состоитъ изъ двухъ частей, и на ней спайка такъ же незамѣтна, какъ и на моей. Другой предлогъ относительно нѣсколькихъ вставокъ въ статуѣ, одинаково не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ копенгагенской статуѣ ихъ болѣе тысячи, и тѣмъ не менѣе она стоитъ. Главное достоинство подобныхъ произведеній заключается въ ихъ красотѣ и прочности. Среди всего того, что заставляли меня претерпѣвать, я работалъ, какъ художникъ, который ставитъ достоинство порученной ему работы выше человѣческихъ фантазій. Я предоставлялъ говорить и дѣлать, какъ ваше величество совѣтовали это мнѣ не разъ, и думалъ только объ исполненіи своей обязанности. Другіе, а не вы, могли бы принять это

за мечты; но если вздумали бы перелить статую, то поздно уже пришлось бы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ. Я не считалъ себя въ правѣ уѣхать, не высказавъ вашему императорскому величеству истину о предметѣ, котораго вы еще не видѣли... Или я долженъ вѣрить, что это извѣстіе есть не что иное, какъ городской слухъ, пущенный съ цѣлью досадить мнѣ...»

И это письмо осталось безъ отвѣта. Проработавъ двѣнадцать лѣтъ, преодолѣвъ встрѣченныя имъ трудности, исполнивъ превосходно предпринятую имъ задачу, одаривъ Россію однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новѣйшаго искусства, Фальконетъ былъ даже лишенъ возможности показать свое созданіе Екатеринѣ. Можно вообразить, въ какомъ настроеніи духа онъ покинулъ Петербургъ.

II.

По проекту Фальконета, конная статуя Петра Великаго должна была быть укрѣплена на гранитной скалѣ въ пять саженъ длиною и двѣ шириною. Онъ предполагалъ составить такую скалу изъ шести кусковъ, соединенныхъ желѣзными крючьями. Долго искали подходящихъ обломковъ, какъ вдругъ случайно нашли готовое подножіе для памятника. Крестьянинъ казенной деревни Лахты, лежащей въ восьми верстахъ отъ Петербурга, Семенъ Вишняковъ сообщилъ, что вблизи деревни, въ болотистой мѣстности, есть громадный камень, называемый «громомъ» вслѣдствіе того, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ него ударилъ громъ и произвелъ глубокую разсѣлину. По изслѣдованіи оказалось, что камень состоялъ изъ полевого шпата и кварца, имѣлъ видъ параллелопипеда, пепельный цвѣтъ и чрезвычайную крѣпость. Длина его была 44 фута, ширина 22 фута и вышина 27 футовъ; онъ углубился въ землю на 15 футовъ и со всѣхъ сторонъ заросъ мхомъ. Произведенная громовымъ ударомъ разсѣлина имѣла $1^1/_2$ фута ширины и наполнена черноземомъ, изъ котораго выросло нѣсколько березокъ, достигавшихъ 25 футовъ. По приблизительному исчисленію, камень долженъ былъ заключать въ себѣ до 100,000 пудовъ вѣсу. Лучшаго подножія для памятника нельзя было и желать, но являлся вопросъ, какимъ образомъ перевезти подобную громаду въ Петербургъ, что, при тогдашнемъ состояніи механики, представляло въ высшей степени сложное и трудное дѣло. Спеціалисты, на обсужденіе которыхъ Бецкій передалъ эту задачу, обѣщая за ея рѣшеніе премію въ семь тысячъ рублей, не могли съ нею сладить, и, къ

удивленію, она была разрѣшена человѣкомъ, не обладавшимъ ни знаніемъ, ни опытомъ, полицеймейстеромъ кадетскаго корпуса Ласкарисомъ, произвольно называвшимъ себя графомъ Карбури. Считаемъ не лишнимъ привести краткія біографическія свѣдѣнія объ этой загадочной личности.

Мартынъ Карбури былъ родомъ грекъ съ острова Кефалоніи. Замѣшанный въ какое-то уголовное дѣло, онъ бѣжалъ изъ отечества въ Россію, гдѣ, подъ именемъ де-Ласкари, поступилъ учителемъ въ пансіонъ француза Карбоне. Найдя случай познакомиться съ Бецкимъ, онъ сумѣлъ расположить его къ себѣ и былъ назначенъ состоять при немъ, съ зачисленіемъ въ полевыя войска съ чиномъ капитана. Отличаясь необыкновенной ловкостью въ интригахъ, Карбури скоро пріобрѣлъ такое вліяніе на Бецкаго, что сдѣлался у него домашнимъ и довѣреннымъ человѣкомъ, получилъ чинъ подполковника и мѣсто полицеймейстера въ корпусѣ и, несмотря на извѣстную всѣмъ распущенность своихъ нравовъ и взяточничество, исправлялъ съ 1770 по 1773 годъ должность директора корпуса, въ которой не былъ утвержденъ только благодаря единодушному противодѣйствію офицеровъ, отказавшихся подчиняться человѣку, ими презираемому. Поставивъ цѣлью своей жизни нажить въ Россіи состояніе, онъ для достиженія ея не останавливался ни передъ какими средствами, даже передъ преступленіемъ. Одинъ современникъ свидѣтельствуетъ, что Ласкарисъ въ теченіе двухъ лѣтъ ухитрился жениться на трехъ женахъ и всѣхъ ихъ отравилъ, чтобы воспользоваться ихъ приданымъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ столь тяжкаго обвиненія могутъ служить курьезныя эпитафіи, сохранившіяся до сихъ поръ на трехъ могильныхъ памятникахъ въ Александро-Невской лаврѣ.

На первомъ изъ нихъ написано: «На семъ мѣстѣ погребена Агафія Иванова дочь, де-Ласкара жена, урожденная Карабузина. Монументъ, который нѣжность моя воздвигнула ея достоинству, источнику и свидѣтелю наигорчайшей моей печали, приводи на память потомкамъ нашимъ причину моихъ слезъ, пускай оплакиваютъ купно со мной обитающую здѣсь добродѣтельми изящныхъ дней достойную гречанку, пріятную разными живо въ ней являющимися качествами, скромную, благотворительную, и нѣжную жену безъ слабости къ прелестямъ, къ талантамъ, вмѣщающую въ себѣ и премудрость. О судьба! вотъ сколько причинъ должны были тебя умилостивить! Родилась въ 1753 году, февраля 4 числа, преставилась въ 1772 году, августа 16 числа...»

На второмъ: «Въ семъ мѣстѣ погребена и вторая его подполковника де-Ласкара жена, Агафья Ивановна, дочь Городецкая».

На третьемъ: «На семъ мѣстѣ погребена Елена, де-Ласкара третья жена, урожденная Хрисоскулеева. Несчастный мужъ, я кладу въ сію могилу печальные останки любезной жены; ею лишился благополучія своего, пріятельницы и всего того, что бремя жизни облегчаетъ. Прохожій! ты, который причину слезъ моихъ зришь, возстони о печальной моей судьбѣ и знай, что добродѣтель, та-

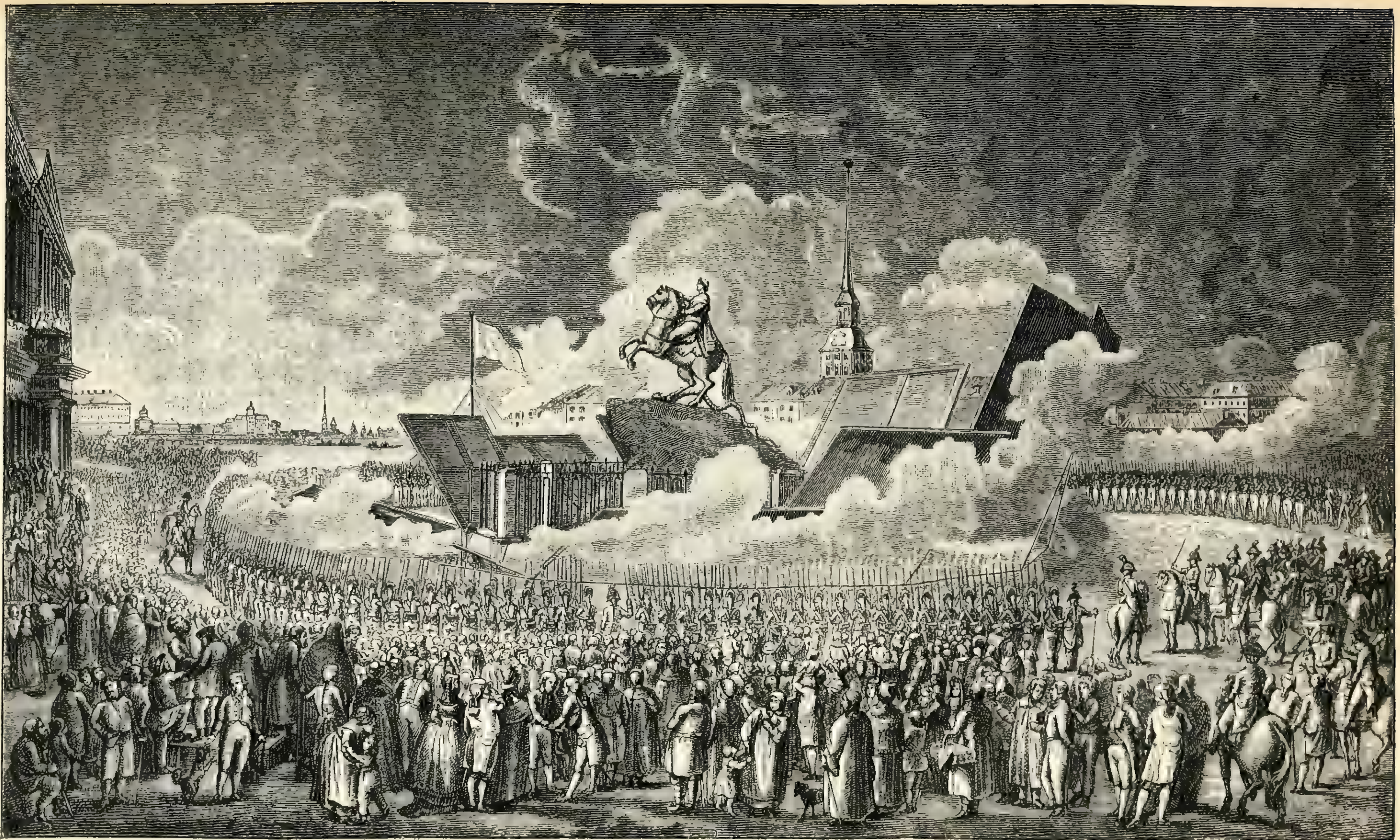
Перевозка камня «грома».
(Съ гравюры того времени).

ланты, прелести и самая даже юность, вотще смерти противоборствуютъ. Родилась въ 1750 году, мая 27 числа, преставилась въ 1773 году, апрѣля 29 числа».

Пріобрѣтя казнокрадствомъ и разными аферами значительный капиталъ, Карбури, уволенный наконецъ въ 1781 году отъ службы, возвратился въ Грецію, купилъ здѣсь большое имѣніе, развелъ въ немъ богатыя плантаціи индиго и сахарнаго тростника; но черезъ годъ былъ убитъ рабочими, которыхъ вывелъ изъ терпѣнія своимъ жестокимъ обращеніемъ.

Другой современникъ, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, Шереръ, въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что способъ перевозки камня «грома» былъ придуманъ простымъ кузнецомъ, сообщившимъ его Ласкарису, который воспользовался имъ, выдалъ за свой и получилъ премію, удѣливъ кузнецу лишь ничтожную часть. Какъ бы то ни было, но Ласкарисъ навсегда связалъ свое имя съ предпріятіемъ, казавшимся въ то время несбыточнымъ. Придуманный для перевозки камня способъ былъ весьма сложенъ, и подробное изложеніе его вышло бы слишкомъ длинно и спеціально, а потому мы скажемъ о немъ лишь въ общихъ чертахъ.

Кругомъ камня была очищена и вырыта земля на пространствѣ 14 саженъ, и съ него отбиты, съ одной стороны кусокъ въ 6 кубическихъ саженъ, съ другой въ 4 сажени; отбитый громовымъ ударомъ кусокъ былъ разбитъ на двѣ части, чтобы впослѣдствіи приставить ихъ къ переднему и заднему концамъ. Затѣмъ камень былъ приподнятъ посредствомъ 12 воротовъ и 12 рычаговъ и опрокинутъ на громадную платформу, сдѣланную изъ толстѣйшихъ бревенъ, положенныхъ въ нѣсколько рядовъ; нижній рядъ бревенъ былъ выдолбленъ наподобіе желобовъ, обитыхъ толстыми мѣдными листами, и въ нихъ вложено 30 мѣдныхъ шаровъ по 5 дюймовъ въ діаметрѣ каждый, дававшихъ платформѣ возможность катиться. Дорога, по которой должны были везти эту громаду до берега, была тщательно укрѣплена фашинникомъ и щебнемъ, а въ слабыхъ мѣстахъ и сваями. На каждыхъ 50 саженяхъ были вбиты столбы изъ корабельныхъ деревьевъ, къ которымъ натягивались канаты отъ 4 воротовъ, находившихся на платформѣ, двигавшейся усиліями 400 рабочихъ. На верху камня стояли два барабанщика, дававшіе, посредствомъ барабана, знаки рабочимъ, чтобы они или разомъ начинали работу, или прекращали ее. Сорокъ восемь каменотесовъ лѣпились на камнѣ, обсѣкая острые углы; на одномъ краѣ его была устроена небольшая кузница. Такимъ образомъ, камень ежедневно подвигался до 200 саженъ. На берегу его ожидала нарочно для этого построенная и приспособленная огромная барка, имѣвшая 180 футовъ въ длину и 66 въ ширину. Чтобы она при нагрузкѣ такой тяжести не потеряла равновѣсія, ее погрузили, посредствомъ впущенной воды, на дно, и когда камень былъ установленъ, выкачали воду насосами. Послѣ этого, барку прикрѣпили съ обѣихъ сторонъ къ двумъ другимъ судамъ, служившимъ для нея подпоркой. Въ такомъ видѣ камень благополучно былъ доставленъ къ Сенатской площади, и теперь оставалось только уста-

Видъ памятника Петру Великому при его открытіи, въ 1782 году.

(Съ гравюры того времени, Мельникова).

новить его на опредѣленное мѣсто. Такъ какъ глубина Невы не позволяла погрузить барку на дно, то были вбиты шесть рядовъ свай, на которыя она и была посажена, а между нею и берегомъ устроены сходни изъ мачтовыхъ деревьевъ съ наложенными рѣшетками, по которымъ и вкатили камень на берегъ.

Разсказанная здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ сложная операція доставки камня продолжалась почти пять мѣсяцевъ, съ 1-го сентября 1769 по 20-е января 1770 года, а удачное исполненіе ея было привѣтствовано современниками, какъ необычайное событіе. Приводимъ для образца четверостишіе изъ стихотворенія, написаннаго довольно извѣстнымъ тогда писателемъ В. Г. Рубаномъ:

«Нерукотворная здѣсь Росская гора,
«Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
«Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
«И пала подъ стопы Великаго Петра».

Екатерина повелѣла выбить по этому случаю особую медаль, на одной сторонѣ которой находилось грудное изображеніе императрицы, а на другой представленъ камень во время его передвиженія, съ надписью: «дерзновенію подобно».

Фальконетъ, опасаясь, чтобы громадность камня не подавила собою вида конной статуи, распорядился его уменьшить; было уже отбито нѣсколько большихъ кусковъ, но настойчивое вмѣшательство Бецкаго прекратило дальнѣйшее уменьшеніе подножія, которое и удалось сохранить въ размѣрѣ 43 футовъ длины, 21 широты и 13 высоты.

Статуя была укрѣплена на подножіи черезъ три года послѣ отъѣзда Фальконета изъ Россіи, при чемъ присутствующіе могли убѣдиться въ вѣрности расчетовъ художника относительно вѣса, приданнаго имъ разнымъ частямъ изваянія. Когда всадили желѣзные стержни, придѣланные къ заднимъ ногамъ и хвосту вздыбленнаго коня, въ отверстія, пробитыя въ камнѣ, то прежде, нежели они были залиты свинцомъ, увидѣли, что изваяніе отъ собственнаго своего равновѣсія стояло совершенно прямо.

Торжественное открытіе памятника состоялось 7-го августа 1782 года при громадномъ стеченіи народа. Екатерина, въ коронѣ и порфирѣ, находилась на балконѣ сената, и, когда, по данному ею знаку, полотно, закрывавшее памятникъ, упало, она прослезилась и преклонила голову передъ изображеніемъ своего великаго предшественника. Въ манифестѣ, изданномъ по поводу этого торжества, были

объявлены разныя милости: приговоренные къ смертной казни и тѣлесному наказанію преступники избавлены отъ нихъ, прекращены всѣ взысканія по уголовнымъ дѣламъ, продолжавшимся долѣе десяти лѣтъ; освобождены всѣ содержавшіеся болѣе пяти лѣтъ подъ стражею за казенные и частные долги, и т. д.

По исчисленію сената, въ представленномъ имъ государынѣ докладѣ, памятникъ Петру Великому стоилъ 424,610 р., изъ которыхъ выдано Фальконету (считая и его содержаніе) 81,500 р., тремъ подмастерьямъ 27,284 руб., литейщику Хайлову 2,500 р. и израсходовано на перевозку камня 70,000 руб.

Въ заключеніе намъ остается разсказать анекдотъ, довольно, впрочемъ, правдоподобный, о томъ, кто былъ первымъ смотрителемъ памятника Петра Великаго.

III.

Въ Смоленской губерніи, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, существуетъ до сихъ поръ небольшое село Чижово, замѣчательное только тѣмъ, что въ немъ родился извѣстный любимецъ императрицы Екатерины II, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Отецъ его, небогатый отставной офицеръ, имѣлъ, кромѣ сына, пять дочерей. При недостаточности средствъ, онъ не могъ, по тогдашнему обычаю, выписать для дѣтей гувернеровъ и учителей, и потому первоначальное обученіе грамотѣ будущаго царскаго фаворита было поручено сельскому дьячку Тимоѳею Краснопѣвцеву, человѣку ограниченному, но доброму, успѣвшему скоро заслужить расположеніе своего капризнаго ученика тѣмъ, что послѣ скучныхъ уроковъ онъ потѣшалъ его пѣснями, которыя пѣлъ мастерски. Однако, ученіе продолжалось недолго. Едва Потемкину минуло шесть лѣтъ, мать отдала его на воспитаніе своему двоюродному брату Г. М. Козловскому, жившему въ Москвѣ.

Прошло много годовъ. Краснопѣвцевъ устарѣлъ, одряхлѣлъ, потерялъ голосъ и, наконецъ, уволенный за старостью на покой, остался безъ пристанища и всякихъ средствъ къ существованію. Находясь въ такомъ безысходномъ положеніи, онъ вдругъ случайно услышалъ, что его бывшій ученикъ сдѣлался большимъ человѣкомъ и живетъ въ столицѣ, при дворѣ. Послѣ долгихъ колебаній, старикъ рѣшился на смѣлое и не легкое дѣло: идти въ Петербургъ и просить «Гришу» — какъ онъ звалъ когда-то своего воспитанника — пристроить его куда-нибудь. Кстати, Краснопѣв-

цевъ вспомнилъ, что въ Измайловскомъ полку у него есть дальній родственникъ, сданный изъ смоленскихъ причетниковъ за какую-то провинность въ солдаты и попавшій, благодаря высокому росту, въ гвардію.

Кое-какъ, побираясь мірскими подаяніями, гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ, по сострадательности проѣзжихъ, присаживаясь на телѣгу, Краснопѣвцевъ добрался до Петербурга и пріютился у родственника въ казармахъ, вмѣстѣ съ солдатами. Когда родственникъ разсказалъ ему, какимъ лицомъ въ государствѣ сдѣлался Потемкинъ и какое значеніе онъ имѣетъ у царицы, то старикъ пришелъ въ ужасъ; всѣ надежды его разлетѣлись прахомъ, потому что добиться свиданія съ такимъ важнымъ и всесильнымъ вельможей казалось ему дѣломъ невозможнымъ; но родственникъ и его пріятели-солдаты, принимая во вниманіе прежнюю близость дьячка къ Потемкину, поспѣшили успокоить старика и убѣдили, не откладывая дѣла, попытать счастья. При помощи полкового писаря было сочинено и четко переписано длинное прошеніе, въ которомъ напоминалось даже о томъ, какъ однажды ученикъ, изъ шалости, отстригъ у учителя косичку, но не подвергся за это никакому взысканію отъ родителей, вслѣдствіе умолчанія о томъ пострадавшаго.

Бережно завернувъ бумагу въ чистую тряпицу, Краснопѣвцевъ отправился рано утромъ къ Зимнему дворцу; но, разумѣется, попытка его проникнуть въ подъѣздъ помѣщенія, занимаемаго свѣтлѣйшимъ, осталась безуспѣшной: караульные солдаты, вмѣсто всякихъ объясненій, заарестовали его и передали случившемуся тутъ полицейскому для отсылки на съѣзжую. Неизвѣстно, что стало бы съ Краснопѣвцевымъ, если бы, на его счастье, въ ту самую минуту, когда полицейскій уже готовился тащить его въ часть, не подъѣхалъ ко дворцу молодой, красивый офицеръ въ адъютантскомъ мундирѣ. Увидѣвъ испуганную, комическую фигуру дьячка, облаченную въ какое-то странное одѣяніе, онъ полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло. Выслушавъ разсказъ Краснопѣвцева и прочитавъ его прошеніе, офицеръ улыбнулся и сказалъ:

— Видѣть свѣтлѣйшаго трудно, и ты, старикъ, напрасно будешь добиваться свиданія съ нимъ; пожалуй, еще наживешь себѣ этимъ большую бѣду. Я его флигель-адъютантъ и могу передать ему твое прошеніе, а какая воспослѣдуетъ на оное резолюція, ты получишь увѣдомленіе черезъ полицію.

Краснопѣвцевъ несказанно обрадовался такому неожиданному предложенію и хотѣлъ было упасть офицеру въ ноги, но тотъ не

допустилъ его до этого и, приказавъ полицейскому не трогать дьячка, поспѣшно ушелъ въ подъѣздъ, промолвивъ:

— Молись Богу; если свѣтлѣйшій находится въ хорошемъ расположеніи духа, то, быть можетъ, сегодняшній день будетъ для тебя счастливый.

Старикъ поплелся обратно въ измайловскія казармы, не зная, радоваться или печалиться происшедшему. Родственникъ-солдатъ, разспросивъ его подробно обо всемъ, сомнительно покачалъ головой и совсѣмъ обезкуражилъ бѣдняка, увѣряя, что резолюціи нельзя ждать скоро, и что даже прошеніе, чего добраго, не попадетъ въ руки къ князю, но будетъ передано въ канцелярію, а тамъ, извѣстное дѣло, толку не выйдетъ никакого...

Дьячокъ впалъ въ уныніе и до такой степени разстроился, что прихворнулъ и на слѣдующій день едва былъ въ состояніи идти въ церковь къ обѣднѣ. Во время херувимской, когда старикъ усердно погрузился въ молитву, вдругъ кто-то дернулъ его за рукавъ. Это былъ родственникъ-солдатъ, весь запыхавшійся, съ сіяющимъ лицомъ.

— Дядя!—торопливо шепталъ онъ:—насилу отыскалъ тебя; иди скорѣе, свѣтлѣйшій прислалъ за тобой ѣздового, онъ ждетъ тутъ у церкви, поскорѣе.

И съ этими словами, не давъ опомниться растерявшемуся Краснопѣвцеву, потащилъ его вонъ, безцеремонно расталкивая толпу, съ недоумѣніемъ разступавшуюся передъ нимъ.

У паперти, дѣйствительно, стояла одноколка, и ѣздовой въ придворной ливреѣ, посадивъ дьячка рядомъ съ собой, помчалъ его въ Зимній дворецъ.

Можно вообразить, что̀ чувствовалъ Краснопѣвцевъ, когда его ввели въ роскошную пріемную Потемкина, наполненную толпой сановниковъ, сіявшихъ звѣздами, лентами, раззолоченными кафтанами, когда десятки глазъ съ изумленіемъ обратились на грязнаго, нищенски одѣтаго дьячка. Въ какомъ-то невольномъ страхѣ прижался онъ въ уголъ и стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не смѣя пошевельнуться, удерживая прерывистое дыханіе сильно бившейся груди. Черезъ нѣсколько минутъ двери во внутренніе покои широко распахнулись, и на порогѣ появился самъ свѣтлѣйшій, въ голубомъ атласномъ шлафрокѣ, изъ-подъ котораго небрежно выбивался растегнутый воротъ рубашки, въ шитыхъ стоптанныхъ туфляхъ, съ огромной табакеркой и розовымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ.

Все, находившееся въ пріемной, низко преклонилось, а Краснопѣвцевъ въ благоговѣніи упалъ на колѣни. Разсѣянно отвѣчая на

поклоны, Потемкинъ, видимо, чего-то искалъ и наконецъ, замѣтивъ въ углу дьячка, направился прямо къ нему, собственноручно поднялъ его на ноги и, ласково улыбаясь, сказалъ:

— Здорово, старина!

Эта улыбка, этотъ привѣтливый голосъ сразу возвратили Краснопѣвцеву самообладаніе. Радостныя слезы заструились по его щекамъ; онъ забылъ, что передъ нимъ стоитъ могущественный вельможа и любимецъ царицы; ему вспомнилась маленькая учебная комната въ Чижовѣ, бойкій и капризный «Гриша», съ наслажденіемъ слушающій его пѣсни, и онъ, помимо желанія, выговорилъ вслухъ то, что въ эту минуту тѣснилось въ его головѣ:

— Ахъ, Гриша, какой же ты сталъ молодецъ и красавецъ!..

Звонко засмѣялся на этотъ комплиментъ Потемкинъ и съ еще большей привѣтливостью спросилъ:

— Ну, зачѣмъ ты прибрелъ сюда, старина?

— Да вотъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ окончательно оправившійся Краснопѣвцевъ: — пятьдесятъ лѣтъ, какъ самъ знаешь, все Господу Богу служилъ, да выгнали за неспособностью. Говорятъ, глухъ, дряхлъ, глупъ сталъ; а я, видишь, еще могу матушкѣ-царицѣ чѣмъ-нибудь послужить, чтобъ не даромъ мірской хлѣбъ ѣсть, — не поможешь ли чѣмъ-нибудь у ней?

— Хорошо, изволь, похлопочу за тебя, — сказалъ Потемкинъ, продолжая смѣяться: — а пока найдемъ для тебя мѣсто, живи у меня.

И онъ приказалъ отвести своего старика-учителя къ дворецкому, чтобы тотъ накормилъ, обулъ, одѣлъ и пріютилъ его.

Дня черезъ два Краснопѣвцевъ былъ потребованъ къ свѣтлѣйшему и предсталъ уже съ тщательно зачесанной косичкой, вымытый, вычищенный, въ новомъ суконномъ подрясникѣ, опоясанномъ шелковымъ поясомъ.

— Ну, старикъ, — спросилъ его Потемкинъ: — что ты хочешь, чтобъ я для тебя сдѣлалъ?

— А ужъ не знаю, право, ваша свѣтлость, только теперь ты на мой голосъ не надѣйся, пѣть-то я ужъ того — ау! и въ ушахъ словно что-то заслонило, да и видѣть-то, плохо вижу, что обманывать, однѣ вотъ ноги еще ходятъ.

— Такъ куда же тебя пристроить?

— Да хоть бы въ скороходы, или въ придворную арапію, ваша свѣтлость,

— Ну, нѣтъ, туда ты ростомъ не вышелъ. Развѣ вотъ что. Постой! Нашелъ тебѣ должность. Видѣлъ ты здѣсь на площади, у сената, Фальконетовъ монументъ Петра Великаго?

— Какъ же не видѣть—видѣлъ; долго любовался,—чудное дѣло.

— Ну, такъ иди же сейчасъ, посмотри хорошенько, все ли благополучно стоитъ онъ на мѣстѣ, и донеси мнѣ.

Старикъ въ точности исполнилъ приказаніе.

— Ну, что? — спросилъ Потемкинъ, когда онъ вернулся.

— Стоитъ, ваша свѣтлость.

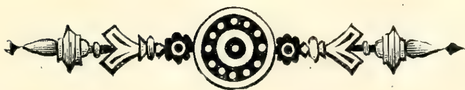
— Крѣпко?

— Куда какъ крѣпко, ваша свѣтлость.

— Ну, и отлично! А ты за этимъ каждое утро наблюдай, и если замѣтишь какую неисправность, то немедленно доноси мнѣ черезъ дежурнаго адъютанта. Жалованье тебѣ будетъ производиться изъ моихъ доходовъ, по смотрительскому рангу, кромѣ того, столъ, квартира и платье мои. Доволенъ?

Старикъ зарыдалъ и упалъ къ ногамъ князя.

Съ этого дня до самой смерти онъ аккуратно исполнялъ свою нетрудную обязанность, и умеръ, благословляя Потемкина. Такимъ образомъ первымъ смотрителемъ Петровскаго памятника былъ дьячокъ, въ рангѣ смотрителя, Тимоѳей Краснопѣвцевъ.

Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.

I.

Ъ 1787 ГОДУ, императрица Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествіе въ полуденный край Россіи. Путешествіе это, кромѣ желанія государыни лично осмотрѣть недавно пріобрѣтенныя области на югѣ и убѣдиться въ ихъ процвѣтаніи подъ управленіемъ князя Потемкина, имѣло также и политическое значеніе. Оно должно было показать Европѣ, какими источниками богатства и могущества обладаетъ Россія, и внушить страхъ ея недоброжелателямъ. Въ виду такой цѣли, путешествіе было обставлено съ необычайной пышностью, и сопровождать императрицу были приглашены французскій, англійскій и австрійскій послы при русскомъ дворѣ. Огромная свита ѣхала въ 150 экипажахъ, для которыхъ на каждой станціи заготовлялось до 500 лошадей при 200 ямщикахъ. Само собою разумѣется, что власти тѣхъ губерній, черезъ которыя лежалъ путь государыни, приняли всѣ мѣры для того, чтобы Екатерина могла видѣть только «радостныя и веселыя зрѣлища». Въ мѣстахъ ночлеговъ и отдыховъ строились временные дворцы, снабженные мебелью, столовыми приборами и разными припасами; при въѣздахъ въ города и села воздвигались тріумфальныя ворота; лѣса

и рощи по пути превращались въ англійскіе сады; сооружались новыя и улучшались старыя дороги; изъ окрестностей сгонялись крестьяне, одѣтые въ нарядныя платья, и многочисленныя стада, располагавшіяся по придорожнымъ лугамъ; въ ночное время путь освѣщался кострами и смоляными бочками; для надзора за порядкомъ, на станціяхъ находились дворяне и при нихъ отставные солдаты и, на всякій случай, мастеровые, плотники, кузнецы и т. д. Тогдашній харьковскій намѣстникъ, генералъ-поручикъ Чертковъ, издалъ приказъ, по которому можно судить о распоряженіяхъ, дѣлавшихся для встрѣчи императрицы. Въ приказѣ подробно излагается порядокъ, въ какомъ должны представляться государынѣ чиновники, дворяне, магистратъ, и т. п. Обыватели должны ожидать карету императрицы въ лучшей одеждѣ, а «особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ по ихъ обычаю съ цвѣтами, наблюдая, чтобы отнюдь никого въ разодранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было. При проѣздѣ императорской кареты да сдѣлаютъ они всѣ обыкновенные поклоны, а лучшіе обыватели могутъ поднести хлѣбъ и соль, а женщины цвѣты, а прочіе изъявляютъ свое восхищеніе приличными поступками и привѣтствіями». По всѣмъ улицамъ, гдѣ предполагался проѣздъ императрицы, велѣно было выбѣлить дома, исправить крыши и заборы, окна и двери украсить сосновыми вѣтвями и вѣнками изъ цвѣтовъ и травъ, а по вечерамъ ярко освѣщать; кромѣ того, въ окнахъ вывѣсить какія у кого сыщутся «портища, суконныя, стамедныя, или такія, изъ чего дѣлаются плахты, равно ковры и пилимы, такъ, чтобы оными покрылись завалины, что соблюсти во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя проѣздъ будетъ». Воспрещалось въ каретахъ, колăскахъ, дрожкахъ и повозкахъ ѣхать навстрѣчу, а тѣмъ болѣе въ объѣздъ. Городовымъ магистратамъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы не были повышены цѣны на товары, особенно на съѣстные и питейные припасы, чтобы не было въ продажѣ ничего поврежденнаго и залежавшагося, чтобы торговцы сами «были одѣты опрятно и чисто, чтобы ихъ посуда, столы и лавки были чисты, фартуки незамаранные, и чтобы нигдѣ ничего не было завѣшано рогожами, въ шинкахъ же, чтобы никто на то время никого отнюдь не напаивалъ, подъ страхомъ неминуемаго истязанія». Приказывалось, чтобы нигдѣ «стѣсненія народа и шума, равно просящихъ милостыню и въ безобразномъ видѣ отнюдь не было, для чего въ городахъ и деревняхъ имѣть денные и ночные караулы, кои бы неупустительно соблюдали чистоту, тишину и безопасность». «Сверхъ того», прибавлялъ намѣстникъ, «надѣюсь, что господа дворяне поусердствуютъ на каждой станціи

пріуготовить въ упряжку подъ императорскую карету по двѣнадцати добрыхъ, ѣзжалыхъ, цуговыхъ лошадей, хотя и разноцвѣтныхъ, съ исправною упряжкой и при нихъ по четыре человѣка форейторовъ въ красныхъ камзольчикахъ, съ красными стоячими воротниками, обшлага подкладки зеленые, съ бѣлыми жилетами и такимъ же исподнимъ платьемъ, въ черныхъ картузахъ; равномѣрно поставитъ себѣ дворянство за честь угостить во всѣхъ мѣстахъ высочайшую ея императорскаго величества особу, въ чемъ купечество не преминетъ участвовать». Въ заключеніе своего приказа, Чертковъ счелъ необходимымъ напомнить о законѣ 19 января 1765 году, въ которомъ было сказано, что «ежели явятся такіе предерзкіе, кои, не бивъ челомъ о своихъ дѣлахъ прежде въ учрежденныхъ правительствомъ присутственныхъ мѣстахъ, прошенія свои подавать будутъ ея императорскому величеству, то таковые строго наказываются: имѣющіе чины—отдачею навсегда въ солдаты, а не имѣющіе чиновъ — отсылкою въ каторгу, публичнымъ наказаніемъ или поселеніемъ въ Нерчинскъ».

Въ числѣ городовъ, которые должна была посѣтить императрица, находилась Тула. Въ то время должность намѣстника тульскаго, калужскаго и рязанскаго, исправлялъ генералъ-поручикъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, боевую и административную дѣятельность котораго императрица очень цѣнила; человѣкъ энергическій, безкорыстный, но чрезвычайно тщеславный, онъ имѣлъ слабость окружать себя почти царской пышностью и почестями, появлялся въ публикѣ всегда окруженный многочисленной свитой, напудренный, въ щегольскомъ нарядѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ съ красными каблуками, въ бѣлыхъ перчаткахъ, и держалъ себя высокомѣрно не только съ подчиненными, но и съ равными себѣ лицами, что создало ему при дворѣ не мало враговъ. Не особенно благоволилъ къ Кречетникову и всемогущій князь Потемкинъ, считавшій иногда необходимымъ, съ свойственной ему рѣзкостью и безцеремонностью, умѣрять спесь тульскаго намѣстника. Такъ, однажды, узнавъ о какой-то выходкѣ Кречетникова, Потемкинъ призвалъ къ себѣ своего любимца, извѣстнаго тогда остряка, генерала С. Л. Львова, и сказалъ ему:

— Кречетниковъ слишкомъ заважничался; поѣзжай и сбавь ему спеси.

Львовъ поспѣшилъ исполнить приказаніе и отправился въ Тулу.

Въ праздничный день, когда Кречетниковъ съ важной осанкой, окруженный ординарцами и предшествуемый парадно разодѣтыми офиціантами, секретаремъ и чиновниками, появился въ пріемной

залѣ, гдѣ собрались тульскіе граждане для принесенія ему поздравленія, вдругъ, среди воцарившейся тишины, раздался голосъ человѣка, одѣтаго въ поношенное дорожное платье, который, вспрыгнувъ позади всѣхъ на стулъ, громко хлопалъ въ ладоши и кричалъ:

— Браво, Кречетниковъ, браво, брависсимо!

Изумленные взоры всего общества обратились на смѣльчака. Удивленіе присутствовавшихъ усилилось еще болѣе, когда намѣстникъ подошелъ къ незнакомцу и, ласково протягивая ему руку, сказалъ:

— Какъ я радъ, многоуважаемый Сергѣй Лаврентьевичъ, что вижу васъ. Надолго ли къ намъ пожаловали?

Но незнакомецъ, заливаясь смѣхомъ, началъ убѣждать Кречетникова «воротиться въ гостиную и еще разъ позабавить его пышнымъ выходомъ».

— Бога ради, перестаньте шутить,—бормоталъ растерявшійся Кречетниковъ:—позвольте васъ обнять.

— Нѣтъ,—кричалъ Львовъ:—не сойду съ мѣста, пока не исполните моей просьбы. Мастерски играете свою роль.

Сконфуженному Кречетникову стоило не малыхъ усилій уговорить дерзкаго посланца Потемкина слѣзть со стула и прекратить злую шутку, которая, разумѣется, на нѣкоторое время достигла цѣли.

Императрица также не пропускала случая умѣрять властолюбивыя замашки Кречетникова, но дѣлала это въ формѣ болѣе деликатной, нежели Потемкинъ. При открытіи калужскаго намѣстничества, Кречетниковъ приказалъ, когда онъ будетъ шествовать въ соборъ къ обѣднѣ, палить изъ пушекъ и звонить во всѣ колокола. Митрополитъ московскій Платонъ, которому была подчинена калужская епархія и который пріѣхалъ на открытіе намѣстничества, воспротивился колокольному звону. Между нимъ и Кречетниковымъ произошло по этому поводу непріятное объясненіе, но митрополитъ настоялъ на своемъ. Это дошло до свѣдѣнія Екатерины. По открытіи намѣстничества Кречетниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ и былъ принятъ милостиво.

— Былъ у васъ въ Калугѣ при открытіи московскій архіерей?—спросила его, между прочимъ, императрица.—Какъ вы встрѣтились? Вѣдь онъ не безъ норова.

— Встрѣтились пріятелями, разстались друзьями, — отвѣчалъ Кречетниковъ.

— А здѣсь какая прошла клевета,—продолжала императрица:—увѣряли, что онъ въ день открытія, при поѣздкѣ въ соборъ, тре-

бовалъ отъ васъ для себя пальбы изъ пушекъ. Я не повѣрила: пришлось бы вамъ тогда требовать отъ него себѣ звона во всѣ колокола.

II.

Императрица должна была пріѣхать въ Тулу 20-го іюня и предполагала прожить въ ней три дня, главнымъ образомъ для того, чтобы подробно осмотрѣть оружейный заводъ, имѣвшій тогда важное значеніе, такъ какъ онъ одинъ выдѣлывалъ огнестрѣльное оружіе для всей нашей арміи. Конечно, Кречетниковъ приложилъ всѣ старанія, чтобы государыня вынесла изъ своего пребыванія въ Тулѣ самое пріятное впечатлѣніе. Городскія и заводскія строенія были подновлены и окрашены, въ разныхъ мѣстахъ воздвигнуты тріумфальныя ворота и арки, заготовлена блестящая иллюминація, составлена программа увеселеній: параднаго спектакля, бала, серенады на р. Упѣ, противъ дворца, и т. п. Одно только смущало и заботило Кречетникова: въ Тульской губерніи былъ неурожай, и цѣны на хлѣбъ стояли очень высокія. Опасаясь, что это обстоятельство можетъ разстроить императрицу, если сдѣлается ей извѣстнымъ, онъ рѣшился скрыть его и не упомянулъ о немъ ни слова въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ о благосостоянія ввѣреннаго ему намѣстничества.

Очевидецъ А. Т. Болотовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въѣздъ Екатерины въ Тулу:

«Отъ намѣстника отдано приказаніе о встрѣчаніи государыни всѣми судьями и дворянствомъ подлѣ судебныхъ большихъ корпусовъ, гдѣ судьямъ велѣно было съ обѣихъ сторонъ стоять и дожидаться пріѣзда императрицы. Госпожамъ же всѣмъ указано въ нарядахъ своихъ собраться въ соборъ, мимо входа въ который надлежало государынѣ ѣхать. Не могу безъ смѣха вспомнить о той превеликой суетѣ, въ какой находились всѣ въ это достопамятное утро и какая скачка поднялась по всей Тулѣ каретъ и колясокъ и бѣготня взадъ и впередъ народа. Вся большая Кіевская улица, отъ самаго въѣзда и сооружаемыхъ при ономъ великолѣпныхъ тріумфальныхъ воротъ до самаго собора и далѣе до дворца, установилась въ одинъ почти мигъ безчисленнымъ множествомъ народа, съ неописанной нетерпѣливостью ожидавшимъ прибытія государыни и той минуты, въ которую онъ увидитъ свою обладательницу. Соборъ наполнился такъ боярынями, что сдѣлалась въ немъ отъ того духота совершенная. Всѣ онѣ одѣты были въ новые

свои однорядные или женскіе мундиры, и всякая изъ нихъ старалась получить для себя лучшее и выгоднѣйшее мѣсто для смотринъ государыни, о которой всѣ здѣсь навѣрное полагали, что она, поравнявшись противъ собора, непремѣнно остановится и, вышедъ изъ кареты, войдетъ въ церковь для поклоненія святымъ иконамъ.

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

(Съ портрета Лампи, принадлежащаго В. А. Энгельгардту).

Что касается намѣстника, то сей, распорядивъ нужное, съ нѣкоторыми изъ чиновниковъ своихъ и двѣнадцатью человѣками почетныхъ, выбранныхъ изъ молодыхъ дворянъ и одѣтыхъ въ богатое платье, поскакали верхами за городъ для встрѣчи императрицы. Въ семъ положеніи и стоя всѣ на своихъ мѣстахъ, провели мы все

тогдашнее, прекрасное, свѣтлое и тихое лѣтнее утро. Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу утра, громъ пушечной за городомъ пальбы возвѣстилъ намъ о приближеніи къ городу императрицы. Въ мигъ тогда все и вся и весь народъ установился въ порядокъ и всѣ съ неизъяснимыми вожделѣніями стали дожидаться ея прибытія и глазами искать уже вдали ея кареты, ѣхавшей за многими другими, проскакавшими мимо насъ впереди. Наконецъ показалась и она, окруженная множествомъ всадниковъ, скакавшихъ по обѣимъ сторонамъ оной. Самъ намѣстникъ скакалъ подлѣ кареты сей сбоку, верхомъ, и не успѣла оная поравняться противъ насъ, какъ всѣ мы отдали ей глубочайшій поклонъ. Но самое сіе поклоненіе и лишило насъ съ толикою нетерпѣливостью ожидаемаго удовольствія ее увидѣть, ибо, вмѣсто того, чтобы ей противъ насъ остановиться, какъ того мы всѣ ожидали, проскакала она мимо насъ такъ скоро, что мы, поднявъ головы свои, увидѣли уже карету ея далеко отъ насъ удалившуюся и посмотрѣли только вслѣдъ за оною. Столь же хорошо въ лестныхъ ожиданіяхъ своихъ обманулись и всѣ наши госпожи-боярыни, находившіяся въ соборѣ, ибо и тамъ императрицѣ не угодно было выйти изъ кареты. Но она, остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только передъ вынесеннымъ къ ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой далѣе ко дворцу. Итакъ, всѣ тутъ ожидавшія госпожи, искони не видавшія государыни въ глаза, принуждены были ни съ чѣмъ и съ чувствительнымъ неудовольствіемъ разъѣзжаться по своимъ домамъ и квартирамъ».

Императрица была очень утомлена путешествіемъ и предполагала, по пріѣздѣ въ Тулу, немного отдохнуть; но послѣ обѣда ей сообщили, что, по соглашенію Кречетникова съ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, въ этотъ день назначенъ парадный спектакль. Екатерина разсердилась и написала Храповицкому выговоръ:

«Съ крайнимъ удивленіемъ услышала я, вышедши изъ стола, что вы положили съ М. Н. Кречетниковымъ сегодня еще быть комедіи. Подобное положеніе, не доложась мнѣ, не подобаетъ дѣлать, понеже о томъ, что мнѣ угодно, или неугодно, никто знать не можетъ, и я въ опекунствѣ ничьемъ быть не желаю».

Тѣмъ не менѣе, чтобы не огорчить тульскихъ жителей, государыня поѣхала въ театръ. «Не успѣло, передъ вечеромъ, все дворянство въ театръ съѣхаться»—пишетъ Болотовъ—«и всѣ ложи онаго наитѣснѣйшимъ образомъ собой наполнить, какъ вошла государыня, въ сопровожденіи намѣстника и прочихъ господъ и го-

спожъ своей свиты. Минута вшествія ея, скажу, была восхитительная для всѣхъ. У всѣхъ глаза и сердца обращены были на оную и не успѣла государыня показаться, какъ съ возгремѣвшею вдругъ музыкою, всѣ, вставъ, ей наиглубочайшимъ образомъ поклонились и удостоены были и отъ ней соотвѣтственнымъ поклономъ. Съ сей минуты всѣхъ очи обращены были на нее во все продолженіе представленной тогда пьесы, которую едва ли и десятая часть народа видѣла. По окончаніи спектакля, поѣхала императрица обратно во дворецъ, а мы всѣ отправились за нею, для смотрѣнія иллюминаціи и серенады въ полномъ ихъ дѣйствіи и видѣ, ко дворцу; и провели остальное время сего вечера довольно весело, ибо было много зрѣнія достойнаго; въ особенности же любовался я безчисленнымъ множествомъ плошекъ, которыми всѣ стѣны и зубцы тульской старинной крѣпости и ея башенъ были иллюминованы, что представляло преузорочное зрѣлище, а таковое же душевное удовольствіе доставила всѣмъ присутствующимъ и тогдашняя серенада. Два разъѣзжающія по рѣкѣ, мимо дворца, судна были не только наипрекраснѣйшимъ образомъ разноцвѣтными огнями иллюминованы, но, кромѣ музыкантовъ и пѣвчихъ, наполнены были множествомъ господъ и госпожъ, и тихая, восхитительная гармонія духовой и вокальной музыки услаждала слухъ каждаго. Что касается императрицы, то она весь сей вечеръ провела во внутреннихъ покояхъ своихъ, въ отдохновеніи отъ трудовъ и безпокойствъ, съ путешествіемъ сопряженныхъ».

На другой день утромъ императрицѣ представлялись во дворцѣ дворяне, духовенство, чиновники, именитые граждане и всѣ были допущены къ цѣлованію руки. Затѣмъ государыня подробно осматривала оружейный заводъ, осталась очень довольна всѣмъ видѣннымъ и обѣщала вечеромъ пріѣхать на балъ, который ей давало тульское дворянство. Такимъ образомъ, все шло хорошо, и Кречетниковъ сіялъ отъ радости; но недруги его не дремали и старательно искали повода сдѣлать ему непріятность. Въ числѣ приближенныхъ государыни, питавшихъ къ нему непріязнь, находился оберъ-шталмейстеръ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, острякъ и шутникъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Екатерины и получившій право говорить и дѣлать въ ея присутствіи все, что ему вздумается. Лучшую характеристику Нарышкина нарисовала сама Екатерина. «Это былъ человѣкъ»—говоритъ она въ своихъ запискахъ—«самый странный, какого когда-либо знала. Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги

своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла, какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ». Вообще, Нарышкинъ являлся оживляющимъ элементомъ въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ императрицы. Онъ вносилъ въ него веселость, въ которой всѣ нуждались, до нѣкоторой степени стѣсняемые приличіями придворнаго этикета, и если эта веселость вносилась туда въ видѣ дурачествъ, то это обусловливалось тогдашними нравами. Но, балагуря и дурачась, Нарышкинъ въ своихъ шуткахъ умѣлъ иногда высказывать правду и обличать ложь, и Екатерина всегда снисходительно относилась къ его выходкамъ, зная его неподкупность и преданность себѣ.

Въ то время, какъ во дворцѣ происходилъ торжественный пріемъ и раздавались восторженныя рѣчи въ честь царицы, Нарышкинъ, одѣтый въ скромный костюмъ, безъ всякихъ знаковъ отличій, вмѣшался въ народную толпу, окружавшую дворецъ, прислушивался къ ея говору, пробрался на рынокъ, разспросилъ про цѣны на жизненные продукты и безъ труда узналъ о тяжеломъ положеніи, въ которомъ находились крестьяне и бѣдный людъ отъ недорода и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ.

Утомленная пріемомъ и осмотромъ оружейнаго завода, Екатерина, вернувшись во дворецъ, сбросила парадное платье и, надѣвъ капотъ, сѣла отдохнуть передъ обѣдомъ у открытаго окна своего кабинета. Вдругъ она видитъ Нарышкина, идущаго мимо съ двумя кряковыми утками въ рукѣ и палкой на плечѣ, на которую воткнута огромная коврига хлѣба. Изумленная государыня подзываетъ его и, догадываясь, что въ такой выходкѣ скрывается умыселъ, приказываетъ Нарышкину войти къ себѣ съ его оригинальной ношей.

— Что все это значитъ, Левъ Александровичъ?—спрашиваетъ императрица.

— Я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ и двухъ утокъ, которыхъ вы жалуете... отвѣчаетъ Нарышкинъ, кладя ихъ на столъ.

Екатерина сразу смекнула, въ чемъ дѣло.

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ?

Нарышкинъ докладываетъ, что за каждый фунтъ печенаго чернаго хлѣба онъ заплатилъ по четыре копейки.

— Быть не можетъ! Эта цѣна неслыханная! — говоритъ Екатерина и, заглянувъ въ лежавшій передъ ней рапортъ Кречетникова, прибавляетъ:—Напротивъ, мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ продается не дороже одной копейки мѣдью за фунтъ.

— Нѣтъ, государыня, вамъ донесли ложно; я самъ купилъ въ рынкѣ этотъ хлѣбъ, справлялся въ нѣсколькихъ лавкахъ, и цѣна его вездѣ одинакова.

— Удивляюсь, какъ же меня увѣряютъ, что въ здѣшней губерніи обильный урожай?

— Можетъ быть, нынѣшняя жатва будетъ удовлетворительна, но въ прошломъ году былъ большой недородъ, и теперь народъ голодаетъ...

Онъ пробѣжалъ бумагу и, возвращая ее, сказалъ съ улыбкой:

— Можетъ быть, это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ.

По лицу Екатерины скользнула тѣнь. Но чувство справедливаго негодованія противъ Кречетникова быстро смѣнилось въ ней чувствомъ сожалѣнія къ человѣку, который былъ ей преданъ, и который, очевидно, рѣшился скрыть отъ нея правду единственно изъ желанія не нарушить ея спокойствія и свѣтлаго настроенія духа.

— Значитъ, Михаилъ Никитичъ обманулъ меня! — промолвила она.—Но довольно объ этомъ. Подите, пошлите мнѣ графиню Скавронскую.

Когда графиня, состоявшая при императрицѣ статсъ-дамой, явилась, Екатерина объявила ей, что не поѣдетъ на балъ, и, разсказавъ, въ чемъ дѣло, прибавила: — «Могу ли я принять въ немъ участіе и веселиться, когда, можетъ быть, здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ». Она поручила Скавронской отправиться вмѣсто себя и сообщить, что она не въ состояніи пріѣхать, вслѣдствіе внезапнаго нездоровья.

Между тѣмъ, въ залѣ благороднаго собранія спѣшно оканчивались приготовленія къ пріему императрицы. Широкая лѣстница, ярко освѣщенная кенкетами, была устлана тонкимъ краснымъ сукномъ и розовымъ бархатомъ, а площадка уставлена померанцевыми, лимонными и апельсинными деревьями. Огромныя зеркала, отражая въ себѣ предметы, расширяли пространство. Вся зала была убрана фестонами изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Надъ мраморнымъ бюстомъ Екатерины, обставленнымъ лаврами и штамбовыми розами, возвышался транспарантъ съ ея вензелевымъ именемъ. Бѣлыя

гродетуровыя драпри съ широкою бахромою и кистями, перехваченныя вызолоченными аграфами, украшали всѣ окна, на которыхъ стояли цвѣты въ фарфоровыхъ горшкахъ, распространяя благоуханіе. Сотни восковыхъ свѣчей въ люстрахъ, обнизанныхъ хрустальными подвѣсками, и въ серебряныхъ канделябрахъ заливали залу яркимъ свѣтомъ. Къ девяти часамъ все помѣщеніе собранія наполнилось безчисленнымъ множествомъ разодѣтыхъ дворянъ и ихъ семействъ, собравшихся съ разныхъ концовъ губерніи. «Всѣ съ крайнею нетерпѣливостью и вожделѣніемъ дожидались той минуты, въ которую государыня прибыть имѣетъ»—разсказываетъ Болотовъ. «Не успѣли мы нѣсколько осмотрѣться, какъ вдругъ закричали: ѣдетъ! ѣдетъ! Не успѣло слово это всюду разнестись, какъ вмигъ произошла страшная между всѣми суета и волненіе. Всѣ поспѣшили, какъ можно скорѣе, становиться въ строй и составить изъ себя улицу для входа и прохода государыни, и сколько толчковъ надавано было при семъ случаѣ отъ протисненій другъ другу. Всякому хотѣлось встать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали уже вшествіе пріѣзжихъ въ сѣни. Наконецъ, загремѣла музыка, и въ тотъ же мигъ растворились настежь входныя двери. Но подумайте и вообразите себѣ, какъ сильно поразились всѣ, бывшіе тогда въ собраніи, и какъ изумились, увидавъ, вмѣсто государыни, нашего только намѣстника, ведущаго за руку графиню Скавронскую, спутницу императрицы, а за ними другихъ вельможъ, съ нею пріѣхавшихъ и ведущихъ также знаменитѣйшихъ госпожъ за руки, которыя не успѣли войти въ залу, какъ и пошли танцовать большой, длинный польскій. Господи! какое началось тогда у всѣхъ шептаніе и перешептываніе. Поразясь неожиданностью, спрашивали всѣ другъ у друга: «гдѣ и что же государыня-то? развѣ она не изволитъ быть?» И съ неописаннымъ прискорбіемъ скоро услышали, что хотя она и намѣрена была удостоить сей балъ своимъ посѣщеніемъ и осчастливить всю нашу публику своимъ присутствіемъ, но по причинѣ усталости и небольшого недомоганія ѣзду сію отложила, а изволила отпустить на балъ нашъ только всѣхъ своихъ спутниковъ и спутницъ. Не успѣло извѣстіе сіе по залѣ разнестись, какъ началось у всѣхъ неописанное о томъ сожалѣніе; всякъ изъявлялъ чувствованіе и прискорбіе о томъ другъ другу. Что же касается до госпожъ, обманувшихся въ наилестнѣйшихъ своихъ надеждахъ и увидѣвшихъ тогда, что всѣ ихъ траты и убытки, употребленные на свои наряды, обратились въ ничто и сдѣлались тщетными, то прискорбія, сожалѣнія и даже самой внутренней досады изобразить никакъ было не можно».

На другой день рано утромъ Екатерина, отдавъ съ вечера приказаніе какъ можно поспѣшнѣе готовиться къ отъѣзду, выѣхала изъ Тулы. Прощаясь съ Кречетниковымъ, она обошлась съ нимъ довольно ласково и лишь слегка замѣтила ему о чрезвычайно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ городѣ. Кречетниковъ пришелъ въ величайшее смущеніе и замѣшательство, хотѣлъ что-то объяснить въ свое оправданіе, но императрица прервала его, сказавъ:

— Надобно поскорѣе помочь этому горю, чтобы не случилось большой бѣды, — и съ этими словами сѣла въ свою карету, выразивъ желаніе, чтобы никто ея не провожалъ.

Хотя гроза и благополучно миновала Кречетникова, но все-таки тульскій хлѣбъ далъ ему себя знать, — онъ не получилъ никакой награды.

III.

Прошло почти четыре года, но неудовольствіе государыни, вызванное тульскимъ хлѣбомъ, продолжало тяготѣть надъ Кречетниковымъ. Въ февралѣ 1791 года, онъ получилъ увѣдомленіе, что свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, проѣздомъ изъ Яссъ въ Петербургъ, намѣренъ остановиться въ Тулѣ для осмотра оружейнаго завода. При неограниченной почти власти и вліяніи, которыми пользовался Потемкинъ, посѣщеніе его имѣло столь же важное значеніе, какъ и посѣщеніе императрицы; иногда одного слова этого капризнаго и избалованнаго вельможи было достаточно для того, чтобы составить счастіе или несчастіе людей, занимавшихъ даже высшія мѣста въ служебной іерархіи. Передъ нимъ всѣ заискивали и унижались, и всякая малѣйшая прихоть его исполнялась немедленно и безпрекословно. Кромѣ обычныхъ приготовленій для торжественнаго пріема Потемкина въ Тулѣ, Кречетниковъ, знавшій его привычки, распорядился, чтобы на каждой станціи было заготовлено все, что могло удовлетворить причудливый вкусъ свѣтлѣйшаго. Тульскій губернаторъ Лопухинъ ожидалъ Потемкина на границѣ Мценскаго уѣзда, при чемъ Кречетниковъ поручилъ ему всячески заботиться объ удобствахъ свѣтлѣйшаго. Но Потемкинъ, въѣхавъ въ Тульскую губернію, продолжалъ свой путь, нигдѣ не останавливаясь и даже не вылѣзая изъ дорожнаго дормеза, стекла котораго были постоянно опущены. Такимъ образомъ проскакалъ онъ, сопровождаемый губернаторомъ, капитанъ-исправникомъ и другими чиновниками, первыя двѣ станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, а Лопухинъ все еще не видѣлъ его. Желая непремѣнно предста-

виться свѣтлѣйшему и получить его приказанія, онъ обратился къ его любимому адъютанту Боуру, который былъ ему знакомъ и даже нѣсколько обязанъ. Въ Сергіевскѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Тулы, когда Боуръ, сидѣвшій вмѣстѣ съ Потемкинымъ, вышелъ изъ дормеза, Лопухинъ попросилъ его какимъ-нибудь средствомъ доставить ему случай увидѣть князя.

— Хорошо, — отвѣчалъ Боуръ: — я сдѣлаю все, что могу, но за успѣхъ не ручаюсь.

Затѣмъ, подойдя къ дормезу и обращаясь къ другимъ адъютантамъ и спутникамъ князя, Боуръ громко сказалъ:

— Однако, здоровый сегодня морозъ! Какъ бы хорошо выпить стаканъ вина или хоть водки и чего-нибудь перекусить.

Потемкинъ молчалъ.

— Кто бы отъ этого отказался,—подхватилъ одинъ изъ адъютантовъ, переминаясь съ ноги на ногу у дормеза. — Вѣдь теперь самое время для завтрака.

Потемкинъ молчалъ.

— Этакъ, чего добраго, можно и замерзнуть,—продолжалъ Боуръ.

— Ты шутишь, а намъ, право, не до шутокъ,—замѣтилъ другой адъютантъ.—Съ ранняго утра скачемъ въ открытыхъ саняхъ, хоть бы немного отогрѣться.

Потемкинъ молчалъ.

— Ваше свѣтлость, — сказалъ наконецъ Боуръ, потерявъ терпѣніе и придвинувшись къ самому окну дормеза: — здѣсь приготовленъ вкусный завтракъ.

Потемкинъ сдѣлалъ легкое движеніе.

— Тульскіе гольцы и горячіе калачи стоятъ вашего вниманія.

Стекло въ дормезѣ опустилось.

— Алексинскіе грузди и свѣжая осетровая икра заслуживаютъ того же.

— Ой ли?—лѣниво проговорилъ Потемкинъ.

— Кромѣ того, здѣсь отличный поваръ, который можетъ превосходно приготовить любимую вашу яичницу съ ветчиной и лукомъ.

— Ну, вели отворить карету,—сказалъ свѣтлѣйшій, повидимому, соблазнившись этимъ блюдомъ русской кухни.

Потемкинъ вышелъ изъ дормеза, окинулъ усталымъ взглядомъ своихъ спутниковъ и промолвилъ:

— Что съ вами дѣлать! Пойдемъ!

Они пошли къ почтовому дому, гдѣ ихъ, дѣйствительно, ожидали сытныя яства и бутылки съ разнообразными винами.

Сбросивъ соболью шубу, Потемкинъ въ какомъ-то изнеможеніи опустился въ вольтеровское кресло.

Боуръ доложилъ ему, что тульскій губернаторъ уже двѣ станціи сопровождаетъ ихъ и желаетъ представиться его свѣтлости.

— Попроси сюда господина губернатора,—отвѣчалъ онъ.

Боуръ поспѣшилъ отыскать Лопухина, сидѣвшаго въ сосѣдней комнатѣ, и крикнулъ ему:

— Пожалуйте поскорѣе къ его свѣтлости.

Разумѣется, Лопухинъ не заставилъ себя ждать. Увидя его, Потемкинъ сдѣлалъ легкое движеніе головой, что означало поклонъ, и холодно сказалъ:

— Напрасно вы безпокоились. Я слышалъ, что вы проѣхали съ нами двѣ станціи...

— Три, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Лопухинъ.

— Напрасно, повторяю вамъ. Я, право, не могъ знать этого, потому что не выходилъ изъ кареты. Я здѣсь немного отдохну и позавтракаю, а вы поѣзжайте съ Богомъ въ Тулу и поклонитесь Михаилу Никитичу, съ которымъ я скоро увижусь... Васъ же благодарю.

И Потемкинъ опять сдѣлалъ легкое движеніе головой. Лопухинъ поклонился, вышелъ изъ комнаты, надѣлъ шубу, сѣлъ въ сани и помчался въ городъ.

Послѣ завтрака княжескій поѣздъ тронулся въ дальнѣйшій путь и въ шесть часовъ вечера въѣхалъ въ Тулу, которая по этому случаю освѣтилась блестящей иллюминаціей. Намѣстникъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій предводитель съ дворянствомъ, военные генералы и штабъ-офицеры, почетный караулъ, чиновники присутственныхъ мѣстъ и оружейнаго вѣдомства встрѣтили князя у дворца. Потемкинъ находился въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ былъ очень вѣжливъ съ Кречетниковымъ, повторилъ свою благодарность Лопухину, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ губернскому предводителю и генераламъ, принялъ ординарцевъ, похвалилъ почетный караулъ и, вѣжливо раскланявшись со всѣми, пошелъ во внутренніе покои дворца вмѣстѣ съ намѣстникомъ и губернаторомъ.

За обѣденнымъ столомъ, къ которому было приглашено болѣе сорока особъ, Потемкинъ, обращаясь къ Кречетникову, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, сказалъ, указывая на нѣкоторыя кушанья, по тогдашнему обычаю, разставленныя на столѣ:

— Я замѣчаю, Михаилъ Никитичъ, что вы меня балуете. Все, что я видѣлъ и вижу, доказываетъ особое ваше обо мнѣ озабочиваніе...

— Очень радъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Кречетниковъ съ радостной улыбкой:—что я могъ угодить вамъ этими мелочами.

Взявъ съ тарелки огромную мясновскую рѣдьку, красовавшуюся подъ хрустальнымъ колпакомъ, Потемкинъ отрѣзалъ отъ нея толстый ломоть и продолжалъ:

— У васъ каждое блюдо такъ хорошо смотритъ, что я начинаю бояться за мой желудокъ...

Рѣдька чрезвычайно ему понравилась; но, къ величайшему удивленію всѣхъ, онъ взялъ вслѣдъ за тѣмъ свѣжій ананасъ, также находившійся на столѣ, разрѣзалъ его пополамъ и началъ ѣсть, замѣтивъ:

— У всякаго свой вкусъ.

Когда намѣстникъ провозгласилъ тостъ за здоровье князя, музыка заиграла тушъ, артиллерія, привезенная на этотъ случай изъ парка, открыла пальбу, а присутствовавшіе встали и крикнули: «виватъ!»

— Спасибо вамъ, Михаилъ Никитичъ,—сказалъ Потемкинъ.— Все это прекрасно, но здѣсь нѣтъ еще одной вещи, до которой я большой охотникъ и которую, помнится, вы присылали мнѣ въ Бендеры...

— Не могу догадаться, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ нѣсколько изумленный Кречетниковъ.

— Вы, вѣдь, и калужскій намѣстникъ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Могу васъ увѣрить, что тульскіе обварные калачи едва ли лучше калужскаго тѣста...

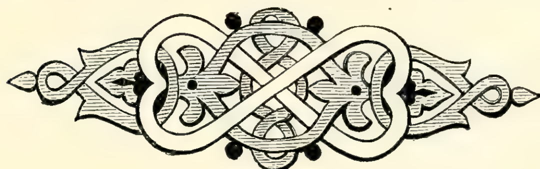
Тотчасъ по окончаніи обѣда нарочный курьеръ поскакалъ въ Калугу и на другой день, загнавъ нѣсколько лошадей, доставилъ къ завтраку князя калужское тѣсто.

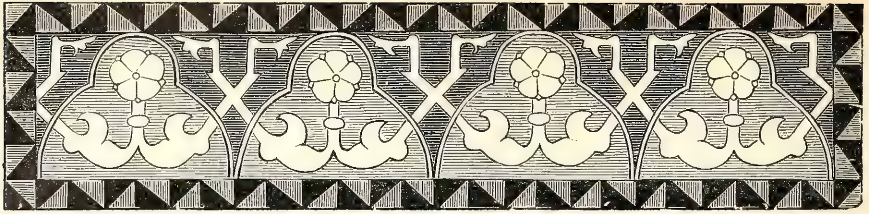
Между тѣмъ Потемкинъ не забылъ главнѣйшей цѣли своего пребыванія въ Тулѣ—оружейнаго завода. Онъ посвятилъ ему два утра и осмотрѣлъ его подробно, во всѣхъ частяхъ. Многое онъ одобрилъ, но многое нашелъ требующимъ значительныхъ улучшеній и преобразованій. Потемкинъ тутъ же сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и приказалъ выбрать двухъ чиновниковъ, которыхъ хотѣлъ послать въ Англію для изученія оружейнаго искусства. Сверхъ того, онъ выразилъ намѣреніе вызвать изъ этого государства опытныхъ и знающихъ мастеровъ для закалки стали, которую дѣлали у насъ очень плохо. Предположенія князя осуществились, но уже послѣ его кончины.

Два дня народъ толпился на улицахъ, любопытствуя увидѣть знаменитаго вельможу. Два дня въ Тулѣ происходили безпрерывныя пиршества и увеселенія, раздавались музыка, пѣніе... Наконецъ

Потемкинъ уѣхалъ, и городъ снова вернулся къ своей однообразной и скучной жизни.

Калужское тѣсто оказалось для Кречетникова счастливѣе тульскаго хлѣба. По ходатайству Потемкина и докладу его о блестящемъ состояніи Тульской губерніи и оружейнаго завода, императрица произвела Кречетникова въ генералъ-аншефы и сообщила ему объ этомъ собственноручнымъ и милостивымъ письмомъ.

Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина.

ПЯТАГО октября 1891 года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины любимца и друга императрицы Екатерины II, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ обстоятельной біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія и знаемъ его преимущественно лишь по множеству не всегда достовѣрныхъ анекдотовъ, рисующихъ «великолѣпнаго князя Тавриды», какъ избалованнаго сибарита, презрительно относившагося ко всему окружающему, ставившаго выше всего свои капризы и не знавшаго препятствій для удовлетворенія своихъ минутныхъ фантазій и прихотей. Эти анекдоты, выставляющіе напоказъ, главнымъ образомъ, только недостатки Потемкина, совсѣмъ затемнили его государственную дѣятельность, а между тѣмъ уже одно безкровное завоеваніе Крыма, созданіе черноморскаго флота и превращеніе пустынныхъ степей Новороссіи въ цвѣтущую провинцію даютъ ему право на видное мѣсто среди наиболѣе достопамятныхъ русскихъ людей. Недаромъ смерть Потемкина поразила Екатерину и привела ее въ такое отчаяніе, что она заперлась въ своемъ кабинетѣ, плакала и долго не могла успокоиться. «Мнѣ некѣмъ замѣнить Потемкина», говорила она окружающимъ: «онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячій, сердце доброе; онъ благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ; его нельзя было купить. C'était mon élève, homme de génie» (это былъ мой ученикъ, человѣкъ геніальный). Не одна

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

(Съ рѣдкой гравюры Скородумова).

только привязанность государыни возвысила Потемкина до высшихъ ступеней, доступныхъ подданному; къ нимъ привели его также и блестящія природныя дарованія, давшія ему возможность оказать много важныхъ услугъ родинѣ и прибавить не мало лучей къ ореолу славы своей благодѣтельницы. Странна была судьба этого человѣка: превративъ бѣднаго школьника смоленской семинаріи въ всесильнаго временщика, передъ которымъ все преклонялось, она заставила его умереть въ степи, на голой землѣ, подъ открытомъ небомъ. Онъ кончилъ карьеру такъ же оригинально, какъ и началъ ее. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь характеристику Потемкина; цѣль нашей замѣтки — напомнить о немъ и разсказать нѣкоторыя подробности его кончины, которыя многими, можетъ быть, забыты, а инымъ, пожалуй, и совсѣмъ неизвѣстны.

Послѣ счастливой кампаніи 1790 года, закончившейся взятіемъ неприступнаго Измаила, Потемкинъ, командовавшій тогда арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, приказалъ войскамъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи, а самъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ, куда его призывали не столько дѣла государственныя, сколько личныя: при дворѣ внезапно взошла новая и весьма яркая звѣзда,—князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Въ 1789 году еще секундъ-ротмистръ конной гвардіи, двадцатидвухлѣтній Зубовъ въ слѣдующемъ году былъ уже флигель-адъютантомъ государыни, генералъ-майоромъ и кавалеромъ орденовъ св. Станислава, Бѣлаго Орла, св. Анны и св. Александра Невскаго. При такихъ явныхъ знакахъ особаго благоволенія престарѣлой императрицы, надменный Зубовъ не хотѣлъ искать благосклонности и покровительства Потемкина и не обнаруживалъ къ нему того раболѣпнаго уваженія, съ какимъ все преклонялось передъ княземъ Таврическимъ. Убѣждаясь изъ множества фактовъ, что вліяніе Зубова на Екатерину растетъ съ необычайной быстротой, Потемкинъ почувствовалъ, что имѣетъ въ лицѣ его опаснаго соперника. Такое сознаніе потрясло душу человѣка, привыкшаго въ теченіе пятнадцати лѣтъ не видѣть себѣ совмѣстника въ довѣріи императрицы, вліяніи на государственныя дѣла и въ мнѣніи общественномъ относительно силы своей у престола. Чувство глубоко оскорбленнаго самолюбія зародилось въ душѣ всемощнаго дотолѣ вельможи, и ни пышность, ни великолѣпіе, его окружавшія, ни почести, вездѣ ему воздаваемыя, не могли доставить ему развлеченія. Онъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ, скученъ, искалъ разсѣянія и нигдѣ не находилъ его. Не скрывая своего безпокойства отъ государыни, Потемкинъ писалъ ей въ исходѣ декабря 1790 г. изъ Яссъ, гдѣ находилась главная квартира:

«Матушка родная! При обстоятельствахъ, васъ отягощающихъ, не оставляйте меня безъ увѣдомленія. Неужели вы не знаете мѣру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ. Каково слышать мнѣ, со всѣхъ сторонъ, нелѣпыя новости и не знать: вѣрить имъ или нѣтъ? Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ несказанную слабость. Лишась сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ

Потемкинъ на смертномъ одрѣ.

(Съ весьма рѣдкой гравюры Скородумова. Изъ собранія П. Я. Дашкова).

видятъ мое изнуреніе. Ѣхать въ Херсонъ, сколь ни нужно, не могу двинуться; то въ подобныхъ обстоятельствахъ скажите только, что вы здоровы».

Въ началѣ февраля, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія по арміи и флоту и передавъ начальство надъ ними князю Репнину, Потемкинъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ съ большими почестями и остановился, по обыкновенію, въ Эрмитажѣ. Екатерина прислала ему фельдмаршальскій мундиръ, укра-

шенный по шитью алмазами и драгоцѣнными камнями, цѣною въ 200,000 рублей, и копію съ указа, даннаго ею сенату, въ которомъ, послѣ подробнаго перечисленія подвиговъ русскихъ войскъ въ прошедшую кампанію, говорилось:

«Вознося хвалу и благодареніе Всевышнему, благословляющему успѣхами праведное дѣло наше и поборствующему намъ противъ враговъ нашихъ, обращаемъ вниманіе наше на тѣхъ, кои ревностными ихъ подвигами были истинные виновники таковой, вновь пріобрѣтенной оружіемъ нашимъ, славы и, воздавъ справедливость заслугамъ каждаго, восхотѣли мы изъявить оную главному предводителю сухопутныхъ и морскихъ силъ нашихъ, противъ непріятеля имени христіанскаго дѣйствующихъ, генералъ-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому, неусыпными распоряженіями и руководствомъ котораго произведены всѣ дѣла вышеозначенныя. Повелѣваемъ вслѣдствіе того Сенату нашему засвидѣтельствовать отличные и государству полезные подвиги его новою похвальною грамотою и сверхъ того, на вѣчную память заслугъ его, воздвигнуть ему, на иждивеніи казны нашей, домъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ тому уборомъ и передъ онымъ соорудить монументъ съ изображеніемъ побѣдъ и завоеваній, подъ его руководствомъ одержанныхъ, истребовавъ отъ него планъ дома и отобравъ желаніе, въ столицѣ, или въ деревнѣ, онъ предпочтетъ сіе строеніе».

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Потемкинъ, повидимому, продолжалъ пользоваться, какъ и прежде, благосклонностью и неограниченнымъ довѣріемъ императрицы, которая почти ежедневно видѣлась съ нимъ и ничего не предпринимала безъ его совѣта: вельможи попрежнему унижались и раболѣпствовали передъ княземъ, однако, несмотря на это, глубокая печаль не покидала его: онъ скучалъ почестями и ласками, былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собой, жаловался приближеннымъ на «боль зуба», говорилъ, что не выѣдетъ изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока не выдернетъ его. Предаваясь горестнымъ предчувствіямъ, Потемкинъ торопился отдѣлкой подареннаго ему Екатериной Таврическаго дворца и устроилъ въ немъ 9-го мая для императрицы и всего двора торжественный праздникъ, стоившій, какъ говорили, около полумилліона рублей и поразившій своимъ небывалымъ великолѣпіемъ и роскошью даже государыню.

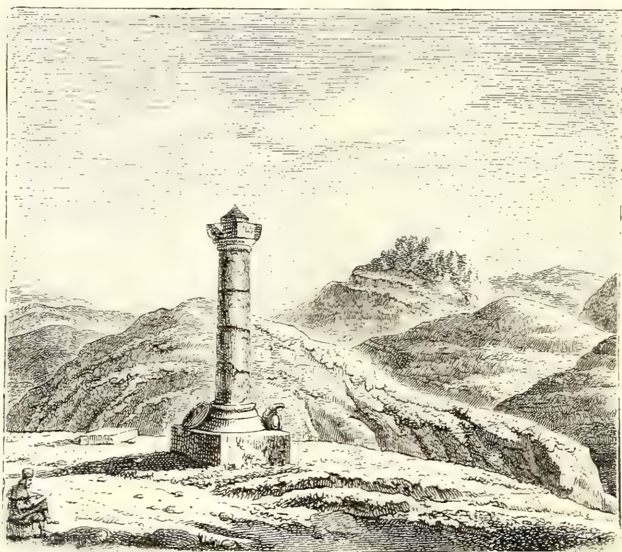
Послѣ этого праздника Потемкинъ уже не вернулся въ Эрмитажъ, а остался въ Таврическомъ дворцѣ. Живя здѣсь, въ нетерпѣливомъ ожиданіи освободиться отъ мучившаго его соперника, князь не переставалъ заниматься дѣлами, касавшимися ввѣренныхъ ему

войскъ; но военныя дѣйствія начались безъ него и при томъ весьма удачно. Князь Голицынъ взялъ Мачинъ, Кутузовъ разбилъ турокъ при Бабадагѣ, Гудовичъ послѣ кровопролитнаго штурма овладѣлъ сильной и важной крѣпостью Анапой. Наконецъ, 28-го іюня, князь Репнинъ одержалъ блистательную побѣду надъ великимъ визиремъ близъ Мачина. Эта побѣда заставила турокъ вступить въ переговоры о мирѣ. Такимъ образомъ, Потемкинъ поставленъ былъ въ необходимость немедленно ѣхать въ армію. 24-го іюля, онъ простился, въ послѣдній разъ, съ императрицей и въ шестомъ часу утра отправился изъ Царскаго Села въ Молдавію. Современники разсказываютъ, что въ послѣднее пребываніе его въ Петербургѣ въ немъ уже не было замѣтно ни той раздражительности, ни тѣхъ странныхъ причудъ и прихотей, которыя прежде всѣ привыкли видѣть, и что онъ, будто бы, даже сообщилъ одной изъ своихъ близкихъ родственницъ предчувствіе близкой кончины.

Между тѣмъ, князь Репнинъ, не ожидая прибытія Потемкина, подписалъ 31-го іюля въ Галацѣ предварительныя условія мира. Это извѣстіе еще болѣе разстроило Потемкина, и онъ не скрылъ своей досады, сдѣлавъ выговоръ Репнину, который, въ данномъ случаѣ, руководился лишь личнымъ честолюбіемъ, такъ какъ единственная причина, побудившая его съ такою поспѣшностью утвердить мирныя условія, состояла въ томъ, чтобы окончить это столь желаемое императрицей дѣло безъ участія главнокомандующаго и приписать всю заслугу себѣ.

Потемкинъ пріѣхалъ въ Галацъ уже больной тѣломъ и духомъ. На третій день по его пріѣздѣ умеръ очень любимый имъ генералъ, принцъ Карлъ Виртембергскій, родной братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Отдавая послѣдній долгъ усопшему, князь вышелъ изъ церкви грустный, утомленный духотою и жарою, и въ разсѣянности, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на дроги, приготовленныя для покойника. Ничтожное обстоятельство это сильно подѣйствовало на его воображеніе, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства онъ сохранилъ много суевѣрныхъ предразсудковъ. Вечеромъ онъ почувствовалъ ознобъ и жаръ—первые признаки горячки, которая свела его въ могилу. Въ виду отсутствія въ Галацѣ всякихъ удобствъ, Потемкинъ отправился въ Яссы, гдѣ находились три весьма искусные врача: генералъ-штабъ-докторъ арміи Тиманъ, докторъ хирургіи Массотъ и штабъ-лекарь Санковскій. Они приложили всѣ свои знанія, чтобы помочь больному, но болѣзнь не поддавалась и, ослабѣвая порою, возвращалась съ новою силою. Сознавая безнадежность своего положенія, Потемкинъ пожелалъ, 21-го сентября,

пріобщиться св. Таинъ и послалъ за духовникомъ своимъ, архіепископомъ херсонскимъ Амвросіемъ, который немедленно явился къ нему вмѣстѣ съ митрополитомъ рунсскимъ Іоною. Оба они старались успокоить больного и вселить въ него надежду на выздоровленіе.—«Едва ли я выздоровѣю», отвѣчалъ онъ имъ: «сколько уже времени, а облегченія нѣтъ какъ нѣтъ. Но да будетъ воля Божія! Только вы молитесь о душѣ моей и помните меня. Ты духовникъ мой», продолжалъ князь, обращаясь къ Амвросію, «и вѣдаешь, что

Памятникъ на мѣстѣ кончины Потемкина, въ первоначальномъ видѣ.
(Съ гравюры начала прошлаго столѣтія).

я никому не желалъ зла. Осчастливить человѣка было цѣлью моихъ стремленій». Амвросій и Іона, обливаясь слезами, приступили къ исполненію великаго таинства. Потемкинъ исповѣдался и причастился съ живѣйшими знаками вѣры и послѣ этого повеселѣлъ и сталъ покойнѣе. 30-го числа, въ день своего рожденія и именинъ, князь былъ обрадованъ полученіемъ отъ императрицы письма и подарка, состоявшаго изъ легкой шубы и шлафрока. Читая письмо государыни, онъ горько плакалъ и, на утѣшенія окружающихъ, отвѣчалъ, что, вѣроятно, уже не будетъ имѣть счастія увидѣть свою благодѣтельницу. Въ ночь съ 2-го на 3-е октября наступилъ такой сильный пароксизмъ, который привелъ въ отчаяніе всѣхъ медиковъ. Въ теченіе девяти часовъ они не находили у больного пульса; онъ

никого не узнавалъ, руки и ноги были холодны, какъ ледъ, лицо совершенно измѣнилось. Энергическими мѣрами удалось привести его въ сознаніе, но онъ чрезвычайно ослабъ. Однако, несмотря на слабость, Потемкинъ велѣлъ какъ можно скорѣе готовиться къ отъѣзду изъ Яссъ, говоря: «По крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ». Выѣздъ былъ назначенъ 4-го числа утромъ, и князь без-

Памятникъ на мѣстѣ кончины князя Потемкина, въ настоящее время.
(Рисунокъ съ натуры художника Райляна, въ 1890 г.).

престанно спрашивалъ, который часъ, и все ли готово. Едва разсвѣло, онъ, не обращая вниманія на просьбы окружающихъ—подождать, пока разойдется туманъ, приказалъ посадить себя въ большія кресла и снести къ большой шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ трудомъ и положили. Передъ отъѣздомъ Потемкинъ дрожащей рукой подписалъ слѣдующее, продиктованное имъ своему правителю канцеляріи Попову, послѣднее письмо къ императрицѣ:

«Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія, одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ везти себя къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный. (Собственноручная приписка) Одно спасеніе уѣхать».

Поѣздъ Потемкина состоялъ изъ нѣсколькихъ экипажей, въ которыхъ находились: племянница его графиня Браницкая, рожденная Энгельгардтъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшая нарочно изъ Кіева, по случаю болѣзни горячо любимаго ею дяди, генералъ-поручикъ князь Голицынъ, генералъ-майоръ Львовъ, правитель канцеляріи Поповъ, бригадиръ Фалѣевъ, адъютантъ Боуръ, казацкій атаманъ Гавриленко, доктора Тиманъ, Массотъ и Санковскій, іеромонахъ Іаковъ и многочисленная прислуга; десять конныхъ казаковъ конвоировали экипажи. Поѣздъ двигался такъ тихо, что только въ седьмомъ часу вечера достигъ первой станціи, въ 30 верстахъ отъ Яссъ, села Пунчешты, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ у командира Таврическаго гренадерского полка, полковника Кнорринга. Командиръ и офицеры, въ парадной формѣ, ожидали главнокомандующаго у крыльца приготовленнаго для него дома, намѣреваясь сдѣлать торжественную встрѣчу, но когда карета остановилась, то изъ нея раздался недовольный голосъ: «Душно! жарко!» Потемкина внесли въ домъ и уложили на диванъ. Онъ велѣлъ отворить всѣ окна, повторяя: «Душно! жарко!» Все, что можно было достать для прохлажденія больного, было подано, но онъ продолжалъ метаться и стонать. Около десяти часовъ князь немного успокоился, и спутники его пошли ужинать къ Кноррингу. Такъ какъ выѣздъ былъ назначенъ въ восемь часовъ утра, то послѣ ужина всѣ улеглись спать. Вдругъ въ третьемъ часу ночи поднялась тревога: князь приказалъ какъ можно скорѣе закладывать и подавать экипажи. Одѣвшись кое-какъ, всѣ поспѣшили на свои мѣста и тронулись въ дальнѣйшій путь шагомъ. Отъѣхавъ еще десять верстъ, княжеская карета внезапно остановилась. Сопровождавшіе Потемкина лица выскочили изъ своихъ экипажей, бросились къ каретѣ и увидѣли, что онъ дрожащими руками держитъ всегда сопутствовавшую ему икону Спасителя, лобызаетъ ее, обливаетъ слезами, восклицая: «Боже мой! Боже мой!» Затѣмъ онъ произнесъ: «Будетъ теперь... некуда ѣхать... я умираю... Выньте меня изъ коляски... хочу умереть въ полѣ». Наскоро разостлали коверъ, принесли кожаную подушку и уложили больного. Доктора намочили ему голову спиртомъ. Такъ пролежалъ онъ около получаса, молча, вперивъ потухающій взоръ въ голубое, безоблачное небо. Наконецъ началась

Видъ города и порта Николаева въ концѣ XVIII столѣтія.

(Съ рѣдкой гравюры того времени).

агонія. Камердинеръ схватилъ образъ и опустился съ нимъ на колѣни передъ умирающимъ, кто-то изъ свиты приподнялъ ему голову, кругомъ послышались рыданія. Потемкинъ глубоко вздохнулъ, потянулся—и отошелъ въ вѣчность.

Ночью, въ той же самой каретѣ, окруженной казаками и драгунами съ зажженными факелами въ рукахъ, тѣло Потемкина было привезено обратно въ Яссы.

Императрица велѣла похоронить Петемкина почти съ царскими почестями и великолѣпіемъ въ Херсонѣ и поставить ему мраморный памятникъ. Прахъ его, въ свинцовомъ гробу, былъ погребенъ въ Херсонской крѣпостной соборной церкви во имя св. Екатерины, подъ поломъ, въ особомъ склепѣ, въ который съ наружной стороны храма велъ длинный ходъ: сюда желающіе приходили поклониться и служить панихиды. Въ такомъ видѣ гробъ, видимый для публики, оставался до 1798 года, когда, по приказанію императора Павла, питавшаго особенное нерасположеніе къ Потемкину, послѣдовало на имя херсонскаго губернатора, Селецкаго, слѣдующее предписаніе генералъ-прокурора князя Куракина:

«Государю императору сдѣлалось извѣстно, что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особомъ сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо; а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ томъ же погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало».

Одновременно съ этимъ приказано было «уничтожить» и мраморный «мавзолей», поставленный въ церкви надъ мѣстомъ погребенія Потемкина.

Секретная задѣлка, ночью, склепа съ гробомъ Потемкина и уничтоженіе надгробнаго памятника породили молву, будто тѣло его вынуто изъ гроба и безслѣдно погребено гдѣ-то во рву херсонской крѣпости. Между тѣмъ тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ, въ чемъ имѣются свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ. Такъ, въ 1818 году, екатеринославскій архіепископъ Іовъ (Потемкинъ), въ бытность свою въ Херсонѣ во время объѣзда епархіи, пожелалъ, по родству, убѣдиться въ справедливости молвы; въ присутствіи соборныхъ священниковъ, онъ приказалъ поднять церковный полъ, проломать сводъ склепа и, вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ нахожденіи въ немъ трупа; при этомъ, говорятъ, архіепископъ вынулъ и увезъ съ собой сосудъ съ внутренностями по-

койнаго и надѣтый на послѣдняго портретъ Екатерины II, осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ 1859 году, по случаю внутреннихъ починокъ въ соборѣ, пять лицъ спускались въ склепъ и, вынувъ изъ развалившагося, засыпаннаго землей гроба, черепъ и нѣкорыя кости Потемкина, вложили ихъ въ особый ящикъ и оставили въ склепѣ; при этомъ было произведено новое расхищеніе могилы: взяты всѣ пуговицы съ мундира, куски золотого позумента и сняты даже полуистлѣвшія туфли съ ногъ трупа. Наконецъ, въ 1874 году, Одесское Общество Исторіи и Древностей, при содѣйствіи тогдашняго военнаго министра, Д. А. Милютина, рѣшило привести въ порядокъ могилу Потемкина, сдѣлать надъ нею мраморную плиту съ приличною надписью и окружить мѣсто погребенія рѣшеткой. По вскрытіи уполномоченными пола въ церкви, обнаружился сводъ склепа, проломанный въ двухъ мѣстахъ, изъ которыхъ одно было заложено наглухо каменьями, а другое досками; по снятіи послѣднихъ открылся самый склепъ, частію засыпанный землею. Въ склепѣ прежде всего найденъ деревянный церковный ящикъ небольшой величины; въ немъ лежалъ черепъ съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа были видны клочки темнорусыхъ волосъ; тутъ же лежало нѣсколько другихъ костей. Далѣе, въ разрыхленной землѣ оказались части истлѣвшаго деревяннаго ясневаго гроба и куски свинцоваго, разрушеннаго, очевидно, не временемъ, а человѣческими руками; также остальныя кости съ истлѣвшими кусками роскошной одежды, на которой вышиты канителью три звѣзды: св. Георгія, св. Владимира и св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь же лежалъ небольшой желѣзный ломъ, остатки бархата и нѣсколько гробовыхъ скобъ и подножій; на ножныхъ костяхъ замѣтны были слѣды шелковыхъ чулокъ. Уполномоченные собрали всѣ кости Потемкина, уложили ихъ въ особый свинцовый ящикъ, который и поставили тутъ же въ склепѣ; отверстія въ сводѣ были задѣланы, и надъ ними положена мраморная доска. Остатки позумента, скобы, подножія и звѣзды были также положены въ особый ларецъ, оставленный въ ризницѣ крѣпостного собора на память о покойномъ.

Такимъ образомъ, кости Потемкина ограждены отъ новыхъ святотатственныхъ покушеній, и продырявленный черепъ его съ прядью темнорусыхъ волосъ можетъ покойно лежать и разрушаться въ своемъ свинцовомъ ящикѣ.

Позднѣйшее потомство оцѣнило заслуги князя Таврическаго: въ 1836 году «благодарный Новороссійскій край», съ высочайшаго

соизволенія, воздвигъ въ честь Потемкина въ центрѣ Херсона, въ городскомъ саду, бронзовый памятникъ, изображающій князя во весь ростъ, облеченнаго въ рыцарскую мантію. Колоссальная фигура Потемкина, превосходно исполненная знаменитымъ скульпторомъ Мартосомъ, возвышается на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ чугунными колоннами и цѣпью.

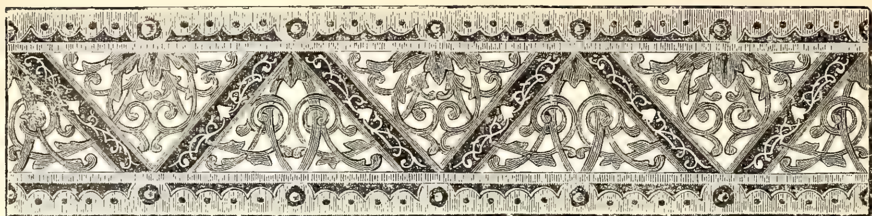
Особенности кончины Потемкина произвели сильное впечатлѣніе на графиню Браницкую, и она тогда же поручила находившемуся при главной квартирѣ въ Яссахъ художнику Казанова изобразить это событіе на полотнѣ. Казанова срисовалъ съ натуры мѣстность и безоблачное небо послѣ только что исчезнувшаго утренняго тумана и расположилъ всѣ группы согласно разсказу очевидцевъ, списавъ съ нихъ портреты. Кромѣ того, другой художникъ, Ивановъ, также состоявшій при Потемкинѣ, нарисовалъ его лежащимъ въ гробу. Какъ съ картины Казанова, такъ и съ портрета Иванова были сдѣланы извѣстнымъ въ свое время граверомъ Скородумовымъ гравюры, составляющія теперь величайшую рѣдкость. Подъ гравюрой, изображающей смерть Потемкина, находится слѣдующая надпись:

«Représentation de la mort du prince Potemkin le Taurique, feld-marechal des armées de sa majesté l'imperatrice de toutes les Russies, grand hetman des cosaques etc. Ainsi que le lieu pris d'après nature et les personnages qui se trouvaient à cet événement, arrivé en Moldavie le 5 octobre 1791» (Изображеніе кончины князя Потемкина-Таврическаго, фельдмаршала арміи ея величества императрицы всероссійской, гетмана казачьихъ войскъ, и пр., равно какъ и мѣстности, срисованной съ натуры, и особъ, присутствовавшихъ при семъ событіи, случившемся 5-го октября 1791 г.), а далѣе извѣстные стихи:

«О видъ плачевный! Смерть ужасна.
«Кого отъемлешь ты отъ насъ!
«Какъ искра, во мгновенье ока,
«Герой! твой славный вѣкъ погасъ!
«Надменны покоривъ намъ грады,
«Самъ кончилъ жизнь среди степей
«И мира сладкаго въ отрадѣ
«Во славѣ не вкусилъ твоей.
«Доколѣ сами не увянемъ,
«Ты будешь въ нашихъ жить сердцахъ,
«Лить горьки слезы не престанемъ
«И ими орошать твой прахъ».

На самомъ мѣстѣ кончины Потемкина, въ степи, по распоряженію графини Браницкой, былъ сооруженъ круглый каменный столбъ, близъ котораго построенъ домикъ для сторожа. Все это содержалось въ порядкѣ на счетъ внуковъ графини до конца пятидесятыхъ годовъ, когда графы Браницкіе продали свои имѣнія, находившіяся близъ Бессарабіи. Съ тѣхъ поръ столбъ, оставленный безъ ремонта, началъ разрушаться и наконецъ обвалился. Тогда, по чьему-то распоряженію, вмѣсто него поставленъ другой, довольно безобразной формы. Художникъ Ѳ. Р. Райлянъ, проѣзжавшій по этой мѣстности въ 1890 году, срисовалъ для насъ видъ столба въ настоящемъ его видѣ, и мы воспроизводимъ его здѣсь, вмѣстѣ съ рисункомъ первоначально воздвигнутой колонны. Кромѣ того, прилагаемъ къ нашей замѣткѣ уменьшенныя копіи съ картины Казанова и портрета Потемкина, сдѣланнаго Ивановымъ.

Графъ К. Г. Разумовскій.

(1724—1803).

Въ день рожденья императрицы Анны Ивановны, 28 января 1737 года, цесаревна Елисавета Петровна присутствовала при торжественномъ богослуженіи въ церкви Зимняго дворца. Когда запѣли херувимскую, цесаревна была поражена необыкновенно чистымъ и пріятнымъ голосомъ пѣвчаго, исполнявшаго теноровую партію, и пожелала узнать его имя. Ей доложили, что пѣвчаго зовутъ Алексѣемъ Розумомъ, что онъ сынъ реестроваго казака и недавно привезенъ изъ Малороссіи. По окончаніи литургіи великая княжна приказала представить себѣ Розума. Наружность его поразила Елисавету Петровну еще болѣе, нежели голосъ. Высокій, стройный, немного смуглый, съ правильными чертами лица и чудными черными глазами, Розумъ былъ настоящій красавецъ. Цесаревна упросила оберъ-гофмаршала графа Левенвольде уступить ей молодого пѣвчаго и перевела его въ свой штатъ бандуристомъ. Красивый малороссіянинъ началъ появляться въ небольшомъ кружкѣ лицъ, приближенныхъ къ цесаревнѣ, и увлекалъ всѣхъ неподражаемымъ пѣніемъ мелодическихъ пѣсенъ своей родины. Скоро передъ пѣвцомъ широко раскинулась пышная дорога. Переименованный изъ Розума въ Разумовскаго, онъ сдѣлался любимцемъ и камеръ-юнкеромъ Елисаветы Петровны, а 25 ноября 1741 года, въ день восшествія ея на престолъ, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, поручики лейбъ-кампаніи,

съ чиномъ генералъ-аншефа, и вслѣдъ за тѣмъ получилъ званіе оберъ-егермейстера, ордена св. Анны и св. Андрея Первозваннаго и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

Достигнувъ столь быстро и неожиданно высшихъ государственныхъ чиновъ и важнаго значенія при особѣ государыни, Разумовскій прежде всего вспомнилъ о своихъ родныхъ. Въ это время находились въ живыхъ: его старуха-мать, Наталья Демьяновна, три сестры, Агаѳья, Анна и Вѣра [1]), и младшій братъ Кириллъ, родившійся въ 1724 году. Всѣ они жили въ Черниговской губерніи, въ Козелецкомъ уѣздѣ, въ небольшомъ хуторѣ Лемеши, гдѣ Наталья Демьяновна содержала шинокъ, а Кириллъ пасъ скотину. Алексѣй Григорьевичъ поспѣшилъ вызвать ихъ къ себѣ. Съ этой цѣлью въ Лемеши было отправлено посольство въ блестящихъ экипажахъ, съ богатыми подарками, въ числѣ которыхъ находилась драгоцѣнная соболья шуба. По пріѣздѣ на хуторъ, посланные спросили: «Гдѣ живетъ здѣсь госпожа Разумовская?» Удивленные лемешовцы отвѣчали:—«Въ насъ зъ роду не було такой пани, а есть, коли божаете, Розумиха удова» (У насъ никогда не было такой госпожи, а есть, коли угодно, вдова Розумиха). Посланные низко поклонились Натальѣ Демьяновнѣ, поднесли ей подарки и въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ просили ѣхать въ присланной каретѣ въ Петербургъ, къ сыну. Захваченная врасплохъ, старуха долго не могла придти въ себя отъ изумленія, не хотѣла вѣрить словамъ посланныхъ и твердила имъ: «Люди добре, не глазуйте зъ меня, що я вамъ подіяла» (Люди добрые, не надсмѣхайтесь надо мной, что я вамъ сдѣлала?). Наконецъ, убѣдившись въ истинѣ, Наталья Демьяновна раскинула на землѣ, у порога своей хаты, соболью шубу, сѣла на нее съ кумами и свахами, выпила съ ними, по малороссійскому обычаю, горилки—«погладить дорожку—шобъ ровна була»—и затѣмъ, забравъ дѣтей, отправилась въ Петербургъ. На послѣдней станціи передъ столицей она была встрѣчена сыномъ. Сначала старуха не признала въ увѣшанномъ орденами вельможѣ своего Алексѣя, и только тогда обнялась и расцѣловалась съ нимъ, когда убѣдилась, что это дѣйствительно онъ. На другой день по пріѣздѣ Наталья Демьяновна, разряженная, перетянутая фижмами, съ громадною куафюрою (післяочипка) на головѣ, съ лицомъ набѣленнымъ,

[1]) Всѣ онѣ были замужемъ: Агаѳья за ткачомъ Будлянскимъ; Анна за закройщикомъ Закревскимъ; Вѣра за казакомъ Дараганомъ. Впослѣдствіи, благодаря покровительству Разумовскаго, зятья его получили дворянство и заняли видныя должности.

нарумяненнымъ и обклеенымъ, по тогдашней модѣ, черными мушками, представлялась императрицѣ во дворцѣ. Предупрежденная что при появленіи государыни должна стать на колѣни, старуха, войдя въ пріемный залъ и увидя себя въ зеркалѣ, хотѣла опуститься на полъ, но сынъ успѣлъ удержать ее и растолковать ошибку. Когда императрица вошла, Разумовская, стоя на колѣняхъ, въ заученныхъ фразахъ благодарила монархиню за милости и щедроты. Елисавета Петровна приняла ее чрезвычайно радушно, поцѣловала и, говорятъ, между прочимъ, сказала ей: — «Благословенно чрево твое». Наталья Демьяновна была назначена статсъ-дамой и въ этомъ званіи сопровождала государыню въ Москву, гдѣ присутствовала при торжествахъ коронаціи и, вѣроятно, при бракосочетаніи императрицы съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, которое, какъ гласитъ преданіе, совершилось тайно въ 1742 году въ церкви подмосковнаго села Перова. Несмотря на то, что сынъ и государыня постоянно окружали Разумовскую нѣжными заботами и предупредительнымъ вниманіемъ, она не захотѣла оставаться при дворѣ и вскорѣ уѣхала съ дочерьми на родину. Умная старуха поняла, какую смѣшную роль ей приходилось играть среди придворной толпы; маскарадная жизнь и этикетъ тяготили ее; здѣсь она не слышала родного слова, не имѣла съ кѣмъ раздѣлить своихъ понятій, не находила около себя ни кумушекъ, ни свахъ-щебетушекъ,—сердце просилось «до дому».

Отпустивъ мать и сестру на родину, Разумовскій оставилъ при себѣ брата и занялся его воспитаніемъ. Когда онъ былъ достаточно подготовленъ, Алексѣй Григорьевичъ отправилъ его, въ 1743 г., подъ надзоромъ ученаго адъюнкта академіи наукъ Теплова [1]), за границу, «дабы ученіемъ наградить пренебреженное понынѣ время, сдѣлать себя способнѣе къ службѣ ея императорскаго величества, фамиліи своей впредь собою и поступками своими проложить честь и порадованіе».

Кириллъ Григорьевичъ пробылъ за границей два года. Сперва онъ учился въ Кенигсбергѣ, гдѣ пріобрѣлъ довольно основательныя познанія въ исторіи, географіи, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, потомъ въ Берлинѣ, у знаменитаго профессора математики Леонарда Эйлера, и наконецъ во Франціи, въ Страсбургскомъ университетѣ.

---

[1]) Тепловъ, Григорій Николаевичъ, сынъ истопника, воспитанникъ архіепископа Өеофана Прокоповича, адъюнктъ академіи наукъ (1741 г.), статсъ-секретарь у принятія прошеній на Высочайшее имя (1763 г.), тайный совѣтникъ (1767 г.), род. въ 1720 г., ум. въ 1789 году.

Графъ К. Г. Разумовскій.

(Съ гравированнаго портрета Шмидта).

Въ теченіе этого времени онъ получилъ, 25 апрѣля 1743 года, званіе камеръ-юнкера, а 15 іюня слѣдующаго года возведенъ, вмѣстѣ съ братомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ маѣ 1745 года, Кириллъ Григорьевичъ возвратился въ Петербургъ и тотчасъ же былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и кавалеры ордена св. Анны 1 степени, а вскорѣ послѣ того, 21 мая 1746 года, назначенъ президентомъ академіи наукъ, «въ разсужденіе усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства».

Сознавая вполнѣ всю трудность предстоявшихъ ему обязанностей и свою неподготовленность къ исполненію ихъ, двадцатидвухлѣтній президентъ избралъ себѣ въ руководители воспитателя своего Теплова, который, вслѣдствіе этого, получилъ мѣсто асессора въ академической канцеляріи. Разумовскій нашелъ академію въ самомъ печальномъ положеніи: въ ней не было ни денегъ, ни профессоровъ, ни учениковъ; дѣла находились въ страшномъ безпорядкѣ; доносы и ссоры между служащими оканчивались иногда драками и неоднократно разбирались въ сенатѣ. Учрежденные при академіи университетъ и гимназія числились только на бумагѣ. Президентъ вначалѣ горячо принялся за улучшеніе академіи, но скоро, опутанный интригами и встрѣчая въ подчиненныхъ постоянное противодѣйствіе своимъ распоряженіямъ, охладѣлъ къ дѣлу. Однако, несмотря на это, онъ успѣлъ составить новый регламентъ, которымъ въ точности были опредѣлены обязанности каждаго члена академіи; исходатайствовалъ увеличеніе штатной академической суммы до 53,000 руб., вытребовалъ въ университетъ и гимназію лучшихъ воспитанниковъ изъ александро-невской, московской и новгородской семинарій, наконецъ, предписалъ издавать при академіи, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и покровительствомъ, первый въ Россіи журналъ, называвшійся: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія».

Черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія своего въ президенты, 29 іюня 1746 года, Разумовскій былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Около этого же времени, императрица сосватала за него свою внучатную сестру, фрейлину Екатерину Ивановну Нарышкину, которая принесла ему въ приданое болѣе 40,000 душъ. Свадьба Кирилла Григорьевича была отпразднована 27 октября во дворцѣ съ большимъ великолѣпіемъ, при чемъ Екатерина Ивановна получила званіе статсъ-дамы. Въ 1748 году, 5-го сентября, государыня собственноручно возложила на Разумовскаго знаки польскаго ордена Бѣлаго Орла, присланные ему королемъ

Августомъ III, и въ тотъ же день произвела его въ подполковники лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Съ 1734 года, послѣ кончины гетмана Даніила Апостола, управленіе Малороссіей было ввѣрено правительствомъ особой коллегіи, состоявшей изъ шести членовъ, подъ предсѣдательствомъ украинскаго генералъ-губернатора. Малороссіяне считали такое распоряженіе нарушеніемъ своихъ правъ и находили его неудобнымъ и крайне отяготительнымъ для себя. Когда Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, отличавшійся страстной любовью къ родинѣ, сдѣлался близкимъ лицомъ къ государынѣ, малороссіяне поспѣшили воспользоваться столь благопріятнымъ для нихъ случаемъ и въ 1744 году подали императрицѣ прошеніе о возстановленіи гетманскаго достоинства и нѣкоторыхъ другихъ отнятыхъ у нихъ льготъ. Прошеніе это, благодаря всемогуществу «добраго патріота», какъ называли малороссы Алексѣя Григорьевича, было принято благосклонно, но разрѣшеніе его оттянулось, по разнымъ причинамъ, на долгое время. Только въ исходѣ 1749 года состоялась Высочайшая жалованная грамата о томъ, чтобы «быть въ Малой Россіи гетману по прежнему, коего избрать межъ себя, изъ природныхъ своихъ людей, по малороссійскимъ своимъ правамъ и вольностямъ, вольными голосами». Для объявленія граматы и присутствованія при избраніи гетмана, государыня отправила въ Глуховъ генералъ-аншефа графа Генрикова. Послѣ предварительныхъ и частыхъ переговоровъ «съ духовными и мірскими чинами», графъ Генриковъ назначилъ днемъ «элекціи» 22-го февраля 1750 года. Къ этому дню въ городѣ собрались полковники, старшины, бунчуковые и значковые товарищи и реестровые казаки отъ всѣхъ полковъ. Графъ Генриковъ прибылъ на городскую площадь въ богатой каретѣ цугомъ, окруженный многочисленной и блестящей свитой, и взошелъ на нарочно устроенное возвышеніе, обведенное перилами и обитое гаруснымъ штофомъ и краснымъ сукномъ; около графа помѣстились: митрополитъ, епископы, архимандриты и прочее духовенство въ полномъ облаченіи, также генеральные старшины и бунчуковые товарищи въ парадныхъ мундирахъ, а вокругъ — все малороссійское шляхетство. Поклонившись собравшемуся народу и казакамъ, Генриковъ прочелъ жалованную грамату и потомъ, оборачиваясь на всѣ стороны, нѣсколько разъ громогласно спросилъ: «Кого желаете себѣ въ гетманы?» На это духовенство, генеральные старшины и другіе высшіе чины, равно и шляхетство, объявили: «что такъ какъ самымъ вѣрнымъ и неутомимымъ ходатаемъ за нихъ постоянно былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, то они за правое пола-

гаютъ: быть въ Малой Россіи гетманомъ брату его, природному малороссіянину, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому». Народъ троекратными кликами подтвердилъ избраніе. Тогда графъ Генриковъ поздравилъ присутствовавшихъ съ новоизбраннымъ гетманомъ. По данному сигналу раздался сто одинъ пушечный выстрѣлъ, на который казаки отвѣчали бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Затѣмъ все собраніе направилось въ церковь св. Николая, гдѣ была отслужена литургія и отпѣтъ молебенъ съ многолѣтіемъ государынѣ. Въ знакъ благодарности, генеральные старшины поднесли графу Генрикову, отъ имени всей Малороссіи, на серебряномъ блюдѣ десять тысячъ рублей, свитѣ его три тысячи рублей, а народу, «для общей радости», дано вина горячаго болѣе двухсотъ ведеръ.

5-го іюня и 24-го іюля 1750 года, императрица подписала рядъ указовъ, въ силу которыхъ утверждалось избраніе Разумовскаго гетманомъ, жаловались ему, на урядъ, прежнія гетманскія маетности, состоявшія, между прочимъ, изъ городовъ Батурина, Ямполя и Почепа съ уѣздами; соизволялось возобновить Батуринъ и имѣть тамъ резиденцію; разрѣшалось, при торжествахъ и публичныхъ церемоніяхъ, занимать мѣсто съ генералъ-фельдмаршалами, считаясь съ ними по старшинству; наконецъ, такъ какъ онъ «противъ другихъ гетмановъ имѣлъ ту отличность», что былъ русской имперіи графъ, и такъ какъ императрица «высочайше имѣла къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе», то повелѣвалось, въ отправляемыхъ на его имя изъ коллегій граматахъ, давать ему предикатъ: «высоко и благоурожденнаго».

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1750 года, Разумовскій отправился изъ Петербурга въ Малороссію, сопровождаемый семействомъ, неразлучнымъ спутникомъ своимъ Тепловымъ, поварами и музыкантами, гайдуками и скороходами, сержантами Измайловскаго полка и даже труппою актеровъ. Поѣздъ его заключалъ въ себѣ до сорока экипажей и шестидесяти верховыхъ лошадей. На границѣ Малороссіи, въ селѣ Товстогубовѣ, гетманъ былъ встрѣченъ компанейскими полками, а нѣсколько далѣе, въ селѣ Ясмани, депутаціей, состоявшей изъ архимандрита, протопопа, четырехъ священниковъ, генеральнаго писаря Безбородко и десяти бунчуковыхъ товарищей. Когда поѣздъ приблизился къ Глухову, то генеральный есаулъ Волковичъ съ бунчуковыми товарищами и запорожскими казаками окружили гетманскую карету. Внутри города, по главной улицѣ были разставлены въ два ряда шесть тысячъ казаковъ. Они отдавали гетману честь съ музыкой, битьемъ въ литавры и пальбою изъ пушекъ и ружей. Генеральные старшины и другіе чиновники ожидали

гетмана у городскихъ воротъ. Генеральный есаулъ Якубовичъ привѣтствовалъ его рѣчью. Весь поѣздъ направился сперва къ церкви св. Николая, гдѣ гомелевскій архимандритъ произнесъ «предику» и окропилъ «ясновельможнаго» святою водою, а оттуда въ гетманскія палаты. Здѣсь снова встрѣтили Разумовскаго генеральные старшины и бунчуковые товарищи; генеральный подскарбій Скоропадскій выразилъ ему, отъ имени всѣхъ малороссіянъ, радость и надежды, возбуждаемыя въ нихъ его пріѣздомъ. Гарнизонный глуховскій полкъ, стоявшій «въ парадѣ» вокругъ церкви, отдалъ на караулъ со стрѣльбою, а рота, расположенная на гетманскомъ дворѣ, съ преклоненіемъ знаменъ и барабаннымъ боемъ. На другой день мужчины являлись къ графу, а женщины къ графинѣ. Генеральные старшины и почетныя лица удостоились приглашенія къ гетманскому столу; во время пира играла инструментальная музыка, а при возглашеніи тостовъ гремѣла пушечная пальба; вечеромъ весь городъ горѣлъ огнями.

Графъ-гетманъ зажилъ въ Глуховѣ маленькимъ властелиномъ. Дворъ его сдѣлался миніатюрной копіей двора петербургскаго. Въ универсалахъ своихъ гетманъ употреблялъ старинную формулу: «мы намъ, нашимъ, того ради приказуемъ, данъ въ Глуховѣ», и т. д. При немъ находился цѣлый придворный штатъ и особая почетная стража, въ родѣ тѣлохранителей, одѣтая въ зеленые гусарскіе мундиры и называвшаяся «командой у надворной хоругвы», т. е. гетманскаго знамени. При дворѣ гетмана состояли еще казаки «бобровники», стрѣльцы и пташники, обязанностью которыхъ было ловить бобровъ и стрѣлять всякую птицу къ его столу. Въ торжественные дни и семейные праздники бывали парадные выходы въ Никольскую или домовую гетманскую церкви и молебны съ пушечною пальбою. Послѣ богослуженія графъ принималъ поздравленія отъ старшинъ и другихъ чиновниковъ и, въ свою очередь, поздравлялъ кого съ повышеніемъ, кого съ наградой. Въ гетманскомъ дворцѣ давались блестящіе банкеты, маскарады, концерты и французскія комедіи. Однимъ словомъ, вся придворная петербургская жизнь въ сокращенномъ видѣ повторялась въ Глуховѣ. Графу-гетману недоставало только «бликитной кавалеріи», т. е. андреевской ленты,— онъ получилъ и ее 18-го апрѣля 1752 года.

Гетманство Разумовскаго ознаменовалось для Малороссіи многими льготами и полезными учрежденіями. Избавленіе украинцевъ отъ тягостныхъ крѣпостныхъ работъ, внутреннихъ пошлинъ и разныхъ сборовъ, разорительныхъ для народа; разрѣшеніе свободной торговли между Великой и Малой Россіей; уничтоженіе таможенъ,

табачнаго и другихъ откуповъ, стѣснявшихъ промышленность; ограниченіе винокуренія, истреблявшаго лѣса и удерживавшаго успѣхи земледѣлія и скотоводства; введеніе различныхъ мѣръ для уменьшенія бродяжничества; уравненіе украинскихъ чиновъ съ великороссійскими; возстановленіе судовъ «земскихъ», «городскихъ» и «подкормскихъ», закрытыхъ еще Хмельницкимъ, который подчинилъ гражданскія дѣла военнымъ чиновникамъ, — вотъ важнѣйшія услуги, оказанныя Разумовскимъ своей родинѣ.

По приглашенію государыни, графъ Кириллъ Григорьевичъ часто пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ оставался жить по цѣлому году. Въ такихъ случаяхъ управленіе Малороссіей поручалось имъ «генеральному суду», или, вѣрнѣе, Теплову, который, хотя и не занималъ при гетманѣ никакой офиціальной должности, но оставался его главнымъ совѣтникомъ и довѣреннымъ лицомъ.

Во время пребыванія своего въ столицѣ Разумовскій былъ ежедневнымъ гостемъ императрицы и принималъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, касавшихся государственныхъ дѣлъ. Въ Петербургѣ онъ жилъ такъ же пышно, какъ и въ Глуховѣ. Балы его поражали современниковъ невиданной до того роскошью и великолѣпіемъ; количество людей, находившихся у него въ услуженіи, простиралось до двухсотъ шестидесяти человѣкъ; въ обширномъ домѣ его на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста (гдѣ помѣщается теперь воспитательный домъ) съ утра до вечера толпились у него многочисленные посѣтители; обильный и изысканный столъ предлагался всѣмъ желающимъ, званнымъ и незваннымъ; въ извѣстные дни тысячи бѣдныхъ стекались къ графскому подъѣзду за щедрой милостыней. Императрица постоянно оказывала графу Кириллу Григорьевичу особенное расположеніе и вниманіе; она крестила у него, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, почти всѣхъ дѣтей, пожаловала ему свой портретъ и табакерку, осыпанные драгоцѣнными каменьями, и безпрестанно дѣлала ему другіе значительные подарки. Не менѣе государыни благоволила къ гетману и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, съ которой онъ сблизился въ особенности послѣ того, какъ она вторично породнила его съ царскимъ домомъ, устроивъ свадьбу любимой его племянницы Марины Осиповны Закревской съ камергеромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ.

Между тѣмъ, съ 1758 года, здоровье императрицы начало замѣтно клониться къ упадку. Она уже давно страдала завалами въ желудкѣ, къ которымъ присоединились потомъ болѣзненные припадки въ груди и опухоль въ ногахъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1761 года, государыня заболѣла простудной лихорадкой. Стараніями

лейбъ-медиковъ Мунзея, Шиллинга и Крузе, лихорадка пресѣклась 1-го декабря, и больная стала уже поправляться, какъ вдругъ 12-го числа у нея открылась рвота съ кровью. Врачи, принявъ это за простое гемороидальное волненіе крови, сдѣлали императрицѣ кровопусканіе и, къ крайнему изумленію своему, нашли въ крови воспаленіе. На другой день кровопусканіе было повторено безъ всякой пользы для страждущей; 22-го декабря, рвота возобновилась съ новой силой, а 25-го числа, въ три часа пополудни, императрицы не стало [1]). Графы Алексѣй и Кириллъ Григорьевичи не отходили отъ изголовья своей благодѣтельницы, возведшей ихъ изъ ничтожества на верхъ почестей. Слезы и скорбь обоихъ братьевъ были искренни. Покойная императрица, несмотря на многіе недостатки, имѣла даръ вселять въ приближенныхъ глубокую къ себѣ привязанность, и потому въ горести Разумовскихъ и другихъ вѣрныхъ слугъ ея слышалось не сожалѣніе о концѣ ихъ случая, но вполнѣ чистосердечное сожалѣніе о той, которую они любили неподкупно и всей душой.

Съ перемѣной правленія измѣнилось и положеніе графа Кирилла Григорьевича при дворѣ.

Петръ III былъ человѣкъ добрый и откровенный, но ограниченный, съ дурными привычками, слабымъ и капризнымъ характеромъ. Вступивъ на престолъ, онъ горячо принялся за реформы и обнаружилъ въ нихъ, вмѣстѣ съ прекраснымъ сердцемъ и желаніемъ народнаго блага, совершенное отсутствіе политическаго такта. Толпы ссыльныхъ, возвращенныхъ изъ Сибири, уничтоженіе тайной канцеляріи, права вольности, дарованныя дворянству, говорили въ пользу его благодушія; но зато прочія мѣры произвели сильное неудовольствіе въ тѣхъ сословіяхъ, къ которымъ относились. Духовенство оскорблялось намѣреніемъ императора отобрать въ казну монастырскія имѣнія и явнымъ неуваженіемъ его къ обрядамъ грекороссійской церкви. Послѣднее обстоятельство послужило въ рукахъ духовенства обычнымъ оружіемъ для того, чтобы волновать умы простого народа. Гвардія роптала на предпочтеніе, оказываемое государемъ нѣмцамъ, на введеніе новаго обмундированія по ненавистному тогда прусскому образцу, на излишне строгую дисциплину и утомительныя экзерциціи. Высшее общество обижалось страннымъ и близорукимъ выборомъ лицъ, поставленныхъ императоромъ во главѣ различныхъ отраслей управленія, и его слишкомъ грубымъ и безцеремоннымъ обхожденіемъ.

---

[1]) Исторія медицины въ Россіи. Рихтера, М. 1820. Ч. 3, стр. 435.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра было заставлять старыхъ изнѣженныхъ царедворцевъ Елисаветы Петровны ежедневно продѣлывать на Дворцовой площади обожаемый имъ прусскій строевой уставъ. Всѣ фельдмаршалы, генералы, подполковники и майоры гвардіи, въ какомъ бы придворномъ званіи они ни находились, были принуждены лично командовать, когда во дворцѣ смѣнялись караулы, и стоять передъ фронтомъ во время парадовъ. Этому новому правилу долженъ былъ подчиниться и гетманъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о военномъ строѣ и не бравшій никогда въ руки эспантона. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ императора и не быть предметомъ насмѣшекъ, онъ, подобно товарищамъ своимъ, держалъ у себя на дому молодого офицера, хорошо знавшаго военный артикулъ, и раза по три въ день учился у него прусской экзерциціи. Какъ, однако, гетманъ ни трудился, все-таки приходилось безпрестанно глотать выговоры и насмѣшки, конечно, глубоко оскорбительныя для человѣка, имѣвшаго столь важное значеніе при дворѣ покойной государыни. Впрочемъ, Петръ III, не сознававшій своихъ промаховъ, пожуривъ и посмѣявшись надъ гетманомъ публично, запросто заходилъ къ нему въ гости, не подозрѣвая, сколько горечи накипѣло въ сердцѣ графа Кирилла Григорьевича.

Общее неудовольствіе и ропотъ противъ императора усилились, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ намѣренъ объявить войну Даніи, съ цѣлью отнять у нея ничтожный клочокъ земли, принадлежавшій нѣкогда голштинскимъ герцогамъ. Войска съ чрезвычайной неохотой готовились къ походу, по всему Петербургу слышались жалобы, между народомъ ходили глухіе слухи... Всѣ желали перемѣны и невольно обращали взоры на Екатерину, которая преданностью своею православной вѣрѣ и русскимъ интересамъ, уваженіемъ къ народнымъ правамъ и обычаямъ, безразсудно попираемымъ Петромъ, привѣтливостью и доступностью, сумѣла всѣхъ расположить въ свою пользу. Неоднократно и публично подвергавшаяся грубымъ выходкамъ императора, она жила въ Петергофѣ, но въ уединеніи своемъ зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ и оборотомъ, который принимало общественное мнѣніе. Она съ необыкновенной ловкостью и искусствомъ держала нити заговора, усиливавшагося съ каждымъ днемъ. Главнѣйшими пособниками ея были предпріимчивые и талантливые братья Орловы и умная, романтическая княгиня Дашкова [1]). Большая часть молодежи съ

[1]) Григорій Григорьевичъ, дѣйствительный камергеръ, графъ, генералъ-адъютантъ (1762 г.), кавалеръ св. Андрея Первозваннаго (1763 г.), генералъ-директоръ инженеровъ, шефъ кавалергардовъ, подполковникъ л.-гв. Коннаго полка, гене-

радостью примкнула къ заговорщикамъ, но сторонникамъ Екатерины, для обезпеченія успѣха, было нужно завербовать въ свои ряды людей, имѣвшихъ вѣсъ и значеніе въ свѣтѣ. Въ числѣ послѣднихъ на первомъ планѣ стоялъ гетманъ, любимый гвардіей и особенно Измайловскимъ полкомъ за свою щедрость и простоту обхожденія. Привлеченіе такой личности было весьма важно для заговорщиковъ. На это дѣло отважился одинъ изъ Орловыхъ. Онъ явился къ Разумовскому ночью. Осторожный гетманъ хладнокровно выслушалъ рѣчь Орлова, потомъ, подумавъ немного, посовѣтовалъ ему ѣхать для совѣщаній къ другому и, сказавъ: «онъ умнѣе насъ», потушилъ свѣчи и пожелалъ нежданному гостю покойной ночи. Такой странный отвѣтъ сильно озадачилъ заговорщиковъ, однако они не упали духомъ; послѣ неудачи Орлова выступила княгиня Дашкова, которая принялась дѣйствовать на Разумовскаго черезъ близкихъ къ нему измайловскихъ офицеровъ Рославлева и Ласунскаго и, наконецъ, черезъ Теплова. При безграничномъ довѣріи гетмана къ Теплову, послѣднему было легче, чѣмъ кому-нибудь другому, склонить его на сторону Екатерины. Тепловъ вошелъ въ сношеніе съ заговорщиками и нерѣдко позволялъ себѣ рѣзко выражаться относительно императора. Слова его были переданы Петру; государь, давно не доброжелательствовавшій Теплову, велѣлъ посадить его подъ арестъ и допросить строжайшимъ образомъ. Арестъ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на гетмана. Онъ горячо вступился за своего бывшаго наставника и постояннаго совѣтника и хотя съ большимъ трудомъ, но успѣлъ добиться его освобожденія. Тепловъ вышелъ изъ крѣпости еще болѣе озлобленный и всей душой предался заговору. Съ этихъ поръ Екатерина могла смѣло разсчитывать на помощь Разумовскаго.

Въ то время, какъ гетманъ присталъ къ сторонникамъ Екатерины, въ числѣ заговорщиковъ уже находились многіе изъ его короткихъ

ралъ-аншефъ (1764 г.), генералъ-фельдцейхмейстеръ (1765 г.). род. 1734 г. ум. въ 1784 г.—Алексѣй Григорьевичъ, генералъ-майоръ (1762 г.), графъ (1763 г.), генералъ-адъютантъ, генералъ-аншефъ, подполковникъ л.-гв. Преображенскаго полка (1767 г.), кавалеръ св. Андрея Первозваннаго (1768 г.), получилъ прозваніе «Чесменскаго» (1774 г.), род. въ 1737 г., ум. въ 1808 г.—Ѳедоръ Григорьевичъ, капитанъ л.-гв. Семеновскаго полка (1762 г.), камеръ-юнкеръ и графъ (1763 г.), дѣйствительный камергеръ и оберъ-прокуроръ синода (1764 г.), генералъ-поручикъ и кавалеръ св. Георгія 2-й ст. (1770 г.), род. въ 1741 г., ум. въ 1796 г.—Владиміръ Григорьевичъ, графъ (1763 г.), президентъ Академіи наукъ.—Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, рожденная графиня Воронцова, статсъ-дама (1762 г.), директоръ Академіи наукъ (1782 г.), род. въ 1749 г., ум. 1810 г.

пріятелей: графъ Н. И. Панинъ, князь Волконскій, графъ А. С. Строгановъ, И. И. Шуваловъ, архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ и другіе. Ожидаемый отъѣздъ императора въ Берлинъ былъ признанъ удобнымъ моментомъ для рѣшительныхъ дѣйствій, но обстоятельства неожиданно ускорили развязку. Благодаря необдуманному поведенію одного изъ ревностныхъ поклонниковъ Екатерины, поручика Преображенскаго полка Пассека, заговоръ былъ открытъ, и донесеніе о немъ отправлено къ императору, находившемуся тогда въ Ораніенбаумѣ. Дальнѣйшее промедленіе становилось невозможнымъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня 1762 года, Екатерина тайно отправилась изъ Петергофа прямо въ измайловскія казармы. Здѣсь ее ожидалъ Разумовскій, во главѣ полка, вызваннаго по тревогѣ и безпрекословно присягнувшаго новой государынѣ. Въ сопровожденіи гетмана и измайловцевъ Екатерина поѣхала въ Казанскій соборъ, куда немедленно были собраны духовенство, свѣтскіе сановники и остальные полки гвардіи, которые единогласно провозгласили ее самодержавной императрицей. Послѣ благодарственнаго молебствія, государыня двинулась съ полками на Ораніенбаумъ, пославъ предварительно вице-адмирала Талызина привести къ присягѣ кронштадтскій гарнизонъ. Петръ III, узнавъ о внезапномъ переворотѣ, хотѣлъ сперва защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, но потомъ, покинутый почти всѣми своими приближенными, спокойно предался своей участи. Извѣстно, что онъ былъ арестованъ и заключенъ въ ропшинскомъ дворцѣ, гдѣ вскорѣ умеръ.

Императрица щедро наградила своихъ сторонниковъ. Графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ пожалованъ въ сенаторы и генералъ-адъютанты, съ прибавкою къ получаемому содержанію по пяти тысячъ рублей въ годъ. Онъ оставался при государынѣ безотлучно до іюня 1763 года. Екатерина оказывала ему полное довѣріе и возлагала на него дѣла первой важности. Такъ, Разумовскій производилъ секретное слѣдствіе о заговорѣ Хрущовыхъ и братьевъ Гурьевыхъ, намѣревавшихся свергнуть императрицу съ престола, потомъ былъ первенствующимъ членомъ особо учрежденной комиссіи для составленія новыхъ штатовъ во всей арміи.

8-го іюня 1763 года, гетманъ отправился въ Малороссію. На этотъ разъ Тепловъ не сопровождалъ своего патрона. Екатерина, оцѣнившая способности этого ловкаго и умнаго человѣка, удержала его въ Петербургѣ, назначивъ своимъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. Пріѣхавъ въ Глуховъ, Разумовскій созвалъ генеральное собраніе для обсужденія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, касавшихся благоустройства края. Когда занятія собранія стали

подходить къ концу, нѣсколько старшинъ и полковниковъ заявили желаніе, чтобы гетманство оставалось навсегда наслѣдственнымъ въ родѣ Разумовскихъ. Тотчасъ было написано на высочайшее имя прошеніе отъ лица всей Малороссіи, въ которомъ, между прочимъ, выставлялся на видъ примѣръ Юрія Хмельницкаго, избраннаго и утвержденнаго гетманомъ послѣ смерти отца. Прошеніе это произвело въ собраніи безпорядокъ; многіе изъ старшинъ поспѣшно уѣхали изъ Глухова. Тогда, по распоряженію гетмана, прошеніе было разослано въ полки, повѣты и сотни, съ приглашеніемъ подписываться. Безпорядокъ и смятеніе усилились еще болѣе. Кіевскій губернаторъ Воейковъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ. Разумовскій, съ своей стороны, отправилъ къ государынѣ прямо отъ себя просьбу о преемственности гетманства. Онъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ на услуги, оказанныя имъ Екатеринѣ, на ея расположеніе къ нему и на дружеское содѣйствіе Теплова. Однако, ему пришлось горько разочароваться въ своихъ надеждахъ. Тепловъ, понимавшій, что звѣзда Разумовскихъ закатывается, измѣнилъ своему покровителю и передался на сторону его непріятелей. Онъ безпрестанно докладывалъ государынѣ о дѣлахъ знакомой ему Малороссіи, представлялъ ей опасность, грозившую Россіи отъ замысловъ гетмана и волненій на Украйнѣ, и успѣлъ совершенно возстановить ее противъ Разумовскаго. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ происшествій, графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ отозванъ въ Петербургъ. На другой же день по пріѣздѣ въ столицу онъ явился во дворецъ. Тепловъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Графъ Орловъ, увидя это, громко сказалъ присутствовавшимъ: «лобза, его же предаде». Пріемъ, сдѣланный Екатериною гетману, былъ самый холодный и оскорбилъ его до глубины души.

Разумовскаго всѣ любили, и между царедворцами образовалась большая партія, громко осуждавшая правительство въ неблагодарности и несправедливости. Екатерина, крайне ревнивая ко всему, что касалось верховной власти, запретила Кириллу Григорьевичу пріѣздъ ко двору и потребовала отъ него прошенія объ увольненіи отъ званія гетмана. Разумовскій долго не соглашался; только послѣ многихъ переговоровъ, убѣдившись, что дѣлать было нечего, онъ послѣдовалъ совѣтамъ друзей и въ концѣ октября 1764 года подалъ нетерпѣливо ожидаемое императрицей прошеніе. 10-го ноября вышелъ указъ объ уничтоженіи гетманства; того же числа государыня переименовала графа Кирилла Григорьевича въ генералъ-фельдмаршалы, пожаловала ему пожизненно гетманское содержаніе въ 50,000 рублей, съ прибавкою изъ малороссійскихъ доходовъ

по 10,000 рублей, городъ Гадячъ съ селами и деревнями, Быховскую волость и домъ въ Батуринѣ. Двери дворца снова растворились для Разумовскаго, но отношенія его къ Екатеринѣ остались навсегда натянутыми.

Самолюбію графа Кирилла Григорьевича былъ нанесенъ жестокій ударъ. Онъ увидѣлъ ясно, что роль его кончилась, что ему приходится уступить свое мѣсто другимъ и отодвинуться на задній планъ. Недовольный и обиженный, Разумовскій рѣшился оставить дворъ и въ апрѣлѣ 1764 года отправился путешествовать за границу. Посѣтивъ Германію, Францію, Англію и Италію, онъ долго жилъ въ Страсбургѣ, гдѣ учились его сыновья, и возвратился въ Петербургъ только въ исходѣ 1767 года. Во время пребыванія его за границей, президентомъ академіи наукъ былъ назначенъ младшій братъ любимца императрицы, графъ В. Г. Орловъ. Продолжительное отсутствіе Разумовскаго изгладило понемногу въ сердцѣ государыни непріязненное чувство къ нему. Екатерина сама сдѣлала первый шагъ къ примиренію, назначивъ графа Кирилла Григорьевича членомъ совѣта, учрежденнаго ею для сужденія о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ и состоявшаго всего изъ семи лицъ; но Разумовскій, засѣдая въ совѣтѣ и сенатѣ, рѣдко посѣщалъ дворъ и держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ.

1771 годъ былъ самымъ скорбнымъ годомъ для графа Кирилла Григорьевича: 6-го іюля, скончался въ своемъ Аничковскомъ дворцѣ братъ его, графъ Алексѣй Григорьевичъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого умерла жена, графиня Екатерина Ивановна, едва достигнувшая сорока лѣтъ. Разумовскій получилъ отъ брата огромное наслѣдство, удвоившее его и безъ того значительное состояніе, которое заключалось теперь, кромѣ движимаго имущества и домовъ, слишкомъ въ 100,000 душъ крестьянъ. Когда сыновья графа Кирилла Григорьевича подросли, окончили воспитаніе и поступили на службу, онъ переѣхалъ на жительство въ Москву, но и здѣсь ему пожилось не долго; его тянуло на родину. Въ 1791 году, онъ поселился въ Батуринѣ и съ увлеченіемъ предался своей страсти къ постройкамъ. Занимаясь украшеніемъ своихъ имѣній, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства. Въ 1797 году онъ выписалъ съ заводовъ князя Лихтенштейна испанскихъ овецъ и, такимъ образомъ, можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу, выписывалъ машины, заводилъ мельницы, свѣчныя фабрики и проч. Существуетъ преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Въ то же время онъ былъ примѣрнымъ

помѣщикомъ.—«Крестьяне благословляютъ имя покойнаго фельдмаршала Разумовскаго», писалъ въ 1805 году одинъ путешественникъ.—«Сколько я ни ѣздилъ по здѣшней сторонѣ, вездѣ находилъ, что старые и малые, и дворяне, и простолюдины, безъ изъятія, всѣ единогласно прославляютъ графа Кирилла Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми». Память этихъ златыхъ временъ не совсѣмъ угасла и до сихъ поръ между бывшими крѣпостными графа. Въ 1861 году, когда вводилось въ дѣйствіе положеніе 14-го февраля, крестьяне нѣкоторыхъ изъ потомковъ послѣдняго гетмана, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его громаднаго состоянія, потребовали, чтобъ все было опять такъ, какъ при Разумовскомъ!

Царствованіе императора Павла прошло безоблачно для графа Кирилла Григорьевича. Жестокая болѣзнь въ ногѣ, которой онъ страдалъ давно, усилилась и дѣлала его почти неподвижнымъ. Доктора совѣтовали ему леченіе въ Теплицѣ. Разумовскій рѣшился ѣхать сперва въ Вѣну, къ находившемуся тамъ посланникомъ своему сыну, графу Андрею Кирилловичу, а оттуда на воды. Съ этой цѣлью графъ Андрей Кирилловичъ заказалъ для отца въ Лондонѣ карету особаго устройства; она была сдѣлана такъ, что посредствомъ скрытаго механизма въ нее можно было вкатывать постель. До отправленія въ Россію карета была выставлена въ Лондонѣ и показывалась за деньги; мастеръ, какъ увѣряли тогда, выручилъ такимъ образомъ до пяти тысячъ рублей. На ввозъ иностранныхъ каретъ существовало при Павлѣ I запрещеніе, а потому потребовалось особенное дозволеніе государя. Императоръ немедленно далъ его, и когда карета прибыла въ Петербургъ, приказалъ, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный островъ, а потомъ къ государынѣ въ Павловскъ. Съ доставкою въ Батуринъ карета обошлась въ восемнадцать тысячъ рублей. Графъ Кириллъ Григорьевичъ захотѣлъ попробовать необыкновенный экипажъ, но онъ оказался слишкомъ грузнымъ: восемь лошадей едва могли протащить его рысью четыре версты.

Послѣ этой неудачи Разумовскій пересталъ уже думать о путешествіи. Изрѣдка его утѣшали своими посѣщеніями сыновья и дочери съ внуками и внучками. Изъ Батурина, среди своихъ немощей, графъ Кириллъ Григорьевичъ привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Александра I. Государь отвѣчалъ ему слѣдующимъ рескриптомъ:

«Графъ Кириллъ Григорьевичъ! Прослуживъ вѣрно и ревностно толикимъ монархамъ, нося и оправдывая на себѣ ихъ милости,

вы имѣете все право наслаждаться въ нѣдрѣ вашего покоя всеобщимъ уваженіемъ и моимъ благоволеніемъ, Примите искреннюю мою признательность за поздравленіе ваше и желаніе, его сопровождающія. Я увѣренъ, что мольбы столь почтенной старости пріятны будутъ небесамъ. Молю Всемогущаго, да ниспошлетъ вамъ силы и здравіе, и западъ жизни вашей да исполнится тихой радости, неотъемлемой и единой истинной награды добрыхъ дѣлъ.

«Пребываю вамъ всегда доброжелательный Александръ».

Но не долго еще пришлось графу Кириллу Григорьевичу пользоваться человѣческими почестями. Слабѣя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, онъ тихо окончилъ жизнь свою 9 января 1803 г. и былъ погребенъ въ трапезѣ построенной имъ батуринской церкви. Надъ прахомъ его сыновья воздвигли великолѣпный памятникъ, имѣющій форму пирамиды, съ мраморнымъ рельефнымъ медальономъ покойнаго.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательныхъ личностей XVIII столѣтія. Занимая высшія государственныя должности, заслуживъ дружбу и расположеніе нѣсколькихъ государей, безотчетно управляя обширнымъ краемъ, онъ никогда не забывалъ своего низкаго происхожденія и въ душѣ оставался всегда простымъ русскимъ человѣкомъ. Почести и несмѣтное богатство не вскружили ему голову, роскошь и неразрывныя съ нею послѣдствія не испортили его сердца. Онъ былъ добръ, великодушенъ, щедръ, безъ малѣйшей гордости и спеси, всѣмъ доступенъ, со всѣми ласковъ, полонъ живого оригинальнаго ума съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливости. Окруженный при жизни общимъ уваженіемъ, онъ справедливо унесъ съ собою въ могилу общее сожалѣніе. Его мѣткія и колкія рѣчи дышали добродушіемъ и никого не оскорбляли; его благотворительность доходила до эксцентричности. Собранные здѣсь анекдоты о немъ лучше всего подтвердятъ наши слова и познакомятъ читателей съ частною дѣятельностью и жизнью этого прекраснаго человѣка.

Однажды императоръ Петръ III, благоговѣвшій предъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II и восторгавшійся имъ, хвасталъ Разумовскому, что король произвелъ его въ генералъ-майоры прусской службы.

— Ваше величество можете съ лихвой отомстить ему, отвѣчалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ: — произведите его въ русскіе генералъ-фельдмаршалы.

Петръ III, намѣреваясь объявить, противъ общаго желанія, войну Даніи, сказалъ Разумовскому:

— Я выбралъ тебя, чтобъ сопутствовать мнѣ въ походѣ и командовать моей арміей.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Разумовскій, — я позволю себѣ дать вашему величеству совѣтъ: прикажите выступить двумъ арміямъ, дабы за арміею, находящеюся подъ моей командой, постоянно слѣдовала другая, чтобы заставить моихъ солдатъ идти впередъ. Иначе я не предвижу, какимъ образомъ можетъ осуществиться предпріятіе вашего величества.

Когда началась первая война съ турками, главнокомандующимъ былъ назначенъ князь А. М. Голицынъ. Разумовскій, по гетманству, считался тогда старшимъ фельдмаршаломъ. Кто-то изъ его знакомыхъ, желая польстить ему, выразилъ удивленіе, почему начальство надъ арміей ввѣрено младшему.

— Потому, отвѣчалъ ему графъ Кириллъ Григорьевичъ, — что Голицыну достаточно одной арміи, а я, лишась двухъ, только съ третьей разобью непріятеля.

Въ 1770 году, по случаю побѣды, одержанной нашимъ флотомъ надъ турецкимъ при Чесмѣ, краснорѣчивый митрополитъ Платонъ произнесъ въ Петропавловскомъ соборѣ въ присутствіи императрицы и всего двора рѣчь, замѣчательную по силѣ и глубинѣ мыслей. Когда витія, къ изумленію слушателей, неожиданно сошелъ съ амвона къ гробницѣ Петра Великаго и, коснувшись ея, воскликнулъ: «Возстань теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе свое!» то среди общихъ слезъ и восторга графъ Кириллъ Григорьевичъ вызвалъ улыбку окружавшихъ его, сказавъ имъ потихоньку: «Чего винъ его кличе? Якъ встане, всѣмъ намъ достанется».

Московскій генералъ-губернаторъ, князь Прозоровскій, слѣдовавшій дѣло извѣстнаго Новикова, арестовалъ послѣдняго съ особенной торжественностью. Придавая этому событію важное значеніе, Прозоровскій съ гордостью и самодовольствіемъ разсказывалъ Разумовскому о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты имъ для ареста Новикова.

— Вотъ расхвастался, отвѣчалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ,—словно городъ взялъ; стариченка, скорченнаго гемороидами, схватилъ подъ караулъ! Да одного бы десятскаго или будочника послалъ за нимъ, тотъ бы и притащилъ его.

Какъ-то разъ, за обѣдомъ у императрицы, зашелъ разговоръ о ябедникахъ; Екатерина предложила тостъ за честныхъ людей. Всѣ подняли бокалы; одинъ лишь Разумовскій не дотронулся до своего. Государыня, замѣтивъ это, спросила его, почему онъ не доброжелательствуетъ честнымъ людямъ!

— Боюсь, моръ будетъ, отвѣчалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ.

— Что у васъ новаго въ совѣтѣ? спросилъ Разумовскаго одинъ пріятель.

— Все по-старому, отвѣчалъ онъ:—одинъ Панинъ думаетъ, другой кричитъ, одинъ Чернышевъ предлагаетъ, другой труситъ, я молчу, а прочіе хоть и говорятъ, да того хуже.

Однажды, въ сенатѣ Разумовскій отказался подписать рѣшеніе, которое считалъ несправедливымъ.

— Государыня желаетъ, чтобъ дѣло было рѣшено такимъ образомъ, объявили ему сенаторы.

— Когда такъ—не смѣю ослушаться, сказалъ Разумовскій, взялъ бумагу, перевернулъ ее верхомъ внизъ и подписалъ свое имя...

Поступокъ этотъ былъ, разумѣется, немедленно доведенъ до свѣдѣнія императрицы, которая потребовала отъ графа Кирилла Григорьевича объясненій.

— Я исполнилъ вашу волю, отвѣчалъ онъ:—но такъ какъ дѣло это, по моему мнѣнію, неправое и товарищи мои покривили совѣстью, то я почелъ нужнымъ криво подписать свое имя.

Государыня пересмотрѣла дѣло, отмѣнила рѣшеніе сенаторовъ и сказала Разумовскому:

— Вы мнѣ настоящій другъ, ибо не допустили меня совершить несправедливость.

Другой разъ, въ совѣтѣ разбиралось дѣло о женитьбѣ графа Орлова на его двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновье-

вой. Орловъ, всегдашній недоброжелатель Разумовскаго, въ это время уже былъ въ немилости, и члены совѣта, долго предъ нимъ преклонявшіеся, теперь рѣшили разлучить его съ женою и заключить обоихъ въ монастырь. Графъ Кириллъ Григорьевичъ отказался подписать приговоръ и объяснилъ товарищамъ, что для рѣшенія дѣла недостаетъ выписки изъ постановленія «о кулачныхъ бояхъ». Всѣ засмѣялись и просили разъясненія.

— Тамъ, продолжалъ онъ,—сказано, между прочимъ, «лежачаго не бить». Еще недавно всѣ мы считали бы себя счастливыми, если бы Орловъ пригласилъ насъ на свою свадьбу, а теперь, когда онъ не имѣетъ прежней силы и власти, то стыдно и нехорошо намъ нападать на него.

Однако, несмотря на протестъ Разумовскаго, приговоръ состоялся, но Екатерина объявила, что рука ея отказывается подписать бумагу противъ человѣка, которому она столь многимъ была обязана.

У графа Кирилла Григорьевича, какъ мы уже сказали, былъ всегда открытый столъ; къ нему безпрепятственно могли являться и званые, и не званые. Правомъ этимъ воспользовался бѣдный офицеръ, жившій въ Петербургѣ по тяжебнымъ дѣламъ и лишенный всякаго способа къ пропитанію. Каждый день обѣдывалъ онъ у графа и, привыкнувъ наконецъ къ дому, вошелъ однажды послѣ обѣда въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ Кириллъ Григорьевичъ, по обыкновенію, игралъ съ пріятелями въ шахматы. Разумовскій сдѣлалъ ошибку въ игрѣ, и офицеръ не могъ удержать восклицанія. Графъ остановился и спросилъ его, въ чемъ состояла ошибка. Сконфуженный офицеръ указалъ на промахъ. Съ тѣхъ поръ Разумовскій, садясь играть, всегда спрашивалъ: «Гдѣ мой учитель?» Но однажды учитель не пришелъ къ обѣду. Графъ велѣлъ навести справки, почему его нѣтъ. Съ трудомъ узнали, кто былъ незванный гость: оказалось, что несчастный боленъ и находится въ крайности. Разумовскій отправилъ къ нему своего доктора, снабжалъ лекарствами и кушаньями и послѣ выздоровленія помогъ ему выиграть тяжбу и наградилъ деньгами.

Какъ-то дворецкій доложилъ Разумовскому, что одинъ изъ гостей сильно заподозрѣнъ въ похищеніи уже шестого серебрянаго прибора.

— Такъ узнать, гдѣ онъ живетъ, и послать ему еще шесть приборовъ, чтобы у него была ровно дюжина,—рѣшилъ Разумовскій.

Разъ, послѣ обѣда, графу Кириллу Григорьевичу вздумалось похвалиться передъ собесѣдниками драгоцѣнной брильянтовой табакеркой, подаренной ему императрицей. Табакерка, переходя изъ рукъ въ руки, вдругъ исчезла. Графъ вспыхнулъ отъ негодованія, а оскорбленные гости потребовали общаго строгаго обыска. Графъ долго не соглашался, говоря, что ему прискорбна утрата не цѣнной вещи, но дара императрицы, однако, долженъ былъ уступить упорнымъ требованіямъ. Каждый охотно выворачивалъ карманы, разстегивалъ супервестъ, нѣкоторые снимали даже сапоги. Очередь дошла наконецъ до одного отставного секундъ-майора. Тотъ сконфузился и объявилъ, что ему необходимо переговорить съ графомъ наединѣ. Разумовскій согласился.

— Знаю, что ты мнѣ скажешь, сказалъ онъ гостю, когда остался съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ.—Подавай табакерку, и Богъ съ тобой; разумѣется, все останется между нами.

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ обвиняемый,—я точно укралъ у васъ и даже часто кралъ, но только не то, что вы думаете.

— Такъ чѣмъ же ты, братецъ, воспользовался?

— Половиной рябчика, ваше сіятельство, вотъ она!.. Гость подалъ графу улику, бережно завернутую въ платокъ.—По милости вашего сіятельства, продолжалъ онъ,—вотъ почти годъ, какъ я самъ постоянно сытъ, но у меня больная жена, дѣти; состоянія никакого, мѣста не могу добиться и я ежедневно грѣшилъ, пропитывая и лакомя свое семейство крохами отъ вашего стола.

Въ эту минуту постучался дворецкій. Табакерка была отыскана у одного изъ такихъ гостей, которые менѣе всѣхъ могли быть подозрѣваемы въ кражѣ и не имѣли никакой необходимости похищать чужую собственность. Разумовскій поспѣшилъ обратить неблаговидный поступокъ въ желаніе пошутить и напугать другихъ и сдѣлалъ уличенному слѣдующее замѣчаніе:

— Прошу васъ покорно жаловать ко мнѣ кушать, только въ самомъ легкомъ платьѣ или, что еще лучше, совсѣмъ нагишомъ. Смотрите, какъ вы всѣхъ насъ напугали, въ особенности моего добраго друга майора, передъ которымъ признаю себя въ долгу.

Графъ вошелъ въ положеніе бѣдняка, тотчасъ же выдалъ ему пособіе и выхлопоталъ мѣсто, вполнѣ обезпечившее его существованіе.

Въ бытность Разумовскаго на балѣ въ благородномъ собраніи, у сопровождавшаго его гусара была украдена, во время сна, дорогая соболья шуба графа. Испуганный служитель, знавшій доброту своего господина, умолялъ его не столько о прощеніи, сколько о томъ, чтобы онъ скрылъ отъ управляющаго постигшее его несчастіе.

— Не бойся, сказалъ ему графъ, — я обѣщаю тебѣ, что, кромѣ насъ двоихъ, никто объ этомъ не будетъ знать.

Послѣ этого, всякій разъ, когда управляющій начиналъ спрашивать гусара о шубѣ, тотъ смѣло ссылался на графа, а послѣдній улыбаясь твердилъ управляющему:

— Объ этомъ знаю я да гусаръ.

Племянница Разумовскаго, графиня Софья Осиповна Апраксина, завѣдывавшая въ послѣднее время его хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія огромнаго числа прислуги, находившейся при графѣ и получавшей ежемѣсячно болѣе двухъ тысячъ рублей жалованья. Наконецъ она рѣшилась подать Кириллу Григорьевичу два реестра о необходимыхъ и лишнихъ служителяхъ. Разумовскій подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону, сказавъ племянницѣ:

— Я согласенъ съ тобою, что эти люди мнѣ не нужны, но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности? Если они откажутся отъ меня, то тогда и я безъ возраженій откажусь отъ нихъ.

М. В. Гудовичъ, почти постоянно проживавшій у Разумовскаго и старавшійся всячески вкрасться въ его довѣренность, гулялъ съ нимъ какъ-то по Батурину. Проходя мимо только что отстроеннаго дома графскаго управляющаго, Гудовичъ замѣтилъ, что пора бы смѣнить его, потому что онъ воръ и отстроилъ домъ на графскія деньги.

— Нѣтъ, братъ, возразилъ Разумовскій: — этому осталось только крышу крыть, а другого возьмешь, тотъ станетъ весь домъ сызнова строить.

Одинъ приказчикъ графа изъ крѣпостныхъ затѣялъ несправедливую тяжбу съ сосѣдомъ, бѣднымъ помѣщикомъ. Благодаря имени Разумовскаго и деньгамъ, помѣщикъ проигралъ дѣло и у

него отняли небольшое его имѣніе. Узнавъ объ этомъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ велѣлъ возвратить помѣщику отнятое имѣніе и подарилъ ему еще ту деревню, къ которой былъ приписанъ приказчикъ. Однако, черезъ нѣсколько дней, считая приказчика достаточно наказаннымъ, графъ выпросилъ ему у новаго его господина отпускную.

Въ другой разъ случилось также нѣчто подобное. У бѣднаго же помѣщика графскій повѣренный оттягалъ послѣднее его достояніе, при чемъ описалъ его графу, какъ человѣка весьма безпокойнаго, и просилъ сдѣлать ему такой пріемъ, отъ котораго онъ не устоялъ бы на ногахъ.

— Что стоитъ отнятая у тебя деревня? спросилъ Разумовскій помѣщика, когда тотъ явился къ нему съ жалобой и въ слезахъ.

— Семь тысячъ рублей, отвѣчалъ помѣщикъ.

— Сейчасъ велю, продолжалъ графъ, — выдать тебѣ пятнадцать тысячъ рублей.

Пораженный помѣщикъ упалъ на колѣни.

— Посмотри, сказалъ Разумовскій своему повѣренному: — я сдѣлалъ тебѣ угодное: онъ не устоялъ на ногахъ.

Объѣзжая свои владѣнія, графъ Кириллъ Григорьевичъ примѣтилъ бѣдную хату, стоявшую среди полей, и велѣлъ перенести ее на другое мѣсто.

— Это невозможно, отвѣчалъ ему управляющій: — хата принадлежитъ казаку.

— Такъ купи ее!

— Казакъ слишкомъ дорожится, продолжалъ управляющій: — онъ требуетъ за нее три тысячи рублей.

— Ты не умѣешь торговаться, сказалъ графъ: — пришли его ко мнѣ.

Казака привели къ Разумовскому. Послѣдній сталъ доказывать ему, что онъ слишкомъ дорого запрашиваетъ за свою хату, при которой находится только десять десятинъ земли. Казакъ утверждалъ, что у него было больше десятинъ, но что графскіе же хлопцы отрѣзали ихъ у него. Наконецъ, послѣ продолжительнаго торга, казакъ согласился сбавить пятьсотъ рублей. Графъ отворилъ письменный столъ, вынулъ изъ него пять тысячъ рублей и, отдавая ихъ казаку, сказалъ:

— Смотри, чтобъ черезъ три дня хаты твоей уже не было на моей землѣ.

Казакъ сталъ представлять невозможность такъ скоро пріискать себѣ другое мѣсто жительства.

— Это мое дѣло, отвѣчалъ Разумовскій и, обратясь къ управляющему, прибавилъ: — отведи ему въ концѣ моихъ владѣній двойное количество купленной у него земли и построй на мой же коштъ новую хату.

Одинъ изъ ландмилицкихъ казаковъ, прослуживъ тридцать лѣтъ на пограничной линіи, былъ произведенъ въ офицеры и возвратился на родину въ Батуринъ. Здѣсь онъ узналъ, что отецъ его умеръ, продавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ свою землю Разумовскому за четыреста рублей. Офицеръ, наслышавшись о снисходительности графа, рѣшился просить его взять обратно деньги и уступить ему родовую землю. Графъ разсмотрѣлъ просьбу и, призвавъ управляющаго, сказалъ ему:

— Я думаю, что этому офицеру земля нужнѣе, нежели нашей вотчинѣ; напиши обратную сдѣлку на его имя.

Когда бумага была готова, Разумовскій вручилъ ее офицеру съ слѣдующими словами:

— Не сѣтуй на родителя своего за продажу земли; она опять твоя. Денегъ же не требую, потому что владѣніе ею мнѣ возвратило уже ея цѣну.

Разъ главный управляющій, съ разстроеннымъ видомъ, пришелъ къ Разумовскому объявить, что нѣсколько сотъ его крестьянъ бѣжали въ Новороссійскій край.

— Можно ли быть до такой степени неблагодарными! добавилъ управляющій: — ваше сіятельство истинный отецъ своимъ подданнымъ!

— Батька хорошъ, отвѣчалъ Разумовскій, — да матка-свобода въ тысячу разъ лучше. Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я тоже ушелъ бы.

Встрѣтя какъ-то своего бѣжавшаго слугу, Разумовскій остановилъ его и сказалъ:

— Ступай-ка, братъ, домой.

Слуга повиновался. Когда графъ возвратился, ему доложили о слугѣ и спросили, какъ онъ прикажетъ его наказать?

— А за что? отвѣчалъ Разумовскій: — вѣдь я самъ его поймалъ.

Во время гетманства графа Кирилла Григорьевича, одинъ малороссійскій дворянинъ, лишенный незаконнымъ рѣшеніемъ суда всего имущества, нѣсколько разъ приносилъ на судей письменныя жалобы, не доходившія до гетмана, нѣсколько разъ безъ успѣха старался лично объясниться съ нимъ, наконецъ, въ отчаяніи, рѣшился пробраться черезъ садъ къ графскому кабинету и ожидать въ сѣняхъ появленія графа. Тщетно бѣдный проситель, прижавшись къ углу, ожидалъ благопріятной минуты, опасаясь безпрестанно быть замѣченнымъ и прогнаннымъ лакеями; дверь въ сѣни не отворялась, и глубокая тишина только по временамъ прерывалась глухимъ стукомъ, происходившимъ отъ бильярдной игры. Наконецъ онъ услышалъ шорохъ въ кабинетѣ и различилъ тяжелые шаги графа, отворявшаго дверь въ другую комнату. Послѣ минутнаго шума тишина возобновилась; несчастный проситель начиналъ терять надежду, какъ вдругъ шорохъ снова раздался уже у самой двери. Нужда рождаетъ догадку: бѣднякъ нагнулся къ порогу, просунулъ черезъ него свою челобитную и съ трепетомъ сталъ ожидать рѣшенія своей участи. Бумага исчезла, но черезъ нѣсколько минутъ явилась обратно тѣмъ же путемъ, изъ-подъ порога. Проситель поспѣшно схватилъ ее и, не оглядываясь, опрометью бросился бѣжать домой. Здѣсь онъ развернулъ бумагу и съ удивленіемъ и радостью увидѣлъ, что гетманъ велѣлъ суду не только возвратить отнятое у него имѣніе, но еще вознаградить за всѣ понесенные протори и убытки.

— Кто привелъ къ вашему сіятельству этого просителя? спросили потомъ графа судьи.

— Никто, отвѣчалъ онъ.

— Гдѣ же вы его видѣли?

— Нигдѣ.

— Какимъ же образомъ дошла до васъ его просьба?

— Такимъ, какимъ и хитрѣйшій изъ васъ не сумѣлъ бы воспользоваться: она пролѣзла черезъ порогъ.

Получивъ гетманское достоинство, Разумовскій посѣтилъ Кіевъ. Префектъ кіевской духовной академіи, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, желая польстить графу, поднесъ ему въ великолѣпномъ золоченомъ переплетѣ сочиненную имъ фантастическую генеалогію, въ которой родъ Разумовскихъ выходилъ отъ знаменитой и древней польской фамиліи Рожинскихъ.

— Что это такое? спросилъ Кириллъ Григорьевичъ.

— Родословная вашего сіятельства, отвѣчалъ Козачинскій, низко кланяясь.

— Моя родословная? съ изумленіемъ произнесъ Разумовскій, развертывая книгу:—но какимъ образомъ она сдѣлалась такой толстой?

— Родъ вашего сіятельства происходитъ отъ знаменитыхъ князей Рожинскихъ.

— Ба! ба! почтенный отецъ, что за сказки вы мнѣ тутъ разсказываете, съ улыбкой сказалъ графъ:—моя родословная совсѣмъ не такъ длинна. Мой отецъ, храбрый и честный человѣкъ, былъ простой казакъ, моя мать дочь крестьянина, также честнаго и хорошаго человѣка, а я, по милости и щедротамъ ея императорскаго величества, моей государыни и благодѣтельницы, графъ и гетманъ Малой Россіи, въ рангѣ генералъ-фельдмаршала. Вотъ вся моя родословная. Она коротка, но я не желаю другой, потому что люблю правду больше всего. Затѣмъ, почтенный отецъ, прощайте.

Съ этими словами Разумовскій повернулся спиной къ сконфуженному Козачинскому.

Въ богатомъ кабинетѣ графа Кирилла Григорьевича, въ рѣзномъ изящномъ шкапѣ изъ розоваго дерева, свято хранились пастушеская свирѣль и простонародный кобенякъ, который онъ въ юности носилъ въ Лемешахъ. Когда дѣти его, забывшись, выказывали аристократическія претензіи, или черезчуръ гордо обращались съ низшими, Разумовскій въ присутствіи ихъ приказывалъ камердинеру отворить шкапъ, говоря:

— Подай-ка сюда мужицкое платье, которое было на мнѣ въ тотъ день, какъ меня повезли съ хутора въ Петербургъ; я хочу вспомнить то время, когда пасъ воловъ и кричалъ: цопъ, цопъ!

У графа Кирилла Григорьевича было четыре дочери: Наталья, Елисавета, Анна и Аполлинарія, и шесть сыновей: Алексѣй, Петръ, Андрей, Левъ, Иванъ и Григорій.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ (род. въ 1748, ум. въ 1822 г.) былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ царствованіе императора Александра I. Онъ любилъ естественныя науки, въ особенности ботанику. Его оранжереи и рѣдкія коллекціи растеній пользовались въ свое время европейской извѣстностью. Отъ брака своего съ графиней Шереметевой онъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ

которыхъ одна вышла замужъ за графа Уварова, другая за князя Репнина, и двухъ сыновей, Кирилла и Петра, умершихъ бездѣтными.

Графъ Петръ Кирилловичъ (род. въ 1751, ум. въ 1823 г.) былъ оберъ-камергеромъ императора Александра I. Отъ брака своего съ вдовой князя Чарторыйскаго, рожденной Ушаковой, не оставилъ потомства.

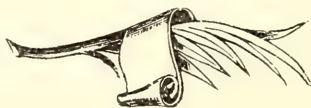
Графъ, впослѣдствіи князь, Андрей Кирилловичъ (род. въ 1752, ум. въ 1838 г.), человѣкъ высокаго ума и образованія, занималъ съ честью въ теченіе тридцати лѣтъ постъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, а потомъ жилъ въ этомъ городѣ тридцать лѣтъ, до самой кончины, частнымъ человѣкомъ. Его богатство и великолѣпіе, которымъ онъ окружалъ себя, доставили ему отъ нѣмцевъ прозваніе «эрцгерцога Андрея» Онъ былъ женатъ два раза: сперва на графинѣ Тунъ, потомъ на графинѣ Тюргеймъ; но дѣтей не имѣлъ.

Графъ Левъ Кирилловичъ (род. въ 1757, ум. въ 1818 г.) вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора и жилъ постоянно въ Москвѣ. Влюбившись въ княгиню Голицыну, рожденную княжну Вяземскую, онъ увезъ ее отъ мужа и женился на ней. Бракъ его былъ признанъ законнымъ только въ царствованіе императора Николая I. Онъ также не оставилъ потомства.

Графъ Иванъ Кирилловичъ, отставной генералъ-майоръ, умеръ холостымъ въ 1803 году.

Графъ Григорій Кирилловичъ оставилъ службу съ чиномъ бригадира и предался изученію физики и химіи. Онъ женился за границей на графинѣ Мальцанъ. По неизвѣстнымъ причинамъ бракъ его не былъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ. Дѣти графа Григорія Кирилловича остались въ Австріи, гдѣ живутъ до сихъ и носятъ фамилію графовъ Разумовскихъ.

Изъ дочерей графа Кирилла Григорьевича, Наталья была замужемъ за Н. А. Загряжскимъ, Елисавета за графомъ Апраксинымъ, Анна за Васильчиковымъ и Аполлинарія за графомъ Гудовичемъ.

Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.

Въ НАСТОЯЩЕМЪ очеркѣ мы познакомимъ читателей съ оригинальной личностью Василія Васильевича Головина — помѣщика елисаветинскихъ временъ, владѣльца огромнаго подмосковнаго села Новоспасскаго. Жизнь Головина интересна въ томъ отношеніи, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ странностей, принадлежавшихъ собственно ему, она представляетъ много чертъ, общихъ всѣмъ тогдашнимъ богатымъ русскимъ помѣщикамъ [1]).

Василій Васильевичъ Головинъ, сынъ ближняго стольника Василія Петровича, родился въ Москвѣ 4 апрѣля 1696 года. Отецъ его былъ извѣстенъ своей необыкновенной набожностью и преданностью интересамъ духовенства. Онъ пользовался особенной дружбой мѣстоблюстителя патріаршаго престола, митрополита Стефана Яворскаго и посвятилъ всю свою жизнь богоугоднымъ дѣламъ, построенію и украшенію церквей и собиранію рѣдкихъ иконъ. Императоръ Петръ Великій, называвшій Головина не иначе, какъ «святошей» и «монахомъ», не благоволилъ къ нему изъ-за жены

---

[1]) Свѣдѣнія о Головинѣ извлечены изъ изустныхъ преданій, сохранившихся объ немъ, и изъ двухъ весьма рѣдкихъ книгъ, не имѣющихся въ продажѣ и изданныхъ не для публики. подъ заглавіемъ: «Родословная Головиныхъ, собранная П. К. Москва. 1847 г.» и «Село Новоспасское, Деденево тожъ, сочиненіе П. Казанскаго. Москва. 1847 г.»

его Евдокіи Васильевны, рожденной княжны Мещерской, которая была крестной дочерью и любимицей царевны Софіи. Когда Василій Петровичъ въ 1704 году, исполняя царскій указъ, вмѣстѣ съ прочими вельможами пріѣхалъ въ Петербургъ строить домъ и явился къ Петру, послѣдній спросилъ его:

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— По твоему, государь, указу пріѣхалъ строить домъ.

— Этотъ указъ до тебя, монахъ, не касается, сказалъ Петръ:— поѣзжай назадъ, кланяйся моимъ сестрамъ, да привези своего сына. Это дѣло будетъ лучше.

— Великій государь, отвѣчалъ Головинъ, горько заплакавъ,— сынъ мой еще ребенокъ; ему только седьмой годъ.

— Экой, братъ, ты безтолковый, а еще называешься Головинъ, возразилъ Петръ: — привози его тогда, когда онъ выростетъ. Въ Москвѣ, кажется, ты живешь одинъ, а здѣсь и безъ тебя Головиныхъ много. Притомъ же и владыко о тебѣ соскучится, прибавилъ Петръ съ усмѣшкой и пошелъ далѣе.

Василій Васильевичъ до шестнадцатилѣтняго возроста воспитывался дома. Мы не знаемъ, какъ прошли дѣтство и первые годы его юности; но полагаемъ, что онъ росъ и развивался подобно всѣмъ русскимъ баричамъ Петровскаго времени. Обыкновенно такой баричъ до 17 или 18 лѣтъ считался неразумнымъ ребенкомъ, и родители оставляли его жить въ деревнѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти повиновалось все окружающее, а подобострастные нянюшки и дядьки чуть не съ пеленокъ вбивали ему въ голову барскую спесь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому. Образованіе же по большей части ограничивалось чтеніемъ букваря и псалтыря подъ указку дьячка, въ которомъ мальчикъ видѣлъ скорѣе свою забаву, нежели наставника.

Въ 1712 году, молодой Головинъ, наравнѣ съ другими недорослями-дворянами, былъ потребованъ въ Петербургъ къ царскому смотру. Въ оставленныхъ имъ посмертныхъ запискахъ о своей жизни подъ заглавіемъ «Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой» онъ говоритъ: «Лѣта отъ воплощенія Сына и слова Божія 1712-го, маія мѣсяца въ послѣднихъ числахъ, былъ намъ всѣмъ малолѣтнимъ дворянамъ смотръ, а смотрѣлъ самъ Его Царское Величество и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первыхъ, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты; а середнихъ за море, въ Голландію, для морской навигацкой науки, въ которыхъ въ числѣ за море и я грѣшникъ въ первое мое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтнихъ въ городъ Ревель въ науку».

Въ слѣдующемъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Василій Васильевичъ, напутствуемый благословеніями и слезами родителей, отправился въ Архангельскъ, сѣлъ здѣсь на голландскій купеческій корабль и послѣ тридцатидневнаго благополучнаго плаванія прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ поступилъ въ вѣдѣніе русскаго агента въ Голландіи, князя Львова, котораго онъ называетъ «комисаромъ у нашей братьи, у дворянъ россійскихъ, для понужденія навигацкой науки». О пребываніи и ученіи своемъ въ Голландіи Головинъ упоминаетъ въ запискахъ весьма лаконически: «жилъ я въ вышепоказанномъ городѣ Амстердамѣ и въ другихъ голландскихъ городахъ, а именно въ Сардамѣ и Ротердамѣ, и учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи съ пріѣзду моего, съ 1713 года по 1715 годъ по ноябрь первый день, итого два года. А въ ономъ 1715 году велѣно намъ, россійскимъ дворянамъ, всѣмъ, по указу Царскаго Величества, возвратиться въ отечество».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ іюнѣ 1716 года, Василій Васильевичъ былъ опредѣленъ для окончанія курса наукъ въ только что учрежденную тогда морскую академію—первое въ Россіи спеціальное заведеніе, гдѣ было введено правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и военный порядокъ съ соблюденіемъ строгой дисциплины.

Въ адмиралтействъ-совѣтѣ до сихъ поръ хранятся книги, драгоцѣнныя для каждаго русскаго моряка. Онѣ составлены изъ листовъ, на которыхъ Петръ Великій, посѣщая адмиралтейство, писалъ свои бѣглыя замѣчанія, приказанія, набрасывалъ пояснительные чертежи для отдѣлки корабельныхъ частей, и т. п. Между ними уцѣлѣлъ памятникъ заботливости государя о морской академіи. На листѣ одной изъ этихъ книгъ написано собственной рукою Петра: «учить дѣтей: 1) ариѳметикѣ; 2) геометріи; 3) фехтъ или пріемы ружья; 4) артиллеріи; 5) навигаціи; 6) фортификаціи; 7) географіи; 8) значенію членовъ корабельнаго гола и такелажа; 9) рисованію; 10) драться на рапирахъ». Это подлинный указъ Петра о наукахъ, которыя должно было проходить въ академіи.

Комплектъ воспитанниковъ, называвшихся въ офиціальныхъ бумагахъ «морской гвардіей», былъ положенъ въ триста человѣкъ, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій или «бригадъ» подъ командою особаго офицера и нѣсколькихъ старыхъ солдатъ, исправлявшихъ должность дядекъ. Почти всѣ воспитанники жили въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ седьмомъ часу, а весною и лѣтомъ въ шестомъ, послѣ завтрака они собирались въ общій залъ для мо-

литвы. По окончаніи ея расходились въ классы и садились по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостью, безъ всякой конфузіи, не досаждая другъ другу». Въ классахъ было приказано не шумѣть, не кричать и не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ Петръ велѣлъ въ каждомъ классѣ находиться по одному дядькѣ, «коему имѣть въ рукахъ хлыстъ и, буде кто изъ учениковъ начнетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамиліи не былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ кто поманитъ», то есть станетъ потворствовать. Для преподаванія были назначены нѣсколько навигаторовъ и учителей, въ числѣ которыхъ находились извѣстные Фарварсонъ и Гвынъ; имъ строго предписывалось являться къ своимъ занятіямъ въ установленные часы и «обучать морскую гвардію всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумительнѣйшимъ образомъ; ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ способомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возвратить; ежели кто изъ учителей замѣтится двукратно во взяткахъ, того подвергать тѣлесному наказанію». Воспитанники имѣли ружья, ходили въ караулъ, стояли на часахъ у воротъ, въ залѣ, при денежной казнѣ, у часового колокола, и т. д. Въ академіи неуклонно соблюдался военный порядокъ; въ опредѣленное время били «тапту», то есть зорю, рундъ повѣрялъ часовыхъ, а ночью дозоръ ходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Всѣ эти строгости были необходимы. Только одно опасеніе жестокаго наказанія, часовой у двери, или хлыстъ въ рукахъ дюжаго солдата, могли удержать тогдашнихъ юношей въ предѣлахъ должной дисциплины и «учтивства». Въ академической инструкціи не напрасно ставилось въ обязанность караульному офицеру наблюдать, чтобы въ академіи не было «пьянства, божбы, ниже богохуленія». Побѣги изъ училища случались довольно часто, хотя дезертировъ судили военнымъ судомъ. Буйства, пирушки и попойки, оканчивавшіяся нерѣдко кровавыми драками, также водились между морской гвардіей. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: «сѣчь по два дня нещадно батогами», или: «по молодости лѣтъ вмѣсто кнута наказать кошками». За преступленія болѣе важныя гоняли шпицрутенами сквозь строй и оставляли попрежнему учиться.

Проходимый въ академіи курсъ, въ сущности, необъемистый и весьма нетрудный при нынѣшнихъ способахъ ученія, въ то время былъ тягостнымъ бременемъ для головы ученика и требовалъ отъ

него большихъ усилій, терпѣнія и прилежанія. Тяжелая, схоластическая система преподаванія и новость русскаго научнаго языка до крайности затемняли самыя простыя вещи. Надъ тѣми предметами, которые теперь шутя можно передать тринадцатилѣтнему мальчику не очень быстрыхъ способностей, взрослый ученикъ морской академіи убивалъ нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго, усерднаго труда, и нерѣдко въ результатѣ оказывалось, что бо́льшая часть его знаній состояла въ изученіи безполезныхъ фразъ, пустыхъ опредѣленій и множества научныхъ фокусовъ.

Не легко давалась школьная мудрость тогдашнимъ баричамъ. Много горя приняли они, готовясь къ царской службѣ, и не разъ извѣдали собственной дворянской спиной, что такое кошки, батоги и шпицрутены. Тяжело было Василію Васильевичу привыкать къ академическимъ порядкамъ и требованіямъ. Несмотря на крѣпость своего сложенія, онъ не могъ выдержать всѣхъ строгостей воинскаго артикула и черезъ два́ мѣсяца послѣ поступленія въ академію заболѣлъ жестокой горячкой. Пролежавъ нѣсколько недѣль въ постели, Василій Васильевичъ оправился и, по ходатайству двоюроднаго дѣда своего, царскаго любимца, Ивана Михайловича Головина, былъ уволенъ изъ академіи для возстановленія здоровья въ годовой отпускъ. Съ радостью поспѣшилъ онъ къ родителямъ въ Новоспасское и былъ встрѣченъ здѣсь неожиданной новостью. Василій Петровичъ объявилъ сыну, что, желая при жизни устроить его будущность, намѣренъ женить его и уже нашелъ ему невѣсту—молодую вдову, княгиню Евдокію Венедиктовну Кольцову-Масальскую, рожденную Хитрово. Выборъ старика былъ удаченъ: княгиня Масальская могла считаться завидной невѣстой; по ея рядной записи, до сихъ поръ хранящейся въ Новоспасскомъ, за ней значилось приданаго: тысяча дворовъ крестьянъ, двадцать пять драгоцѣнныхъ уборовъ и парадная кровать, состоявшая изъ шести подушекъ, одного изголовья, одѣяла и занавѣса, украшенныхъ жемчужными кистями съ узлами и бахромой. Василію Васильевичу, разумѣется, не оставалось ничего болѣе, какъ поблагодарить родителя за его попеченія и заботы и согласиться на предлагаемый бракъ. Съѣздивъ предварительно въ Троицкую лавру испросить благословенія святого угодника Сергія, Василій Васильевичъ, 23 января 1717 года, женился на княгинѣ Евдокіи Венедиктовнѣ. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ весьма торжественно въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія Христова, что на Остоженкѣ. На другой день свадьбы старикъ Головинъ, по обычаю, сдѣлалъ у себя въ домѣ въ честь молодыхъ пиръ, на который были при-

глашены всѣ родные, находившіеся налицо. Василій Васильевичъ въ своихъ запискахъ тщательно перечисляетъ ихъ: «Въ показанное 24 число гости были у насъ званые, а именно: государь дѣдъ Матвѣй Алексѣевичъ Головинъ, князь Сергѣй Борисовичъ Голицынъ, князь Иванъ Алексѣевичъ сынъ Урусовъ, Петръ да Ѳедоръ Ивановичи, дяди мои, Головины, да бабки мои, вдовы: Алена Ивановна, да Варвара Петровна Головины, бабка моя родная, боярыня комнатная, вдова княгиня Авдотья Васильевна Мещерская, бабка моя, княгиня Авдотья Ивановна, жена князя Василія Васильевича Голицына, съ сыновьями и со снохами, и со внуками своими, княземъ Алексѣемъ и княземъ Михайломъ Васильевичемъ, и съ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Голицыными, князь Михайло меньшой Михайловичъ Голицынъ съ женою своею, а съ моею теткою, княгиней Марфой Дмитріевной, вдова Алена Борисовна Головина, Николай Ѳедоровичъ Головинъ съ женою, да Александръ Яковлевичъ сынъ Чаплинъ. А жены моей родни только двѣ персоны были, тетка ея Марія Ѳедоровна Корсакова, да братъ ея, Герасимъ Алексѣевичъ сынъ Мансуровъ».

Проживъ съ молодою супругою пять мѣсяцевъ, проведенныхъ большею частью въ разъѣздахъ по многочисленной роднѣ, Василій Васильевичъ съ грустью увидѣлъ приближеніе срока своего отпуска. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, оставя жену въ Новоспасскомъ, онъ отправился въ Петербургъ одинъ и, принявшись снова за «навигацію» и «воинскій артикулъ», въ то же время занялся исправленіемъ отцовскаго дома, построеннаго подъ Канцами [1]. Когда все было готово, онъ перебрался въ него, выписалъ къ себѣ, въ январѣ 1718 года, жену и зажилъ полнымъ хозяиномъ, продолжая попрежнему находиться «у опредѣленнаго дѣла» въ академіи. Понятно, какъ тягостна и нестерпима была для семейнаго человѣка обязанность ежедневно съ ранняго утра являться въ школу, заучивать наизусть нѣсколько страницъ неудобопонятныхъ учебниковъ, выкидывать ружейные пріемы, или стоять цѣлыя ночи на часахъ у воротъ, подвергая себя за малѣйшее упущеніе хлысту и батогамъ. Однако, избѣжать этого не было никакой возможности. Царь ни для кого не дѣлалъ ни исключеній, ни снисхожденій. Василію Васильевичу пришлось вести несносную жизнь школьника-семьянина до 19-го января 1720 года, когда, наконецъ, благодаря усерднымъ хлопотамъ и просьбамъ вліятельныхъ родственниковъ, онъ былъ

---

[1] Гдѣ теперь Охта. Названіе «Канцы» произошло отъ находившагося на этомъ мѣстѣ шведскаго укрѣпленія—шанцы.

уволенъ по именному царскому указу изъ академіи и назначенъ въ должность камеръ-юнкера къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Служба Василія Васильевича при дворѣ продолжалась недолго. Въ слѣдующемъ же году онъ имѣлъ неосторожность навлечь на себя гнѣвъ государя и былъ не только лишенъ камеръ-юнкерскаго званія, но, кажется, подвергнулся аресту или ссылкѣ. Объ этомъ событіи своей жизни Головинъ упоминаетъ въ запискахъ, по обыкновенію, весьма кратко: «Лѣта 1721 марта въ 15 день, судьбами Великаго Бога пріиде мнѣ, многогрѣшному, и окаянному, и бѣдному человѣку, злая, бѣдственная, горькая напасть и продолжалась до лѣта 1725, февраля по 6 число».

По воцареніи императрицы Екатерины I Головинъ получилъ отставку и переѣхалъ изъ Петербурга на жительство въ Москву. Въ 1733 году, онъ потерялъ почти въ одинъ мѣсяцъ жену и отца, а въ слѣдующемъ, 29-го апрѣля, какъ говорится, на Красную горку, вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Прасковьей Тимоѳеевной Чириковой, которая родилась въ тотъ самый годъ, какъ онъ женился въ первый разъ.

Въ грозное время властвованія Бирона Василій Васильевичъ по неизвѣстнымъ причинамъ былъ вновь арестованъ и содержался въ тѣсномъ заключеніи съ 1736 по 1738 годъ, въ Москвѣ, при церкви Воскресенія Христова, въ особой комнатѣ. По приказанію безчеловѣчнаго временщика, его подвергали жестокимъ пыткамъ и мученіямъ: поднимали на пялы, вывертывали лопатки, гладили по спинѣ горячимъ утюгомъ, кололи подъ ногти раскаленными иголками, били кнутомъ, и т. п. Въ Новоспасскомъ во многихъ календаряхъ отмѣчено его рукою: «Такого-то числа подчищали ногти у бѣднаго и грѣшнаго человѣка, которые были изуродованы. Благодареніе Господу! Нынѣ мы благоденствуемъ!» Нужно только прочесть запись обѣтовъ Василія Васильевича, по освобожденіи изъ заключенія, чтобы понять всю радость и благодарность несчастнаго страдальца къ Богу за избавленіе отъ рукъ мучителя, которое онъ получилъ посредствомъ огромной суммы, растраченной его супругой. Запись эта начинается словами: «Помни день избавленія и спасенія твоего, 1738 года, марта въ 3 день. Даждь славу Богу о величіи Его, яко помилова тя и суща тя недостойна удостоилъ великія Своея милости: прославль Его съ сокрушеннымъ сердцемъ и духомъ смиреннымъ. Припади и поверзи себя и съ сущими твоими къ ногамъ человѣколюбнѣйшаго Творца твоего, Владыки всемогущаго Бога и Пресвятыя Его Богоматери, и Святыхъ Его угодниковъ. Аминь. Обѣ-

щаніе грѣшнаго да незабвенно будетъ». Затѣмъ слѣдуетъ безконечное перечисленіе молебновъ разнымъ святымъ и въ разныхъ храмахъ, поднятіе иконъ, служеніе панихидъ и т. д.

Несчастія, испытанныя Василіемъ Васильевичемъ, имѣли довольно сильное вліяніе на его характеръ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, подозрительнымъ и религіознымъ до такой степени, что даже впалъ въ суевѣріе, доходившее до помѣшательства. Чтобы яснѣе обрисовать личность Головина, мы здѣсь опишемъ подробно обыкновенный порядокъ его домашней жизни въ Новоспасскомъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть года.

Вставъ рано поутру, еще до восхода солнечнаго, Василій Васильевичъ прочитывалъ полунощницу и утреню вмѣстѣ съ любимымъ дьячкомъ своимъ Яковомъ Дмитріевымъ. По окончаніи утреннихъ правилъ, являлись къ нему съ докладами и рапортами дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки, испытанной честности, Пелагеи Петровны Воробьевой. Прежде всего она произносила: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», а предстоящіе отвѣчали: «аминь!» Потомъ она говорила: «Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните жъ, смотрите, накрѣпко!» Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: «Слышимъ, матушка!» Войдя въ кабинетъ къ барину, они кланялись ему до земли и говорили: «Здравія желаемъ, государь нашъ!» — «Здравствуйте», — отвѣчалъ баринъ,— «друзья мои, не пытанные и не мученные, не опытные и не наказанные (это была его всегдашняя поговорка). Ну что? Все ли здорово, ребята, и благополучно у насъ?» На этотъ вопросъ прежде всѣхъ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ дворецкій:—«Въ церкви святой и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ господскомъ, на конномъ и скотномъ, въ павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, государь нашъ, Богомъ хранимо, благополучно и здорово». Послѣ дворецкаго начиналъ свое донесеніе ключникъ: «Въ барскихъ вашихъ погребахъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ и овинахъ, улишникахъ и птичникахъ, на витчинницахъ и сушильницахъ, милостію Господнею, находится, государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности; свѣжую воду ключевую изъ святого Григоровскаго колодца, по приказанію вашему господскому, на пѣгой лошади привезли, въ стеклянную бутыль налили, въ деревянную кадку поставили, вокругъ льдомъ обложили, изнутри кругомъ при-

закрыли и сверху камень наложили». Выборный доносилъ такъ: «Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ боярскаго вашего дома ходили, въ колотушки стучали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли, въ рожокъ, государь, по очереди трубили, и всѣ четверо между собою громогласно говорили; нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крыши не садились и на чердакѣ не возились». Въ заключеніе староста доносилъ: «Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все обстоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя ихъ пасутся, домашнія птицы несутся; на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька [1]) и баба-зажигалка [2]) въ Ртищевѣ проживаютъ и, по приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ и васъ, государь, слезно умоляютъ, чтобъ вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы, виновныхъ рабовъ своихъ, простили». Выслушавъ донесенія, Василій Васильевичъ отпускалъ докладчиковъ, и ему приносили чай. Впереди, обыкновенно, шелъ одинъ служитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями; шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ для обмахиванія золы и пыли. Поставивъ на желѣзный листъ жаровню, а на нее мѣдный чайникъ и сотворивъ молитву Іисусову, слуги тихо выходили. Баринъ посылалъ тогда за старшимъ сыномъ своимъ Василіемъ, котораго поднимали съ постели. Напившись чаю, онъ отправлялся къ литургіи и становился въ церкви на особенномъ мѣстѣ; по окончаніи обѣдни возвращался домой, по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями. Тогда давали ему завтракъ, а немного спустя онъ садился обѣдать со всѣмъ своимъ семействомъ. При этомъ былъ всегда приглашаемъ священникъ благословить обѣдъ, который нерѣдко продолжался часа три. Ку-

---

[1]) Это былъ любимый котъ Василія Васильевича. Однажды онъ влѣзъ въ вятеръ, съѣлъ въ немъ приготовленную для барскаго стола животрепещущую рыбу и, увязши тамъ, удавился. Слуги, скрывъ смерть кота, сказали только о его винѣ, и Василій Васильевичъ сослалъ животное въ ссылку.

[2]) Такъ было велѣно называть женщину, отъ неосторожности которой въ Новоспасскомъ произошелъ пожаръ. Василій Васильевичъ такъ былъ испуганъ этимъ происшествіемъ, что приказалъ всѣмъ дворовымъ людямъ стряпать въ одной особой комнатѣ, а дворовыхъ у него было болѣе трехсотъ человѣкъ; естественно, что приказаніе это не было никогда исполняемо.

шаній считалось обыкновенно семь, но число блюдъ доходило до сорока и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ приносилъ свое кушанье. Сервизъ былъ весь оловянный, въ праздники серебряный или фарфоровый. Поставя первыя блюда, всѣ семь поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись двѣнадцать офиціантовъ, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и длинными бѣлыми косынками на шеѣ. Послѣ обѣда подавался десертъ, называвшійся «заѣдками»; самъ хозяинъ пилъ шоколадъ. Обѣдъ кончался въ четыре часа; ужина не было; затѣмъ Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни. Изнутри прочитывали молитву Іисусову: «Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ!»—«Аминь!» отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ съ ужаснымъ стукомъ закрывали ставни и засовывали ихъ желѣзными болтами. Тогда приходили дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Въ кабинетъ допускался одинъ дворецкій и, получивъ отъ барина приказанія, передавалъ ихъ уже прочимъ. Приказъ выборному былъ такой: «Слушайте приказъ боярскій: смотрите, всю ночь не спите, кругомъ барскаго дома ходите, колотушками громче стучите, въ рожокъ трубите, въ доску звоните, въ трещотку трещите, въ ясакъ ударяйте, по сторонамъ не зѣвайте и помните накрѣпко: чтобы птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, малыхъ дѣтей не пугали, барской замазки не клевали, на крыши бы не садились и по чердакамъ не возились; смотрите жъ, ребята, помните накрѣпко!»—«Слышимъ!» бытъ отвѣтъ. Старостѣ отдавался такой приказъ: «Скажи сотскимъ и десятскимъ, чтобы всѣ они, отъ мала до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей отъ огня неусыпно сберегали бъ, и глядѣли бъ, и смотрѣли: нѣтъ ли гдѣ въ деревняхъ: Целѣевѣ, Медвѣдкахъ и Голявинѣ смятенія, не будетъ ли на рѣкахъ Икшѣ, Яхромѣ и Волгушѣ волненія, не увидите ли на небесахъ какого-нибудь страшнаго явленія, не услышите ли подъ собою ужаснаго землетрясенія? Коли что такое стучится или диво какое приключится, о томъ бы сами не судили и ничего бъ такого не рядили, а въ ту бъ пору къ господину приходили и все бъ его милости боярской доносили и помнили бъ накрѣпко!» Ключнику отдавала приказъ дѣвица Воробьева: «Баринъ государь тебѣ приказалъ, чтобы ты провизію наблюдалъ, въ Григорово лошадь отправлялъ и святую воду принималъ; въ кадку поставьте, льдомъ

окладите, кругомъ накройте и камнемъ навалите, съ чистотою и молитвою, людей облегчайте и скотовъ наблюдайте, по сторонамъ не зѣвайте и пустого не болтайте, и помните накрѣпко!» Этимъ оканчивались приказанія. Двери комнатъ запирала и отпирала обыкновенно Воробьева; ключи она относила къ Василію Васильевичу и, кладя ихъ ему подъ изголовье, говорила: «Оставайтесь, государь, съ Іисусомъ Христомъ, почивайте, сударь, подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, Ангелъ Хранитель да пребудетъ надъ вами, государь мой». Потомъ Воробьева отдавала приказъ очереднымъ сѣннымъ дѣвушкамъ: «Кошекъ-то [1]) смотрите, ничѣмъ не стучите, громко не говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко!» Прочитавъ вечернее правило, Василій Васильевичъ ложился въ постель и, крестясь, произносилъ:—«Рабъ Божій ложится спать, на немъ печать Христова и утвержденіе, Богородицына нерушимая стѣна и защищеніе, Крестителева благословенная десница, хранителя моего Ангела всесильный и всемощный животворящій крестъ, безплотныхъ силъ лики и всѣхъ святыхъ молитвы; крестомъ ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражью искореняю, всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!» Ночью въ Новоспасскомъ раздавался громъ, звонъ, стукъ, свистъ, гамъ и крикъ, трещанье и бѣганье четырехъ чередовыхъ и столькихъ же караульныхъ. Если что-нибудь помѣшало Василію Васильевичу заснуть въ первое время, то онъ уже не ложился спать и разстраивался на всю ночь. Въ такомъ случаѣ онъ или начиналъ читать вслухъ свою любимую книгу «Жизнь Александра Македонскаго» Квинта Курція, или садился въ большія механическія кресла, начиналъ качаться въ нихъ, поправляя руками на обоихъ вискахъ волосы, закладывая ихъ за уши, и, перебирая четки, произносилъ слѣдующія слова, постепенно возвышая и понижая голосъ:—«Врагъ-сатана! отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Божія! Врагъ-сатана! отрѣшись отъ меня въ мѣста темныя, въ моря бездонныя, на горы дивія, бездомныя, безлюдныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная! изыде отъ меня въ таръ-тарары, изыде отъ меня, окаянная рожа, въ адъ кромѣшный и въ пекло тріиспо-

---

[1]) Въ комнатахъ у Василія Васильевича было семь кошекъ, которыя днемъ могли ходить по всему дому, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой кошкой было поручено ходить особой дѣвкѣ. Если случалось, что которая-либо изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошка и дѣвка подвергались наказанію.

дне, и къ тому уже не вниди. Аминь! Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ, разсыпься, растрекляте, растрепогане, растреокаянне! дую на тебя и плюю!» Окончивъ заклинаніе, Василій Васильевичъ вставалъ съ кресла и начиналъ ходить по всѣмъ своимъ комнатамъ, постукивая колотушкой или обмахивая гусинымъ крыломъ мнимую нечистоту вокругъ себя и вездѣ. Если, сверхъ чаянія, онъ находилъ гдѣ-нибудь пыль, то тотчасъ же приказывалъ курить роснымъ ладономъ и окроплять то мѣсто святою водою. Такія странности, естественно, поджигали любопытство дворовыхъ и многіе подсматривали въ щели, что̀ дѣлаетъ баринъ. Но и на этотъ случай были приняты мѣры: сѣнныя дѣвушки поднимали крикъ съ различными прибаутками и приговорками и окачивали подслушниковъ изъ верхнихъ окошекъ холодной водой, а Василій Васильевичъ одобрялъ ихъ поступки, приговаривая: «По дѣломъ вору и мука, нешто имъ, растреклятымъ, растрепоганнымъ, растреокаяннымъ, не пытаннымъ, не мученнымъ и не наказаннымъ!» топоча обѣими ногами и неоднократно повторяя одно и то же. Въ холодное время, когда начинали топить печи, соблюдался слѣдующій порядокъ: въ собственныхъ комнатахъ барина были четыре печи, и къ каждой изъ нихъ былъ опредѣленъ особый истопникъ. Ежедневно передъ чаемъ они приходили въ домъ; Воробьева, отворивъ имъ двери въ сѣни, говорила:—«Слушайте, смотрите, печи оглядите, хорошенько топите, отнюдь не отходите, сажей не марайте, дымомъ не воняйте, и помните накрѣпко: похаживайте, посматривайте, входите бережно и опасно, съ чистотою и молитвою; заворачивать правымъ бокомъ, потомъ снаравливать налѣво, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»—«Аминь!» отвѣчали истопники и съ этимъ словомъ разомъ вдругъ снимали съ плечъ дрова, ударяя ими громко объ полъ; потомъ двое уходили на чердакъ открывать трубы и ожидали снизу команды, а другіе двое отворяли заслонки, произнося вслухъ молитву Іисусову, клали дрова въ печь и въ одно и то же время затопляли.

Зимой, отправляясь на жительство въ Москву, а лѣтомъ возвращаясь обратно въ Новоспасское, Василій Васильевичъ былъ всегда сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до семидесяти лошадей и около двадцати различныхъ экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимирской Божіей Матери въ золоченой каретѣ, съ утвержденнымъ внутри фонаремъ, въ сопровожденіи крестоваго священника. Затѣмъ слѣдовали: баринъ и барыня, въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадными цугами въ восемь лошадей; барышни въ четверомѣстныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа въ

открытыхъ колясках или саняхъ, въ четыре лошади. Всѣ они сидѣли поодиночкѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ, которыя помѣщались съ матерями. Барскія барыни и сѣнныя дѣвицы ѣхали въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня и прочія хозяйственныя принадлежности были обыкновенно отправляемы въ особыхъ фурахъ. Двадцать богато одѣтыхъ верховыхъ егерей оберегали этотъ затѣйливый поѣздъ.

Несмотря на всѣ свои странности, Василій Васильевичъ былъ человѣкъ умный, строгихъ и честныхъ правилъ; имѣлъ характеръ твердый, пылкій и взыскательный, но не жестокій. Онъ охотно дѣлалъ добро, строго сохранялъ всѣ правила и постановленія церкви и у себя дома ежедневно исполнялъ скитское монашеское келейное правило; любилъ читать Священное Писаніе, часто повторяя слова Псалмопѣвца: «Отяготѣ на мнѣ рука Твоя. Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя хлѣбъ мнѣ день и нощь; желаетъ и оканчивается душа моя во дворы Господни».

Василій Васильевичъ былъ малаго роста, сухощавъ, имѣлъ темные волосы, каріе глаза, широкій носъ. Достигнувъ восьмидесяти пяти лѣтъ, онъ не употреблялъ очковъ и не потерялъ ни одного зуба; даже страстно любилъ грызть орѣхи, которые для него мочили въ кадкахъ на цѣлый годъ. Онъ постояннно носилъ на головѣ стеганную зеленую шапочку, сшитую изъ трехъ одинаковыхъ полосъ, въ видѣ креста, такъ что одна полоса обходила вокругъ головы, а двѣ другія составляли вверху крестъ. Согласно его завѣщанію, онъ былъ положенъ въ этой шапочкѣ въ гробъ.

Василій Васильевичъ скончался 1-го мая 1781 года отъ апоплексическаго удара и погребенъ въ селѣ Новоспасскомъ, подъ лѣвымъ клиросомъ тамошней церкви. Изъ покрова его, богатѣйшей французской парчи, было сдѣлано парное облаченіе съ жемчужными крестами, сохранившееся до сего времени.

Василій Васильевичъ, бездѣтный отъ перваго брака, отъ второго имѣлъ восемь сыновей и десять дочерей; изъ нихъ только семь человѣкъ достигли совершеннолѣтія. Вторая жена Василія Васильевича, Прасковья Тимоѳеевна, урожденная Чирикова, была очень недурна собой, высокаго роста, дородная, съ голубыми огненными глазами и прекрасными каштановыми волосами, которые, подражая модѣ, носила всегда напудренными. Она считалась въ свое время модницей и щеголихой, часто ѣздила на балы, играла въ карты, пила полпиво и любила національную музыку, простонародныя пѣсни и русскую пляску. При ней находились почти безотлучно пара уродливыхъ карликовъ и ученый гуслистъ, ловкій, видный и стройный

мужчина, природный черкесъ, вывезенный изъ Кавказа. По тогдашнему обычаю, Прасковья Тимоѳеевна имѣла привычку употреблять бѣлила, румяна, сурмины и вообще всякія притиранія. Проживъ съ мужемъ въ полномъ согласіи сорокъ лѣтъ, она подъ конецъ жизни возненавидѣла его и разъѣхалась съ нимъ навсегда.

Изъ сыновей Василія Васильевича, старшій, также Василій Васильевичъ, родившійся въ 1739 году, служилъ сперва въ Семеновскомъ полку, потомъ судьей въ Калужскомъ надворномъ судѣ. Въ 1786 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ надворнаго совѣтника, и поселился въ Новоспасскомъ, гдѣ жилъ, удивляя всѣхъ своею роскошью. Онъ выѣзжалъ не иначе, какъ парадомъ, съ вершниками и гусарами, съ гайдуками и скороходами, окруженный всегда множествомъ дуръ и дураковъ, шутовъ и шутихъ; свиту его составляли арабы, башкиры, татарки и калмычки. Ежедневно принимая къ себѣ гостей, Головинъ угощалъ ихъ по старинѣ и задавалъ великолѣпные обѣды, ужины, балы и причудливые маскарады: съ утра до вечера у него гремѣла своя музыка, пѣли собственные пѣвчіе, и плясали цыгане, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ; въ праздники въ Новоспасскомъ происходила стрѣльба изъ орудій, и сожигался блистательный фейерверкъ. Василій Васильевичъ 2-й умеръ въ 1808 году отъ долговременной и изнурительной болѣзни.

Русскій чудакъ XVIII столѣтія,

1710—1786 г.

Въ 1696 году, Петръ Великій, проѣзжая въ Воронежъ, остановился въ Тулѣ и приказалъ спросить тульскихъ кузнецовъ, не возьмутся ли они сдѣлать въ теченіе мѣсяца триста аллебардъ по привезенному имъ съ собою образцу. На вызовъ государя явился только одинъ желающій—крестьянинъ Никита Демидовичъ Демидовъ[1]).

Когда онъ былъ представленъ царю, Петръ, пораженный его высокимъ ростомъ, мужественнымъ лицомъ и стройностью, сказалъ находившимся при этомъ вельможамъ: «Вотъ молодецъ! Годится въ Преображенскій полкъ, въ гренадеры!» Никита Демидовичъ, сочтя слова государя за повелѣніе поступить въ солдаты, упалъ къ ногамъ Петра и со слезами просилъ помиловать его для престарѣлой матери, у которой онъ былъ единственнымъ сыномъ и опорой.

Государь, посмѣявшись надъ страхомъ Демидова, шутя сказалъ ему: «Я помилую тебя, если сдѣлаешь аллебарды сходно съ образцомъ». Никита Демидовичъ возразилъ, что надѣется сдѣлать ихъ гораздо лучше образца и къ назначенному сроку привезетъ въ Воронежъ. Дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ Демидовъ доставилъ государю аллебарды. Петръ такъ остался доволенъ исполненіемъ заказа, что заплатилъ Демидову вдвое болѣе объявленной цѣны, подарилъ

---

[1]) Настоящая фамилія Никиты Демидовича была—Антуфьевъ, однако, онъ и потомки его писались и пишутся Демидовыми.

ему, сверхъ того, нѣмецкаго сукна на платье и серебряный ковшъ и обѣщалъ на обратномъ пути заѣхать къ нему въ гости. По пріѣздѣ въ Тулу Петръ вспомнилъ свое обѣщаніе, осмотрѣлъ небольшой заводъ Демидова, подробно разспросилъ его о кузнечномъ мастерствѣ, похвалилъ его за предпріимчивость и знаніе дѣла и зашелъ къ нему въ домъ. Когда при этомъ Демидовъ поднесъ своему гостю отличнаго рейнскаго вина, государь, ласково потрепавъ его по щекѣ, сказалъ: «Неприлично тебѣ, Демидычъ, держать такое дорогое вино».—«Государь», отвѣчалъ немного испуганный хозяинъ, «я сроду не пью никакого, а досталъ французское вино собственно для тебя».—«Отнеси его назадъ», продолжелъ государь: «и дай мнѣ рюмку нашего русскаго, простого». Жена Демидова поспѣшила исполнить приказаніе Петра. Онъ выпилъ водку, закусилъ кренделемъ, поцѣловалъ хозяйку въ губы и, обратясь къ Никитѣ Демидовичу, сказалъ ему: «Ступай за мной; я хочу кой о чемъ съ тобой поговорить». Придя къ себѣ на квартиру, государь показалъ Демидову заграничное искусно отдѣланное ружье и спросилъ: можетъ ли онъ сдѣлать подобное на своемъ заводѣ? Демидовъ отвѣчалъ, что попробуетъ, но за успѣхъ не ручается.—«Я на тебя надѣюсь», возразилъ Петръ: «когда сдѣлаешь, пріѣзжай ко мнѣ въ Москву».

Демидовъ съ усердіемъ принялся за работу и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, сдѣлалъ шесть ружей, съ которыми и явился къ царю; Петръ, осмотрѣвъ ружья, нашелъ, что они нисколько не хуже заграничныхъ, пожаловалъ Демидову сто рублей, обнялъ его и сказалъ: «Постарайся, Демидычъ, распространить свой заводъ, а я тебя не оставлю». Демидовъ, пользуясь расположеніемъ Петра, выпросилъ у него для себя нѣсколько десятинъ земли около Тулы и исключительное право добывать желѣзную руду въ окрестностяхъ этого города. По возвращеніи на родину, Никита Демидовичъ выстроилъ на берегу рѣки Тулицы желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами и занялся поставкою разныхъ воинскихъ снарядовъ въ Пушкарскій приказъ. Рѣдкая честность и дѣятельность, выказанныя при этомъ Демидовымъ, были достойно оцѣнены государемъ. Петръ со свойственной ему проницательностью понялъ, какую громадную пользу можетъ принести этотъ смышленный и предпріимчивый человѣкъ русскому горному дѣлу, находившемуся тогда еще въ младенчествѣ, и потому всѣми мѣрами поощрялъ Демидова и покровительствовалъ ему. Никита Демидовичъ вполнѣ оправдалъ ожиданія царя. Получивъ въ свое владѣніе обширныя земли въ Сибири, онъ построилъ въ этомъ краѣ нѣсколько

желѣзныхъ заводовъ, открылъ въ Алтаѣ серебряные рудники, а въ Колывани мѣдныя копи, населилъ людьми пустынныя мѣста нынѣшней Пермской губерніи, ввелъ въ Россіи обработку азбеста, или горнаго льна, распространилъ добываніе магнита и вообще, можно сказать безъ преувеличенія, первый положилъ прочное основаніе важнѣйшей отрасли нашей промышленности—горному дѣлу. Богатство Демидова росло необычайнымъ образомъ. Считая себя кругомъ обязаннымъ Петру, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать ему свою признательность. Въ 1715 году, когда у государя родился сынъ, царевичъ Петръ Петровичъ, Демидовъ прислалъ императрицѣ на зубокъ сто тысячъ рублей —сумму, для того времени весьма значительную. Петръ, съ своей стороны, не переставалъ благодѣтельствовать Демидову: возвелъ его въ 1720 году въ дворянское достоинство, а въ 1722 году, отправляясь въ персидскій походъ, послалъ ему изъ Кизляра свой портретъ при слѣдующемъ письмѣ: «Демидычъ! Я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велитъ ли Богъ видѣться? Для чего посылаю тебѣ мою персону. Лей больше пушкарскихъ снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду».

Наслѣдникомъ Никиты Демидовича, умершаго въ 1725 г., былъ сынъ его Акинфій Никитичъ. Не менѣе отца умный и предпріимчивый, Акинфій Никитичъ въ короткое время почти учетверилъ свое и безъ того громадное состояніе и оставилъ дѣтямъ, кромѣ заводовъ и домовъ, около тридцати тысячъ душъ крестьянъ и множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и денегъ.

Изъ трехъ сыновей Акинфія Никитича особенно замѣчателенъ старшій, Прокопій Акинфьевичъ, родившійся въ 1710 году. Онъ представляетъ собою полнѣйшій типъ чудака Екатерининскихъ временъ. Люди, подобные Демидову, были неизбѣжнымъ продуктомъ существовавшихъ тогда бытовыхъ отношеній и нравственной неразвитости общества, среди котораго для личности былъ столь же широкій просторъ, сколько и для слѣпого случая. Въ сущности добрые и честные, люди эти, благодаря совершенной необразованности, имѣли самыя узкія и извращенныя понятія о чести, добрѣ и правдѣ; стремленія ихъ были мелки, страсти никогда не сдерживались разсудкомъ. Всеобщая поблажка вокругъ усиливала въ нихъ озорничество и неуваженіе къ правамъ человѣка, придавала имъ смѣлость и размашистость и пріучала ставить личный произволъ выше всякаго закона, выше всякой логики.

Прокофій Акинфьевичъ, на тридцать пятомъ году отъ рожденія лишившись отца, получилъ въ свое распоряженіе такое состояніе,

что не могъ, говорятъ, съ точностью опредѣлить своихъ доходовъ,— такъ они были значительны. Окончивъ раздѣлъ съ братьями, онъ отправился путешествовать за границу. Цѣль путешестія заключалась, конечно, въ желаніи посмотрѣть на заморскую роскошь и испытать тѣ развлеченія и наслажденія, которыхъ нельзя было достать въ Россіи ни за какія деньги. Останавливаясь во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Европы, Прокофій Акинфьевичъ предавался такой праздной и шумной жизни и дѣлалъ такія чудовищныя закупки разныхъ предметовъ роскоши, что привелъ иностранцевъ въ ужасъ. Пируя на лукулловскихъ праздникахъ Демидова, они съ недоумѣніемъ качали головами и говорили другъ другу на ухо: «Какъ онъ мотаетъ! Съ чѣмъ-то онъ выѣдетъ отсюда?» А Прокофій Акинфьевичъ между тѣмъ вслухъ подсмѣивался надъ бѣдностью Европы, отзываясь, что «ему некуда тратить денегъ, и что онъ не можетъ достать для себя даже самое необходимое». Такое безумное бросаніе денегъ, разумѣется, сдѣлало имя Демидова извѣстнымъ за границей. Вездѣ, гдѣ онъ ни проѣзжалъ, его принимали, какъ принца, съ почестями и низкопоклонствомъ. Только въ Англіи, привыкшей ко всякимъ эксцентрическимъ выходкамъ, онъ былъ встрѣченъ довольно холодно; практическіе англичане видѣли въ Демидовѣ лишь сумасброднаго богача, не знающаго, какъ прожить деньги, и потому старались сбыть ему свои произведенія по баснословнымъ цѣнамъ. Невнимательность и расчетливость англичанъ чрезвычайно оскорбили Прокофья Акинфьевича. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, отомстить имъ и исполнилъ свою угрозу самымъ оригинальнымъ образомъ. По возвращеніи въ отечество, онъ скупилъ у русскихъ купцовъ всю пеньку, приготовленную ими для отпуска за границу. Когда открылась навигація, и англійскіе торговцы явились за пенькой, Демидовъ запросилъ съ нихъ впятеро дороже того, что стоилъ товаръ, и принудилъ ихъ уѣхать домой ни съ чѣмъ. Черезъ нѣсколько времени англичане вновь послали въ Россію покупщиковъ, надѣясь, что Демидовъ для собственныхъ выгодъ сдѣлается сговорчивѣе или распродастъ пеньку другимъ купцамъ. Однако, вышло не такъ: къ кому ни обращались прибывшіе торговцы, отъ всѣхъ получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Идите къ Демидову, вся пенька у него». А Прокофій Акинфьевичъ еще удвоилъ просимую имъ цѣну. Англичане старались всѣми мѣрами склонить Демидова на уступки, говорили, что дѣйствія его противны правиламъ коммерческихъ оборотовъ, угрожали, въ свою очередь, поднять цѣны на англійскіе товары... но Демидовъ не поддавался ни на какія сдѣлки и заставилъ англичанъ вторично уѣхать съ пустыми руками.

Первое время по возвращеніи своемъ изъ-за границы Прокофій Акинфьевичъ поселился въ Петербургѣ, но недолго жилъ здѣсь и переѣхалъ въ Москву. Самолюбивый и избалованный, Демидовъ искалъ почета и извѣстности. Въ Петербургѣ ему трудно было достигнуть желаемаго. Присутствіе двора сдерживало его произволъ, а при-

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ.
(Съ портрета, принадлежавшаго Н. И. Путилову).

дворный блескъ отчасти затмевалъ пышность, которой онъ окружилъ себя. Въ Москвѣ же этихъ неудобствъ не существовало. Тамъ Демидовъ могъ жить полновластнымъ господиномъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, на просторѣ предаваться всѣмъ причудамъ и дурачествамъ, которыя только приходили ему въ голову.

У Прокофія Акинфьевича было нѣсколько домовъ въ Москвѣ; однако, онъ, не находя ихъ удобными для своего помѣщенія, выстроилъ въ Басманной, близъ Разгуляя, новый домъ самой затѣйливой архитектуры и обшилъ его снаружи желѣзомъ. Когда въ сосѣдствѣ случались пожары, Демидовъ приказывалъ лишь закрывать окна желѣзными ставнями и затѣмъ продолжалъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, зная, что жилище его совершенно безопасно отъ огня. Внутренняя отдѣлка дома была великолѣпна и вполнѣ соотвѣтствовала колоссальному богатству хозяина. Масса золота, серебра и самородныхъ камней ослѣпляли глаза; на стѣнахъ, обитыхъ штофомъ и бархатомъ, красовались рѣдчайшія картины; зеркальныя окна и лѣстница были уставлены рѣдкими растеніями; мебель изъ пальмоваго, чернаго и розоваго дерева поражала своей тончайшей, какъ кружево, рѣзьбой; на мозаиковыхъ полахъ лежали ковры изъ тигровыхъ, собольихъ и медвѣжьихъ шкуръ; на потолкахъ были развѣшаны въ золотыхъ клѣткахъ птицы всѣхъ странъ свѣта; по комнатамъ гуляли ручныя обезьяны, орангутанги и другіе звѣри; въ мраморныхъ бассейнахъ плавали разнородныя рыбы; мелодическіе звуки органовъ, искусно вдѣланныхъ въ стѣны, увеселяли слухъ посѣтителей; въ столовой фигурные серебряные фонтаны били виномъ,—словомъ, Демидовъ сосредоточилъ въ своемъ домѣ всю роскошь и великолѣпіе, которыя только были доступны тогдашнему искусству и фантазіи.

Добиваясь лишь того, чтобы о немъ всѣ говорили, Прокофій Акинфьевичъ не пренебрегалъ для этого никакими средствами: не жалѣлъ денегъ, тратилъ ихъ не считая, съ неслыханной до того расточительностью, и велъ такой странный образъ жизни, что скоро, дѣйствительно, вся Россія наполнилась разсказами о его причудливыхъ выходкахъ.

Необыкновенная щедрость Прокофія Акинфьевича привлекала къ нему со всѣхъ сторонъ множество нищихъ, юродивыхъ, аферистовъ и мошенниковъ мелкой руки, старавшихся разными хитростями и штуками выманивать у него деньги. Демидовъ безъ разбора принималъ къ себѣ каждаго просителя, вступалъ съ нимъ въ разговоры, выспрашивалъ о нуждѣ, почти никогда не отказывалъ въ помощи дѣйствительному бѣдняку, нерѣдко помогалъ плуту и тунеядцу, но при этомъ непремѣнно потѣшался и глумился надъ нимъ. Такъ, напримѣръ, онъ вызывалъ охотниковъ пролежать у него въ домѣ на спинѣ круглый годъ, не вставая съ постели. Когда находился желающій, ему отводили особенную комнату и приставляли особыхъ людей, которые ни днемъ ни ночью не спускали съ

него глазъ и удовлетворяли всѣмъ его требованіямъ относительно кушаній и напитковъ. Если субъектъ выдерживалъ испытаніе, то получалъ въ награду нѣсколько тысячъ рублей; въ противномъ случаѣ его безпощадно сѣкли и выгоняли вонъ. Подобнымъ же образомъ, только за меньшую плату, поступалъ Демидовъ съ согласившимися простоять передъ нимъ цѣлый часъ не мигая въ то время, какъ онъ безпрестанно махалъ и тыкалъ пальцемъ около самыхъ глазъ ихъ.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ армянинъ, извѣстный тогда всѣмъ подъ именемъ «Тараса Макарыча», человѣкъ недальняго ума, страстный игрокъ и пьяница. Какъ-то онъ зашелъ къ Демидову поздравить его съ праздникомъ. Прокофій Акинфьевичъ обрадовался вѣрному случаю позабавиться и предложилъ Тарасу Макарычу сыграть въ карты съ условіемъ, чтобы проигрышъ послѣдняго отмѣчался у него на лицѣ углемъ. Тарасъ Макарычъ, конечно, согласился. Въ теченіе игры Демидовъ усердно подпаивалъ его самымъ крѣпкимъ виномъ, такъ что Тарасъ Макарычъ скоро свалился на полъ мертвецки пьяный. Тогда Прокофій Акинфьевичъ велѣлъ принести гробъ, уложилъ въ него своего партнера, связалъ ему крестъ-на-крестъ руки, всунулъ пукъ ассигнацій, приказалъ закрыть его крышкой, взвалить на дроги и отвезти къ женѣ. Подъѣхавъ къ дому, гдѣ жилъ Тарасъ Макарычъ, провожатый бросилъ гробъ среди двора и скрылся. На лай собакъ сбѣжались хозяйка, жильцы и сосѣди. Увидя разрисованнаго углемъ Тараса Макарыча лежащимъ въ гробу, они подняли страшный вой и крики, которые наконецъ разбудили покойника. Можно судить, какой испугъ и изумленіе произвело на присутствовавшихъ такое неожиданное воскресеніе изъ мертвыхъ!

Нѣкто Медеръ, обанкрутившійся купецъ и вмѣстѣ ловкій плутъ, не зная, какъ поправить свои дѣла, рѣшился обратиться за помощью къ Демидову и съ этой цѣлью отправился къ нему въ Москву. Прокофій Акинфьевичъ принялъ Медера въ одной рубашкѣ и, не говоря ни слова, началъ ходить вокругъ гостя, пристально осматривая его съ ногъ до головы. Медеръ, приготовившійся вытерпѣть всѣ причуды Демидова, стоялъ, какъ истуканъ, не шевелясь. Покружившись минутъ съ пять, Прокофій Акинфьевичъ остановился наконецъ передъ самымъ носомъ Медера и спросилъ его:

— Кто ты такой?

— Медеръ.

— Какое твое ремесло?

— Я негоціантъ и маклеръ.

— Что тебѣ нужно?

— Видѣть знаменитаго Демидова, всюду прославившаго свое имя добрыми дѣлами.

— Какъ ты попалъ въ Москву и откуда?

— Я пріѣхалъ изъ Петербурга на почтовыхъ.

— Умѣешь ли ты ѣздить верхомъ?

— Умѣю.

— А на тебѣ можно ѣздить?

— Если хотите. Это зависитъ отъ васъ.

— Ладно. Становись на четвереньки; я попробую.

Медеръ исполнилъ приказаніе. Прокофій Акинфьевичъ сѣлъ къ нему на спину и велѣлъ возить себя по комнатамъ. Вдоволь накатавшись и порядкомъ измучивъ своего импровизированнаго коня, Демидовъ остановилъ его и, слѣзая, сказалъ:

— Ты, я вижу, славный малый. Можетъ быть, ты хочешь ѣсть или пить?

— Лучше пить! отвѣчалъ Медеръ: — я всегда болѣе чувствую жажду, нежели голодъ.

— А хорошій ли ты питухъ? Какое ты вино пьешь?

— Всякое, какое мнѣ даютъ.

— Отлично. Такъ мы начнемъ съ пунша.

Вино было тотчасъ принесено въ великолѣпной чашѣ изъ севрскаго фарфора. Прокофій Акинфьевичъ налилъ два стакана и подалъ одинъ своему собесѣднику; но Медеръ съ презрѣніемъ оттолкнулъ его и, сдѣлавъ недовольную гримасу, сказалъ:

— Я не умѣю такъ пить!

— А какъ же?.. Ну, пей по-своему.

Медеръ торжественно взялъ чашу, залпомъ опорожнилъ ее и потомъ бросилъ вверхъ, крича во все горло: «Ура! да здравствуетъ Демидовъ!» Выходка эта привела Прокофья Акинфьевича въ восторгъ. Онъ выскочилъ изъ-за стола, обнялъ Медера, поцѣловалъ его и сказалъ:

— Чортъ возьми! Я никакъ не ожидалъ встрѣтить человѣка твоего закала. Ты мнѣ очень нравишься; я хочу сойтись съ тобою покороче. Если ты имѣешь до меня какую-нибудь просьбу, — говори прямо.

Медеръ поспѣшилъ воспользоваться такимъ веселымъ настроеніемъ духа Демидова, объяснилъ ему свое горестное положеніе и намекнулъ, что десять тысячъ рублей могутъ блистательно устроить его дѣла.

— Только-то! отвѣчалъ на это Прокофій Акинфьевичъ и тутъ же подарилъ Медеру желаемую имъ сумму.

Одинъ изъ заводскихъ приказчиковъ Демидова попросилъ у него разъ денегъ, говоря:

— Батюшка, Прокофій Акинфьевичъ, помогите! До того плохо приходится, что хоть въ петлю лѣзть!

— Очень радъ, только сперва повѣсься при мнѣ: я никогда не видалъ человѣка, который бы добровольно лѣзъ въ петлю,—отвѣчалъ Демидовъ и упорно отказалъ въ пособіи, повторяя:

— Нѣтъ, ты сперва потѣшь меня, а потомъ ужъ и я тебя: выдумка-то твоя мнѣ больно нравится. Удружи, и я твоимъ наслѣдникамъ хоть сто тысячъ дамъ.

Черезъ день онъ смиловался и, отдавая требуемое пособіе, только прибавилъ:

— Видишь, какая у тебя подлая душонка; въ кои-то вѣки, разъ въ жизни задумалъ сдѣлать неслыханное дѣло, да и то отъ трусости не посмѣлъ. Впередъ ужъ лучше не хвастай, а не то я буду считать тебя за мошенника.

Въ прежнее время существовалъ законъ, на основаніи котораго войска, исполнявшія въ какомъ-либо городѣ гарнизонную службу, размѣщались по очереди на квартирахъ у обывателей. Тягость постоя падала преимущественно на бѣдныхъ жителей, потому что богатые откупались отъ нея подарками полицейскимъ властямъ. Какъ-то разъ Прокофій Акинфьевичъ, разсердившись на полицейскаго офицера своего квартала, не послалъ ему обычнаго подарка. Полицейскій, въ свою очередь, желая досадить Демидову, назначилъ въ его домъ постой для нѣсколькихъ солдатъ. Прокофій Акинфьевичъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія на такое распоряженіе и дня черезъ два написалъ къ полицейскому весьма вѣжливое письмо и убѣдительно просилъ его пожаловать къ нему на обѣдъ. Полицейскій, разумѣется, не замедлилъ явиться на столь любезное приглашеніе. Демидовъ принялъ гостя съ необыкновеннымъ радушіемъ, отлично угостилъ его и къ концу обѣда напоилъ пьянымъ до безчувствія. Въ этомъ видѣ полицейскаго отнесли въ комнату, въ которой находились только диванъ и огромное зеркало. Здѣсь его раздѣли донага, обрили ему голову, вымазали все тѣло медомъ, потомъ обваляли въ пуху и оставили спать. На другой день Прокофій Акинфьевичъ съ ранняго утра былъ уже на ногахъ и, дождавшись пробужденія своего гостя, имѣлъ удовольствіе сквозь замочную скважину видѣть бѣшенство, плачъ и отчаяніе несчастнаго. Насладившись этимъ зрѣлищемъ, Демидовъ отперъ дверь въ комнату заключеннаго и грозно сказалъ ему: «Какъ! ты, полицейскій офицеръ, обязанный смотрѣть за обще-

ственнымъ порядкомъ, осмѣливаешься являться ко мнѣ въ домъ въ такомъ безобразномъ видѣ?! Погоди, негодяй, я научу тебя приличію. Сейчасъ же отправлю тебя къ губернатору и буду просить, чтобы тебя безъ всякаго милосердія наказали за всѣ твои мерзости!» Растерявшійся полицейскій упалъ къ ногамъ Демидова, со слезами просилъ у него прощенія и клялся болѣе никогда ничѣмъ не тревожить его. Прокофій Акинфьевичъ потребовалъ, чтобы онъ подтвердилъ все это письменно. Когда полицейскій исполнилъ желаніе Демидова, послѣдній велѣлъ вымыть и одѣть его и при разставаніи подарилъ ему парикъ и мѣшокъ съ червонцами.

Статсъ-дамѣ императрицы графинѣ Румянцевой, во время пребыванія двора въ Москвѣ, встрѣтилась надобность въ пяти тысячахъ рублей. Тщетно объѣздивъ своихъ знакомыхъ, она наконецъ рѣшилась обратиться за этой суммой къ Демидову. Прокофій Акинфьевичъ, вообще не очень долюбливавшій аристократовъ, принялъ графиню чрезвычайно сухо и, выслушавъ просьбу, сказалъ:

— У меня нѣтъ денегъ для женщинъ вашего званія и происхожденія, потому что мнѣ некому жаловаться на васъ, если вы не заплатите денегъ къ сроку. Вы привыкли ставить себя выше закона, и самъ чортъ съ вами ничего не сдѣлаетъ!

Графиня терпѣливо перенесла это оскорбленіе и, надѣясь, что Демидовъ смягчится, возобновила просьбу. Прокофій Акинфьевичъ отвѣчалъ ей новой дерзостью, заставившей графиню вспыхнуть. Обиженная до слезъ, она встала и хотѣла удалиться; но Демидовъ удержалъ ее въ дверяхъ.

— Послушайте! сказалъ онъ:—я готовъ услужить вамъ, но только съ тѣмъ, если вы дадите мнѣ такую расписку, какую я хочу.

Румянцева согласилась на предложеніе. Каково же было ея изумленіе, когда Прокофій Акинфьевичъ подалъ ей для подписи запискуу слѣдующаго содержанія: «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить дворянину Демидову черезъ мѣсяцъ пять тысячъ рублей, полученныя мною отъ него наличными деньгами. Въ случаѣ же, если я сего не исполню, то позволяю объявить всѣмъ, кому онъ заблагоразсудитъ, что я распутная женщина». Графиня съ негодованіемъ отказалась подписать эту бумагу.

— Какъ хотите, равнодушно отвѣчалъ Демидовъ:—я не перемѣню ни одной буквы.

Послѣ многихъ и напрасныхъ просьбъ Румянцева, крайне нуждавшаяся въ деньгахъ и увѣренная въ скоромъ полученіи ихъ изъ деревни,

подумавъ, рѣшилась уступить настойчивости Прокофія Акинфьевича и подписала росписку. Къ несчастію, Румянцева ошиблась въ своихъ расчетахъ и, несмотря на всѣ старанія, не могла расквитаться съ Демидовымъ черезъ мѣсяцъ. Дождавшись наступленія срока, Прокофій Акинфьевичъ поѣхалъ на балъ въ дворянское собраніе, гдѣ находилась императрица. Собравъ около себя молодежь, онъ громогласно прочелъ росписку графини. Чтеніе это, разумѣется, произвело въ слушателяхъ взрывъ смѣха, который обратилъ вниманіе государыни. Замѣтивъ въ кучкѣ смѣявшихся Демидова, Екатерина догадалась, что онъ сыгралъ съ кѣмъ-нибудь шутку, и приказала разузнать, въ чемъ дѣло. Когда ей доложили о поступкѣ Прокофія Акинфьевича съ Румянцевой, императрица сильно разгнѣвалась, приказала ему немедленно оставить собраніе, а на другой день поручила оберъ-полицеймейстеру уплатить Демидову пять тысячъ рублей и отобрать отъ него росписку графини.

Однажды Прокофій Акинфьевичъ, недовольный гордымъ обхожденіемъ нѣкоторыхъ вельможъ, вздумалъ отомстить имъ и для этого пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Наканунѣ назначеннаго дня онъ призвалъ штукатура и, подъ видомъ исправленія лѣпной работы на потолкахъ, велѣлъ ему устроить около каждой двери подмостки. Когда приглашенные явились, Демидовъ повелъ ихъ въ столовую черезъ всѣ комнаты. Сановнымъ гостямъ пришлось поневолѣ сгибаться и пролѣзать подъ подмостки, а Демидовъ, увѣряя, что штукатуръ въ его отсутствіе безъ позволенія началъ работу, просилъ извинить глупаго мужика въ томъ, «что заставляетъ столь почтенныхъ вельможъ гнуть спины прежде, чѣмъ попасть въ столовую».

Въ другой разъ, при проѣздѣ черезъ Москву какого-то важнаго лица Прокофій Акинфьевичъ сдѣлалъ въ честь его большой обѣдъ, на который позвалъ болѣе ста человѣкъ. Но важное лицо передъ самымъ обѣдомъ прислало сказать, что не можетъ пріѣхать, потому что отозвано къ генералъ-губернатору. Взбѣшенный Демидовъ приказалъ втащить въ столовую свинью, посадилъ ее на почетное мѣсто и въ теченіе всего обѣда самъ служилъ ей. Свинья, пораженная видомъ многочисленнаго общества и новостью своего положенія, страшнымъ образомъ хрюкала и рвалась, а Прокофій Акинфьевичъ подносилъ ей самыя дорогія кушанья, кланялся въ поясъ и приговаривалъ:

— Кушайте, ваше сіятельство, на здоровье; не брезгайте моимъ хлѣбомъ и солью; вѣкъ не забуду вашего одолженія.

Графъ Панинъ [1]), благоволившій къ тогдашнему московскому вице-губернатору Собакину, просилъ императрицу назначить его сенаторомъ на открывшуюся вакансію. Демидовъ, находившійся съ Собакинымъ въ ссорѣ, старался всячески помѣшать этому назначенію. Но просьба Панина была, конечно, уважена, и Собакинъ получилъ званіе сенатора. Прокофій Акинфьевичъ, разсерженный неудачей, чтобы досадить Панину, прибилъ къ воротамъ своего дома картину, на которой были изображены двѣ фигуры: одна— въ старинномъ парикѣ и костюмѣ, обыкновенно носимомъ Панинымъ, а другая—поразительно похожая на Собакина. Внизу картины огромными буквами красовалась слѣдующая надпись: «Собакинъ, архи-парикмахеръ, только что возвратившійся изъ Парижа, предлагаетъ свои услуги почтеннѣйшей публикѣ. Адресоваться къ г. Панонину». При этомъ слогъ «но» былъ такъ замазанъ грязью, что съ перваго взгляда никто не могъ его разобрать. Выходка Демидова была доведена до свѣдѣнія императрицы. Она хотѣла было наказать Прокофія Акинфьевича, но Панинъ самъ уговорилъ ее не обращать на это вниманія. Демидовъ, однако, не удовольствовался этимъ и распространилъ при дворѣ нѣсколько стихотворныхъ пасквилей насчетъ Панина и Собакина. Такая дерзость вывела государыню изъ терпѣнія; она приказала собрать и отправить всѣ пасквили къ московскому генералъ-губернатору съ повелѣніемъ сжечь ихъ черезъ палача въ присутствіи Демидова. Когда Прокофью Акинфьевичу была объявлена резолюція императрицы, онъ попросилъ только, чтобъ ему заблаговременно дали знать, гдѣ и когда будетъ исполненъ приговоръ. Въ назначенный день онъ откупилъ всѣ квартиры, выходившія окнами на площадь, среди которой должно было совершаться ауто-да-фе, приготовилъ въ этихъ квартирахъ обильные завтраки, пригласилъ на нихъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и явился самъ съ хоромъ пѣсенниковъ и двумя оркестрами музыкантовъ. Въ то время, какъ палачъ жегъ пасквили, Прокофій Акинфьевичъ пировалъ съ своими пріятелями подъ громкіе и веселые звуки музыки. Шутка эта, разумѣется, навлекла на Демидова негодованіе императрицы. Онъ получилъ высочайшее повелѣніе въ двадцать четыре часа оставить Москву и ѣхать на жительство въ дальнія деревни. Прокофій Акинфьевичъ испугался, просилъ прощенія и поспѣшилъ умило-

---

[1]) Панинъ графъ, Никита Ивановичъ, генералъ-поручикъ (1755 г.), наставникъ великаго князя Павла Петровича (1759 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ (1762 г.), канцлеръ (1763 г.), сенаторъ (1773 г.), родился въ 1718 г., умеръ въ 1783 г.

стивить государыню пожертвованіемъ значительной суммы денегъ въ пользу казны.

Странности Демидова увеличивались съ каждымъ годомъ. Въ одно прекрасное и жаркое іюньское утро ему пришла фантазія прокатиться въ саняхъ и насладиться зимнимъ путемъ. Для этого онъ закупилъ всю находившуюся въ Москвѣ соль и велѣлъ посыпать ею трехверстное пространство аллеи, которая соединяла его подмосковное имѣніе съ почтовой дорогой. Проѣхавшись два раза по импровизированному искусственному снѣгу, между ощипанныхъ за большія деньги березъ, представлявшихъ аксессуары вымышленной зимы, Прокофій Акинфьевичъ, весьма довольный, возвратился домой и черезъ минуту уже позабылъ о своей оригинальной прогулкѣ. Соль, истоптанная копытами тройки, сдѣлалась достояніемъ всякаго, кто хотѣлъ ее подбирать.

Прокофій Акинфьевичъ ѣздилъ по Москвѣ не иначе, какъ цугомъ, въ колымагѣ, окрашенной яркооранжевой краской. Цугъ состоялъ изъ двухъ маленькихъ лошадей въ корню, двухъ огромныхъ въ серединѣ съ форейторомъ карликомъ, и двухъ также небольшихъ лошадей впереди съ форейторомъ столь высокаго роста, что длинныя ноги его тащились по мостовой. Ливреи лакеевъ вполнѣ гармонировали съ упряжью: одна половина была сшита изъ золотого галуна, другая—изъ самой грубой сермяги; одна нога лакея была обута въ шелковый чулокъ и лакированный башмакъ, другая—въ онучи и лапоть. Когда вошло въ моду носить очки, Демидовъ надѣлъ ихъ не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собакъ.

Однажды, зять Прокофья Акинфьевича попросилъ его къ себѣ на завтракъ. Демидовъ послалъ къ нему, вмѣсто себя, поросенка. Зять, изучившій хорошо его характеръ, принялъ поросенка съ почетомъ, накормилъ досыта и доставилъ обратно въ своей каретѣ. Довольный поступкомъ зятя, Прокофій Акинфьевичъ велѣлъ зарѣзать поросенка, набилъ шкуру его золотомъ и отправилъ въ подарокъ дочери.

Увидя какъ-то, что садовникъ дотронулся голыми руками до особенно любимаго имъ померанцеваго дерева, съ большимъ трудомъ и хлопотами перевезеннаго изъ Италіи, Демидовъ приказалъ тотчасъ же его срубить и сжечь, говоря, что оно «загрязнилось». То же самое сдѣлалъ онъ съ дорогой каретой, выписанной изъ Англіи, во внутренность которой на глазахъ его вошелъ кучеръ, желавшій стереть пыль съ бархатныхъ подушекъ.

Въ бытность въ Москвѣ австрійскаго императора Іосифа II, генералъ-губернаторъ устроилъ въ Кремлевскомъ саду парадное

гулянье. Всѣ приглашенные явились въ самыхъ дорогихъ и блестящихъ костюмахъ, а Прокофій Акинфьевичъ, притворяясь больнымъ, пріѣхалъ въ камлотовой изношенной шинели и сафьянныхъ сапогахъ, съ толстой суковатой палкой въ рукѣ.

Перечисляя странности Демидова, было бы несправедливо умолчать о тѣхъ пожертвованіяхъ его, которыя заставили многихъ современниковъ произносить имя Прокофія Акинфьевича съ уваженіемъ и благодарностью, и которыя не должны быть забыты потомствомъ.

Въ 1771 году, Демидовъ въ письмѣ къ Бецкому [1]), признавая, что императрица Екатерина II учрежденіемъ воспитательнаго дома «многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила», выразилъ желаніе «имѣть о несчастныхъ всякое попеченіе» и обѣщалъ: «начатое въ Москвѣ каменное строеніе воспитательнаго дома достроить своимъ иждивеніемъ, вспомоществовать открытію ссудной казны и родильнаго госпиталя въ С.-Петербургѣ и не переставать оказывать благотворенія во вѣки, доколѣ могъ пользоваться преимуществами и защищеніемъ дома». Вслѣдъ за этимъ письмомъ Демидовъ прислалъ Бецкому 200,000 р. ассигнаціями.

Бецкій, извѣщая опекунскій совѣтъ о пожертвованіяхъ Прокофія Акинфьевича, писалъ: «Такого благотворителя мы не только въ сообщество свое, въ силу генеральнаго плана, принять, но отмѣнно почтить, защищать во всякихъ случаяхъ и весьма чувствительно благодарить должны, и портретъ его въ залѣ поставленъ быть имѣетъ».

Когда Демидовъ въ 1772 году посѣтилъ воспитательный домъ, то опекунскій совѣтъ, согласно наставленіямъ Бецкаго, поднесъ Прокофью Акинфьевичу золотую медаль и благодарственное свидѣтельство, до сихъ поръ сохраняющееся въ портретной галлереѣ дома; оно писано на пергаментѣ и украшено миніатюрною живописью, весьма изящно исполненною академикомъ Козловымъ. По этому же поводу и по распоряженію опекунскаго совѣта были напечатаны въ газетахъ плохія вирши, подъ заглавіемъ: «Вывѣска къ жилищу Прокофія Акинфьевича Демидова». Восхищенный сдѣланнымъ ему пріемомъ, Демидовъ тутъ же подарилъ воспитательному дому большой каменный домъ свой, находившійся въ Донской улицѣ, въ приходѣ церкви Ризъ-Положенія.

---

[1]) Бецкій Иванъ Ивановичъ, побочный сынъ князя И. Ю. Трубецкого, дѣйствительный камергеръ (1756 г.), генералъ-поручикъ и главный директоръ канцеляріи строеній (1762 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ (1767 г.), главный попечитель воспитательныхъ домовъ и шефъ шляхетскаго кадетскаго корпуса (1770 г.), род. въ 1704 г., умеръ въ 1795 году.

Въ томъ же году Прокофій Акинфьевичъ письменно изъявилъ Бецкому намѣреніе завести на свой счетъ коммерческое училище и опредѣлилъ на его содержаніе вѣчный капиталъ въ 205,000 рублей. Разсмотрѣнный особой комиссіей планъ «Воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи» и докладъ Бецкаго о пожертвованіи Демидова были высочайше утверждены 6-го декабря 1772 года, при чемъ Прокофій Акинфьевичъ, не имѣвшій никакого чина, пожалованъ прямо въ статскіе совѣтники.

Несмотря на вниманіе и почетъ, которые опекунскій совѣтъ постоянно оказывалъ Демидову, послѣдній своими причудами часто приводилъ его «въ недоумѣніе» и причинялъ ему «огорченія и обиды». Такъ, напримѣръ, однажды Прокофій Акинфьевичъ, узнавъ, что опекунскій совѣтъ крайне нуждается въ деньгахъ, обѣщалъ дать взаймы 20,000 рублей, но вмѣсто денегъ прислалъ въ него четыре скрипки по числу членовъ: Вырубова, Умскаго и князей Гагарина и Голицына. Въ 1780 году, совѣтъ, по приказанію Бецкаго, препроводилъ къ Демидову два его бюста, мраморный и бронзовый, съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ для себя одинъ изъ нихъ; но Прокофій Акинфьевичъ не принялъ бюстовъ и отослалъ ихъ обратно при слѣдующемъ отзывѣ: «Отъ московскаго воспитательнаго дома объявлено мнѣ, чтобы я отъ господъ опекуновъ взялъ бюстъ, и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость его высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкаго. Въ третьемъ году, какъ я былъ въ Питерѣ у Ивана Ивановича, при мнѣ сдѣланъ гипсовый бюстъ, а сказывалъ онъ, что многимъ мраморные дѣлаются и потому мнѣ не надобно; о чемъ съ моею благодарностію хошь сіе, хошь напишите высокопочтенному совѣту, а паче Иванъ Ивановичъ въ оное не входитъ и мнѣ не пишетъ—какой изъ того планъ хочетъ сдѣлать? Для того ли, что живущій мой домъ, по смерти моей, считаться будетъ къ воспитательному дому? Я же скоро умру и объ этомъ его высокопревосходительству сказывалъ. Онъ смѣялся: кто прежде умретъ? И такъ съ высокопочитаніемъ и моею преданностію остаюсь...»

Кромѣ воспитательнаго дома, Прокофій Акинфьевичъ поддерживалъ своими пожертвованіями и Московскій университетъ. Въ январѣ 1779 года, онъ прислалъ Шувалову [1]) «для нуждъ университета» 10,000 рублей, и въ томъ же году, въ іюнѣ, когда

---

[1]) Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, основатель московскаго университета (1773 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ (1773 г.), оберъ-камергеръ (1777 г.), род. въ 1727 г., ум. въ 1798 году.

университетъ праздновалъ свой актъ, и одинъ изъ студентовъ, обратясь къ Демидову, сказалъ привѣтственное слово, Прокофій Акинфьевичъ прислалъ Шувалову еще 10,000 рублей. Сумма, пожертвованная Демидовымъ, была отдана въ московскій банкъ съ тѣмъ, чтобы на получаемые съ нея проценты могли содержаться шестеро студентовъ. Конференція съ дозволенія кураторовъ поручила демидовскихъ пансіонеровъ подъ надзоръ профессору Шварцу, который былъ обязанъ прилагать о нихъ особое стараніе въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. По предписанію Шувалова, питомцы Демидова ежегодно отправлялись благодарить его и на актахъ непремѣнно привѣтствовали своего покровителя хвалебными рѣчами.

Вообще, Прокофій Акинфьевичъ въ теченіе своей жизни пожертвовалъ на разныя богоугодныя и общественнныя учрежденія около полутора милліона рублей.

Демидовъ умеръ 4-го ноября 1786 года и былъ погребенъ съ большимъ великолѣпіемъ въ Донскомъ монастырѣ, за алтаремъ Срѣтенской церкви. Университетъ прислалъ дежурить къ гробу усопшаго его питомцевъ. Наслѣдники Прокофія Акинфьевича выразили черезъ газеты свою признательность какъ начальству университета, такъ и питомцамъ, которые «примѣрнымъ наблюденіемъ порядка, благопристойности и нелестнаго сожалѣнія изъявили послѣдній и достохвальный долгъ благодарныхъ чувствъ къ умершему».

Демидовъ былъ женатъ два раза: первый разъ на Матренѣ Антиповнѣ Пастуховой, а во второй—на какой-то тульской уроженкѣ, имя которой намъ неизвѣстно. Отъ первой жены онъ имѣлъ трехъ сыновей: Акакія, Льва и Аммоса, и нѣсколькихъ дочерей. Отъ второй жены у него была только одна дочь—Настасья, вышедшая замужъ за Марка Ивановича Хозикова.

Сыновья Прокофія Акинфьевича воспитывались въ Гамбургѣ, гдѣ прожили много лѣтъ; возвратясь въ Россію, они почти не умѣли говорить по-русски и, хотя потомъ выучились родному языку, однако, удержали навсегда иностранный выговоръ. Демидовъ почему-то не любилъ сыновей, обходился съ ними крайне жестоко и, когда они переженились, отдалъ въ ихъ распоряженіе только небольшую подмосковную деревушку, имѣвшую всего тридцать душъ. Нищенское положеніе сыновей Демидова сдѣлалось извѣстнымъ императрицѣ, которая приказала Прокофію Акинфьевичу выдѣлить дѣтямъ болѣе приличную и достаточную для ихъ содержанія часть. Демидовъ купилъ имъ по тысячѣ душъ и вмѣстѣ

съ тѣмъ запретилъ показываться къ себѣ на глаза, объявивъ, что постарается послѣ смерти своей оставить имъ «одни стѣны да стрѣлы».

Дочерей своихъ Прокофій Акинфьевичъ выдалъ за фабрикантовъ и заводчиковъ; но одна изъ нихъ осмѣлилась сказать ему, что пойдетъ замужъ не иначе, какъ за дворянина. Тогда Демидовъ велѣлъ прибить къ воротамъ своего дома доску съ надписью, что у него есть дочь-дворянка, и потому не желаетъ ли кто изъ дворянъ на ней жениться? Случайно проходившій въ это время мимо чиновникъ Станиславскій первый прочелъ оригинальное объявленіе, явился къ Прокофію Акинфьевичу, сдѣлалъ предложеніе и въ тотъ же день былъ обвѣнчанъ съ его дочерью. Каждой изъ дочерей при замужествѣ Демидовъ дѣлалъ значительный денежный подарокъ, хотя въ рядной записи и писалъ, что назначаетъ въ приданое денегъ лишь 99 рублей 99 9/9 копейки. Это обстоятельство дало имъ впослѣдствіи поводъ начать противъ братьевъ тяжбу, длившуюся многіе годы и извѣстную подъ названіемъ «Пирамидовскаго дѣла».

Вельможа Екатерининскаго времени.

РЕМЯ императрицы Екатерины II, несмотря на распущенность нравовъ среди тогдашняго высшаго общества, особенно богато людьми даровитыми, отличавшимися глубокой преданностью родинѣ, умѣвшими на всѣхъ поприщахъ своей службы приносить ей пользу и оставившими по себѣ завидную память безкорыстныхъ и прямодушныхъ слугъ отечества. Къ числу такихъ свѣтлыхъ личностей принадлежитъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій. Уже самое прибавленіе къ его родовой фамиліи титула «Крымскій», полученнаго имъ за покореніе Крыма въ 1771 году, доказываетъ важныя заслуги его передъ Россіей. Но я не имѣю въ виду описывать здѣсь его многочисленные военные подвиги, а хочу только передать нѣсколько сохранившихся о немъ разсказовъ, которые относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ его жизни (1780—1781), когда онъ управлялъ Москвой въ званіи главнокомандующаго. Эти разсказы, по моему мнѣнію, довольно ярко характеризуютъ одинъ изъ типовъ Екатерининскихъ вельможъ, справедливо называемыхъ «Екатерининскими орлами».

Почти семидесятилѣтнимъ старикомъ Долгоруковъ принялъ начальство надъ Москвой, по настоянію императрицы, имѣвшей много случаевъ убѣдиться въ высокихъ качествахъ его души. Съ дѣтства находясь въ военной службѣ, онъ не былъ вовсе знакомъ съ гражданскими дѣлами и потому, вступая въ новую для него должность, обратился къ правителю своей канцеляріи, В. С. Попову, съ слѣдующими словами:

— Слушай, Поповъ, я человѣкъ военный, въ чернилахъ не окупанъ; если принялъ настоящую должность, то единственно изъ повиновенія всемилостивѣйшей государынѣ. Итакъ, смотри, чтобы никто на меня не жаловался — я тотчасъ тебя выдамъ. Императрица меня знаетъ. Старайся, чтобы и тебя узнала съ хорошей стороны.

Поселившись въ своемъ огромномъ домѣ, принадлежащемъ нынѣ московскому дворянскому собранію, и обладая большимъ состояніемъ, князь Василій Михайловичъ зажилъ истиннымъ вельможей. Его двери были открыты для всѣхъ, и каждый, даже самый простой человѣкъ, могъ приходить къ нему во всякое время съ жалобой или просьбой, въ увѣренности быть выслушаннымъ. Страдая частыми припадками подагры, князь обыкновенно принималъ просителей лежа на диванѣ, въ шлафрокѣ и черной вязаной шапочкѣ на головѣ. Всѣ особы, до чина бригадира включительно, имѣли право пріѣзжать къ нему обѣдать каждый день; лицамъ же ниже этого ранга разсылались особыя приглашенія. За столъ его садилось всегда не менѣе пятидесяти персонъ. Ласковый и внимательный къ людямъ низшимъ, Долгоруковъ держалъ себя довольно гордо относительно лицъ титулованныхъ и не стѣсняясь говорилъ имъ въ глаза правду, иногда весьма рѣзкую.

Однажды имъ былъ приглашенъ къ обѣду пріѣхавшій изъ Петербурга генералъ-майоръ Каульбарсъ. Ровно въ три часа — установленный часъ обѣда — князь вошелъ въ столовую, гдѣ его уже ожидали нѣсколько десятковъ лицъ; но среди нихъ Каульбарса не было. Князь подождалъ десять минутъ и затѣмъ пригласилъ присутствовавшихъ садиться. Когда подали супъ, явился опоздавшій Каульбарсъ. Началось движеніе стульевъ, чтобы дать ему мѣсто.

— Не безпокойтесь, громко и съ неудовольствіемъ сказалъ Долгоруковъ:—нѣмецъ всегда найдетъ себѣ мѣсто.

Въ другой разъ какой-то генералъ, пользовавшійся весьма дурной репутаціей, проѣзжая черезъ Москву, счелъ долгомъ представиться главнокомандующему. Князь встрѣтилъ его очень холодно и, сухо отвѣтивъ на низкій поклонъ, привѣтливо обратился къ другимъ присутствовавшимъ.

— Я вижу, что ваше сіятельство предубѣждены противъ меня,— перебилъ его генералъ.—Можетъ быть, вы раздѣляете обо мнѣ мнѣніе моихъ недоброжелателей?

Долгоруковъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ вопроса, но генералъ повторилъ его. Какъ ни отнѣкивался князь, генералъ продолжалъ настаивать, чтобы онъ высказалъ о немъ свое мнѣніе.

Тогда Долгоруковъ, выведенный изъ терпѣнія такой назойливостью, потребовалъ, чтобы онъ далъ обѣщаніе не обижаться, если съ языка сорвется что-нибудь непріятное. Генералъ далъ обѣщаніе.

— Ну, такъ вотъ тебѣ правда, сказалъ князь:—ты изъ каналій каналья. Самъ этого хотѣлъ. Слышали, честные люди?—и съ этими словами повернулся къ нему спиной.

Князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій.
(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Кочубей).

Сконфуженный и растерявшійся генералъ, разумѣется, поспѣшилъ уѣхать.

Среди своихъ подчиненныхъ Долгоруковъ особенно преслѣдовалъ взяточничество, пьянство и распутство.

Императрица поручила ему уплатить князю Д. К. Кантемиру двадцать тысячъ рублей изъ магистратскихъ суммъ. Долгоруковъ

приказалъ магистратскому судьѣ, статскому совѣтнику Т. И. Черкасову, отвезти деньги по назначенію. Исполнивъ порученіе, Черкасовъ явился къ князю, представилъ росписку Кантемира въ полученіи денегъ и съ радостнымъ видомъ прибавилъ, что Кантемиръ подарилъ ему сто рублей.

— Поповъ, сказалъ князь, обращаясь къ своему правителю канцеляріи,—никогда не зови ко мнѣ обѣдать этого господина.

Одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ, Ведерниковъ, овдовѣвъ, началъ вести распутную жизнь, пьянствовать и пропадать по цѣлымъ недѣлямъ неизвѣстно гдѣ. Докладывая объ этомъ князю, Поповъ просилъ разрѣшенія уволить Ведерникова отъ службы.

— А дѣти у него есть? спросилъ Долгоруковъ.

— Есть, двое малолѣтнихъ, отвѣчалъ Поповъ.

— Ну, вотъ, видишь; прогнать его со службы недолго, а что же будетъ съ дѣтьми? Лучше приведи его ко мнѣ; я попробую его усовѣстить.

Ведерникова съ трудомъ отыскали въ какомъ-то трактирѣ и представили его князю, оборваннаго, нечесаннаго, съ оплывшимъ лицомъ.

— Посмотри на себя въ зеркало, сказалъ ему Долгоруковъ:—ты опустился до такой степени, что на тебѣ нѣтъ человѣческаго подобія. Бросилъ дѣтей, забылъ Бога, небрежешь царской службой. За это надо бы забрить тебѣ лобъ и сослать въ Оренбургскій гарнизонъ. Да хочется мнѣ вѣрить, что ты одумаешься и исправишься. Вотъ что, Поповъ! Напиши ему трехмѣсячный отпускъ и отправь его въ Угрѣшскій монастырь къ игумену подъ самую строгую епитимью. Пусть кается и замаливаетъ свои грѣхи; а дѣтей его пришли ко мнѣ; пускай пока живутъ у меня. Надо будетъ похлопотать пристроить ихъ куда-нибудь. Когда же онъ вернется изъ монастыря, посади его опять въ канцелярію и каждую недѣлю докладывай мнѣ объ его поведеніи.

Ведерниковъ упалъ на колѣни, просилъ прощенія, благодарилъ за снисходительность и клялся исправиться.

— Проси прощенія не у меня, а у Бога, сказалъ князь:—а благодарить приходи, когда исправишься.

О томъ, какъ Долгоруковъ судилъ и вершилъ дѣла въ Москвѣ, сохранился слѣдующій разсказъ.

Однажды является къ нему мѣщанка и, упавъ въ ноги, со слезами проситъ возвратить ей дорогія вещи, присвоенныя нѣмцемъ, у котораго она заложила ихъ за ничтожныя деньги.

— Встань, сказалъ ей Долгоруковъ,—и говори толкомъ, безъ визга, заплатила ты ему долгъ, или нѣтъ?

— Весь долгъ до копеечки принесла ему, ваше сіятельство. Убей меня Богъ, если лгу. Только три дня просрочила, а онъ, окаянный, отъ денегъ отказывается и вещей не отдаетъ.

— Вотъ видишь, просрочила! Сама виновата, а жалуешься! Да точно ли вещи у него?

— Точно, батюшка! Иначе я не осмѣлилась бы тебя безпокоить. Онъ еще не сбылъ ихъ съ рукъ; соглашается отдать мнѣ, но только съ тѣмъ, чтобы я заплатила вдвое противъ того, что взяла подъ нихъ.

— А какъ зовутъ нѣмца, и гдѣ онъ живетъ?

— Зовутъ его Адамъ Адамовичъ Шписъ, а живетъ недалеко отсюда, въ своемъ домѣ, въ Гнѣздниковскомъ переулкѣ.

— Ну, ладно. Попробую тебѣ помочь. Попытка не пытка, спросъ не бѣда! сказалъ Долгоруковъ.—Поповъ! пошли-ка сейчасъ квартальнаго за нѣмцемъ; вели моимъ именемъ попросить его немедленно пожаловать ко мнѣ.

Когда нѣмца ввели въ кабинетъ, князь ласково обратился къ нему:

— Здравствуй, Адамъ Адамовичъ, очень радъ познакомиться съ тобой.

— И я очень счастливъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ нѣмецъ, кланяясь.

— Вотъ и хорошо. Будемъ же друзьями. Ты знаешь эту мѣщанку?

— Какъ не знать, ваше сіятельство, знаю. Я далъ ей взаймы деньги, скопленныя съ большимъ трудомъ, и, кромѣ того, призанялъ у одного знакомаго за большіе проценты. Долга она мнѣ въ срокъ не заплатила, и я, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ и расплатиться съ своимъ знакомымъ, вынужденъ былъ съ большимъ для себя убыткомъ продать оставленныя ею мнѣ въ обезпеченіе малоцѣнныя вещи.

— Если ты, Адамъ Адамовичъ, дѣйствительно такой человѣкъ, какимъ себя описываешь, то докажи это и удружи мнѣ: она отдастъ тебѣ долгъ, а ты возврати ей ея малоцѣнныя вещи.

— Съ великою радостью исполнилъ бы желаніе вашего сіятельства,—отвѣчалъ нѣмецъ:—но я продалъ вещи на рынкѣ неизвѣстному человѣку; ихъ у меня нѣтъ.

— Слышь ты, какая бѣда, — сказалъ Долгоруковъ, обращаясь къ мѣщанкѣ.

— Не вѣрь, батюшка! завопила та,—лжетъ онъ, разорить хочетъ меня несчастную. Вещи спрятаны у него дома; я сама ихъ видѣла сегодня.

— Тогда, вотъ что, Адамъ Адамовичъ, присядь-ка къ моему столу.

— Помилуйте, ваше сіятельство, много чести для меня. Не извольте безпокоиться, я могу и постоять передъ вашей великой особой.

— Ну, полно болтать пустяки, Адамъ Адамовичъ, сказалъ Долгоруковъ, улыбаясь:—ты, вѣдь, у меня не гость, и растабарывать съ тобой мнѣ не время. Садись сейчасъ; вотъ тебѣ бумага и перо. Пиши къ своей женѣ по-русски, чтобы я могъ прочесть: «пришли мнѣ съ подателемъ хранящіяся у насъ вещи мѣщанки N. N.».

Перо задрожало у нѣмца въ рукѣ, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, не зналъ, на что рѣшиться, и попробовалъ еще разъ увѣрять, что вещей у него нѣтъ.

— Пиши! грозно крикнулъ Долгоруковъ.—Я тебѣ приказываю, иначе худо будетъ; я тебя сію минуту упрячу въ острогъ!

Записка написана, отправлена, вещи привезены, и Долгоруковъ, отдавая нѣмцу деньги, сказалъ:

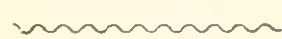
— По закону ты правъ и могъ не возвращать вещей, но, какъ человѣкъ, ты поступилъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Несмотря на просьбы этой несчастной женщины и мои убѣжденія, ты хотѣлъ разорить ее и обмануть меня, начальника города. Ты гнусный ростовщикъ и лжецъ! На первый разъ я прощаю тебя. Ступай домой и больше не смѣй заниматься ростовщичествомъ. Поповъ! запиши его имя въ особую книгу, чтобы онъ былъ у насъ на виду.

Доброта, доступность, справедливость и благотворительность князя В. М. Долгорукова привлекли къ нему сердца всѣхъ москвичей, которые не называли его иначе, какъ «нашъ отецъ». Когда онъ умеръ, вся Москва оплакивала его; несмѣтная толпа народа провожала его гробъ съ рыданіями; въ теченіе нѣсколькихъ дней городъ имѣлъ траурный видъ, и жители только и говорили о понесенной ими утратѣ.

Екатерина, получивъ извѣстіе о кончинѣ Долгорукова, сказала: «потеря невознаградимая!» заперлась въ своемъ кабинетѣ и не выходила изъ него весь вечеръ.

Поэтъ Нелединскій-Мелецкій написалъ ему слѣдующую эпитафію:

«Прохожій! Не дивись, что пышный мавзолей
«Не зришь надъ прахомъ ты его:
«Бываютъ имъ покрыты и злодѣи,—
«Для добродѣтели нѣтъ славы отъ того.
«Пусть гордость тлѣнныя гробницы созидаетъ:
«По Долгоруковѣ Москва рыдаетъ!

Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.

I.

Ъ МОСКВѢ, на Остоженкѣ, близъ Пречистенскихъ воротъ, возвышается огромный и красивый каменный домъ, съ массивнымъ фронтономъ, укрѣпленнымъ на колоннахъ коринѳскаго ордера, и съ обширнымъ дворомъ выходящимъ на улицу и обнесеннымъ желѣзной рѣшеткой. Домъ этотъ въ настоящее время составляетъ собственность московскаго коммерческаго училища, а въ прошломъ столѣтіи принадлежалъ генералъ-аншефу Петру Дмитріевичу Еропкину, одному изъ «Екатерининскихъ орловъ», которыхъ въ изобиліи создало это славное царствованіе.

Принадлежа къ древнему дворянскому роду, сынъ заслуженнаго генерала, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ поступилъ, по тогдашнему обыкновенію, въ военную службу, не достигнувъ совершеннаго возроста, въ 1736 г., и на тринадцатомъ году отъ рожденія былъ произведенъ въ офицеры. Постепенно подвигаясь въ чинахъ, онъ командовалъ сперва Воронежскихъ пѣхотнымъ, а затѣмъ Троицкимъ кирасирскимъ полками, и въ Семилѣтнюю войну, участвуя почти во всѣхъ сраженіяхъ, выказалъ замѣчательную храбрость и распорядительность, за что былъ награжденъ въ 1750 г. чиномъ генералъ-майора, а въ 1670 г. орденомъ св. Анны первой степени съ назначеніемъ въ должность дежурнаго генерала арміи. Императрица Екатерина II при своемъ восшествіи на престолъ возложила на него, въ 1762 г. орденъ св. Александра Невскаго, въ слѣдую-

щемъ году произвела въ генералъ-поручики, а въ 1765 г., согласно выраженному имъ желанію, повелѣла присутствовать въ пятомъ московскомъ департаментѣ правительствующаго сената.

Мы не знаемъ причинъ, побудившихъ сорокадвухлѣтняго Еропкина прервать свою блестящую военную карьеру, удалиться, несмотря на благоволеніе императрицы, отъ двора и поселиться въ Москвѣ. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что по своему прямодушію и самостоятельности онъ не хотѣлъ искать и унижаться передъ тогдашнимъ фаворитомъ Екатерины, Григоріемъ Орловымъ, который въ маленькомъ чинѣ служилъ подъ его начальствомъ въ Семилѣтнюю войну и былъ на одиннадцать лѣтъ моложе его годами. Низкопоклонство было не въ характерѣ Еропкина, и онъ не могъ раболѣпствовать передъ этимъ «случайнымъ» человѣкомъ низкаго происхожденія, требовавшимъ отъ всѣхъ безусловнаго себѣ подчиненія и зазнавшимся даже до мечты о бракѣ съ государыней.

Переѣхавъ на жительство въ Москву, Еропкинъ сразу занялъ въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ видное положеніе какъ по своимъ заслугамъ, такъ и по личнымъ качествамъ. Онъ и жена его Елисавета Михайловна, рожденная Леонтьева, отличались своимъ умомъ, простотою безъ всякой кичливости, доступностью и рѣдкой добротою. Владѣя хорошимъ состояніемъ, Еропкинъ считалъ унизительнымъ для себя увеличивать свои доходы посредствомъ откуповъ, винокуренія, поставокъ и тому подобныхъ оборотовъ и ограничивался лишь оброкомъ съ своихъ крестьянъ, который былъ имъ установленъ всего въ два рубля съ души. Такое снисходительное отношеніе къ крѣпостнымъ поневолѣ заставляло его быть бережливымъ. Онъ одѣвался весьма скромно, вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и начиналъ день молитвою; садясь за чай, онъ приказывалъ читать житіе святого того дня; затѣмъ шелъ гулять пѣшкомъ. Москвичи хорошо знали его и торопливо снимали шапки, завидя фигуру высокаго, худощаваго, нѣсколько сгорбленнаго генерала съ пріятной и привѣтливой наружностью, орлинымъ носомъ, большими проницательными глазами и напудренными волосами, спереди завитыми въ три лакона (à trois marteaux, какъ говорили тогда), а сзади собранными въ небольшой пучокъ. По возвращеніи съ прогулки подавался обѣдъ, къ которому могли являться всѣ желающіе, знакомые и незнакомые, лишь съ однимъ условіемъ—быть опрятно одѣтыми и вести себя за столомъ чинно; и сколько бы ни сѣло человѣкъ, на всѣхъ хватало и приборовъ и кушанья, не замысловатаго, но вкуснаго и свѣжаго. Послѣ

обѣда Еропкинъ или ѣхалъ въ гости, или, удалившись въ свой кабинетъ, принимался за чтеніе. Не зная ни одного иностраннаго языка, онъ читалъ почти всѣ книги, печатавшіяся по-русски, хорошо помнилъ все прочитанное и часто удивлялъ своими здравыми сужденіями о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Свои выѣзды въ гости онъ любилъ обставлять нѣкоторой торжественностью. Карета всегда запрягалась цугомъ, съ форейторомъ, на запяткахъ стоялъ ливрейный лакей, а впереди ѣхалъ верхомъ егерь; подъѣхавъ къ воротамъ, егерь трубилъ въ рожокъ, давая этимъ знать о пріѣздѣ своего барина. Еропкинъ и жена его, какъ уже сказано, были необыкновенно добры и всѣ сбереженія свои употребляли на благотворительность. Особенно нѣжное сердце имѣла Елисавета Михайловна. Она не могла видѣть ничьихъ слезъ, чтобы не постараться утѣшить, и когда дѣлала кому-нибудь добро, то прежде всего требовала, чтобы это оставалось тайной. Про нее сохранился слѣдующій трогательный разсказъ.

Однажды пріѣзжаетъ къ Еропкиной сосѣдка по имѣнію и, убиваясь, со слезами разсказываетъ, что ея сына постигло несчастіе, онъ потерялъ казенныя деньги, и ему предстоитъ не только быть выгнаннымъ со службы, но и сосланнымъ въ Сибирь.

Еропкина стала сперва спрашивать:

— Да что, твой сынъ, мать моя, не мотишка ли, или, можетъ статься, онъ деньги-то въ карты проигралъ?

Сосѣдка божится и клянется, и подробно объясняетъ, какъ случилась бѣда. Увѣрившись въ справедливости ея словъ, Еропкина стала ее утѣшать:

— Да ты, голубка, не плачь, помолись Богу, Богъ-то и пошлетъ невидимо. А много ли пропало у него?

— Много, матушка, много, и не выговоришь,—пять тысячъ!

— Ай-ай-ай! Эка бѣда какая, и подлинно, что не мало, легко ли сколько! Я готова тебѣ помочь, да ужъ это больно много... А вотъ погоди плакать-то, обожди здѣсь меня, сама становись на молитву, а я пойду посчитаю, увижу, чѣмъ могу тебѣ помочь.

И пошла къ себѣ. Выходитъ немного погодя:

— Ну что, молилась ли Богу, голубка моя?

— Молилась, моя родная.

— Ну, пойдемъ же ко мнѣ.

Привела въ свою комнату и говоритъ ей:

— Положи три поклона земныхъ передъ образомъ и бери, что̀ завернуто въ бумагу, подъ образомъ, только не развертывай и не смотри, пока домой не вернешься.

Сосѣдка бросилась ей въ ноги благодарить.

— Постой, постой, выслушай, что я тебѣ скажу: поклянись передъ образомъ, слышишь, что никому не скажешь, что я тебѣ въ бѣдѣ пособила, а то начнутъ благовѣстить, что Еропкина деньги раздаетъ. Сохрани тебя Богъ, если я только узнаю, что ты про меня болтаешь, тогда ко мнѣ и на глаза не кажись.

Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ.
(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей).

Еропкина продержала гостью у себя весь день, и какъ той ни хотѣлось посмотрѣть, что завернуто въ бумагу,—ослушаться не смѣла. Пріѣхавъ домой, развернула—5,000 рублей! Можно представить себѣ ея радость и счастіе. Она сдержала слово, и пока Европкина была жива, никому не разсказывала о ея поступкѣ и открыла его только послѣ ея смерти.

Проводя зиму въ Москвѣ, а лѣто въ имѣніи, въ селѣ Успенскомъ, Калужской губерніи, Еропкины были вполнѣ довольны своей тихой и покойной жизнью. Они питали другъ къ другу самую нѣжную привязанность и скорбѣли лишь о томъ, что у нихъ не было дѣтей. Чтобы наполнить пустоту, чувствовавшуюся въ домѣ, Елисавета Михайловна охотно брала осиротѣвшихъ дѣвочекъ, воспитывала ихъ и затѣмъ выдавала замужъ, награждая приданымъ. Далекій отъ всякихъ честолюбивыхъ помысловъ, Еропкинъ не желалъ ничего лучшаго и надѣялся прожить такимъ образомъ до конца своихъ дней. Но неожиданныя обстоятельства внезапно нарушили его покой и выдвинули на дѣятельность, которая прославила его имя.

II.

Весной 1770 года, русская армія, возобновляя кампанію противъ Турціи, вступила въ Молдавію и здѣсь встрѣтила врага, оказавшагося для нея гораздо болѣе опаснымъ турокъ,—чуму. Въ концѣ лѣта чума перешла русскія границы, распространилась по Малороссіи, начала появляться и на границахъ Великой Россіи, въ Сѣвскѣ и Брянскѣ. Чтобы предохранить Москву отъ заноса чумы, Московскую губернію окружили съ юга заставами и приняли обычныя карантинныя мѣры. Было предположено обнести и всю столицу палисадомъ или рогатками и запретить въ нее въѣздъ; но московскій главнокомандующій, дряхлый фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, воспротивился это мѣрѣ. «Въ такомъ великомъ городѣ», писалъ онъ императрицѣ, «столько людей, кои питаются привознымъ харчомъ, кромѣ помѣщиковъ, и тѣ получаютъ изъ своихъ деревень; товары къ портамъ везутъ черезъ Москву; всѣ мяса, рыбы и прочее, все черезъ здѣшній городъ идетъ; низовые города, Украйна,—со всѣхъ сторонъ ѣдутъ,—воспретить невозможно».

Не задерживаемая ничѣмъ, страшная гостья быстро подвигагась къ Москвѣ, и въ декабрѣ обнаружились первые случаи заболѣванія въ Лефортовѣ, въ маломъ госпиталѣ, находившемся на Введенскихъ горахъ. Наступившій холодъ пріостановилъ развитіе эпидеміи, но въ мартѣ 1771 года съ наступленіемъ оттепели сдѣлалось извѣстно, что за Москвою-рѣкою, близъ Каменнаго моста, на большой суконной фабрикѣ умираютъ люди и погребаются тайно, въ ночное время. Главнокомандующій послалъ на фабрику нѣсколькихъ врачей, которые послѣ осмотра удостовѣрились, что

на фабрикѣ умерло 130 человѣкъ и остается больныхъ 21, и заключили, что «болѣзнь есть гніючая, прилипчивая, заразительная и очень близко подходитъ къ моровой язвѣ». Салтыковъ тотчасъ созвалъ сенаторовъ московскихъ департаментовъ, и на общемъ совѣщаніи было рѣшено фабрику закрыть, отправить больныхъ за городъ въ Угрѣшскій монастырь, а здоровыхъ перевести въ наемный домъ за Мѣщанскую улицу, въ поле, оцѣпить его и прервать всякое съ нимъ сообщеніе. Но прежде, чѣмъ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, 2,000 фабричныхъ, узнавъ о грозившемъ имъ заключеніи, разбѣжались по всему городу и, скрываясь у родныхъ и знакомыхъ, разнесли такимъ образомъ заразу въ разные кварталы столицы. Бѣдствіе разросталось, и московскія власти не находили средствъ бороться съ нимъ.

Императрица, озабоченная тревожными извѣстіями, получаемыми ею изъ Москвы, предложила московскому сенату рядъ мѣръ, которыми, по ея мнѣнію, возможно было остановить развитіе заразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду старости графа Салтыкова, она сочла необходимымъ придать ему въ помощь по охраненію столицы человѣка дѣятельнаго и энергичнаго. Выборъ ея остановился на Петрѣ Дмитріевичѣ Еропкинѣ. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 25-го марта 1771 года Еропкину, «по извѣстному его усердію къ отечеству и человѣколюбію», поручалось, «подъ главнымъ надзираніемъ графа Салтыкова», принять въ свое исключительное завѣдываніе народное здравіе въ Москвѣ и «гораздо усугубить всѣ предосторожности и попеченіе о сохраненіи столицы».

31-го марта, Еропкинъ вступилъ въ исправленіе своей трудной и тяжелой обязанности. Первымъ дѣломъ его было назначеніе во всѣ четырнадцать частей города особыхъ смотрителей, взятыхъ изъ чиновниковъ разныхъ коллегій и канцелярій. Въ ихъ распоряженіи находились полицейскіе офицеры и доктора. Смотрители должны были объявить всѣмъ жителямъ своихъ участковъ, чтобы они тотчасъ же давали знать на съѣжій дворъ о всякомъ заболѣвшемъ въ ихъ домѣ, кто бы онъ ни былъ, а особенно о тѣхъ, которые заболѣваютъ внезапно или внезапно умираютъ. Получивъ такое свѣдѣніе, смотритель отправлялся вмѣстѣ съ докторомъ въ указанный домъ, и если больной оказывался чумнымъ, доносилъ о томъ Еропкину, по распоряженію котораго всѣ живущіе въ одномъ домѣ съ заболѣвшимъ немедленно перевозились въ другіе покои, а больной, вмѣстѣ съ своимъ платьемъ и со всѣмъ, что «около него въ употребленіи было», отвозился въ Угрѣшскій монастырь особыми служителями, одѣтыми въ вощаное платье; около дома

ставился караулъ, никого не пропускавшій со двора, а комната, гдѣ находился больной, окуривалась можжевельникомъ. Фабричныхъ, бѣжавшихъ съ суконной фабрики, велѣно было тщательно розыскивать и водворять въ Даниловъ и Покровскій монастыри, оцѣпленные кордономъ. Въ Симоновомъ монастырѣ былъ учрежденъ главный карантинъ. Кромѣ того, Еропкинъ уговорилъ московскихъ купцовъ, а за ними и раскольниковъ, устроить на свой счетъ особые карантины и лазареты. Для погребенія умершихъ отъ язвы отведены особыя кладбища за чертой города. Во всѣхъ церквахъ священники должны были читать народу составленныя докторами наставленія, гдѣ излагались разныя указанія относительно эпидеміи. Работы на фабрикахъ и заводахъ были прекращены, а общественныя бани закрыты. Въ виду невозможности совершенно изолировать Москву, было рѣшено хоть отчасти запереть ее: изъ восемнадцати главныхъ заставъ, которыми обыкновенно въѣзжали въ столицу, оставлены свободными для проѣзда только семь. Особенное вниманіе было обращено на то, чтобы зараза не могла проникнуть въ Петербургъ. Съ этой цѣлью всякое лицо, ѣхавшее изъ Москвы не только въ Петербургъ, но и въ мѣстности, лежащія по пути къ нему, пропускалось лишь послѣ освидѣтельствованія докторами и съ письменнымъ удостовѣреніемъ, что оно слѣдуетъ «изъ здоровыхъ и неприкосновенныхъ заразительной болѣзни домовъ, равно и товары или вещи, съ нимъ отправляемыя, свободны отъ заразы». Всѣмъ же проѣзжающимъ черезъ Москву въ Петербургъ запрещено было проѣзжать черезъ московскія заставы, а велѣно было слѣдовать мимо города, особыми дорогами.

Еропкинъ проявлялъ изумительную дѣятельность. Съ утра до вечера онъ распоряжался, объѣзжалъ Москву, лучно наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ предписанныхъ мѣръ, посѣщалъ карантины и лазареты, ежеминутно подвергаясь опасности заразиться. Сохранился разсказъ одного очевидца, гвардейскаго офицера Прокудина-Горскаго, свидѣтельствующій о томъ самоотверженіи, съ которымъ Еропкинъ отдавался своему долгу въ эти тяжелые дни.

«Однажды», разсказываетъ Прокудинъ-Горскій, «послѣ обѣда онъ (Еропкинъ) предложилъ мнѣ прогуляться. Мы сѣли въ карету четверо; я имѣлъ честь сѣсть съ нимъ рядомъ по правую руку, а два доктора напротивъ; нѣсколько полицейскихъ верхами сопровождали насъ. Любезно было бесѣдовать съ нимъ; онъ утѣшалъ своими разговорами всякаго; ни единаго раза въ жизни моей не случалось, когда бы я съ нимъ бывалъ, чтобы не осталось въ памяти моей навсегда полезнаго, добродѣтельнаго и того, что̀ сердце

человѣческое услаждаетъ. Путь нашъ продолжался, какъ я послѣ увидалъ, въ Симоновъ монастырь, гдѣ былъ главный карантинъ. Гдѣ мы проѣзжали по частямъ, насъ встрѣчали частные пристава для полученія отъ него какихъ-либо словесныхъ приказаній. Наконецъ мы достигли златоглавыхъ готическихъ башенъ Симонова монастыря. Еропкинъ выходитъ изъ кареты поспѣшнымъ образомъ, идетъ напередъ, хватается за желѣзное кольцо у калитки и отворяетъ ее. Доктора бросаютъ къ нему со словами:

«— Что вы дѣлаете? Металлъ сей можетъ умертвить васъ. (Ибо черезъ эту калитку провождались зараженные больные и брались за нее).

«— Господа!—отвѣчалъ онъ съ тою же пріятностью, которую всегда сохранялъ на лицѣ своемъ,—пожалуйста, будьте покойны. Билетъ на мою кончину еще не вышелъ. Выполняйте свою должность, порученную вамъ отъ государыни императрицы.

«Сказавъ это, шествуетъ въ симоновскія стѣны, нимало не останавливаясь, скорымъ шагомъ, куда и я съ трепетомъ ему послѣдовалъ. По его приказанію, являются пристава, доктора, лекари, раскладываютъ огни и выводятъ зараженныхъ язвою, съ коими онъ разговариваетъ черезъ огонь, спрашиваетъ, все ли положенное они получаютъ. Они его благодарятъ. Потомъ направляетъ шествіе свое къ другимъ казармамъ, въ тѣхъ же симоновскихъ стѣнахъ устроеннымъ, гдѣ не такъ опасно больные и подающіе надежду на выздоровленіе, вопрошаетъ ихъ о нуждахъ, о пищѣ и одеждѣ. Они также благодарятъ его, какъ отца, а не командира. Возвращаясь обратно и отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе отъ сего ужаснаго мѣста, гдѣ все дышало смертью, обращаетъ взоръ свой съ обыкновенною любезностью на меня и улыбаясь говоритъ:

«— Вы, мнѣ кажется, робѣли?

«— Великій мужъ!—отвѣтствую я,—я подъ созвѣздіемъ героевъ не родился и дивлюсь великой душѣ твоей».

Еропкинъ дѣлалъ все, что могъ, для спасенія Москвы, но онъ не былъ въ состояніи перевоспитать народъ, вселить въ него сознательное отношеніе къ общему дѣлу и желаніе помогать правительственнымъ распоряженіямъ, безъ чего послѣднія не могли имѣть успѣха. Точно такъ же онъ не въ силахъ былъ создать для исполненія своихъ мѣропріятій и надзора за ними людей самоотверженныхъ, способныхъ, честныхъ, которые не позволяли бы себѣ злоупотребленій, не пользовались бы общимъ несчастіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Жители Москвы не столько боялись чумы, сколько карантиновъ и больницъ, и потому скрывали больныхъ, не объявляя о нихъ.

властямъ. Одни не хотѣли отрѣшиться отъ христіанскаго обычая, обмывали своихъ покойниковъ, цѣловали ихъ «послѣднимъ цѣлованіемъ», провожали до могилы и заражались. Другіе, оставляя заболѣвшихъ въ домахъ безъ помощи и попеченія, сами разбѣгались, разнося съ собою заразу. Третьи скрытно выносили изъ домовъ мертвыхъ и бросали ихъ на улицахъ для того, чтобы не лишиться зараженныхъ вещей и не подвергаться осмотру. Четвертые тайно закапывали покойниковъ въ садахъ и огородахъ, распространяя кругомъ трупныя міазмы. Богатые люди спѣшили покинуть зараженный городъ и бросали на произволъ судьбы свою многочисленную челядь, безъ всякихъ средствъ къ прокормленію, вслѣдствіе чего всюду начались грабежи.

Зараза развивалась неудержимо. По официальнымъ свѣдѣніямъ, неполнымъ и случайнымъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умерло въ Москвѣ отъ чумы 778 человѣкъ; въ маѣ—880; въ іюнѣ—1,099; въ іюлѣ—1,708; въ августѣ—7,268, а въ сентябрѣ смертность достигла громадной цифры: ежедневно умирало до 900 человѣкъ. «Каждое утро», пишетъ одинъ очевидецъ, «фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе поднимали на улицахъ, клали въ телѣгу и везли за городъ; у кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и безобразно мотается; человѣкъ по двадцать взваливали на телѣгу». Но скоро уже не было кому вывозить и подбирать трупы: полицейскіе и фурманщики почти всѣ сдѣлались жертвами заразы; пришлось обратиться къ помощи преступниковъ и каторжниковъ, находившихся въ московскихъ тюрьмахъ. Для этихъ страшныхъ «мортусовъ» были отведены особые дома при каждой части, гдѣ они и содержались подъ карауломъ, получая все необходимое отъ казны и имѣя въ своемъ распоряженіи особую упряжь, лошадей, носилки и крючья для захватыванія труповъ, а также смоленую и вощаную одежду, маски и рукавицы.

Наконецъ чума посѣтила и домъ Еропкина. Иначе и быть не могло, потому что—говоритъ современное свидѣтельство—«не только домъ его и покои ежечасно наполнены были разнаго званія, а особливо подчиненными ему людьми, изъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ приходящими и отъ него различныхъ приказаній требующими, но и самъ онъ своею особою часто во всѣ мѣста, гдѣ самая видимая опасность настала, не оставлялъ пріѣзжать, дабы тѣмъ унылыхъ и отчаянныхъ жителей ободрить и узнать, все ли по его учрежденію исполняется». Зараза появилась сперва между его вѣстовыми

солдатами и писарями, а затѣмъ перешла на прислугу, такъ что въ домѣ умерло разомъ семь человѣкъ. Неизвѣстно, поколебало ли это обстоятельство мужество Еропкина, или онъ созналъ всю безплодность своей борьбы съ эпидеміей, но только онъ рѣшился просить объ увольненіи отъ возложенныхъ на него обязанностей.

14 сентября старикъ Салтыковъ отправилъ императрицѣ слѣдующее отчаянное донесеніе: «Болѣзнь уже такъ умножилась и день-ото-дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кромѣ чтобъ всякъ старался себя охранить. Мретъ въ Москвѣ въ сутки до 900 человѣкъ, выключая тѣхъ, коихъ тайно хоронятъ, и все отъ страха карантиновъ, да и по улицамъ находятъ мертвыхъ тѣлъ по 60 и болѣе. Изъ Москвы множество народа подлаго побѣжало, особливо хлѣбники, калачники, маркитанты, квасники и всѣ, кои съѣстными припасами торгуютъ, и прочіе мастеровые; съ нуждою можно что купить съѣстное; работъ нѣтъ, хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ; дворянство все выѣхало по деревнямъ. Генералъ-поручикъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ старается и трудится неусыпно оное зло прекратить, но всѣ труды его тщетны; у него въ домѣ человѣкъ его заразился, о чемъ онъ меня просилъ, чтобъ донесть Вашему Величеству и испросить милостиваго увольненія отъ сей коммиссіи. У меня въ канцеляріи также заразились, кромѣ что кругомъ меня во всѣхъ домахъ мрутъ, и я заперъ свои ворота и сижу одинъ, опасаясь и себѣ несчастья. Я всячески генералъ-поручику Еропкину помогаю, да тутъ и помочь нечѣмъ: команда вся раскомандирована, въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ дѣла остановились и вездѣ приказные служители заражаются. Пріемлю смѣлость просить мнѣ дозволить на сіе злое время отлучиться, пока оное, по наступающему холодному времени, можетъ утихнуть. И коммиссія генералъ-поручика Еропкина нынѣ лишняя и больше вреда дѣлаетъ, и всѣ тѣ частные смотрители, посылая отъ себя и сами ѣздя, болѣе болѣзнь развозятъ».

Отправивъ это донесеніе и не дожидаясь на него отвѣта, Салтыковъ въ тотъ же день уѣхалъ въ подмосковную. Такимъ образомъ Еропкинъ остался единственнымъ представителемъ власти въ Москвѣ, среди населенія которой, объятаго страхомъ и ужасомъ, начало проявляться—какъ говоритъ офиціальный документъ того времени—«неудовольствіе, роптаніе, отчаяніе». Надо было ожидать взрыва, и поводъ къ нему не замедлилъ представиться.

III.

Архіепископъ московскій Амвросій Зертышъ-Каменскій не пользовался расположеніемъ своей паствы. Причина этого заключалась въ его малорусскомъ происхожденіи и необычайной строгости, съ которой онъ наблюдалъ не только за внѣшнимъ, но и за духовнымъ приличіемъ церкви и духовенства. Послѣднее само разжигало въ народѣ непріязнь къ архіепископу, озлобленное отмѣной и запрещеніемъ стариннаго обычая церковнаго наемничества, состоявшаго въ томъ, что всѣ безмѣстные священники могли каждое утро собираться у Спасскихъ воротъ, какъ на базаръ, и ожидать, чтобы кто-нибудь нанялъ ихъ на этотъ день служить обѣдню, отправлять панихиду, пѣть молебенъ и т. п. Распоряженія Амвросія во время чумы еще болѣе усилили общую ненависть къ нему. Онъ приказалъ священникамъ исповѣдывать и причащать больныхъ, не прикасаясь къ нимъ, а черезъ двери и окна; при крещеніи дѣтей не брать ихъ въ руки и не погружать въ воду, а поручать это повивальнымъ бабкамъ; не отпѣвать умершихъ ни на дому, ни въ церквахъ, и даже не возить ихъ въ церковь, а отправлять прямо на кладбище. Затѣмъ, когда священники начали ежедневно служить въ своихъ приходахъ молебны о прекращеніи эпидеміи и совершать крестные ходы, способствуя тѣмъ скопленію народа въ церквахъ, на площадяхъ и улицахъ и невольно помогая заразѣ вмѣстѣ съ зараженными переходить изъ одного конца города въ другой, Амвросій запретилъ и эти сборища. Священники были недовольны, потерявъ свои доходы, а прихожане роптали потому, что лишились, какъ они думали, духовнаго утѣшенія.

У Варварскихъ воротъ въ Кремлѣ, на стѣнѣ, давно уже находился старинный образъ Боголюбской Божіей Матери, до сихъ поръ не привлекавшій къ себѣ особеннаго почитанія. Вдругъ, неизвѣстно почему (есть указаніе, что это было сдѣлано по наущенію попа церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ), какой-то фабричный сталъ разглашать о будто бы видѣнномъ имъ чудѣ. Онъ разсказывалъ, что во снѣ ему явилась Богородица и объявила, что такъ какъ находящемуся у Варварскихъ воротъ образу ея никто въ теченіе 30 лѣтъ не пѣлъ молебна и не ставилъ свѣчи, то Господь хотѣлъ было за это послать на Москву каменный дождь, но она, Богородица, умолила Его сжалиться надъ Москвой и послать на нее трехмѣсячный моръ. Помѣстившись у Варварскихъ воротъ, фабричный повторялъ всѣмъ проходившимъ свой сонъ и взывалъ:

«Порадѣйте, православные, Богоматери на всемiрную свѣчу!» Вѣсть о необычайномъ снѣ фабричнаго быстро облетѣла городъ. Все повалило къ Варварскимъ воротамъ—больные и здоровые, женщины и дѣти. Священники, руководимые корыстолюбiемъ и пренебрегая запретомъ архiепископа, бросились въ Кремль, разставили у воротъ аналои, и пошло молебствiе отъ ранняго утра до поздней

Амвросiй Зертышъ-Каменскiй.
(Съ портрета, принадлежащаго П. Д. Быкову).

ночи! «Это было не богомолiе, а торжище», поясняетъ современникъ. Такъ какъ икона помѣщалась высоко надъ воротами, то, чтобы ставить ей свѣчи, народъ подмостилъ въ воротахъ лѣстницу и совершенно загородилъ проходъ и проѣздъ. Для сбора приношенiй иконѣ притащили сундукъ, который скоро наполнился мѣдными и серебряными монетами.

Амвросій, узнавъ о происходившемъ у Варварскихъ воротъ, поѣхалъ къ Еропкину и просилъ его помощи для прекращенія соблазна. Онъ хотѣлъ снять икону и отобрать собранныя деньги. Еропкинъ нашелъ не безопаснымъ снимать икону въ такое смутное время и совѣтовалъ лишь запечатать сундукъ и перенести его въ безопасное отъ расхищенія мѣсто. Рано утромъ 15-го сентября, по распоряженію Амвросія, архіерейскій подьячій въ сопровожденіи унтеръ-офицера и шести солдатъ явился къ Варварскимъ воротамъ, чтобы приложить къ сундуку консисторскую печать. Толпа, увидя это, пришла въ волненіе. Кто-то обратился къ ней со словами: «Архіерей не оказалъ ни одного раза должнаго почтенія Божіей Матери съ служеніемъ по своему чину, а какъ свѣдалъ, что можетъ взять тысячу рублей, которые доброхотные датели изъ послѣдняго имѣнія своего сложили, то уже взять деньги безъ всякихъ замедлительствъ готовъ. Онъ безбожникъ, его надо убить передъ этимъ самымъ образомъ!» Возбужденная такими словами толпа бросилась на подьячаго и солдатъ и начала ихъ бить. Произошла свалка. «Богородицу грабятъ! Богородицу грабятъ!» раздались крики. Въ ближайшей церкви ударили въ набатъ; его подхватили въ другихъ церквахъ, и скоро набатъ загудѣлъ по всей Москвѣ. Народъ, и безъ того наэлектризованный страшными сценами чумнаго времени, двинулся со всѣхъ сторонъ къ Варварскимъ воротамъ, вооружаясь дорогой чѣмъ попало—дубинами, кольями, топорами, камнями и т. п. Расправившись съ солдатами, толпа, подстрекаемая разными темными личностями, убѣждавшими ее «постоять за Мать Пресвятую Богородицу», направилась къ Чудову монастырю, гдѣ жилъ Амвросій. Предупрежденный послушникомъ, прибѣжавшимъ отъ Варварскихъ воротъ, архіепископъ поспѣшилъ уѣхать въ Донской монастырь и рѣшился ожидать здѣсь конца начавшагося въ городѣ волненія. Чернь, ворвавшись въ Чудовъ монастырь и не найдя Амвросія, принялась грабить. «Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ», говоритъ очевидецъ, «было похищаемо, разоряемо и до основанія истребляемо. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи, экономическія, консисторскія и всѣ монашескія, также казенная палата со всѣмъ, что въ нихъ было, разграблены; окна, двери, печи и вся мебель разбиты и разломаны; библіотека, картины, портреты, образа, даже одѣянія съ престола въ архіерейской церкви, сосуды, утварь и самый антиминсъ въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны. Наконецъ были разбиты чудовскіе погреба, отдаваемые купцу Птицыну въ наемъ подъ винные склады, и тогда всѣ, мужчины и женщины, пре-

дались пьянству. Цѣлыя сутки былъ грабленъ и расхищаемъ Чудовъ!»

Московскій оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ пытался уговорить толпу разойтись, но ему отвѣчали, что народъ рѣшилъ «стоять за Мать Пресвятую Богородицу до послѣдняго издыханія». Бахметевъ поѣхалъ съ донесеніемъ къ Еропкину. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакой военной силы, такъ какъ Великолуцкій полкъ, квартировавшій въ Москвѣ, былъ выведенъ, по приказанію Салтыкова, для предохраненія отъ чумы, за 30 верстъ, Еропкинъ поневолѣ ограничился отвѣтомъ: «Дѣлайте все то, что предусмотрите къ лучшему, а я вамъ ни команды, ни способовъ дать не могу».

Между тѣмъ чернь, ничѣмъ не сдерживаемая, пьянствовала весь вечеръ и ночь. Утромъ 16-го числа, кому-то удалось вывѣдать, что архіепископъ скрывается въ Донскомъ монастырѣ, и толпа двинулась туда съ криками и проклятіями. Предупрежденный и на этотъ разъ, Амвросій намѣревался, переодѣвшись въ простое платье, спастись за городъ; но пока закладывали кибитку, и онъ переодѣвался, толпа уже прибѣжала къ монастырю и стала ломать ворота. Тогда Амвросій пошелъ въ церковь, гдѣ шла литургія. Приводимъ разсказъ очевидца (племянника Амвросія, Н. Н. Бантыша-Каменскаго) о потрясающей драмѣ, которая произошла затѣмъ.

«Разсѣявшаяся по монастырю чернь, состоявшая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины, топоры и всякія убійственныя орудія, искала вездѣ архіерея. Всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь узнать, гдѣ онъ скрылся, и, наконецъ, свѣдавъ, что владыка находится въ церкви, ворвались въ оную, ожидая конца обѣдни. Преосвященный, увидавъ изъ алтаря, что народъ съ орудіемъ и дрекольемъ вошелъ въ церковь, приблизился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна передъ онымъ и, воздѣвъ въ жертвеннику руки, со слезами произнесъ сію молитву: «Господи! остави имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ, не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленія ихъ: и якоже смертію Іоны укротилось волненіе моря, такъ смертію моею да укротится нынѣ волненіе сего свирѣпствующаго народа». Послѣ сего исповѣдался онъ у служащаго священника и, пріобщившись Святыхъ Тайнъ, скрылся на хорахъ, позади иконостаса, въ алтарѣ находящагося. Мятежники, не дождавшись конца обѣдни, ворвались въ алтарь и начали вездѣ тамъ искать свою жертву. Упоенные буйствомъ суевѣрія, ничего не пощадили они въ своемъ изступленіи,—самая святыня, престолъ, на коемъ приносится чи-

стѣйшая Господу жертва, былъ опрокинутъ нечестивыми ихъ руками. Вездѣ злодѣи искали служителя Божія и нигдѣ его не находили. Уже готовились они выйти изъ алтаря, какъ вдругъ одинъ мальчикъ, примѣтивъ вверху полу платья несчастнаго преосвященнаго, закричалъ: «Сюда! Архіерей на хорахъ!» При сей вѣсти убійцы съ радостными восклицаніями кинулись въ то мѣсто, гдѣ укрывался злополучный Амвросій! Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ порочныхъ и виновныхъ людей, а тогда безвинный архіерей и пастырь вытащенъ былъ отъ своихъ овецъ на закланіе. Изверги рода человѣческаго, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а особливо церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольня. Тамъ, у самой рогатки начали они ему сперва дѣлать вопросы: зачѣмъ не ходилъ съ попами въ ходахъ и молебствіяхъ? для чего велѣлъ запечатать бани? учредилъ карантины, запретилъ хоронить мертвыхъ при церквахъ? и т. д. Преосвященный отвѣтствовалъ на всѣ сіи вопросы голосомъ, исполненнымъ твердости и рѣшимости, представлялъ имъ, что не онъ одинъ, а само правительство, принимая таковыя непріятныя для нихъ мѣры, дѣйствовало по онымъ для собственной ихъ безопасности, отечески увѣщавая ихъ, дабы они повиновались предержащимъ властямъ, съ терпѣніемъ сносили предстоящія имъ бѣды, въ упованіи на милосердіе Божіе. Однимъ словомъ, говорилъ имъ съ столь убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, что самые злѣйшіе изъ окружавшихъ его злодѣевъ были онымъ до глубины сердца тронуты. Уже колебались они въ томъ, что надлежало имъ тогда дѣлать; не знали, оставить ли имъ невиннаго пастыря и съ раскаяніемъ удалиться отъ него, или остаться при немъ еще на нѣкоторое время для изъявленія ему онаго и полученія въ винѣ своей прощенія. Въ то время, какъ происходила въ нихъ подобная борьба чувствъ, и грѣшники готовы были обратиться на путь истинный, одинъ злодѣй, дворовый г. Раевскаго человѣкъ, Василій Андреевъ, въ изступленіи отъ вина, прибѣжалъ изъ сосѣдняго къ монастырю кабака и, усмотря такую въ народѣ нерѣшимость, бросился на невиннаго пастыря со словами: «Чего глядите вы на него? Развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ!» Сказавъ сіи слова, онъ первый ударяетъ страдальца коломъ въ лѣвую щеку и повергаетъ на землю. Тогда изверги забываютъ свое раскаяніе и кидаются также на него. Ни санъ архіерейскій, ни сѣдины, ни заслуги, ни добродѣтельная жизнь Амвросія не могли удержать рукъ ихъ отъ кровопролитія. Они мучительнымъ образомъ били и терзали его до тѣхъ поръ, пока уви-

дѣли умершаго. До послѣдняго издыханія Амвросія произносимо было устами его имя Сына Божія, Которому онъ вручивъ духъ свой, спустя четверть часа скончался».

Когда Еропкину дали знать о страдальческой смерти Амвросія, онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Подчиняясь охватившему его негодованію, въ порывѣ своего отважнаго характера онъ рѣшается ѣхать къ бунтовщикамъ, надѣясь грознымъ и властнымъ словомъ образумить ихъ и вернуть къ повиновенію. Приказавъ подать себѣ лошадь, онъ поспѣшно надѣваетъ мундиръ, шпагу и шляпу. Внезапное рѣшеніе мужа привело Елисавету Михайловну въ ужасъ. Сознавая всю опасность, которой добровольно подвергаетъ себя любимый человѣкъ, и пытаясь его удержать, она бросается къ нему со словами:

— Петръ Дмитріевичъ! Куда ты ѣдешь? Тебя убьютъ!

— Оставь меня, не удерживай!—отвѣчалъ онъ.—Знаешь ли ты, что архіерей убитъ, и Москва гибнетъ! Въ такую минуту я не могу и не долженъ думать о моей жизни!

Сказавъ это, Еропкинъ торопливо накидываетъ на себя плащъ и начинаетъ спускаться съ лѣстницы. Къ счастью, на подъѣздѣ онъ встрѣчается съ своимъ другомъ, членомъ Соляной конторы, А. А. Мосоловымъ, который, узнавъ о бунтѣ и безпокоясь о Еропкинѣ, пріѣхалъ его навѣстить. Горячія убѣжденія Мосолова не рисковать безцѣльно жизнью, столь нужною Москвѣ именно въ такія тяжелыя минуты, подѣйствовали на Еропкина. Онъ вернулся и тотчасъ же велѣлъ своимъ вѣстовымъ взять на конюшнѣ лошадей и скакать въ ближайшія части съ приказаніемъ, чтобы всѣ солдаты, какіе тамъ находились, не медля ни минуты, явились къ нему. Часа черезъ два около его дома собралось 130 человѣкъ съ двумя пушками. Съ этимъ сборнымъ и ничтожнымъ отрядомъ Еропкимъ двинулся къ Кремлю, куда мятежники снова вернулись. По дорогѣ онъ захватилъ священника съ крестомъ и заставилъ идти съ собою. При входѣ въ Кремль черезъ Боровицкія ворота отрядъ былъ встрѣченъ толпой съ дубьемъ и камнями. Еропкинъ послалъ оберъ-коменданта князя Грузинскаго увѣщать бунтовщиковъ; ему отвѣчали бранью и кирпичами и чуть не убили. Тогда Еропкинъ выѣхалъ самъ впередъ, но и его осыпали палками и каменьями, ранивъ въ двухъ мѣстахъ. Видя, что увѣщаніями не поможешь, Еропкинъ велѣлъ сдѣлать залпъ изъ пушекъ и ружей. До сотни мятежниковъ легло на мѣстѣ, остальные обратились въ бѣгство; но солдаты успѣли отрѣзать и захватить 250 человѣкъ. Очистивъ Кремль отъ толпы,

разставивъ въ разныхъ мѣстахъ караулы и сдѣлавъ необходимыя распоряженія на случай возобновленія безпорядковъ, Еропкинъ вернулся домой, истомленный нравственно и физически, въ сильнѣйшей лихорадкѣ и слегъ въ постель. Вечеромъ въ Москву пріѣхалъ графъ Салтыковъ, увѣдомленный Еропкинымъ обо всемъ эстафетой. Одновременно съ нимъ вступилъ въ городъ и Великолуцкій полкъ, получившій приказаніе прибыть на подводахъ. На другой день, 17-го числа, на разсвѣтѣ толпы народа опять начали ломиться въ Кремль, въ Спасскія ворота, требуя, чтобы имъ отдали всѣхъ товарищей, захваченныхъ наканунѣ, чтобы бани были распечатаны, карантины уничтожены и лекаря уволены. Вслѣдствіе болѣзни Еропкина Салтыковъ поручилъ начальство надъ Великолуцкимъ полкомъ оберъ-полицеймейстеру Бахметеву и приказалъ ему идти противъ мятежниковъ. Бахметевъ, окруживъ ихъ съ трехъ сторонъ и выстроивъ полкъ въ боевомъ порядкѣ, обратился къ нимъ со словами: «Расходитесь по домамъ, въ противномъ случаѣ всѣ безъ милосердія побиты будете!» Видя передъ собою внушительную военную силу, народъ повиновался, и черезъ нѣсколько минутъ Кремль и прилегающія къ нему мѣстности опустѣли. Такимъ образомъ бунтъ былъ усмиренъ.

Еще раньше, чѣмъ вѣсть о московскомъ бунтѣ и убійствѣ Амвросія дошла до императрицы, она рѣшила послать въ Москву довѣренное лицо съ широкими полномочіями. Выборъ ея остановился на самомъ близкомъ къ ней человѣкѣ, — графѣ Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ. Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, Орлову предоставлялась неограниченная власть «поступать во всемъ такъ, какъ общее благо того требовать будетъ, отмѣнять то изъ сдѣланныхъ учрежденій, что ему казаться будетъ не вмѣстно или не полезно, и устанавливать все, что онъ найдетъ поспѣшительнымъ къ общему благу». При этомъ повелѣвалось «не токмо всѣмъ и каждому его слушать и вспомогать, но и всѣмъ начальникамъ быть подъ его повелѣніемъ». Одновременно съ назначеніемъ Орлова фельдмаршалъ графъ Салтыковъ былъ уволенъ «отъ всѣхъ дѣлъ».

Орловъ пріѣхалъ въ Москву 26-го сентября въ сопровожденіи большой свиты, гвардейскихъ офицеровъ и команды отъ четырехъ полковъ гвардіи и немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Еропкинъ не счелъ для себя возможнымъ находиться въ подчиненіи у Орлова и подалъ въ отставку.

«Петръ Дмитріевичъ»! отвѣчала ему Екатерина 5-го ноября, «подписавъ, по вашему желанію, приложенный указъ о вашемъ увольненіи, посылаю его вамъ, дабы вы его объявили тогда, когда

заблагоразсудится, что всегда будетъ для службы рано; видя ревность вашу, нельзя, чтобъ я думала иначе».

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Еропкинъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «Патріотическая ревность и мужественный духъ, съ которымъ вы столь храбро и благоразумно защитили столицу нашу отъ бѣдственнаго невѣждъ и пустосвятовъ возмущенія, удостоиваютъ васъ предъ нами особливаго нашего къ вамъ благоволенія и признанія, въ доказательство чего мы съ удовольствіемъ всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ нашего перваго ордена святого Андрея Первозваннаго, знаки коего здѣсь включаются съ высочайшимъ отъ насъ изволеніемъ, чтобы вы оные, сами на себя возложа, носили, и мы твердо надѣемся, что сія вамъ наша знаменитая отличность будетъ служить новымъ подвигомъ въ дѣлахъ патріотическихъ».

Такіе знаки вниманія, расположенія и признанія заслугъ со стороны государыни побудили Еропкина не предъявлять своей отставки; но, тѣмъ не менѣе, онъ уклонился отъ всякаго участія въ дѣлахъ и лишь изрѣдка посѣщалъ сенатъ. Въ 1773 году, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, что̀ чрезвычайно его огорчило, и онъ выразился въ письмѣ къ императрицѣ, что «желалъ бы кончить жизнь свою въ чинѣ генералъ-поручика, пріобрѣтенномъ имъ въ тридцатисемилѣтнее служеніе въ воинскихъ чинахъ». Однако, просьба его почему-то не была уважена, и тогда онъ объявилъ въ сенатѣ состоявшійся въ 1771 году указъ объ увольненіи его отъ службы.

Двѣнадцать лѣтъ прожилъ Еропкинъ частнымъ человѣкомъ. Общее уваженіе и популярность, которыми онъ пользовался въ Москвѣ, побудили Екатерину въ 1786 году, по увольненіи отъ должности московскаго главнокомандующаго графа Брюса, предложить этотъ постъ Еропкину съ переименованіемъ его въ генералъ-аншефы. Еропкинъ съ радостью согласился на такое высокое назначеніе и съ обычной энергіей отдался новымъ обязанностямъ, открывавшимъ широкій просторъ его желанію принести пользу тому городу, который онъ, съ своей стороны, горячо любилъ. Сдѣлавшись главнокомандующимъ столицы, Еропкинъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего скромнаго образа жизни и даже не переѣхалъ въ казенный домъ, а остался въ своемъ, на Остоженкѣ. «Управляя Москвою», говоритъ его біографъ Прокудинъ-Горскій, «старался онъ быть, по обыкновенію своему, ласковъ и привѣтливъ ко всѣмъ; установлены были отъ него положенные дни, и не только благородные люди, но и всякаго званія жители Москвы были допускаемы съ

ихъ просьбами, даже крестьянинъ всякій въ назначенное время его видѣлъ, и печально ни одинъ человѣкъ отъ него не возвращался; а какъ домъ его былъ не пространенъ, то онъ выходилъ выслушивать просьбы низкихъ людей на лѣстницу, и, выслушивая терпѣливо оныя, давалъ скоро рѣшительныя и согласныя съ закономъ резолюціи». Вообще, доступность Еропкина, его ласковое обращеніе со всѣми, готовность помочь нуждающемуся, настойчивое наблюденіе за правильнымъ и скорымъ теченіемъ дѣлъ и заботы о благоустройствѣ столицы усилили еще болѣе его популярность и снискали ему расположеніе Екатерины, которая постоянно вела съ нимъ самую дружескую переписку. Въ воспоминаніяхъ Д. Благово приведены два разсказа, прекрасно характеризующіе личность Еропкина.

Въ одно изъ посѣщеній Екатериною Москвы онъ давалъ въ честь ея праздникъ у себя въ домѣ. Государыня, крайне довольная всѣмъ видѣннымъ ею, спросила его:

— Что я могу для васъ сдѣлать? Я желала бы васъ наградить.

— Матушка государыня, — отвѣчалъ Еропкинъ, — я доволенъ твоими богатыми милостями и награжденъ не по заслугамъ: андреевскій кавалеръ и начальникъ столицы. Заслуживаю ли я это?

— Вы ничего не берете на угощеніе Москвы, а между тѣмъ, я знаю, у васъ открытый столъ. Не задолжали ли вы? Я заплачу ваши долги.

— Нѣтъ, государыня, я тяну ножки по одежкѣ, долговъ у меня нѣтъ, а что имѣю, тѣмъ угощаю, милости просимъ кому угодно моего хлѣба-соли откушать. Да и статочное ли дѣло, матушка, мы будемъ должать, а ты станешь за насъ платить. Нѣтъ, это не приходится такъ.

Екатерина пожаловала ему орденъ св. Владимира первой степени, а женѣ его—орденъ св. Екатерины.

Еропкинъ былъ очень друженъ съ сенаторомъ Собакинымъ, очень богатымъ человѣкомъ, который питалъ къ нему безграничную привязанность. Собакинъ не имѣлъ дѣтей, и все его имѣніе долженъ былъ наслѣдовать родной племянникъ. За что-то Собакинъ разсердился на племянника и, рѣшивъ лишить его наслѣдства, пріѣхалъ къ Еропкину.

— Я, братецъ мой къ тебѣ съ просьбой. Ты знаешь, какъ я тебя люблю; дѣтей у меня нѣтъ, и я желаю отдать тебѣ все свое имѣніе.

— А твой племянникъ?—спросилъ Еропкинъ.

— Мерзавецъ, мотъ, только и ждетъ моей смерти. Ничего ему не оставлю.

— Ну, какъ хочешь, а я не приму: у меня тоже нѣтъ дѣтей.

— Такъ ты, стало-быть, отказываешься?

— Отказываюсь.

— Ну, хорошо; жаль, я думалъ о тебѣ иначе.

Собакинъ уѣхалъ недовольный. Послѣ его отъѣзда Еропкинъ подумалъ: «Глупо я сдѣлалъ, что отказался; онъ, пожалуй, кому-нибудь другому отдастъ, и тогда племянникъ взаправду всего лишится». Велѣлъ подать карету и отправился къ Собакину.

— Прости меня, что я съ тобою погорячился и не принялъ, что̀ ты мнѣ отдавалъ по дружбѣ.

— Стало-быть, теперь ты готовъ принять?

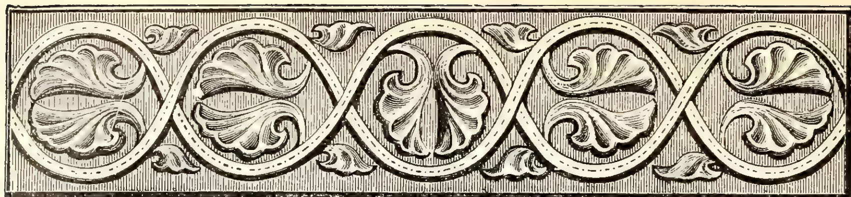
— Да, не откажусь.

— Ну, ладно, помиримся и обнимемся.

Собакинъ передалъ по купчей все имѣніе Еропкину. Когда же онъ умеръ, то Еропкинъ, объяснивъ племяннику, почему рѣшился взять имѣніе, возвратилъ его сполна законному наслѣднику.

Еропкинъ управлялъ Москвой до 1790 года, когда, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Екатеринѣ, «ослабѣвшая память и болѣзнями истощенныя силы» вынудили его просить объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ, на что̀ императрица съ сожалѣніемъ согласилась, оставивъ ему получаемое жалованье. Въ 1801 году скончалась Елисавета Михайловна, и эта потеря тяжело отразилась на немъ. Онъ пересталъ совсѣмъ выѣзжать изъ дому, дѣлая исключеніе лишь для церкви, проводилъ время за чтеніемъ священныхъ книгъ и тихо угасалъ. Еропкинъ умеръ 7 февраля 1805 г. Многочисленные друзья, почитатели и облагодѣтельствованные имъ люди провожали его гробъ, оплакивая потерю этого благороднѣйшаго человѣка, который вполнѣ достоинъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди «Екатерининскихъ орловъ».

Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.

ПРИНЦЪ Нассау-Зигенъ пріобрѣлъ себѣ въ концѣ прошлаго столѣтія довольно громкую извѣстность, какъ неутомимый и отважный искатель приключеній. Гонимый судьбою отъ колыбели, лишенный достоинствъ рода и владѣній, воспитанный подъ вліяніемъ идей своего времени, принцъ Нассау былъ космополитъ въ душѣ. Для него не существовало отечества. Онъ переходилъ изъ страны въ страну, вездѣ предлагая свои услуги и вездѣ отыскивая себѣ минутное гражданство. Холодное сердце этого человѣка никогда не волновалось ни патріотическимъ чувствомъ къ родинѣ, ни нѣжными привязанностями къ людямъ. Вся цѣль его жизни заключалась въ пріобрѣтеніи славы и богатства, для достиженія которыхъ онъ стремился навстрѣчу всевозможнымъ опасностямъ, не думая ни о себѣ, ни о другихъ.

Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ принцъ Нассау-Зигенъ родился 17-го января 1745 года. Онъ происходилъ отъ древней германской фамиліи графовъ Лауенбургскихъ и принадлежалъ къ католической линіи Зигеновъ. Дѣдъ его, Эммануилъ-Игнатій, женатый на Каролинѣ де-Мальи-де-Несль, умеръ въ 1743 году, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, и владѣнія его, по распоряженію вѣнскаго двора, были отданы графамъ Оранскимъ, а часть присоединена къ имперіи.

Вскорѣ послѣ кончины мужа, Каролина де-Мальи, по неизвѣстнымъ причинамъ скрывавшая отъ него рожденіе сына Максимиліана, уже взрослаго и женатаго, объявила послѣдняго законнымъ

потомкомъ Зигеновъ и внесла его имя въ государственные акты съ титуломъ принца Нассау-Зигенъ.

Максимиліанъ вовсе не думалъ отыскивать правъ на владѣніе своихъ предковъ, но, когда онъ умеръ, опекуны малолѣтняго сына его Карла завели съ вѣнскимъ кабинетомъ процессъ, не имѣвшій, однако, успѣха. Въ Вѣнѣ не только отвергнули права Карла на наслѣдство и титулъ угасшей линіи, но еще начали выводить наружу и разглашать семейныя тайны фамиліи де-Несль, къ которой принадлежала его бабка. Ей ставили въ вину то, что она была теткою графини де-Мальи и маркизы Шатору-Турнелль, любовницъ французскаго короля Людовика XV, что всѣ женщины этой фамиліи отличались вѣтреностью и легкомысліемъ.

Тогда опекуны, чтобы поправить неудачу, передали дѣло на рѣшеніе французскаго парламента. Разсмотрѣвъ представленные ему документы, парламентъ въ 1756 году призналъ права Карла на владѣнія Зигеновъ и тѣмъ доказалъ предъ Европой его происхожденіе, что впослѣдствіи подтвердили также Испанія, Польша и Россія. Вѣнскій дворъ, разумѣется, не согласился съ рѣшеніемъ французскаго парламента и отказался ему подчиниться.

Карлъ Нассау, лишенный имени и владѣній, былъ глубоко оскорбленъ несправедливостью императора. Несправедливость эта имѣла важное вліяніе на всю его будущность. Отличаясь съ дѣтства смѣлостью, отвагой, необыкновенной живостью и самолюбіемъ, онъ не упалъ духомъ и далъ себѣ клятву, во что бы то ни стало, возвратить блескъ и значеніе отнятому у него имени.

На пятнадцатомъ году отъ рожденія молодой Нассау поступилъ во французскую службу волонтеромъ въ пѣхотный полкъ. Скорое повышеніе въ чинъ капитана не могло удовлетворить его честолюбія. Въ 1766 году, онъ вышелъ въ отставку и отправился съ знаменитымъ мореплавателемъ Бугенвилемъ путешествовать вокругъ свѣта.

Морскія бури, опасности среди дикихъ обитателей южныхъ странъ, рыканіе львовъ и тигровъ въ глубинѣ песчаныхъ степей— находили отголосокъ въ душѣ Нассау, жаждавшей приключеній. Вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, кавалеромъ д'Орезонъ, онъ блуждалъ по дремучимъ лѣсамъ Океаніи, прикидывался влюбленнымъ въ королеву острова Отаити, совершалъ прогулки въ степяхъ Африки, охотясь на львовъ и тигровъ.

Удивительная сила, ловкость и присутствіе духа Карла въ борьбѣ съ дикими звѣрями изумляли его спутниковъ. Преувеличенные разсказы ихъ о чудесахъ, совершенныхъ «новымъ Геркуле-

сомъ», положили основаніе извѣстности Нассау въ Европѣ. Любопытные искали случая взглянуть на богатыря и съ изумленіемъ говорили другъ другу, указывая на него: «Вотъ тотъ, кто убилъ льва въ степяхъ Африки».

По возвращеніи изъ путешествія, въ 1769 году, Карлъ былъ снова принятъ во французскую службу съ чиномъ полковника. Во время войны Франціи съ Англіей, въ 1778 году, онъ избралъ для себя родъ партизанскихъ дѣйствій и представилъ правительству проектъ занятія острова Гернсея, лежащаго у береговъ Нормандіи. Проектъ былъ одобренъ, но предпріятіе не удалось: англичане отбили Нассау съ большимъ урономъ; однако, несмотря на эту неудачу, онъ получилъ, за оказанное мужество и распорядительность, крестъ св. Людовика.

Въ 1780 году, Нассау отправился въ Польшу, чтобы лично выразить свою признательность королю, который незадолго передъ тѣмъ пожаловалъ ему, по ходатайству французскаго правительства, ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла.

Благодаря африканскимъ львамъ, Нассау встрѣтилъ самый радушный пріемъ въ варшавскихъ гостиныхъ. Одна изъ польскихъ аристократокъ, романическая Шарлотта Гродская, разведенная жена литовскаго маршала князя Сангушко и владѣлица огромныхъ помѣстій, страстно влюбилась въ молодого и красиваго принца. Нассау поспѣшилъ воспользоваться столь выгодной партіей и женился на Гродской. Намѣреваясь навсегда остаться въ Польшѣ, онъ великолѣпнымъ образомъ отдѣлалъ старинный Дынасовскій за̀мокъ на берегу Вислы близъ Варшавы и поселился въ немъ, окруживъ себя роскошью и блескомъ владѣтельнаго принца.

Брачныя узы пришлись совершенно не по характеру Нассау и очень скоро надоѣли ему. Неудержимая страсть къ перемѣнамъ и приключеніямъ снова манила его къ кочевой жизни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы онъ оставилъ жену и уѣхалъ въ Испанію, гдѣ въ то время соединенныя французско-испанскія войска осаждали Гибралтаръ, обороняемый храбрымъ лордомъ Элліотомъ. Паденіе этой крѣпости могло измѣнить политическое значеніе Англіи, и потому вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ея осадой. Нассау прибылъ въ союзный лагерь въ тотъ самый моментъ, когда король испанскій Карлъ III рѣшился привести въ исполненіе планъ французскаго инженера д'Арсона—покорить Гибралтаръ со стороны моря. Такъ какъ большія суда, по причинѣ мелей, окружавшихъ крѣпость, не могли подойти къ ней на близкое разстояніе, то д'Арсонъ предложилъ устроить изъ ста-

Принцъ Нассау-Зигенъ.
(Съ гравированнаго портрета XVIII вѣка).

рыхъ кораблей особаго рода «плавучія батареи», которыя имѣли сильную артиллерію, но сидѣли не глубоко въ водѣ; защищенныя блиндажами, онѣ должны были подойти къ самымъ крѣпостнымъ веркамъ и разрушить ихъ своимъ страшнымъ огнемъ. Начальство надъ одной изъ этихъ батарей король ввѣрилъ Нассау. Въ назначенный для атаки день Нассау двинулся въ Гибралтарскую гавань и, приблизившись на нѣсколько саженъ къ главному бастіону,

открылъ противъ него оглушительную пальбу изъ ста пятидесяти орудій большого калибра. Англичане отвѣтили ему градомъ каленыхъ ядеръ. Построенная на батареѣ крыша сперва удовлетворяла своей цѣли: даже бомбы скатывались съ лежавшихъ на верху ея мокрыхъ кожъ; но какъ только каленыя ядра пробили насквозь бортъ батареи, отчего вытекла вода, находившаяся между стѣнами для предосторожности, судно загорѣлось. Помпы были не въ состояніи затушить пожаръ, и потому Нассау, опасаясь, чтобы батарею не взорвало на воздухъ, приказалъ подмочить большую часть пороха. Несмотря на всѣ усилія экипажа, огонь продолжалъ распространяться съ необыкновенной быстротой и скоро охватилъ всю деревянную массу. Нассау едва успѣлъ спастись и добрался до берега вплавь. Дерзкая отвага, выказанная имъ при этомъ неудачномъ нападеніи, снискала ему всеобщія похвалы. Карлъ III назначилъ его генералъ-майоромъ своихъ войскъ, возвелъ въ достоинство гранда перваго класса, призналъ права его на титулъ принца Нассау и подарилъ ему грузъ одного непріятельскаго корабля, стоившій около трехъ милліоновъ реаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нассау получилъ патентъ на чинъ генералъ-майора французской арміи.

Упоенный славою, считая подвигъ свой блистательнѣйшимъ эпизодомъ въ осадѣ Гибралтара, Нассау полетѣлъ въ Вѣну, гдѣ надѣялся теперь легко достигнуть возвращенія отнятыхъ у него достоинствъ и владѣній. Онъ былъ представленъ императору и министру Каппингу французскимъ посланникомъ, маркизомъ Ноалемъ. Расчетъ на славу, которую Нассау хотѣлъ бросить въ глаза австрійскому государю, какъ укоръ его несправедливымъ дѣйствіямъ, оказался ошибочнымъ: ему пришлось вернуться въ Варшаву ни съ чѣмъ. Здѣсь онъ отдался вполнѣ своимъ мечтамъ и проектамъ; тысячи мыслей роились въ его головѣ, честолюбіе волновало кровь. Пріобрѣтеніе гражданства въ Польшѣ, вступленіе въ службу турецкаго султана, переформированіе янычаръ, цивилизація всей Оттоманской имперіи, сплавъ хлѣба по Днѣстру, распространеніе торговли съ Востокомъ, Одессою и Константинополемъ, устроеніе портовъ по берегамъ Чернаго моря,—все это быстро смѣнялось одно другимъ, а воображеніе уже рисовало флаги польскихъ кораблей въ гаваняхъ Турціи, Италіи, Франціи и Испаніи.

Для удобнаго сплава хлѣба Нассау предложилъ очистить ложе Днѣстра и даже самъ отправился обозрѣвать рѣку; потомъ ѣздилъ въ Константинополь, чтобы пріобрѣсти необходимыя связи, осмотрѣлъ берега Чернаго моря, выбирая мѣста, удобныя для гаваней, составилъ первую гидрографическую карту Днѣстра и, явясь на

сеймъ въ Каменцѣ, представилъ свой проектъ дворянству, увѣряя, что новый торговый путь сдѣлаетъ ихъ крезами.

На гродненскомъ сеймѣ, стараніями Ржевускаго и Сапѣги, Нассау былъ признанъ гражданиномъ Польши вмѣстѣ съ ангальтскими принцами.

Послѣ этого онъ отправился въ Парижъ (1785 г.), сложилъ съ себя служебныя обязанности и, получивъ отъ короля ежегодную пенсію въ двѣнадцать тысячъ франковъ, поѣхалъ въ Мадридъ, гдѣ вступилъ въ командованіе бригадой.

Слыша о недостаткѣ въ Испаніи корабельнаго лѣса, Нассау предложилъ правительству доставлять лѣсъ въ устье Таго и Гвадалквивира изъ своихъ подольскихъ имѣній. Не теряя времени, онъ спѣшитъ изъ Мадрида въ Варшаву и забываетъ о своемъ обѣщаніи. Наступившіе сеймы пробудили въ немъ желаніе быть избраннымъ въ послы отъ Подольскаго воеводства. Желаніе это, подстрекаемое надворнымъ короннымъ ловчимъ Орловскимъ, окончилось печальною комедіею: партія Чарторыжскаго разогнала и побила немногочисленныхъ приверженцевъ Нассау.

Такая неудача чрезвычайно раздражила самолюбиваго Нассау и охладила въ немъ рвеніе къ интересамъ польскаго дворянства. Видя, какъ мало цѣнитъ новое отечество его дарованія и заслуги, онъ рѣшился навѣки покинуть его и обратилъ свое вниманіе на Россію, которая всегда оказывала радушное гостепріимство всевозможнымъ авантюристамъ. Чтобы завязать сношеніе съ русскимъ дворомъ, Нассау воспользовался пребываніемъ въ Петербургѣ стариннаго пріятеля своего, французскаго посла графа Сегюра, и просилъ его выхлопотать ему дозволеніе императрицы провезти лѣсъ и пшеницу изъ своихъ земель черезъ Черное море подъ русскимъ флагомъ. Сегюръ сообщилъ просьбу Нассау князю Потемкину. Князь отвѣчалъ отказомъ, говоря, что русскій флагъ дается иностранцамъ только тогда, когда они вступятъ въ русское подданство и пріобрѣтутъ въ Россіи землю; при этомъ Потемкинъ замѣтилъ Сегюру, что государыня не очень расположена къ его другу, такъ какъ онъ недавно ѣздилъ въ Константинополь и выражалъ султану готовность свою поступить въ турецкую службу. Сегюръ старался оправдать Нассау, разсыпался о немъ въ самыхъ лестныхъ похвалахъ и настойчиво просилъ Потемкина, какъ особое для себя одолженіе, удовлетворить его просьбу. Потемкинъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько дней прислалъ сказать Сегюру, что императрица, въ доказательство своего расположенія къ нему, жалуетъ принцу землю въ Крыму и позволяетъ ему выставить русскій флагъ на

своихъ судахъ. Столь неожиданное и предупредительное вниманіе русскаго двора привело Нассау въ восторгъ. Онъ поспѣшилъ написать Потемкину письмо, въ которомъ просилъ его довершить оказанныя милости и исходатайствовать ему разрѣшеніе лично благодарить государыню.

Получивъ, при посредничествѣ того же Сегюра, желаемое разрѣшеніе, Нассау, въ январѣ мѣсяцѣ, 1787 года, отправился въ Россію и въ Кіевѣ встрѣтилъ императрицу, совершавшую тогда свое знаменитое путешествіе по южнымъ областямъ. Екатерина приняла его очень любезно и предложила ему сопутствовать ей въ Крымъ. Удостоившись чести быть приглашеннымъ въ тѣсный кружокъ приближенныхъ государыни, Нассау выказалъ себя ловкимъ и опытнымъ придворнымъ и сумѣлъ понравиться Екатеринѣ. Во время этого путешествія онъ едва не лишился жизни отъ пустого случая. На одномъ изъ вечеровъ у императрицы извѣстный шутникъ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ неожиданно пустилъ къ ногамъ присутствующихъ огромный волчокъ, величиною съ человѣческую голову. Послѣ страшнаго жужжанія и скачковъ, позабавившихъ всѣхъ, волчокъ вдругъ лопнулъ на нѣсколько частей, съ ужаснымъ свистомъ пролетѣлъ мимо государыни и поразилъ Нассау въ голову около самаго виска. Ударъ былъ такъ силенъ, что принцъ упалъ на полъ почти безъ чувствъ; къ счастію, рана оказалась неопасной, и онъ отдѣлался только двумя кровопусканіями.

Вскорѣ по возвращеніи императрицы въ Петербургъ, въ августѣ 1787 года, Турція, давно уже искавшая повода къ разрыву съ Россіей, объявила ей войну, выставивъ предлогомъ вмѣшательство нашего двора въ дѣла Молдавіи и Грузіи. Нассау поспѣшилъ предложить свои услуги Екатеринѣ и былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ контръ-адмирала. Государыня, по собственному его вызову, ввѣрила ему командованіе черноморской гребной флотиліей.

Раннее наступленіе холодовъ и зимы замедлило открытіе военныхъ дѣйствій на морѣ до весны 1788 года. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года, турецкій флотъ (10 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 47 мелкихъ судовъ), находившійся подъ начальствомъ опытнаго и отважнаго капуданъ-паши Гассана, появился у Днѣпровскаго лимана. Гассанъ имѣлъ отъ султана повелѣніе усилить гарнизонъ Очаковской крѣпости, которую князь Потемкинъ готовился осаждать, уничтожить русскій флотъ, овладѣть Кинбурномъ и Херсономъ и затѣмъ сдѣлать высадку въ Крымъ. Наши морскія силы, состоявшія изъ парусной эскадры контръ-адмираловъ Поль-Джонса и Але-

ксіано (2 линейныхъ корабля, 4 фрегата и 8 транспортовъ) и гребной флотиліи принца Нассау (7 галеръ, 7 дубель-шлюпокъ, 7 плавучихъ батарей и 30 канонерскихъ лодокъ) были расположены въ это время въ Глубокой Пристани, близъ Херсона.

Начало военныхъ дѣйствій ознаменовалось геройскимъ подвигомъ капитана 2 ранга Сакена. Офицеръ этотъ, посланный принцемъ Нассау на дубель-шлюпкѣ изъ Глубокой съ донесеніемъ къ Суворову въ Кинбурнъ, долженъ былъ отправиться оттуда обратно къ флотиліи, когда передовыя турецкія суда уже входили въ лиманъ. Предвидя угрожавшую ему опасность, Сакенъ сказалъ при прощаньѣ командиру Козловскаго полка, подполковнику Маркову: «Мое положеніе опасно, но честь свою могу еще спасти. Если турки атакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ; съ тремя буду сражаться; отъ четырехъ не побѣгу; но если нападутъ болѣе, тогда прости, Өедоръ Ивановичъ. Мы больше не увидимся!» Едва лишь успѣлъ Сакенъ отплыть на половину разстоянія отъ Кинбурна до Глубокой, какъ погнавшіяся за нимъ тридцать турецкихъ судовъ стали настигать его. Желая сохранить жизнь подчиненныхъ, Сакенъ отправилъ находившихся при немъ девять человѣкъ матросовъ въ Глубокую на небольшой лодкѣ, приказавъ имъ увѣдомить принца Нассау о своемъ опасномъ положеніи и объявить, что ни онъ, ни ввѣренное ему судно не будутъ въ рукахъ турокъ. Непріятельскія суда окружили его со всѣхъ сторонъ; два изъ числа ихъ сцѣпились съ русской шлюпкой, турки уже готовились кинуться на абордажъ... въ этотъ самый моментъ Сакенъ бросилъ горящій фитиль въ открытую пороховую бочку и взлетѣлъ на воздухъ!

6-го іюня наши эскадры и турецкій флотъ, побуждаемые одинаковымъ желаніемъ сразиться, сблизились на пять верстъ. На другой день поднялся сѣверо-западный вѣтеръ, и непріятельскій флотъ, наполнивъ паруса, пошелъ, какъ казалось, атаковать русскія эскадры. Наши адмиралы, увидя движеніе турокъ, дали своимъ судамъ сигналъ приготовиться къ бою. Однако, вскорѣ обнаружилось, что намѣреніе непріятеля состояло только въ томъ, чтобы придвинуться ближе къ Очакову. Желая отрѣзать турокъ отъ крѣпости, угрожаемой близкой осадой, принцъ Нассау и Поль-Джонсъ отправились на лодкѣ, въ сопровожденіи небольшого отряда гребныхъ судовъ, высмотрѣть расположеніе турецкаго флота. Когда они подошли къ нему на разстояніе двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, Гассанъ направилъ противъ нихъ до тридцати разныхъ судовъ. Нассау не захотѣлъ избѣгать битвы, но какъ силы обѣихъ сторонъ были слишкомъ не равны, то онъ поручилъ Поль-Джонсу отдать

нужныя приказанія парусной эскадрѣ и прислать къ нему на подкрѣпленіе остальную часть гребной. Турки повели атаку въ большомъ порядкѣ на правый флангъ русской флотиліи. Мѣткіе выстрѣлы нашей артиллеріи заставили было сначала турецкія суда уменьшить огонь, но прибытіе самого капуданъ-паши съ значительнымъ подкрѣпленіемъ склонило перевѣсъ на сторону непріятеля. Положеніе принца Нассау сдѣлалось весьма сомнительнымъ; къ счастію для него, остальная часть гребной флотиліи, за которою отправился Поль-Джонсъ, успѣла явиться во-время и доставила ему возможность дать отпоръ слишкомъ пятидесяти непріятельскимъ судамъ. Благодаря удачнымъ выстрѣламъ нашихъ бомбардирскихъ судовъ, одна турецкая шлюпка загорѣлась, а двѣ канонерскія лодки взлетѣли на воздухъ. Это совершенно разстроило непріятельскую линію и принудило отступить къ Очакову.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней турецкій флотъ оставался у Очакова, не предпринимая никакихъ непріятельскихъ движеній. Наконецъ, 16-го іюня, Гассанъ, стремясь загладить понесенную имъ неудачу, рѣшился на новое нападеніе. Несмотря на множество мелей, дѣлавшихъ плаваніе въ лиманѣ опаснымъ даже для малыхъ судовъ, онъ отплылъ въ ночь на 17-е число со всѣмъ своимъ флотомъ и гребною флотиліею отъ Очакова и, при помощи искусныхъ лоцмановъ пройдя фарватеромъ между мелями, приблизился къ русскому флоту. Суда его расположились на якорѣ въ двѣ линіи: первая состояла изъ кораблей и фрегатовъ, а вторая изъ кирлангичей, шлюпокъ и проч. Съ нашей же стороны впереди находилась гребная флотилія, а за нею парусная эскадра. Едва лишь начало разсвѣтать, какъ русскіе адмиралы, не выжидая нападенія, двинулись навстрѣчу непріятелю, и бой загорѣлся по всей линіи. Нассау командовалъ лѣвымъ крыломъ, противъ котораго дѣйствовали самые наибольшіе корабли, а контръ-адмиралъ Алексіано правымъ. Спустя около часа по открытіи канонады 64-пушечный турецкій корабль «Гуссейнъ» сѣлъ на мель; вслѣдъ за нимъ подвергся той же участи и адмиральскій корабль капуданъ-паши. Русскій фрегатъ «Св. Николай», подойдя къ кораблю «Гуссейнъ», заставилъ его спустить флагъ; но принцъ Нассау, недовольный тѣмъ, что корабль сдается парусному фрегату, а не его гребной флотиліи, приказалъ усилить пальбу и послалъ нѣсколько лодокъ съ черноморскими казаками штурмовать сѣвшіе на мель корабли. Турки, приведенные этимъ въ раздраженіе, оборонялись отчаянно и нанесли картечнымъ и ружейнымъ огнемъ значительный уронъ черноморцамъ; однако, казаки, послѣ многихъ напрасныхъ покушеній, влѣзли на абордажъ. Къ сожа-

лѣнію, они уже не могли воспользоваться своей добычей: турецкіе корабли, зажженные нашими брандскугелями и калеными ядрами, сдѣлались жертвой пламени и вскорѣ взлетѣли на воздухъ. Такимъ образомъ изъ-за каприза принца Нассау мы потеряли даромъ два очень хорошихъ корабля. Ожесточенная битва продолжалась до самаго вечера. Во все это время отважный Гассанъ, разъѣзжая на своемъ кирлангичѣ подъ градомъ русскихъ ядеръ, хладнокровно отдавалъ приказанія и личнымъ примѣромъ ободрялъ подчиненныхъ. Убѣдившись наконецъ въ несбыточности надеждъ своихъ—уничтожить русскій флотъ, онъ велѣлъ своимъ судамъ отступать. Наша гребная флотилія не рѣшилась ночью преслѣдовать турокъ и осталась на мѣстѣ сраженія.

Между тѣмъ Суворовъ, не упускавшій никогда изъ виду средствъ вредить непріятелю, устроилъ на оконечности Кинбурнской косы скрытую батарею изъ 24 орудій большого калибра. Когда турецкій флотъ, не знавшій вовсе о сооруженіи этой батареи, поравнялся съ ней, наши орудія открыли по непріятельскимъ судамъ губительный огонь. Турки, обманутые ночною темнотой, вообразили, что они попали подъ пушки Кинбурнскаго форта и старались выйти какъ можно поспѣшнѣе въ море. Гассану удалось спасти передовыя суда отъ угрожавшей имъ гибели, но остальныя частью сѣли на мель, частью остановились, потерпѣвъ значительный вредъ отъ дѣйствія нашей артиллеріи. Въ первомъ часу взошелъ мѣсяцъ. Почти ни одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ не пропадалъ напрасно; непріятельскій флотъ, поражаемый калеными ядрами и другими зажигательными снарядами, пришелъ въ чрезвычайное смятеніе. Многіе корабли пылали и взрывались; кругомъ ихъ все пространство было усѣяно обломками судовъ и людьми, встрѣчавшими смерть во всѣхъ возможныхъ видахъ. Пальба Кинбурнской батареи и взрывы турецкихъ кораблей были слышны на русской флотиліи. Наши адмиралы горѣли нетерпѣніемъ принять участіе въ бою; но опасность ночного движенія черезъ мели заставила ихъ ожидать разсвѣта. Ночью Суворовъ прислалъ принцу Нассау слѣдующую лаконическую записку: «Непобѣдимый Доріа! пора захватить въ плѣнъ преемника Барбароссы!» Когда заря освѣтила небо, Нассау быстро двинулся къ Кинбурну. Въ то время Гассанъ уже успѣлъ уйти съ частью флота въ море. Нашей эскадрѣ осталось только уничтожить турецкія суда, стоявшія на мели подъ выстрѣлами Очаковской крѣпости. Нассау направилъ свою гребную флотилію противъ непріятельскаго флота двумя колоннами, обогнулъ его съ обѣихъ сторонъ въ видѣ полумѣсяца и атаковалъ огромные корабли гале-

рами и шлюпками. Контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ, по собственному желанію сопровождавшій принца, много помогалъ ему совѣтами и удерживалъ его излишнюю пылкость. Несмотря на жестокую канонаду очаковскихъ батарей и турецкихъ кораблей и фрегатовъ, русскія галеры и шлюпки подплыли къ непріятельскимъ громадамъ и сцѣпились съ ними. Храбрые матросы наши взлѣзали на нихъ, захватывали плѣнныхъ, забирали добычу и удалялись, предавая турецкія суда пламени. Къ полудню все было окончено, и на мѣстѣ побоища водворилась мертвая тишина. Турки потеряли въ это бѣдственное для нихъ сраженіе до 3,000 человѣкъ убитыми и потонувшими и 1,750 плѣнными. Сожжено 7 непріятельскихъ кораблей и 8 другихъ судовъ; взятъ шестидесятипушечный корабль, 2 фрегата и нѣсколько небольшихъ судовъ. Съ нашей стороны уронъ не превышалъ 20 человѣкъ убитыми и 68 ранеными.

Императрица наградила принца Нассау чиномъ вице-адмирала и орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Такимъ образомъ, прежде нежели армія князя Потемкина подошла къ Очакову, морскія силы турокъ въ окрестныхъ водахъ были уже значительно ослаблены.

20-го іюня, Гассанъ, удалившійся съ частью турецкаго флота въ море, снова показался у лимана и старался расположиться на очаковскомъ фарватерѣ, ниже Кинбурна; однако, кинбурнскія батареи не допустили его до этого. 28-го числа, когда русскія войска приблизились къ Очакову и стали въ виду его лагеремъ при Аджиголѣ, турецкій адмиралъ снялся съ якоря и пошелъ къ Севастополю съ намѣреніемъ уничтожить нашъ транспортный флотъ. Такъ какъ суда, оставленныя имъ у Очакова, были вооружены большими пушками и могли препятствовать нашимъ осаднымъ работамъ, то Потемкинъ приказалъ принцу Нассау атаковать ихъ гребной флотиліей. Нассау выполнилъ приказаніе главнокомандующаго блистательнымъ образомъ: 1-го іюня, послѣ восьмичасового безпрерывнаго боя, онъ сжегъ подъ самыми стѣнами крѣпости 2 непріятельскихъ фрегата и 10 другихъ военныхъ судовъ.

По представленію Потемкина, принцъ получилъ за этотъ подвигъ 3,200 душъ въ Бѣлоруссіи. Однако, Нассау недолго пользовался благосклонностью могущественнаго любимца императрицы. Недовольный медленной осадой Очакова, онъ старался побудить нерѣшительнаго князя къ штурму и имѣлъ неосторожность сказать ему:

— Если бы мнѣ ввѣрили начальство надъ арміею, то я вскорѣ пробилъ бы такую брешь, что цѣлый полкъ могъ бы войти черезъ нее въ городъ.

Потемкинъ, оскорбленный самонадѣянностью принца, спросилъ его съ ироніей:

— А какую брешь пробили вы подъ Гибралтаромъ?

Эта колкость, въ свою очередь, обидѣла Нассау; онъ испросилъ позволеніе оставить армію и уѣхать въ Петербургъ.

Несмотря на размолвку Нассау съ Потемкинымъ, государыня продолжала оказывать ему самое дружеское расположеніе. Она отправила принца въ Мадридъ съ тайнымъ порученіемъ объяснить испанскому королю Карлу IV причины неудовольствія своего на происки Англіи и Пруссіи въ польскихъ и восточныхъ дѣлахъ и склонить его къ союзу съ Россіей. Успѣшное выполненіе этого порученія доставило Нассау орденъ св. Александра Невскаго.

По возвращеніи принца въ Россію, весной 1789 года, императрица ввѣрила ему начальство надъ гребнымъ Балтійскимъ флотомъ, назначеннымъ дѣйствовать противъ Швеціи, которая, пользуясь тогдашними затрудненіями нашими на югѣ, внезапно объявила намъ войну.

Въ первыхъ числахъ іюня Нассау вышелъ изъ Кронштадта въ море съ флотиліей, состоявшей изъ 78 судовъ, но былъ задержанъ противными вѣтрами. Только 8-го іюня онъ достигъ Фридрихсгама, гдѣ его ожидалъ главнокомандующій нашими сухопутными силами въ Финляндіи, графъ Мусинъ-Пушкинъ. Оба начальника условились, «чтобы принцъ разбилъ шведовъ на водѣ, сдѣлалъ десантъ между Ловизой и Борго, дабы чрезъ то отвлечь непріятеля отъ границъ нашихъ и дать Пушкину способъ, перейдя Кюмень, впасть въ его границы». Однако, планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, потому что Нассау поссорился съ вице-адмираломъ Крузе, который начальствовалъ надъ частью корабельнаго флота и долженъ былъ поддерживать галерный флотъ во время совокупныхъ его дѣйствій съ сухопутными войсками.

12-го августа, принцъ явился наконецъ передъ Роченсальмомъ, гдѣ находилась шведская гребная флотилія, состоявшая изъ 53 судовъ. Она была расположена на большомъ рейдѣ, поперекъ фарватера, примыкая флангами къ островкамъ, окружающимъ рейдъ, и имѣя видъ отлогой дуги, обращенной выпуклостью къ Свенксзунду — узкому проходу, ведущему въ шхерный фарватеръ.

Осмотрѣвъ расположеніе непріятельскаго флота, Нассау рѣшился напасть на него съ главными силами прямо изъ Свенксзунда, пославъ въ то же время подъ начальствомъ генералъ-майора Балле отдѣльный отрядъ изъ 20 судовъ къ островамъ Аспэ для атаки

непріятеля съ тыла, чтобы такимъ образомъ поставить шведовъ между двухъ огней и отрѣзать имъ отступленіе.

Ночью, 12-го августа, обѣ стороны энергически готовились къ предстоящему сраженію. Шведы строили на берегу батареи и заперли Свенксзундскій проходъ, потопивъ на этомъ мѣстѣ три транспортныя судна. 13-го числа, въ десять часовъ утра, несмотря на неблагопріятный для русскихъ западный вѣтеръ, генералъ-майоръ Балле началъ съ своею эскадрою атаку. Средства, которыми онъ располагалъ, оказались крайне недостаточными, и потому, послѣ жаркаго боя, онъ долженъ былъ отступить съ потерей двухъ галеръ. Между тѣмъ принцъ Нассау буксировалъ большія суда свои къ самому Свенксзундскому проходу и, достигнувъ его около полудня, приказалъ усиленно очищать отъ затопленныхъ транспортовъ. Мелкія же суда нашего авангарда проникли въ то же время на Роченсальмскій рейдъ черезъ шхеры сѣвернѣе Свенксзунда. На островъ Кутцель-Мулимъ, лежащій южнѣе этого пролива, былъ сдѣланъ десантъ изъ 400 человѣкъ, подъ командою бригадира Буксгевдена, который немедленно устроилъ здѣсь батарею для трехъ пушекъ и десяти мортиръ. Также устроены были въ продолженіе сраженія малыя батареи на островкахъ сѣвернѣе Кутцель-Мулима, чтобы обезпечить проходъ нашего авангарда. Столь настойчивое наступленіе не позволило непріятелю преслѣдовать отрядъ генерала Балле и принудило его сосредоточиться для отраженія нашихъ главныхъ силъ. Часовъ въ семь вечера Свенксзундъ былъ очищенъ, и канонерскія лодки и іолы прошли его подъ начальствомъ гвардіи капитана Болотникова; за ними послѣдовали наши галеры и прочія суда, которыя, выстроясь затѣмъ въ линію, пустились на непріятеля. Шведы, уже выдержавшіе слишкомъ шестичасовой бой съ отрядомъ Балле и терпѣвшіе недостатокъ въ порохѣ, не могли оказать должнаго сопротивленія свѣжимъ силамъ русской флотиліи и около девяти часовъ вечера начали поспѣшно отступать. Тогда сраженіе обратилось въ преслѣдованіе и пораженіе бѣгущаго непріятеля, чему способствовалъ стихнувшій западный вѣтеръ. Въ два часа ночи на 14 августа сраженіе прекратилось за совершенною темнотою и крайнею усталостью людей.

Отрядъ Балле, по отдаленности и за поврежденіями, не могъ пресѣчь отступленія шведской флотиліи, и суда ея ушли къ Ловизѣ, подъ защиту крѣпости Свартгольмъ.

Въ этомъ сраженіи, продолжавшемся почти безпрерывно четырнадцать часовъ, шведы лишились 15-ти судовъ, 214 орудій и до

1,500 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ. Съ нашей стороны потеря заключалась въ 2 галерахъ и 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной принцемъ Нассау надъ шведскимъ флотомъ, достигло Петербурга 15-го августа вечеромъ. «Довольны», замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Храповицкій о Екатеринѣ и къ этому прибавляетъ: «Побѣда похожа на Чесменскую». 16-го числа, въ дворцовой церкви былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а на другой день императрица послала принцу орденъ св. Андрея Первозваннаго при письмѣ, въ которомъ благодарила его за «истинно-геройскую храбрость» и увѣдомляла, что онъ «наполнилъ всю столицу большою радостью».

Приведя свою флотилію въ порядокъ, Нассау намѣревался преслѣдовать шведовъ до самой Ловизы и снова атаковать ихъ подъ этимъ городомъ; но страшная буря, продолжавшаяся съ 30-го августа до 2-го сентября и причинившая русскому флоту болѣе вреда, нежели сраженіе 13-го августа, заставила его отказаться отъ этого плана и возвратиться въ Кронштадтъ.

Неблагопріятная для шведскаго оружія битва при Свенксзундѣ произвела довольно сильное впечатлѣніе на европейскіе кабинеты, сочувствовавшіе Швеціи. Густавъ III, желая ослабить такое невыгодное для него впечатлѣніе и умалить свои потери, напечаталъ въ «Гамбургской газетѣ» реляцію о бывшемъ сраженіи, нисколько не согласную съ истиной. Эта вымышленная реляція вызвала со стороны Нассау рѣзкое письмо къ королю, которое такъ любопытно, что мы приводимъ его здѣсь вполнѣ:

«Государь!

«Когда ваше величество удостоили меня послѣднимъ письмомъ своимъ [1]), вы сказали мнѣ, что обращаетесь къ воину, который ищетъ славы и чести. Конечно, всю жизнь мою я старался оправдать это мнѣніе вашего величества. Но когда любишь честь, то не терпишь ничего противнаго ей и стоишь за правду, которую мо-

---

[1]) При открытіи военныхъ дѣйствій Густавъ III, узнавъ, что начальство надъ русскимъ гребнымъ флотомъ поручено принцу Нассау, и вспомнивъ, что не разъ встрѣчался съ нимъ во Франціи и въ Спа, написалъ къ нему любезное письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилъ: «Я думалъ, судя по послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ, что вы меня осчастливите предложеніемъ служить мнѣ мечомъ вашимъ, но такъ какъ, къ сожалѣнію моему, вы выступили противъ меня, то надѣюсь, по крайней мѣрѣ, заслужить на полѣ битвы уваженіе такого противника, какъ вы».

жешь подтвердить и доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ. Вотъ почему я съ чувствомъ негодованія встрѣтилъ въ гамбургскихъ газетахъ какую-то реляцію о битвѣ, которую имѣлъ честь выдержать съ флотомъ вашего величества. Эта реляція, повидимому, опровергаетъ мои показанія. Она во многихъ случаяхъ совершенно противна истинѣ, и я удивляюсь, какъ осмѣлились выставить такое почтенное имя, какъ ваше, подъ разсказомъ, полнымъ ошибокъ и лжи. Я надѣюсь, что ваше величество такъ же оскорбились этимъ, какъ я, и что вы позволите мнѣ опровергнуть это сочиненіе и возстановить истину. Если же, — что невѣроятно,—ваше величество дозволили изданіе такой невѣрной реляціи, то я полагаю, что вы преступнымъ образомъ обмануты полученными вами донесеніями и долгъ чести, первѣйшей добродѣтели королей, безъ сомнѣнія, заставить васъ осудить и наказать начальниковъ, доставившихъ вамъ ложныя донесенія. При этомъ письмѣ я посылаю опроверженіе этой непостижимой реляціи съ указаніемъ всѣхъ ея невѣрностей. Честь моя — порукою истины моихъ показаній. Свидѣтели мои — плѣнные корабли, которые я захватилъ, и флотъ, которымъ командовалъ и который далеко не разстроенъ и стоялъ на морѣ восемнадцать дней послѣ битвы, крейсировалъ безъ помѣхи въ двѣнадцати верстахъ отъ Ловизы и удалился только послѣ бури 2-го сентября. Часть этой эскадры и теперь еще въ морѣ и готова снова сразиться, но не встрѣчаетъ болѣе противника. Я увѣренъ, что вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстны правила чести, чтобы не оправдать горячность, съ которою я защищаюсь. Я почту себя обиженнымъ, если хотя на минуту заподозрятъ истину донесенія, которое императрица дозволила напечатать. Причины, побудившія меня написать это возраженіе, заставляютъ меня также обнародовать его. Отвѣтъ, котораго я ожидаю, дастъ мнѣ, безъ сомнѣнія, поводъ гласно повторить увѣренія моего глубочайшаго уваженія, которое приношу вашему величеству и съ которымъ имѣю честь быть и проч. и проч.».

Императрица была очень довольна всѣми распоряженіями Нассау и по пріѣздѣ его въ Петербургъ старалась выказать ему свое расположеніе и вниманіе. Она часто наединѣ бесѣдовала съ нимъ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи, совѣтовалась относительно мѣръ, принимаемыхъ для дальнѣйшаго веденія войны, почти ежедневно приглашала его на свои интимные вечера и даже приказала поставить для него на эрмитажномъ театрѣ сочиненную ею комическую оперетку «Горе-Богатырь», гдѣ весьма остроумно былъ осмѣянъ Густавъ III.

Съ наступленіемъ весны 1790 года Нассау началъ комплектовать и готовить галерный флотъ къ выходу въ море. Однако, приготовленія эти производились до того медленно, что онъ могъ оставить Кронштадтъ лишь въ исходѣ мая, когда шведскій галерный флотъ, значительно усиленный, въ количествѣ почти 200 судовъ, уже успѣлъ снова сосредоточиться въ Свенксзундѣ и въ полной готовности ожидалъ нашего нападенія. Прошлогодній урокъ не пропалъ для шведовъ даромъ. Они возвели сильныя батареи на островахъ, окружающихъ Свенксзундскій проходъ, искусственнымъ образомъ затруднили доступъ въ шхеры и съ большимъ умѣньемъ расположили свои суда поперекъ шхернаго фарватера.

26-го іюня, Нассау приблизился къ Свенксзунду съ флотиліей, состоявшей изъ 8 гребныхъ фрегатовъ, 22 галеръ, 85 канонерскихъ лодокъ и 45 другихъ мелкихъ судовъ. Несмотря на то, что силы наши были значительно слабѣе непріятельскихъ и что большая часть команды на галерахъ и канонерскихъ лодкахъ была набрана изъ гвардейскихъ солдатъ и рекрутовъ, совершенно не привычныхъ къ морю, самонадѣянный Нассау, твердо увѣренный въ успѣхѣ, рѣшился атаковать непріятеля. Днемъ битвы онъ избралъ 28-го іюня, день восшествія на престолъ императрицы, намѣреваясь отпраздновать его блистательной побѣдой. Въ семь часовъ утра, при крѣпкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, флотилія наша двинулась на всѣхъ парусахъ въ узкій заливъ. Первые вошли въ него гребные фрегаты; стѣсненные узкостью мѣста, они вскорѣ составили нестройную кучу и не могли свободно дѣйствовать. Шведскія канонерскія лодки, замѣтивъ это, приблизились къ нашимъ фрегатамъ и, скрываясь за окружавшими русскихъ каменьями, безнаказанно стрѣляли во всѣ стороны; наши ядра били по каменьямъ, а шведскія по нашимъ судамъ, положеніе которыхъ сдѣлалось тѣмъ опаснѣе, что вѣтеръ не позволялъ имъ выйти обратно изъ залива. Нассау, думая поправить дѣло, посылалъ на подкрѣпленіе фрегатовъ отрядъ за отрядомъ, такъ что почти вся русская флотилія втянулась въ заливъ. Но по мѣрѣ того, какъ суда наши входили въ бухту, тѣснота и безпорядокъ увеличивались. Наши галеры и лодки не могли стрѣлять, не причиняя другъ другу вреда, а между тѣмъ шведы все болѣе и болѣе тѣснили ихъ, и каждое пущенное непріятелемъ ядро находило себѣ цѣль. Король шведскій, лично командовавшій своимъ флотомъ, умѣлъ воспользоваться ошибкой, сдѣланной Нассау; наскоро разставивъ по ближайшимъ островамъ мортиры, онъ приказалъ бомбардировать наши суда. Сильный вѣтеръ, способствовавшій приближенію русскихъ, превратился на-

конецъ въ бурю. Тогда флотилія наша начала отступать въ страшномъ безпорядкѣ и замѣшательствѣ, при чемъ мелкія суда стали на мель, другія разбились о каменья, третьи было отнесены бурей прямо къ непріятелю. Потеря наша была громадна. Мы лишились 55 судовъ, 400 орудій и около 6,000 человѣкъ убитыми или взятыми въ плѣнъ. Самъ Нассау едва спасся бѣгствомъ на шлюпкѣ, оставивъ свой адмиральскій фрегатъ въ рукахъ шведовъ. Непріятель понесъ самый ничтожный уронъ, заключавшійся всего въ нѣсколькихъ сотняхъ людей, большею частью раненыхъ.

Первое извѣстіе о страшномъ исходѣ битвы при Свенксзундѣ было получено въ Петербургѣ ночью 1-го іюля. Храповицкій пишетъ о Екатеринѣ: «Таятся и невеселы для того, что 28-го числа принцъ Нассау атаковалъ шведовъ при Роченсальмѣ, потерялъ прамы, 8 галеръ, 4 фрегата, да и свою голову; къ сему случаю правила бѣды буря». Изъ этого замѣчанія можно видѣть, что не всѣ подробности о пораженіи русскаго галернаго флота сдѣлались сразу извѣстными въ Петербургѣ. 4-го іюля Храповицкій пишетъ: «Шумъ великъ въ городѣ о разбитіи Нассау». «Чему дивиться», сказала ея величество, видя изъ полицейской записки, что пріѣхалъ испанскій полковникъ де-Родриго: «онъ былъ на флотѣ». «Не знаютъ, сколько Нассау потерялъ, не довѣряютъ первому извѣстію».

Наконецъ, 7-го іюля, принцъ рѣшился самъ сообщить государынѣ подробности о несчастномъ сраженіи. Въ письмѣ своемъ, проникнутомъ отчаяніемъ, онъ все-таки старался уменьшить потери нашего флота и сваливалъ всю бѣду на подчиненныхъ и бурю. Приложивъ къ письму всѣ ордена, полученные отъ Екатерины, Нассау признавалъ себя недостойнымъ носить ихъ и просилъ отставки. Императрица поступила, какъ и всегда, великодушно и съ большимъ тактомъ. Она возвратила принцу присланные ей ордена и 9-го іюля собственноручно писала ему, между прочимъ, слѣдующее:

«Я надѣюсь, что вы меня достаточно знаете, чтобы быть увѣреннымъ, что городскія сплетни, которыя, вѣроятно, до васъ дошли, не могутъ имѣть на меня никакого вліянія. Я прекрасно знаю ваше усердіе, отдаю ему справедливость, очень искренно раздѣляю ваше горе, очень жалѣю, что оно доходитъ до того, что разстраиваетъ ваше здоровье. Желаю, чтобы вы не дошли до упадка духа, что столько же вредно для моей службы, сколько и для вашей собственной репутаціи, если смѣю сказать это. И, Боже мой, кто не имѣлъ большихъ неудачъ въ жизни? Величайшіе полководцы имѣли

свои невзгоды. Покойный король прусскій былъ, дѣйствительно, великъ послѣ большой неудачи: тогда онъ снова являлся на сцену, болѣе, нежели когда-либо, окруженный славою: всѣ считали все проиграннымъ, и въ это время онъ снова разбивалъ врага. Петръ I, претерпѣвая пораженія въ продолженіе девяти лѣтъ, одерживаетъ Полтавскую побѣду. Вспомните ваши успѣхи на югѣ и на сѣверѣ. Парите надъ событіями и ступайте вновь на непріятеля, вмѣсто того, чтобы просить меня назначить другого начальника надъ флотомъ. Я не могу теперь этого сдѣлать, не давъ врагамъ вашимъ предлога къ порицанію. Я слишкомъ уважаю заслуги, которыя вы мнѣ оказали, чтобы не поддержать васъ, особенно въ такое время, когда, по словамъ вашимъ, вы страдаете тѣломъ и духомъ. Когда все пройдетъ и вы будете чувствовать себя лучше, вы будете дѣйствовать по вашему усмотрѣнію, и, безъ сомнѣнія, я не намѣрена удерживать васъ вопреки вашему желанію. Но я васъ прошу и особенно совѣтую поставить себя выше столичныхъ сплетенъ; всякая столица въ основаніи своемъ не имѣетъ здраваго смысла».

«... Прощайте, возобновите свои силы и будьте увѣрены въ моей благодарности».

Успокоенный этимъ любезнымъ письмомъ и пылая нетерпѣніемъ загладить свою неудачу, Нассау съ необыкновенной энергіей занялся исправленіемъ своей флотиліи и составилъ планъ новой атаки шведскаго гребного флота. Онъ уже направился къ Роченсальму и даже назначилъ днемъ битвы 8-е августа, какъ вдругъ получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира и приказаніе возвратиться въ Кронштадтъ.

Разгромъ русскаго флота при Свенксзундѣ далъ возможность Густаву III начать съ нашимъ дворомъ мирные переговоры съ нѣкоторой надеждой на ихъ успѣшный исходъ. Финансы Швеціи были истощены, парусный флотъ уменьшился на половину, въ Стокгольмѣ поднимался сильный ропотъ противъ безплодной и тягостной войны. Увидѣвъ возможность выйти съ честью изъ такого затруднительнаго положенія, король шведскій написалъ Екатеринѣ собственноручное письмо и предложилъ ей миръ. Съ своей стороны, Екатерина, опасавшаяся вмѣшательства Англіи и Пруссіи въ ея политическія отношенія, озабоченная войною съ Турціей и угрожающимъ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ, была рада развязаться со Швеціей и съ готовностью вступила въ переговоры. Они продолжались не долго. 3-го августа 1790 года, былъ подписанъ такъ называемый Верельскій договоръ, по которому какъ Россія, такъ и Швеція сохранили свои прежнія границы.

Заключеніе мира со Швеціей было отпраздновано въ Петербургѣ съ особеннымъ торжествомъ. Императрица щедро наградила главнѣйшихъ дѣятелей оконченной войны и въ числѣ ихъ пожаловала Нассау золотую саблю, украшенную алмазами, и дорогой серебряный сервизъ. Но милости и вниманіе государыни не могли возвратить принцу душевнаго спокойствія. Воспоминаніе о несчастной битвѣ, помрачившей его военную славу, укоры сослуживцевъ и насмѣшки завистниковъ отравляли ему жизнь. Страдая нравственно и физически, онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, избѣгалъ общества и почти пересталъ являться ко двору. Екатерина съ свойственной ей деликатностью старалась утѣшить принца. Она произвела его въ адмиралы и отправила на Рейнъ состоять въ качествѣ своего агента при братьяхъ казненнаго французскаго короля Людовика XVI. Однако, Нассау вскорѣ обратился къ императрицѣ съ просьбой дозволить ему жить въ своихъ польскихъ имѣніяхъ. Государыня исполнила его желаніе и при этомъ приказала отпустить ему сполна все получаемое имъ жалованье, простиравшееся до 12,000 р. въ годъ.

6-го ноября 1796 г. Екатерина скончалась. Извѣстіе объ этомъ событіи было сообщено Нассау вмѣстѣ съ повелѣніемъ императора Павла—явиться въ Петербургъ. Новый государь очень не благоволилъ къ принцу. Въ бытность свою великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ носилъ званіе генералъ-адмирала, которымъ очень гордился, хотя ему не сообщали ничего, что касалось морского дѣла. Когда Нассау былъ назначенъ главнымъ начальникомъ гребного флота, то придумалъ для себя мундиръ, весьма похожій на генералъ-адмиральскій, и въ этой формѣ пріѣхалъ представиться великому князю. Увидѣвъ костюмъ принца, Павелъ вспыхнулъ.

— Какой это мундиръ на васъ? спросилъ онъ его.

— Мундиръ главнаго командира гребного флота, ваше высочество.

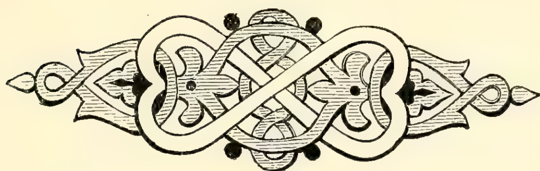
— Это невозможно, возразилъ великій князь съ гнѣвомъ:—чтобы я болѣе не видалъ на васъ этого платья. Прошу васъ помнить, что я генералъ-адмиралъ.

Сконфуженный Нассау отправился къ императрицѣ и передалъ ей слова великаго князя. Екатерина приказала принцу тотчасъ же возвратиться къ Павлу Петровичу и объявить ему отъ ея имени, что форма главнаго командира гребного флота утверждена ею и что принцу высочайше повелѣно носить ее постоянно. Великій князь долженъ былъ проглотить пилюлю. Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ Петровичъ вспомнилъ этотъ случай, нарочно вызвалъ Нассау

въ Петербургъ, обошелся съ нимъ до крайности сухо и уволилъ въ отставку, не назначивъ никакой пенсіи.

Глубоко пораженный новымъ и жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ его самолюбію, Нассау удалился въ свое подольское имѣніе—Тыннъ, находившееся въ четырехъ миляхъ отъ Каменца. Здѣсь, отказавшись отъ всѣхъ проектовъ и несбыточныхъ мечтаній, онъ жилъ совершеннымъ нелюдимомъ. Старость пришла къ нему ранѣе, нежели онъ полагалъ, а уединеніе обратило его мысли къ здравому обсужденію вещей... Роль его была кончена!

Онъ умеръ въ 1805 году, забытый свѣтомъ, въ которомъ нѣкогда гремѣлъ блестящими подвигами. Умирая, Нассау завѣщалъ, чтобы на его могилѣ не ставили не только никакого памятника, но даже простого камня съ надписью. Одни цвѣты могли рости надъ прахомъ человѣка, который уже слишкомъ поздно понялъ всю суету человѣческихъ стремленій.

Жена Суворова.

Ъ НАШЕМЪ распоряженіи находится копія съ подлиннаго дѣла святѣйшаго синода, 1779 года за № 349, о разводѣ Суворова съ его женой. Нѣкоторыя обстоятельства этого дѣла могутъ показаться щекотливыми и навлечь на насъ упрекъ въ нескромности. Но все касающееся нашего великаго полководца представляетъ интересъ, и даже самые мелочные факты его жизни помогаютъ намъ уяснить его характеръ; затѣмъ, событіямъ, которыя мы изложимъ, минуло болѣе столѣтія, и теперь уже не существуетъ даже самой фамиліи князей Италійскихъ, графовъ Суворовыхъ-Рымникскихъ, и наша статья не можетъ никого оскорбить. Наконецъ, сообщаемые нами документы рисуютъ въ невыгодномъ свѣтѣ скорѣе самого Суворова, нежели его жену, которую онъ преслѣдовалъ, не щадя собственнаго достоинства и вынося на общее позорище свои семейныя отношенія, чѣмъ невольно возбуждалъ симпатіи къ женщинѣ, не давшей ему счастія, можетъ быть, по его же винѣ.

О женѣ Суворова сохранилось очень мало свѣдѣній по той причинѣ, что она не играла никакой роли въ судьбѣ своего мужа. Нѣкоторыя подробности о ней сгруппированы въ сочиненіи А. Ѳ. Петрушевскаго: «Генералиссимусъ князь Суворовъ», основанномъ, между прочимъ, на немногихъ уцѣлѣвшихъ бумагахъ Суворовскаго архива. Это сочиненіе служитъ главнымъ источникомъ, гдѣ можно

почерпнуть кое-какія данныя для объясненія разлада Суворова съ женой.

Суворовъ всегда довольно скептически относился къ женщинамъ. Преданный всей душой военному ремеслу, задавшись въ немъ опредѣленными цѣлями и посвящая этимъ цѣлямъ всѣ свои помыслы и энергію, онъ, естественно, долженъ былъ видѣть въ женщинѣ и связи съ ней помѣху своему призванію. Его привычки, подвижная дѣятельность, весь складъ его жизни не подходили къ условіямъ, налагаемымъ на человѣка брачными узами. Вѣроятно, онъ навсегда остался бы холостякомъ, если бы особыя обстоятельства не побудили его, вопреки усвоеннымъ имъ взглядамъ, внезапно жениться, имѣя уже 43 года, на дѣвушкѣ, которой онъ почти совсѣмъ не зналъ. «Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію», говоритъ г. Петрушевскій: «что дѣло было подготовлено его отцомъ, который, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Москвѣ и въ своихъ имѣніяхъ. Василій Ивановичъ Суворовъ самъ женился рано, не имѣя 25 лѣтъ отъ роду; въ 1773 году ему было около семидесяти лѣтъ, а сынъ все оставался холостымъ, несмотря на то, что ему шелъ уже пятый десятокъ. Такіе собиратели и скопидомы, какимъ былъ Василій Ивановичъ, склонны къ семейной жизни, желаютъ имѣть потомство и видѣть дѣтей своихъ такимъ же образомъ устроенными. Обѣ дочери Василія Ивановича были уже замужемъ— отрѣзанные ломти, съ которыми онъ считалъ себя совершенно квитъ, тѣмъ болѣе, что снабдилъ ихъ приличнымъ приданымъ. Продолжалъ жить одинокимъ лишь сынъ, единственный сынъ, съ которымъ прекратился бы родъ; сынъ этотъ былъ не мотъ, не кутила, не любилъ роскоши и въ ариѳметической сторонѣ жизни держался направленія своего родителя. Какъ же было Василію Ивановичу, дожившему до преклонныхъ лѣтъ и понимавшему, что смерть близка, не потребовать для себя, старика, послѣдняго отъ сына утѣшенія—женитьбы? Александръ Васильевичъ былъ сынъ почтительный и любилъ отца искренно; онъ долженъ былъ признать отцовскіе доводы уважительными, не сталъ противиться просьбамъ и настояніямъ отца, и это важное въ жизни каждаго человѣка дѣло совершилъ съ обычною своею рѣшимостью и быстротой» [1]).

Хотя Суворовъ и принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, но родъ этотъ постоянно оставался въ тѣни, не имѣлъ ни родства, ни связей въ высшемъ обществѣ. Василій Ивановичъ самъ

---

[1]) «Генералиссимусъ Суворовъ». Часть I, стр. 277.

собою вышелъ въ люди, дослужился до чина генералъ-поручика и успѣлъ, благодаря своей скупости и умѣнію вести хозяйство, сколотить хорошее состояніе, заключавшееся въ капиталѣ, домѣ въ Москвѣ и въ 1.894 душахъ крестьянъ. Сынъ его въ это время уже пріобрѣлъ своими военными подвигами громкую извѣстность, пользовался расположеніемъ императрицы, имѣлъ генеральскій чинъ, александровскую ленту и орденъ св. Георгія 2 класса. При такихъ условіяхъ было весьма естественно желаніе породниться съ знатной фамиліей, искать невѣсту среди титулованныхъ семей, проживавшихъ въ Москвѣ, отодвигая на второй планъ вопросъ о приданомъ. Вскорѣ подходящая дѣвушка была найдена въ семействѣ отставного генералъ-аншефа, князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, женатаго на дочери знаменитаго Петровскаго фельдмаршала, князя Михаила Михайловича Голицына-старшаго, княжнѣ Маріи Михайловнѣ, родной братъ которой, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, занималъ должность вице-канцлера. У князя Ивана Андреевича было два сына и двѣ дочери, изъ которыхъ старшей, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, минуло уже 23 года [1]). Она была красавицей русскаго типа, полная, статная, румяная, но съ умомъ ограниченнымъ и стариннымъ воспитаніемъ, исключавшимъ для дѣвицъ всякія знанія, кромѣ умѣнья читать и писать [2]). Князь Иванъ Андреевичъ жилъ, по тогдашнему обычаю, широко и открыто и, подобно многимъ вельможамъ, запуталъ свои дѣла и вошелъ въ большіе долги. Ко времени сватовства Суворова онъ до такой степени стѣснялся въ средствахъ, что могъ дать за дочерью лишь самое ничтожное приданое, не превышавшее 5.000 рублей. Этимъ объясняется, почему княжна Варвара Ивановна, несмотря на свою красоту, такъ долго засидѣлась въ дѣвицахъ, и отецъ ея, обрадовавшись богатому жениху, безъ колебанія согласился на бракъ дочери съ пожилымъ и невзрачнымъ Суворовымъ. Небольшого роста, сухопарый, съ морщинистымъ лицомъ, опущенными вѣками, съ рѣзкими манерами и солдатскими привычками, онъ, разумѣется, не могъ нравиться княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, и она шла замужъ, повинуясь волѣ родителей, по расчету, не питая никакого чувства къ своему неожиданному жениху. Но, кромѣ наружности, Суворовъ не могъ привлечь къ себѣ будущую жену и свойствами характера. Нетерпѣливый, горячій до вспышекъ бѣ-

---

[1]) Родилась 28-го августа 1750 года. См. Родословную книгу, изд. княземъ П. Долгорукимъ, ч. I, стр. 122.

[2]) Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 932.

шенства, неуступчивый и деспотичный, онъ хотя и много и постоянно работалъ надъ обузданіемъ своей чрезмѣрной пылкости, но былъ въ состояніи только умѣрить себя, а не передѣлать, и въ домашней жизни неуживчивыя свойства его нрава должны были

Князь А. В. Суворовъ-Рымникскій.

(Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шмидтомъ).

чувствоваться особенно сильно и тяжело, тѣмъ болѣе, что и княжна Варвара Ивановна не отличалась мягкостью и уступчивостью. Кромѣ того, супруги расходились и во всѣхъ своихъ привычкахъ. Онъ былъ бережливъ до скупости, ненавистникъ роскоши, чудакъ, развившійся на грубой солдатской основѣ, пренебрегавшій вся-

кимъ комфортомъ, а она торовата, съ наклонностями къ мотовству и привычкой жить открыто, легкомысленная и избалованная съ дѣтства. Все это, взятое вмѣстѣ, должно было создать въ семейной жизни Суворовыхъ полную неурядицу и разладъ и неизбѣжно привести къ печальному исходу.

Помолвка ихъ состоялась 18-го декабря 1773 года, обрученіе 22-го числа, а свадьба 16-го января 1774 года. Извѣщая родныхъ объ этомъ событіи, Суворовъ, между прочимъ, обратился 30-го января къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Изволеніемъ Божіимъ бракъ мой совершился благополучно. Имѣю честь при семъ случаѣ паки себя препоручить въ высокую милость вашего сіятельства.

«Остаюсь съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ».

Къ этому письму мужа Варвара Ивановна сдѣлала приписку, которую приводимъ съ точнымъ соблюденіемъ ея орѳографіи, указывающей на степень полученнаго ею образованія:

«и Я, миластиваи Гасударь дядюшка, принашу маие нижайшее патъчтеніе и притомъ имею честь рекаманъдовать въ вашу миласть алекъсандра василиевича и себя такъ-жа, и такъ астаюсь миластиваи гасударь дядюшка, пакоръная и веръная куслугамъ племяница варъвара Суворава» [1]).

Проживъ съ женою около мѣсяца, Суворовъ оставилъ ее въ Москвѣ, а самъ уѣхалъ сперва въ Молдавію къ арміи, а оттуда въ Царицынъ, получивъ приказаніе окончательно подавить Пугачевскій бунтъ.

По свойству службы Суворова супруги должны были часто разлучаться; но при первой же возможности они соединялись. Варвара Ивановна находилась съ мужемъ въ Таганрогѣ, въ крѣпости св. Димитрія, въ Астрахани, въ Полтавѣ, въ Крыму—вездѣ, гдѣ только онъ могъ, при своихъ безпрерывныхъ кочеваніяхъ, доставить ей нѣкоторую осѣдлость и необходимыя удобства. Въ августѣ 1775 года, у нихъ родилась дочь Наталья, а затѣмъ Варвара Ивановна два раза выкинула, что̀, можетъ быть, было послѣдствіемъ частыхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто въ распутицы, по ужаснымъ дорогамъ, въ тогдашнихъ тряскихъ экипажахъ. Первые

---

[1]) Письмо это напечатано въ «Русской Старинѣ», 1876 г., т. XV, стр. 451.

Княгиня В. И. Суворова-Рымникская.

(Съ портрета того времени).

годы Суворовы жили, повидимому, въ согласіи; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ данныхъ, указывающихъ на какія-либо крупныя между ними недоразумѣнія или ссоры. Но вдругъ, въ сентябрѣ 1779 года, Суворовъ подалъ въ славянскую духовную консисторію такую челобитную:

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

«Бьетъ челомъ генералъ-поручикъ Александръ Васильевичъ сынъ Суворовъ, а о чемъ моя челобитная, тому слѣдуютъ пункты:

1.

«Соединясь бракомъ 1774 года генваря 16 дня, въ городѣ Москвѣ, на дочери г-на генералъ-аншефа и кавалера, князя Ивана Андреева, сына Прозоровскаго, Варварѣ Ивановой, жилъ я безъ нарушенія должности своей, честно, почитая своей женой по 1779-й годъ, чрезъ все то время была плодомъ обременена три раза, и отъ перваго бремени только дочь осталась въ живыхъ нынѣ, а отъ прочихъ ради безвременнаго рожденія младенцы измерли.

2.

«Но когда, въ 1777 году, по болѣзни находился въ мѣстечкѣ Опошнѣ, сперва оная Варвара, отлучаясь своевольно отъ меня, употребляла тогда развратныя и соблазнительныя обхожденія, неприличныя чести ея, почему со всякою пристойностью отводилъ я отъ такихъ поступковъ напоминаніемъ страха Божія, закона и долга супружества; но, не уважая сего, наконецъ, презрѣвъ законъ христіанскій и страхъ Божій, предалась неистовымъ беззаконіямъ явно съ двоюроднымъ племянникомъ моимъ С.-Петербургскаго полка премьеръ-маіоромъ Николаемъ Сергѣевымъ сыномъ Суворовымъ, таскаясь днемъ и ночью, подъ видомъ якобы прогуливанія, безъ служителей, а съ однимъ означеннымъ племянникомъ одна, по броварамъ, пустымъ садамъ и по другимъ глухимъ мѣстамъ, какъ въ означенномъ мѣстечкѣ, равно и въ Крыму въ 1778 году, въ небытность мою на квартирѣ, тайно отъ нея былъ пускаемъ въ спальню; а потомъ и сего года, по пріѣздѣ ея въ Полтаву, оный же племянникъ жилъ при ней до 24 дней непозволительно, о каковыхъ ея поступкахъ доказать и уличить свидѣтелями могу, а нынѣ оная Варвара, за отъѣздомъ изъ города Полтавы, пребываетъ въ Москвѣ.

3.

«И какъ таковымъ откровеннымъ безчиніемъ осквернила законное супружество, обезчестивъ бракъ позорно, напротивъ того я соблюдалъ и храню честно ложе, будучи при желаемомъ здоровьѣ и силахъ своихъ, то по такимъ беззаконіямъ съ нею болѣе жить не желаю. И для того

«Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ славянской духовной консисторіи принять и по изъясненнымъ причинамъ о разводѣ моемъ съ вышеприсанною женою и о дозволеніи въ другой бракъ поступить, на основаніи правилъ св. отцовъ и вашего величества указовъ учинить разсмотрѣніе.

«Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Сентября дня 1779 года. Къ поданію надлежитъ въ славянскую духовную консисторію. Челобитную писалъ, за неимѣніемъ гербовой, на простой бумагѣ генеральный писарь Алексѣй Ефимовъ сынъ Щербаковъ. Къ сей челобитной генералъ-поручикъ Александръ Васильевъ сынъ Суворовъ руку приложилъ».

Славянская консисторія, разсмотрѣвъ и обсудивъ челобитную Суворова, постановила такое опредѣленіе:

«По указу ея императорскаго величества славянская духовная консисторія, слушавъ сей челобитной, и какъ проситель г. генералъ-поручикъ и кавалеръ въ оной свидѣтелей и иныхъ крѣпкихъ доводовъ, въ силу генеральнаго регламента 19-й статьи, не изъяснилъ, того ради опредѣлили: сію челобитную ему г. генералъ-поручику возвратить съ надписью, и когда онъ, г. генералъ-поручикъ, подастъ челобитную въ сходство вышеписаннаго узаконенія, то при пріемѣ оной взять указную пошлину и тогда о явкѣ жены его, г. генералъ-поручика, Варвары Ивановны, въ сію консисторію для отвѣта учинить особое опредѣленіе, но по оному опредѣленію, не чиня исполненія, по прибытіи преосвященнаго Никифора, архіепископа славянскаго и херсонскаго, представить его преосвященству на благоусмотрѣніе и резолюцію, которое опредѣленіе его преосвященствомъ сего октября 18 дня и подтверждено. Для того сія челобитная ему, г. генералъ-поручику и кавалеру, возвращается съ сею надписью. 18 дня 1779 года.

«Намѣстникъ іерей Іоаннъ Станиславскій. Секретарь Василій Вербицкій».

Опредѣленіе славянской консисторіи привело Суворова въ сильное раздраженіе. Онъ не привыкъ получать отказы ни отъ кого и тѣмъ болѣе не ожидалъ его отъ такого присутственнаго мѣста, какъ консисторія. Онъ, конечно, не могъ подчиниться ея рѣшенію и подыскалъ, можетъ быть, въ средѣ самой же консисторіи, законника, который сочинилъ для него жалобу на консисторію въ святѣйшій синодъ. Въ этой жалобѣ, повторивъ снова обстоятельства дѣла и критически отнесясь къ консисторскому рѣшенію, проситель нѣсколько запутаннымъ слогомъ приводилъ свои доводы. «А какъ въ означенной челобитной», писалъ онъ, «подносимой при семъ на высокое благоусмотрѣніе, обстоятельства о прелюбодѣйствіи помянутой жены ясно изображены по пунктамъ, по которымъ, на основаніи формы суда, обязанная за отвѣтомъ отвѣтчица доказывать; въ генеральномъ же регламентѣ установлено, при доносѣ о важности доносителя, президенту съ прочими членами спрашивать только о свидѣтеляхъ и иныхъ доводахъ крѣпкихъ и буде имѣетъ нарѣщи день дѣлу его, а чтобы по существу просьбы моей именовать свидѣтелей и совмѣщать въ оную доводы, не узаконено, для того всеподданнѣйше прошу, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ святѣйшій синодъ принять и по приложенной челобитной, въ коей обстоятельства о прелюбодѣяніи жены изъяснены; въ чемъ прописано, что я уличить и доказать свидѣтелями могу, повелѣть славянской духовной консисторіи, какъ я здѣсь при войскахъ вашего императорскаго величества состою, и свидѣтели около здѣшнихъ мѣстъ обрѣтаются, безъ продолженія времени, по правиламъ св. отецъ и по самой точности законовъ и указовъ вашего величества, произвесть судъ и правосудное учинить рѣшеніе».

Суворовъ такъ торопился, что 23 октября, черезъ три дня по полученіи имъ отказа консисторіи, одинъ изъ его подчиненныхъ и близкихъ къ нему людей, подпоручикъ Тюкинъ, уже уѣхалъ въ Петербургъ съ приведенной выше жалобой въ синодъ и съ полной довѣренностью хлопотать о благопріятномъ ея исходѣ. Хлопоты Тюкина увѣнчались успѣхомъ. Девятаго декабря состоялся синодскій указъ, которымъ предписывалось преосвященному славянскому и херсонскому принять прошеніе Суворова и «по оному произвесть дѣло въ славянской духовной консисторіи и разсмотрѣніе, и рѣшеніе учинить ему, преосвященному, на основаніи слова Божія, св. отецъ правилъ и указовъ».

Исполняя указъ синода, архіепископъ Никифоръ сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ дѣла Суворова въ консисторіи и послалъ

женѣ его, черезъ московскаго главнокомандующаго, генералъ-аншефа, князя М. Н. Волконскаго, вызовъ о явкѣ къ допросу.

Само собою разумѣется, что скандальный процессъ, затѣянный Суворовымъ, произвелъ сильнѣйшій переполохъ въ семьѣ Прозоровскихъ. Какія мѣры были приняты родными Варвары Ивановны для погашенія этого непріятнаго дѣла, мы не знаемъ; но что мѣры были приняты, и что онѣ достигли цѣли, видно изъ рапорта архіепископа Никифора святѣйшему синоду, отъ 3 февраля 1780 года: объяснивъ, что, согласно указу синода, полученному имъ 10 января, онъ намѣревался приступить къ разсмотрѣнію жалобы Суворова, но «того же 31 января», пишетъ преосвященный, «помянутый г. генералъ-поручикъ и кавалеръ просилъ меня остановить временно его разводное дѣло, ибо де, взирая онъ на духовныя правила, надлежитъ ему пещись о благоприведеніи къ концу спасительнаго покаянія и очищенія обличеннаго страшнаго грѣха и для того въ оставленіи безъ дѣйствія посланнаго отъ меня къ г. генералъ-аншефу и кавалеру князю Волконскому сообщенія о явкѣ помянутаго г. генералъ-поручика и кавалера Суворова женѣ Варварѣ въ консисторію паки къ его сіятельству отъ меня сообщено».

Изъ донесенія преосвященнаго Никифора можно вывести заключеніе, что Варвара Ивановна, подъ вліяніемъ родительскихъ совѣтовъ или по собственному побужденію, поспѣшила сама пріѣхать къ мужу и упросила его примириться. Какъ бы то ни было, примиреніе состоялось, и супруги снова начали жить вмѣстѣ; но размолвки и неудовольствія возникали безпрерывно. Въ «Русскомъ Архивѣ» [1]) приведенъ изъ неизданной рукописи нѣкоего Ключарева разсказъ, относящійся ко времени пребыванія Суворова въ Астрахани въ 1783 году и указывающій, что однажды Суворовъ, какъ человѣкъ религіозный, прибѣгнулъ для разрѣшенія ссоры съ женой къ посредничеству церкви. «Во время преосвященнаго Антонія Румовскаго», сообщаетъ Ключаревъ, «былъ въ Астрахани графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ около трехъ лѣтъ. Лѣтнее время проводилъ онъ на Черепахѣ, въ селѣ Началовѣ и около онаго въ Татарскихъ садахъ, апрѣль, май, іюнь; а іюль и до половины августа въ городѣ, въ Спасскомъ монастырѣ; съ половины августа до половины декабря въ Николаевской Чуркинской пустыни, какъ онъ, такъ и супруга его, Варвара Ивановна, и при нихъ былъ протоіерей, членъ синода. Между графомъ и графинею какія были распри, это они только знаютъ. 1783 года, декабря 12 дня, въ два часа пополуночи, каѳедральнаго собора протоіерею Василію Пан-

---

[1]) 1873 года, кн. I, стр. 148.

филову, игуменьѣ Маргаритѣ, статскаго совѣтника женѣ Аннѣ Панкратьевнѣ Барановой, велѣно въ 9 часовъ явиться въ село Началово, по пріѣздѣ коихъ Суворовъ пошелъ въ простомъ солдатскомъ мундирѣ и супруга его въ самомъ простомъ также платьѣ, каѳедральный же протоіерей Василій Панфиловъ, облачась во все облаченіе, взошелъ въ алтарь, отворилъ царскія двери. Графъ и графиня позади діаконскаго амвона и всѣ приближенные, какъ мужескій, такъ и женскій полъ, стояли на колѣняхъ, обливаясь слезами; игуменья и Баранова стояли около графа и графини, всѣ обливаясь слезами. Графъ встаетъ и идетъ въ алтарь къ престолу, полагаетъ три земныхъ поклона, ставъ на колѣняхъ, воздѣваетъ руки, вставъ, прикладывается къ престолу, упадаетъ къ протоіерею въ ноги и говоритъ: «прости меня съ моею женою, разрѣши отъ томительства моей совѣсти!» Протоіерей выводитъ его изъ царскихъ вратъ, ставитъ на прежнемъ мѣстѣ на колѣна, жену графа подымаетъ съ колѣнъ и ведетъ для прикладыванія къ мѣстнымъ образамъ, подводитъ къ графу, которая кланяется ему въ ноги, также и графъ; протопопъ читаетъ разрѣшительную молитву, и тотчасъ начинается литургія, во время которой оба причастились св. тайнъ».

Вѣренъ, или не вѣренъ этотъ разсказъ, но во всякомъ случаѣ онъ не противорѣчитъ характеру Суворова, который не стѣснялся посвящать постороннихъ людей въ свои семейныя дрязги и могъ придать такому домашнему дѣлу, какъ примиреніе съ женой, публичную и торжественно-оригинальную обстановку. Подобныя выходки, безъ сомнѣнія, тягостно отражались на Варварѣ Ивановнѣ и едва ли способствовали пробужденію въ ней расположенія и дружескихъ чувствъ къ мужу. Тѣмъ не менѣе, сносныя отношенія между супругами продолжались до 1784 года, когда произошелъ новый разрывъ, уже навсегда ихъ разъединившій. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года, Суворовъ подаетъ на высочайшее имя, уже прямо въ синодъ, слѣдующее прошеніе.

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня, императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

«доноситъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Суворовъ на жену мою Варвару Иванову дочь, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1.

«Въ 1779 году, подана была отъ меня въ Полтавскую духовную консисторію челобитная о разводѣ первымъ бракомъ съ женою моею, Варварою Ивановой дочерью, въ разсужденіи чинимаго ею прелюбо-

дѣянія, которая челобитная препровождена въ святѣйшій синодъ, но по принесеніи ею Ивановой въ томъ мнѣ признанія, а при томъ по учиненіи раскаянія и въ препровожденіи впредь безпорочной противъ меня жизни клятвеннаго обѣщанія, будучи прощена, она мною принята была попрежнему въ сожитіе, а, наконецъ, наруша свою клятву, сдѣлала прелюбодѣяніе, Казанскаго пѣхотнаго полку съ секундъ-маіоромъ Иваномъ Ефремовымъ сыномъ Сырохновымъ, для чего всеподданнѣйше прошу:

«Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое донесеніе въ святѣйшій синодъ принять и въ показуемомъ на нее прелюбодѣяніи ее допрося, поступить съ нею по правиламъ св. отецъ и по законамъ вашего императорскаго величества. Если же она не будетъ признаваться, въ то время могу изобличить ее свидѣтельствомъ.

«Жительство же она, Варвара, имѣетъ въ Москвѣ.

«Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Мая дня 1784 г. Къ поданію подлежитъ въ святѣйшій синодъ. Челобитную писалъ штаба г. генералъ-поручика и кавалера Суворова канцеляристъ Степанъ Матвѣевъ Кузнецовъ.

«Къ сему доношенію генералъ-поручикъ Александръ Суворовъ руку приложилъ».

Подачу этого прошенія въ синодъ и ходатайство по вновь возбужденному бракоразводному дѣлу Суворовъ поручилъ какому-то ростовскому купцу Ивану Никитину Курицыну, которому и выдалъ полную довѣренность, съ правомъ передовѣрія. Минуя консисторію и подавая прошеніе прямо въ синодъ, Суворовъ, конечно, разсчитывалъ на полный успѣхъ, ввиду поддержки, оказанной его домогательствамъ синодомъ въ 1779 году. Но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. На этотъ разъ синодъ отнесся совсѣмъ иначе къ его ходатайству и постановилъ 17-го іюня того же 1784 года такое неблагопріятное для него рѣшеніе:

«По доношенію г. генералъ-поручика и кавалера Александра Васильева сына Суворова, поданнаго, по довѣренности его, отъ ростовскаго купца Ивана Никитина, сына Курицына, на жену его г. Суворова, Варвару Иванову дочь, о поступленіи съ оною Варварою за чинимое ею Казанскаго пѣхотнаго полка съ секундъ-маіоромъ Иваномъ Ефремовымъ сыномъ Сырохновымъ прелюбодѣяніе, по правиламъ св. отецъ и по законамъ, показывая при томъ, что та жена его, Варвара, жительство имѣетъ въ Москвѣ, и

по учиненной въ канцеляріи святѣйшаго синода справкѣ, приказали: оную челобитную, оставивъ съ нея въ канцеляріи святѣйшаго синода копію, подлинную показанному повѣренному, ростовскому купцу Ивану Курицыну, отдать обратно съ надписью, для того, что онъ, генералъ-поручикъ и кавалеръ Суворовъ, на жену свою, Варвару Иванову дочь, почитается въ родѣ челобитчика, то и слѣдуетъ ему, въ силу именного 1723 года ноября 5-го дня о формѣ суда указа, подать челобитную, а не доношеніе, ибо въ томъ же указѣ, между прочимъ, сказано, ежели кто будетъ инымъ образомъ челобитчика принимать, тотъ яко нарушитель государственныхъ правъ наказанъ будетъ, а за пренебреженіе и слабый поступокъ положенъ прописанный въ томъ указѣ штрафъ. 2) Въ томъ же доношеніи, въ силу генеральнаго регламента, 19-й главы и состоявшихся въ 1753, ноября 29-го, и 1764 годахъ, сентября 13-го дня, указовъ, къ доказательству на объявленное имъ, г. генералъ-поручикомъ, женою его прелюбодѣйство свидѣтелей и иныхъ доводовъ крѣпкихъ не показано. 3) Хоть онъ, г. генералъ-поручикъ, въ нынѣ поданномъ своемъ доношеніи и пишетъ, что онъ о разводѣ его съ тою женою за ея прелюбодѣяніе, въ 1779 году, подавалъ въ Полтавскую консисторію челобитную, которая яко бы препровождена въ святѣйшій синодъ, но по справкѣ въ канцеляріи святѣйшаго синода оказалось, что оной его, г. генералъ-поручика, челобитной ни изъ какой консисторіи въ присылкѣ не было, а въ томъ же 1779 году, декабря 2-го дня, онъ, г. генералъ-поручикъ Суворовъ, самъ, чрезъ повѣреннаго подпоручика Тюкина, святѣйшему синоду челобитную подалъ, съ приложеніемъ подаванной въ славянскую консисторію о разводѣ его съ женою, яко бы за ея прелюбодѣяніе, челобитной, съ жалобой на оную консисторію въ непринятіи той челобитной, почему святѣйшимъ синодомъ опредѣлено и посланнымъ, того же года декабря отъ 11-го числа, преосвященному славянскому указомъ предписано, принявъ отъ него, г. генералъ-поручика и кавалера, о показуемомъ на жену его прелюбодѣйствѣ, на основаніи законовъ, прошеніе, произвесть дѣло въ славянской консисторіи и разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить на основаніи же слова Божія, св. отецъ правилъ и указовъ, точію на тотъ указъ, февраля отъ 3-го дня 1780 года, святѣйшему синоду онъ, преосвященный, рапортовалъ, что хотя помянутый г. генералъ-поручикъ въ славянскую консисторію челобитную на жену свою, генваря 10-го дня 1780 года, и подалъ, но 31-го числа паки письменно просилъ то дѣло остановить, почему оное и оставлено безъ дѣйствія. 4) Сверхъ же того, самъ онъ, г. генералъ-поручикъ

Суворовъ, въ томъ своемъ доношеніи именно написалъ, что нынѣ оная жена его, Варвара Иванова дочь, жительство имѣетъ въ Москвѣ, а духовнаго регламента во 2-й части о мірскихъ особахъ въ 10-мъ пунктѣ напечатано, вѣдомо же всѣмъ буди, что всякъ коего либо чина человѣкъ подлежитъ въ духовныхъ дѣлахъ суду того епископа, въ котораго епархіи пребываетъ, почему ему, г. генералъ-поручику, на ту свою жену и слѣдуетъ челобитную, на основаніи законовъ, подать по жительству той его жены въ Москвѣ епархіальному архіерею преосвященному московскому и посему для надлежащаго исполненія съ сего журнала въ повытье дать копію».

Этимъ рѣшеніемъ и заканчивается дѣло святѣйшаго синода о разводѣ Суворова. Дальнѣйшихъ домогательствъ съ его стороны къ продолженію процесса не было, и послѣдній прекратился самъ собою, очевидно, подъ давленіемъ какихъ-нибудь особенныхъ вліяній. Едва ли мы ошибемся въ предположеніи, что сама императрица нашла нужнымъ вмѣшаться въ это скандальное сутяжничество и принять Варвару Ивановну подъ свою защиту. Поводовъ для этого было не мало. При своей необузданности, въ порывахъ мстительнаго гнѣва противъ жены, Суворовъ не разбиралъ средствъ и давалъ широкую огласку такимъ семейнымъ обстоятельствамъ, которыя другіе люди, изъ чувства собственнаго достоинства, старались бы тщательно скрывать. Сочиняя оскорбительныя для жены и вмѣстѣ съ тѣмъ унизительныя для него самого прошенія, онъ отдавалъ ихъ переписывать въ свой штабъ писарямъ, поручалъ ходатайствовать по нимъ мелкимъ личностямъ, въ родѣ подпоручика Тюкина и ростовскаго купца Курицына, благодаря чему его чисто домашнее дѣло становилось предметомъ пересудовъ и злословія въ разныхъ слояхъ общества. Онъ обращался къ Потемкину съ письмами, прося его предстательства у престола «къ освобожденію въ вѣчность отъ узъ бывшаго союза». Въ кратковременное посѣщеніе свое Петербурга, въ 1784 году, онъ всѣмъ и каждому говорилъ о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, не маскируясь искусственнымъ спокойствіемъ, а, напротивъ, нисколько не сдерживая себя и доходя иногда чуть не до бѣшенства. Наконецъ, выступая съ своими голословными, ничѣмъ не подтвержденными обвиненіями, Суворовъ набрасывалъ злобное подозрѣніе на того ребенка, которымъ въ это время была беременна его жена. Въ борьбѣ съ такимъ выдающимся и извѣстнымъ человѣкомъ, какъ Суворовъ, родные Варвары Ивановны, имѣвшіе связи при дворѣ, должны были искать опоры у императрицы и добиваться, чтобы она не оставалась равнодушной къ поднятому имъ

скандалу. Какъ бы то ни было, Суворовъ внезапно отказался отъ возобновленія бракоразводнаго дѣла, о чемъ и извѣстилъ московскаго митрополита Платона, но зато затѣялъ дѣятельную переписку съ своимъ управляющимъ въ Москвѣ, поручикомъ Степаномъ Матвѣевичемъ Кузнецовымъ, и другими довѣренными лицами, возлагая на нихъ переговоры объ окончательномъ разлученіи съ Варварой Ивановной. Получивъ извѣстіе, что тесть будто бы имѣетъ намѣреніе «о поворотѣ жены къ мужу», Суворовъ тревожится этимъ слухомъ, такъ какъ, очевидно, рѣшилъ безповоротно порвать всякія отношенія къ женѣ. Онъ даетъ «Матвѣичу», то-есть Кузнецову, порученіе объясниться по этому поводу съ митрополитомъ Платономъ, и наставляетъ, что долженъ тотъ говорить, если владыка будетъ настаивать на примиреніи. «Скажи, что третичнаго брака уже быть не можетъ, и что я велѣлъ тебѣ объявить ему это на духу. Онъ сказалъ бы: «того впредь не будетъ», ты: «ожегшись на молокѣ, станешь на воду дуть»; онъ: «могутъ жить въ одномъ домѣ розно»; ты: «злой ея нравъ всѣмъ извѣстенъ, а онъ не придворный человѣкъ». Не безъ колебаній Суворовъ назначаетъ женѣ 1,200 рублей въ годъ и намѣревается возвратить приданое или его стоимость, переписывается объ этомъ не съ женой, а съ тестемъ очень сухими письмами, снова прибѣгая къ посредничеству разныхъ лицъ. Тесть отказывается отъ приданаго, Суворовъ настаиваетъ и приказываетъ «Матвѣичу» объявить ему: «неистовою силою изъ меня сдѣлать не можно, приданое я не столько подлъ, чтобы во что-нибудь зачесть, и съ собою въ гробъ не возьму». Кое-какъ дѣло сладилось, и супруги оставили другъ друга въ покоѣ. Разставшись съ женой, Суворовъ отдалъ свою дочь, Наталью, которой исполнилось девять лѣтъ, въ Смольный монастырь, строжайшимъ образомъ воспретивъ ей всякія сношенія съ матерью. Что касается сына Аркадія, родившагося 1-го августа 1784 года, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ Суворовъ вторично возбудилъ дѣло о разводѣ, то онъ остался на воспитаніи у матери.

Такимъ образомъ совершилось распаденіе семьи Суворовыхъ, и съ обѣихъ сторонъ уже не дѣлалось никакихъ попытокъ къ сближенію. Съ теченіемъ времени ненависть Суворова къ женѣ постепенно утихала и затѣмъ смѣнилась полнымъ равнодушіемъ и забвеніемъ. Если въ своихъ письмахъ онъ изрѣдка и упоминалъ о ней, то лишь въ томъ случаѣ, когда шла рѣчь о денежныхъ дѣлахъ, при чемъ онъ никогда не называлъ ее ея собственнымъ именемъ. Не имѣя никакихъ собственныхъ средствъ и получая отъ мужа ограниченную даже для того времени пенсію, въ 1,200 рублей, Варвара

Ивановна находилась въ крайне стѣсненномъ положеніи и должна была жить у отца, а когда онъ умеръ въ 1786 году (мать ея умерла еще въ 1780 г.), переѣхала къ своему брату, князю Ивану Ивановичу, служившему въ арміи генералъ-майоромъ. При этомъ случаѣ, неизвѣстно по чьему ходатайству, Суворовъ увеличилъ ей пенсію до 3,000 рублей въ годъ. Покинутая, опозоренная, вынужденная искать пристанища у родныхъ, жена Суворова переживала тяжелыя минуты, хотя бы уже потому, что въ это время фамилія, ею носимая, все болѣе и болѣе облекалась ореоломъ славы и съ гордостью повторялась изъ края въ край Россіи. Сдѣлавшись графиней Суворовой-Рымникской, Варвара Ивановна продолжала оставаться вдали отъ двора и развлеченій свѣта, никѣмъ не замѣчаемая и всѣми забытая. Въ 1796 году, императрица Екатерина II, во вниманіе къ услугамъ Суворова, назначила его одиннадцатилѣтняго сына Аркадія камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину Павловичу. Такое назначеніе приблизило мальчика къ царской семьѣ, и потому Суворовъ распорядился взять его отъ матери и привезти въ Петербургъ къ дочери, вышедшей въ апрѣлѣ 1795 года замужъ за графа Н. А. Зубова. Съ этого времени Суворовъ начинаетъ выказывать заботливое участіе ко всему, что касается воспитанія и образованія его сына. Восшествіе на престолъ императора Павла ознаменовалось для Суворова неожиданной катастрофой: онъ навлекъ на себя неудовольствіе государя и въ 1797 году былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ свое новгородское имѣніе Кончанское, гдѣ къ нему былъ приставленъ особый чиновникъ, которому было приказано доносить о всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ Суворова прямо генералъ-прокурору, князю Куракину. По обыкновенію, едва разразилась гроза, свергнувшая знаменитаго полководца съ высоты его положенія въ состояніе опальнаго, начали возникать разныя жалобы, иски, кляузы. Все это охотно принималось государемъ и безъ всякихъ разбирательствъ рѣшалось въ ущербъ и униженіе Суворова. Этими обстоятельствами надумала воспользоваться и Варвара Ивановна. Въ октябрѣ она послала въ Кончанское съ нарочнымъ слѣдующее письмо къ мужу:

«Милостивый государь мой графъ
«Александръ Васильевичъ!

«Крайность моя принудила безпокоить васъ моею просьбою. Тринадцать лѣтъ я васъ ничѣмъ не безпокоила, воспитывала нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала ему почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства, которыми онъ

обязанъ родителямъ, надѣясь, что Богъ столь милосердъ, преклонитъ ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; вы, видя дѣтей, да и дѣтей вашихъ, вспомните и несчастную ихъ мать, въ какомъ она недостаткѣ, получая въ разные годы и разную малую пенсію, воспитывала сына, вошла въ долгъ до 22,000 рублей, объ которыхъ прошу сдѣлать милость заплатить. Не имѣя дома, экипажа, услуги и къ тому принадлежащее къ домашней всей генеральной надобности, живу у брата и у благодѣтеля и отца моего, который подкрѣпляетъ мою жизнь своими благодѣяніями и добродѣтелями. Но уже, милостивый государь мой, пора мнѣ оставить его отъ оной тягости съ покоемъ, ибо онъ человѣкъ должной, хотя я и виду отъ него не имѣю никакого противнаго, однако, чувствую сама, каково долгъ имѣть на себѣ. А государю императору угодно, чтобы всѣ долги платили, то братъ мой и продаетъ свой домъ, и такъ разсуди милостиво при дряхлости и старости, каково мнѣ прискорбно, не имѣвъ себѣ пристанища вѣрнаго, и скитаться по чужимъ угламъ; войдите, милостивый государь мой, въ мое состояніе, не оставьте мою просьбу, снабдите всѣмъ вышеписаннымъ моимъ прошеніемъ. Еще скажу вамъ, милостивый государь, развяжите мою душу, прикажите дочери нашей меня несчастную мать знать, какъ Богомъ узаконено, въ чемъ надѣюсь, что великодушно поступите во всемъ моемъ прошеніи, о чемъ я всеискренно прошу васъ, милостивый государь мой, остаюсь въ надеждѣ неоставленія твоей ко мнѣ милости.

«Милостивый государь мой, всепокорная жена ваша
«графиня Варвара Суворова-Рымникская».

Суворовъ не принялъ посланнаго и отправилъ его обратно съ словеснымъ отвѣтомъ, что «онъ самъ долженъ, а посему и не можетъ ей помочь, а впредь будетъ стараться». Приставленный къ Суворову для надзора коллежскій асессоръ Николевъ, узнавъ отъ посланнаго графини о содержаніи ея письма къ мужу и его отвѣтъ, донесъ объ этомъ князю Куракину, который, въ свою очередь, доложилъ императору Павлу и получилъ повелѣніе «сообщить графинѣ Суворовой, что она можетъ требовать съ мужа по законамъ». Варвара Ивановна отвѣтила Куракину, что не знаетъ, куда подать прошеніе, что нужды ея состоятъ не въ одномъ долгѣ въ 22.000 рублей, но и въ томъ, что она не имѣетъ собственнаго дома и ничего потребнаго для содержанія себя, и что, наконецъ, она была бы совершенно счастлива и благоденственно проводила бы остатки дней своихъ, если бы могла жить въ домѣ своего мужа съ 8.000

рублей годового дохода. Государь потребовалъ справку объ имѣніяхъ Суворова. Оказалось, что у него каменный домъ въ Москвѣ, 9.080 душъ крестьянъ, съ которыхъ онъ получаетъ 50.000 въ годъ оброку, и на 100.000 рублей пожалованныхъ алмазныхъ вещей. 26 ноября, высочайше повелѣно объявить Суворову, чтобы онъ исполнилъ желаніе жены. Повелѣніе это было сообщено ему Николевымъ 6 января 1798 года, и онъ тотчасъ вручилъ ему для отсылки своему зятю, графу Н. А. Зубову, записку слѣдующаго содержанія:

«Г. коллежскій асессоръ Ю. А. Николевъ, чрезъ князя Куракина, мнѣ высочайшую волю объявилъ, по силѣ сего графинѣ В. И. прикажите отдать для пребыванія домъ и ежегодно отпускать ей 8.000 рублей, на что примите ваши мѣры. Я вѣдаю, что графиня В. И. много должна; мнѣ сіе постороннее»[1]).

Варвара Ивановна благодарила Куракина письмомъ, но выражала опасеніе, что московскій домъ не скоро будетъ очищенъ, такъ какъ мужемъ отданъ внаймы пріятелю его Скрипицыну. Куракинъ успокоивалъ ее, ссылаясь на то, что Суворову дано высочайшее повелѣніе. Она отвѣтила, что на мужа положиться не можетъ, ибо «вслѣдствіе вліянія на него близкихъ лицъ, мнѣ лицедѣйствующихъ, можно ждать ежевременно перемѣны», и напоминала о своей просьбѣ насчетъ уплаты 22.000 рублей долга. Куракинъ подтвердилъ графу Зубову о передачѣ Суворовой московскаго дома, а ей сообщилъ, что объ уплатѣ долга надлежитъ просить установленнымъ законнымъ путемъ. Варвара Ивановна получила и домъ, и 8.000 рублей пенсіи, но отъ уплаты ея долговъ Суворовъ рѣшительно отказался[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поспѣшилъ составить духовное завѣщаніе, которымъ отдавалъ всѣ родовыя отцовскія и за службу пожалованныя деревни, а также московскій домъ и высочайше пожалованныя вещи и брильянты сыну, а купленныя имъ деревни и собственные брильянты дочери.

Достигнувъ наконецъ матеріальной обезпеченности, тихо и одиноко приближалась жена Суворова къ старости; но лучи славы, которыми все ярче и ярче озарялось имя ея мужа, отражались и въ ея московскомъ уединеніи.

Посланный въ 1798 году прямо изъ ссылки «спасать царей», Суворовъ прогремѣлъ на всю Европу своими знаменитыми побѣ-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 962. См. также статью П. Мартьянова «Суворовъ въ ссылкѣ» въ «Историч. Вѣстникѣ» 1884 г., октябрь, стр. 158.

[2]) «Генералиссимусъ Суворовъ», часть 2, стр. 379.

дами въ Италіи и Швейцаріи, и въ 1799 году Варвара Ивановна сдѣлалась «княгиней Италійской». Отчужденіе ея отъ мужа продолжалось до самой его кончины, послѣдовавшей 6 мая 1800 года; даже на смертномъ одрѣ онъ ни разу не вспомнилъ о ней.

При восшествіи на престолъ императора Александра I Варвара Ивановна рѣшилась напомнить о себѣ и написала государю поздравительное письмо:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Во всеобщей вѣрноподданныхъ радости, каковое вожделѣнное вашего императорскаго величества на прародительскій наслѣдственный престолъ восшествіе наполняетъ ихъ сердца, и я, вдова, съ дѣтьми моими, дерзаю припасть къ освященнымъ стопамъ всеавгустѣйшаго монарха и повергнуть себя съ ними въ высочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ, пребываю, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая, покойнаго генералиссимуса жена, княгиня Варвара Италійская, графиня князя Иванова дочь, Суворова-Рымникская».

Александръ тотчасъ же отвѣтилъ ей весьма любезнымъ письмомъ:

«Княгиня Варвара Ивановна!

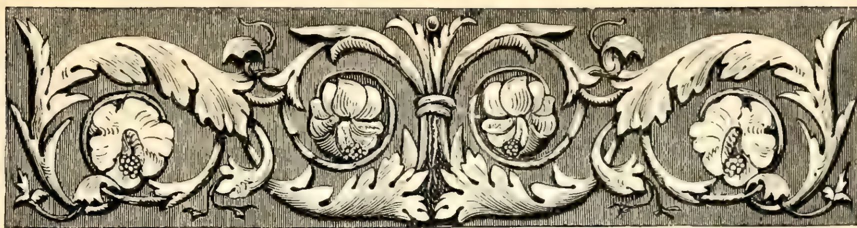
«Примите истинную признательность мою за поздравленіе, отъ васъ мнѣ принесенное. Служба и подвиги супруга вашего, на пользу отечеству подъятые, даютъ вамъ полное право на особенное вниманіе; симъ считаю себя обязаннымъ памяти его никогда не забвенной и собственнымъ вашимъ чувствамъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный Александръ»[1]).

Государь не одними только словами выразилъ свое почитаніе памяти Суворова и благоволеніе къ его вдовѣ. Въ день коронаціи, 15 сентября 1801 года, княгиня Варвара Ивановна была пожалована статсъ-дамой и одновременно получила орденъ св. Екатерины 1-й степени[2]).

Но почетъ и благоволеніе молодого монарха пришли слишкомъ поздно. Перенесенныя ею тяжелыя испытанія надломили ея здоровье, которое ничто уже не могло возстановить. Медленно угасая, она скончалась 8 мая 1806 года и погребена въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ.

---

[1]) Письма эти напечатаны въ «Русскомъ архивѣ», 1866 г., стр. 966.
[2]) Гофмейстерины, статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора. Карабанова. Спб. 1872 г., стр. 40.

Пѣвица Габріелли.

Рѣдкая изъ пѣвицъ пользовалась въ свое время такою громкою извѣстностью, какъ Катерина Габріелли. Замѣчательная женщина эта принадлежала къ числу тѣхъ эксцентрическихъ и нынѣ уже исчезнувшихъ личностей, которыя вносили въ свою частную жизнь лихорадочныя ощущенія сцены. Въ Габріелли все было оригинально: талантъ, наружность, характеръ. Жизнь ея, полная самыхъ разнообразныхъ приключеній, послужила канвой для множества повестей и романовъ, до сихъ поръ еще читаемыхъ съ любопытствомъ въ Италіи.

Катерина Габріелли родилась въ Римѣ, въ 1730 году. Способности ея къ музыкѣ и страсть къ пѣнію обнаруживались съ самаго дѣтства. Отецъ Катерины служилъ поваромъ у князя Габріелли; не имѣя достаточныхъ средствъ для того, чтобы развить счастливый талантъ дочери, онъ лишь изрѣдка могъ оставлять свой колпакъ и передникъ и ходить съ нею въ оперу. Молодая дѣвочка быстро угадывала лучшія мѣста лирическихъ композицій, которыя производили на нее такое сильное впечатлѣніе, что ей стоило прослушать ихъ только одинъ разъ, чтобы потомъ передать съ необыкновенной вѣрностью, изяществомъ и выраженіемъ, полнымъ прелести.

Случайное обстоятельство неожиданно измѣнило судьбу Катерины и открыло передъ ней самую блестящую будущность. Однажды князь Габріелли, гуляя по саду своей виллы, услышалъ молодую

дѣвушку, пѣвшую довольно трудную арію изъ тогдашней любимой оперы «Сынъ лѣсовъ» Тиграна. Князь былъ пораженъ звучностью и чистотой голоса пѣвицы.

— Кто это поетъ? спросилъ онъ съ невольнымъ изумленіемъ у сопровождавшаго его садовника.

— Дочь повара вашего сіятельства, отвѣчалъ послѣдній.

— Можетъ ли это быть?

— Вашему сіятельству легко провѣрить мои слова.

— Который ей годъ?

— Четырнадцать лѣтъ.

— Что она—недурна собой?

— По-моему, очень хороша.

— Въ такомъ случаѣ мой поваръ обладаетъ замѣчательнымъ сокровищемъ. Сходи и позови ее ко мнѣ.

Садовникъ поспѣшилъ исполнить приказаніе князя. Катерина оказалась, дѣйствительно, прехорошенькою дѣвушкой. Блѣдное и худое лицо ея было необыкновенно миловидно и подвижно; большіе черные глаза, полузакрытые длинными рѣсницами, выражали умъ и энергію; маленькій ротъ, съ котораго почти не сходила улыбка, и носъ, немного приподнятый кверху, придавали ей видъ беззаботности и легкомыслія; она была высока и стройна и держала себя развязно и съ нѣкоторымъ достоинствомъ; во всей фигурѣ ея проглядывала какая-то странная смѣсь нѣжности и силы, упрямства и слабости. Красивая наружность Катерины, ея рѣдкія способности и обширный голосъ побудили князя Габріелли серьезно заняться музыкальнымъ образованіемъ молодой дѣвушки. Онъ отдалъ ее въ школу къ славнѣйшему въ то время учителю пѣнія—Порпорѣ. Катерина въ самое короткое время оказала удивительно быстрые успѣхи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она могла уже пѣть въ публичномъ концертѣ и такъ восхитила слушателей своимъ талантомъ, что весь Римъ заговорилъ о «молодой поварихѣ князя Габріелли». Съ тѣхъ поръ фамилія князя навсегда осталась за нею, и намъ неизвѣстно, чтобы она когда-нибудь называлась другимъ именемъ.

Семнадцати лѣтъ Габріелли дебютировала въ качествѣ примадонны на луккскомъ театрѣ въ оперѣ Галуппи «Софонизба». Дебютъ ея былъ изъ самымъ блистательныхъ. Гваданьи, тогдашній замѣчательный «сопранистъ», нашелъ въ голосѣ молодой пѣвицы столько достоинствъ, что вызвался добровольно заняться его дальнѣйшей обработкой. Превосходная метода этого артиста дала новый толчокъ таланту Габріелли. Въ 1750 году, она появилась на неаполитанской сценѣ въ «Дидонѣ» Метастазіо. Ея громадный и сим-

патическій голосъ произвелъ на публику потрясающее дѣйствіе. Пѣвица была достойнымъ образомъ награждена нескончаемыми аплодисментами, вызовами, цвѣтами, подарками, сонетами и проч. Съ этого времени слава Габріелли была упрочена; имя ея сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Вскорѣ она получила приглашеніе пріѣхать въ Вѣну, гдѣ императоръ Францъ I пожаловалъ ей титулъ придворной пѣвицы. Здѣсь она пользовалась совѣтами знаменитаго Метастазіо, который выучилъ ее лирической декламаціи и посвятилъ въ тайны сценическаго искусства.

Разные хроникеры приписываютъ Габріелли множество самыхъ романическихъ приключеній и анекдотовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ. Изъ всего этого не подлежитъ сомнѣнію только то, что талантъ и красота пѣвицы доставили ей расположеніе нѣсколькихъ важныхъ лицъ, относительно которыхъ она держала себя съ необыкновенной безцеремонностью и пренебреженіемъ. Габріелли заставляла иногда своихъ поклонниковъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ передней въ ожиданіи ея выхода, давала имъ самыя странныя порученія, въ глаза насмѣхалась надъ ними и обманывала ихъ на каждомъ шагу. Впрочемъ, любовники не всегда равнодушно покорялись ея капризамъ. Однажды, секретарь французскаго посольства въ Вѣнѣ, графъ Морвилль, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ пѣвицѣ, узналъ, что она секретно принимаетъ къ себѣ португальскаго посланника. Желая удостовѣриться въ справедливости своихъ подозрѣній, Морвилль прибѣгнулъ къ способу, правда, не совсѣмъ благородному, но зато почти всегда удающемуся. Онъ спрятался за альковомъ въ спальнѣ Габріелли и имѣлъ терпѣніе стоять неподвижно во все время, какъ она расточала пламенныя ласки его сопернику. Когда послѣдній удалился, оскорбленный французъ выскочилъ изъ засады и въ порывѣ гнѣва и ревности обнажилъ шпагу и хотѣлъ заколоть свою возлюбленную; къ счастію, на ней былъ надѣтъ въ эту минуту корсетъ: лезвіе стали, встрѣтивъ сопротивленіе, согнулось и причинило пѣвицѣ только легкую рану. Увидя кровь и испугъ Габріелли, несчастный любовникъ опомнился, упалъ на колѣни и просилъ прощенія. Габріелли согласилась забыть обиду, но съ условіемъ чтобы Морвилль подарилъ ей свою шпагу. Не подозрѣвая въ этомъ никакого дурного умысла, онъ, разумѣется, поспѣшилъ исполнить требованіе. Тогда пѣвица велѣла сдѣлать на ножнахъ шпаги слѣдующую надпись: «Шпага графа Морвилля, который осмѣлился обнажить ее противъ Габріелли», и повѣсила оружіе неосторожнаго француза въ видѣ

трофея въ своей пріемной комнатѣ. Пристыженному Морвиллю стоило не мало хлопотъ достать обратно свою шпагу.

Габріелли собрала въ Вѣнѣ огромныя суммы денегъ. Нѣмцы сильно пристрастились къ ея пѣнію, и самъ императоръ пріѣзжалъ въ театръ только тогда, когда она пѣла. Намѣреніе пѣвицы возвратиться въ Италію возбудило всеобщее сожалѣніе. Депутація, составленная изъ молодыхъ людей лучшихъ фамилій, явилась къ ней съ просьбой не покидать Вѣны еще нѣсколько времени; но Габріелли, уже давно скучавшая по родинѣ, отвѣчала положительнымъ отказомъ.

Въ 1765 году, она отправилась въ Палермо и прожила тамъ около двухъ лѣтъ, несмотря на то, что ея капризы и странности часто оскорбляли публику. Какъ-то разъ вице-король, желая почтить талантъ пѣвицы, сдѣлалъ въ честь ея торжественный обѣдъ, на который были приглашены только самыя почетныя лица въ городѣ. Всѣ приглашенные собрались во дворецъ къ назначенному времени за исключеніемъ лишь одной Габріелли. Прождавъ ее напрасно около часа, вице-король въ нетерпѣніи послалъ за ней своего секретаря. Послѣдній нашелъ пѣвицу спокойно отдыхающей въ постели съ книгой въ рукѣ. Она, смѣясь, объяснила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой и потому не можетъ ѣхать на обѣдъ. Всѣ старанія секретаря убѣдить капризную артистку не оскорблять вице-короля остались безуспѣшными; Габріелли закуталась съ головой въ одѣяло и не хотѣла ничего слушать. Въ тотъ же вечеръ она пѣла въ оперѣ. Публика, которой уже была извѣстна выходка пѣвицы, встрѣтила ее довольно холодно. Габріелли обидѣлась и начала пѣть вполголоса, съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Такая дерзость окончательно разсердила вице-короля; онъ приказалъ сказать артисткѣ, что если она не перестанетъ насмѣхаться надъ публикой, то будетъ отправлена въ тюрьму. Габріелли отвѣчала, что ее можно заставить плакать, но не пѣть. Тогда вице-король велѣлъ тотчасъ же опустить занавѣсъ и отвести пѣвицу въ городской замокъ, поручивъ, впрочемъ, коменданту обращаться съ нею со всевозможнымъ вниманіемъ и вѣжливостью. Въ теченіе двѣнадцатидневнаго заключенія своего Габріелли вела безумно-роскошную жизнь, давала великолѣпные ужины, разсыпала вокругъ себя щедрую милостыню, заплатила долги многихъ арестантовъ, каждый вечеръ пѣла имъ избранныя мѣста изъ оперъ и такъ очаровала своихъ тюремныхъ товарищей, что даже тѣ изъ нихъ, которыхъ она выкупила, не захотѣли прежде нея оставлять тюрьмы. Между тѣмъ, палермское общество, лишенное лучшаго украшенія

своей оперы, скоро соскучилось по пѣвицѣ и настоятельно требовало у вице-короля ея освобожденія; когда онъ согласился на это, многочисленная толпа поклонниковъ артистки окружила замокъ и, дождавшись выхода Габріелли, съ тріумфомъ на рукахъ отнесла ее домой.

Значительно увеличивъ свое состояніе палермскими деньгами, Габріелли отправилась въ 1767 году въ Парму. Въ это время талантъ и красота пѣвицы достигли высшей степени своего развитія. Въ Пармѣ ей неожиданно пришлось испытать самыя оригинальныя и романическія непріятности. При первомъ же появленіи ея на сценѣ инфантъ пармскій Филиппъ почувствовалъ къ пѣвицѣ такую непреодолимую и пламенную любовь, которая заставила опасаться за его разсудокъ. Подчиняясь страсти къ деньгамъ, Габріелли отдалась Филиппу и была достойно наказана за это. Одаренный отъ природы характеромъ мрачнымъ, нелюдимымъ и ревнивымъ, инфантъ держалъ свою возлюбленную взаперти у себя во дворцѣ, не отпускалъ ее никуда, кромѣ театра; не позволялъ ей ни съ кѣмъ видѣться и страшно надоѣдалъ ей своими подозрѣніями и ласками. Среди постоянныхъ ссоръ, возбуждаемыхъ насиліями Филиппа, Габріелли оставалась все тою же упрямой и своенравной женщиной: она изобрѣтала всевозможныя средства, чтобы еще болѣе усилить недовѣріе, ревность и гнѣвъ своего любовника, и отвѣчала на его страсть лишь одними сарказмами и оскорбительными насмѣшками. Филиппъ былъ очень некрасивъ собой и страдалъ многими тѣлесными недостатками, изъ которыхъ особенно ярко выдавалась его уродливая горбатость, вслѣдствіе чего Габріелли не называла его иначе, какъ «gobbo maladetto« (проклятый горбунъ)—имя, перешедшее вмѣстѣ съ нимъ въ исторію. Подобное обращеніе и поступки Габріелли нерѣдко доводили Филиппа до бѣшенства, но, впрочемъ, къ чести его нужно сказать, что въ порывѣ своего гнѣва онъ никогда не доходилъ до жестокости. Какъ-то разъ въ припадкѣ ревности онъ отправилъ свою возлюбленную въ тюрьму, позаботившись, однако, прежде превратить сырой и холодный казематъ въ покой, полный роскоши и удобствъ. Пѣвица была окружена здѣсь многочисленною и почтительною прислугой, которая безпрекословно исполняла малѣйшія ея желанія и прихоти; столъ и вино отпускались ей изъ дворца; избранная библіотека и нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ давали узницѣ средства къ развлеченію. Черезъ недѣлю инфантъ явился къ ней съ визитомъ; Габріелли встрѣтила его потокомъ ругательствъ и проклятій, и не прежде согласилась примириться съ нимъ, какъ заставивъ его пла-

кать у своихъ ногъ и купить себѣ прощеніе драгоцѣннымъ подаркомъ въ нѣсколько тысячъ лиръ. Находя, наконецъ, неудобнымъ продолжать связь съ человѣкомъ, который постоянно преслѣдовалъ и стѣснялъ ее своею ревностью, Габріелли въ 1768 году убѣжала изъ Пармы. Директоръ одного изъ лондонскихъ театровъ поспѣшилъ сдѣлать ей весьма выгодныя предложенія; но пѣвица не захотѣла ѣхать въ Англію.

— Тамъ, отвѣчала она,—если мнѣ придетъ фантазія отказаться пѣть, то публика убьетъ меня. Я предпочитаю лучше жить въ покоѣ, подчиняясь лишь однѣмъ моимъ прихотямъ.

Слыша много разсказовъ о щедрости русскихъ, Габріелли рѣшилась отправиться въ Россію, куда ее давно уже звалъ композиторъ Траэтто, завѣдывавшій въ то время петербургскою итальянской оперой.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ Габріелли дебютировала на придворной сценѣ въ небольшой лирической драмѣ Траэтто «Необитаемый островъ», и, по обыкновенію, очаровала слушателей. Императрица приказала немедленно представить себѣ артистку и предложила ей остаться въ Петербургѣ на цѣлый сезонъ. Габріелли, разумѣется, согласилась, но запросила за это десять тысячъ рублей.

— Подобное жалованье у меня получаютъ только фельдмаршалы, съ улыбкой сказала ей императрица.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала артистка,—ваше величество можете заставить пѣть своихъ фельдмаршаловъ.

Къ счастію Габріелли, императрица была въ хорошемъ расположеніи духа и потому оставила эту дерзость безъ вниманія. Она предоставила пѣвицѣ на выборъ: или получать семь тысячъ, или ѣхать обратно въ Италію.

Подумавъ, Габріелли весьма благоразумно предпочла первое. О пребываніи Габріелли въ Петербургѣ сохранилось немного свѣдѣній; мы знаемъ только, что она съ успѣхомъ пѣла почти во всѣхъ операхъ, дававшихся тогда на придворномъ театрѣ, была любима публикой и умѣла ловко обирать своихъ поклонниковъ. Главнѣйшимъ изъ нихъ былъ директоръ театровъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, человѣкъ умный, образованный, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Екатерины, но страшный волокита. Онъ до такой степени влюбился въ Габріелли, что она дѣлала изъ него все, что хотѣла. Однажды, желая подурачиться надъ нимъ, Габріелли пристала, чтобы онъ протанцовалъ съ нею вальсъ. Толстый и неуклюжій Елагинъ сталъ было отговариваться, но пѣвица не хотѣла ничего

слушать и, схвативъ его, начала вертѣть по залѣ; Елагинъ неосторожно споткнулся, упалъ и такъ сильно повредилъ себѣ ногу, что долгое время не могъ ступать на нее. Императрица, узнавъ объ этомъ, разрѣшила ему имѣть при себѣ трость и даже позволяла, когда онъ являлся во дворецъ, садиться въ своемъ присутствіи. Спустя нѣсколько времени, въ Петербургъ пріѣхалъ послѣ одной блистательной побѣды раненый Суворовъ. Все готовилось встрѣтить знаменитаго полководца, и во дворцѣ былъ назначенъ парадный выходъ. Сановники ожидали Суворова, чтобы отдать ему должныя почести; сама государыня вышла къ нему навстрѣчу; одинъ Елагинъ въ пріемной залѣ остался сидящимъ въ креслѣ и не тронулся съ мѣста. Суворовъ, проходя мимо, съ удивленіемъ окинулъ его взглядомъ. Государыня, замѣтивъ это, сказала графу:

— Извини, Александръ Васильевичъ, Ивана Перфильевича: онъ также получилъ рану, но не въ сраженіи, а у Габріелли, выдѣлывая pà [1]).

Продѣлка съ Елагинымъ не прошла, однакожъ, безнаказанно для Габріелли. Императрица приказала выслать ее за границу, выдавъ ей сполна все жалованье по условію.

По отъѣздѣ своемъ изъ Россіи Габріелли продолжала съ блестящимъ успѣхомъ пѣть на разныхъ европейскихъ театрахъ. Голосъ пѣвицы, несмотря на приближавшуюся старость и неумѣренный образъ ея жизни, все еще сохранялъ свою свѣжесть, чистоту и силу. Въ Венеціи ей пришлось пѣть вмѣстѣ съ замѣчательнымъ пѣвцомъ того времени Паччіяротти. Послѣ первой же ея аріи онъ въ отчаяніи убѣжалъ со сцены, опасаясь черезъ сравненіе съ нею навсегда потерять свою артистическую репутацію. Слава Габріелли начала меркнуть только въ 1780 году, когда ей было уже пятьдесятъ лѣтъ. Убѣдившись въ томъ, что талантъ и голосъ ея клонятся къ упадку, она имѣла благоразуміе во-время оставить сцену и поселилась въ своей родинѣ—Римѣ. Громадныя средства Габріелли позволяли ей окружить себя самою изысканною роскошью и великолѣпіемъ; она не выѣзжала иначе, какъ въ золоченой каретѣ, въ сопровожденіи цѣлой толпы курьеровъ и верховыхъ лакеевъ; наряды ея поражали всегда своимъ богатствомъ и оригиналь-

---

[1]) Араповъ въ своей «Лѣтописи русскаго театра», приводя этотъ анекдотъ, говоритъ, что Елагинъ повредилъ себѣ ногу у какой-то танцовщицы; но авторъ «Anecdotes interessantes de la cour de Russie», очевидецъ событій Екатерининскаго времени, утверждаетъ положительно, что это случилось у Габріелли.

ностью; домъ ея, похожій на дворецъ владѣтельнаго князя, сдѣлался любимымъ мѣстомъ собранія римской молодежи, среди которой Габріелли разыгрывала роль театральной герцогини; желая сдѣлать имя свое еще болѣе популярнымъ въ Италіи, она щедро благодѣтельствовала бѣднымъ и часто устроивала въ пользу ихъ блестящіе праздники и концерты, никогда, впрочемъ, не принимая участія въ послѣднихъ. Габріелли скончалась въ 1795 году отъ простуды.

Аристократка Александровскаго времени.

Ъ НАЧАЛѢ царствованія императора Павла однимъ изъ вліятельныхъ людей и фаворитовъ государя сдѣлался Николай Петровичъ Архаровъ. Онъ происходилъ изъ незнатнаго дворянскаго рода, началъ службу въ Преображенскомъ полку, а затѣмъ перешелъ въ полицію, скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ ловкій и энергичный полицейскій сыщикъ, и при Екатеринѣ II послѣдовательно занималъ должности московскаго оберъ-полицеймейстера, московскаго губернатора и намѣстника новгородскаго и тверского. Императоръ Павелъ, особенно благоволившій къ Архарову, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ въ 1796 году вызвалъ его въ Петербургъ, произвелъ въ генералы-отъ-инфантеріи, пожаловалъ ему андреевскую ленту и двѣ тысячи душъ крестьянъ и повелѣлъ быть вторымъ послѣ наслѣдника цесаревича Александра Павловича петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Назначая его на эту должность, государь на выходѣ подошелъ къ Архарову и, трепля его по плечу, сказалъ:

— Николай Петровичъ! вы, сударь, барабаньте мнѣ правду, какъ я теперь барабаню васъ по плечу.

Дѣятельный, вкрадчивый, скрытный, лицемѣръ со всѣми пріемами искренности, Архаровъ искусно пользовался всякими средствами, чтобы увѣрить государя въ своей преданности и необходимости. Зная подозрительность Павла и его боязнь заговоровъ, онъ ста-

рался, съ одной стороны, держать его въ постоянномъ безпокойствѣ своими доносами, а съ другой—успокоивалъ его, выставляя на видъ свою прозорливость и распорядительность. Поддѣлываясь подъ характеръ государя, Архаровъ мгновенно исполнялъ всѣ его капризы, самовольно усиливая значеніе и смыслъ его распоряженій, и своею придирчивостью и неумолимой строгостью возбуждалъ противъ себя негодованіе петербургскихъ жителей.

Выдвинувшись самъ, Архаровъ позаботился выдвинуть и родного брата своего, Ивана Петровича, который, однако, очень мало походилъ на него. Въ противоположность брату, Иванъ Петровичъ отличался добротой, мягкостью и рѣдкимъ радушіемъ и любезностью. Онъ также началъ службу въ Преображенскомъ полку, состоялъ при графѣ Орловѣ-Чесменскомъ во время Морейской экспедиціи, участвовалъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта и въ въ концѣ царствованія Екатерины былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Женившись на богатой дѣвушкѣ, Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой, Иванъ Петровичъ занялся исключительно приведеніемъ въ порядокъ ея обширныхъ имѣній. Императоръ Павелъ, считая порядокъ въ Петербургѣ вполнѣ обезпеченнымъ подъ бдительнымъ надзоромъ Николая Петровича Архарова, пожелалъ имѣть такого же надежнаго человѣка и въ Москвѣ. Въ разговорѣ объ этомъ съ государемъ Архаровъ очень ловко указалъ на своего брата. Иванъ Петровичъ былъ немедленно потребованъ къ Павлу, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, пожалованъ орденомъ св. Анны первой степени и тысячью душъ крестьянъ и назначенъ въ помощь престарѣлому князю Юрію Владимировичу Долгорукову вторымъ московскимъ военнымъ губернаторомъ. Благодаря государя за назначеніе, Архаровъ рѣшился сказать, что, живя много лѣтъ въ деревнѣ, онъ отвыкъ отъ всего военнаго и боится, что въ этомъ отношеніи не угодитъ его величеству.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ Павелъ:—я тебѣ дамъ человѣка, который въ томъ тебѣ будетъ помогать.

На другой день московскимъ плацъ-майоромъ былъ назначенъ старикъ-полковникъ, пруссакъ Гессе, который вмѣстѣ съ Архаровымъ отправился въ Москву и сдѣлался неразлучнымъ его спутникомъ на всѣхъ парадахъ, разводахъ и ученьяхъ, такъ что москвичи его прозвали «дядькой» новаго губернатора. При содѣйствіи этого Гессе Архаровъ сформировалъ изъ восьми гарнизонныхъ батальоновъ пѣхотный полкъ, получившій названіе Архаровскаго и прославившійся такой суровой дисциплиной, что имя «архаровецъ» сдѣлалось нарицательнымъ.

Архаровъ зажилъ въ Москвѣ большимъ бариномъ. Домъ его на Пречистенкѣ былъ открытъ для всѣхъ знакомыхъ и утромъ, и вечеромъ. Каждый день у нихъ обѣдало не менѣе сорока человѣкъ, а по воскресеньямъ давались балы, на которые собиралось все лучшее московское общество; на обширномъ дворѣ, какъ ни былъ онъ великъ, иногда не умѣщались экипажи съѣзжавшихся гостей. Широкое гостепріимство скоро сдѣлало домъ Архаровыхъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Москвѣ, чему особенно способствовала жена Ивана Петровича. Отличаясь умомъ и красотой, она умѣла держать себя въ обществѣ съ большимъ достоинствомъ и тактомъ. Въ ея голубыхъ глазахъ и во всей фигурѣ выражались сознаніе своего достоинства и непоколебимая воля. Въ обращеніи со всѣми она была чрезвычайно привѣтлива и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне сдержанна; лишь изрѣдка по ласковымъ чертамъ ея лица мелькали легкія вспышки, свидѣтельствовавшія, что она принимаетъ живое участіе во всемъ, что происходитъ около нея. Она вела хозяйство въ образцовомъ порядкѣ и придавала всему видъ простоты и патріархальности; такъ, напримѣръ, у Архаровыхъ строго соблюдался обычай, что въ день св. Пасхи, по возвращеніи изъ церкви, за приготовленные столы садилась сперва прислуга, которой было слишкомъ 60 человѣкъ, и господа угощали ее, христосовались со всѣми, а затѣмъ уже сами разговлялись. Иванъ Петровичъ встрѣчалъ своихъ посѣтителей съ такимъ искреннимъ радушіемъ, что каждый изъ нихъ могъ считать себя самымъ желаннымъ для него человѣкомъ. Особенно почетныхъ и любимыхъ гостей онъ заключалъ въ объятія, приговаривая: «Чѣмъ угостить мнѣ дорогого гостя? Прикажи только, и я зажарю для тебя любую дочь мою!» Всегда веселый, Архаровъ любилъ потѣшать своихъ пріятелей разными прибаутками. Такъ, когда за обѣдомъ подавали пиво, предпочитаемое имъ другимъ напиткамъ, онъ, наливъ стаканъ, неизмѣнно обращался къ нему съ слѣдующимъ присловіемъ:

»Пивушка?—Ась, милушка?
— Покатись въ мое горлышко.
— Изволь, мое солнышко».

Объ административной дѣятельности Архарова не имѣется свѣдѣній, такъ какъ второй военный губернаторъ Москвы былъ, въ сущности, лишь оберъ-полицеймейстеромъ. Сохранился только въ запискахъ генералъ-адъютанта императора Павла Кутлубицкаго разсказъ о ссорѣ Архарова съ княземъ Ю. В. Долгоруковымъ по слѣдующему поводу.

Однажды, во время съѣзда въ дворцовую церковь къ обѣднѣ, государь, смотрѣвшій въ окно, замѣтилъ очень красивыхъ лошадей и спросилъ, чьи онѣ. Ему доложили, что это лошади графа Румянцева.

— Жаль,—сказалъ Павелъ:—что онѣ не въ нѣмецкой упряжи; онѣ были бы еще красивѣе.

Присутствовавшій при этомъ Николай Петровичъ Архаровъ, думая угодить государю, велѣлъ отобрать у всѣхъ жителей Петербурга подписки, чтобы никто изъ нихъ не ѣздилъ иначе, какъ въ нѣмецкой упряжи, и немедленно далъ знать объ этомъ своему брату, который, въ свою очередь, обязалъ такими же подписками жителей Москвы, не предупредивъ о томъ перваго генералъ-губернатора князя Долгорукова. Старикъ обидѣлся и написалъ государю жалобу, при чемъ высказалъ, что распоряженіе Архарова возбудило въ москвичахъ сильное неудовольствіе. Прочитавъ письмо, Павелъ тотчасъ же послалъ въ Москву Кутлубицкаго съ приказаніемъ, чтобы Архаровъ просилъ прощенія у Долгорукова, поручивъ арестовать перваго и посадить подъ Ивановскую колокольню, если онъ не примирится съ княземъ. Эта ссора очень обезпокоила Павла, потому что она случилась передъ самой коронаціей, и онъ заботился, чтобы къ этому времени въ Москвѣ все было мирно и спокойно.

— Смотри, прибавилъ онъ, отправляя Кутлубицкаго: — чтобы одна твоя нога была здѣсь, а другая въ Москвѣ. Вся Россія собирается въ Москву къ моей коронаціи, а они всѣхъ заставляютъ передѣлывать упряжь.

Кутлубицкій, нигдѣ не останавливаясь ни на минуту, прискакалъ прямо къ Долгорукову. Узнавъ, что онъ отдыхаетъ, не приказалъ его будить, а послалъ за Архаровымъ, разсказалъ ему о причинѣ своей посылки и объяснилъ необходимость примиренія съ княземъ. Между тѣмъ Долгоруковъ проснулся, выслушалъ царскаго посланца, простилъ Архарова, поцѣловался съ нимъ по просьбѣ Кутлубицкаго, который требовалъ этого, чтобы ему можно было донести объ искреннемъ ихъ примиреніи; кромѣ того, Кутлубицкій попросилъ князя разорвать привезенную имъ съ собою жалобу его государю. Устроивъ дѣло, Кутлубицкій наскоро закусилъ и поскакалъ обратно въ Петербургъ, куда онъ пріѣхалъ послѣ четырехдневнаго отсутствія поздно вечеромъ, когда государь уже ложился спать. Несмотря на это, онъ былъ тотчасъ же принятъ. Донесеніе Кутлубицкаго чрезвычайно обрадовало Павла; онъ сказалъ, что ждалъ его съ нетерпѣніемъ, и при этомъ самъ надѣлъ

Кутлубицкому на шею аннинскій крестъ. До какой степени внезапная посылка Кутлубицкаго интересовала всѣхъ, можно судить изъ того, что едва онъ вышелъ изъ кабинета государя, какъ къ нему подбѣжалъ камеръ-лакей и объявилъ, что цесаревичъ Александръ Павловичъ проситъ его, несмотря на поздній часъ, безотла-

Иванъ Петровичъ Архаровъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Васильчикову).

гательно пожаловать къ нему. Кутлубицкій поспѣшилъ къ цесаревичу. По его словамъ, въ первой комнатѣ горѣла свѣча и сидѣла штатсъ-дама, другія комнаты были темны, и только въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ, теплилась передъ образомъ лампада. Узнавъ о приходѣ Кутлубицкаго, наслѣдникъ позвалъ его къ себѣ. Александръ Павловичъ попросилъ Кутлубицкаго сѣсть и разска-

зать ему, зачѣмъ онъ былъ посланъ въ Москву, что тотъ и исполнилъ, взявъ, однако, съ наслѣдника слово, что разговоръ ихъ останется тайной.

Иванъ Петровичъ Архаровъ губернаторствовалъ въ Москвѣ два года. Москвичи были имъ довольны, и онъ самъ не желалъ лучшаго для себя положенія, какъ вдругъ, опять-таки по винѣ брата, его служебная карьера порвалась неожиданнымъ, но обычнымъ въ Павловское время образомъ.

Послѣ коронаціи императоръ Павелъ, отправивъ супругу и дѣтей въ Петербургъ, поѣхалъ осматривать литовскія губерніи. Николай Петровичъ Архаровъ, думая приготовить къ возвращенію государя въ Петербургъ пріятный для него сюрпризъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и садовые заборы полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ по образцу шлагбаумовъ. Это странное приказаніе надо было исполнить немедленно, что повлекло за собою огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали, сколько хотѣли. Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія, дошедшіе до императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая давно уже была недовольна Архаровымъ и прочила на его мѣсто родственника своего друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и друга Павла, фрейлины Нелидовой, графа Бугсгевдена. Она ли, встрѣчая мужа, обратила вниманіе государя, или самъ онъ былъ пораженъ количествомъ выкрашенныхъ по однообразному шаблону построекъ, но при въѣздѣ своемъ онъ спросилъ, что означаетъ эта нелѣпая фантазія. Ему отвѣчали, что «полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю монарха».

— Такъ что же я, дуракъ, что ли, чтобы сталъ отдавать такія повелѣнія, гнѣвно сказалъ Павелъ.

Архарову приказано было тотчасъ же уѣхать изъ Петербурга и никогда не показываться на глаза государю, а вмѣсто него вторымъ петербургскимъ губернаторомъ назначенъ графъ Бугсгевденъ.

Николай Петровичъ уѣхалъ въ Москву и, какъ человѣкъ холостой, сдѣлался ежедневнымъ гостемъ своего брата. Между тѣмъ, московскому главнокомандующему графу И. П. Салтыкову, смѣнившему Долгорукова, было секретно предписано слѣдить за каждымъ шагомъ Архаровыхъ и обо всемъ замѣченномъ доносить прямо государю. Какъ ни былъ опытенъ и остороженъ Николай Петровичъ, но и у него какъ-то за обѣдомъ у брата вырвалось нѣсколько словъ осужденія необдуманнымъ порывамъ Павла. Этого было достаточно для подозрительнаго императора. 23-го апрѣля

1800 года, былъ отданъ приказъ объ увольненіи обоихъ Архаровыхъ отъ службы, а на другой день графу Салтыкову послано слѣдующее повелѣніе:

«По полученіи сего, повелѣваю вамъ объявить братьямъ генералъ-отъ-инфантеріи Архаровымъ повелѣніе мое выѣхать немедленно изъ Москвы въ свои деревни въ Тамбовѣ, гдѣ и жить имъ впредь до повелѣнія».

Столь внезапная и суровая опала произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и возбудила общее сожалѣніе къ Ивану Петровичу. «Невѣроятно», писалъ очевидецъ (И. В. Страховъ графу А. Р. Воронцову), «какъ вѣсть сія скоро пронеслась по городу и какая скачка была во весь день мимо моего дома и какой спектакль представился, когда отъ Архарова понесено было вдругъ тридцать два распущенныхъ знамя. Во весь день въ домѣ его была куча людей, кои пріѣзжали къ нему прощаться. Дворъ его былъ наполненъ каретами и окруженъ толпою любопытствующаго народа. Пріятели его собрали ему на выѣздъ и на сдачу полка слишкомъ двадцать тысячъ рублей. Писатель Карамзинъ привезъ ему цѣлый мѣшокъ книгъ, чтобы въ ссылкѣ ему имѣть развлеченіе чтеніемъ. Страннѣе всего, что онъ не имѣлъ кафтана или сюртука, въ чемъ ему показаться и выѣхать, потому что онъ отставленъ безъ мундира. Со всѣмъ тѣмъ, онъ поѣхалъ изъ города въ тотъ же день послѣ полудня и вышелъ изъ дома, ни съ кѣмъ не простясь. Комендантъ выпроводилъ его за городъ. Николай Петровичъ находился на охотѣ съ княземъ Лопухинымъ. Тамъ получилъ извѣстіе и поѣхалъ прямо оттуда на Коломенскую дорогу, чтобы дождаться брата и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Они жили въ шестнадцати верстахъ отъ Москвы два дня и, дождавшись Екатерины Александровны съ дѣтьми, поѣхали въ тамбовскія деревни».

Ссылка Архаровыхъ продолжалась не долго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (11 марта 1801 г.) императоръ Павелъ умеръ, и на престолъ вступилъ Александръ I. Архаровы поспѣшили напомнить ему о себѣ поздравительными письмами. Александръ отвѣтилъ имъ весьма любезно, зачислилъ ихъ вновь на службу, разрѣшилъ жить, гдѣ пожелаютъ, но не далъ ни одному изъ нихъ какого-либо назначенія. Иванъ Петровичъ опять поселился въ Москвѣ, и домъ его попрежнему гостепріимно открылся для всѣхъ. 1812-ый годъ заставилъ Архарова перебраться въ Петербургъ. И здѣсь, какъ и въ Москвѣ, Архаровы пользовались общимъ уваженіемъ и почетомъ. Иванъ Петровичъ умеръ въ 1815 году, а Екатерина Александровна, выдавъ замужъ обѣихъ своихъ дочерей, одну за графа

Сологуба, а другую за Васильчикова, осталась жить съ ними, проводя зиму въ Петербургѣ, а лѣто въ Павловскѣ, чтобы быть ближе къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, оказывавшей ей особенное благоволеніе. Объ образѣ ея жизни въ это время встрѣчаются любопытныя подробности въ запискахъ близкихъ къ ней лицъ: графа Сологуба, Благово, Самсонова и Еропкина.

Свято храня семейныя преданія, Архарова относилась съ любовью и заботливостью ко всѣмъ своимъ родственникамъ, даже самымъ отдаленнымъ, а съ дочерьми не разставалась до своей смерти. Она постоянно заботилась о разумномъ согласованіи ея доходовъ съ природною щедростью. Долговъ у нея никогда не было; напротивъ, въ запасѣ всегда хранились деньги. Бюджетъ соблюдался строго, согласно званію и чину, но въ обрѣзъ, безъ всякихъ прихотей и непредвидѣнностей. Все остававшееся шло на подарки и добрыя дѣла. Порядокъ въ домѣ былъ изумительный, благодаря уму, твердости и расчетливости хозяйки. Какъ ее ни уговаривали, она не соглашалась увеличить ничтожный оброкъ, получаемый ею съ крестьянъ.

— Оброкъ назначенъ, отговаривалась она,—по волѣ покойнаго Ивана Петровича. Я его не измѣню. Послѣ меня дѣлайте, какъ знаете. Съ меня довольно! А пустыхъ затѣй я заводить не намѣрена.

Въ Петербургѣ Архарова нанимала обширное помѣщеніе въ домѣ Мальцева на Моховой, гдѣ жила сперва вмѣстѣ съ семьей младшей дочери, Васильчиковой, а когда Васильчиковы купили собственный домъ, то ихъ замѣнила семья старшей дочери, графини Сологубъ. При домѣ Мальцева была прекрасная домовая церковь, большой садъ и теплица для тропическихъ растеній; но послѣднихъ у Архаровой не оказалось, купить ихъ расчетливая старуха не захотѣла, а со свойственнымъ ей добродушіемъ замѣтила своимъ знакомымъ, что они могли бы каждый поднести ей по «горшечку» цвѣтовъ на новоселье. На другой же день теплица обратилась въ цвѣтущій зимній садъ.

Проснувшись довольно рано утромъ, Архарова обыкновенно требовала къ себѣ одну изъ приживалокъ, исполнявшую при ней обязанность «секретаря», диктовала ей письма и почти подъ каждымъ приписывала своей рукой нѣсколько строкъ. Потомъ она принимала доклады, сводила аккуратно счеты, выдавала изъ разныхъ пакетовъ деньги, заказывала обѣдъ и, по приведеніи всего въ порядокъ, одѣвалась, молилась и выходила въ гостиную, а лѣтомъ въ садъ. Съ двухъ часовъ начинался пріемъ гостей, и каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь угощался; въ пять часовъ подавался обѣдъ.

За столъ садились по старшинству. Кушанья были преимущественно русскія, не хитрыя и жирныя, но въ изобиліи. Вино, довольно плохое, ставилось, какъ рѣдкость, но зато разныхъ квасовъ потреблялось много. Блюда подавались вперепрыжку, смотря по званію и возросту присутствующихъ. За десертомъ Архарова сама

Екатерина Александровна Архарова.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Васильчикову).

наливала нѣсколько рюмочекъ малаги или люнеля, и потчевала ими гостей и тѣхъ изъ домашнихъ, которыхъ хотѣла отличить. По окончаніи обѣда, Архарова поднималась, крестилась и кланялась на обѣ стороны, неизмѣнно приговаривая: «сыто, не сыто, а за обѣдъ почтите: чѣмъ Богъ послалъ». Она не любила, чтобы кто-нибудь уходилъ тотчасъ послѣ обѣда.

— Что это,—замѣчала она, немного вспыливъ:—только и видѣли; точно пообѣдалъ въ трактирѣ.—Но потомъ тотчасъ смягчала свой выговоръ:—Ну, ужъ Богъ тебя проститъ на сегодня. Да, смотри, не забудь въ воскресенье: потроха будутъ.

Послѣ обѣда она иногда каталась, но большею частію или играла въ карты, раскладывала пасьянсъ, или слушала чтеніе, преимущественно романовъ. Ей очень понравился «Юрій Милославскій» Загоскина; но когда герой подвергался опасности, она останавливала чтеніе просьбой:

— Если онъ умретъ, вы мнѣ не говорите.

Въ одиннадцать часовъ вечера день Архаровой кончался. Она шла въ спальню, долго молилась передъ кіотомъ, а затѣмъ ее раздѣвали, и старушка засыпала сномъ ребенка.

Для прогулокъ Архаровой была сдѣлана низенькая телѣжка, или таратайка, безъ рессоръ, съ сидѣньемъ для кучера, прозванная въ шутку «труфиньономъ». Выкрашенная въ желтую краску, она была похожа на длинное кресло и запрягалась въ одну лошадь, смирную и старую, двигавшуюся самой тихой рысью. Лѣтомъ Архарова направлялась въ труфиньонѣ къ рощамъ, окружавшимъ Павловскъ, и въ хорошихъ мѣстахъ останавливалась. Изъ предосторожности старуха брала вожжи въ руки, хотя опасности отъ клячи не предвидѣлось, а кучеръ Абрамъ слѣзалъ съ козелъ и шелъ бродить, нагнувшись, по опушкѣ. Вдругъ раздавалось его радостное восклицаніе:

— Березовикъ, ваше высокопревосходительство!

— Смотри—еще! кричала Архарова.

Находка бѣлаго гриба была торжествомъ. Собранные грибы укладывались въ корзиночку и, по возвращеніи домой, отсылались на кухню съ приказаніемъ—изжарить ихъ къ обѣду въ сметанѣ на сковородѣ. За обѣдомъ изъ-за грибовъ цѣлая исторія. Какъ только Архарова накладывала себѣ на тарелку это заманчивое и вкусное для нея блюдо, кругомъ поднимался семейный протестъ. Старуха начинала спорить, горячилась, долго не уступала, но наконецъ сдавалась и нехотя, вздыхая, возвращала искусительную тарелку.

Труфиньонъ служилъ также и для визитовъ, весьма оригинальныхъ. Подъѣдетъ Архарова къ знакомымъ и велитъ Абраму вызвать хозяевъ или, въ случаѣ ихъ отсутствія, прислугу.

— Скажи, что старуха Архарова сама заѣзжала спросить, что, дескать, вы старуху совсѣмъ забыли, а у нея завтра будутъ: ботвинья со свѣжей рыбой и жареный гусь, начиненный яблоками. Такъ не пожалуютъ ли откушать.

И труфиньонъ плелся далѣе, заѣзжалъ къ больнымъ для свѣдѣній о здоровьи, къ бѣднымъ для поданія помощи, къ сиротамъ для наведенія о нихъ справокъ.

Выше уже было сказано о тепломъ отношеніи Архаровой къ роднѣ, которая была многочисленна. Случалось, что къ ней неожиданно являлся изъ захолустья какой-нибудь помѣщикъ и объяснялъ, что онъ приходится троюроднымъ племянникомъ покойному Ивану Петровичу.

— Да, да, шептала старуха: — ты намъ родня. Припоминаю и бабку твою, когда она была въ дѣвкахъ. Они жили въ Москвѣ. Стало-быть, мы свои. Чѣмъ могу тебѣ услужить?

— А вотъ что, Екатерина Александровна, дѣтки подросли. Воспитаніе въ губерніи, вы сами знаете, какое. Я столько наслышался о вашихъ милостяхъ, что дѣтокъ привезъ: авось, Богъ поможетъ пристроить въ казенное заведеніе.

— На казенный счетъ? спрашивала Архарова.

— Конечно, хорошо бы. Урожаи стали ужъ очень плохи.

— Что жъ, похлопотать можно. А тамъ ужъ ты не безпокойся. Да вотъ что... пріѣзжай-ка завтра откушать, не побрезгай моей кулебякой... да дѣтокъ съ собой привози. Мы и познакомимся.

И на другой день помѣщикъ пріѣзжалъ съ дѣтками, а черезъ нѣсколько дней дѣтки уже назывались Сашей, Ваней, Катей, ихъ журили или хвалили по-родственному, затѣмъ они разсовывались по разнымъ воспитательнымъ заведеніямъ, и помѣщикъ уѣзжалъ во-свояси, твердо увѣренный, что Архарова будетъ наблюдать за его дѣтьми. Онъ не ошибался. Мальчики обязывались являться къ ней въ воскресенье и праздничные дни и въ вакаціонное время, чтобы не дать имъ возможности избаловаться на волѣ. Къ своему добровольному попечительству Архарова относилась серьезно и заботливо и довольно часто дѣлала визиты по учебнымъ заведеніямъ. Подъѣдетъ въ рыдванѣ къ кадетскому корпусу и посылаетъ лакея отыскивать начальство. «Доложите, что старуха Архарова сама пріѣхала и проситъ пожаловать къ ея каретѣ». Начальство тотчасъ является охотно и почтительно. Архарова сажаетъ его въ карету и начинаетъ разспрашивать о родственникѣ или родственникахъ, объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, о поведеніи, здоровьи и т. п. Затѣмъ призывались и родственники. Достойные награждались похвалой, виновные наказывались выговоромъ или угрозой написать отцу или матери.

Архарова относилась очень строго къ людямъ предосудительнаго поведенія. Когда рѣчь касалась человѣка безнравственнаго, она принимала суровый видъ и объявляла рѣзкій приговоръ:

— Негодяй,—говорила она:—развратникъ.... а потомъ, наклонившись къ уху собесѣдника или собесѣдницы, прибавляла шопотомъ: «galant»!.. Это было послѣднее слово порицаній.

Само собою разумѣется, что она соблюдала церковныя правила, постилась по уставу, ѣздила въ приходскую церковь, пока хватало силъ. Вечернія службы совершались у нея на дому. Заутреня передъ Свѣтлымъ праздникомъ справлялась особенно торжественно. Являлся престарѣлый духовникъ, Архаровой, отецъ Григорій, съ дьячкомъ.

Облачившись, онъ обходилъ всѣ комнаты съ крестомъ. Во время службы не только всѣ члены семейства, но и настоящіе, и мнимые родственники, и всѣ слуги обязывались находиться налицо. Подлѣ хозяйки становился дворецкій, держа въ рукахъ блюдо съ нагроможденными на него красными яйцами. Никто не былъ забытъ при христосованіи, даже вѣчно пьяный поваренокъ Ефимъ. Когда онъ лѣзъ цѣловаться съ Архаровой, старуха его останавливала и, взглянувъ на него грозно, говорила:

— А ты все пьянствуешь. Смотри, лобъ забрею. Въ солдаты отдамъ. Домъ срамишь. Побойся хоть Бога. Слышишь, что ли?

— Слушаю, мычалъ Ефимка.

— То-то жъ, добавляла Архарова.—Такъ помни же... Христосъ воскресъ!

И она три раза цѣловала лоснящуюся рожу Ефимки и вручала ему яичко. А Ефимка продолжалъ пьянствовать и никогда не былъ отданъ въ солдаты.

Такъ какъ Архарова и ея духовникъ, отецъ Григорій, были глухи, то однажды графу Сологубу невольно пришлось подслушать во время говѣнья исповѣдь своей бабушки.

— Грѣшна я, батюшка, каялась старуха:—въ томъ, что покушать люблю...

— И, матушка, ваше высокопревосходительство, возражалъ духовникъ:—въ наши-то годы оно и извинительно....

— Еще каюсь, батюшка, что я иногда сержусь на людей, да и выбраню ихъ порядкомъ....

— Да какъ же не бранить-то ихъ, извинялъ снова отецъ Григорій:—они, вѣдь, неряхи, пьяницы, негодяи... Нельзя же потакать имъ, въ самомъ дѣлѣ.

— Въ картишки люблю поиграть, батюшка.

— Лучше, чѣмъ злословить, довершалъ отецъ Григорій.

Этимъ исповѣдь и кончалась. Другихъ грѣховъ у Архаровой не было.

Въ атмосферѣ, окружавшей Архарову, все дышало простотой и сердечностью и представлялось идилліей отживавшаго патріархаль-

наго быта. Архарова ни въ комъ не заискивала, никого не ослѣпляла, жила, такъ сказать, въ сторонѣ отъ общественной жизни, а между тѣмъ пользовалась общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. И старый и малый, и бѣдный и богатый, и сильный и ничтожный— всѣ являлись къ ней, встрѣчали одинаковый пріемъ, и домъ ея всегда былъ полонъ разнообразными посѣтителями. Особенно выдавались два дня въ году: зимой въ Петербургѣ 24 ноября, въ Екатерининъ день, и лѣтомъ въ Павловскѣ 12 іюля, въ день рожденія старушки. На дачѣ, по недостатку помѣщенія, многочисленные гости собирались въ саду и толпились по дорожкамъ, обсаженнымъ розами разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вдругъ въ саду происходило смятеніе. Къ Архаровой стремглавъ подбѣгалъ дворецкій и шепталъ что-то на ухо. Старуха, какъ будто пораженная событіемъ, повторявшимся, впрочемъ, каждый годъ, поспѣшно подзывала къ себѣ свое семейство и направлялась въ сопровожденіи его къ калиткѣ сада въ то время, какъ оттуда приближалась къ ней другая группа, впереди которой шествовала императрица Марія Θеодоровна, нѣсколько дородная, но высокая, прямая, величественная, въ шляпѣ съ перьями, оттѣнявшими ея круглое и, несмотря на годы, свѣжее, красивое лицо. Она съ привѣтливой улыбкой поздравляла старушку и ласково отвѣчала на привѣты присутствовавшихъ. Архарова, тронутая до слезъ, благодарила за милость почтительно, даже благоговѣйно, но никогда не доходила до низкопоклонства. Говорила она съ императрицей прямо и откровенно. Конечно, честь для нея была большая, но и совѣсть у нея была чистая, и бояться и заискивать ей было нечего. Посѣщеніе продолжалось, разумѣется, недолго. Императрицѣ подносили букетъ наскоро сорванныхъ лучшихъ розъ, и она удалялась, провожаемая всѣми до экипажа. На другой день Архарова ѣздила во дворецъ благодарить, снова и долго затѣмъ разсказывала по очереди всѣмъ своимъ гостямъ о чрезвычайномъ отличіи, котораго она удостоилась, всегда заключая разсказъ слѣдующими словами:

— Этимъ я обязана памяти моего покойнаго Ивана Петровича.

Въ теченіе лѣта она не разъ приглашалась къ высочайшему столу, что для всѣхъ въ домѣ составляло чрезвычайное событіе. Въ эти дни Архарова заблаговременно наряжалась. Зеленый зонтикъ снимался съ ея глазъ, а на голову надѣвался паричокъ съ сѣдыми буклями подъ кружевнымъ чепцомъ съ бантиками, при чемъ лицо слегка нарумянивалось. Затѣмъ она облекалась въ шелковый дорогой капотъ, къ которому на лѣвое плечо пришпиливалась кокарда екатерининскаго ордена. Черезъ правое плечо пере-

кидывалась старая желтоватая турецкая шаль, чуть ли не наслѣдственная. Наконецъ, ей подавали золотую табакерку въ видѣ моськи и костыль. Снарядившись, она шествовала по комнатамъ, къ каретѣ. Ее провожали, любуясь ею, жившія у нея старая полковница и двѣ сиротки-дворянки, старшая горничная, двѣ младшія, калмыкъ Тулемъ и карликъ Василій Тимоѳеевичъ, всегда вязавшій чулокъ и на всѣхъ ворчавшій. Впереди суетился дворецкій Дмитрій Степановичъ съ взъерошеннымъ хохломъ, въ бѣломъ жабо, округленномъ вѣеромъ подъ бѣлымъ галстукомъ. У кареты дожидались два ливрейныхъ лакея въ трехугольныхъ уродливыхъ шляпахъ. Подсаживаемая ими, Архарова садилась въ карету допотопнаго вида, уцѣлѣвшую отъ московскаго пожара 1812 года. Четыре клячи въ упряжи первобытной простоты тащили ее съ трудомъ. Форейторомъ сидѣлъ мужикъ огромнаго роста; онъ былъ взятъ въ форейторы мальчикомъ и постепенно превратился въ исполина, но должность его осталась при немъ навсегда, потому что Архарова вообще не любила перемѣнъ. Кучеръ былъ болѣе приличенъ, хотя очень худъ. Ливреи и армяки были сшиты по глазомѣру, изъ самаго грубаго сукна. Когда Архаровскій рыдванъ показывался на улицахъ, прохожіе останавливались съ удивленіемъ или улыбались, или снимали шапки и крестились, воображая, что ѣдетъ прибывшій изъ провинціи архіерей. Возвращеніе Архаровой съ придворнаго обѣда ожидалось всѣми съ нетерпѣніемъ. Когда рыдванъ подъѣзжалъ къ крыльцу, подзывался дворецкій, и ему вручались завязанныя въ салфетки двѣ тарелки, наложенныя фруктами, конфектами и пирожками съ царскаго стола: старуха не церемонилась и во время десерта при помощи сосѣдей наполняла тарелки лакомой добычей. Гофъ-фурьеръ уже зналъ, для чего это дѣлается, и препровождалъ тарелки въ рыдванъ. Приказавъ дворецкому бережно нести ношу, Архарова вылѣзала изъ кареты и, немного пошатываясь отъ утомленія, шла въ комнаты, опираясь на костыль. Въ спальнѣ она разоблачалась, надѣвала на глаза привычный зонтикъ, нарядный капотъ замѣнялся другимъ, поношеннымъ, но всегда шелковымъ, и она садилась въ свое широкое кресло, передъ которымъ ставился столъ съ бронзовымъ колокольчикомъ. На этотъ разъ къ колокольчику приставлялись привезенныя тарелки, и начиналась раздача въ порядкѣ родовомъ и іерархическомъ. Внуки получали отборные плоды, персики, абрикосы, фиги; за ними одѣлялись приживалки и потомъ прислуга. Никто не былъ забытъ: одинъ взыскивался конфетой, другой кисточкой винограда, третій сахарнымъ сухарикомъ. Окончивъ раздачу, старушка отпра-

влялась отдыхать отъ испытанныхъ волненій и физической усталости.

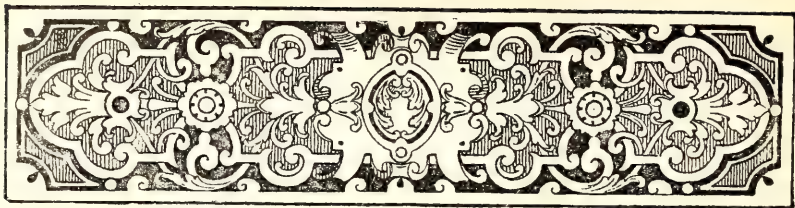
На одномъ изъ придворныхъ обѣдовъ съ Архаровой приключилось смѣшное происшествіе, которое переконфузило бы и поставило въ затрудненіе другую женщину, но ей дало поводъ выказать находчивость и присутствіе духа. Когда доложили, что кушанье готово, императоръ Александръ Павловичъ подалъ Архаровой свою руку и повелъ ее къ столу. Вдругъ она почувствовала, что завязки нижней юбки лопнули, и она спускается. Старуха, продолжая разговаривать съ государемъ, немного пріостановилась, дала юбкѣ время упасть, перешагнула черезъ нее и, какъ бы не замѣчая, что съ нею случилось, направилась дальше и въ теченіе всего обѣда оставалась весела и спокойна по обыкновенію.

Архарова умерла въ 1836 году восьмидесяти четырехъ лѣтъ, оплакиваемая всѣми, знавшими эту типичную представительницу отжившаго барства, соединявшую въ себѣ твердость характера, сознаніе собственнаго достоинства, неизмѣнность въ убѣжденіяхъ и привычкахъ, наивное добродушіе и трогательную сердечность. Она очень страшилась смерти, а между тѣмъ скончалась съ необыкновеннымъ самообладаніемъ. Когда она была уже при послѣднемъ издыханіи, ей доложили, что ее желаетъ видѣть извѣстная тогда богомолка, Елисавета Михайловна Кологривова, рожденная Голицына

— Не надо... отвѣчала умиравшая.—Она пріѣхала учить меня, какъ надо умирать. Я и безъ нея сумѣю.

И дѣйствительно, она скончалась, какъ праведница, и оставила по себѣ самую свѣтлую память. Похоронена она на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Молодость графа Ааркчеева.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ графа Аракчеева и преобладающее вліяніе его на государственныя дѣла и императора Александра I, особенно въ послѣдніе годы царствованія этого государя, довольно подробно описаны и оцѣнены въ нашей исторической литературѣ. Не менѣе ярко обрисованъ и его характеръ, главными чертами котораго, по свидѣтельству современниковъ, были: точная и педантичная пунктуальность, доходившая до совершеннаго уничтоженія собственной воли и мысли передъ высшими, требованіе того же отъ подчиненныхъ и низшихъ, жестокость, холодность и безсердечіе въ сношеніяхъ съ людьми, даже близкими; язвительность и грубость въ шуткахъ и разговорахъ, скупость въ образѣ жизни, непомѣрное тщеславіе, преданность наружнымъ обрядамъ, доходившая до ханжества, смѣшаннаго съ суевѣріемъ, и трусливость въ виду опасности. Извѣстно, какое вліяніе оказываютъ на развитіе характера первоначальное воспитаніе и впечатлѣнія, полученныя человѣкомъ въ дѣтствѣ. Поэтому намъ кажется не лишеннымъ интереса ознакомиться съ той обстановкой, среди которой вращался Аракчеевъ въ молодые годы. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ очень ограничены и отрывочны; тѣмъ не менѣе, мы попытаемся свести ихъ въ предположеніи, что, можетъ-быть, они дадутъ намъ кое-какія данныя для объясненія многихъ чертъ характера временщика, оставившаго по себѣ такую недобрую память.

I.

Отецъ Аракчеева, Андрей Андреевичъ, служилъ въ Преображенскомъ полку и послѣ манифеста 1762 года, освободившаго дворянъ отъ обязательной службы, вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика и поселился въ своемъ небольшомъ помѣстьи, сельцѣ Гарусовѣ, состоявшемъ всего изъ 20 душъ крестьянъ и находившемся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, Елисаветѣ Андреевнѣ Витлицкой, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Алексѣя, родившагося 23-го сентября 1769 года, Петра (родившагося въ 1776 году) и Андрея (родившагося въ 1778 году).

Андрей Андреевичъ Аракчеевъ былъ человѣкъ простой и добрый, но ограниченный, лѣнивый, тяготившійся заниматься даже своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Въ противоположность ему, жена его отличалась энергіей, настойчивостью и необычайной аккуратностью. Она хлопотала съ утра до вечера, держала своихъ крестьянъ въ ежовыхъ рукавицахъ и вела хозяйство въ такомъ порядкѣ, а домъ въ чистотѣ, что сосѣди называли ее въ шутку «голландкой». Она берегла каждую копейку, входила сама во всѣ мелочи, и, благодаря этому, Аракчеевы, несмотря на крайнюю скудость доходовъ, не терпѣли нужды. Старшій сынъ Аракчеевыхъ, Алексѣй, какъ первенецъ и долгое время единственный, былъ любимцемъ и отца, и матери. Елисавета Андреевна воспитывала сына въ строго-религіозномъ духѣ; она сама учила его молитвамъ и заставляла каждое утро повторять ихъ; водила съ собою въ церковь, не пропуская ни одной обѣдни и вечерни; постоянно внушала ему бережливость въ одеждѣ и обуви и преслѣдовала всякую попытку къ шалостямъ или неповиновенію. Отецъ попробовалъ было самъ преподавать ему грамоту, но очень скоро соскучился и передалъ сына дьячку, который взялся за годовую плату по три четверти ржи и овса обучить его читать и писать и четыремъ правиламъ ариѳметики. Дьячокъ былъ нрава крутого, обращался съ своимъ воспитанникомъ сурово и о каждомъ его шагѣ доносилъ матери. «Былъ у меня учитель сердитый», говорилъ впослѣдствіи Аракчеевъ: «все меня «шпіонилъ» и ни въ чемъ спуску не давалъ». Мальчикъ занимался прилежно и особенно пристрастился къ ариѳметикѣ. Онъ самъ задавалъ себѣ такія большія числа для умноженія, что дьячокъ не могъ ихъ выговорить; не умѣлъ выговорить ихъ и ученикъ; но это не мѣшало ему множить и тѣшиться, когда

повѣркою дѣленія получалось вѣрное искомое. У Аракчеевыхъ былъ въ Москвѣ родственникъ, служившій въ какой-то канцеляріи, который обѣщалъ имъ опредѣлить сына на службу, когда тотъ кончитъ домашнее ученье. Поэтому отецъ обращалъ вниманіе преимущественно на каллиграфію, и малые успѣхи въ ней Алексѣя смущали его. «Какой же ты будешь канцелярскій чиновникъ», твердилъ онъ: «когда пишешь, точно мухи бредутъ». Но дьячокъ писалъ немного лучше ученика. Чтобы помочь горю, старикъ Аракчеевъ отобралъ изъ связки сохранявшихся имъ служебныхъ бумагъ тѣ, которыя отличались почеркомъ, заставлялъ сына копировать ихъ и этимъ добился нѣкоторыхъ успѣховъ. «Изъ меня хотѣли сдѣлать подьячаго», разсказывалъ потомъ Алексѣй Андреевичъ: «то-есть доставить мнѣ средства снискивать пропитаніе перомъ и крючками, я не имѣлъ понятія ни о какой службѣ, а потому отцу не прекословилъ...» Вѣроятно, будущему всесильному вельможѣ и любимцу Александра I пришлось бы коротать свой вѣкъ въ неизвѣстности за чернильной работой въ какомъ-нибудь судѣ, если бъ не случилось неожиданнаго обстоятельства, имѣвшаго рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Объ этомъ событіи сохранился разсказъ самого Аракчеева, записанный Михайловскимъ-Данилевскимъ.

«Пріѣхали въ наше сосѣдство въ отпускъ два брата Корсаковы, кадеты артиллерійскаго кадетскаго корпуса», разсказывалъ Аракчеевъ. «Мы съ отцомъ поѣхали къ ихъ родителямъ въ гости. Лишь только я увидѣлъ Корсаковыхъ въ красныхъ мундирахъ съ черными лацканами и обшлагами, сердце мое разгорѣлось. Я не отходилъ ни на минуту отъ кадетъ, наблюдалъ каждый ихъ шагъ, каждое движеніе, не проронилъ ни одного слова, когда они разсказывали объ ученіи, о лагеряхъ, о пальбѣ изъ пушекъ. Возвратясь домой, я былъ въ лихорадкѣ. Нѣсколько дней сряду кадеты днемъ и ночью видѣлись мнѣ, и наконецъ я не могъ преодолѣть себя, бросился отцу въ ноги и, рыдая, сказалъ, что умру съ горя, если онъ не отдастъ меня въ кадеты. Отецъ выслушалъ меня, поднялъ, посадилъ возлѣ себя и сказалъ:

«— Я не прочь; да как попасть въ Петербургъ, какъ опредѣлить тебя? У меня нѣтъ ни денегъ, ни покровителей!

«— Позвольте мнѣ идти пѣшкомъ», возразилъ я: «я дойду какъ-нибудь, брошусь въ ноги государынѣ, и она, вѣрно, сжалится надо мной. Вы мнѣ столько разсказывали о ея благости.

«— Нѣтъ, если ужъ идти пѣшкомъ, такъ идти вмѣстѣ, да и терпѣть вмѣстѣ», сказалъ мой добрый отецъ, заплакалъ и прижалъ меня къ сердцу.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

(Съ портрета, находящагося въ «Военной галлереѣ» Зимняго дворца).

«Продавъ все, что можно было продать, и запасшись нужными бумагами, отецъ мой отправился со мною на долгихъ въ Петербургъ. Я былъ въ восторгѣ и тогда только призадумался, когда пришлось прощаться съ моей доброй матерью. Рыдая, благословила она меня образомъ, который ношу до сихъ поръ, и который не сходилъ съ груди моей, и дала мнѣ одно увѣщаніе: молиться и надѣяться на Бога. Всю жизнь мою слѣдовалъ я ея совѣту».

Въ январѣ 1783 года, Аракчеевы пріѣхали въ Петербургъ и остановились въ Ямской, на постояломъ дворѣ, гдѣ наняли уголъ за перегородкой. Знакомый ихъ квартирнаго хозяина, солдатъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, Моховъ, написалъ имъ на двухкопеечномъ гербовомъ листѣ просьбу, и они, отслуживъ въ ближайшей церкви молебенъ, отправились въ корпусъ на Петербургскую сторону. Отыскавъ канцелярію, они обратились къ какому-то писарю, который сначала отнесся къ нимъ привѣтливо, но, узнавъ, что просьба уже написана, нахмурился и сказалъ, что теперь поздно, и чтобы они пришли въ другой разъ раньше.

Горькіе дни пришлось испытать Аракчееву при первыхъ столкновеніяхъ своихъ съ служебнымъ міромъ. Дней десять сряду являлись они съ отцомъ въ корпусъ, пока добились, что просьба ихъ была принята, а затѣмъ почти ежедневно дежурили на парадной лѣстницѣ въ ожиданіи директора корпуса, генерала Мелиссино, чтобы безмолвно поклониться ему и напомнить о себѣ. Проходили недѣли, мѣсяцы, а дѣло ихъ не подвигалось: Мелиссино не обращалъ на нихъ никакого вниманія, а въ канцеляріи имъ говорили, что прошеніе ихъ лежитъ у директора, и надо ждать его резолюціи. Между тѣмъ денежныя средства Аракчеевыхъ таяли; для уменьшенія расходовъ они ѣли только разъ въ день; наконецъ были истрачены послѣднія копейки, и они очутились въ безвыходномъ положеніи. Узнавъ отъ кого-то, что тогдашній митрополитъ Гавріилъ помогаетъ бѣднымъ, Андрей Андреевичъ, побуждаемый крайностью, рѣшился обратиться къ нему за милостыней.

«Мы отправились въ лавру», разсказывалъ Аракчеевъ Михайловскому-Данилевскому. «Множество бѣдныхъ стояли вокругъ крыльца. Отецъ мой просилъ доложить высокопреосвященному, что дворянинъ желаетъ видѣть его. Насъ впустили. Отецъ мой разсказалъ о несчастномъ своемъ положеніи и просилъ помощи. Высокопреосвященный отправилъ насъ къ казначею, и намъ выдали рубль серебромъ. Выйдя на улицу, отецъ мой поднесъ этотъ рубль къ глазамъ, сжалъ его и горько заплакалъ. Я также плакалъ, смотря на отца. Однимъ рублемъ мы прожили девять дней. Не

стало и рубля. Мы пошли опять на Петербургскую сторону и снова помѣстились на директорской лѣстницѣ. Вышелъ Мелиссино. Я не далъ отцу моему говорить, выступилъ впередъ и въ отчаяніи сказалъ:

«— Ваше превосходительство! примите меня въ кадеты! Мы ждать болѣе не можемъ потому, что намъ придется умереть съ голоду. Всю жизнь буду благодаренъ вамъ и буду молиться за васъ Богу. Батюшка мой не вытерпитъ и умретъ здѣсь, а я за нимъ!

«Слезы градомъ полились у меня. Мелиссино посмотрѣлъ на меня пристально. Я рыдалъ, а отецъ мой также утиралъ слезы въ безмолвіи. Мелиссино спросилъ меня, какъ фамилія и когда подана просьба, а потомъ вернулся въ комнаты, велѣвъ намъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ и, подавая мнѣ записку, сказалъ:

«— Ступай съ этимъ въ канцелярію. Ты принятъ въ корпусъ.

«Я бросился цѣловать его руки, но онъ ускользнулъ, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Прежде, чѣмъ идти въ канцелярію, мы пошли съ отцомъ въ церковь и, не имѣя на что поставить свѣчу передъ образомъ, помолились Богу съ поклонами и вышли изъ церкви съ радостнымъ сердцемъ. На другой день я былъ принятъ въ корпусъ. Изстари говорятъ, что счастье и несчастье приходятъ всегда со свитою своею. Отецъ мой въ тотъ же день встрѣтился съ однимъ родственникомъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы съ туго набитымъ кошелькомъ и давшимъ ему денегъ на проѣздъ въ деревню. Богъ помиловалъ насъ! Этотъ первый урокъ бѣдности и безпомощнаго состоянія сильно подѣйствовалъ на меня».

II.

Поступивъ въ корпусъ, Аракчеевъ скоро заслужилъ репутацію отличнаго кадета какъ по наукамъ, такъ и по поведенію. Не имѣя особенной склонности къ наукамъ словеснымъ, онъ отличался успѣхами преимущественно въ наукахъ военно-математическихъ и хорошо усвоилъ языки французскій и нѣмецкій. Умный и способный отъ природы, онъ смотрѣлъ на Мелиссино не только какъ на благодѣтеля, но и какъ на избавителя, и бился изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить ему. Оставшись послѣ отъѣзда отца безъ покровителей, безъ знакомствъ, безъ денегъ, не получая даже деревенскихъ гостинцевъ для воспитателей и угощенія товарищей, Аракчеевъ вполнѣ испытывалъ безотрадную долю одинокаго новичка, на каждомъ шагу подвергаясь униженіямъ и оскорбленіямъ не

только со стороны кадетъ, но и служителей. Когда онъ явился въ цейхгаузъ, чтобы надѣть столь желанное кадетское обмундированіе, ротный каптенармусъ, не получивъ гостинца, далъ ему старый, изношенный мундиръ, короткіе рукава котораго долго служили общимъ посмѣшищемъ. При такихъ условіяхъ ученіе было единственнымъ его утѣшеніемъ, а внушенныя съ дѣтства безпрекословное повиновеніе волѣ старшихъ и пунктуальность во всемъ,—единственнымъ средствомъ выйти въ люди.

Дѣйствительно, успѣхи его были необыкновенно быстры. Черезъ семь мѣсяцевъ онъ перебрался уже въ верхніе классы и вслѣдъ за тѣмъ произведенъ сперва въ капралы, а потомъ въ фурьеры и сержанты. Въ то время офицеры должны были жить вмѣстѣ съ кадетами; они раздѣлялись на ротныхъ, которыхъ обязанность состояла въ надзорѣ за поведеніемъ и строевымъ образованіемъ, и репетиторовъ, бывшихъ воспитанниковъ, которые по производствѣ въ офицеры, въ ожиданіи учительскихъ вакансій, должны были наблюдать за занятіями кадетъ, отвѣчая за ихъ успѣхи. Аракчеевъ сдѣлался неоцѣненнымъ человѣкомъ для офицеровъ. Они поручали ему слабыхъ какъ по фронту, такъ и по наукамъ, и подъ его суровымъ и безпощаднымъ руководствомъ неуклюжіе и неповоротливые превращались въ ловкихъ, а лѣнтяи и малоспособные вытверживали свои уроки. Съ пятнадцатилѣтняго возроста Аракчеевъ, учась самъ, училъ другихъ и, облегчая службу офицеровъ и репетиторовъ, снискалъ полное ихъ расположеніе. Они могли поручать ему что угодно: надзоръ за порядкомъ, за вытверживаніемъ уроковъ, строевое ученье—и уходить въ увѣренности, что все будетъ исполнено точно, безъ малѣйшихъ послабленій и уклоненій. Одинъ изъ современниковъ, знавшихъ его по корпусу, даетъ о немъ такой отзывъ: «Аракчеевъ былъ сержантомъ въ корпусѣ и отличался какъ своими успѣхами въ наукахъ, такъ и въ особенности своею ретивостью ко всѣмъ военнымъ порядкамъ. Онъ обладаетъ замѣчательными способностями, познаніями и усердіемъ; но возмутительнаго звѣрства (d'une brutalité révoltante), которое уже выказывалъ надъ кадетами».

Въ 1787 году, Аракчеевъ былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ поручика арміи и оставленъ репетиторомъ съ назначеніемъ учителемъ ариѳметики, геометріи и артиллеріи. Съ обычною ревностью онъ весь отдался своимъ обязанностямъ и когда, въ 1788 году, при объявленіи войны Швеціи, въ корпусъ была прислана особая команда для обученія артиллерійскому дѣлу, Аракчеевъ не сходилъ съ плаца, училъ строю, лабораторному искус-

ству и стрѣльбѣ и для скорѣйшаго обученія людей, бывшихъ большею частью грамотными (изъ церковныхъ служителей), составилъ «Краткія артиллерійскія записки въ вопросахъ и отвѣтахъ». Въ награду за это онъ былъ переименованъ въ подпоручики артиллеріи.

Въ 1790 году, управлявшій военнымъ департаментомъ, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ обратился къ Мелиссино съ просьбой порекомендовать ему офицера для преподаванія сыну артиллеріи и фортификаціи. Мелиссино рекомендовалъ Аракчеева. Для бѣднаго подпоручика уроки въ домѣ такого вельможи являлись величайшимъ благополучіемъ. Кромѣ матеріальной поддержки, они вводили его въ высшее общество и пріобрѣтали ему сильнаго покровителя. Аракчеевъ сумѣлъ заслужить расположеніе Салтыкова и его жены. Довольные успѣхами сына, они выхлопотали учителю кратковременный отпускъ въ деревню, о которомъ онъ тщетно просилъ Мелиссино, а графиня, сверхъ того, подарила ему золотые карманные часы. Съ восторгомъ встрѣтили родители своего первенца. Андрей Андреевичъ долго любовался его красивымъ мундиромъ и, замѣтивъ часы, снялъ ихъ и повѣсилъ у своей кровати. Прошло нѣсколько дней, а часы продолжали висѣть на томъ же мѣстѣ. Наконецъ наступило время отъѣзда, а часы все не возвращались ихъ владѣльцу. Онъ считалъ ихъ уже потерянными для себя, когда передъ самымъ разставаніемъ отецъ отдалъ ему часы со словами: «Возьми часы; я дарю тебѣ ихъ; знай и помни, что ты мнѣ ими обязанъ; не помѣсти я тебя въ корпусъ, ты не училъ бы у Салтыковыхъ и часовъ бы не имѣлъ». Впослѣдствіи, разсказывая о выходкѣ отца лицамъ, посѣщавшимъ его въ Грузинѣ, Аракчеевъ показывалъ имъ часы и прибавлялъ: «Я храню ихъ, какъ отцовскій подарокъ».

По возвращеніи изъ отпуска, Аракчеевъ узналъ, что при Мелиссино открылась вакансія старшаго адъютанта. Это званіе давало не только самостоятельное положеніе, но и чинъ капитана. Послѣ нѣкотораго колебанія Аракчеевъ рѣшился на довольно смѣлый шагъ: онъ попросилъ Салтыкова похлопотать за него у Мелиссино. Ходатайство Салтыкова было не совсѣмъ пріятно Мелиссино. Онъ подбиралъ себѣ въ адъютанты людей свѣтскихъ, богатыхъ, съ громкими фамиліями, а ему навязывали человѣка, хотя и дѣльнаго, но неимущаго и непредставительнаго. Однако, онъ не посмѣлъ отказать сильному вельможѣ, и Аракчеевъ получилъ желаемое мѣсто.

Извѣстясь о такомъ повышеніи сына, родители Аракчеева рѣшили его навѣстить и вмѣстѣ съ тѣмъ поблагодарить Салтыкова

за всѣ его милости. Елисавета Андреевна осталась очень довольна, найдя въ квартирѣ сына образцовый порядокъ и чистоту; но Андрей Андреевичъ, увидя письменный столъ, покрытый сукномъ и уставленный кое-какими вещицами, комодъ краснаго дерева, диванъ и кресла, нахмурился и, отведя сына въ сторону, спросилъ: «Послушай, Алексѣй, скажи мнѣ прямо, безъ утайки, не воруешь ли ты, или не берешь взятокъ?»

Съ назначеніемъ Аракчеева адъютантомъ обращеніе съ нимъ Мелиссино измѣнилось. Онъ сталъ относиться къ нему холодно и держалъ, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ. Въ такомъ неловкомъ положеніи Аракчеевъ пробылъ около года, когда опять счастливый случай неожиданно измѣнилъ его карьеру.

Въ 1792 году, великій князь Павелъ Петровичъ, желая сформировать при своихъ гатчинскихъ войскахъ артиллерійскую роту, обратился къ Мелиссино съ просьбой прислать въ Гатчину нѣсколько орудій и свѣдущаго офицера, который могъ бы пробыть тамъ нѣкоторое время для образованія артиллеристовъ. Мелиссино обрадовался возможности сбыть неподходящаго адъютанта и поспѣшилъ указать на Аракчеева. Великій князь встрѣтилъ его сдержанно и сухо, но вскорѣ, убѣдившись, что онъ знатокъ своего дѣла, началъ выказывать ему расположеніе, пригласилъ ежедневно являться запросто къ обѣду, а затѣмъ объявилъ, что переводитъ его въ свои гатчинскія войска, при чемъ пожаловалъ его чиномъ капитана и назначилъ командиромъ артиллерійской роты. Смѣтливый Аракчеевъ скоро понялъ характеръ великаго князя и его желанія. Сосредоточивъ всѣ свои помыслы на одномъ—угодить Павлу Петровичу, онъ приводилъ въ исполненіе всѣ его требованія безпрекословно, не жалѣя себя и не оказывая жалости и состраданія къ другимъ. А требованія Павла Петровича были тяжелы и невыносимы. Презрительно относясь къ военной системѣ, установившейся при Екатеринѣ, цесаревичъ готовилъ изъ своихъ гатчинскихъ войскъ школу для задуманныхъ имъ въ будущемъ преобразованій. Поклонникъ прусскихъ порядковъ, онъ заимствовалъ изъ нихъ всѣ тонкости той мертвящей формальности, которая превращала солдата въ безсознательную машину. Замкнутый въ Гатчинѣ и сгорая жаждой дѣятельности, Павелъ поневолѣ находилъ выходъ для своей кипучей энергіи въ военныхъ экзерциціяхъ и муштровкахъ. Въ четыре часа утра онъ уже находился на плацу и производилъ ученье, продолжавшееся иногда почти безъ перерыва по двѣнадцати часовъ. Для успѣшнаго обученія пускались въ ходъ всѣ издавна усвоенныя въ Пруссіи средства: трости, тесаки, шом-

полы, шпицрутены; вспыльчивый цесаревичъ при малѣйшей неисправности или противорѣчіи выходилъ изъ себя, и не только солдаты, но и офицеры подвергались послѣдствіямъ его необузданнаго гнѣва. Ученье, маневры, караулы, внезапныя тревоги, составленіе новыхъ уставовъ для строевой, караульной и лагерной службы, положеній для хозяйственнаго управленія и тому подобнаго отнимали у офицеровъ все время, такъ что имъ часто приходилось не раздѣваться по два и по три дня, не досыпать, не доѣдать и за всякое ничтожное упущеніе подвергаться оскорбленіямъ, аресту, разжалованію. Но зато неуклонное исполненіе уставовъ, рвеніе, безпрекословная покорность, вызывали со стороны цесаревича знаки милостиваго благоволенія.

«Въ Гатчинѣ служба была тяжелая, но пріятная», разсказывалъ Аракчеевъ: «потому что усердіе всегда было замѣчено, а знаніе дѣла и исправность отличены. Наслѣдникъ меня жаловалъ, но иногда журилъ крѣпко, всегда почти за неисправность другихъ. Однажды, когда мнѣ крѣпко досталось за упущеніе по службѣ караульнаго офицера, я побѣжалъ съ горя въ церковь, сталъ молиться, класть земные поклоны; чувствовалъ свою безвинность, но думалъ, что лишился навсегда милости наслѣдника цесаревича, не могъ удержать слезъ и даже зарыдалъ. Въ церкви не было никого, кромѣ понамаря, который тушилъ свѣчи. Вдругъ послышались за мной шаги и звукъ шпоръ. Я вскочилъ, утеръ слезы, оглянулся и вижу наслѣдника престола.

«— О чемъ ты плачешь?» спросилъ онъ меня ласково.

«— Мнѣ больно лишиться милости вашего императорскаго высочества».

«— Да ты вовсе не лишился ея», промолвилъ наслѣдникъ, положивъ мнѣ руку на плечо, «и никогда не лишишься, если будешь вести себя и служить такъ, какъ до сихъ поръ. Молись Богу и служи вѣрно; ты знаешь, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ!..»

«Я бросился на колѣни передъ наслѣдникомъ и въ избыткѣ чувствъ воскликнулъ:

«— У меня только и есть, что Богъ и вы!..»

«Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою изъ церкви. Я шелъ за нимъ въ молчаніи; наконецъ онъ остановился, быстро посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

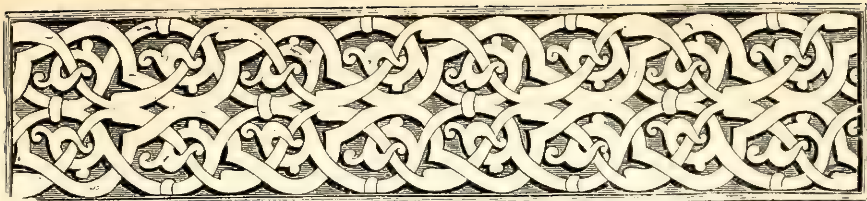
« — Ступай домой... со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка.»

Павелъ Петровичъ сдержалъ свое обѣщаніе. Съ той минуты Аракчеевъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему

людей. Въ теченіе трехъ лѣтъ, въ 1793—1796 годахъ, онъ получилъ чины майора, подполковника и полковника, сдѣланъ комендантомъ Гатчины и, сверхъ того, назначенъ инспекторомъ пѣхоты гатчинскихъ войскъ. 6-го ноября 1796 года, императоръ Павелъ воцарился, и въ первомъ же приказѣ, отданномъ имъ 7-го ноября, имя Аракчеева стояло первымъ. Онъ былъ назначенъ комендантомъ Петербурга и произведенъ въ генералъ-майоры.

Съ этой минуты счастливая звѣзда Аракчеева засіяла, разгораясь, къ несчастью для Россіи, все ярче и ярче, и наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, затмивъ всѣ другія звѣзды, блестѣвшія у трона, одиноко мерцала среди того мрака, которымъ себя окружила.

Сынъ Аракчеева.

РАФЪ Аракчеевъ, несмотря на свою суровость, безсердечіе и жестокость, былъ доступенъ нѣжнымъ чувствамъ. Онъ до старости питалъ особенную склонность къ прекрасному полу и для красивыхъ женщинъ забывалъ тѣ строгія правила нравственности, которыя съ такой неумолимой безпощадностью старался водворить среди своихъ подчиненныхъ. Почти половина книгъ его библіотеки въ Грузинѣ состояла изъ сочиненій не совсѣмъ цѣломудреннаго содержанія, въ родѣ «Любовники и супруги, или мужчины и женщины», «Читай, смекай, и можетъ быть слюбится», «Атала, или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ», «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи въ любви», и т. п. У себя въ усадьбѣ онъ соорудилъ въ память своего воспитателя Мелиссино павильонъ и наполнилъ его соблазнительными картинами, которыя были закрыты зеркалами, отворявшимися посредствомъ потайныхъ пружинъ. Павильонъ этотъ стоялъ уединенно на островѣ, среди большого пруда, и только самымъ близкимъ пріятелямъ Аракчеевъ показывалъ его внутренность; въ отсутствіе же графа никто не смѣлъ сюда проникнуть. Даже на фарфоровыхъ десертныхъ тарелкахъ, привезенныхъ Аракчеевымъ изъ Парижа, отчасти замѣтенъ тотъ же вкусъ. Изъ описи посуды видно, что на ней были изображены: «Любовь въ табакеркѣ», «Венера въ банѣ», «Любовь заставляетъ плясать трехъ грацій», «Любовь перевозитъ время» и т. п. Извѣстна его связь съ женой синодскаго секретаря Пуколовой, которая,

пользуясь своею близостью къ всемогущему графу, за крупныя взятки обдѣлывала разныя дѣла. Не одинъ только его тяжелый, деспотическій характеръ, но и любовныя похожденія были причиной того, что черезъ годъ съ небольшимъ послѣ женитьбы на Натальѣ Ѳедоровнѣ Хомутовой, женщинѣ достойной во всѣхъ отношеніяхъ, онъ до такой степени опротивѣлъ ей, что она убѣжала отъ него и болѣе никогда не желала съ нимъ видѣться. При случаѣ Аракчеевъ охотно покупалъ себѣ въ дворню красивыхъ дѣвушекъ, и одна изъ такихъ покупокъ оказалась настолько удачной, что приковала его къ себѣ на цѣлыя двадцать пять лѣтъ и имѣла на него огромное вліяніе. Это была Настасья Минкина, дочь кучера, чуть ли не цыганка родомъ. По крайней мѣрѣ, Настасья своей наружностью очень походила на цыганку. У нея были черные, какъ смоль, волоса, большіе черные глаза, полные страсти и огня, и смуглый цвѣтъ лица, на которомъ игралъ живой румянецъ. Смѣтливая и бойкая, она быстро поняла характеръ Аракчеева, изучила его вкусы и привычки, старалась угадывать и предупреждать его желанія и скоро совсѣмъ очаровала своего грознаго барина. Пожалованная въ званіе «экономки», она завела въ грузинской усадьбѣ такіе образцовые порядки, о которыхъ графъ давно мечталъ, но которыхъ никакъ не могъ добиться. Понемногу она вошла въ неограниченное довѣріе Аракчеева и въ его отсутствіе управляла не только усадьбой, но и всей грузинской вотчиной на правахъ полной хозяйки. Такимъ образомъ, простая, необразованная крестьянка сумѣла подчинить себѣ желѣзный характеръ могущественнѣйшаго для своего времени вельможи въ государствѣ и стала играть въ Грузинѣ выдающуюся роль. Императоръ Александръ въ свое посѣщеніе Грузина заходилъ къ ней и оказывалъ знаки вниманія. Подчиненные Аракчееву генералы, не говоря уже о мелкихъ чинахъ, нисколько не стыдясь, цѣловали у нея руки, льстили ей, заискивали ея милостей. Простой народъ никакъ не могъ понять пристрастія всесильнаго и богатаго графа къ мужичкѣ и объяснялъ это колдовствомъ и волшебствомъ со стороны Настасьи. До сихъ поръ въ грузинскихъ преданіяхъ она рисуется колдуньей и вѣдьмой. Поэтому во всей грузинской волости и въ военныхъ поселеніяхъ всѣ страшно боялись аракчеевской экономки, твердо вѣруя въ ея сверхъестественную силу.

Настасья была, дѣйствительно, отличная хозяйка. Она не давала никому отдыха, входила во всѣ мелочи, сама ѣздила на работы, на сѣнокосъ, наблюдала за проведеніемъ дорогъ, за копаніемъ прудовъ и канавъ, по нѣскольку разъ въ день заглядывала на скот-

ный и птичій дворы, даже графскихъ музыкантовъ посылала чистить садъ и убирать хворостъ. Она варила превосходное варенье, сушила зелень, отправляла въ Петербургъ къ столу Аракчеева разную провизію счетомъ, вѣсомъ и мѣрою, чѣмъ приводила его въ восхищеніе.

Сохранилось нѣсколько писемъ Настасьи къ Аракчееву, гдѣ она въ мельчайшихъ подробностяхъ докладываетъ ему о своихъ распоряженіяхъ по хозяйству, сообщаетъ о ходѣ полевыхъ и другихъ работъ, о поведеніи дворни и т. д. Въ каждомъ письмѣ она непремѣнно увѣряетъ графа въ своей горячей любви къ нему, съ нѣжностью заботится о его здоровьѣ, льститъ ему и даже слегка ревнуетъ.

«Рада умереть у ногъ вашихъ», пишетъ она въ одномъ письмѣ, «ожидаю вашихъ милыхъ писемъ, они утѣшаютъ меня. Прошу Бога, чтобы онъ спасъ вашу жизнь, далъ здоровья... Цѣлую ваши ручки, милый, и ножки... Скука несносная! Ахъ, другъ мой, нѣтъ васъ— нѣтъ для меня веселья и утѣшенія, кромѣ слезъ. Дай Богъ, чтобы ваша любовь была такова, какъ я чувствую къ вамъ. Одинъ Богъ видитъ ее: вамъ не надобно сомнѣваться въ своей Настѣ, которая каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу, другъ мой добрый, что часто въ васъ сомнѣваюсь; но все прощаю... Что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбою; но ваша слуга Настя всегда будетъ, до конца своей жизни, одинакова».

«Отецъ мой, неоцѣненный благодѣтель», пишетъ она въ другомъ письмѣ, получивъ извѣстіе о смерти матери Аракчеева, «прошу именемъ Божіей Матери поберегите себя. Я очень вѣрю и чувствую вашу потерю; но, душа моя, вспомни ея лѣта и слабое здоровье,— это можно было ожидать. Но ваша вѣрная слуга проситъ, какъ единственнаго друга, поберегите свое здоровье. Ахъ, отецъ мой, если бы я знала вашу печаль, пріѣхала бы къ вамъ, увѣрена была, что простили бы свою Настю. Прошу Бога, чтобы спасъ отца моего. Надѣюсь на его милосердіе. Онъ сохранитъ васъ; но не знаю, гдѣ вы, мой отецъ, какъ ваше здоровье, увѣдомь свою Настю, она ожидаетъ ежеминутно, не лишай милости своей и любви. Вы пишете, чтобы не оставила и была бы вѣрная слуга. Одинъ гробъ заглушитъ чувства моей любви къ вамъ, я люблю васъ столь много, что не могу болѣе любить. Этому Богъ свидѣтель».

Однако, несмотря на прочность своего положенія въ Грузинѣ и на постоянныя доказательства привязанности къ ней со стороны Аракчеева, Настасья все-таки задумывалась о своей будущности. Конечно, ее страшило, что графъ можетъ къ ней охладѣть, при-

вязаться къ другой женщинѣ, и тогда, при его скупости и безсердечіи, она могла остаться въ самомъ жалкомъ положеніи. Желая прикрѣпить къ себѣ Аракчеева болѣе надежными и неразрывными узами, она задумала коварный планъ, который и привела въ исполненіе, пользуясь частыми и продолжительными отлучками своего «благодѣтеля» изъ имѣнія.

Въ одной изъ дальнихъ деревень грузинской волости умеръ бѣдный крестьянинъ Лукьяновъ, оставивъ беременную жену. Узнавъ объ этомъ, Настасья при посредничествѣ жившей у нея и безгранично преданной ей старухи предложила Лукьяновой уступить навсегда, за денежное вознагражденіе, ребенка, когда онъ родится, обѣщаясь воспитать его по-барски и сдѣлать счастливымъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Лукьянова согласилась и дала клятву хранить все въ тайнѣ. Тогда Настасья распустила слухъ, что она беременна, и разыграла свою роль съ такимъ искусствомъ, что Аракчеевъ вполнѣ ей повѣрилъ. У Лукьяновой родился мальчикъ, который въ ту же ночь былъ тайно доставленъ въ Грузино. Чтобы лучше скрыть обманъ, Лукьянова объявила, что родила мертваго ребенка, а сельскій священникъ, подкупленный Настасьей, схоронилъ пустой гробикъ, куда была положена чурка. Тотчасъ по доставленіи ребенка, Настасья слегла въ постель и распустила слухъ, что разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Лукьянова была взята къ нему кормилицей. Аракчеевъ, получивъ объ этомъ извѣстіе въ Петербургѣ, чрезвычайно обрадовался, написалъ Настасьѣ письмо, дышащее нѣжностью, и осыпалъ ее подарками. Все было ведено такъ ловко и скрытно, что почти никто не зналъ истины, а тѣ немногіе, которые ее знали, со страхомъ и трепетомъ хранили тайну, боясь преслѣдованія и мщенія со стороны злой наперсницы Аракчеева.

При крещеніи мальчикъ былъ записанъ въ метрическую книгу подъ именемъ купеческаго сына Михаила Ивановича Лукина. Но Аракчееву хотѣлось непремѣнно добыть ему дворянство, что̀ представляло въ то время большія затрудненія. Кто-то сообщилъ графу, что въ городѣ Слуцкѣ, Минской губерніи, проживаетъ адвокатъ Тамшевскій, который за извѣстное вознагражденіе выправляетъ какіе угодно документы на дворянство. Аракчеевъ послалъ въ Слуцкъ своего приближеннаго генерала Бухмейера, и тотъ привезъ оттуда бумаги на имя дворянина Михаила Андреевича Шумскаго.

Расчеты Настасьи оправдались вполнѣ. Аракчеевъ былъ въ восторгѣ отъ рожденія сына и сдѣлался еще болѣе внимательнымъ къ своей любовницѣ. Онъ сталъ рядить ее, какъ куклу, возилъ

съ собою всюду при осмотрѣ работъ въ военныхъ поселеніяхъ и положилъ, несмотря на свою скупость, двадцать четыре тысячи въ банкъ на ея имя, при чемъ она была записана въ купчихи.

Шумскій росъ въ богатой графской усадьбѣ, въ холѣ, роскоши и баловствѣ.

Но, къ его несчастію, самъ Аракчеевъ никогда не понималъ сущности воспитанія, а у мнимой матери своей онъ могъ выучиться только притворству, лжи и обману. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о жизни аристократіи и зная о ней лишь по наслышкѣ, она на каждомъ шагу насиловала ребенка, стараясь привить ему воображаемыя аристократическія манеры. Онъ былъ связанъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, долженъ былъ постоянно говорить затверженныя фразы, льстить Аракчееву и обманывать его и относиться съ гордостью и презрѣніемъ къ низшимъ. За всякую ошибку, за всякое проявленіе дѣтскаго чувства, Настасья сѣкла его такъ жестоко, что иногда кормилица бросалась передъ ней на колѣни, моля о пощадѣ и даже угрожая довести обо всемъ до свѣдѣнія графа.

Когда Шумскому минуло шесть лѣтъ, Аракчеевъ, желая дать ему блестящее для того времени образованіе, помѣстилъ его сперва въ пансіонъ Греча, а потомъ для изученія иностранныхъ языковъ въ пансіонъ пастора Каллинса. Послѣ предварительной подготовки Шумскій былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, при чемъ графъ договорился, чтобы ему давались приватные уроки изъ математики и языковъ французскаго и нѣмецкаго съ платой по 10 руб. за урокъ.

Съ поступленіемъ въ корпусъ для Шумскаго начались разочарованія. Онъ очутился одинокимъ среди знатныхъ, столбовыхъ дворянъ, которыми исключительно пополнялись пажи, и переживалъ горькія минуты, когда въ случайныхъ столкновеніяхъ и ссорахъ товарищи давали ему чувствовать, иногда въ рѣзкой формѣ, разницу между ними, дѣтьми родовитыхъ людей, и имъ, незаконнымъ сыномъ простой крестьянки. Около него не было ни любящаго сердца, которое могло бы раздѣлить его горе, ни опытнаго руководителя, который разъяснилъ бы ему волновавшіе его вопросы и подалъ бы ему нравственную поддержку. Въ сущности добрый и чувствительный, онъ былъ вынужденъ таить въ глубинѣ души обиды и сомнѣнія, сдѣлался дерзкимъ и вызывающимъ и примкнулъ къ небольшому кружку испорченныхъ юношей, составляющихъ неизбѣжное зло всякаго закрытаго заведенія. Начальство изъ угожденія Аракчееву поблажало ему, прикрывало его шалости и кутежи и аттестовало его съ самой лучшей стороны, тѣмъ болѣе, что онъ учился недурно.

Въ 1821 году, Шумскій былъ выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ въ гвардейскую конную артиллерію. Аракчеевъ на радостяхъ не пожалѣлъ значительной суммы на обмундировку молодого офицера. По своему обычаю онъ записалъ всѣ мельчайшія подробности сдѣланныхъ на это расходовъ, при чемъ оказалось, что обмундировка обошлась въ 2.038 р. 70 к. По приказанію Настасьи, Шумскій написалъ графу благодарственное письмо, заканчивавшееся слѣдующей фразой: «но возможно ли, благодѣтель мой, исчислить всѣ благодѣянія, коими вы меня осыпали и кои теперь еще щедрою рукою на меня изливаете. Молю Бога, дабы онъ продлилъ жизнь вашу для блага многихъ несчастныхъ, требующихъ помощи».

Аракчеевъ считалъ необходимымъ, чтобы Шумскій, для своего совершенствованія и успѣховъ въ обществѣ, продолжалъ практиковаться въ французскомъ языкѣ, черченіи и рисованіи. Желая лично, насколько это было возможно, слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ своего питомца, онъ, всю жизнь гоняясь за одною только формальностью, далъ ему подробную форму, составленную по пунктамъ, для ежедневныхъ отчетовъ о всѣхъ занятіяхъ, съ обозначеніемъ, что̀ именно въ каждый часъ сдѣлано. Конечно, Шумскому была не по душѣ такая аккуратность; науки уже надоѣли ему, и на умѣ было совсѣмъ другое; однакожъ, вспоминая иногда объ отчетахъ, онъ принимался за перо и посылалъ своему благодѣтелю поденную записку, мѣшая правду съ небылицами. Въ этихъ запискахъ онъ сообщалъ, сколько часовъ рисовалъ, читалъ по-французски, ѣздилъ верхомъ, сколько времени продолжались разводъ или ученье, кому салютовалъ, какія ошибки дѣлалъ онъ по фронтовой службѣ, въ которомъ часу пилъ чай, у кого, кто тамъ былъ и о чемъ разговаривали (напр., о лошадяхъ), какимъ развлеченіемъ былъ занятъ въ гостяхъ (напр., играли въ курочку) и т. д. Аракчеевъ читалъ все это со вниманіемъ и писалъ на поляхъ свои замѣчанія и наставленія.

Сдѣлавшись гвардейскимъ офицеромъ, Шумскій еще сильнѣе почувствовалъ фальшивость своего положенія. Двери знатныхъ домовъ были для него закрыты, большинство товарищей сторонилось отъ него, въ ихъ обращеніи онъ чувствовалъ пренебреженіе, начальство относилось къ нему холодно и въ порывахъ неудовольствія дѣлало нерѣдко ѣдкіе намеки на его родословную. Все это глубоко оскорбляло его; притомъ же и въ Петербургѣ и въ Грузинѣ онъ видѣлъ общую ненависть къ своему названному отцу и своей матери и сознавалъ ея справедливость потому, что на каждомъ шагу убѣждался въ ихъ безсердечіи, жестокости и черствомъ

эгоизмѣ. Эта ненависть невольно отражалась на немъ и подавляла его. Аракчеевъ, съ своей стороны, не могъ не понимать фальшиваго положенія, въ которое былъ поставленъ его незаконный сынъ. Думая поднять его въ мнѣніи общества, онъ упросилъ императора Александра сдѣлать Шумскаго флигель-адъютантомъ и этимъ уже окончательно создалъ ему невыносимую обстановку. Безхарактерный и лишенный всякихъ нравственныхъ основъ, Шумскій не имѣлъ силы бороться съ обстоятельствами и найти выходъ изъ окружавшей и угнетавшей его атмосферы. Онъ началъ искать забвенія своихъ душевныхъ страданій въ кутежахъ и, мало-по-малу, падая все ниже и ниже, скоро дошелъ до крайней степени разнузданности и безпросыпнаго пьянства. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ онъ позволялъ себѣ самыя дикія выходки, заводилъ всевозможные скандалы, являлся на ученье въ нетрезвомъ видѣ и даже разъ, подскакавъ на смотру съ рапортомъ къ государю совершенно пьяный, не удержался на лошади, упалъ и расшибся. Однако, страхъ передъ всемогущимъ Аракчеевымъ былъ такъ великъ, что Шумскому все сходило съ рукъ, и до свѣдѣнія графа достигали лишь кое-какіе неясные и сглаженные слухи о поведеніи его питомца. Аракчеевъ въ порывахъ гнѣва грозилъ рѣшительными мѣрами, но тогда на выручку являлась Настасья и своими просьбами и ласками успѣвала отвести грозу. Шумскій каялся, вымаливалъ прощеніе и на другой же день возвращался къ обычному образу жизни и кутежамъ.

Такъ продолжалось до конца 1825 года, когда Аракчеева поразили почти одновременно два жестокіе удара. Умерла Настасья, зарѣзанная дворовыми людьми, выведенными изъ терпѣнія ея жестокостью, и скончался императоръ Александръ I. Въ Настасьѣ Аракчеевъ потерялъ единственнаго человѣка, котораго считалъ преданнымъ себѣ другомъ, а въ Александрѣ лишился единственной своей опоры. Потрясенный горемъ, онъ затворился въ Грузинѣ, понимая, что его значеніе и сила исчезли безвозвратно, и что изъ могущественнаго временщика онъ внезапно превратился въ ничтожество, такъ какъ новый императоръ Николай I, еще въ бытность свою великимъ княземъ, явно выказывалъ ему свое нерасположеніе. Что касается Шумскаго, то онъ отнесся съ полнымъ равнодушіемъ къ смерти матери, а паденію Аракчеева, котораго ненавидѣлъ, искренно радовался вмѣстѣ съ другими. Забывая, что теперь онъ уже ни въ комъ не можетъ найти поддержки и долженъ разсчитывать только на самого себя, Шумскій нисколько не измѣнилъ своего поведенія и попрежнему пьянствовалъ и дебоширничалъ.

пока, наконецъ, дикой и нелѣпой выходкой не разбилъ навсегда своей будущности.

Однажды, послѣ трактирной пирушки, находясь почему-то въ мрачномъ настроеніи духа, онъ, чтобы развлечься, отправился въ театръ. Слегка пошатываясь, пробрался онъ на доставшееся ему кресло въ третьемъ ряду. Какъ разъ напротивъ него во второмъ ряду сидѣлъ толстый господинъ съ огромной, лоснившейся лысиной. Давали какую-то веселую пьесу съ пѣніемъ и танцами. Толстякъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ представленія, ерзалъ на своемъ стулѣ, заливался самымъ искреннимъ смѣхомъ и усердно хлопалъ каждой остротѣ и куплету. Шумскаго это злило и раздражало. Нѣсколько рюмокъ водки, выпитыхъ въ антрактѣ, привели его въ еще бо́льшее раздраженіе. Когда послѣ второго акта, кончившагося пляской, стали опускать занавѣсъ, толстякъ въ восхищеніи началъ неистово хлопать и кричать: «браво!» Шумскій не выдержалъ. Вскочивъ съ своего мѣста, онъ принялся изо всей силы хлопать по лысинѣ толстяка, въ свою очередь крича: «дуракъ! болванъ!» Въ театрѣ, при видѣ этой безобразной сцены, произошелъ переполохъ, раздались негодующіе голоса, нѣкоторые бросились за полиціей, но никто не рѣшался подступить къ Шумскому. Явился плацъ-адъютантъ и уговорилъ его уѣхать изъ театра. На другой день утромъ о поступкѣ Шумскаго было доведено до свѣдѣнія государя. Резолюція состоялась немедленно: лишить флигель-адъютантскаго званія, перевести тѣмъ же чиномъ (Шумскій былъ въ то время поручикомъ) во владикавказскій гарнизонный полкъ и черезъ 24 часа отправить къ мѣсту служенія. Аракчеевъ, увѣдомленный о катастрофѣ, постигшей его названнаго сына, въ короткомъ и сухомъ письмѣ сообщилъ ему, что отрекается отъ него навсегда и запрещаетъ обращаться къ нему съ напоминаніемъ о своемъ существованіи.

Шумскій пробылъ на Кавказѣ четыре года. Въ 1827 г., когда возникла война съ Персіей, а вскорѣ затѣмъ и съ Турціей, онъ выпросилъ позволеніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ переведенъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, пока продолжалась война, онъ находился во множествѣ стычекъ и сраженій и при осадѣ разныхъ крѣпостей выказалъ беззавѣтную храбрость, былъ раненъ, получилъ два высочайшихъ благоволенія и ордена св. Анны 4-й и 3-й степени съ бантомъ. Но какъ только былъ заключенъ миръ и войска вернулись на свои постоянныя квартиры, Шумскій принялся за старое. Онъ пьянствовалъ не только съ офицерами, но и съ солдатами, проводилъ

дни и ночи въ питейныхъ домахъ, манкировалъ службой и нерѣдко мертвецки-пьяный валялся въ офицерской формѣ на улицѣ. Такого товарища нельзя было терпѣть въ полку, и въ 1830 г. онъ былъ уволенъ въ отставку «по болѣзни».

Одинъ изъ офицеровъ, ѣхавшій въ отпускъ, довезъ его до Москвы; а отсюда онъ кое-какъ добрался до Грузина; но Аракчеевъ не пожелалъ его видѣть и выслалъ ему письмо къ новгородскому вице-губернатору, Зотову, котораго просилъ куда-нибудь пристроить своего пріемнаго сына; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ камердинеру одѣть Шумскаго въ платье, заготовленное для дворовыхъ людей, выдать ему на руки 25 рублей и немедленно отвезти въ Новгородъ. Зотовъ опредѣлилъ его канцелярскимъ чиновникомъ въ казенную палату, которой онъ, по тогдашнимъ порядкамъ, былъ предсѣдателемъ. Шумскій крѣпился нѣсколько дней, но, получивъ жалованье, запилъ. Разъ онъ явился въ палату въ такомъ безобразномъ видѣ, что Зотовъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать ему въ присутствіи чиновниковъ строгій выговоръ. Вице-губернаторъ говорилъ долго и краснорѣчиво. Шумскій стоялъ молча и, повидимому, слушалъ внимательно и почтительно, не возражая ни слова, такъ что Зотовъ начиналъ думать, что его убѣжденія подѣйствовали на виновнаго, какъ вдругъ Шумскій схватилъ стоявшую вблизи чернильницу и пустилъ ее въ своего начальника, едва успѣвшаго уклониться отъ удара. Разумѣется, Зотовъ на другой же день отослалъ Шумскаго въ Грузино, письменно объяснивъ Аракчееву происшедшее. Графъ пришелъ въ бѣшенство и велѣлъ выгнать Шумскаго изъ усадьбы.

Не зная, куда приклонить голову, Шумскій отправился въ деревню къ своей кормилицѣ Лукьяновой и попросилъ у нея пристанища. Онъ былъ тронутъ нѣжной лаской и любовью, съ которыми былъ встрѣченъ этой простой женщиной. Она обхватила его голову руками, горячо цѣловала въ губы, лобъ, глаза, приговаривая: «дорогой мой! родной мой!» На лицо его падали ея горячія слезы, и онъ не старался освободиться отъ ея объятій; какое-то новое, невѣдомое имъ раньше чувство охватило его,—ему было радостно и легко. Найдя такой радушный пріемъ у своей кормилицы, Шумскій поселился въ убогой избѣ и въ сущности былъ доволенъ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что старуха съ утра до вечера заботилась только о томъ, чтобы угодить ему. Но у нея не было средствъ для удовлетворенія его страсти къ вину, и Шумскій надумалъ добывать ихъ, предлагая военно-поселенцамъ учить

грамотѣ ихъ дѣтей. Желающіе нашлись, и хотя вознагражденіе было ничтожное, все же его хватало на выпивку.

Странствуя изъ деревни въ деревню для занятій съ своими учениками, Шумскій случайно узналъ, что въ первомъ округѣ военныхъ поселеній живетъ переведенный сюда на службу одинъ изъ товарищей его по гвардіи Гриббе и рѣшился его посѣтить. Объ этомъ посѣщеніи сохранился слѣдующій разсказъ Гриббе.

«Однажды», пишетъ онъ, «когда послѣ обѣда я расположился на диванѣ отдохнуть отъ усиленной бѣготни по служебнымъ дѣламъ въ сильную лѣтнюю жару, отворяется дверь, и въ комнату входитъ человѣкъ въ синей накинутой на плечи сибиркѣ, въ плисовыхъ шароварахъ и въ красной кумачной рубахѣ, чуть не половина которой покрывалась окладистой темнорусой бородой. Быстро подошелъ онъ къ столу, стоявшему передъ диваномъ, и принялъ торжественную позу. Признаюсь, я былъ очень удивленъ этой выходкой человѣка, повидимому, ямщика или деревенскаго разгульнаго парня.

«— Что ты за человѣкъ? Что тебѣ здѣсь нужно?» спросилъ я, возвысивъ голосъ и привсталъ съ дивана.

«— Не узнаешь стараго пріятеля!» произнесъ онъ, укоризненно качая головой. «Я Мишель Шумскій.»

«При звукѣ его голоса мнѣ невольно вспомнилась моя молодость, лучшіе, беззаботнѣйшіе годы моей жизни. Я вскочилъ съ дивана и бросился горячо обнимать стараго товарища.

«— Успокойся, мой другъ», хладнокровно остановилъ онъ меня. «Не волнуйся слишкомъ. Ты знаешь, что на пути моей жизни я испыталъ всѣ превратности судьбы и капризы фортуны; однакоже, изъ всей этой науки я ровно ничего не вынесъ путнаго и до сихъ поръ не измѣнился. Ты видѣлъ меня въ мундирѣ флигель-адъютанта, а теперь полюбуйся, каковъ я въ костюмѣ мужика. Не спрашивай меня, что̀ я, откуда явился и гдѣ обрѣтаюсь теперь... Я бродяга и больше ничего. Пришелъ на старое пепелище, узналъ, что ты, старый дружище, обрѣтаешься здѣсь, и спѣшу предстать предъ твои ясныя очи...»

«Все это онъ проговорилъ не то торжественно, не то шутовскимъ тономъ, видимо, однакоже, рисуясь. Затѣмъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:

«— Однако, братъ, соловья баснями не кормятъ. Скомандуй-ка, пожалуйста, по старинѣ, подать водки, у меня все горло пересохло».

«Я кликнулъ денщика и приказалъ подать водку и закуску. Шумскій съ видимымъ удовольствіемъ выпивалъ одну рюмку за другою, пока не осушилъ всего графина.

«— Вели-ка, братъ, еще подать; тутъ нѣтъ уже ничего», обратился онъ ко мнѣ, показывая графинъ и съ какимъ-то презрѣніемъ разглядывая его на свѣтъ.

«— Ну, мой милый, извини!» отвѣчалъ я. «Самъ я этимъ художествомъ не занимаюсь, и потому водки у меня держится не много, а посылать очень далеко!»

«— Ахъ, ты! Видно, все еще придерживаешься аракчеевщины! А еще пріятелями были! Ну, да Богъ съ тобой! Прощай! Мнѣ пора и отправляться».

«Мы простились. Посѣщеніе Шумскаго произвело самое тяжелое впечатлѣніе. Въ особенности непріятно было видѣть въ немъ какое-то совершенно безучастное отношеніе ко всему, даже къ собственной особѣ. На все окружающее, какъ на людей, такъ и на предметы, онъ смотрѣлъ холодно и равнодушно; видно было, что въ этомъ человѣкѣ не живетъ уже болѣе никакого чувства: все въ немъ вымерло, выгорѣло въ томъ всероссійскомъ горнилѣ, которое называется «запоемъ», и въ которомъ гибнетъ столько человѣческихъ личностей, нерѣдко очень даровитыхъ. Только вино и, такъ называемая, кабацкая посуда пробуждали его вниманіе и оживляли его.

«Въ тотъ же вечеръ, часу въ девятомъ мнѣ дали знать, что какой-то человѣкъ въ безчувственно-пьяномъ видѣ валяется у воротъ лазарета лейбъ-гвардіи Гродненскаго полка. Когда я прибѣжалъ туда, то засталъ тамъ уже цѣлую процессію съ Шумскимъ по срединѣ, котораго солдаты несли къ подводѣ. По распоряженію окружного командира, бѣднягу отправили на станцію Спасскую Полисть къ становому приставу. Съ тѣхъ поръ я уже никогда не слышалъ о немъ...».

Недолго пришлось Шумскому благодушествовать подъ кровомъ своей кормилицы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она заболѣла и умерла. На смертномъ одрѣ старуха открыла своему сыну тайну его происхожденія. Ея неожиданное признаніе потрясло Шумскаго до глубины души. Онъ терялъ родную мать въ ту минуту, какъ нашелъ ее, и теперь оставался совершенно одинокимъ на этомъ свѣтѣ. Горько оплакавъ свою потерю, онъ невольно задумался о своемъ положеніи. У него снова не было ни пріюта, ни куска хлѣба; приходилось или жить мірскимъ подаяніемъ, или попытаться умилостивить ненавистнаго Аракчеева и просить его помощи. Онъ рѣшился на послѣднее и прибѣгнулъ къ посредничеству генерала Бухмейера, стараго пріятеля графа. Бухмейеръ принялъ въ немъ участіе и написалъ Аракчееву письмо, въ которомъ, ходатайствуя за Шумскаго, говорилъ между прочимъ:

«Легко можетъ придти на него добрая и счастливая минута—осмѣлиться предстать предъ вами съ чистымъ отъ души покаяніемъ въ содѣланныхъ противъ васъ непристойностяхъ и грубостяхъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы, а потому ничего въ мірѣ семъ нѣтъ невозможнаго; а легко можетъ быть ему опредѣлено, въ возмездіе вашихъ о немъ съ дѣтства его благодѣтельныхъ попеченій, усладить еще ваши преклонныя лѣта, поелику не безъ примѣровъ, что самые развратные и потерянные люди возвращались къ добру».

Письмо Бухмейера достигло цѣли. Аракчеевъ, самъ разбитый душевно и больной, сдѣлался мягче и снисходительнѣе и согласился допустить къ себѣ Шумскаго.

— Вотъ что, Михаилъ Андреевичъ, сказалъ онъ своимъ обычнымъ, суровымъ тономъ, когда тотъ предсталъ передъ нимъ въ его кабинетѣ:—мною было сдѣлано все, чтобы образовать изъ васъ человѣка, какъ слѣдуетъ быть дворянину. Но ничто не пошло въ прокъ. Вы упали такъ низко, что никогда уже не подниметесь. Въ мірѣ для васъ все потеряно. Однако, есть мѣсто, гдѣ вы еще можете быть полезнымъ, если не для близкихъ, то, по крайней мѣрѣ, для себя. Ваша жизнь полна горькихъ заблужденій; пора вамъ подумать о своемъ спасеніи и загладить грѣхи вашей юности молитвою и покаяніемъ. Я бы совѣтовалъ вамъ попробовать поискать себѣ утѣшенія въ монашеской жизни; особенно хорошо было бы вамъ пожить въ Юрьевскомъ монастырѣ. Отецъ архимандритъ Фотій человѣкъ высокаго ума и строгой жизни. Подъ его руководствомъ и покровительствомъ вы бы нашли успокоеніе души своей и, можетъ быть, полезное занятіе.

— Я не нахожу себя способнымъ къ монашеской жизни, проговорилъ Шумскій.

— Чего не испытаешь, того не знаешь,—съ усмѣшкой возразилъ Аракчеевъ.—А, можетъ быть, это и есть ваше настоящее призваніе. Я васъ не неволю. Но, по моему мнѣнію, гораздо лучше имѣть какое-нибудь вѣрное средство къ жизни, чѣмъ томиться неопредѣленностью своей участи и рисковать умереть съ голода. Подумайте,—прибавилъ онъ внушительно и легкимъ наклоненіемъ головы далъ понять, что аудіенція окончена.

Хорошо зная характеръ Аракчеева, Шумскій убѣдился, что произнесенное имъ рѣшеніе безповоротно и всякія дальнѣйшія объясненія безполезны. Выбирать было не изъ чего, и онъ, подумавъ, сообщилъ графу о своемъ согласіи на его предложеніе. Аракчеевъ еще разъ вызвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ нѣсколько назидательныхъ

наставленій, объявилъ, что назначаетъ ему ежегодное содержаніе по тысячѣ двѣсти рублей, вручилъ письмо къ Фотію и ласково простился.

Когда Шумскій пріѣхалъ въ Юрьевъ монастырь, его проводили къ архимандриту, и келейникъ взялъ отъ него письмо Аракчеева. Фотій не заставилъ себя долго ждать. Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ пріемную быстро отворилась, и Шумскій увидѣлъ невысокаго, худощаваго монаха съ блѣднымъ, сухимъ лицомъ, на которомъ ясно обрисовывались всѣ мускулы; глаза его свѣтились умомъ и энергіей. Въ его осанкѣ и движеніяхъ было столько достоинства, что Шумскій съ невольнымъ уваженіемъ низко ему поклонился и подошелъ подъ благословеніе.

— Ты, сынъ мой, сказалъ Фотій тихимъ, мягкимъ голосомъ:— пришелъ къ намъ искать убѣжища отъ суетъ мірской жизни?

— Точно такъ, ваше высокопреподобіе, отвѣчалъ Шумскій.

— Ревность по Богѣ и желаніе святой, иноческой жизни похвальны; только для этого мало одного желанія: надо имѣть твердую рѣшимость, чтобы отказаться отъ всѣхъ прелестей суетной мірской жизни и посвятить всего себя строгому воздержанію, смиренію и молитвѣ—первымъ и главнымъ добродѣтелямъ инока.

— Я на все готовъ, отвѣтилъ Шумскій.

— Искренно ли твое желаніе? спросилъ Фотій, устремивъ на него свой пронзительный взглядъ.

— Искренно, съ смущеніемъ проговорилъ Шумскій.

— Помоги тебѣ Богъ! сказалъ Фотій, осѣняя его крестомъ.— Ступай къ отцу намѣстнику, онъ устроитъ тебя.

Въ первое время строгая монашеская жизнь отрезвляющимъ образомъ подѣйствовала на Шумскаго, и въ немъ пробудилось искреннее желаніе исправиться. Десять мѣсяцевъ онъ крѣпился и сдерживалъ себя и безропотно несъ всѣ возлагавшіяся на него послушанія; но мало-по-малу напускная твердость характера въ немъ слабѣла, и онъ сперва робко и тайно, а потомъ смѣлѣе и явно началъ предаваться своей слабости. Монахи полюбили его и всячески старались укрыть отъ зоркихъ глазъ Фотія; однако, это не всегда удавалось. Фотій пробовалъ было дѣйствовать убѣжденіями и наставленіями; но, видя, что они не помогаютъ, принялъ строгія мѣры. Съ этихъ поръ жизнь Шумскаго въ монастырѣ сдѣлалась крайне тяжелой: ему приходилось проводить большую часть времени не въ своей кельѣ, а въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, и почти ежедневно отбывать налагавшіяся на него тягостныя епитимьи.

Въ 1834 году, Аракчеевъ умеръ, и Шумскій пересталъ получать назначенное ему графомъ содержаніе. Теперь онъ оказался для мо-

настыря человѣкомъ не только лишнимъ, но и вреднымъ, и Фотій постарался сбыть его съ рукъ, уговоривъ переселиться въ Соловецкую обитель.

О пребываніи Шумскаго въ Соловецкомъ монастырѣ сохранились любопытныя документальныя данныя. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ сюда онъ подалъ настоятелю слѣдующую просьбу:

«По прошенію, поданному мною на высочайшее его императорскаго величества имя объ увольненіи меня изъ новгородскаго Юрьева монастыря въ сей Соловецкій монастырь, я уволенъ изъ онаго послѣдовавшимъ въ Юрьевъ монастырь указомъ. Нынѣ, имѣя ревностное желаніе положить основаніе къ пріобученію себя трудамъ, иноческой жизни соотвѣтствующимъ, въ обители, начальству вашего высокопреподобія ввѣренной, покорнѣйше прошу васъ, принявъ сіе прошеніе мое, не оставить учинить распоряженіе ваше о включеніи меня въ штатъ послушниковъ».

Настоятель препроводилъ это прошеніе синодальному оберъ-прокурору графу Протасову при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

«Я, съ своей стороны, согласенъ бы его принять по предоставленному святѣйшимъ синодомъ праву настоятелямъ соловецкимъ опредѣлять въ послушники самимъ, такъ какъ онъ, Шумскій, ведетъ себя смирно и несетъ добровольно монастырскія послушанія, хотя противъ другихъ и легкія, но нахожусь въ нерѣшимости, ибо онъ высочайшимъ повелѣніемъ помѣщенъ здѣсь только для жительства. Посему осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство покорнѣйшей просьбой удостоить меня вашимъ наставленіемъ, можно ли мнѣ его принять въ желаемое имъ послушническое званіе».

Графъ Протасовъ отвѣчалъ, что, по докладѣ имъ государю императору прошенія Шумскаго, его величеству «благоугодно было изъявить на то свое согласіе».

Увлеченіе Шумскаго монастырской жизнью продолжалось недолго. Стѣсненія, которыя она налагала на него, скоро ему надоѣли, и черезъ два года онъ обратился къ государю съ новой просьбой, гдѣ, ссылаясь на суровый и нездоровый климатъ и сознаваясь въ «неудобоносимости для силъ его иноческаго бремени», разслабившаго его здоровье, просилъ освободить его отъ монашества и предоставить избрать другое состояніе.

Государь приказалъ спросить его, какое онъ избираетъ состояніе, гдѣ желаетъ поселиться и какіе имѣетъ способы къ существованію.

Шумскій поспѣшилъ воспользоваться милостивымъ вниманіемъ къ нему государя и представилъ подробное объясненіе.

«Намѣреніе мое», писалъ онъ, «при подачѣ перваго прошенія моего состояло, дабы, по увольненіи меня изъ Соловецкаго монастыря припасть къ стопамъ вашего величества и объяснить все горестное положеніе свое и умолять всемилосердную десницу вашу о милосердіи, если не лично, ибо вашимъ величествомъ воспрещенъ мнѣ въѣздъ въ обѣ столицы, что я, по всеподданнѣйшей присягѣ, преступить не дерзнулъ и не осмѣлюсь.

«Я не утруждалъ ваше величество доселѣ, ибо до кончины благодѣтеля моего графа Аракчеева, хотя я имѣлъ пребываніе въ монастырѣ, но получалъ отъ него щедрое пособіе по 100 руб. въ мѣсяцъ, съ обѣщаніемъ положить для меня капиталъ, съ коего я могъ бы пользоваться процентами, но непредвидѣнная смерть его разрушила всѣ сіи предположенія, тѣмъ болѣе, что я не находился при кончинѣ его, а потому и остался всего лишеннымъ.

«Нынѣ же по воспослѣдовавшему велѣнію вашего величества дерзаю, послѣднѣйшій изъ подданныхъ вашихъ, просить хотя малаго ежегоднаго пособія, которое, при монастырской жизни, было бы для меня весьма достаточнымъ для поддержанія болѣзненнаго состоянія моего, сколько вашему величеству благоугодно будетъ повелѣть воспроизводить; если же окажусь сего незаслуживающимъ, то высочайше повелѣть о назначеніи мнѣ отъ короны мѣста засѣдателя или подобное сему, сообразно чину моему, куда и въ какой губерніи вашему величеству благоугодно будетъ меня опредѣлить, ибо болѣзненное состояніе мое происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ лишенія способовъ къ поддержанію здоровья моего.

«Всемилостивѣйшій государь! Воззри всемилосерднымъ окомъ на несчастнаго, простри всемилосердную десницу твою и извлеки его изъ погибельнаго отчаянія. Тебѣ вручена Всевышнимъ участь Россіи, ты печешься о благосостояніи всѣхъ вѣрноподданныхъ твоихъ, отъ великаго до малаго; ужели я одинъ, несчастный, буду отвергнутъ? Ужели поступокъ неопытной молодости навсегда исключаетъ меня изъ сыновъ Россіи, полагающихъ надежду свою на тебя, государь, отца отечества, и я увѣренъ, что ваше величество не оставите дѣтей своихъ сирыхъ, ибо вся Россія дѣти твои».

Шумскій не ошибся въ своихъ расчетахъ на великодушіе императора Николая. Государь повелѣлъ производить ему изъ суммъ Кабинета пенсіонъ по 1,200 руб. въ годъ. Сообщая объ этомъ настоятелю, графъ Протасовъ поручилъ ему потребовать отъ Шумскаго окончательное свѣдѣніе, желаетъ ли онъ оставаться въ Со-

ловецкомъ монастырѣ, или, по суровости тамошняго климата, намѣренъ избрать мѣсто жительства въ какомъ-либо другомъ монастырѣ, и въ какомъ именно?

Въ сущности, Шумскому жилось въ Соловкахъ недурно; онъ пользовался относительной свободой; настоятель былъ человѣкъ добрый и смотрѣлъ сквозь пальцы на его слабость. Опасаясь натолкнуться въ другомъ монастырѣ на болѣе строгую дисциплину, Шумскій рѣшилъ остаться здѣсь. На радостяхъ отъ неожиданнаго полученія столь значительной пенсіи, онъ заявилъ, что жертвуетъ изъ нея на монастырь ежегодно по 300 руб. Но прошелъ годъ, и Шумскій промоталъ не только всю остальную пенсію, но еще задолжалъ нѣсколько десятковъ рублей. Это обстоятельство побудило его обратиться къ настоятелю съ просьбой вычитать изъ пенсіи не триста, а лишь сто рублей, что и было уважено. Съ этого времени онъ началъ снова сильно пьянствовать, доходя иногда до такого состоянія, что не могъ владѣть своими поступками. Онъ бралъ деньги взаймы, а когда требовали ихъ отдачи, ругался, отказывался отъ долга, заводилъ скандалы; закладывалъ свои вещи и требовалъ безъ отдачи денегъ ихъ возврата, и т. п. Отсюда возникли разныя непріятности и жалобы. Наконецъ настоятель вышелъ изъ терпѣнія и пригрозилъ ему донести объ его поведеніи въ Петербургъ. Шумскій испугался и подалъ настоятелю довольно курьезное прошеніе:

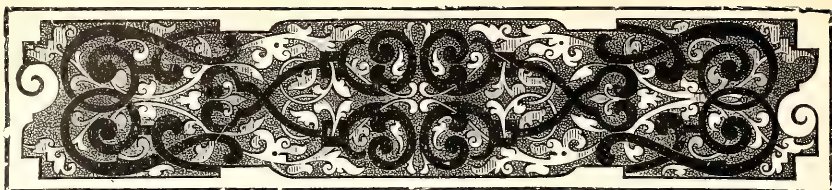
«Ваше высокопреподобіе, всемилостивѣйшій отецъ игуменъ! Чувствуя свою слабость и немощь и по болѣзненному положенію своему и лѣтамъ желая спасенія душевнаго, припадаю къ стопамъ вашимъ и всепокорнѣйше прошу приказать какъ братіи святой обители и скитовъ, такъ и штатнымъ служителямъ и рабочимъ, дабы не вѣрили и не давали мнѣ, нижеподписавшемуся, взаймы денегъ, ибо росписки будутъ считаться недѣйствительными и не будутъ пріемлемы, а равно вещей и платья отъ меня не принимать».

Въ 1841 г. Шумскій вдругъ заявилъ настоятелю, что желаетъ упорядочить свою жизнь и для этой цѣли жертвуетъ 600 рублей на постройку въ лѣсу Антерскаго острова часовни и кельи, гдѣ бы онъ могъ пребывать въ тишинѣ, вдали отъ людского соблазна. Получивъ разрѣшеніе, Шумскій выстроилъ келью и отправился туда, правда, одинъ, но съ изряднымъ запасомъ «пьянственнаго питія». Старцы, жившіе въ антерскихъ скитахъ, узнавъ о новомъ отшельникѣ и пустынникѣ, начали приходить къ нему для благочестивыхъ бесѣдъ и общихъ молитвъ, но скоро многіе изъ нихъ поддались обольщенію, и келья Шумскаго превратилась въ мѣсто

постояннаго пьянства. Такъ какъ Антерскій островъ находится въ 25-ти верстахъ отъ Соловецкаго и отдѣленъ отъ него морскимъ проливомъ, то монастырское начальство долго не знало, какіе подвиги выдѣлываетъ новый пустынникъ; когда же вѣсть о нихъ дошла до настоятеля, то онъ немедленно вернулъ Шумскаго въ монастырь и прекратилъ его отшельничество, продолжавшееся три мѣсяца.

Подъ старость постоянное злоупотребленіе спиртными напитками въ конецъ расшатало здоровье Шумскаго, и онъ началъ серьезно хворать. Въ Соловецкомъ монастырѣ онъ не могъ получить никакой врачебной помощи и потому, послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія здѣсь, опять обратился къ государю съ просьбой о переводѣ на родину, въ Новгородскую губернію, въ Филиппо-Ирбскую пустынь, на что и послѣдовало дозволеніе. Но дни его уже были сочтены. Съ трудомъ добравшись до Архангельска, онъ почувствовалъ себя такъ худо, что нашелся вынужденнымъ лечь въ больницу приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ и умеръ 10 іюля 1851 года, сорока восьми лѣтъ отъ роду.

Подпоручикъ Федосѣевъ.

Въ февралѣ 1797 года по всѣмъ губерніямъ было разослано нѣсколько тысячъ печатныхъ экземпляровъ указа слѣдующаго содержанія:

«Объявляется во всенародное извѣстіе:

«Подпоручикъ Иванъ Федосѣевъ, Военной Коллегіею бывъ отправленъ въ Оренбургскій гарнизонъ и проѣзжая изъ Санктпетербургской чрезъ Новгородскую и Тверскую губерніи, дерзнулъ разглашать въ разныхъ селеніяхъ отъ Всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества имени, что помѣщичьи крестьяне будутъ Государевы и собирать съ нихъ станутъ оброкъ наравнѣ съ крестьянами казеннаго вѣдомства, за каковое преступленіе въ ложномъ разглашеніи по силѣ законовъ подлежалъ онъ смертной казни, о чемъ и поднесенъ былъ отъ Сената Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ таковымъ мнѣніемъ: чтобъ подпоручика Федосѣева за преступленіе имъ содѣянное лишить чиновъ и дворянскаго достоинства, по снятіи коего и привилегія до него не касается; чего ради, наказавъ кнутомъ, сослать его въ работу на Нерченскіе заводы. На котором докладѣ сего 29-го дня, собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Быть по сему». Во исполненіе онаго преступнику Федосѣеву наказаніе публично въ Санктпетербургѣ учинено, и о томъ для надлежащаго свѣдѣнія симъ объявляется.

«Подлинный за подписомъ Правительствующаго Сената. Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ января дня 1797 года».

Указъ этотъ, бывшій долго предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ, послужилъ иностраннымъ писателямъ о Россіи матеріаломъ для обильныхъ вымысловъ. Во многихъ исторіяхъ и мемуарахъ, относящихся ко времени императора Павла I и изданныхъ за границею, мы находимъ пространные разсказы о возмущеніи, произведенномъ однимъ офицеромъ между помѣщичьими крестьянами въ Новгородской и Тверской губерніяхъ въ 1797 году, о посылкѣ для усмиренія бунтовщиковъ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала князя Репнина, о кровопролитныхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ для водворенія порядка, и проч. и проч. Подлинное дѣло о подпоручикѣ Федосѣевѣ, хранящееся въ архивѣ правительствующаго сената, даетъ намъ возможность познакомить читателей съ скромной личностью «возмутителя» и представить въ настоящемъ свѣтѣ небывалое возмущеніе 1797 года.

Излагая дѣло почти буквально по экстракту, представленному въ сенатъ с. петербургской уголовной палатой, мы не будемъ касаться его юридической стороны. Цѣль нашей статьи—не юридическій разборъ процесса Федосѣева, а опроверженіе неточныхъ разсказовъ, выдуманныхъ иностранцами и принимаемыхъ многими за непреложные факты; впрочемъ, несостоятельность нашей тогдашней уголовной практики и излишняя строгость законовъ будутъ ясно видны изъ обстоятельствъ дѣла.

30-го декабря 1796 года дворянскій засѣдатель Весьегонскаго нижняго суда, подпоручикъ Масловъ, объѣзжая свой округъ, пріѣхалъ ночевать въ сельцо Чудиново, принадлежавшее разнымъ владѣльцамъ. Тотчасъ по пріѣздѣ засѣдателя къ нему явился приказчикъ помѣщика Сысоева, Козьма Тимофеевъ, и между прочимъ объявилъ, что вчерашній день онъ былъ въ гостяхъ неподалеку, въ селѣ Макаровѣ, и что въ это время проѣзжалъ черезъ село какой-то офицеръ съ солдатомъ, сказывавшій о себѣ, что онъ и еще цѣлый полкъ посланы по высочайшему повелѣнію во всѣ города отъ Петербурга до Оренбурга для узнанія и переписи въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, сколько въ нихъ душъ, и какой оброкъ платятъ крестьяне своимъ господамъ. При этомъ офицеръ говорилъ, что скоро всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ государевы, и съ нихъ станутъ брать такой же оброкъ, какъ и съ казенныхъ. Переписавъ въ сельцѣ Макаровѣ крестьянъ, офицеръ поѣхалъ въ экономическую деревню Перемутъ, но слова его, по увѣренію Тимофеева, привели обитателей села Макарова «въ немалое сомнѣніе».

Такое извѣстіе встревожило засѣдателя. Отложивъ намѣреніе ночевать въ Чудиновѣ, онъ тотчасъ же отправился въ с. Перемутъ. Не найдя здѣсь неизвѣстнаго офицера и узнавши, что онъ еще вчера проѣхалъ по тракту на г. Весьегонскъ, неутомимый засѣдатель пустился по его слѣдамъ далѣе. Пріѣхавъ на другой день въ Весьегонскъ, Масловъ началъ отыскивать свою жертву по постоялымъ дворамъ. Содержатель одного изъ нихъ объяснилъ, что вчера на ночь остановился у него офицеръ съ солдатомъ; переночевавъ, офицеръ рано утромъ уѣхалъ въ Череповскій уѣздъ, солдатъ же остался на постояломъ дворѣ. Засѣдатель тотчасъ же велѣлъ арестовать солдата. Онъ оказался сержантомъ Оренбургскаго Трейдена полка Осипомъ Степановымъ. При обыскѣ у него нашли двѣ подорожныя: одну на его собственное имя, другую на имя подпоручика того же полка Ивана Федосѣева. Отправивъ Степанова въ острогъ, Масловъ поспѣшилъ въ догоню за Федосѣевымъ въ Череповскій уѣздъ. Проѣзжая въ десятомъ часу вечера черезъ село Пленишники, Масловъ замѣтилъ у воротъ одной избы лошадь, заложенную въ сани. «Для кого приготовлена лошадь?» спросилъ онъ у крестьянина, хлопотавшаго около саней. Крестьянинъ отвѣчалъ, что лошадь заложена по приказанію десятскаго, чтобы везти какого-то офицера. Масловъ немедленно собралъ «стороннихъ людей» и вошелъ съ ними въ избу. Онъ нашелъ въ ней молодого офицера, дружелюбно разговаривавшаго съ двумя крестьянами. На вопросъ, что онъ за человѣкъ, офицеръ, по словамъ Маслова, «весьма грубо и неучтиво» отвѣчалъ: «А тебѣ какая надобность знать, кто я»? Масловъ объявилъ, что онъ засѣдатель Весьегонскаго нижняго суда, и потребовалъ отъ офицера бумаги и видъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить требованіе засѣдателя, офицеръ обругалъ его «съ великимъ азартомъ и неучтивствомъ». Тогда Масловъ рѣшился силою отнять у него бумаги. Офицеръ защищался, оборвалъ у Маслова обшлага на рукавахъ кафтана, однако, былъ смятъ командою, которая и вытащила у него изъ кармановъ нѣсколько записокъ. Въ нихъ было написано слѣдующее:

«Устюжскаго уѣзда: у помѣщика Батюшкова—1000 душъ. Оброку съ каждой души по 12 рублей. Помѣщика Досадина—300 душъ. Оброку по 25 рублей. Помѣщицы Нелидовой—1000 душъ, съ каждой души по 37 рублей оброку. Помѣщика Куликова—у онаго крестьяне въ побѣгѣ, разогнаты имъ самимъ. Помѣщицы Толстой—оброку по 10 рублей съ души. У помѣщиковъ Пенскихъ—крестьяне употребляются въ собственную ихъ дворовую работу. Помѣщика Кропотова—оброку по 5 рублей съ души.

«По ярославской дорогѣ: большой деревни Овсянниковой, по близости оной живущими помѣщиками притѣсняемы бываютъ сѣнными покосами и отнятіемъ проселочной дороги, по которой запрещаютъ ѣздить и за оную требуютъ ежегодно по 50 человѣкъ для собственной своей работы, да также травятъ своимъ скотомъ сѣнныя дачи, чрезъ что упомянутые крестьяне приходятъ въ немалый упадокъ.

«Весьегонскаго уѣзда. Помѣщицы Жеребцовой—700 душъ крестьянъ. Помѣщика Похвиснева—76 душъ, по 10 рублей съ души. Помѣщицы Посниковой—19 душъ, по 5 рублей съ души. Малолѣтнихъ помѣщиковъ Сноскаревыхъ—20 душъ, оброку по 5 рублей съ души. Степаниды Кулябиной—3 души, на барщинѣ. Помѣщицы Измалковой—200 душъ; оные ходятъ на собственную ея работу. Коллежскій асессоръ Борисъ Елисѣевичъ сынъ Новицкой, Степанида Васильевна Кулебакина, Марья Васильевна».

Перемѣтивъ и запечатавъ эти записки при «постороннихъ свидѣтеляхъ», Масловъ посадилъ Федосѣева въ сани и привезъ его въ городъ, прямо въ нижній земскій судъ. Судъ немедленно допросилъ арестанта. Онъ показалъ, что его зовутъ Иваномъ Дмитріевымъ Федосѣевымъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ январѣ 1786 года опредѣлился онъ на службу копіистомъ въ казенную палату Тобольскаго намѣстничества, а въ 1792 году, по собственному желанію, переведенъ въ первый морской батальонъ сержантомъ, откуда по разстроенному здоровью въ 1795 году уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ подпоручика. Пробывши въ отставкѣ годъ, Федосѣевъ вновь подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Военная коллегія назначила его въ Оренбургскій гарнизонный Трейдена полкъ. Ссылаясь на крайнюю бѣдность, Федосѣевъ просилъ коллегію выдать ему прогоны до Оренбурга, но коллегія отказала его просьбѣ.

Не имѣя средствъ нанять себѣ подводу, Федосѣевъ отправился изъ Петербурга пѣшкомъ вмѣстѣ съ сержантомъ Степановымъ, также переведеннымъ въ Трейдена полкъ изъ второго флотскаго батальона. Дойдя до Устюжны, Федосѣевъ и Степановъ истратили всѣ свои деньги и остались безъ копейки. Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, Федосѣевъ рѣшился на отчаянную мѣру. Онъ явился къ устюжскому городничему и упросилъ дать ему подводу, чтобы доѣхать до ближайшаго селенія. Городничій велѣлъ отвезти его и Степанова на своей лошади. Пріѣхавъ въ первую деревню, Федосѣевъ призвалъ къ себѣ десятскаго и

объявилъ ему, что онъ посланъ по высочайшему повелѣнію для переписи помѣщичьихъ крестьянъ и узнанія, сколько оброку платятъ они своимъ господамъ. Записавъ со словъ десятскаго число крестьянъ въ деревнѣ и количество взимаемыхъ съ нихъ владѣльцами повинностей, Федосѣевъ потребовалъ подводы до слѣдующаго селенія. Десятскій, разумѣется, исполнилъ его требованіе.

Повторяя во всѣхъ проѣзжаемыхъ деревняхъ одни и тѣ же слова и вездѣ получая безплатно подводы, Федосѣевъ благополучно добрался до Весьегонска, гдѣ, какъ уже извѣстно, и былъ арестованъ засѣдателемъ Масловымъ. Федосѣевъ увѣрялъ, что не имѣлъ цѣли возмущать крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ и нигдѣ и никому не говорилъ, будто помѣщичьи крестьяне сдѣлаются скоро казенными и станутъ платить подати наравнѣ съ послѣдними. Онъ объяснялъ также, что не дѣлалъ никакихъ грубостей засѣдателю Маслову, а по требованію его отдалъ безъ всякаго сопротивленія находившіяся при немъ бумаги. Федосѣевъ заключилъ свое показаніе сознаніемъ необдуманности своего поступка, увѣряя, что рѣшился на него только потому, что былъ вынужденъ крайностью, въ которой находился.

Сержантъ Степановъ на допросѣ подтвердилъ слова Федосѣева, добавивъ только, что Федосѣевъ, бывши въ гостяхъ у помѣщицы Гусевой, говорилъ ей, что носится слухъ, будто къ новому году выйдетъ указъ, по которому всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ платить оброкъ наравнѣ съ казенными.

Судъ командировалъ того же засѣдателя Маслова для допроса помѣщиковъ и крестьянъ тѣхъ деревень Весьегонскаго уѣзда, чрезъ которыя проѣзжали Федосѣевъ и Степановъ. Масловъ представилъ 11-го января снятыя имъ съ разныхъ лицъ подъ присягою показанія.

Мы приводимъ ихъ здѣсь безъ измѣненій и пропусковъ.

1) Вотчины помѣщика князя Михаила Ухтомскаго, сельца Стрекачева, десятскій Алексѣй Васильевъ показалъ: минувшаго декабря 30 числа пріѣхали къ нему изъ сельца Стараго, на лошади, два человѣка, а кто они таковы, ему не сказали. Одинъ изъ нихъ объявилъ ему, что онъ, и кромѣ его еще цѣлый полкъ, посланъ по всей Россіи, въ разныя мѣста, для переписки помѣщичьихъ душъ и узнанія какой оброкъ они платятъ своимъ помѣщикамъ, почему и спрашивалъ какъ фамилія помѣщика сельца Стрекачева и по скольку оброку беретъ онъ со своихъ крестьянъ, на что Васильевъ отвѣчалъ, что господина его зовутъ Михайломъ, а по

фамиліи Ухтомскій, и платятъ ему крестьяне оброку съ души по 4 рубли 50 копѣекъ. Записавши что-то на бумагѣ, проѣзжій потребовалъ у Васильева, чтобы нарядилъ для проѣзда его въ другое селеніе подводу. Васильевъ далъ подводу, на которой неизвѣстные люди и уѣхали далѣе. Болѣе сего показать не имѣетъ.

2) Вотчины помѣщицы Марьи Васильевны Саванчеевой, сельца Стараго, крестьянинъ Романъ Петровъ: минувшаго декабря 29-го дня пріѣхали къ нему изъ деревни Наганова на лошади два человѣка, а кто они таковы, не знаетъ, и приказали ему приготовить для проѣзда ихъ до другого селенія подводу, а сами пошли къ жительствующему въ томъ сельцѣ Старомъ г. коллежскому асессору Борису Елисѣевичу Новицкому. По требованію ихъ, а въ особенности потому, что они были у означеннаго господина Новицкаго, Петровъ не осмѣлился ослушаться и далъ имъ подводу. Во время бытности ихъ въ избѣ никакихъ словъ они не говорили, и онъ, Петровъ, не слыхалъ.

3) Вотчины помѣщицъ Александры и Марьи Тимофеевыхъ Сноксаревыхъ, деревни Нечановой, староста Семенъ Федоровъ: прошлаго 1796 года, декабря 29 или 30 числа, пріѣхалъ изъ экономической деревни Большое Овсянниково офицеръ съ солдатомъ и какъ ихъ по имени и отчеству зовутъ не знаетъ, и остановились у десятскаго деревни Нечановой, крестьянина помѣщицы Настасьи Никитишны Жеребцовой, Луки Григорьева, который, сего января 4-го числа, волею Божіею помре. Офицеръ у того десятскаго изъ милости попросилъ подводы для отвоза себя съ солдатомъ до сельца Стараго, а между тѣмъ, покуда десятскимъ была наряжаема подвода, спрашивалъ у крестьянъ, какихъ они помѣщиковъ, и записывалъ у себя на бумагѣ, сколько за какимъ помѣщикомъ состоитъ мужескаго пола душъ и по скольку получаютъ въ годъ оброку съ души, для чего же это онъ записывалъ, о томъ никому изъ крестьянъ не объявлялъ, равно у него не спрашивали. Болѣе сего офицеръ имъ ничего не говорилъ.

Совершенно такое же показаніе дали вотчины помѣщицы подполковницы Настасьи Похвисневой крестьянинъ Изотъ Ивановъ и помѣщицы вдовы секундъ-майора Марьи Постниковой староста Федоръ Федоровъ.

4) Коллежскій ассесоръ Борисъ Новицкой: декабря 29 числа пришелъ къ нему какой-то человѣкъ, сказывавшій о себѣ, что онъ подпоручикъ и служилъ въ полку его императорскаго величества, а нынѣ посланъ отъ государя, изъ С.-Петербурга въ Оренбургъ, для обученія новой военной экзерциціи.

Бывшая въ это время у него, Новицкаго, помѣщица Марья Саванчеева, посидя немного, позвала офицера къ себѣ и повела. На другой день подпоручикъ пришелъ къ нему опять и объявилъ, что вотчины госпожи Измайловой, деревни Григорцевой, крестьяне не даютъ ему на проѣздъ подводы, то было бы о семъ ему, Новицкому, извѣстно; причемъ спросилъ и записалъ его имя, чинъ и фамилію. Во время пребыванія подпоручика у Новицкаго, никакихъ словъ, что будто бы онъ и еще цѣлый полкъ посланъ для переписки помѣщичьихъ душъ и что съ новаго года всѣ помѣщичьи крестьяне платить будутъ оброкъ такъ, какъ и казенные, не говорилъ и никакихъ душъ не записывалъ.

5) Весьегонская помѣщица Марья Саванчеева: 29 числа декабря, находясь у коллежскаго асессора Бориса Новицкаго, видѣла, что къ нему пріѣхалъ какой-то человѣкъ, назвавшійся подпоручикомъ полка его императорскаго величества и сказывавшій, что онъ посланъ изъ Петербурга въ Оренбургъ для обученія военной экзерциціи. Посидя у Новицкаго немного, она, точно, звала подпоручика и съ сержантомъ къ себѣ выпить по стакану пива, которые, побывъ у нея немного, пошли къ десятскому, по наряду коего и дана имъ къ отвозу ихъ подвода. Когда же они у нея были, никакихъ словъ, что онъ, подпоручикъ, и еще цѣлый полкъ посланъ для переписи помѣщичьихъ душъ, и что помѣщичьи крестьяне съ новаго года будутъ платить оброкъ такъ, какъ и казенные, не говорилъ; а также переписывалъ ли онъ, подпоручикъ, въ сельцѣ Старомъ крестьянъ, не знаетъ.

6) Весьегонская помѣщица Степанида Гусева: 30 декабря пришелъ къ ней какой-то проѣзжающій офицеръ и сказалъ о себѣ, что онъ подпоручикъ, посланный изъ Петербурга въ Оренбургъ къ г. губернатору, съ указами; имени же и отчества своего не назвалъ. Онъ объяснилъ ей, что ему нужна на проѣздъ подвода, но крестьяне сельца Стрекачева не даютъ, почему просилъ ее, Гусеву, приказать крестьянамъ исполнить его требованіе; а какъ въ томъ сельцѣ находятся крестьяне не одной ея, а разныхъ помѣщиковъ, почему нарядъ подводъ зависитъ отъ десятскаго, то она на то ему и отозвалась. Когда же онъ у нея былъ, никакихъ другихъ словъ не говорилъ, и она не слыхала.

Во всѣхъ этихъ показаніяхъ, а также и въ донесеніяхъ Маслова нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы слова Федосѣева произвели не только «возмущеніе», но даже какое-либо волненіе между крестьянами.

Одинъ лишь приказчикъ помѣщика Сысоева, Козьма Васильевъ, показалъ, что Федосѣевъ привелъ «въ немалое сомнѣніе» жителей

с. Макарова, объявивъ имъ, «что скоро всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ государевы». Несчастный подпоручикъ дорого поплатился за свой необдуманный вымыселъ, къ которому прибѣгнулъ, вынуждаемый крайней бѣдностью. Несмотря на разнорѣчіе и неполноту показаній допрошенныхъ лицъ, нижній Весьегонскій судъ не потрудился даже дать обвиняемому очныя ставки съ обвинителями и поспѣшилъ представить дѣло на заключеніе петербургской уголовной палаты. Приговоръ ея, поражающій своей несправедливостью, мы приводимъ въ подлинникѣ.

Изложивъ вкратцѣ дѣло, палата дѣлаетъ такого рода заключеніе:

«А законами повелѣно:

«Воинскаго устава 17 главы артикулами:

«133.—Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь (хотя и не для зла), или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать, черезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ имѣютъ быть весьма запрещены. Ежели изъ рядовыхъ кто въ семъ дѣлѣ преступитъ, то зачинщиковъ безъ всякаго милосердія, несмотря на то, хотя они къ тому какую и причину имѣли или нѣтъ, повѣсить, а съ достальными поступить какъ о бѣглецахъ упомянуто».

«135. — Никто бъ, ниже словомъ, или дѣломъ, или письмами, самъ собою, или чрезъ другихъ, къ бунту и возмущенію или иное что, учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится или на тѣлѣ наказанъ будетъ».

«137.—Всякій бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано».

«На оный артикулъ толкованіе:

«Въ возмущеніи надлежитъ винныхъ въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить, особливо ежели опасность въ медленіи есть, дабы чрезъ то другимъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать пока не расширится и болѣе бъ не умножилось».

«Указаніе 1762 г. іюля 3, по прочемъ: кто въ разсѣваніи ложныхъ и ко вреду клонящихся слуховъ дѣйствительно изобличенъ будетъ, таковыхъ, яко возмутителей Государственнаго покоя, безъ малѣйшаго упущенія времени такъ наказывать, какъ точные и таковыхъ указы повелѣваютъ».

«1767 года августа 22.

«Кто отважится возмущать людей и крестьянъ къ неповиновенію ихъ помѣщикамъ, тотъ часъ брать подъ караулъ и приводить

въ ближайшія присутственныя мѣста, которымъ безъ продолженія времени поступить съ ними какъ съ нарушителями общаго покоя безъ всякаго послабленія».

«1754 г. Сентября 30 числа:

«Подлежащимъ и натуральной и политической смерти той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить; а при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ и прочія опредѣленныя мѣста, чиня жестокое наказаніе кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, ставить на лбу «В», а на щекахъ на одной «О», а на другой «Р», по учиненіи имъ того наказанія заклепавъ въ кандалы, ссылать до указу въ тяжкую работу въ Рогервикъ и прочія мѣста».

«Жалованной благородному Россійскому дворянству грамоты 1785 года апрѣля 21 дня статьями:

«5-ю. Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскому достоинству противнымъ».

«6-ю. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести, тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ, или другихъ научалъ подобныя преступленія чинить».

«73-ю. Дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества».

«15-ю. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго».

«Палата Уголовнаго Суда по полученіи сему дѣлу ревизіи 26 числа сего января опредѣлила: какъ изъ сего дѣла явствуетъ, что Весьегонскаго нижняго земскаго суда засѣдатель Масловъ сдѣлалъ суду донесеніе, что оный подпоручикъ Федосѣевъ, проѣзжая село Макарово обще съ солдатомъ, сказывалъ, что онъ и еще цѣлый полкъ посланъ въ разныя мѣста отъ Его Величества отъ С.-Петербурга и до города Оренбурга объ узнаніи и о перепискѣ въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, сколько въ нихъ число душъ и какой они платятъ помѣщикамъ оброкъ и что де сіи помѣщичьи крестьяне будутъ Государевы и сбирать съ нихъ будутъ оброкъ такъ какъ и съ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ; а къ тому и при учиненномъ слѣдствіи, помѣщика князя Ухтомскаго, сельца Стрекачева, десятскій Алексѣй Васильевъ показалъ, что изъ сихъ

проѣзжающихъ двухъ человѣкъ, одинъ сказалъ, что де онъ и еще цѣлый полкъ по всей Россіи въ разныя мѣста посланъ для переписи помѣщичьихъ душъ и какой они платятъ помѣщикамъ оброкъ, а притомъ и его спрашивали, какъ его, Васильева, зовутъ помѣщика и по сколько они платятъ ему съ души оброку; за всѣмъ же тѣмъ и изъ означенной имъ Федосѣевымъ своею рукою записи таковое его преступленіе ясно обнаружилось, ибо въ оной именно онъ означалъ, что у какого помѣщика сколько душъ крестьянъ и по скольку они платятъ оброку; а къ совершенному его доказательству и ѣхавшій съ нимъ сержантъ Степановъ въ допросѣ своемъ объявляетъ, что онъ слышалъ, какъ Федосѣевъ помѣщицѣ Гусевой пересказывалъ, что де съ новаго года съ помѣщичьихъ крестьянъ оброкъ сбираться будетъ наравнѣ съ казенными крестьянами, а изъ таковаго его, Федосѣева, разглашенія не иное что могло бы послѣдовать, какъ вредъ общему спокойствію и послужило бы поводомъ крестьянамъ противу помѣщиковъ своихъ къ возмущенію, почему за таковое его злонамѣренное покушеніе къ нарушенію общаго покоя, какъ разгласителя о вольности, по содержанію указовъ 1762 г. іюля 3 и 1767 г. августа 22, и по силѣ военнаго устава 17 главы, 133, 135 и 137 артикуловъ и на оный толкованія и подлежало учинить смертную казнь, а по указу 1754 г. сентября 30 наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри заклеймить указанными литерами, но какъ онъ имѣетъ оберъ-офицерскій чинъ, то Палата мнѣніемъ своимъ полагаетъ: по силѣ жалованной благородному россійскому дворянству грамоты 15 статьи, отъ того наказанія освободить, а по силѣ грамоты 5 и 6 статей лишить его, Федосѣева, чиновъ, сопряженнаго съ оными дворянскаго достоинства и потомъ послать въ каторжную работу; а сержанту Осипу Степанову, который ѣхалъ съ тѣмъ Федосѣевымъ обще, всѣ таковыя его злонамѣренныя преступленія видѣлъ и слышалъ, но не токмо его отъ того не воздерживалъ да и нигдѣ о семъ не донесъ, а потому и сдѣлался, по вышеозначеннымъ законамъ, таковой же преступникъ, то и ему, какъ соучаствующему въ томъ преступленіи, вмѣсто подлежащей смертной казни, по силѣ указа 1764 г. сентября 30 учинить жестокое наказаніе кнутомъ и дать двадцать пять ударовъ, а потомъ вырѣзать ноздри, заклеймя указанными литерами и заклепавъ въ кандалы, послать въ каторжную работу въ Ригу».

Подписали: Петръ Мартыновъ.
Дмитрій Старковъ.
Иванъ Котельниковъ.

Приговоръ этотъ палата препроводила на утвержденіе сената.

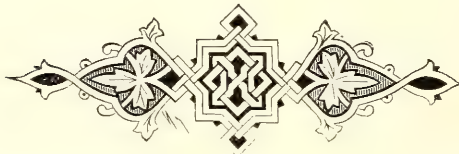
Сенатъ нашелъ его не только совершенно правильнымъ, но прибавилъ къ нему слѣдующее окончаніе.

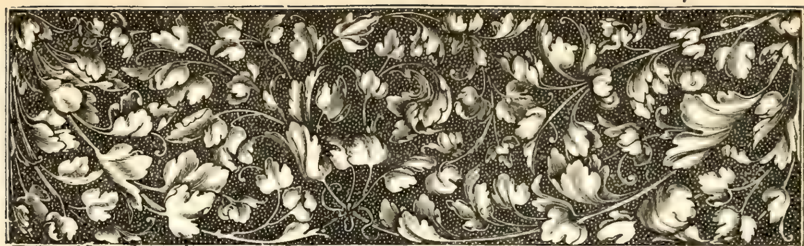
«А понеже указомъ 3 января 1797 года предписано:

«Какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать», то сенатъ, по должномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ настоящаго происшествія, мнѣніемъ своимъ на основаніи законовъ присуждаетъ, чтобъ подпоручика Федосѣева за преступленіе имъ содѣянное лишить чиновъ, дворянскаго достоинства, по снятіи коего и привилегія до него не касается, чего ради, наказавъ кнутомъ, сослать въ работы на Нерчинскіе заводы».

28 апрѣля 1797 г. петербургская палата суда и расправы донесла сенату, «что лишенному чиновъ и соединеннаго съ ними достоинства, Ивану Федосѣеву, наказаніе кнутомъ двадцатью пятью ударами прошлаго января 31 числа въ Рождественской части, на Александровской площади, чрезъ заплечныхъ мастеровъ, учинено; послѣ сего оный преступникъ препровожденъ въ новгородское губернское правленіе для отсылки въ Нерчинскіе заводы».

Вслѣдъ за тѣмъ и Степановъ, битый кнутомъ и клейменый, отправленъ въ Ригу.

Семейное преданіе.

ДѢДЪ МОЙ по матери, отставной генералъ-майоръ Степанъ Михайловичъ Абрамовъ, началъ службу въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ, честный, прямодушный, ни въ комъ не заискивавшій и никому не льстившій. Во время извѣстнаго переворота 28-го іюня 1762 года, дѣдъ мой уже имѣлъ чинъ капитанъ-поручика. Когда въ этотъ день раннимъ утромъ неожиданно пріѣхалъ въ измайловскія казармы шефъ полка, фельдмаршалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, и, собравъ офицеровъ, объявилъ имъ о низложеніи императора Петра III и вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II и потребовалъ принесенія присяги на вѣрность новой государынѣ, всѣ офицеры присягнули съ радостью, одинъ лишь Степанъ Михайловичъ, почему-то не сочувствовавшій происшедшему перевороту, отказался послѣдовать общему примѣру, за что и былъ немедленно арестованъ. Хотя черезъ нѣсколько дней дѣдъ мой и опомнился и присягнулъ императрицѣ, но это обстоятельство имѣло большое вліяніе на его дальнѣйшую жизнь: онъ былъ переведенъ секундъ-майоромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, расположенный въ какомъ-то глухомъ городѣ на югѣ Россіи. Степанъ Михайловичъ безропотно покорился судьбѣ; пріѣхавъ въ мѣсто своей ссылки, онъ весь от-

дался службѣ и скоро пріобрѣлъ репутацію дѣльнаго и способнаго штабъ-офицера. Начальство неоднократно представляло Степана Михайловича къ повышенію, но представленія эти не удостоивались утвержденія въ Петербургѣ. Въ турецкую кампанію 1770 года дѣдъ мой командовалъ батальономъ и, находясь въ отрядѣ храбраго генералъ-поручика Племянникова, участвовалъ въ славномъ сраженіи приЛаргѣ, въ которомъ былъ тяжело раненъ пулей въ грудь. Когда и на этотъ разъ ему было отказано въ заслуженной наградѣ, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ премьеръ-майора и поселился въ своей наслѣдственной деревенькѣ Липкахъ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Степанъ Михайловичъ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ и въ первый же годъ по переѣздѣ въ деревню женился на бѣдной дворянкѣ, Глафирѣ Петровнѣ Еремеевой. Не знаю, гдѣ онъ съ нею познакомился, но она приходилась дальней родственницей помѣщику того же уѣзда, отставному поручику Андрею Андреевичу Аракчееву. Небольшое имѣніе Аракчеева, сельцо Гарусово, находилось на другомъ концѣ уѣзда, верстахъ въ восьмидесяти отъ имѣнія дѣда, и потому они видались очень рѣдко, разъ или два въ годъ. Обыкновенно, 15-го сентября, въ день имениnъ Степана Михайловича, Аракчеевъ пріѣзжалъ къ нему со всей семьей и гостилъ нѣсколько сутокъ. У Аракчеева было трое сыновей, тогда еще малолѣтнихъ. Степанъ Михайловичъ очень любилъ дѣтей, умѣлъ ихъ забавлять, и маленькіе Аракчеевы всегда проводили у него время съ большимъ удовольствіемъ. Жизнь дѣда въ деревнѣ текла обычнымъ деревенскимъ порядкомъ, день за день, спокойно, мирно, однообразно. Такъ прошло двадцать шесть лѣтъ. Степанъ Михайловичъ уже выдалъ замужъ свою единственную дочь, одряхлѣлъ, часто прихварывалъ и тихо приближался къ могилѣ. Старикъ Аракчеевъ умеръ, дѣти его давно служили въ Петербургѣ, и только мать ихъ, старуха Елисавета Андреевна, продолжала хозяйничать въ своемъ Гарусовѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года, получена была вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины II и воцареніи императора Павла I. Вслѣдъ за тѣмъ до дѣда начали доходить слухи о крутыхъ перемѣнахъ въ Петербургѣ, строгостяхъ, внезапныхъ ссылкахъ и отставкахъ, гоненіяхъ на прежнихъ царедворцевъ и быстрыхъ возвышеніяхъ новыхъ любимцевъ. Между прочимъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что однимъ изъ близкихъ людей къ государю сталъ старшій изъ молодыхъ Аракчеевыхъ, Алексѣй Андреевичъ, произведенный изъ подполковниковъ артиллеріи прямо въ генералъ-майоры и назначенный петербургскимъ комендантомъ. Дѣдъ, какъ вѣжливый родственникъ,

поспѣшилъ письменно поздравить Елисавету Андреевну Аракчееву съ счастіемъ, выпавшимъ на долю ея сына, и просилъ передать послѣднему при случаѣ искреннія пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Въ одинъ морозный вечеръ, если не ошибаюсь, въ февралѣ мѣсяцѣ 1797 года, дѣдъ мой, по обыкновенію, сидѣлъ въ своемъ жарко натопленномъ кабинетѣ, на большомъ «вольтеровскомъ» креслѣ, и, покуривая кнастеръ, медленно прихлебывалъ изъ кружки любимый имъ домашній яблочный квасъ, а бабушка, словно исполняя скучный урокъ, монотоннымъ голосомъ читала вслухъ какую-то книжку. Вдругъ послышался рѣзкій и быстро приближавшійся звукъ почтоваго колокольчика.

— Кто бы это въ такой поздній часъ? съ недоумѣніемъ проговорила бабушка и, наскоро приведя въ порядокъ разбросанные на письменномъ столѣ домашніе счеты и другія бумаги, направилась изъ кабинета, но въ самыхъ дверяхъ столкнулась съ незнакомымъ офицеромъ.

— Имѣю экстренное дѣло и пакетъ до господина премьеръ-майора Степана Михайловича Абрамова, сказалъ офицеръ.

— Отъ кого? спросилъ изумленный дѣдъ, приподнимаясь съ креселъ.

— Отъ господина с.-петербургскаго военнаго губернатора, генералъ-аншефа графа Палена. По именному его императорскаго величества указу велѣно безъ всякаго промедленія доставить васъ въ С.-Петербургъ, отвѣчалъ офицеръ.

Можно судить, какое потрясающее впечатлѣніе произвели эти слова. Бабушка въ ужасѣ всплеснула руками и упала въ обморокъ, а дѣдушка застылъ на мѣстѣ и не могъ произнести ни одного звука. Когда сбѣжавшіеся люди привели бабушку въ чувство, она съ воплями ухватилась за мужа, и ее съ трудомъ могли оттащить отъ него и немного успокоить, благодаря убѣжденіямъ пріѣзжаго офицера, который оказался очень добрымъ и хорошимъ человѣкомъ. Такъ какъ офицеръ настойчиво торопилъ отъѣздомъ, говоря, что каждый просроченный часъ можетъ навлечь на него большую бѣду, то Степанъ Михайловичъ, наскоро уложивъ лишь самое необходимое бѣлье и платье и помолившись Богу, въ ту же ночь пустился въ путь, сопровождаемый рыданіями и благословеніями своихъ домочадцевъ.

Путники ѣхали весьма скоро, останавливаясь только для перемѣны лошадей, и на третій день рано утромъ прибыли въ Петербургъ прямо къ генералъ-губернаторскому дому. Графъ Паленъ на-

ходился уже у государя съ докладомъ, а потому дѣдушку провели въ небольшую комнату при канцеляріи, дали ему нѣсколько минутъ времени, чтобы умыться и переодѣться, и съ тѣмъ же офицеромъ отправили въ Зимній дворецъ.

Старомодный, поношенный костюмъ Степана Михайловича, его неловкая, сгорбленная фигура и усталое, озабоченное лицо обратили на себя вниманіе придворныхъ, тѣснившихся въ обширной дворцовой пріемной, и вызвали у многихъ насмѣшливыя улыбки; но дѣдушка, подавленный мрачными думами, ничего не замѣчалъ и, пробравшись въ уголъ, съ замираніемъ сердца ожидалъ рѣшенія своей участи, хотя и не сознавалъ за собою никакой вины. Черезъ полчаса изъ двери, соединявшей пріемную съ внутренними покоями, вышелъ царскій адъютантъ.

— Кто здѣсь премьеръ-майоръ Абрамовъ? спросилъ онъ зычнымъ голосомъ.

Дѣдушка отозвался.

— Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ подполковникомъ, сказалъ адъютантъ, отчеканивая каждое слово.

Не успѣлъ еще дѣдушка опомниться, какъ прибѣжалъ другой адъютантъ и прокричалъ:

— Господинъ подполковникъ Абрамовъ! государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ полковникомъ.

Вслѣдъ за этимъ адъютантомъ явился третій и возвѣстилъ:

— Господинъ полковникъ Абрамовъ! государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ генералъ-майоромъ.

Наконецъ четвертый адъютантъ объявилъ:

— Господинъ генералъ-майоръ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ вамъ аннинскую ленту.

Изумленный, пораженный, дѣдушка въ недоумѣніи оглядывался по сторонамъ, рѣшительно не понимая, во снѣ или наяву все это происходитъ, смѣются надъ нимъ или по ошибкѣ принимаютъ за кого-нибудь другого.

Громкій возгласъ: «его величество изволятъ идти!» и моментально водворившаяся затѣмъ тишина заставили дѣдушку придти въ себя.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и императоръ Павелъ появился въ пріемной. Не отвѣчая на общіе поклоны, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ присутствовавшихъ и медленно направился прямо къ дѣдушкѣ.

Блѣдный, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ Степанъ Михайловичъ.

— Поздравляю, ваше превосходительство, съ монаршей милостью! сказалъ улыбаясь государь.—Да! При вашемъ чинѣ нужно

имѣть и соотвѣтственное состояніе! Жалую вамъ триста душъ. Довольны ли вы, ваше превосходительство?

Дѣдушка повалился въ ноги императору, который милостиво поднялъ его и спросилъ:

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, за что я васъ жалую?

Дѣдушка, вмѣсто отвѣта, только мотнулъ головой.

— Такъ я вамъ объясню. Слушайте всѣ! прибавилъ государь, обращаясь къ придворнымъ.—Я, разбирая послужные списки, нашелъ, что вы при императрицѣ Екатеринѣ были обойдены по службѣ. Такъ я хотѣлъ доказать, что при мнѣ и старая служба не пропадаетъ. Прощайте, ваше превосходительство! Граматы на пожалованныя вамъ милости будутъ вамъ присланы по мѣсту вашего жительства.

Сказавъ это, императоръ повернулся и, весело напѣвая вполголоса какой-то военный маршъ, удалился въ свои покои.

Присутствующіе бросились къ ошеломленному Степану Михайловичу, наперерывъ поздравляли его, жали ему руки, осыпали вопросами о прошлой службѣ. Дѣдушка едва успѣвалъ отвѣчать и благодарить. Кое-какъ отдѣлавшись отъ докучливости любопытныхъ, Степанъ Михайловичъ, глубоко потрясенный, добрался до прихожей и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Стараясь собраться съ мыслями и дать себѣ отчетъ въ испытанныхъ впечатлѣніяхъ, дѣдушка задумался и не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ высокій, сутуловатый генералъ въ артиллерійскомъ мундирѣ и съ большимъ аннинскимъ крестомъ на шеѣ. Генералъ безцеремонно потрясъ дѣдушку за плечо и, когда тотъ оглянулся, сказалъ ему:

— Вѣроятно, ваше превосходительство не узнаете меня? Мы давно не встрѣчались. Я Алексѣй Аракчеевъ. Поздравляю съ щедротами, коими васъ осыпалъ нашъ милосердый монархъ. Вы устали, милости прошу ко мнѣ откушать и отдохнуть. Я не забылъ вашу хлѣбъ-соль.

Дѣдушка отъ всей души обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ попросту обнять «Алешу», но Аракчеевъ отступилъ назадъ и холодно замѣтилъ:

— Здѣсь не мѣсто для родственныхъ изліяній. Поѣдемте, ваше превосходительство, и у меня на свободѣ потолкуемъ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ.

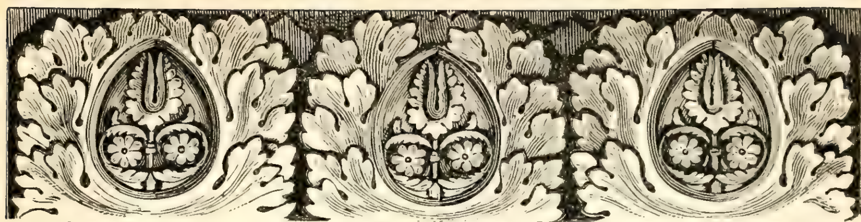
Изъ бесѣды съ Аракчеевымъ Степанъ Михайловичъ узналъ, что онъ обязанъ главнымъ образомъ ему этимъ необыкновеннымъ днемъ своей жизни. Аракчеевъ, получивъ отъ матери письмо, въ

которомъ она передала ему добрыя пожеланія дѣдушки, вспомнилъ о немъ и, зная, что императоръ искренно желаетъ загладить всѣ несправедливости, совершенныя, по его мнѣнію, въ предыдущее царствованіе, рѣшился доложить ему о томъ, что Степанъ Михайловичъ невинно пострадалъ за свою приверженность къ покойному Петру III и былъ постоянно обходимъ повышеніями и наградами по службѣ, несмотря даже на тяжелую рану, полученную въ турецкую войну. Императоръ Павелъ, добрый и великодушный отъ природы, но странный въ своихъ порывахъ, принялъ это очень близко къ сердцу и захотѣлъ въ лицѣ Степана Михайловича торжественно и необычно наградить вѣрность долгу и привязанность къ своему несчастному родителю.

Хлѣбъ-соль Аракчеева пришлась, однако, дѣдушкѣ не по вкусу. Переночевавъ у суроваго и необщительнаго хозяина, онъ на другой день чѣмъ свѣтъ пустился въ обратный путь, не поинтересовавшись даже посмотрѣть на Петербургъ, котораго не видѣлъ болѣе тридцати лѣтъ.

Восторгамъ и радостямъ по возвращеніи Степана Михайловича въ родныя Липки не было конца. Не только весь уѣздъ, но и вся губернія перебывала у него, и дѣдушкѣ приходилось по нѣскольку разъ въ день повторять посѣтителямъ одинъ и тотъ же разсказъ въ его мельчайшихъ подробностяхъ. Но недолго пользовался Степанъ Михайловичъ почетомъ и богатствомъ, упавшими на него, какъ говорится, съ неба, благодаря слѣпому случаю. Онъ умеръ въ 1799 году и изъ пожалованныхъ ему имѣній въ родѣ его уцѣлѣла лишь небольшая деревушка въ Тихвинскомъ уѣздѣ, названная имъ въ честь Аракчеева «Алексѣевкой».

Забытый филантропъ.

ОНЕЧНО, всѣ знаютъ нашу военную газету «Русскій Инвалидъ», существующую уже восемьдесятъ третій годъ, но едва ли многимъ извѣстно имя ея основателя, Павла Павловича Пезаровіуса, а также цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду, предпринимая изданіе этой газеты, и необычайные результаты, достигнутые имъ въ короткое время послѣ ея основанія. О Пезаровіусѣ въ нашей печати имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія, и ни въ одномъ изъ нашихъ энциклопедическихъ словарей нѣтъ его біографіи, а между тѣмъ безкорыстная и плодотворная дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка заслуживаетъ самой благодарной памяти. Одушевленный христіанской любовью къ ближнему, Пезаровіусъ, мелкій чиновникъ безъ всякихъ средствъ и связей, сумѣлъ собрать въ пользу воиновъ, раненыхъ въ Отечественную войну, капиталъ въ 400 тысячъ рублей, который и представилъ въ распоряженіе правительства. Такое крупное пожертвованіе повлекло за собою учрежденіе Александровскаго комитета о раненыхъ, получившаго впослѣдствіи столь широкое и благодѣтельное развитіе. Въ будущемъ 1897 году исполнится 50 лѣтъ со дня кончины Пезаровіуса, и это даетъ намъ поводъ напомнить о немъ въ надеждѣ, что кто-нибудь займется составленіемъ его подробной біографіи. Съ своей стороны, мы сообщаемъ здѣсь тѣ немногія данныя,

которыя намъ удалось найти о немъ самомъ и его филантропическомъ подвигѣ [1]).

Павелъ Павловичъ (Paul Wilhelm) Поміанъ-Пезаровіусъ родился 17-го февраля 1776 года. Онъ былъ сыномъ лютеранскаго пастора въ приходѣ св. Матѳея близъ города Вольмара, Лифляндской губерніи. По окончаніи курса въ Іенскомъ университетѣ съ званіемъ доктора философіи, Пезаровіусъ въ 1803 году опредѣлился на службу «секретаремъ иностранной переписки» въ канцелярію тайнаго совѣтника Новосильцева, состоявшаго при особѣ императора Александра I; затѣмъ, въ 1804 году перешелъ въ комиссію о составленіи законовъ редакторскимъ помощникомъ, а въ 1807 году въ департаментъ министра юстиціи и въ слѣдующемъ году назначенъ совѣтникомъ государственной юстицъ-коллегіи; исполняя эту должность, онъ «за усердную и ревностную службу» получилъ въ 1812 году орденъ св. Владимира 4-й степени и чинъ коллежскаго совѣтника.

Вторженіе Наполеона въ Россію вызвало, какъ извѣстно, въ тогдашнемъ обществѣ сильнѣйшій взрывъ патріотизма, выразившійся въ готовности на всякія пожертвованія и лишенія и въ единодушной поддержкѣ всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ въ отчаянной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ. Въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, военныя событія сдѣлались единственнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ разговоровъ во всѣхъ слояхъ населенія, отодвигая на задній планъ всякіе другіе интересы. Каждый думалъ только о томъ, чѣмъ бы проявить сочувствіе къ защитникамъ родины и облегчить государству тягости, налагаемыя на него войной. Пезаровіусъ неожиданно для себя явился однимъ изъ видныхъ дѣятелей среди этого патріотическаго одушевленія.

«Въ ранней молодости», разсказываетъ онъ самъ [2]), «страсть къ военному дѣлу одушевляла меня до того, что, будучи еще три-

---

[1]) Главнымъ матеріаломъ намъ послужила напечатанная Пезаровіусомъ въ 1843 году въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и составляющая теперь библіографическую рѣдкость брошюра подъ заглавіемъ «Краткая исторія газеты «Русскій Инвалидъ». Затѣмъ мы пользовались слѣдующими пособіями: 1) «Русскимъ Инвалидомъ» за 1813—1815 годы; 2) Статьей П. С. Лебедева въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1856 года, № 144; 3) Некрологомъ Пезаровіуса, помѣщеннымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 года, № 81; 4) Recke und Napiersky. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provincen Livland, Esthland und Kurland. Mitau. 1827—1832; 5) Сочиненіемъ Колбасина: «Литературные дѣятели прежняго времени». Воейковъ съ его сатирою «Домъ сумасшедшихъ». Спб. 1859 года; 6) Формулярнымъ спискомъ о службѣ Пезаровіуса, любезно сообщеннымъ намъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ А. Н. Мосоловымъ.

[2]) Краткая исторія газеты «Русскій Инвалидъ», стр. 4 и слѣд.

надцатилѣтнимъ отрокомъ, я радостно отказался бы отъ всего, только позволили бы мнѣ вступить въ военную службу и въ рядахъ русскихъ солдатъ биться за Россію. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ распредѣляетъ», и Онъ опредѣлилъ иначе, и я долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что во время повторенія географическихъ уроковъ совершалъ походы на ландкартѣ, строилъ батареи въ нашемъ саду, читалъ «Семилѣтнюю войну» Фридриха II и сочинялъ военныя мелодрамы, въ которыхъ въ послѣднемъ актѣ сцена покрыта была янычарами (тогда была турецкая война), павшими подъ штыками русскихъ. Сія страсть къ военной службѣ пробуждалась во мнѣ и послѣ по временамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1810 году (бывъ уже членомъ коллегіи и надворнымъ совѣтникомъ) я чувствовалъ величайшую охоту выучиться ружейнымъ пріемамъ; а какъ днемъ служебныя занятія мнѣ того не позволяли, то въ лѣтніе мѣсяцы того года я вставалъ въ два часа пополуночи и отправлялся пѣшкомъ отъ Семеновскаго моста, гдѣ я жилъ тогда, въ Милліонную, въ казармы лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Здѣсь оба мои учителя, унтеръ-офицеры Каченовскій и Черняевъ (съ которымъ я имѣлъ удовольствіе свидѣться послѣ французской кампаніи), столь основательно занимались моимъ обученіемъ, что синія пятна на лѣвомъ боку моемъ свидѣтельствовали какъ объ усердіи учителей, такъ и о прилежаніи ученика. Умалчиваю о другомъ, гораздо позднѣйшемъ припадкѣ любви моей къ военной службѣ,—припадкѣ, который заставилъ меня обучаться подъ руководствомъ отличнаго барабанщика Конногвардейскаго полка Васильева инструменту, не употребляемому при нѣжныхъ серенадахъ... Съ такою любовью къ военному дѣлу соединялась у меня еще столь же сильная ревность къ славѣ русскаго оружія. Оттого Суворову я обязанъ сильными радостными днями моей молодости. Блестящія побѣды его при Рымникѣ, Треббіи и Нови, вѣчно памятный переходъ черезъ Альпійскія горы, наполняли меня чувствомъ энтузіазма. Пусть вообразятъ теперь, что перетерпѣлъ я съ цѣлою Россіей во время нашествія непріятеля въ 1812 году на Святую Русь,—эпоху страданій и вмѣстѣ прекраснѣйшаго обнаруженія любви русскихъ къ отечеству, въ сію истинно религіозную эпоху, когда ежедневно храмы столицы переполнены были людьми всѣхъ состояній, которые, обращаясь съ сердечными мольбами къ Тому, отъ Кого исходитъ всякая помощь на землѣ, ко всемогущему Господу силъ, молили его объ избавленіи отечества отъ враговъ и, наконецъ, когда настало время, Имъ опредѣленное,—были услышаны. Зато, кто могъ бы выразить чувство радости обитателей

столицы и торжество благодарности, когда пламенныя упованія ихъ исполнились, когда пушки Петропавловской крѣпости возвѣщали рѣшительныя побѣды подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ и, наконецъ, отступленіе, наносившее смерть и гибель ненавистному врагу.

«Тогда душою моею овладѣло пламенное желаніе указать всѣмъ и каждому на то, какой благодарности заслуживали отъ насъ наши защитники-герои за свое непоколебимое мужество и самоотверженіе, увѣнчавшееся освобожденіемъ отечества. Но что въ силахъ былъ я сдѣлать съ незначительными средствами, какія находились въ моемъ распоряженіи? Все, что тогда могъ я назвать своимъ, состояло только въ счастливой безпечности на счетъ завтрашняго дня, да въ жалованіи изъ 2,250 рублей ассигнаціями, изъ котораго я уже обязался жертвовать 750 рублей на все время войны [1]). И сколько ни ломалъ я себѣ головы, никакъ не могъ рѣшиться предпринять что-либо, ибо для всякаго предпріятія потребны были деньги, а ихъ-то у меня не было. Наконецъ, въ январѣ 1813 года, вдругъ пришла мнѣ мысль издавать газету. Эта мысль сильно занимала меня, потому что въ ея исполненіи я видѣлъ желанный случай не только передавать и съ своей стороны во всеобщее всевѣдѣніе описаніе подвиговъ нашихъ воиновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣсти возможность доставить какъ-нибудь облегченіе хотя 50-ти, или даже 100 инвалидамъ, которые, возвращаясь на родину, пойдутъ черезъ Петербургъ. Вотъ цѣль моего стремленія — цѣль очень скромная и, по справедливости, невысокая! О томъ, чѣмъ впослѣдствіи времени сдѣлалась газета, я не думалъ, и никто не могъ предвидѣть. Итакъ, рѣшившись издавать газету, я приступилъ къ исполненію своего намѣренія безъ всякаго плана и при томъ съ такою поспѣшностью, что неожиданный успѣхъ моего періодическаго листка по истинѣ должно приписать одному только благословенію свыше. Мнѣ въ томъ дѣлѣ принадлежало, какъ говорится по крайней мѣрѣ, доброе желаніе. Но кто производитъ въ человѣкѣ доброе желаніе и вспомоществуетъ исполненію? «Богъ бо есть, дѣйствуяй въ васъ и еже хотѣти о благоволеніи».

---

[1]) По поводу этого пожертвованія въ формулярѣ Пезаровіуса сказано: «27-го августа 1812 года удостоился высочайшаго благоволенія, объявленнаго министромъ юстиціи при слѣдующемъ отношеніи: «Я имѣлъ счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія о пожертвованіи вами получаемыхъ изъ юстицъ-коллегіи лифляндскаго и эстляндскаго дѣла жалованьемъ по 750 рублей въ годъ, пока продолжится война. Его императорское величество, отдавая справедливость патріотическому побужденію вашему, высочайше повелѣть соизволилъ изъявить вамъ, милостивый государь мой, его благоволеніе. Ив. Дмитріевъ».

«Когда я отправился къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія для испрошенія позволенія на изданіе газеты, задуманной за два дня передъ тѣмъ, я не зналъ еще, какое дать ей названіе, и только въ пріемной министра пришло мнѣ на умъ назвать ее «Русскимъ Инвалидомъ». Получивъ разрѣшеніе, я поспѣ-

Павелъ Павловичъ Пезаровіусъ.

(Съ литографіи прошлаго столѣтія).

шилъ къ типографщику, у котораго печатался тогда «Сынъ Отечества». Но когда почтенный типографщикъ (г. Дрекслеръ), приступившій къ дѣлу гораздо разсудительнѣе меня, спросилъ, могу ли я дать ему въ задатокъ 1,500 рублей, и когда я отвѣчалъ «нѣтъ», переговоры наши кончились. Послѣ нѣсколькихъ столь же безполезныхъ попытокъ, я наконецъ нашелъ въ покойномъ книгопродавцѣ

г. Плюшарѣ такого человѣка, какой мнѣ былъ нуженъ. На объявленіе мое о желаніи издавать газету на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а денегъ къ тому не имѣю, онъ отвѣчалъ шутливымъ и для меня весьма пріятнымъ образомъ: «Eh bien, a sur et mesure qu'il y aura des abonnés nous ferons votre gazette, et si dans un mois il ne s'en presentera plus — nous fermerons la boutique» (По мѣрѣ того, какъ будутъ являться подписчики, мы станемъ печатать газету, а если черезъ мѣсяцъ ихъ не прибудетъ, закроемъ лавочку, и дѣло съ концомъ). Послѣ такихъ весьма утѣшительныхъ для меня словъ, я думалъ, что газета уже существуетъ, а о томъ, что для существованія ея нужны также и читатели, я помышлялъ мало, такъ что программа, долженствовавшая предшествовать появленію газеты, явилась вмѣстѣ съ первымъ ея нумеромъ 1 февраля 1813 года».

Программа, о которой говоритъ Пезаровіусъ, настолько любопытна, что мы приводимъ ее здѣсь безъ сокращеній:

«Русскій Ивалидъ.

«Извѣстіе.

«Подъ симъ названіемъ и форматомъ выйдетъ завтра, февраля 1 дня, еженедѣльное изданіе историческо-политическаго содержанія, въ которомъ будутъ помѣщаемы слѣдующіе предметы: Выписки изъ военныхъ происшествій, обозрѣнія и сужденія объ оныхъ.—Черты любви къ отечеству и храбрости, извлеченныя изъ древней и новѣйшей россійской и всеобщей исторіи.—Всякія впродолженіе сей войны происходящія славныя дѣянія, являющія храбрость, человѣколюбіе, отважную рѣшительность и личное пожертвованіе для блага общаго.—Иностранныя извѣстія, сколько-нибудь любопытныя дли читателя листковъ сихъ.—Направленія общаго мнѣнія о нынѣшнихъ происшествіяхъ къ настоящей цѣли—и наконецъ, всякое хорошее умопроизведеніе, важное или шуточное, когда оно согласно будетъ съ цѣлію сихъ листовъ.—Издатель, отрицаясь отъ всякой личной выгоды за сей трудъ, намѣренъ весь остатокъ, за вычетомъ нужныхъ на напечатаніе издержекъ, употребить на вспоможеніе инвалидамъ, солдатскимъ вдовамъ и сиротамъ. А дабы большая часть публики могла пользоваться изданіемъ симъ, то полагается цѣна оному самая умѣренная: за весь годъ, составляющій 52 номера, которые будутъ выходить на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ еженедѣльно по субботамъ, здѣсь, въ Санктпетербургѣ 12, а съ пересылкою въ другіе города 15 рублей банковыми ассигнаціями. Каждый изъ гг. подписавшихся имѣетъ право представлять о раненыхъ и увѣчныхъ въ нынѣшнюю войну и объ учинившихся чрезъ то солдатскими вдовами и сиротами, для доставленія имъ нужнаго пособія,—публика ежемѣсячно извѣщаема будетъ о тѣхъ, кои получатъ вспоможеніе, о количествѣ выданныхъ имъ суммъ и о наличности всѣхъ денегъ, поступившихъ въ кассу.

«Отъ васъ, любезные сограждане! ожидаю я теперь благосклонной помощи.—Только соединенными силами можемъ свершить предполагаемое доброе дѣло.—Еще повторяю, что не личныя какія-либо выгоды побуждаютъ меня къ предпріятію труда сего; но единственно священная признательность къ героямъ, сражавшимся за наше спокойствіе и независимость, и желаніе содѣйствовать, по возможности моей, къ облегченію участи вдовъ и дѣтей храбрыхъ воиновъ, падшихъ на полѣ чести за любезное отечество.—Намѣреніе благо—средства позволительныя—да будетъ же и конецъ благоуспѣшенъ!

«Подписка принимается напередъ только въ типографіи г. Плюшара, въ домѣ Кутайсова, гдѣ «Русскій Инвалидъ» будетъ печататься, раздаваться и за три рубля въ годъ доставляться въ домъ. Иногородные благоволятъ адресоваться въ газетную экспедицію с.-петербургскаго почтамта.

«Издатель коллежскій совѣтникъ и кавалеръ

«Павелъ Пезаровіусъ».

Первый номеръ «Русскаго Инвалида» вышелъ въ объемѣ одного печатнаго листа сѣрой бумаги формата небольшой четвертки. Въ немъ, какъ и въ ближайшихъ за нимъ номерахъ, перепечатаны донесенія о дѣйствіяхъ нашей арміи за границею и статьи газеты «Сѣверная Почта» [1]) объ опустошеніяхъ, сопровождавшихъ походъ непріятеля въ Москву и пребываніе его въ этой столицѣ; кромѣ того, помѣщены извлеченія изъ старыхъ газетъ и нѣсколько военныхъ анекдотовъ, частью истинныхъ, частью вымышленныхъ.

Такимъ образомъ, новая газета ни своимъ внѣшнимъ видомъ, ни внутреннимъ содержаніемъ, не могла привлечь къ себѣ читателей. Наивность издателя доходила до того, что онъ не позаботился даже выписать хотя бы одну изъ иностранныхъ газетъ, наполнявшихся тогда подробными и разнообразными свѣдѣніями обо всемъ, происходившемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Понятно, что публика отнеслась съ полнымъ равнодушіемъ къ новорожденному изданію. Первый номеръ «Инвалида» доставилъ издателю всего лишь 12 подписчиковъ! Знакомые добродушно подсмѣивались надъ его затѣей и предсказывали, что «Инвалидъ» скоро умретъ «отъ ранъ своихъ»... Но вѣра Пезаровіуса въ промыселъ Божій и глубокое убѣжденіе, что начатое имъ съ столь чистыми побужденіями дѣло не можетъ погибнуть, оправдались скорѣе, нежели онъ предполагалъ. На помощь ему явились случайныя обстоятельства, которыя неожиданно двинули и упрочили его предпріятіе. Пезаровіусъ разослалъ первый номеръ «Русскаго Инвалида» всѣмъ членамъ царской семьи, находившимся въ Петербургѣ, и нѣсколь-

[1]) Эта газета издавалась въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

кимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Обѣ императрицы, Марія Өеодоровна и Елисавета Алексѣевна, великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи и великая княжна Анна Павловна отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ къ мысли Пезаровіуса и поспѣшили оказать ему поддержку; они тотчасъ же подписались на семь экземпляровъ «Инвалида» и прислали, вмѣсто объявленной подписной платы, 1,600 рублей. Такое отношеніе императорской фамиліи къ предпріятію Пезаровіуса, конечно, обратило на него вниманіе общества, и подписка на новую газету усилилась въ значительной степени, такъ что черезъ мѣсяцъ въ № 4 «Русскаго Инвалида» отъ 22-го февраля издатель могъ опубликовать первый слѣдующій отчетъ о состояніи кассы:

«Нижеподписавшійся издатель сего въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ посвящаемаго журнала, обязался въ предувѣдомленіи своемъ извѣщать ежемѣсячно публику о состояніи кассы, выручаемой съ сего изданія, поелику онъ таковою токмо откровенностью въ производствѣ дѣла своего и строжайшею исправностью въ наблюденіи при отчетахъ своихъ опредѣлительной формы удостовѣрить можетъ болѣе и болѣе публику въ безкорыстности предпріятія своего. Нынѣ впервые исполняетъ онъ сіе обѣщаніе, или, лучше сказать, сію обязанность. Типографія г. Плюшара взялась печатать сей журналъ, не требуя задатка, но съ тѣмъ весьма сходнымъ условіемъ, чтобы подписка нигдѣ болѣе не принималась, какъ только въ одной сей типографіи, дабы сіе служило ей залогомъ въ уплатѣ. Но ежели кто при подпискѣ взнесетъ по произволенію своему сверхъ подписной цѣны излишекъ, т. е. за годовое изданіе болѣе 12 рублей, то изъ таковаго взноса вычитается 12 рублей на уплату издержекъ, а остальное затѣмъ поступаетъ въ кассу на вспоможеніе инвалидамъ нынѣшней войны. По уплатѣ же всѣхъ издержекъ на напечатаніе и проч., вносятся и сіи 12 рублей въ общій счетъ на имя дателя, такъ чтобы ничего не пропадало изъ отчета.

«Годовыя издержки на бумагу и на печатаніе 1,000 экземпляровъ на русскомъ и 500 экземпляровъ на нѣмецкомъ языкахъ (положены примѣрно) простирается до 5.000 рублей. На уплату переводчикамъ, писцамъ, на корреспонденцію, выписываніе иностранныхъ вѣдомостей и на другіе расходы, кои въ первый мѣсяцъ не могли быть еще показаны опредѣлительно, полагается ежегодно до 3.000 р. Итого 8.000 рублей.

«Въ приходѣ состоитъ отъ 1 до 20 февраля:

«Отъ ея величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны за 2 экземпляра 300 рублей, изъ коихъ за вычетомъ 24 рублей на издержки поступило въ кассу на вспоможеніе инвалидамъ. . . . . 276 рублей.

«Отъ ея величества государыни императрицы Маріи Өеодоровны за 2 экземпляра 500 рублей; за вычетомъ на издержки 24 рубля остается. . . . . 476 »

«Отъ ихъ высочествъ государей великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича за 2 экземпляра 600 рублей; за вычетомъ 24 рублей остается. . . . . 576 рублей

«Отъ ея высочества государыни великой княжны Анны Павловны за 1 экземпляръ 200 рублей; за вычетомъ 12 рублей остается. . . . . 188 »

«Итого въ кассѣ на вспоможеніе инвалидамъ состоитъ 1,516 »

«Отъ подписчиковъ по 12 рублей за экземпляръ съ 1 по 21-е февраля поступило: черезъ типографію Плюшара 1860 рублей и черезъ газетную экспедицію 300 рублей. Всего . . . . 2,160 »

Приведенный нами отчетъ былъ явленіемъ совершенно новымъ для публики; своей простотой и откровенностью онъ произвелъ впечатлѣніе и внушилъ полное довѣріе къ Пезаровіусу. Теперь всѣ могли убѣдиться, что этотъ благородный человѣкъ, основывая газету, не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ выгодъ, а стремился, дѣйствительно, лишь къ гуманной и патріотической цѣли, которая въ то тяжкое время не могла не найти отклика въ сердцѣ каждаго, кто искренно любилъ родину.

И въ другомъ отношеніи обстоятельства сложились настолько благопріятно для Пезаровіуса, что, казалось, само Провидѣніе взяло подъ свое покровительство его дѣло. Въ теченіе перваго мѣсяца статьи изъ иностранныхъ газетъ для русскаго изданія «Инвалида» переводилъ извѣстный впослѣдствіи своей грамматикой А. Х. Востоковъ, но вскорѣ ученыя и служебныя занятія вынудили его отказаться отъ этой работы. Необходимо было отыскать новаго сотрудника. Кто-то указалъ Пезаровіусу на служившаго въ почтамтѣ надворнаго совѣтника Оденталя, какъ на человѣка чрезвычайно способнаго и образованнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждая, что онъ гордъ и вспыльчивъ до такой степени, что часто приходитъ въ сильнѣйшее раздраженіе безъ всякаго повода, и потому съ нимъ нужно обращаться съ крайней осторожностью. Когда Пезаровіуса познакомили съ Оденталемъ, послѣдній отнесся къ нему довольно высокомѣрно и прямо назначилъ плату за свою работу, на которую тотъ и согласился безъ возраженій, самъ не зная, откуда ее достанетъ. При прощаніи Оденталь съ важностью сказалъ:

— Надѣюсь, что каждый разъ, когда я пришлю за вами, вы будете являться ко мнѣ.

Пезаровіусъ растерялся, но, боясь лишиться полезнаго сотрудника, обѣщалъ безпрекословно исполнять всѣ его требованія.

Дня черезъ два, въ полночь, Пезаровіусъ уже легъ въ постель, какъ вдругъ раздался звонокъ, и лакей доложилъ, что г. Оденталь

ожидаетъ его къ себѣ немедленно. Вспомнивъ данное обѣщаніе, Пезаровіусъ поспѣшно одѣлся и отправился къ своему грозному сотруднику. Стояла мартовская оттепель, и рѣдкіе масляные фонари едва мерцали въ темныхъ улицахъ. Извозчиковъ не оказалось, и несчастному издателю пришлось пѣшкомъ шлепать по водѣ и грязи отъ Семеновскаго моста до Конногвардейскаго переулка, гдѣ жилъ Оденталь. Когда изрядно загрязнившійся Пезаровіусъ вошелъ въ ярко освѣщенный кабинетъ, то увидѣлъ Оденталя, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ среди груды иностранныхъ газетъ и журналовъ. Тутъ только Пезаровіусъ догадался, что его новый сотрудникъ былъ почтамтскимъ цензоромъ.

— Вотъ, сказалъ Оденталь, повелительно указывая на небольшой столикъ, стоявшій у дверей,—послѣднія берлинскія газеты. Витгенштейнъ побилъ французовъ при Лейцкау. Садитесь, выписывайте, что нужно, и дайте мнѣ свои выписки,—я тотчасъ переведу ихъ на русскій языкъ.

Изумленію и радости Пезаровіуса не было границъ. Публика особенно интересовалась тогда извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Эльбѣ,—и вотъ онъ вдругъ, нечаянно и негаданно, очутился у самаго источника, откуда могъ черпать самыя свѣжія новости! Не разгибая спины, работалъ онъ вмѣстѣ съ Оденталемъ до трехъ часовъ ночи и, какъ только рукописи были готовы, побѣжалъ съ ними въ типографію Плюшара, помѣщавшуюся на Исаакіевской площади, разбудилъ наборщиковъ, заставилъ ихъ при себѣ набирать номеръ газеты, и въ восемь часовъ утра публика прочитала въ «Русскомъ Инвалидѣ» на двухъ языкахъ тѣ извѣстія, которыя могла узнать изъ берлинскихъ газетъ лишь черезъ нѣсколько часовъ позже. Такая быстрота въ сообщеніи новостей породила молву, будто редакція «Инвалида» получаетъ извѣстія съ театра войны при посредствѣ особыхъ курьеровъ. Подписка сразу поднялась, и къ концу апрѣля число подписчиковъ достигло уже 800 человѣкъ, что вполнѣ окупало всѣ расходы по изданію. Кромѣ того, Пезаровіусъ началъ выпускать «чрезвычайныя прибавленія», въ которыхъ помѣщались краткія извѣстія о наиболѣе выдающихся успѣхахъ нашихъ войскъ. Эти «чрезвычайныя прибавленія» продавались по 25 копѣекъ, и на Невскомъ проспектѣ, на бульварѣ, тогда еще существовавшемъ, предлагались гуляющимъ мальчиками, преимущественно солдатскими сыновьями, и дѣвочками. Дѣти обыкновенно собирались у входа въ типографію Плюшара съ номерными дощечками, висѣвшими на веревкахъ, обмотанныхъ вокругъ шеи, и представляли, сколько у кого было денегъ,—рубль или пол-

тину. Получивъ за рубль четыре, а за полтину два экземпляра прибавленій, они спѣшили съ крикомъ: «побѣда! побѣда!» на бульваръ, гдѣ публика съ жадностью покупала у нихъ объявленія, платя обыкновенно вдвое и втрое. Какъ скоро товаръ былъ проданъ, дѣти опять прибѣгали къ Плюшару, на весь свой барышъ снова покупали экземпляры объявленій и бросались на бульваръ продавать ихъ. Случалось, что иной, представивъ сначала только рубль, возвращался съ бульвара и могъ уже купить прибавленій на пять и даже на десять рублей и болѣе и уносилъ съ собою домой изрядный барышъ.

Но пожертвованія въ пользу инвалидовъ были незначительны. Очень немногіе подписчики присоединяли къ подписной платѣ нѣсколько лишнихъ рублей, да одна дама дала 50 рублей, и одинъ англійскій торговый домъ прислалъ 100 рублей. Тогда еще не было видно въ Петербургѣ инвалидовъ; они начали появляться позднѣе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, довольно посредственный комикъ тогдашняго нѣмецкаго театра Боркъ заявилъ Пезаровіусу, что, одушевленный желаніемъ принести посильную помощь инвалидамъ, уступаетъ въ пользу ихъ сборъ съ своего бенефиса. Пезаровіусъ обрадовался такому предложенію и, несмотря на то, что его со всѣхъ сторонъ увѣряли, что онъ попался впросакъ, что лѣтомъ, когда всѣ живутъ на дачахъ, маленькій нѣмецкій театръ [1]) будетъ пустъ, и Боркъ, уступая свой бенефисъ инвалидамъ, хочетъ только избавиться отъ платы за издержки, взваливъ ихъ на него,—Пезаровіусъ, тѣмъ не менѣе, вѣруя въ свою счастливую звѣзду, заявилъ въ газетѣ о благородномъ желаніи Борка и о томъ, что билеты на спектакль можно получать у него на квартирѣ или въ типографіи Плюшара. Результаты не только оправдали рискъ Пезаровіуса, но превзошли всѣ его ожиданія. Публика разбирала билеты нарасхватъ, и за кресла, цѣна которымъ была 2 руб. 50 коп., платили по 10, 25, 50, по 150 и даже по 300 рублей. Чистый сборъ отъ спектакля, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, доставилъ 3.000 рублей. Боркъ также не остался въ накладѣ, ибо императрица Марія Ѳеодоровна прислала ему 500 рублей на покрытіе убытковъ.

«Никогда не надѣялся я», говоритъ Пезаровіусъ [2]), «получить столь значительную сумму. Въ величайшей радости сѣлъ я за столъ. чтобы извѣстить публику посредствомъ газеты о такомъ неожидан-

---

[1]) Театръ этотъ помѣщался въ то время въ Малой Милліонной и занималъ часть зданія нынѣшняго Главнаго Штаба.

[2]) Краткая исторія «Русскаго Инвалида», стр. 17.

номъ мною сборѣ. Я еще не думалъ ни о чемъ другомъ; но, взявъ въ руку перо, написалъ — собственно не зная самъ, что дѣлаю, — что эти три тысячи хочу положить въ ломбардъ «для составленія основнаго капитала, который скоро будетъ значительнымъ, и въ свое время передать его правительству для обращенія въ пользу инвалидовъ». Итакъ, изъ 3.000 рублей, которыя я въ первый разъ видѣлъ передъ собой, и которыя поразили меня своею значительностью, я рѣшился составить капиталъ въ пользу инвалидовъ, предсказавъ, что онъ вскорѣ будетъ огромнымъ! Могла ли подобная мысль родиться въ головѣ человѣка, знакомаго съ теоріей вѣроятностей? Въ то же время я объявилъ, что впредь не могу болѣе трогать суммъ, полагаемыхъ для увеличенія капитала, но что онѣ до передачи правительству будутъ прирощаться процентами. Съ тѣхъ поръ пожертвованія умножились, и вотъ тому причина: когда императрица Марія Өеодоровна узнала изъ «Русскаго Инвалида» (листки котораго всегда лежали на ея рабочемъ столѣ), что я хочу основать капиталъ, могущій только возростать, а не убавляться, то человѣколюбивая государыня, благосклоннымъ и трогательнымъ образомъ выражавшая мнѣ въ разныя времена высокое участіе, принимаемое ею въ дѣлѣ инвалидовъ, начала присылать мнѣ послѣ рѣшительныхъ побѣдъ нашихъ армій суммы въ нѣсколько тысячъ рублей (такъ, напримѣръ, 4.000 рублей послѣ Кульмскаго и 8.000 рублей послѣ Лейпцигскаго сраженія) отъ имени «счастливой матери и дѣтей ея». Высокій примѣръ, поданный императрицей, покорившей себѣ любовь всѣхъ вѣрноподданныхъ, естественно не могъ остаться безъ подражанія. Публика, увидѣвъ, что государыня ввѣряетъ мнѣ, человѣку вовсе неизвѣстному, такія значительныя суммы, и что сіи суммы обращаются въ основной капиталъ, спѣшила доказать такимъ же образомъ свою благодарность къ храбрымъ защитникамъ отечества. Я началъ получать по тысячѣ и болѣе рублей и пріобщалъ ихъ къ капиталу, а изъ суммъ менѣе значительныхъ дѣлалъ выдачи раненымъ и солдатскимъ вдовамъ, которые начали появляться въ большомъ количествѣ».

Предсказаніе, или, вѣрнѣе, предчувствіе, Пезаровіуса относительно роста инвалиднаго капитала начало сбываться съ неожиданной быстротой и въ неожиданныхъ размѣрахъ. 4-го декабря онъ получилъ отъ московскаго главнокомандующаго графа Растопчина слѣдующее письмо [1]):

---

[1]) Письмо это напечатано въ № 51 «Русскаго Инвалида» 1813 года.

«По случаю знаменитой побѣды, одержанной подъ стѣнами Лейпцига, содѣлавшей безсмертнымъ великаго государя нашего и навѣки прославившей оружіе россійское, жители древней столицы московской, движимые любовью къ отечеству и состраданіемъ къ увѣчнымъ защитникамъ онаго, опредѣлили нѣкоторое пособіе въ пользу инвалидовъ, предоставивъ мнѣ пожертвованную ими сумму отправить къ вашему высокоблагородію. Съ особымъ удовольствіемъ принявъ на себя исполненіе сего ихъ желанія, я честь имѣю препроводить къ вамъ при особыхъ спискахъ 42.000 рублей, прося покорно васъ, милостивый государь мой, оныя деньги обратить на извѣстное назначеніе и о полученіи оныхъ не оставить меня вашимъ увѣдомленіемъ».

Вслѣдъ за пожертвованіемъ москвичей и петербургское купечество доставило въ инвалидный капиталъ 20.000 рублей. Кромѣ того, два концерта въ залѣ Филармоническаго общества, изъ которыхъ одинъ былъ устроенъ Пезаровіусомъ, а другой данъ придворными пѣвчими подъ управленіемъ знаменитаго Бортнянскаго, принесли 10.000 рублей. Наконецъ, въ исходѣ года и самъ Пезаровіусъ могъ пріобщить къ капиталу 5.000 рублей, оставшіяся у него за вычетомъ всѣхъ расходовъ по редакціи и изданію газеты. Благодаря всѣмъ этимъ пожертвованіямъ, Пезаровіусъ, выпуская № 51 «Русскаго Инвалида», послѣдній въ 1813 году, могъ показать въ своемъ отчетѣ такія суммы: въ неприкосновенномъ инвалидномъ капиталѣ состояло 115.000 рублей; въ вспомогательной кассѣ 31575 рублей; въ кассѣ на издержки по изданію 22.477 рублей. Число инвалидовъ, получившихъ пособіе изъ вспомогательной кассы, большею частью за годъ впередъ, простиралось до 825 и солдатскихъ вдовъ 40.

«Таковъ былъ результатъ изданія газеты», говоритъ Пезаровіусъ съ понятнымъ чувствомъ гордости, «существовавшей не болѣе одиннадцати мѣсяцевъ, которая начала издаваться безъ предварительнаго объявленія, имѣя съ самаго начала не болѣе двѣнадцати подписчиковъ,—газеты, для которой я не осмѣлился испрашивать у правительства ни малѣйшаго пособія, и которая, несмотря на то, по милости Божіей, не только покрыла всѣ издержки изданія и къ концу года пріобрѣла значительный капиталъ, но, сверхъ того, поставила меня въ возможность доставлять денежное вспоможеніе возвратившимся на родину почтеннымъ инвалидамъ, проливавшимъ кровь свою въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, подъ Полоцкомъ и при штурмѣ сего города. Инвалиды при проѣздѣ черезъ Петербургъ временно размѣщались по квартирамъ на Петербургской сто-

ронѣ. На дорогѣ къ нимъ нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать знакомыхъ. Узнавъ, что я иду къ раненымъ, почти каждый изъ нихъ давалъ мнѣ что-нибудь въ пользу заслуженныхъ воиновъ, и такимъ образомъ я приходилъ къ своимъ друзьямъ съ большимъ запасомъ пособія, нежели съ какимъ выходилъ изъ дому. Должно замѣтить, что никогда не давалъ я пособія инвалидамъ отъ своего имени, а всегда отъ имени правительства, и, во-вторыхъ, я никогда никого не просилъ заботиться объ инвалидахъ, ибо такія просьбы, по моему убѣжденію, были бы оскорбленіемъ ихъ заслугъ, запечатлѣнныхъ кровью. Но я долженъ также отдать полную справедливость русской публикѣ: она проникнута была священною обязанностью доказать на дѣлѣ свою признательность раненымъ воинамъ, сколько кому позволяли обстоятельства».

Съ 1814 года Пезаровіусъ рѣшилъ выпускать «Инвалидъ» два раза въ недѣлю и потому возвысилъ подписную плату съ 15 до 25 рублей въ годъ, что не только не имѣло неблагопріятныхъ послѣдствій, но, напротивъ, даже усилило подписку.

Патріотическое одушевленіе и общее участіе къ судьбѣ инвалидовъ также постоянно возростали. Почти во всѣхъ зажиточныхъ семьяхъ каждое радостное событіе или домашній праздникъ приносили что-нибудь раненымъ. Въ пользу ихъ дѣлались складчины, давались дѣтскіе спектакли и концерты, устроивались вечера и лотереи, часто въ коммерческихъ играхъ извѣстная часть выигрыша отсчитывалась «на инвалидовъ»; въ нѣкоторыхъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанники и воспитанницы собирали свои карманныя деньги и отсылали ихъ въ редакцію «для инвалидовъ». Изъ многихъ губерній, даже изъ отдаленныхъ поселеній Сѣверо-Американской компаніи, присылались денежныя пожертвованія, вообще простиравшіяся иногда до 20, 30 и даже 40 тысячъ въ мѣсяцъ. Перечисленіе всѣхъ присланныхъ пожертвованій заняло бы много мѣста, и мы ограничимся упоминаніемъ лишь объ одномъ изъ нихъ. Съ извѣстіемъ о взятіи Парижа былъ присланъ отъ государя генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. Жители Москвы въ изъявленіе своей радости поднесли ему, въ видѣ хлѣба-соли, 2,000 голландскихъ червонцевъ (слишкомъ 20 тысячъ рублей). Получивъ эти деньги, Голенищевъ завязалъ ихъ въ салфетку и послалъ съ дворецкимъ Пезаровіусу «отъ неизвѣстнаго для инвалидовъ».

Къ концу 1814 года, основной инвалидный капиталъ, лежавшій въ ломбардѣ, достигъ 300,000 рублей, и, кромѣ того, Пезаровіусъ могъ присоединить къ нему отъ себя 20,000 рублей, оставшіяся отъ издержекъ на изданіе газеты.

Столь блестящій результатъ частной инициативы маленькаго и неизвѣстнаго чиновника, носившаго иностранную фамилію, но имѣвшаго чисто русское сердце и дѣйствовавшаго на свой страхъ во имя любви и состраданія къ человѣчеству, указалъ правительству на необходимость взять въ свои руки дѣло попеченія о раненыхъ воинахъ и обезпеченіе ихъ судьбы.

18-го августа 1814 года, въ годовщину Кульмскаго сраженія, состоялся высочайшій приказъ объ учрежденіи особаго комитета; обращаясь къ войскамъ, императоръ Александръ такимъ образомъ опредѣлилъ задачи комитета: «Геройскіе подвиги ваши всегда обращали вниманіе мое; дабы вящше ознаменовать оные, и въ особенности день 18-го августа, я отверзаю нынѣ путь удобнѣйшій всѣмъ увѣчнымъ въ послѣднюю незабвенную по громкимъ дѣламъ своимъ войну генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, какъ вышедшимъ уже въ отставку, такъ и тѣмъ, кои отъ ранъ и увѣчьевъ въ войну сію оставятъ впредь службу, и не имѣющимъ другаго состоянія, кромѣ опредѣленнаго при отставкѣ пенсіона, прибѣгать во всѣхъ нуждахъ своихъ ко мнѣ. А чтобы просьбы ихъ безъ всякаго промедленія были разсматриваемы, повѣрены и поднесены мнѣ, учреждаю особый комитетъ изъ находящихся при мнѣ генералъ-адъютантовъ: Уварова, графа Строганова, Голенищева-Кутузова, Закревскаго и Сипягина. Обязанностью комитета сего будетъ: принимать просьбы, пещись о доставленіи возможнаго вспомоществованія неимущимъ, изувѣченнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, и представлять объ нихъ доклады свои черезъ состоящаго при мнѣ генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева».

Съ учрежденіемъ комитета 18-го августа Пезаровіусъ намѣревался, закончивъ 1814 годъ, отказаться отъ дальнѣйшаго изданія «Русскаго Инвалида» и представить собранныя имъ деньги въ комитетъ; но засѣданія послѣдняго вскорѣ прекратились, такъ какъ большая часть его членовъ отправилась вмѣстѣ съ государемъ за границу, на Вѣнскій конгрессъ. «Инвалидъ» продолжалъ выходить и въ 1815 году, но пожертвованія въ пользу раненыхъ стали уменьшаться, а послѣ пораженія Наполеона при Ватерлоо и его отреченія отъ престола почти совсѣмъ прекратились. Тѣмъ не менѣе, къ декабрю мѣсяцу инвалидный капиталъ возросъ до 395,000. Въ этомъ мѣсяцѣ императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ, и Пезаровіусъ поспѣшилъ повергнуть на высочайшую волю какъ капиталъ, такъ и 1,200 инвалидовъ, получавшихъ отъ него въ то время постоянныя пособія.

Государь, принявъ деньги, удостоилъ Пезаровіуса слѣдующимъ рескриптомъ:

«Безкорыстное усердіе ваше къ храбрымъ защитникамъ отечества, которое явили вы трехлѣтнимъ изданіемъ публичныхъ вѣдомостей подъ названіемъ «Русскій Инвалидъ» и руководствуясь коимъ пріобрѣли на пользу изувѣченныхъ капиталъ въ 395,000 рублей, обратило на себя особенное вниманіе мое. Въ награду толико похвальнаго подвига, жалуя васъ кавалеромъ ордена св. Анны второй степени, знаки коего, алмазами украшенные, и препровождаю при семъ, увѣренъ будучи, что съ новымъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ мною на счетъ означенныхъ вѣдомостей, не престанете вы и впредь продолжать полезный трудъ вашъ, доставляющій способъ соотечественникамъ облегчать жребій изувѣченныхъ на войнѣ собратій своихъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ».

Одновременно съ рескриптомъ Пезаровіусу состоялся указъ Правительствующему Сенату, который приводимъ вполнѣ:

«Издатель вѣдомостей, именуемыхъ «Русскій Инвалидъ», коллежскій совѣтникъ Пезаровіусъ, предпринявшій трудъ сей изъ единаго усердія къ храбрымъ защитникамъ отечества, поднесъ мнѣ просьбу о принятіи въ казенное распоряженіе капитала, посредствомъ означенныхъ вѣдомостей пріобрѣтеннаго и составляющаго понынѣ 395,000 рублей.

«Отдавая справедливость столь похвальному подвигу коллежскаго совѣтника Пезаровіуса, я наградилъ его орденомъ св. Анны второй степени, алмазами украшеннымъ, а дабы преподать ему способъ быть и впредь полезнымъ для изувѣченныхъ воиновъ, повелѣваю правительствующему сенату:

«1) Опредѣлить Пезаровіуса членомъ комитета, учрежденнаго по приказу моему 18-го августа 1814 года, поручивъ дирекціи его канцелярію комитета.

«2) Изданіе, коимъ занимался онъ три года, продолжать и впредь подъ наименованіемъ «Русскій Инвалидъ» или «Военныя Вѣдомости».

«3) Сверхъ предметовъ, входившихъ понынѣ въ вѣдомости сіи, помѣщать приказы и другія военныя извѣстія по усмотрѣнію комитета.

«4) Цензуру «Военныхъ Вѣдомостей» предоставить на общихъ основаніяхъ означенному комитету.

«5) Собранную Пезаровіусомъ сумму для пріобщенія къ прочему инвалидному капиталу, въ комиссаріатскомъ департаментѣ хранящемуся, и впредь всѣ приношенія, къ издателю «Русскаго Инвалида» поступающія, обращать въ вѣдѣніе комитета.

«6) Съ распоряженіемъ симъ употребленіе денегъ на изданіе «Военныхъ Вѣдомостей» происходить должно по назначенію уже комитета.

«7) А какъ отъ коллежскаго совѣтника Пезаровіуса получаютъ пенсіоны 1,200 инвалидовъ, то производство оныхъ и впредь предоставить равномѣрно комитету».

«Александръ».

«С.-Петербургъ, 21-го декабря 1815 г.».

Слова высочайшаго рескрипта, гдѣ государь выражалъ увѣренность, что Пезаровіусъ «не престанетъ и впредь продолжать полезный трудъ свой», обязывали его остаться редакторомъ «Русскаго Инвалида», перешедшаго теперь въ вѣдѣніе комитета 18-го августа. Съ 1816 года, согласно предложенію Пезаровіуса, «Инвалидъ» началъ выходить ежедневно. Онъ редактировалъ газету еще шесть лѣтъ, до 1822 года, и въ теченіе этого времени чистый доходъ отъ изданія, поступавшій въ пользу инвалидовъ, простирался ежегодно отъ 40 до 60 тысячъ рублей, такъ что общая цифра инвалиднаго капитала, собраннаго Пезаровіусомъ, составляла, какъ то обозначено въ его формулярномъ спискѣ, милліонъ тридцать двѣ тысячи четыреста двадцать четыре рубля.

Въ концѣ 1821 года, Пезаровіусъ отказался отъ редакторства, и изданіе «Инвалида» было изъято изъ вѣдѣнія комитета и передано статскому совѣтнику А. Ѳ. Воейкову, извѣстному переводчику «Садовъ» Делиля и автору сатиры «Домъ сумасшедшихъ».

Въ 1817 году, Пезаровіусу пожалованъ по смерть пенсіонъ по 1.500 рублей ежегодно, а при оставленіи имъ съ 1822 года редакторства «Инвалида» велѣно производить изъ суммъ комитета 18-го августа по 3.000 рублей жалованья. Въ 1826 году, по докладу комитета, пенсія его была увеличена еще на 1.500 рублей, и, сверхъ того, ему выдано единовременно 7.000 рублей на уплату долговъ, а въ 1834 году ко всему этому присоединена аренда на 12 лѣтъ, по 2.000 рублей въ году. Въ 1833 году, онъ, имѣя уже чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Станислава 1-й степени, назначенъ президентомъ Петербургской Евангелической консисторіи (вице-президентомъ ея онъ состоялъ съ 1819 года) съ оставленіемъ членомъ комитета 18-го августа.

Кромѣ редактированія «Инвалида», Пезаровіусъ написалъ и напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ и безъ означенія своего имени нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ намъ извѣстны заглавія двухъ:

1) Christliche Katechismusübung, nach Grundlage des kleinen Katechismus Dr. Martin Luthers, zu Nutz und Frommen beydes, der Schuler und Lehrer, verfasst und herausgegeben in Jhar des Heils 1820. St.-Petersburg. Mit mehreren Zusätzen neue aufgelegt.

Dresden. 1822. (Христіанское примѣненіе катехизиса, на основаніи малаго катехизиса д-ра Мартина Лютера, для пользы и благочестія учениковъ и учителей, составлено и издано въ 1820 году. С.-Петербургъ. Со многими дополненіями вновь издано въ 1822 году. Дрезденъ).

2) Ein Wort der Wahrheit über die Schmähschrift: Meine Verfolgung in Russland; von Karl Limmer, vormals Consistorial-Rath und Prediger zu Saratow, das heist: welcher Limmer nie verfolgt warden, nicht vormals sondern niemals Consistorial-Rath gewesen. Leipzig. 1823. (Слово правды о пасквилѣ подъ заглавіемъ: «Преслѣдованіе меня въ Россіи» Карла Лиммера, бывшаго совѣтника консисторіи, проповѣдника въ Саратовѣ, то-есть этотъ Лиммеръ никогда не былъ преслѣдуемъ и ни раньше, ни вообще никогда не былъ совѣтникомъ консисторіи. Лейпцигъ. 1823).

Воейковъ получилъ въ свое распоряженіе «Русскій Инвалидъ» исключительно благодаря обширнымъ связямъ и протекціи вліятельныхъ лицъ. Это былъ человѣкъ не безъ дарованій, но безхарактерный, вздорный и безпечный, съ крайне узкими и односторонними взглядами. Онъ редактировалъ «Инвалидъ» до своей смерти, т. е. до 1829 года, и за этотъ періодъ времени газета отличалась полной безсодержательностью; въ ней не было ничего, кромѣ громкихъ и пустыхъ фразъ, жиденькихъ описаній отечественныхъ происшествій и выписокъ изъ иностранныхъ газетъ, сдѣланныхъ безъ всякой системы. Понятно, что при такомъ способѣ веденія дѣла подписка на «Инвалидъ» падала съ каждымъ годомъ, и, наконецъ, изданіе не только перестало приносить выгоды, но вовлекло Воейкова въ долги и процессы. Пезаровіусъ, видя гибель предпріятія, которое онъ создалъ и привелъ въ блестящее положеніе, началъ хлопотать объ отобраніи отъ Воейкова редакціи. Многочисленные покровители Воейкова, во главѣ съ Жуковскимъ и всемогущимъ Аракчеевымъ, приняли его подъ свою защиту, и, вѣроятно, хлопоты Пезаровіуса не привели бы ни къ какимъ результатамъ, если бъ смерть Воейкова не разрѣшила вопроса. По высочайшему повелѣнію, 29-го іюня 1830 года, редакція «Инвалида» снова перешла къ Пезаровіусу, и помощникомъ къ нему назначенъ еще начинавшій тогда свою литературную карьеру А. А. Краевскій. Чтобы поднять газету, Пезаровіусъ увеличилъ ея форматъ, ввелъ политическій отдѣлъ и разныя другія улучшенія. Усилія его отчасти увѣнчались успѣхомъ, но все-таки «Инвалидъ» не могъ уже достигнуть прежняго распространенія. Возможно, что и самъ Пезаровіусъ не имѣлъ ни силъ, ни времени, съ той же энергіей работать

и отдаваться газетѣ. Какъ бы то ни было, онъ велъ ее до 1847 года, когда тяжелая болѣзнь, скоро порвавшая его полезную жизнь, вынудила его не только опять оставить редакторство, но и просить увольненія отъ службы.

1-го января 1847 года, состоялся слѣдующій приказъ императора Николая I: «Увольняется по прошенію отъ службы за совершенно разстроеннымъ здоровьемъ членъ комитета, учрежденнаго въ 18-й день августа 1814 года, тайный совѣтникъ Пезаровіусъ. Государь императоръ, пріемля во всемилостивѣйшее вниманіе незабвенный подвигъ, оказанный тайнымъ совѣтникомъ Пезаровіусомъ основаніемъ инвалиднаго капитала въ эпоху Отечественной войны, высочайше повелѣть соизволилъ: при увольненіи его отъ службы назначить почетнымъ членомъ означеннаго комитета и сохранить получаемые имъ изъ инвалиднаго капитала оклады, сверхъ пенсіи, пожалованной ему въ 1817 и 1826 годахъ за особыя заслуги, и той, которая причитается по послѣдней его должности президента с.-петербургской евангелическо-лютеранской консисторіи».

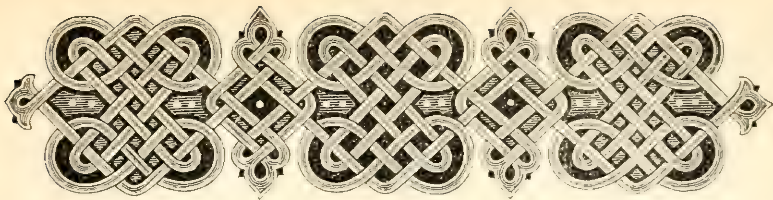
Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ отставки, 2-го іюля 1847 года, Пезаровіусъ умеръ. Забвеніе коснулось его уже при жизни; по крайней мѣрѣ, ни въ «Русскомъ Инвалидѣ», ни въ другихъ петербургскихъ газетахъ того времени мы не нашли ни его некролога, ни описанія его похоронъ. Только однѣ «Московскія Вѣдомости» (№ 81) почтили его память нѣсколькими прочувствованными строками:

«Вчера, 2-го іюля», говорится въ нихъ, «въ 11-мъ часу утра, скончался послѣ продолжительной болѣзни, на 74-мъ году отъ рожденія, почетный членъ комитета, высочайше утвержденнаго въ 18-й день августа 1814 года, и бывшій редакторъ «Русскаго Инвалида», тайный совѣтникъ Павелъ Павловичъ Пезаровіусъ. Благотворить нуждающимся, жертвовать всѣмъ для ближняго, забывать собственные интересы — вотъ была единственная цѣль, единственное занятіе этой долговременной, полезной обществу жизни. Тысячи семействъ, вдовъ, сиротъ, раненыхъ, обѣднѣвшихъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ, обязаны Пезаровіусу жизнью, воспитаніемъ и тою степенью довольства, съ какою только могли доводить ихъ средства, бывшія въ его распоряженіи. Всегда ходатайствовавшій за другихъ и не заботившійся о самомъ себѣ, Пезаровіусъ жилъ однѣми щедротами государя императора, и изъ получаемыхъ имъ окладовъ, которыхъ было достаточно для его умѣреннаго образа жизни, онъ благотворилъ еще своимъ родственникамъ и ни одного бѣднаго не отпускалъ отъ себя безъ помощи.

Имя его до сихъ поръ извѣстно было только тѣмъ, кто пользовался его благодѣяніями. Всегда скромный и молчаливый, онъ никому не разсказывалъ о своихъ поступкахъ и не любилъ, чтобы ему напоминали о нихъ; но теперь, когда смерть положила предѣлъ его общеполезной дѣятельности, мы съ чувствомъ глубокой скорби можемъ сказать, что мы въ лицѣ Пезаровіуса лишились одного изъ тѣхъ честныхъ, благородныхъ людей, которыми, по справедливости, гордится человѣчество, и которыхъ имена вноситъ оно на страницы своей исторіи, какъ лучшее ея украшеніе».

Императоръ Николай Павловичъ приказалъ похоронить Пезаровіуса на счетъ комитета 18-го августа и отдать ему при погребеніи воинскія почести. Тѣло его опущено въ землю на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ. Пезаровіусъ былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Цвейтингеръ, пережившей его всего на два года, и не имѣлъ дѣтей.

Послѣдній графъ Головкинъ.

ЛЯ ОДНОЙ изъ моихъ работъ мнѣ понадобилась справка о посольствѣ въ Китай графа Юрія Александровича Головкина въ 1805 году. Свѣдѣній объ этомъ посольствѣ я не нашелъ ни въ «Исторіи императора Александра I» Богдановича, ни въ трудѣ Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе». Заглянулъ я въ наши энциклопедическіе словари, но въ нихъ, и даже въ многотомномъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, не оказалось совсѣмъ имени графа Ю. А. Головкина. Пропустилъ его и Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей»... А между тѣмъ графъ Ю. А. Головкинъ былъ человѣкомъ, заслуживающимъ во многихъ отношеніяхъ вниманія. При Екатеринѣ II онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ, при Александрѣ I посломъ въ Вѣнѣ и находился во главѣ неудачнаго посольства въ Китай; при Николаѣ I занималъ должность попечителя Харьковскаго учебнаго округа и носилъ званіе оберъ-камергера. Пришлось розыскивать нужную мнѣ справку въ нашихъ историческихъ журналахъ и сборникахъ, при чемъ я отмѣчалъ, такъ сказать, попутно попадавшіяся мнѣ свѣдѣнія о Головкинѣ и убѣдился, что, несмотря на всю ихъ отрывочность и случайность, изъ нихъ можно составить если не полную, то послѣдовательную его біографію, что я и попытаюсь сдѣлать, такъ какъ, по моему мнѣнію, она довольно любопытна.

Родъ Головкиныхъ не принадлежалъ къ старинному боярству и обязанъ своимъ появленіемъ среди русской знати родству съ Нарышкиными. Бѣдный дворянинъ, ИванъСеменовичъ Головкинъ, владѣвшій всего пятью крестьянскими дворами, приходился двоюроднымъ дядей матери Петра Великаго, Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, и былъ ея крестнымъ отцомъ. Когда она сдѣлалась царицей, то Головкинъ получилъ званіе боярина и нѣсколько вотчинъ. Сынъ его, Гавріилъ Ивановичъ, пользовался особенной благосклонностью Петра Великаго, исполнялъ при немъ должность государственнаго канцлера, возведенъ въ графское достоинство и награжденъ многими помѣстьями. Несмотря на свое богатство, онъ былъ необычайно скупъ и алченъ. Онъ даже не выстроилъ себѣ въ Петербургѣ порядочнаго дома, а ютился въ мазанковой избѣ, живя не лучше недостаточныхъ людей того времени. Когда Петръ поручилъ ему произвести слѣдствіе по доносу Кочубея на гетмана Мазепу, Головкинъ, за крупную взятку, оправдалъ Мазепу и этимъ погубилъ Кочубея. Сынъ его, Михаилъ Гавриловичъ, вице-канцлеръ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, женитьбою на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской еще болѣе увеличилъ свое родовое состояніе, получивъ въ приданое за женою до 20,000 душъ крестьянъ.

Жена его, внучка знаменитаго «князя-кесаря», отличалась высокими качествами души и пользовалась уваженіемъ въ обществѣ и при дворѣ. По восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ 1741 году, Головкинъ, какъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ прежняго правительства, былъ сосланъ въ Сибирь, въ отдаленный Ярмангъ, или Собачій острогъ, находившійся въ 2,000 верстахъ отъ Якутска, гдѣ и умеръ, протомившись въ ссылкѣ, вмѣстѣ съ женой, четырнадцать лѣтъ, среди всевозможныхъ лишеній, а имѣніе ихъ было отобрано въ казну. Императрица прислала сказать графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, что такъ какъ она не причастна преступленіямъ мужа, то можетъ сохранить званіе статсъ-дамы и всѣ свои права и свободно пользоваться ими, гдѣ и какъ ей угодно; но Головкина отказалась и отвѣчала: «На что мнѣ почести и богатство, когда не могу раздѣлить ихъ съ другомъ моимъ? Любила мужа въ счастіи, люблю его въ несчастіи и одной милости прошу, чтобы съ нимъ быть неразлучно...» Послѣ смерти мужа графиня Екатерина Ивановна испросила разрѣшеніе перевезти его прахъ въ Москву и сама поселилась въ этомъ городѣ. Императрица Екатерина II, во время своего коронованія, пожелала видѣть Головкину, приняла ее съ величайшимъ внима-

ніемъ и пожаловала ей, взамѣнъ конфискованныхъ имѣній, нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Графиня Екатерина Ивановна прожила девяносто лѣтъ и скончалась въ 1791 году. Эта достойнѣйшая женщина была окружена общимъ почитаніемъ. Вся родовитая Москва собиралась къ ней въ ея пріемные дни, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Въ ея гостиной, на большомъ, мягкомъ креслѣ, всегда сидѣла сгорбленная старушка въ простомъ, русскомъ платьѣ, повязанная шелковымъ платкомъ. Эта была горничная графини, изъ преданности сопровождавшая ее въ Сибирь и раздѣлявшая съ ней всѣ ужасы ссылки. Всякому новому посѣтителю Головкина представляла старушку, говоря: «Это мой лучшій другъ; она ни за что не хотѣла разстаться со мною и дѣлила со мной мои несчастія; я считаю ее своей сестрой».

Братъ Михаила Гавриловича, графъ Александръ Гавриловичъ, человѣкъ съ большими способностями, служилъ посланникомъ сперва въ Берлинѣ, гдѣ женился на племянницѣ прусскаго фельдмаршала, графа Дона-Вартембергъ, а потомъ въ Парижѣ и въ Гаагѣ. Получивъ повелѣніе императрицы Елисаветы Петровны явиться въ Петербургъ, графъ Александръ Гавриловичъ, опасаясь преслѣдованій за образъ дѣйствій своего брата, не рѣшился возвратиться на родину и навсегда остался въ Голландіи, утвердивъ въ своей фамиліи протестантское вѣроисповѣданіе и успѣвъ перевести въ амстердамскіе банки значительные капиталы. Опасенія Головкина оказались, однакоже, напрасными. Императрица не намѣревалась вовсе его преслѣдовать, а потому онъ самъ, а послѣ его смерти въ 1760 г. сыновья его, хотя и жившіе постоянно за границей, но не отказавшіеся отъ русскаго подданства, продолжали владѣть попрежнему принадлежавшими имъ въ Россіи имѣніями и получать съ нихъ доходы. У графа Александра Гавриловича было четыре сына и четыре внука. Императрица Екатерина, по просьбѣ графини Екатерины Ивановны, приказала объявить имъ, что она подтверждаетъ за ними право владѣнія всѣми родовыми имѣніями въ Россіи, предлагаетъ вернуться въ отечество, гарантируя имъ совершенную безопасность и разрѣшая оставаться протестантами. Сыновья Головкина, уже обжившіеся въ Голландіи и переженившіеся на иностранкахъ, благодарили императрицу и просили позволенія жить за границей; но воспользовались дарованнымъ имъ правомъ для своихъ дѣтей, которые, одинъ за другимъ, перебрались въ Петербургъ и поступили здѣсь на службу.

Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ былъ единственнымъ сыномъ графа Александра Александровича отъ брака его съ баро-

нессой Вильгельминой фонъ-Мосгеймъ. Онъ родился въ Лозаннѣ, 4 декабря 1762 года, но воспитывался въ Парижѣ, куда вскорѣ переѣхали его родители, пріобрѣтя загородный домъ въ Пасси. Графъ Александръ Александровичъ былъ принятъ при дворѣ Людовика XVI и ввелъ сына въ высшій кругъ парижскаго общества. Получивъ блестящее, хотя и поверхностное, образованіе съ оттѣнкомъ скептицизма и либерализма, господствовавшихъ тогда во Франціи, молодой Головкинъ усвоилъ всѣ достоинства и недостатки французскихъ аристократовъ и представлялъ собою типъ маркиза прошлаго столѣтія. Красивый, стройный, высокій, всегда изысканно одѣтый, онъ держался съ чувствомъ собственнаго достоинства и невольно обращалъ на себя общее вниманіе своей представительной внѣшностью и изящными манерами. Остроумный и неистощимый въ бесѣдѣ, въ высшей степени вѣжливый и любезный, особенно съ женщинами, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ легкомысленъ, самонадѣянъ и хвастливъ; но при этомъ въ его характерѣ проявлялась черта, не свойственная ни французскимъ, ни русскимъ аристократамъ: онъ былъ очень расчетливъ, не бросалъ денегъ и казался даже скупымъ.

Въ 1782 году, умеръ его отецъ, и молодой Головкинъ рѣшилъ послѣдовать примѣру своихъ двоюродныхъ братьевъ—переселиться въ Россію. Онъ произвелъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе на императрицу, которая зачислила его въ Преображенскій полкъ и пожаловала камеръ-юнкеромъ. Не умѣя совсѣмъ говорить по-русски, онъ не могъ занять никакой должности, но зато сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ придворныхъ вечеровъ и эрмитажныхъ собраній. Въ 1787 году, Головкинъ сопровождалъ Екатерину въ ея знаменитомъ путешествіи въ Крымъ и, по возвращеніи, окончательно упрочилъ свою связь съ Россіей, женившись на дочери оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина, Екатеринѣ Львовнѣ.

Въ теченіе царствованія Екатерины на графа Юрія Александровича возлагались различныя дипломатическія порученія, и онъ большею частью жилъ за границей. Въ 1794 году, онъ былъ пожалованъ камергеромъ а въ слѣдующемъ году назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Но изъ писемъ императрицы къ Гримму видно, что она, узнавъ Головкина короче, разочаровалась въ немъ и не благоволила къ нему за его хвастливость и жадность къ деньгамъ. Назначая его въ Неаполь, она писала Гримму: «Графъ Головкинъ уѣхалъ не по своей волѣ; но такъ какъ считали его за человѣка умнаго и способнаго къ выполненію новыхъ обязанностей, то и дали ему это мѣсто, чему онъ былъ крайне радъ. Особенными милостями онъ никогда не пользовался. Но вотъ вамъ достаточно яркая

черта: получивъ все, что дается обыкновенно людямъ въ его положеніи, онъ отправился къ графу Зубову съ просьбой передать мнѣ, что онъ не можетъ ѣхать, если ему не дадутъ еще восьми тысячъ, кромѣ того, что ему уже выдали. Я велѣла ему сказать, что не сдѣлаю для него больше того, чѣмъ для другихъ. Послѣ того, онъ не былъ у графа Зубова, но еще долго оставался въ городѣ; кто-то повстрѣчалъ его и спросилъ: «Отчего вы перестали бывать у Зубова?» и Головкинъ отвѣчалъ: «Мы переписываемся раза по два или по три въ день, съ насъ довольно». Никакой переписки не бывало». Графъ Юрій Александровичъ оставался въ Неаполѣ только годъ, такъ какъ навлекъ на себя неудовольствіе императрицы какой-то выходкой, о которой есть указаніе въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 11 марта 1796 года. «Головкина отозвали изъ Неаполя», писала она: «потому что онъ осмѣлился надѣлать дерзостей Неаполитанской королевѣ и потомъ имѣлъ наглость самъ написать ко мнѣ длинное, подробное письмо о томъ, что сдѣлалъ». Эта непріятность побудила Головкина взять отпускъ и остаться за границей. Онъ вернулся въ Петербургъ лишь тогда, когда узналъ о кончинѣ Екатерины и воцареніи императора Павла.

Новый императоръ отнесся къ графу Юрію Александровичу довольно милостиво и назначилъ его сенаторомъ. Въ запискахъ Мурзакевича находится забавный анекдотъ, слышанный имъ отъ самого Головкина. Однажды, во время дежурства графа во дворцѣ, какъ камергера, государь поѣхалъ кататься за городъ и пригласилъ его къ себѣ въ карету. Павелъ былъ не въ духѣ, молчалъ и вдругъ началъ гнѣвно и пристально глядѣть на своего сосѣда. Вообразивъ, что государь подозрѣваетъ его въ какомъ-либо заговорѣ противъ себя, Головкинъ поблѣднѣлъ.

— Что съ вами, сударь?—спросилъ императоръ.—Можетъ быть, вамъ нужно выйти? Ступайте, я подожду,—и, сказавъ это, приказалъ кучеру остановиться.

Головкинъ не осмѣлился возражать, вышелъ изъ кареты, постоялъ немного въ кустахъ, затѣмъ вернулся на свое мѣсто, и прогулка продолжалась тѣмъ же порядкомъ.

Въ сенатъ графъ Юрій Александровичъ ѣздилъ рѣдко и ограничивался тѣмъ, что подписывалъ, не читая, бумаги, которыя ему привозилъ оберъ-секретарь. Разъ было рѣшено неправильно какое-то дѣло, и государь сдѣлалъ за это сенаторамъ выговоръ, прибавивъ въ своей резолюціи: «За исключеніемъ графа Головкина, по причинѣ совершеннаго незнанія имъ русскаго языка, который предложить ему выучить какъ можно скорѣе».

Но приказаніе императора не было исполнено, и графъ Юрій Александровичъ продолжалъ избѣгать всякаго разговора на русскомъ языкѣ. По этому поводу существуетъ слѣдующій анекдотъ. Когда Головкинъ былъ назначенъ посломъ въ Китай, генералъ-адъютантъ Уваровъ, въ противоположность графу, очень плохо объяснявшійся по-французски, но любившій говорить на этомъ языкѣ, спросилъ его:

— Mon comte, vous allez à Kitay?

— Да, женералъ, отвѣчалъ Головкинъ: — я ѣду въ Шину.

Въ коронацію Александра I графъ Юрій Александровичъ былъ пожалованъ въ оберъ-церемоніймейстеры, вскорѣ назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, а въ 1805 году государь предложилъ ему стать во главѣ торжественнаго посольства, которое предположено было послать въ Китай и которому придавали тогда большое значеніе

Со времени заключенія Буринскаго трактата, въ 1728 году, наши сношенія съ Китаемъ ограничивались перепискою, состоявшею только изъ однихъ споровъ, замѣчательныхъ по отсутствію всякаго приличія въ выраженіяхъ, которымъ всегда отличался китайскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній, смотрѣвшій на насъ не иначе, какъ на своихъ вассаловъ. Наконецъ императрица Екатерина II отправила полковника Кропотова на китайскую границу для окончанія всѣхъ споровъ и недоразумѣній, продолжавшихся столько лѣтъ. Послѣ многократныхъ совѣщаній, уполномоченные обѣихъ сторонъ заключили между собой, въ 1768 году, новый договоръ, содержавшій въ себѣ дополненіе и поясненіе Буринскаго трактата. Во время переговоровъ полковникъ Кропотовъ, подобно своимъ предшественникамъ, былъ выведенъ изъ всякаго терпѣнія какъ наглыми поступками китайцевъ, такъ и разными проволочками съ ихъ стороны. Его слабая физическая натура была окончательно разстроена унизительными продѣлками китайцевъ; онъ постепенно изнемогалъ и умеръ на китайской границѣ. Договоръ, заключенный имъ, остался мертвой буквой, и пограничные споры продолжали обостряться. Екатерина намѣревалась отправить новое посольство въ Китай, но турецкія войны и другія дѣла помѣшали ей исполнить это намѣреніе. Осуществить его рѣшился императоръ Александръ, обратившій въ началѣ своего царствованія вниманіе на Восточный океанъ и наши торговыя сношенія съ дальнимъ Востокомъ.

Офиціальнымъ поводомъ къ снаряженію посольства было поздравленіе новаго богдыхана съ восшествіемъ на престолъ и извѣщеніе его о воцареніи императора Александра. Но послу была дана

обширная инструкція, гдѣ подробно объяснялись цѣли, къ достиженію которыхъ онъ долженъ былъ стремиться. Главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: 1) исходатайствовать согласіе Китая на торгъ съ Россіей не въ одной только Кяхтѣ, а на всей границѣ; въ случаѣ же невозможности, по крайней мѣрѣ, сверхъ Кяхты, у Бухтармы; 2) вытребовать отъ китайцевъ позволеніе ходить по Амуру русскимъ судамъ для снабженія Камчатки и русской Америки необходимыми припасами; 3) исходатайствовать для Россіи право торговать, въ числѣ прочихъ иностранныхъ государствъ, въ Кантонѣ; 4) стараться получить согласіе китайскаго правительства на устройство сношеній между Россіей и Нанкиномъ посредствомъ Желтаго моря, убѣдивъ назначить пристань для прихода исключительно русскихъ судовъ; 5) въ случаѣ согласія китайцевъ на распространеніе торговли съ Россіей, выговорить ей право содержать своихъ торговыхъ агентовъ на устьяхъ Амура и въ Кантонѣ и дипломатическаго въ Пекинѣ; 6) собрать точныя и подробныя свѣдѣнія о силахъ, средствахъ и состояніи Китая и его отношеніяхъ къ другимъ державамъ и подвластнымъ ему народамъ; 7) изыскать средства завести торговлю Россіи съ Индіей черезъ Тибетъ и условиться съ китайскимъ дворомъ относительно поведенія двухъ имперій съ Англіей; 8) поддерживать свой санъ и достоинство Россіи, условливаясь съ китайцами предварительно объ образѣ пріема и отпуска и этикетѣ, но не жертвуя, впрочемъ, въ случаѣ упорства китайцевъ, существенными выгодами обряду.

Посольству была придана торжественная обстановка. Въ составъ его входили болѣе 300 человѣкъ; въ числѣ ихъ находились чиновники, выбранные изъ аристократическихъ фамилій (Нарышкинъ, Васильчиковъ, Нелидовъ, Гурьевъ, графъ Бенкендорфъ, князь Голицынъ, Перовскій, Тепловъ, Хвостовъ), ученые (Шубертъ, Клапротъ, Сухтелекъ, Адамсъ, Редовскій, Панснеръ, съ графомъ Потоцкимъ во главѣ), медики (Реманъ, Гарри), художники (Мартыновъ, Александровъ, Васильевъ), архимандритъ (Аполлосъ), нѣсколько монаховъ и студентовъ духовной академіи; три переводчика; музыканты, разные мастеровые и ремесленники; придворные лакеи; фельдъегери; команда изъ 40 драгунъ и 20 казаковъ, подъ начальствомъ полковника Довре и четырехъ оберъ-офицеровъ, и т. д. Совѣтникомъ посольства былъ назначенъ камергеръ Байковъ, ловкій, но пустой человѣкъ, а при немъ два секретаря: графъ Ламбертъ и Доброславскій. На содержаніе всего этого состава потребовалаеь огромная сумма. Одинъ Головкинъ получилъ 20.000 р. жалованья, 30.000 р. столовыхъ и 35,000 р. подъемныхъ. Посоль-

ская свита, вслѣдствіе своей многочисленности, была разбита на 14 отдѣленій, двигавшихся одно за другимъ, на разстояніи двухъ и трехъ сутокъ.

Посольство везло богдыхану и членамъ китайскаго Трибунала массу подарковъ; въ числѣ ихъ была роскошная, золоченая карета, балдахинъ, оружіе, драгоцѣнные камни, бархатъ, атласъ, парча, мѣха, хрусталь, вазы, мозаика, медали съ изображеніями русскихъ государей, модели монумента Петру Великому и кораблей и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на графа Головкина, какъ сенатора, была возложена ревизія сибирскихъ губерній. Онъ долженъ былъ обозрѣть порядокъ ихъ управленія въ главнѣйшихъ отношеніяхъ, обратить вниманіе на теченіе дѣлъ, осмотрѣть лично губернскія правленія, суды, магистраты, приказы общественнаго призрѣнія, войти въ подробное изслѣдованіе, какимъ образомъ производится земскій сборъ, изслѣдовать средства народнаго продовольствія, пути сообщенія, обозрѣть медицинскую часть, разработку соли и т. д. Однимъ словомъ, ему поручалось вникнуть во всѣ отросли администраціи, раскрыть всѣ злоупотребленія и указать на мѣры, необходимыя, по его мнѣнію, для приведенія всего въ лучшій порядокъ.

Головкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ половинѣ іюля и черезъ полтора мѣсяца былъ уже въ Иркутскѣ, бѣгло обревизовавъ проѣзжаемыя имъ губерніи, такъ какъ торопился къ главной цѣли своего путешествія. Всюду его встрѣчали съ величайшими почестями и поклоненіемъ. Несмотря на это, графъ въ пространномъ донесеніи своемъ государю обрисовалъ Сибирь въ довольно мрачныхъ краскахъ, жаловался на страшныя тягости, перенесенныя имъ въ пути, сознавался, что принялъ на себя подвигъ, не сообразивъ, какъ дорого онъ ему обойдется, и прибавлялъ, что всякая награда будетъ ниже испытанныхъ имъ страданій. Отправляя свое донесеніе, Головкинъ не предполагалъ, что предстоящія ему впереди страданія будутъ неизмѣримо тягостнѣе тѣхъ, которыя доставили ему сибирскіе пути сообщенія.

Отправивъ секретаря посольства, графа Ламберта, въ Кяхту для переговоровъ съ китайскими властями относительно пріема и слѣдованія посольства въ предѣлахъ Китая, графъ зажилъ въ Иркутскѣ большимъ бариномъ. Онъ остановился въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, отдѣланномъ для него заново: пріемная зала и столовая были пестро расписаны по штукатуркѣ, а гостиная обита зеленымъ атласомъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Каждый день здѣсь происходили пышные обѣды, подаваемые на серебряномъ сервизѣ; въ боковой комнатѣ гремѣла музыка; приглашенные, не менѣе пятидесяти

человѣкъ, являлись въ парадной формѣ; по вечерамъ танцовали, и Головкинъ, сіяя самодовольствіемъ и веселіемъ, торжественно обходилъ ряды преклонявшихся передъ нимъ чиновниковъ и обывателей, разсыпаясь любезностями передъ дамами.

Между тѣмъ съ китайской границы получались непріятныя вѣсти. Присланные богдыханомъ съ Ургу, для встрѣчи посольства, ванъ (намѣстникъ) и амбанъ (губернаторъ), предъявили такую массу требованій, что графъ Ламбертъ совершенно растерялся. Возникла безконечная и безплодная переписка, побудившая посла, для скорѣйшаго разъясненія недоразумѣній, разстаться съ Иркутскомъ и переѣхать въ Кяхту, пославъ въ Ургу, вмѣсто Ламберта, своего главнаго помощника Байкова. Горькія и тяжелыя разочарованія начались для самолюбиваго Головкина. Ванъ и амбанъ категорически заявили, что не пропустятъ такую многочисленную свиту: потребовали ея уменьшенія до 70 человѣкъ, сообщенія имъ содержанія вѣрющей граматы и подробной описи «дани», посылаемой богдыхану. Два мѣсяца прошли въ пререканіяхъ по этимъ вопросамъ, и въ теченіе этого времени графу Юрію Александровичу, привыкшему къ обществу и развлеченіямъ, пришлось жить въ скучной Кяхтѣ въ совершенномъ уединеніи. Несмотря на всѣ старанія, онъ не могъ расшевелить и собрать около себя кяхтинскую интеллигенцію, состоявшую изъ чиновниковъ и купцовъ; всѣ они упорно сидѣли въ своихъ норахъ и никуда не показывались. Даже главный представитель кяхтинскаго чиновничества, управляющій таможней, статскій совѣтникъ Вонифатьевъ, умный и хитрый человѣкъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, уклонялся отъ знакомства съ посломъ и его свитой. Онъ заперъ жену и двухъ хорошенькихъ дочерей и не пускалъ ихъ никуда, кромѣ церкви, а потомъ лишилъ ихъ и храма Божія. Головкинъ, великій обожатель женскаго пола, тщетно обращался къ Вонифатьеву, стараясь объяснить ему, что онъ упускаетъ единственный случай выдать дочерей своихъ замужъ; что, оставаясь невидимыми, онѣ никому не могутъ полюбиться, и кончилъ приглашеніемъ ихъ на вечеръ. Но Вонифатьевъ довольно сухо отклонилъ это предложеніе. Любезность и величавость графа не произвели на него никакого впечатлѣнія. Однажды, когда въ какой-то праздникъ Вонифатьевъ явился съ поздравленіемъ къ послу, послѣдній, указывая ему на собравшихся чиновниковъ посольства, сказалъ своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Пасматрите, Петеръ Митричь, у меня малатцовъ што сакалофъ.

Осмотрѣвъ пристально присутствовавшихъ, Вонифатьевъ холодно отвѣчалъ: «Нѣтъ, ваше сіятельство, ни одинъ изъ нихъ не годится мнѣ въ зятья...» Гордостью или скромностью былъ внушенъ этотъ отвѣтъ—никто не могъ рѣшить.

Чтобы какъ-нибудь убить время, посолъ ежедневно совершалъ большія прогулки верхомъ, обязалъ своихъ подчиненныхъ являться къ нему обѣдать и по очереди оставлялъ ихъ у себя вечеромъ играть въ карты.

Пререканія съ китайцами кончились тѣмъ, что Головкинъ вынужденъ былъ уступить всѣмъ ихъ требованіямъ и тогда получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ первый пограничный китайскій городъ Ургу, въ 350 верстахъ отъ Кяхты. Но здѣсь его ждало еще бо̀льшее разочарованіе. Обмѣнявшись визитами съ ваномъ, онъ получилъ приглашеніе на пиръ, данный по случаю его благополучнаго прибытія. Когда посолъ, окруженный свитой, явился въ назначенный часъ къ дому, занимаемому ваномъ, послѣдній вмѣстѣ съ амбаномъ вышелъ къ нему и въ присутствіи собравшагося народа, громогласно объявилъ, что богдыханъ даетъ этотъ пиръ послу изъ особаго благоволенія, а потому онъ долженъ, до приступленія къ пиру, выразить свою благодарность богдыхану троекратнымъ колѣнопреклоненіемъ и девятью поклонами передъ возженными жертвенниками. Пораженный Головкинъ началъ возражать. Споръ продолжался съ четверть часа на открытомъ воздухѣ, при сильномъ морозѣ, пока посолъ не упросилъ вана ввести его въ комнаты. Здѣсь споръ возобновился, и послѣ пятичасовыхъ безплодныхъ преній ванъ грубо прервалъ ихъ, посовѣтовавъ послу ѣхать домой и хорошенько подумать до слѣдующаго дня.

На другой день Головкинъ послалъ вану длинное письмо, въ которомъ, ссылаясь на то, что прежніе русскіе послы въ Китай, Измайловъ и графъ Владиславичъ, благодарили богдыхана за подобные праздники питьемъ за его здоровье съ тремя поклонами, стоя на ногахъ, отказывался подчиняться требованіямъ вана и выражалъ готовность исполнить обрядъ въ Пекинѣ, удостоившись узрѣть особу богдыхана. Въ заключеніе посолъ просилъ, если ванъ не можетъ лично разрѣшить этотъ вопросъ, отправить письмо его въ Пекинъ. Ванъ отвѣчалъ, что самъ донесетъ обо всемъ въ трибуналъ, а посолъ, если хочетъ, можетъ ждать отвѣта въ Ургѣ; но, прибавилъ онъ, «у насъ заготовлено для васъ припасовъ только на десять дней; когда они выйдутъ, мы не станемъ доставлять вамъ ни пищи, ни дровъ; когда не понимаете милостей великаго государя, то лучше возвратитесь въ ваше государство; больше говорить съ вами нечего».

Снова начались безцѣльныя пересылки чиновниковъ, безконечныя и безрезультатныя объясненія, которыя мы не будемъ излагать. Китайцы явнымъ образомъ глумились и потѣшались надъ посломъ. Ванъ пересталъ церемониться и на всѣ доводы являвшихся къ нему чиновниковъ отвѣчалъ ругательствами, называлъ посла «глупцомъ» и заканчивалъ приказаніемъ: «Возвратитесь! все готово къ пути! Иначе мы васъ выгонимъ!»

Головкину, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ оскорбленій и униженій, не оставалось ничего болѣе, какъ убраться поскорѣе изъ Урги. Донеся обо всемъ государю, онъ вернулся въ Иркутскъ. Тогда министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило жаловаться китайскому трибуналу на поведеніе вана, требовать его смѣны и просить о назначеніи новыхъ лицъ для переговоровъ съ посольствомъ. Переписка эта тянулась цѣлый годъ, въ теченіе котораго Головкинъ долженъ былъ проживать въ Иркутскѣ, безъ дѣла, безъ значенія, и нравственно угнетенный. Онъ неоднократно обращался къ государю съ жалобами на свое положеніе, выражалъ боязнь за свою репутацію, объяснилъ, что бралъ на себя посольство въ Китай противъ своей воли, единственно изъ желанія угодить императору, что теперь эта надежда лопнула, и онъ мечтаетъ только объ одномъ,—жить покойно въ нѣдрахъ семейства. Государь успокоивалъ его, указывалъ на необходимость оставаться въ Сибири, пока не окончится переписка съ китайскимъ правительствомъ, предлагалъ употребить свое пребываніе въ Иркутскѣ съ пользой, собирая свѣдѣнія о внутреннихъ и пограничныхъ дѣлахъ. Только въ декабрѣ 1806 года выяснилась безплодность всякихъ переговоровъ съ Китаемъ, и Головкинъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ.

Неудачная миссія въ Китай не поколебала положенія графа Юрія Александровича при дворѣ. Государь принялъ его довольно благосклонно, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ декабрѣ 1807 года, императрица Марія Ѳеодоровна возложила на него весьма деликатное порученіе—найти супруга для великой княжны Екатерины Павловны. Имѣлись въ виду три жениха: принцъ баварскій, принцъ виртембергскій и эрцгерцогъ австрійскій Фердинандъ. Головкинъ долженъ былъ побывать въ Мюнхенѣ, Штутгардѣ и въ Вѣнѣ, собрать тамъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ принцевъ и затѣмъ уже дѣйствовать по указаніямъ императрицы. Но неудачи продолжали преслѣдовать Головкина: ему не удалось пристроить Екатерину Павловну ни за одного изъ названныхъ принцевъ. О дальнѣйшей его службѣ извѣстно, что въ 1813

году онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи для раздачи пособій пострадавшимъ въ Отечественную войну отъ непріятелей, затѣмъ—посланникомъ въ Штутгардѣ и, наконецъ, въ 1819—1822 годахъ посломъ въ Вѣнѣ; но о дѣятельности его на этихъ поприщахъ мы не могли найти свѣдѣній.

Императоръ Николай возвелъ Головкина въ званіе оберъ-камергера и члена государственнаго совѣта и, по его собственному желанію, въ виду того, что онъ владѣлъ обширными имѣніями въ Харьковской губерніи, назначилъ его попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ или за границей и лишь временами наѣзжалъ въ Харьковъ. Объ этихъ годахъ его жизни сохранились свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ, его знавшихъ.

«Въ Харьковѣ я часто бывалъ у графа Головкина», разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ В. А. Сологубъ. «Я ему доводился внучатымъ племянникомъ, и онъ всегда необыкновенно ласково со мной обращался. Онъ изображалъ собою воплощеніе типа большихъ баръ XVIII столѣтія. Большого роста, тучный, съ огромнымъ, гладко выбритымъ лицомъ и густыми, сѣдыми волосами, зачесанными по модѣ императрицы Екатерины II, онъ всегда былъ одѣтъ изысканно, хотя, по старинному, носилъ чулки и башмаки съ необыкновенно красивыми пряжками. Когда онъ входилъ въ комнату, покачиваясь и опираясь на трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ, то распространялъ очень сильный и пріятный запахъ «Bouquet à la Maréchale», коимъ были пропитаны всѣ его одежды. Къ каждому изъ гостей своихъ (онъ почти ни у кого не бывалъ) онъ обращался, по-старинному, съ любезнымъ привѣтствіемъ. Во всемъ онъ соблюдалъ обычаи прошлаго и даже волочился за женщинами, вѣроятно, впрочемъ, безобидно, такъ какъ въ ту пору (въ 1837 году) ему уже минуло за семьдесятъ. Во время моего пребыванія въ Харьковѣ предметомъ его старческой страсти была жена губернскаго архитектора, хорошенькая Меновская. Ежедневно она передъ обѣдомъ держалась съ прочими гостями въ пріемной въ ожиданіи выхода хозяина. Когда въ дверяхъ показывалась высокая фигура Головкина, Меновская первая подходила къ нему и, граціозно присѣдая, подавала ему табакерку, наполненную тончайшимъ испанскимъ табакомъ. Старикъ нѣжно принималъ изъ прекрасныхъ рукъ свою табакерку, щеголевато, какъ истый маркизъ двора Людовика XV, концами пальцевъ подносилъ къ своему благородному носу щепотку табаку, съ наслажденіемъ ее втягивалъ, ногтями стряхивалъ пылинки табаку, упавшія на кружева жабо, потомъ обращался къ красивой полькѣ и, влюбленно на нее глядя, ежедневно произносилъ одну и ту же фразу:

«— Trop gracieuse, chère madame, et de plus en plus jolie (Очень граціозны и все болѣе и болѣе хорошѣете)».

«Въ 1843 году, попечителемъ харьковскаго учебнаго округа былъ графъ Ю. А. Головкинъ, хотя только номинально», пишетъ Де-Пуле въ своихъ воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ. «Онъ былъ тогда дряхлымъ старикомъ, больше проживавшимъ за границей, чѣмъ въ Харьковѣ, но съ тѣмъ либеральнымъ складомъ ума, какимъ отличались люди Екатерининскаго вѣка, которому онъ вполнѣ принадлежалъ. Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь существенно полезное для университета,—не знаю; но студентовъ онъ очень любилъ и весьма благодушно смотрѣлъ на проказы молодежи. Будучи старше министра Уварова чиномъ и лѣтами, онъ, кажется, былъ съ нимъ въ какой-то «контрѣ». Это обстоятельство и личное уваженіе, которое оказывалъ императоръ престарѣлому вельможѣ, имѣли хорошее вліяніе на университетъ. Послѣдній жилъ своей жизнью, никѣмъ не затрогиваемый! Не только мѣстная губернская администрація, но и генералъ-губернаторъ малороссійскій, переселившійся изъ Полтавы въ Харьковъ, изъ боязни оскорбить престарѣлаго графа, не касались университета; даже приснопамятный своею сварливостью и придирчивостью, тогдашній харьковскій епископъ Смарагдъ Крыжановскій, его побаивался».

Въ какой степени императоръ Николай Павловичъ благоволилъ къ Головкину и уважалъ его, показываетъ слѣдующій случай.

Когда графъ Юрій Александровичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то жилъ въ нанимаемомъ имъ домѣ Рекетти, на Мойкѣ, противъ нынѣшняго Пѣвческаго моста, вмѣсто котораго тогда существовалъ перевозъ. Квартира графа помѣщалась въ двухъ этажахъ; средній занималъ онъ самъ, а верхній былъ предоставленъ состоявшимъ при немъ чиновникамъ и пріѣзжавшимъ изъ Харькова профессорамъ. Жена его жила съ дочерью постоянно за границей, и онъ былъ одинокъ. По обычаю, каждый день, къ пяти часамъ, у него собирался къ обѣду небольшой кружокъ близкихъ знакомыхъ и подчиненныхъ. Однажды, едва только собравшіеся сѣли за столъ, какъ неожиданно вошелъ фельдъегерь отъ государя и передалъ графу приглашеніе немедленно пожаловать во дворецъ, къ обѣду его величества. Графъ тотчасъ же всталъ и, не переодѣваясь, поспѣшилъ отправиться во дворецъ, дружески сказавъ своимъ гостямъ:

— Messieurs, je vous souhaite bon appetit. (Господа, желаю вамъ хорошаго аппетита).

Не прошло и пяти минутъ послѣ ухода графа, какъ вдругъ на улицѣ послышались необыкновенный шумъ и крики:

— Утонулъ... утонулъ!..

Обѣдавшіе кинулись къ выходу и, выбѣжавъ на улицу, увидѣли, что толпа окружала пристань перевоза, а графъ стоялъ въ водѣ, покрывавшей его до плечъ; только благодаря своему росту онъ не былъ залитъ ею совершенно. Оказалось, что, входя торопливо въ лодку, онъ оступился и упалъ въ воду.

Всѣ бросились къ графу, но онъ уже выходилъ изъ воды безъ посторонней помощи. Увидѣвъ своего секретаря Роберти, онъ сказалъ ему:

— Roberti! allez annoncer à l'empereur ce qui vient m'arriver. (Роберти! идите и доложите государю, что со мной случилось).

Затѣмъ графъ бодро вошелъ къ себѣ, переодѣлся и, какъ ни въ чемъ не бывало, веселый, сѣлъ за столъ, прося присутствовавшихъ продолжать прерванный обѣдъ. Хозяинъ шутилъ, острилъ и привелъ всѣхъ въ самое пріятное настроеніе. Такъ прошло полчаса, а Роберти не возвращался.

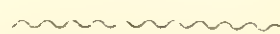
Вдругъ въ смежной комнатѣ послышалось какое-то суетливое движеніе, затѣмъ двери быстро растворились, и въ столовую вошелъ императоръ, безъ всякаго предупрежденія.

— Ты торопился ко мнѣ и едва не утонулъ, сказалъ государь бросившемуся къ нему навстрѣчу Головкину. Взявъ графа подъ руку, онъ прошелъ съ нимъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ государь уѣхалъ, а графъ, проводивъ его, вернулся въ столовую съ сіяющимъ лицомъ и объявилъ присутствовавшимъ:

— Господа! государь удостоиваетъ меня необыкновеннымъ счастіемъ; онъ обѣщалъ завтра пожаловать ко мнѣ отобѣдать съ государыней императрицей. Онъ мнѣ сказалъ: «Тебѣ надо посидѣть дня три дома, а чтобы тебѣ не было скучно, я пріѣду къ тебѣ обѣдать вмѣстѣ съ императрицей и привезу съ собой Нарышкина».

Государь исполнилъ обѣщаніе, обѣдалъ у Головкина и за обѣдомъ сообщилъ ему, что въ предупрежденіе могущихъ повториться подобныхъ случаевъ приказалъ построить на мѣстѣ, гдѣ произошло вчерашнее приключеніе, постоянный мостъ, носящій теперь названіе Пѣвческаго.

Графъ Юрій Александровичъ дожилъ до глубокой старости и умеръ въ 1844 году въ своемъ имѣніи Константиново, въ Харьковской губерніи. Съ его кончиной угасла фамилія графовъ Головкиныхъ. Въ 1846 году, высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, его единственной дочери Натальѣ Юрьевнѣ, вышедшей замужъ за князя Александра Николаевича Салтыкова, дозволено было именоваться «княгинею Салтыковою-Головкиной.

Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.

Въ НАЧАЛѢ текущаго столѣтія одной изъ блестящихъ звѣздъ тогдашняго балетнаго міра была танцовщица Авдотья Ильинишна Истомина. Она въ продолженіе многихъ лѣтъ неизмѣнно пользовалась любовью публики и сводила съ ума молодежь, въ особенности офицеровъ. Въ числѣ поклонниковъ Истоминой находился нѣкоторое время даже Пушкинъ, который воспѣлъ ея талантъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

«Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла—все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина,—она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ...
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола!
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстро ножкой ножку бьетъ».

Дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ [1]), Истомина отличалась необыкновенной граціозностью, легкостью, быстротой

---

[1]) Лѣтопись русскаго театра. Арапова. Стр. 237.—Воспоминанія Вигеля. Ч. 5 стр. 36.—Воспоминанія Пржеславскаго. «Русская Старина». Т. 11, стр. 472.

въ движеніяхъ, силой въ ногахъ и держала себя на сценѣ бойко и самоувѣренно. Она была красивая, стройная, средняго роста брюнетка съ черными огненными глазами, прикрытыми длинными рѣсницами, что придавало ея физіономіи особенный характеръ; страстная, увлекающаяся, но вмѣстѣ съ тѣмъ недалекая и безъ всякаго образованія, она легко поддавалась вспышкамъ любви. Понятно, что при такихъ разнообразныхъ качествахъ Истомина имѣла множество обожателей и послужила причиной нѣсколькихъ поединковъ, бывшихъ тогда въ модѣ. Одинъ изъ этихъ поединковъ кончился весьма печально и представляетъ для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что оказалъ немаловажное вліяніе на судьбу А. С. Грибоѣдова, который принималъ въ немъ участіе, хотя и косвенное.

Въ біографіи Грибоѣдова, напечатанной въ журналѣ «Русская Старина» 1874 г., этотъ эпизодъ изъ жизни автора «Горе отъ ума» разсказывается слѣдующимъ образомъ:

«Въ 1817 году, Грибоѣдовъ жилъ въ Петербургѣ на одной квартирѣ съ своимъ добрымъ пріятелемъ графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ, человѣкомъ добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на многія свои чудачества. Съ него Грибоѣдовъ списалъ своего князя Григорія:

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

«Завадовскій ухаживалъ тогда за знаменитой танцовщицей Истоминой, счастливымъ обожателемъ которой былъ молодой кавалергардъ, Василій Александровичъ Шереметевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховскаго, бывалъ у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ послѣ спектакля пить чай. Истомина согласилась, но, опасаясь возбудить подозрѣніе въ ревнивомъ Шереметевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ санями у Гостинаго двора, къ которому обѣщала подъѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено согласно ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметевъ, однако, слѣдилъ за ними; онъ видѣлъ, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго, и этого было достаточно. Пріятель Шереметева, уланскій штабъ-ротмистръ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театралъ, шалунъ и забіяка, посовѣтовалъ ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщая,

въ свою очередь, стрѣляться съ Завадовскимъ. Шереметевъ вызвалъ Грибоѣдова; послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, предложилъ только помѣняться мѣстами, т. е., чтобы ему, Грибоѣдову, стрѣляться съ Якубовичемъ, а Завадовскому съ Шереметевымъ. Эта двойная дуэль состоялась и при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Противники должны были сходиться на шесть шаговъ при барьерѣ въ восемнадцать. Секундантами были докторъ Іонъ и гусаръ Каверинъ, извѣстный кутила. Первая очередь была предоставлена Завадовскому и Шереметеву: оба они отлично стрѣляли. Шереметевъ выстрѣлилъ, не давъ своему противнику дойти до барьера. Пуля оторвала край воротника у сюртука Завадовскаго. «Ah! il en voulait à ma vie... à la barrière!» произнесъ графъ (А! такъ онъ хотѣлъ убить меня... къ барьеру!). Секунданты, предвидя кровавую развязку, стали уговаривать графа пощадить жизнь противника. Завадовскій готовъ былъ уступить ихъ просьбамъ, намѣреваясь только слегка ранить Шереметева; но послѣдній, забывъ всѣ условныя приличія дуэли, крикнулъ, что Завадовскій долженъ его убить, если самъ рано или поздно не хочетъ быть имъ убитымъ. Графъ выстрѣлилъ: Шереметевъ упалъ; пуля прошла ему черезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, предложивъ ему отсрочить ихъ дуэль до благопріятнаго времени... Она состоялась въ Тифлисѣ осенью слѣдующаго года.

«Послѣ трехдневныхъ страданій, Шереметевъ умеръ. Отецъ его просилъ императора Александра Павловича не подвергать участниковъ дуэли взысканію. Государь принялъ во вниманіе его просьбу, и виновные подверглись, относительно говоря, весьма легкому наказанію: графъ Завадовскій былъ висланъ за границу, Якубовичъ изъ лейбъ-улановъ переведенъ на Кавказъ въ драгунскій полкъ; Грибоѣдовъ не подвергся даже выговору. Но ему не легко было примириться съ собственной совѣстью, долгое время не дававшей ему покоя. Онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что на него напала ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собою смертельно раненаго Шереметева, что, наконецъ, пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо. Знакомый съ Грибоѣдовымъ Мазаровичъ, тогда повѣренный Россіи въ дѣлахъ Персіи, предложилъ Грибоѣдову, служившему при иностранной коллегіи, ѣхать съ собою въ качествѣ секретаря посольства. Грибоѣдовъ принялъ это предложеніе и 30-го августа 1818 года выѣхалъ изъ Петербурга.

«Прибывъ въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ встрѣтилъ Якубовича, съ которымъ и поспѣшилъ кончить отсроченные счеты. Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ. Это увѣчье черезъ одиннадцать лѣтъ помогло узнать трупъ Грибоѣдова въ грудѣ прочихъ, изрубленныхъ тегеранскою чернью».

Мы имѣемъ въ рукахъ документъ, непосредственно относящійся къ настоящему дѣлу, именно выписку изъ подлиннаго слѣдственнаго производства о дуэли Завадовскаго съ Шереметевымъ, посланную министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, находившемуся въ Москвѣ, гдѣ тогда пребывалъ государь. Выписка эта, несмотря на свою краткость, проливаетъ нѣсколько иной свѣтъ на событія, предшествовавшія дуэли, и во многомъ исправляетъ приведенный выше разсказъ біографа Грибоѣдова.

Шереметевъ [1]), штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка, вызвалъ на дуэль камеръ-юнкера графа Завадовскаго [2]) 9-го ноября 1817 г. и повторилъ вызовъ на другой день. 12-го числа, въ третьемъ часу пополудни, они стрѣлялись на Волковомъ полѣ, по условію на 18 шаговъ, съ барьеромъ на 6 шагахъ. Свидѣтелемъ на поединкѣ былъ корнетъ лейбъ-уланскаго полка Якубовичъ. Шереметевъ выстрѣлилъ первый и прострѣлилъ у Завадовскаго воротникъ у кафтана, а потомъ стрѣлялъ Завадовскій и попалъ Шереметеву въ грудь, отъ чего послѣдній упалъ и былъ отвезенъ къ себѣ на квартиру, гдѣ черезъ 26 часовъ, т.-е 13-го ноября, въ шестомъ часу, умеръ.

Немедленно по оглашеніи дуэли петербургскій генералъ-губернаторъ Вязмитиновъ назначилъ для изслѣдованія дѣла особую комиссію въ составѣ полковника кавалергардскаго полка Беклешова, полицеймейстера Ковалева и камеръ-юнкера Ланского.

На допросѣ Завадовскій и Якубовичъ утверждали, что при дуэли другихъ свидѣтелей, кромѣ Якубовича, не было; о вызовѣ же Завадовскаго Шереметевымъ знали: адъютантъ генерала-отъ-артиллеріи Меллеръ-Закомельскаго, баронъ Александръ Строгановъ, и государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ губернскій секретарь, Александръ Грибоѣдовъ.

---

[1]) Василій Васильевичъ, а не Василій Александровичъ, сынъ генералъ-майора Василія Сергѣевича, женатаго на Татьянѣ Петровнѣ Марченко.

[2]) Графъ Александръ Петровичъ Завадовскій былъ сыномъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта, графа Петра Васильевича, умершаго въ 1813 году.

О причинѣ, побудившей Шереметева къ вызову, Якубовичъ объяснилъ, что хотя онъ причину эту и знаетъ, но никому не откроетъ, потому что далъ въ томъ честное слово другу своему Шереметеву. Графъ же Завадовскій выразилъ «предположеніе», что поводомъ къ вызову послужило приглашеніе имъ къ себѣ на чай танцорки императорскаго театра Истоминой, которая прежде жила у Шереметева, и которая, въ самомъ дѣлѣ, пила у него чай.

Тогда въ слѣдственную комиссію была вызвана Истомина. Она показала, что жила съ Шереметевымъ на одной квартирѣ; 3-го ноября, въ субботу, уѣхала отъ него, поссорившись съ нимъ за дурное съ ней обращеніе. 5-го ноября, въ понедѣльникъ, губернскій секретарь Грибоѣдовъ, увидѣвшись съ ней въ театрѣ, пригласилъ ее поѣхать пить чай въ его каретѣ на квартиру графа Завадовскаго, гдѣ, по его увѣренію, онъ проживалъ, на что она согласилась. Вскорѣ пріѣхалъ туда и Завадовскій. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, она была отвезена Грибоѣдовымъ ночевать къ танцовщицѣ Азарьевой, у которой провела вторникъ и среду; вечеромъ въ среду за ней пріѣхалъ Шереметевъ и увезъ ее опять къ себѣ, гдѣ, помирившись съ ней, допрашивалъ, не была ли она у кого-нибудь въ теченіе отсутствія изъ его квартиры. По усиленному его настоянію, въ пятницу, 9-го ноября, она созналась ему, что была у Завадовскаго.

Слѣдственная комиссія, очевидно, старавшаяся по какимъ-то причинамъ или вліяніямъ поскорѣе замять дѣло, не сочла нужнымъ допрашивать другихъ лицъ и, удовольствовавшись поверхностными показаніями Завадовскаго, Якубовича и Истоминой, закончила слѣдствіе и представила его петербургскому генералъ-губернатору.

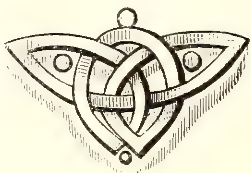
Мы не знаемъ, насколько справедливо увѣреніе біографа Грибоѣдова, будто жившій въ Москвѣ отецъ Шереметева просилъ императора Александра не подвергать взысканію участниковъ дуэли; но они, дѣйствительно, понесли довольно легкое наказаніе: послѣ нѣсколькихъ недѣль ареста Завадовскій былъ уволенъ въ отпускъ за границу, а Якубовичъ переведенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Есть основаніе думать, что, передавая Завадовскому вызовъ Шереметева, другъ послѣдняго Якубовичъ одновременно послалъ и отъ себя вызовъ Грибоѣдову, какъ лицу, непосредственно замѣшанному въ этомъ дѣлѣ. Печальная участь, постигшая Шереметева, а затѣмъ арестъ и переводъ Якубовича на Кавказъ вынудили противниковъ отложить встрѣчу до болѣе благопріятнаго времени.

Шесть дней спустя послѣ смерти Шереметева, тетка его Елена Сергѣевна, проживавшая въ московскомъ Рождественскомъ монастырѣ, гдѣ она потомъ и постриглась подъ именемъ Евгеніи, обратилась къ князю Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Не безызвѣстно вашему сіятельству несчастное приключеніе съ сыномъ брата моего Василія Сергѣевича, которое ихъ сильно поразило; отъ матери скрыли настоящую причину его кончины; я знаю, сколь они всегда желали видѣть хотя одну старшую свою дочь Наталью фрейлиною; беру смѣлость и убѣдительно прошу ваше сіятельство попросить у государя императора сію великую для насъ милость облегчить нѣсколько ихъ горестное положеніе».

Вслѣдствіе ходатайства Голицына, дѣвица Наталья Шереметева была назначена 12-го декабря 1817 г. фрейлиной [1]).

Что касается главной виновницы всей этой катастрофы, Истоминой, то она кончила свои любовныя похожденія довольно прозаическимъ образомъ: замужествомъ съ второстепеннымъ актеромъ Экунинымъ.

[1]) Она вышла потомъ замужъ за тайнаго совѣтника Дм. Мих. Обрѣзкова.

Дуэль Новосильцева съ Черновымъ.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ, на Выборгской сторонѣ, при въѣздѣ съ Ланского шоссе въ Лѣсной, на небольшой возвышенной площади, стоитъ каменная церковь св. Владимира, болѣе извѣстная подъ названіемъ Новосильцевской. Названіе это присвоено ей потому, что она воздвигнута фрейлиной Новосильцевой на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ ея единственный сынъ, флигель-адъютантъ Владимиръ Дмитріевичъ Новосильцевъ, получившій смертельную рану на дуэли съ подпоручикомъ Семеновскаго полка Черновымъ. О дуэли ихъ, возбудившей въ свое время много толковъ въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ, имѣются кой-какія печатныя свѣдѣнія; но недавно извѣстный нашъ археологъ и собиратель рукописей А. А. Титовъ сообщилъ намъ любопытное письмо одного изъ близкихъ къ Новосильцевымъ лицъ, Николая Прокофьевича Пражевскаго, который находился при кончинѣ Новосильцева и подробно описалъ его матери послѣднія минуты жизни ея несчастнаго сына [1]). Прежде, чѣмъ приведемъ это письмо, считаемъ не лишнимъ напомнить въ общихъ чертахъ о печальной катастрофѣ, погубившей двѣ молодыя жизни.

---

[1]) Письмо это сохранилось въ бумагахъ настоятеля Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго монастыря, архимандрита Иннокентія, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ графини А. А. Орловой-Чесменской и находившагося съ нею въ перепискѣ. На обложкѣ этого письма рукой Иннокентія сдѣлана слѣдующая надпись: «получено при письмѣ гр. А. А. Орловой о несчастной кончинѣ ея племянника».

Екатерина Владимировна Новосильцева была старшей дочерью графа Владимира Григорьевича Орлова, родного брата фаворита императрицы Екатерины II, князя Григорія Орлова, и извѣстнаго графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго. Пожалованная почти въ пеленкахъ фрейлиной, воспитанная въ строгихъ правилахъ аристократической семьи, вращаясь постоянно при дворѣ и въ высшемъ кругѣ общества въ Петербургѣ и Москвѣ, она вышла въ 1799 году замужъ по любви за бригадира Дмитрія Александровича Новосильцева. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Уже черезъ три мѣсяца послѣ него братъ новобрачной, графъ Григорій Владимировичъ, писалъ своему зятю графу Панину, что новый членъ семьи возбуждаетъ противъ себя всѣхъ своею вспыльчивостью и заносчивостью. Едва прошелъ годъ, какъ супруги разошлись, и всю остальную жизнь провели врозь. Графъ Владимиръ Григорьевичъ, огорченный тѣмъ, что дочь его должна лишиться радостей семейной жизни, которыя онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ, пытался однажды примирить супруговъ, но, будучи крайне оскорбленъ запальчивыми рѣчами Новосильцева, пришелъ къ убѣжденію, что съ этимъ человѣкомъ невозможно ужиться никакому существу, хотя бы и съ ангельскимъ характеромъ [1]). Екатерина Владимировна имѣла одного сына, составлявшаго ея единственное утѣшеніе. Она боготворила его и посвятила всю свою жизнь заботамъ о немъ. Когда онъ подросъ, Новосильцева переселилась изъ Москвы въ Петербургъ и отдала его въ іезуитскую школу, считавшуюся тогда лучшимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ ней преподавали, какъ значилось въ программѣ, «языки латинскій, французскій и русскій, а желающимъ нѣмецкій и англійскій, исторію священную и гражданскую, древнюю и новую, баснословіе, землеописаніе, лѣтосчисленіе, словесность, риторику, логику, метафизику, различныя отрасли математики, начальныя основанія права естественнаго, гражданскаго и политическаго». Курсъ былъ шестилѣтній, съ платой по тысячѣ рублей въ годъ. Но при этомъ тайной и главнѣйшей цѣлью іезуитовъ было превращеніе русскихъ православныхъ дѣтей въ латинянъ и космополитовъ; православному священнику былъ предоставленъ только одинъ урокъ въ недѣлю; Законъ Божій изучался по римскому катехизису, а евангеліе и молитвы читались по-латыни [2]).

---

[1]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Составленъ графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ. Спб. 1878. Ч. 2. Стр. 138.

[2]) Іезуиты въ Россіи. Морошкина. Спб. 1870. Ч. 2, стр. 122—135.

Новосильцевъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ и вообще подавалъ самыя лучшія надежды. Какъ и всѣ внуки графа Владимира Григорьевича Орлова, онъ былъ очень высокаго роста, красивъ, любилъ музыку, игралъ хорошо на кларнетѣ, изящно танцовалъ и ловко дрался на рапирахъ [1]). По выходѣ изъ школы онъ поступилъ на службу въ лейбъ-гусарскій полкъ, назначенъ, по производствѣ въ офицеры, адъютантомъ къ главнокомандующему первой арміей фельдмаршалу графу Сакену, а въ 1822 году сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Такимъ образомъ, ему открывалась самая блестящая карьера.

Штабъ первой арміи былъ расположенъ въ городѣ Старомъ-Быховѣ Могилевской губерніи, гдѣ, въ числѣ другихъ чиновъ, проживалъ генералъ-аудиторъ арміи, генералъ-майоръ Черновъ съ женой и дочерью. Сыновья его служили офицерами въ армейскихъ полкахъ, и одинъ изъ нихъ, Константинъ, былъ случайно переведенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, когда послѣ раскассированія этого полка въ 1824 году, вслѣдствіе возникшихъ въ немъ безпорядковъ, онъ былъ вновь сформированъ изъ армейскихъ батальоновъ. Черновы были люди небогатые, простые, но весьма радушные, и штабные офицеры охотно посѣщали ихъ домъ, привлекаемые въ особенности молоденькой Черновой, отличавшейся рѣдкой красотой и веселымъ характеромъ. Въ бытность свою адъютантомъ графа Сакена, Новосильцевъ также познакомился съ Черновыми, сдѣлался ихъ частымъ гостемъ и скоро влюбился въ ихъ дочь, которая отвѣчала ему взаимностью. По своимъ личнымъ достоинствамъ, богатству и положенію въ свѣтѣ Новосильцевъ былъ завиднымъ женихомъ для всякой дѣвушки, тѣмъ болѣе для бѣдной и незнатной, какъ Чернова. Когда Новосильцевъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ и уѣхалъ въ Петербургъ, Чернова съ дочерью вскорѣ также перебралась въ столицу. Здѣсь молодые люди еще болѣе сблизились, и наконецъ Новосильцевъ сдѣлалъ формальное предложеніе. Разумѣется, согласіе матери и дочери было полное. Сговоръ и обрученіе состоялись въ августѣ 1824 года. Новосильцевъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по городу и окрестностямъ и, вообще, въ обращеніи съ нею держалъ себя въ той степени сближенія, которая допускается только между женихомъ и невѣстой [2]). Въ порывѣ любви и очарованія онъ забылъ, что у него

---

[1]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова. Ч. 2. стр. 297.

[2]) Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ. Князя Е. Оболенскаго. Сборникъ «Девятнадцатый вѣкъ». Ч. 1, стр. 317.

есть мать и дѣдъ, гордые своимъ происхожденіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ, безъ согласія которыхъ онъ не могъ жениться. Скоро, однако, онъ опомнился, написалъ матери и, какъ слѣдовало ожидать, получилъ безусловный отказъ и строгое приказаніе немедленно прекратить всякія сношенія съ семействомъ Черновыхъ. Между тѣмъ, срокъ, назначенный для свадьбы, приближался, и Новосильцевъ рѣшилъ сдѣлать попытку лично упросить мать дать согласіе на его женитьбу. Съ этою цѣлью, подъ предлогомъ болѣзни отца, онъ отправился въ Москву, давъ слово возвратиться черезъ три недѣли. Съ дороги онъ писалъ своей невѣстѣ, но по прибытіи въ Москву, подчиняясь настойчивому требованію матери, прекратилъ переписку и не только не вернулся къ назначенному времени, но оставилъ семейство Черновыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой вѣсти о себѣ. До свѣдѣнія Черновыхъ дошло. что Новосильцевъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, однако, не только не былъ у невѣсты, но даже не увѣдомилъ о себѣ. Это обстоятельство убѣдило ихъ, что Новосильцевъ порвалъ съ ними всякія сношенія и избѣгалъ всякихъ объясненій. Тогда братья Черновы, считая честь своей сестры оскорбленной, рѣшили потребовать удовлетворенія отъ оскорбителя. Въ ноябрѣ, Сергѣй Черновъ писалъ изъ Стараго Быхова брату Константину въ Петербургъ: «Желательно, чтобы Новосильцевъ былъ нашимъ зятемъ; но ежели сего нельзя, то надо сдѣлать, чтобы онъ умеръ холостымъ, хотя сіе прелестное твореніе заслуживаетъ и лучшей участи». Вслѣдствіе этого письма Константинъ Черновъ поѣхалъ въ Москву, пославъ предварительно Новосильцеву вызовъ въ весьма дерзкихъ выраженіяхъ. Повидимому, цѣль поѣздки была извѣстна не только великому князю Михаилу Павловичу, но и государю и одобрена имъ. По крайней мѣрѣ, Сергѣй Черновъ писалъ по этому поводу брату: «Когда папенька узналъ, что великій князь, зная, для чего ты ѣдешь въ Москву, съ позволенія государя, самъ дозволилъ тебѣ сію поѣздку, то онъ совершенно успокоился и проливалъ слезы восхищенія». Мать Новосильцева, узнавъ о пріѣздѣ Чернова и его намѣреніяхъ, обратилась къ посредничеству московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, который пригласилъ къ себѣ обоихъ противниковъ. Послѣ объясненій въ присутствіи князя Голицына и другихъ лицъ Новосильцевъ объявилъ, что никогда не оставлялъ намѣренія жениться на Черновой, послѣ чего Черновъ извинился въ томъ, что сомнѣвался въ его честности. Мать Новосильцева тогда же письменно изъявила родителямъ Черновой о своемъ согласіи на бракъ сына съ ихъ дочерью. Новосильцевъ далъ объ-

щаніе совершить свадьбу въ теченіе шести мѣсяцевъ, говоря, что отлагаетъ ее единственно потому, чтобы не дать повода говорить, будто онъ вынужденъ къ тому угрозами. Казалось, дѣло приняло благопріятный оборотъ, и Новосильцевъ и Черновъ возвратились въ Петербургъ. Однакоже, вскорѣ Новосильцевъ вдругъ сдѣлалъ Чернову вызовъ, ссылаясь на будто бы разглашаемые имъ слухи, что онъ принудилъ его жениться. Послѣ новаго объясненія Новосильцевъ удовлетворился увѣреніемъ Чернова, что тотъ не распускалъ подобныхъ слуховъ, и подтвердилъ при посредникахъ, что, согласно ранѣе данному обѣщанію, женится въ теченіе назначеннаго времени.

Когда истекъ срокъ исполненія обязательства, Черновъ потребовалъ, чтобы Новосильцевъ отправился къ его отцу въ Старый Быховъ, гдѣ находилась также и его мать съ сестрой, и тамъ обвѣнчался. Новосильцевъ снова письменно подтвердилъ свое обѣщаніе, но медлилъ отъѣздомъ. Въ это время Черновъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ, очевидно, по просьбѣ матери Новосильцева, подъ угрозой большихъ непріятностей заставилъ его послать Новосильцеву письменный отказъ. Тогда Константинъ Черновъ, 8-го сентября, сдѣлалъ Новосильцеву формальный вызовъ, который и былъ принятъ. Секундантами со стороны Чернова были полковникъ Германъ и родственникъ Черновыхъ поэтъ К. Ѳ. Рылѣевъ, а со стороны Новосильцева ротмистръ Реадъ и подпоручикъ Шиповъ [1]).

Условія дуэли были установлены самыя тяжелыя: 1) стрѣляться на барьеръ, дистанція восемь шаговъ, съ расходомъ по пяти; 2) дуэль кончается первою раною при четномъ выстрѣлѣ; въ противномъ случаѣ, если раненый сохранилъ зарядъ, то имѣетъ право стрѣлять, хотя лежащій; если же того не будетъ въ силахъ сдѣлать, то поединокъ полагается вовсе и навсегда прекращеннымъ; 3) вспышка не въ счетъ, равно осѣчка; секунданты обязаны въ такомъ случаѣ оправить кремень и подсыпать пороху; 4) тотъ, кто сохранилъ послѣдній выстрѣлъ, имѣетъ право подойти самъ и подозвать своего противника къ назначенному барьеру.

Отправляясь на поединокъ, Константинъ Черновъ оставилъ слѣдующую записку:

«Богъ воленъ въ жизни; но дѣло чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вѣроятности, обѣщаетъ мнѣ смерть, и потому

---

[1]) Записка Рылѣева о поединкѣ Новосильцева съ Черновымъ. Сочиненія Рылѣева. Изд. 1872 г. Стр. 346.

прошу господъ секундантовъ моихъ объявить всѣмъ роднымъ и людямъ благомыслящимъ, которыхъ мнѣніемъ дорожилъ я, что предлогъ теперешней дуэли нашей существовалъ только въ клеветѣ злоязычія и въ воображеніи Новосильцева. Я никогда не говорилъ предъ отъѣздомъ въ Москву, что сбираюсь принудить его къ женитьбѣ на моей сестрѣ. Никогда не говорилъ я, что къ тому принудили его по пріѣздѣ, и торжественно объявляю это словомъ офицера. Могъ ли я желать себѣ зятя, котораго бы можно было по пистолету вести подъ вѣнецъ? Захотѣлъ ли бы я подобнымъ бракомъ сестры обезславить свое семейство? Оскорбленія, нанесенныя моей фамиліи, вызвали меня въ Москву; но увѣренія Новосильцева въ неумышленности его поступка заставили меня извиниться передъ нимъ въ дерзкомъ моемъ письмѣ къ нему, и, казалось, искреннее примиреніе окончило все дѣло. Время показало, что это была одна игра, вопреки завѣренія Новосильцева и ручательства благородныхъ его секундантовъ [1]). Стрѣляюсь на три шага, какъ за дѣло семейственное, ибо, зная братьевъ моихъ, хочу кончить собою на немъ, на этомъ оскорбителѣ моего семейства, который для пустыхъ толковъ еще пустѣйшихъ людей преступилъ всѣ законы чести, общества и человѣчества. Пусть паду я, но пусть падетъ и онъ въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души».

Дуэль состоялась 10-го сентября, въ 6 часовъ утра, за Выборгской заставой, въ Лѣсномъ; оба противника выстрѣлили одновременно другъ въ друга на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и оба были смертельно ранены. Черновъ былъ отвезенъ на свою квартиру въ семеновскихъ казармахъ Рылѣевымъ, а Новосильцевъ перенесенъ въ ближайшую отъ мѣста дуэли харчевню, гдѣ и умеръ послѣ жестокихъ страданій. Приводимъ письмо Пражевскаго къ матери Новосильцева, находившейся въ Петербургѣ и ничего не знавшей о предстоявшей дуэли, которую сынъ тщательно отъ нея скрывалъ.

«Милостивая государыня
«Екатерина Владиміровна!

«Приступая къ исполненію порученія вашего, состоящаго въ описаніи всѣхъ происшествій, относящихся къ милому незабвенному сыну вашему со времени полученной имъ раны до послѣд-

---

[1]) Въ несостоявшейся въ Москвѣ дуэли секундантами со стороны Новосильцева были приглашены П. Л. Давыдовъ и А. П. Бартеневъ.

ней минуты его жизни, сожалѣю о томъ, что Провидѣніе не одарило меня тѣми способностями, съ коими могъ бы я изобразить во всемъ величіи твердость духа и спокойствіе, съ которыми добродѣтельный двадцати-пятилѣтній юноша ожидалъ своей кончины. Истина вознаградитъ недостатокъ краснорѣчія—вы желали первой.

«Кажется, не излишнимъ будетъ напомнить вамъ, что милый юноша, 9-го сентября, въ вечеру предъ роковымъ днемъ, дабы сколь можно болѣе успокоить васъ и отклонить самомалѣйшее съ вашей стороны подозрѣніе о рѣшенномъ уже наутро поединкѣ, занимался у васъ весь вечеръ съ г. Лизогубомъ музыкою такъ покойно, что ни вамъ, ни окружающимъ—никому не могло прійти на мысль, что выражающій пріятные звуки кларнета юноша чрезъ нѣсколько часовъ долженъ итти на смерть. Такъ готовится встрѣтить оную душа праведная. 10-го числа, на разсвѣтѣ, узналъ я о мѣстѣ поединка и поспѣшно отправился туда съ гг. Васильцовскимъ и Лизогубомъ. Лишь только приблизились мы къ мѣсту, то услышали выстрѣлъ, а за нимъ минуты чрезъ двѣ и другой. Здѣсь уже мы бѣжали на помощь. Слова, произнесенныя сыномъ вашимъ довольно громко: «Ахъ, Боже мой! Пособите ему, удостовѣрьте насъ, что онъ живъ». Вслѣдъ за симъ встрѣтили мы и его самого, идущаго довольно твердо. Секундантъ, державшій его за руку, сказалъ намъ: «поддерживайте его, у него пуля въ боку».—«Да», сказалъ намъ незабвенный юноша улыбаясь: «я раненъ и, кажется, не легко». Болѣе трехсотъ шаговъ шелъ онъ, поддерживаемый нами, до ближайшаго дома и говорилъ: «Не понимаю, какимъ образомъ нанесъ я жестокій ударъ Чернову». Владиміръ Дмитріевичъ, раненый уже въ бокъ пулею, которая тамъ и осталась, выстрѣлилъ, и пуля, попавъ Чернову въ правый бокъ лба, повергла его на землю полумертвымъ. Войдя въ домъ, пустили благородному юношѣ кровь. Въ это время сдѣлался съ нимъ обморокъ, продолжавшійся не болѣе двухъ минутъ. По перевязкѣ раны и правой руки, изъ коей пущена была кровь, мы его подняли и думали проводить до кареты, но онъ, вышедъ въ другую комнату, началъ падать и просилъ насъ его положить, говоря, что внутренность его, какъ въ огнѣ, и что малѣйшее движеніе удвоиваетъ его страданія. Тогда, положивъ его на наши шинели и видя, что страданія его увеличиваются, мы отложили предположеніе наше везти его въ городъ, отыскали кровать съ постелью и, переложивъ его съ трудомъ на оную, поставили въ отдѣльную комнату. Вслѣдъ за симъ привезенъ былъ докторъ

Арендъ, который, осмотрѣвъ рану страдальца, объявилъ намъ, что рана смертельна, и что изъ тысячи подобныхъ выздоравливаетъ одинъ. Убійственный приговоръ доктора привелъ насъ въ отчаяніе, но мы старались скрывать оное отъ больного. Страданія его между тѣмъ увеличивались, и онъ объявилъ намъ съ твердостію, что не надѣется уже встать съ постели, просилъ священника, за которымъ послали человѣка; посланный не въ дальнемъ разстояніи встрѣтилъ ѣдущаго священника, остановя, просилъ его воротиться за Святыми Дарами, въ отвѣтъ получилъ, что онъ ихъ везетъ къ больному, и согласился прежде посѣтить нашего возлюбленнаго страдальца. Исполнивъ долгъ христіанскій, незабвенный юноша, прекрасное чело коего покрыто было смертною блѣдностію, сказалъ намъ: «Итакъ пришелъ мой конецъ. Ежели за нѣкоторую неосновательность поступка моего относительно семейства Черновыхъ, въ который вовлеченъ я былъ неопытностію моею, долженъ заплатить жизнію, то безъ ропота переношу предназначеніе неисповѣдимыхъ судебъ. Умираю съ чистою совѣстію. Каковъ Черновъ?» продолжалъ онъ: «ради Бога, узнайте. Невольно нанесенная мною ему рана терзаетъ меня жестоко». Для успокоенія страдальца мы объявили ему, что Черновъ получилъ отъ пули сильную рану въ голову, но что жизнь его внѣ опасности. «Слава Богу!» воскликнулъ благородный юноша «ни смерти, ни страданія я ему не желалъ. Не извѣстно ли вамъ», говорилъ онъ: «что дѣлается съ маменькою? Происшествіе это нанесетъ ей жестокій ударъ. Какъ бы я желалъ съ нею видѣться!» Помышляя о спасеніи его и зная, что свиданіе ваше съ нимъ къ страданіямъ отъ раны прибавило бы ему страданія душевныя, мы объявили, что, когда онъ получитъ облегченіе, тогда перевеземъ его въ городъ, а до того надобно отложить намѣреніе видѣться съ маменькою; что мы имѣемъ объ васъ извѣстіе, и что вы, при всемъ огорченіи вашемъ, согласны отложить свиданіе на нѣсколько дней. Разнесшійся въ городѣ слухъ о поединкѣ привлекъ къ намъ съ посѣщеніями добрыхъ пріятелей и знакомыхъ милаго юноши. Непритворное всѣхъ участіе ободряло его, и когда къ ночи всѣ разъѣзжались, онъ сказалъ намъ: «Участіе, пріемлемое во мнѣ людьми, извѣстными по правиламъ чести и благородства, доказываетъ, что я умѣлъ исполнить долгъ свой. Ежели кто-нибудь, не зная меня, могъ усомниться въ этомъ, то настоящій опытъ выведетъ того изъ заблужденія. Впрочемъ, при послѣднихъ уже, можетъ быть, минутахъ жизни, могу сказать смѣло, что, чистый въ совѣсти моей, не страшусь клеветы». Въ ночь посылалъ узнавать о положеніи Чернова. Къ раз-

свѣту только началъ понемногу засыпать, но страданія препятствовали, и сонъ былъ прерывающійся, такъ что и четверти часа сряду онъ не могъ уснуть. На другой день (11-го числа) милый юноша обрадованъ былъ привезенными ему мною объ васъ извѣстіями. Я отлучился отъ него къ вамъ на нѣсколько минутъ. Удвоившееся число посѣтителей веселило его немало. Въ полдень мы его приподняли, дабы дать нѣсколько отдохнуть лѣвому его плечу, на которомъ лежалъ онъ болѣе тридцати часовъ неподвижно. Какъ въ сей день надежда насъ нѣсколько оживила, то предложили нѣкоторые участвующіе призвать сестру милосердія для хожденія за нимъ; онъ, вслушавшись, сказалъ: «Развѣ покуда я не съ матушкою, а есть ли Богъ позволитъ мнѣ соединиться съ нею, то никакой сестры милосердія не нужно будетъ, любовь ея всѣхъ замѣнитъ». Въ этотъ день съѣлъ онъ нѣсколько ложекъ бульону, а къ вечеру выпилъ полчашки чая: съ посѣтителями разговаривалъ твердымъ голосомъ, а съ нѣкоторыми даже шутилъ. Большая часть ихъ, видя спокойствіе больного, не жаловавшагося ни одинъ разъ на свои страданія, не полагали его раненымъ смертельно. Три раза посылалъ онъ узнавать о здоровьи Чернова. Въ ночь сонъ былъ равно прерывающійся, и 12-е число проведено было одинаково съ днемъ предыдущимъ. Извѣстіе о васъ имѣлъ онъ отъ ѣздившаго для свиданія съ вами г. Васильцовскаго. Въ ночь на 13-е число уснулъ онъ сряду часа три и поутру казался нѣсколько посвѣжѣе, и глаза чище; поворотясь же безъ помощи на правую сторону, далъ онъ намъ большую надежду къ выздоровленію, хотя столь скорое возвращеніе силъ и примѣтное уменьшеніе страданій нѣсколько насъ тутъ же и устрашало; но молодость, его хорошее здоровье, коимъ всегда онъ наслаждался, давали поводъ думать, что если пуля не повредила внутренностей, то рана сама по себѣ хотя и тяжелая, но можетъ быть несмертельна.

«Докторъ Арендъ поѣхалъ къ вамъ въ этотъ день, что удвоило наши надежды. Къ вечеру слабость сдѣлалась сильнѣе, и мы, полагая, что оная происходила отъ того, что онъ много разговаривалъ съ посѣтителями, въ сей вечеръ ихъ не принимали. Во всю ночь съ 13-го на 14-е число онъ не засыпалъ и даже тосковалъ. Открывшаяся боль въ правомъ плечѣ показала, что печень повреждена. Мы не оставляли его ни на минуту и провели возлѣ его постели всю ночь: докторъ Арендъ, г. Васильцовскій, братъ мой и я. Жажда у больного была чрезмѣрна. «Кажется мнѣ», говорилъ онъ: «что это послѣдняя для меня ночь, и что до слѣдующей разстанусь съ вами навѣки». Благодаря насъ за попеченія объ немъ, говорилъ онъ:

«Боже мой! Какъ я счастливъ! Ни въ утѣшеніяхъ дружбы, ни въ пособіяхъ медицины недостатка не имѣю; но Черновъ, можетъ быть, нуждается и въ простомъ фельдшерѣ; какъ бы я желалъ облегчить участь его!» Поутру, 14-го числа, слабость не уменьшалась, а къ полдню увеличилась, и онъ потребовалъ священника, чтобы исполнить вторично долгъ христіанскій. Сохраняя память и спокойствіе, онъ говорилъ, что свѣтъ померкаетъ въ глазахъ его до того, что иногда насъ не узнаетъ, что чувствуетъ послѣднія свои минуты, и что желалъ бы проститься съ вами и получить ваше благословеніе. Мы старались ободрять его, а докторъ сказалъ ему: «Когда вы уснете нѣсколько, то я дамъ вамъ бульону».—«Дайте теперь», отвѣчалъ онъ, «если считаете нужнымъ, послѣ будетъ поздно. Сонъ мой будетъ вѣчный сонъ». Это было въ исходѣ перваго часа пополудни. Сидя у его постели и держа охладѣвающую его руку, я не переставалъ утѣшать его выздоровленіемъ; но онъ, вынувъ изъ моей руки свою руку и укусивъ себя прежде за одинъ палецъ, а потомъ за другой, сказалъ мнѣ: «Видите ли, что я не чувствую никакой боли, я уже полумертвый. Напрасно утѣшаете вы меня выздоровленіемъ, на жизнь и на смерть смотрю я равнодушно». Разставаясь съ жизнью, продолжалъ онъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ: «Сокрушаюсь только о томъ, что кончиною моею наношу жесточайшій ударъ моимъ родителямъ, но вы знаете все происшествіе, удостовѣрьте ихъ, что я не искалъ смерти, но честь требовала, чтобы я дрался; я увѣренъ, что для нихъ легче будетъ видѣть меня въ гробѣ, нежели посрамленнаго, и что они простятъ мой поступокъ, судьбами мнѣ предназначенный».

«За симъ прощался онъ со всѣми окружающими и потомъ замолчалъ. Дыханіе спиралось въ груди его. Мы неподвижные съ благоговѣніемъ взирали на героя-христіанина, героя чести и добродѣтели. Онъ лежалъ на спинѣ и, подымая ко мнѣ руки, сказалъ слабымъ голосомъ: «Пособите мнѣ поворотиться на правый бокъ, мнѣ легче будетъ скончаться».

«Оцѣпенѣлый отъ горести и удивленія, я наклонился; онъ обнялъ меня за шею охладѣлыми руками, поворотился на бокъ, произнесъ нѣсколько разъ тихо: «ma pauvre mère» и, закрывъ глаза, испустилъ на рукахъ моихъ послѣдній вздохъ въ часъ и двадцать минутъ пополудни. Кончина незабвеннаго юноши есть кончина праведника. Это былъ тихій, ничѣмъ не возмущаемый сонъ. Миръ праху твоему, юноша добродѣтельный, жертва друзей вѣроломныхъ и корыстолюбцевъ неистовыхъ!

«Вѣра, утѣшительница душъ праведныхъ, вашей подобныхъ, и память добрыхъ дѣлъ незабвеннаго сына вашего могутъ поддер-

жать васъ въ горести, ни съ какою въ мірѣ несравненною. Примѣромъ вашимъ покажите невѣрующимъ, какова сила вѣры.

«Не предавайте забвенію искренняго друга милаго юноши, человѣка, искренно раздѣляющаго горесть вашу и пребывающаго навѣки съ чувствами душевнаго къ вамъ уваженія,

«Николая Пражевскаго».

Что касается Чернова, то объ его послѣднихъ минутахъ сохранился разсказъ декабриста, князя Евгенія Оболенскаго [1]).

«По близкой дружбѣ съ Кондратіемъ Өедоровичемъ Рылѣевымъ, я и многіе другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, черезъ который онъ вступался за честь сестры, какъ жертвы того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью смыть запятнанную честь. Предразсудокъ общій и чуждый духа христіанскаго. Имъ ни честь не возстановляется, и ничто не разрѣшается; но только удовлетворяется общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостью смотритъ на того, кто рѣшится не подчиниться общему закону. Свѣжо еще въ памяти у меня мое грустное посѣщеніе: вхожу въ небольшую переднюю, меня встрѣтилъ Кондратій Өедоровичъ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть; кажется, я взялъ его руку и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. На вопросъ отвѣта не было, но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ. Много лестныхъ словъ, мною не заслуженныхъ (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ), сказалъ мнѣ умирающій въ избыткѣ сердечной теплоты. Молча я пожалъ ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ; хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не потревожить его раны, и ушелъ въ грустномъ раздумьѣ. За мною вошелъ А. И. Якубовичъ, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулей въ лобъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для излеченія отъ раны, выдержавшій операцію трепанированія черепной кости и громко прославленный, во многихъ кругахъ, за его смѣлый и отважный характеръ и за многія доблестныя качества, засвидѣтельствованныя кавказскою боевою жизнью. По обыкновенію, Якубовичъ сказалъ Чернову рѣчь. Отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношеніи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой

[1]) Воспоминаніе о К. Ө. Рылѣевѣ. Сборникъ «Девятнадцатый вѣкъ». Часть I, стр. 318.

струны боевого сердца нашего кавказца; онъ вышелъ отъ него со слезами на глазахъ, и мы молча пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; съ миромъ высшимъ отошелъ онъ въ вѣчность. Его мать не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына; кажется, что онъ не желалъ, чтобы сообщили ей, а въ особенности сестрѣ, то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣженъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова, и товарищи вынесли и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища: все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, которую всякій сознавалъ и сознательно и безсознательно: защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ мыслятъ здѣсь, на землѣ, съ земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть, видитъ иначе и тамъ на небеси давно уже соединилъ узами общей вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли» [1]).

Новосильцева перевезла тѣло сына въ Москву и похоронила его въ склепѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ, заготовивъ себѣ мѣсто возлѣ его могилы. Оплакивая невознаградимую утрату, въ которой сама была виновата, она отдалась вся молитвѣ и дѣламъ благотворенія и до самой кончины не снимала глубокаго траура. Кромѣ церкви, митрополита Филарета и самихъ близкихъ родныхъ, Новосильцева нигдѣ не бывала и первое время даже никого не хотѣла видѣть. Въ отчаяніи, она говорила Филарету:

— Я убійца моего сына; помолитесь, владыка, чтобы я скорѣе умерла.

— Если вы почитаете себя виновною, отвѣчалъ Филаретъ:— то благодарите Бога, что Онъ оставилъ васъ жить, дабы вы могли замаливать вашъ грѣхъ и дѣлами милосердія испросили упокоеніе души своей и вашего сына; желайте не скорѣе умереть, но просите Господа продлить вашу жизнь, чтобы имѣть время молиться за себя и за сына.

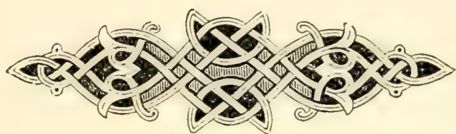
Бывая часто у Филарета на Троицкомъ подворьѣ, Новосильцева всегда стояла во время службы въ темной комнаткѣ, смежной съ церковью, и молилась у окошечка, продѣланнаго въ церковь [2]).

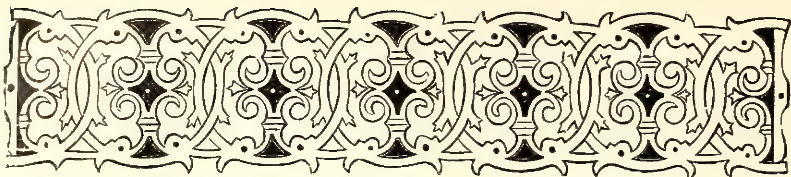
[1]) По убѣжденію Рылѣева, Черновъ вошелъ въ составъ членовъ тайнаго общества «Союзъ благоденствія», и его похороны послужили для первой открытой манифестаціи декабристовъ, собравшихся на нихъ въ полномъ составѣ.

[2]) «Разсказы бабушки». Д. Благово. Спб. 1885. Стр. 390.

На мѣстѣ дуэли, въ паркѣ Лѣсного института поставлены два гранитные круглые камня, о печальномъ значеніи которыхъ едва ли кто теперь знаетъ. Въ 1838 году, Новосильцева пріобрѣла харчевню, гдѣ умеръ ея сынъ, построила вмѣсто нея церковь во имя св. Владимира и при ней богадѣльню, въ садъ которой и перенесена харчевня, сохранившаяся до сихъ поръ. Покупка земли, постройка церкви и богадѣльни обошлись Новосильцевой около милліона рублей. Церковь каменная, съ однимъ престоломъ; планъ и фасадъ ея составленъ архитекторомъ Шарлеманемъ, а образа писаны профессоромъ Веги и извѣстнымъ художникомъ Воробьевымъ [1]).

[1]) Историко-статистическое описаніе Петербургской епархіи. Выпускъ седьмой, стр. 376.

Кирьяново, дача княгини Дашковой.

Въ ПРОШЛОМЪ столѣтіи вдоль петергофской дороги, начиная отъ Екатерингофа до Стрѣльны, тянулся почти непрерывный рядъ дачъ, дворцовъ и садовъ, принадлежавшихъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ русскимъ вельможамъ и банкирамъ. Въ то время всякій состоятельный человѣкъ стремился провести лѣто въ этомъ самомъ модномъ тогда загородномъ мѣстѣ. Въ праздничные и воскресные дни петербургскіе жители цѣлыми семьями съ утра отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ на петергофскую дорогу, гдѣ многіе владѣльцы садовъ не только радушно открывали ихъ для публики, но и оказывали при этомъ чисто русское гостепріимство. Такъ, напримѣръ, на дачѣ оберъ-шенка А. А. Нарышкина, носившей оригинальное названіе «Ба! Ба!» гуляющимъ разносили во множествѣ разнаго рода напитки и лакомства, а у входа въ садъ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина была прибита доска съ надписью, приглашавшею всѣхъ городскихъ жителей пользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ его саду «для разсѣянія мыслей и соблюденія здоровья».

Заселеніе петергофской дороги началось со временъ Петра Великаго, который послѣ постройки Екатерингофа сталъ раздавать здѣсь своимъ приближеннымъ безвозмездно участки земли отъ 50 до 200 саженъ въ поперечникѣ во всю длину до самаго залива. Можно представить, сколько усилій и пожертвованій, или, лучше сказать, сколько милліоновъ пришлось затратить владѣльцамъ для превращенія этой болотистой мѣстности въ роскошные сады и парки! Из-

вѣстный острякъ Екатерининской эпохи, генералъ С. Л. Львовъ, едва ли много преувеличивалъ, выразившись однажды о дачѣ А. А. Нарышкина, что для того, «чтобы вымести ее два раза, должно расквитаться съ обыкновеннымъ дворянскимъ имѣніемъ». Но мода измѣнилась. Въ царствованіе императора Александра I любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ двора и аристократіи сдѣлались острова: Аптекарскій, Каменный, Елагинъ, затѣмъ Царское Село и Павловскъ. Вельможи, чтобы находиться ближе ко двору, стали строиться во

Видъ Кирьяновскаго дома и сада княгини Дашковой.
(Съ весьма рѣдкой гравюры, принадлежащей П. Я. Дашкову).

вновь облюбованныхъ мѣстностяхъ, а заброшенныя лѣтнія резиденціи ихъ по петергофской дорогѣ начали понемногу переходить въ руки мелкаго купечества, и теперь вмѣсто роскошныхъ садовъ и парковъ здѣсь виднѣются лишь пустыри, а когда-то великолѣпныя хоромы, покосившіяся и полуразвалившіяся, заняты фабриками, постоялыми дворами, трактирами и кабаками.

Недавно извѣстный собиратель русскихъ гравюръ П. Я. Дашковъ пріобрѣлъ двѣ очень рѣдкія современныя (конца прошлаго

столѣтія) гравюры, изображающія видъ дачи, принадлежавшей на петергофской дорогѣ знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой и называвшейся «Кирьяново». Уменьшенную копію съ одной изъ этихъ гравюръ мы прилагаемъ здѣсь.

Свѣдѣній о дачѣ княгини Дашковой намъ удалось отыскать не много. Въ «Описаніи Петербурга» Георги, изданномъ въ 1794 году, о ней говорится слѣдующее:

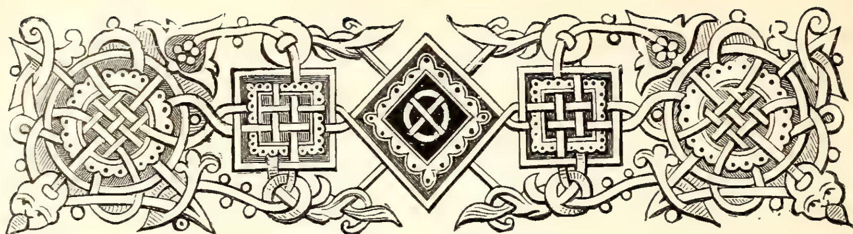
«Дача княгини Екатерины Романовны Дашковой «Киръ и Анова» находится подлѣ «Ба! Ба!» (дачи А. А Нарышкина) и простирается по большой дорогѣ на 100 саженъ и отъ оной до залива. Она была смѣшанный болотный лѣсъ и приведена въ нынѣшнее состояніе самою княгинею безъ помощи архитектора или садовника какъ въ заложеніи, такъ и въ точномъ исполненіи всѣхъ предпріятій. Знатныя каменныя строенія составляютъ съ флигеля открытый дворъ, до большой дороги простирающійся и при оной различными деревьями насажденный. Подлѣ строеній находится плодоносный садъ съ теплицами. Позади строеній есть смѣшанный лѣсъ съ знатнымъ лугомъ, подлѣ ручейка и знатныхъ каналовъ, окружающихъ также небольшой островъ съ банею. Въ лѣсу идутъ прямыя и извивающіяся дорожки къ морскому заливу, при которомъ находятся два каменные дома, и между обоими главный входъ».

Въ своихъ «Запискахъ» Дашкова только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о Кирьяновѣ. «Въ іюлѣ 1782 года», говоритъ она, «я возвратилась (изъ-за границы) въ Петербургъ и поселилась на своей дачѣ Кирьяново, въ четырехъ верстахъ отъ города. У меня не было въ Петербургѣ дома; чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что-нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой осени. Однажды, императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и притомъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водою, очень опасно для моего здоровья, «потому что», прибавила она, «ваша дача—чистое болото, очень способное для развитія ревматизма».

Такимъ образомъ, изъ словъ Екатерины оказывается, что дача, построенная Дашковой «безъ помощи архитектора и садовника», была очень неудобна для жилья, холодна и во время весеннихъ разливовъ заливалась водой. Мѣсто, на которомъ построена дача, было подарено императоромъ Петромъ III тремъ графамъ Воронцовымъ и отъ нихъ перешло въ 1762 году, по данной, княгинѣ Дашковой. Послѣ ея кончины, въ 1810 г., Кирьяново поступило по духовному завѣщанію къ сыну ея двоюроднаго брата, графу Ивану Иларіоновичу

Воронцову-Дашкову. Кому и когда онъ продалъ дачу—мы не знаемъ, но она существуетъ до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ и занята какой-то фабрикой, или заводомъ. Странное названіе «Кирьяново» было дано дачѣ Дашковой въ память святыхъ Кира и Іоанна, празднуемыхъ 28-го и 29-го іюня,—дни, въ которые совершился при участіи княгини переворотъ 1762 года, доставившій престолъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Александрова дача.

ВЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ годахъ прошлаго столѣтія на пограничной окраинѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ была выстроена по приказанію императрицы Екатерины II дача и при ней разбитъ весьма красивый садъ. Дача эта предназначалась государыней для ея любимаго внука—великаго князя Александра Павловича и была названа въ честь его Александровою.

Вскорѣ, однако, подаренная воспитателю великаго князя, генералъ-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову, дача эта на планѣ Павловска 1789 года именуется уже «Салтыковскою мызою». Въ позднѣйшіе годы, переходя отъ владѣльца къ владѣльцу, она куплена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, но до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ одного изъ послѣднихъ ея обладателей, именно «Анненковой дачи».

Въ настоящее время отъ Александровой дачи не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ; только въ отдаленной части сада, на холмѣ у оврага, въ концѣ длинной дорожки, еще высится небольшой храмикъ «Розы безъ шиповъ»: семь колоннъ поддерживаютъ круглый куполъ, внутри котораго замѣтны остатки живописи и фресокъ. Но въ началѣ 1790-хъ годовъ «Александрова дача» служила предметомъ восторженныхъ похвалъ посѣтителей и тогда же воспѣта въ особой поэмѣ, посвященной императрицѣ. Эта поэма подъ заглавіемъ «Але-

Заглавный листъ къ поэмѣ «Александрова дача».

ксандрова, увеселительный садъ великаго князя Александра Павловича», произведеніе С. Джунковскаго, составляетъ большую библіографическую рѣдкость, хотя и была издана два раза: въ 1793 г. въ Петербургѣ и въ 1810 г. въ Харьковѣ; оба изданія въ листъ; къ послѣднему приложены четыре гравюры, уменьшенныя копіи съ которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь [1]). Три изъ нихъ изображаютъ

Видъ дома и грота на Александровой дачѣ.

виды Александрова, а на четвертой, составляющей заглавный листъ поэмы, представленъ графъ Н. И. Салтыковъ; онъ повѣсилъ на сукъ вѣтвистаго дерева свои ордена и ленты и, взявшись за плугъ, въ который впряжены два вола, пашетъ землю—аллегорическое изображеніе его дѣятельности, какъ воспитателя великихъ князей.

[1]) Мы воспользовались экземпляромъ поэмы, находящимся въ библіотекѣ Д. Ѳ. Кобеко. Сверхъ того, мы заимствовали для описанія Александровой дачи свѣдѣнія, находящіяся въ примѣчаніяхъ академика Я. К. Грота къ первому тому «Сочиненій Державина» и въ книгѣ «Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе», составленной по порученію великаго князя Константина Николаевича въ 1877 году.

Надъ нимъ паритъ голубь, и яркое солнце освѣщаетъ вдали на горѣ храмъ Фелицы, подъ жертвенникомъ котораго курится фиміамъ. Поэма Джунковскаго была издана также и во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ извѣстнымъ Массономъ.

По мысли великаго князя Александра Павловича, дача Александрова должна была служить какъ бы живою иллюстраціею къ нравоучительной сказкѣ его державной бабки о «Царевичѣ Хлорѣ»,

Видъ храма Фелицы на Александровой дачѣ.

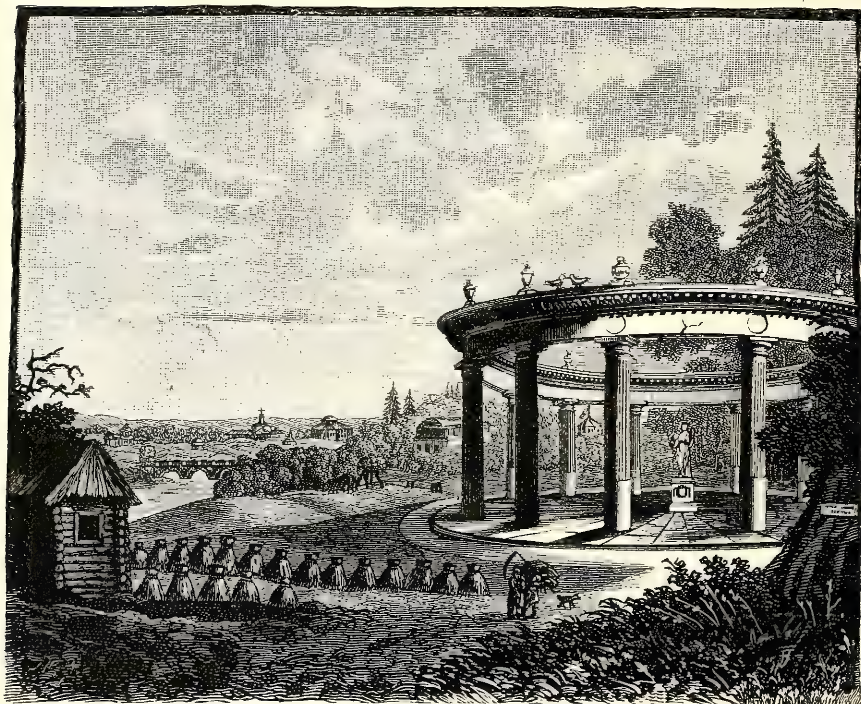
которая, въ свою очередь, вдохновила Державина написать оду «Фелицѣ».

Авторъ поэмы «Александрова» говоритъ въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II, что великій князь

«Яко начальникъ россійскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матерняго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высокость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ Тобою притчей, называемой «Царевичъ Хлоръ», восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

Въ стихахъ, впрочемъ, довольно плохихъ, авторъ поэмы «Александрова» описываетъ дачу и садъ. Изъ этого описанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу, и близъ него находился шатеръ съ золотымъ верхомъ.

«Въ усыпанномъ кругомъ цвѣтами полѣ,
«Надъ берегомъ крутымъ воздвиженъ домъ.
«Какъ у Киргизскихъ рѣкъ на злачномъ долѣ,
«Поставленъ со златымъ шатеръ верхомъ.

Видъ храма Цереры на Александровой дачѣ.

Къ дому вела прямая, недлинная аллея, обсаженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ, и дорога вела на поле и въ лѣсъ.

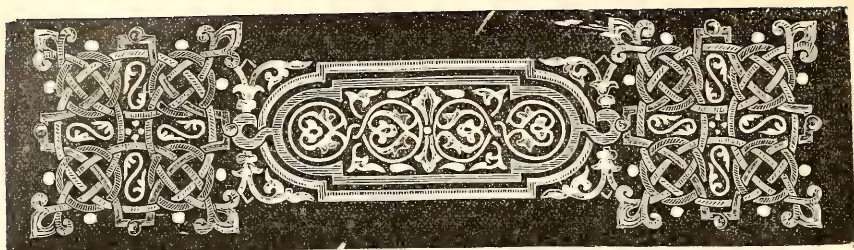
«Прекрасный входъ дорога открываетъ,
«Полна цвѣтовъ, и кратка, и пряма,
«Блаженну жизнь младенцевъ представляетъ;
«Забавы ихъ премудрость чтитъ сама,
«Но вдругъ, поворотясь, стезя пестрѣетъ,
«Тамъ нѣжные цвѣты, тамъ тѣнь имѣетъ,
«Излучисто предходятъ поле, лѣсъ.

Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ—нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: «храни златые камни»—символъ «незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II», т. е. ея «Наказа». Нива прилегала къ «Храму Цереры». За этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Ѳеодоровны; близъ его пещера нимфы Эгеріи, мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда длинная аллея мимо каскада вела къ высокому крутому холму, гдѣ находился «Храмъ розы безъ шиповъ», остатки котораго, какъ уже сказано выше, сохранились до сихъ поръ. По срединѣ этого храма возвышался алтарь, а на немъ стояла урна съ «розою безъ шиповъ». Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, смотрящаго съ высоты небесъ на «блаженствующую Россію», которая, окруженная символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ «Фелицы», т. е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ. У подножія храма было большое озеро, образовавшее извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго сада возвышался «Храмъ Флоры и Помоны».

Этотъ садъ въ первые годы царствованія императора Александра I еще сохранилъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе: штукатурка храмовъ и ихъ облицовка пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травою; холмы обвалились. Озеро, разстилавшееся у подножія холма и «Храма розы безъ шиповъ», представляетъ нынѣ лишь глубокую котловину, заросшую кустарникомъ.

Вѣроятно, существовали какія-нибудь причины, по которымъ «Александрова дача» вскорѣ послѣ ея постройки была пожалована Салтыкову и затѣмъ предана жалкому забвенію, такъ что если бъ Джунковскій не сочинилъ своей поэмы и не приложилъ бы къ ней рисунковъ, мы не имѣли бы никакого понятія объ этой оригинальной иллюстраціи «Сказки о царевичѣ Хлорѣ».

Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году [1].

После смерти знаменитаго мореплавателя Кука, убитаго 14-го февраля 1779 года на Сандвичевыхъ островахъ, начальство надъ англійской экспедиціей, имѣвшей цѣлью открыть проходъ въ Ледовитый океанъ черезъ Беринговъ проливъ и состоявшей изъ двухъ кораблей «Resolution» и «Discovery», принялъ капитанъ Карлъ Клеркъ. Несмотря на то, что Клеркъ уже страдалъ тогда сильнѣйшей чахоткой, онъ рѣшился слѣдовать плану Кука и, направляясь къ сѣверному полюсу, приплылъ 1-го мая къ берегамъ Камчатки у Петропавловской гавани, еще на половину покрытой льдомъ.

Петропавловская гавань представляла въ то время совершенную пустыню. Церковь и всѣ строенія, воздвигнутыя Берингомъ, были уничтожены пожаромъ, жители переселились въ Большерѣцкъ, и въ гавани оставались для караула только сержантъ Сургуцкій и десять рядовыхъ, помѣщавшихся въ полуразрушенной казармѣ. Никто не воображалъ, чтобы иностранцы могли явиться въ Кам-

---

[1]) Свѣдѣнія о пребываніи англичанъ въ Камчаткѣ въ 1779 году заимствованы изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ и изъ сочиненія «Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 г.» А. С. Сгибнева. 1869 г.

чатку, и потому сержантъ былъ пораженъ, увидѣвъ приближающагося лейтенанта Кинга, посланнаго Клеркомъ на берегъ въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ матросовъ. Русская команда, схвативъ ружья, поспѣшно выстроилась передъ казармой въ ожиданіи нападенія; но Кингъ, показывая знаки мира, поспѣшилъ ее успокоить. Такъ какъ русскіе и англичане не понимали другъ друга, то Кингу съ большимъ трудомъ удалось уговорить сержанта, чтобы онъ послалъ нарочнаго въ Большерѣцкъ къ главному начальнику Камчатки премьеръ-майору Бему съ извѣстіемъ о прибытіи англійской экспедиціи и съ письмомъ, даннымъ Клерку штурманскимъ ученикомъ Измайловымъ, съ которымъ они встрѣтились у острова Уналашки.

Хотя Измайловъ въ письмѣ своемъ и увѣрялъ, что англичане имѣютъ самыя мирныя цѣли и обошлись съ нимъ при встрѣчѣ очень ласково, Большерѣцкая канцелярія не повѣрила, чтобы эскадра пришла съ добрыми намѣреніями. На собранномъ подъ предсѣдательствомъ Бема «военномъ совѣтѣ» было постановлено не предпринимать пока, вслѣдствіе недостатка артиллеріи и команды, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; но послать на эскадру съ письмомъ отъ Бема депутацію изъ лицъ неслужащихъ. Депутатами были выбраны: служитель Бема, Поса, знавшій нѣмецкій языкъ, и купецъ Посельскій.

Кромѣ того, былъ посланъ нарочный въ Нижнекамчатскъ съ предупрежденіемъ, чтобы тамъ имѣли предосторожность отъ англичанъ, а въ Верхнекамчатскъ послано предписаніе поспѣшно отправить «въ сикурсъ» всѣхъ лишнихъ солдатъ въ Петропавловскую гавань съ исправной амуниціей и ружьями; взамѣнъ же этой команды передвинуть 20 человѣкъ въ Верхнекамчатскъ изъ Тигильской крѣпости. Въ случаѣ же непріязненныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ, приказано вооружить всѣхъ купцовъ и промышленниковъ и «чинить отпоръ».

Между тѣмъ, русская депутація прибыла въ Петропавловскую гавань и встрѣтила самый любезный пріемъ со стороны англичанъ. Клеркъ просилъ депутатовъ снабдить эскадру скотомъ и провіантомъ; но такъ какъ просьба эта не могла быть исполнена безъ разрѣшенія Бема, то Клеркъ, въ свою очередь, послалъ въ Большерѣцкъ депутацію, состоявшую изъ капитана Гора, лейтенанта Кинга и геодезиста Вебера, знавшаго нѣмецкій языкъ. Депутація эта прибыла въ Большерѣцкъ 30-го апрѣля; вмѣстѣ съ ней возвратилась и наша депутація.

Помощникъ Бема капитанъ Шмалевъ доносилъ по этому поводу въ Иркутскъ: «Оные гости нами, съ Бемомъ, съ надлежащимъ по

Встрѣча русскихъ съ англичанами въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, въ 1779 году.

(Съ рѣдкой гравюры того времери Эрскина).

званію ихъ почтеніемъ, съ оказываніемъ благопристойности, приняты и на собственномъ нашемъ囗коштѣ содержаны и по здѣшнему мѣсту, сколько возможно, были довольствованы, т. е. чаемъ и сахаромъ снабжены изъ нашего кошта безнедостаточно, въ чемъ они весьма довольными отзывались».

Бемъ распорядился послать на эскадру изъ Нижнекамчатска 250 пудовъ ржаной муки, двадцать головъ рогатаго скота и, сверхъ того, «по слабости здоровья главнокомандующаго, двѣ дойныя коровы для пропитанія». Все это было отпущено англичанамъ безденежно, «ибо», доносилъ Шмалевъ, «по казеннымъ цѣнамъ мука стоитъ 2 руб. 50 коп. пудъ, а быкъ 80 руб.; если потребовать съ нихъ деньги, то они хоть бы по нуждѣ и заплатили, но сочли бы это за немалое притѣсненіе».

2-го мая, англійская депутація выѣхала изъ Большерѣцка «съ принадлежащимъ почтеніемъ и пушечною пальбою». Съ нею отправился на эскадру и Бемъ, который провелъ съ англичанами четверо сутокъ, и при съѣздѣ съ судна на берегъ ему салютовали съ обоихъ судовъ 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

Англичане подарили Бему разныя вещи, вывезенныя изъ посѣщенныхъ ими странъ, квадрантъ и нѣсколько картъ вновь открытыхъ ими острововъ. Онъ передалъ всѣ эти подарки въ Большерѣцкую канцелярію, которая, на основаніи высочайшаго повелѣнія, чтобы всѣ вывозимыя съ островов «курьезныя» вещи доставлялись въ академію, отправила ихъ въ Петербургъ.

5-го іюня, англійская эскадра ушла въ море. Бемъ и Шмалевъ снабдили Клерка указомъ къ нашимъ промышленникамъ на островахъ, чтобы они «старались оказывать [англичанамъ почтеніе и дружество» и обходились съ ними «со всякою благосклонною ласкою». Клеркъ въ письмѣ своемъ къ Бему объяснилъ, что въ апрѣлѣ будущаго года снова придетъ съ эскадрою въ Петропавловскую гавань и просилъ его заготовить къ этому времени нѣсколько штукъ скота, 3 бочки смолы, 2½ пуда нитокъ парусныхъ, 100 иголокъ, 4 куска парусины, 2 троса, 2½ пуда разныхъ гвоздей и 100 березовыхъ плахъ. Бемъ обѣщалъ похлопотать о присылкѣ просимыхъ вещей; но вскорѣ послѣ отплытія эскадры получилъ давно просимую имъ отставку, выѣхалъ въ Иркутскъ, а должность свою сдалъ Шмалеву.

Несмотря на завѣренія англичанъ, что они путешествуютъ съ ученою цѣлью, Шмалевъ не вѣрилъ имъ и убѣждалъ иркутскаго губернатора о скорѣйшей высылкѣ въ Камчатку солдатъ, пушекъ и пороху.

Въ рапортѣ своемъ Шмалевъ, между прочимъ, писалъ: «Хотя мнѣ и предписано, чтобы, въ случаѣ прибытія въ Камчатку иностранцевъ, не допускать ихъ съѣзжать на берегъ болѣе 10-ти человѣкъ, и то для самыхъ необходимыхъ надобностей, но я не встрѣчаю возможности исполнить этого предписанія, потому что всѣ ружья у казаковъ негодныя. Изъ Якутска и Охотска высылаютъ въ Камчатку только тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть употребляемы тамъ въ дѣло. Хорошей артиллеріи и канонировъ также нѣтъ. Всѣ имѣющіяся здѣсь пушки скорѣе сдѣлаютъ вредъ нашей

Первоначальный видъ могилы капитана Клерка въ Петропавловской гавани.

(Съ гравюры конца XVIII столѣтія).

прислугѣ, чѣмъ непріятелю, а канониры вовсе не знаютъ своего дѣла, такъ что при пальбѣ въ высокоторжественные дни рѣдко обходится безъ несчастій. При отбытіи англичанъ изъ Большерѣцка служителя, заряжавшаго пушку, «совсѣмъ разбило».

«Во всей Камчаткѣ и при Чекавинской гавани (гдѣ изъ Охотска приходятъ и вооружаются казенныя суда) по списку состоитъ всѣхъ чиновъ 154 человѣка, въ Нижнекамчатскѣ 96, въ Верхнекамчатскѣ 54; въ Тигильской крѣпости 87, въ Петропавловской гавани 29. Всего во всѣхъ мѣстахъ 398 человѣкъ. Изъ числа этого весною выбываютъ многіе, болѣвшіе цынготною болѣзнью, а и здоровые,

по званію своему, большая половина никакой амуниціи при себѣ, не только чтобъ представить солдата, но и виду того не имѣютъ, а находятся, по большей части, въ собачьихъ и оленьихъ по здѣшнимъ манерамъ одеждахъ, что съ нихъ за недачею мундировъ и не взыскивается. Жалованья получаютъ 4 руб. 28 коп. въ треть, провіанта же по 32¹/₂ фун. въ мѣсяцъ, за достальной и крупу деньгами, за муку по 1 руб. 50 коп., за крупу по 2 руб. за пудъ; а въ партикулярной продажѣ случается отъ 6 до 8 рублей, да и то не во всегдашнее время, почему имъ не только на содержаніе, но и на пропитаніе положеннаго жалованья бываетъ крайне недо-

Возстановленіе Лаперузомъ могилы Клерка въ 1787 году.
(Съ гравюры того времени, Пильемона).

статочно; въ разсужденіи чего, чтобы они пропитаніемъ вовсе лишены и изнуренія отъ крайняго голода имѣть не могли, въ лѣтнія времена для приготовленія на годичное содержаніе рыбныхъ кормовъ отпускаются. А потому къ укрѣпленію и защищенію отъ немирныхъ и иностранныхъ народовъ какъ въ Большерѣцкѣ, такъ и въ Петропавловской гавани крѣпостей завести и построить, такъ какъ оное строеніе должно производить лѣтомъ, времени не бываетъ, а ежели людей отъ приготовленія кормовъ отлучать и всегда въ работы употреблять, въ такомъ случаѣ уже имъ къ пропитанію

никакой надежды не останется, а доведены быть могутъ и до крайняго голоду».

Иркутскій губернаторъ Кличка донесъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ генералъ-прокурору князю Вяземскому, присовокупивъ, что съ вновь назначеннымъ на мѣсто Бема командиромъ Камчатки, коллежскимъ асессоромъ Рейнеке, онъ пошлетъ къ морю подкрѣпленіе, но не надѣется, чтобы Рейнеке могъ прибыть въ Камчатку раньше 1780 года. Что же касается до просимыхъ англичанами матеріаловъ, то онъ выписалъ часть ихъ изъ Москвы съ особымъ нарочнымъ, а тросы приказалъ выслать изъ Енисейска.

На это донесеніе Клички князь Вяземскій отвѣчалъ, 10-го декабря 1779 года, что по докладѣ императрицѣ донесенія о приходѣ въ Камчатку англичанъ ея величество изволила указать, чтобы: 1) выданный Клерку провіантъ и скотъ были приняты на счетъ казны; 2) заготовленный вновь скотъ и другіе припасы также отнести на счетъ казны, ибо за все это заплатитъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ; 3) Камчатку привести въ оборонительный видъ непремѣнно, такъ какъ путь туда сдѣлался уже извѣстенъ иностранцамъ.

Кличка, получивъ такое распоряженіе, предписалъ Рейнеке построить въ Петропавловской гавани редуты; но такъ такъ въ Иркутскѣ не было инженера для этихъ работъ, то губернаторъ командировалъ изъ навигацкой школы сержанта, «знающаго хорошо рисованіе». Съ Рейнеке были отправлены 4 канонира, 3 унтеръ-офицера, 5 пудовъ пороха, 50 пудовъ свинцу и 50 ружей «годныхъ».

Между тѣмъ англійская эскадра, достигнувъ 71 градуса сѣверной широты, встрѣтила громадныя массы льда, и всѣ усилія ея преодолѣть препятствія привели лишь къ тому, что корабль «Discovery» потерпѣлъ значительныя поврежденія. Вслѣдствіе этого, на общемъ собраніи офицеровъ было рѣшено отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и возвратиться назадъ. 13-го августа того же 1779 года, эскадра вновь стала на якорь у Петропавловской гавани. За три дня до прибытія въ Петропавловскъ Клеркъ умеръ, и начальство надъ эскадрой принялъ капитанъ Гора.

Затребованные англичанами въ первое посѣщеніе Камчатки припасы и скотъ были доставлены изъ Охотска въ Петропавловскую гавань 30-го августа на суднѣ «Св. Георгій».

Шмалевъ посѣтилъ эскадру, былъ принятъ Горомъ съ пальбой изъ всѣхъ орудій и затѣмъ участвовалъ въ погребеніи капитана Клерка.

«На сѣверной сторонѣ гавани», доносилъ Шмалевъ, «англичане устроили ему могилу у березоваго дерева, обложили ее дерномъ и обнесли частоколомъ. Самое погребеніе производили при пушечной пальбѣ «по своему закону».

Запасшись провіантомъ и нужными вещами, англійскія суда ушли въ море 1-го октября. Впослѣдствіи за содѣйствіе, оказанное

Памятникъ, сооруженный надъ могилой Клерка въ Петропавловской гавани
(Съ гравюры Чесскаго).

экспедиціи, Бемъ получилъ отъ англійскаго правительства большую серебряную вазу, а Шмалевъ—столовые часы.

Въ 1787 году, Петропавловскую гавань посѣтилъ другой знаменитый мореплаватель, Лаперузъ. Онъ нашелъ крестъ надъ могилой Клерка уже полуобрушившимся, а деревянную доску, прибитую на деревѣ, подъ которымъ былъ погребенъ Клеркъ, сгнившей. Лаперузъ велѣлъ возстановить могилу и прибить вмѣсто деревянной мѣдную доску съ надписью на французскомъ языкѣ о заслугахъ этого мореплавателя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ надъ могилой Клерка былъ поставленъ каменный памятникъ въ видѣ пирамиды, обнесенной рѣшеткой. Памятникъ этотъ сохранился до настоящаго времени.

Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.

Всякій разъ, когда возникаетъ такъ называемый «Восточный вопросъ», въ европейской журналистикѣ поднимается цѣлая буря противъ воображаемыхъ завоевательныхъ плановъ Россіи, при чемъ главнѣйшимъ доказательствомъ существованія подобныхъ плановъ является пресловутое «Завѣщаніе» Петра Великаго, которымъ онъ будто бы завѣщалъ своимъ преемникамъ и русскому народу неуклонно стремиться къ всесвѣтнымъ завоеваніямъ, не пренебрегая для этого никакими средствами. Намъ, русскимъ, очень хорошо извѣстно, что Петръ Великій не оставилъ никакого завѣщанія. Мы знаемъ, что геніальный Преобразователь Россіи, находясь уже въ предсмертной агоніи, хотѣлъ письменно изложить свою послѣднюю волю относительно престолонаслѣдія и потребовалъ аспидную доску и грифель, но слабѣющая рука его начертала лишь нѣсколько неясныхъ словъ, которыя невозможно было разобрать... Мы знаемъ также, что именно отсутствіе завѣщанія Петра дало поводъ къ длинному ряду интригъ, смутъ и переворотовъ при русскомъ дворѣ. Но европейская журналистика въ своихъ инсинуаціяхъ противъ Россіи не хочетъ справляться съ исторіей и до такой степени упорно извращаетъ несомнѣнные историческіе факты, что и русскій государь въ своей бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ въ Ливадіи, и русскій канцлеръ въ своихъ офиціальныхъ депешахъ считаютъ нужнымъ опровергать существованіе

«Завѣщанія» Петра Великаго и называть его «химерой» и «старымъ хламомъ». Мы имѣемъ подъ руками интересную брошюру г. Берхгольца, изданную еще въ 1863 г. въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ: «Napoléon I auteur du testament de Pierre le Grand» (Наполеонъ I, авторъ «Завѣщанія» Петра Великаго). Эта брошюра и другіе источники даютъ намъ возможность прослѣдить: гдѣ, когда и для какихъ цѣлей было сочинено мнимое духовное «Завѣщаніе» Петра Великаго, и какимъ образомъ столь наглая политическая клевета проникла въ европейскую печать.

Въ 1812 году, императоръ Наполеонъ I, вступая въ рѣшительную борьбу съ Россіей, старался увѣрить Европу, что русское правительство, преслѣдуя свою традиціонную политику всемірнаго господства, является вѣчною угрозою европейскимъ государствамъ, которыя изъ чувства самосохраненія должны всѣми мѣрами стремиться къ ослабленію и уничтоженію такого могущественнаго и опаснаго врага. Въ это самое время одинъ изъ французскихъ ученыхъ, состоявшій на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, г. Лезюръ, издалъ въ видѣ довольно толстой книги (слишкомъ 500 страницъ) политическій памфлетъ, озаглавленный слѣдующимъ образомъ: «Des progrès de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siecle». (О возростаніи русскаго могущества съ самаго начала его до XIX столѣтія). Доказательствомъ того, что сочиненіе Лезюра было внушено ему свыше, служитъ свидѣтельство англійскаго генерала сэра Роберта Вильсона, который, въ декабрѣ 1812 года, видѣлъ огромное количество экземпляровъ этой книги въ квартирѣ французскаго министра иностранныхъ сношеній арміи, герцога Бассано. Вильсонъ въ своихъ запискахъ (Private Diary. London. 1861. T. I, p. 257) прямо утверждаетъ, что памфлетъ Лезюра былъ изданъ по распоряженію французскаго правительства (under the immediate superintendence of French goverпement) и называетъ его «непоправимой неловкостью» и «послѣднимъ проявленіемъ русскихъ заблужденій (erreurs russes) Наполеона I». Въ книгѣ Лезюра мы въ первый разъ встрѣчаемся съ «Завѣщаніемъ» Петра Великаго, при чемъ поддѣлка эта сопровождается такимъ примѣчаніемъ:

«Увѣряютъ (on assure), что въ домашнемъ архивѣ русскихъ императоровъ хранятся секретныя записки, писанныя собственноручно Петромъ I, гдѣ откровенно (sans detours) изложены планы этого государя, которые онъ поручаетъ (recommande) вниманію своихъ преемниковъ, и которымъ многіе изъ нихъ, дѣйствительно, слѣдовали съ твердостью, можно сказать, религіозной (avec une

persistance pour ainsi dire réligieuse). Вотъ сущность (le resumé) этихъ плановъ».

Такимъ образомъ, изъ примѣчанія оказывается, что въ книгѣ Лезюра сообщенъ не текстъ документа, а только сущность его. Эта сущность заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 14 пунктовъ:

«1) Ничѣмъ не пренебрегать для освоенія русскаго народа съ европейскими формами и обычаями, и въ этихъ видахъ приглашать изъ Европы (engager les différentes cours) различныхъ людей, особенно ученыхъ, которые, ради ли выгодъ, или изъ человѣколюбивыхъ принциповъ философіи, или же по другимъ еще побужденіямъ, способствовали бы достиженію этой цѣли.

«2) Поддерживать государство въ системѣ непрерывной войны, для того, чтобы закалить солдата въ бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности къ выступленію по первому знаку.

«3) Всевозможными средствами расширять свои предѣлы къ сѣверу, вдоль Балтійскаго моря, и къ югу, вдоль Чернаго моря, для чего:

«4) Поддерживать въ Англіи, Даніи и Бранденбургѣ недоброжелательство къ Швеціи, чрезъ что эти державы будутъ сквозь пальцы смотрѣть на захваты, какіе можно будетъ дѣлать въ этой странѣ, и на окончательное ея покореніе.

«5) Заинтересовать Австрійскій домъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы; подъ этимъ предлогомъ содержать постоянную армію и основывать по берегамъ Чернаго моря верфи, постоянно подвигаясь впередъ къ Константинополю.

«6) Поддерживать безначаліе въ Польшѣ, вліять на ея сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, покорить.

«7) Заключить тѣсный союзъ съ Англіею и поддерживать съ нею прямыя отношенія посредствомъ хорошаго торговаго договора; позволить ей даже пользоваться нѣкотораго рода монополіею внутри страны, что незамѣтнымъ образомъ послужитъ къ сближенію между торговцами и моряками англійскими и русскими, которые, съ своей стороны, всѣми мѣрами станутъ благопріятствовать усовершенствованію и увеличенію русскаго флота, при помощи котораго надлежитъ тотчасъ же добиться господства надъ Балтійскимъ и Чернымъ морями—это существенное условіе для успѣшнаго и скораго выполненія этого плана.

«8) Онъ совѣтуетъ всѣмъ своимъ преемникамъ проникнуться тою истиною, что индійская торговля есть торговля міровая и что тотъ, у кого исключительно она будетъ въ рукахъ, станетъ и истиннымъ властителемъ Европы, что поэтому не слѣдуетъ терять ни одного удобнаго случая къ возбужденію войнъ съ Персіею и къ ускоренію ея вырожденія: надлежитъ углубиться до Персидскаго залива и озаботиться возстановленіемъ прежней левантской торговли черезъ Сирію.

«9) Вмѣшиваться, не взирая ни на что, силою или хитростію, въ распри Европы и особенно Германіи и для того:

«10) Заискивать и поддерживать союзъ съ Австріею, убаюкивать ее любимою ея мыслію о преобладаніи, пользоваться малѣйшимъ на нее

вліяніемъ къ вовлеченію ея въ разорительныя войны, съ цѣлію постепеннаго ея ослабленія, временами даже помогать ей, а между тѣмъ втайнѣ создавать ей враговъ въ Европѣ и особенно въ Германіи, возбуждая въ государяхъ къ ней зависть и недовѣріе.

«11) Въ супруги русскимъ великимъ князьямъ избирать германскихъ принцессъ и путемъ родственныхъ отношеній и выгодъ умножать союзы для увеличенія русскаго вліянія въ этой имперіи.

«12) Пользоваться религіознымъ вліяніемъ на греко-восточныхъ отщепенцевъ (sur les grecs désunis) или схизматиковъ, распространенныхъ въ Венгріи, Турціи и южныхъ частяхъ Польши, привлекать ихъ къ себѣ всевозможными прельщеніями (par toutes les voies cartieuses), называться ихъ покровителями и добиваться духовнаго надъ ними главенства. Подъ этимъ предлогомъ и этимъ путемъ Турція будетъ покорена, и сама Польша, не имѣя уже возможности поддерживать себя ни собственными силами, ни своими политическими связями, точно также скоро подпадетъ подъ иго.

«13) Тогда каждая минута будетъ дорога. Необходимо втайнѣ подготовить всѣ средства для нанесенія сильнаго удара, дѣйствовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европѣ времени придти въ себя. Надлежитъ начинать чрезвычайно осмотрительно, съ отдѣльнаго предложенія сперва Версальскому двору, потомъ Вѣнскому, относительно раздѣла между собою власти надъ всѣмъ міромъ, давая имъ въ то же время замѣтить, что это предложеніе не можетъ казаться имъ подозрительнымъ, ибо Россія de facto—уже повелительница всего Востока, и, кромѣ этого титула, болѣе ничего не выигрываетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ проектъ не преминетъ увлечь ихъ и вызоветъ между ними войну на смерть, которая вскорѣ сдѣлается всеобщею, вслѣдствіе обширныхъ связей и сношеній этихъ двухъ соперничествующихъ дворовъ, естественно враждебныхъ другъ къ другу, а равно вслѣдствіе того участія, которое по необходимости примутъ въ этой распрѣ всѣ другіе европейскіе дворы.

«14) Среди этого всеобщаго ожесточенія, къ Россіи будутъ обращаться за помощію то та, то другая изъ воюющихъ державъ, и, послѣ долгаго колебанія—дабы онѣ успѣли обезсилить другъ друга — и собравшись сама съ силами, она для виду должна будетъ наконецъ высказаться за Австрійскій домъ. Пока ея линейныя войска будутъ подвигаться къ Рейну, она вслѣдъ за тѣмъ вышлетъ свои несмѣтныя азіатскія орды. И лишь только послѣднія углубятся въ Германію, какъ изъ Азовскаго моря и Архангельскаго порта выйдутъ съ такими же ордами два значительные флота, подъ прикрытіемъ (sous le convoi) вооруженныхъ флотовъ, черноморскаго и балтійскаго. Они внезапно появятся въ Средиземномъ морѣ и Океанѣ для высадки этихъ кочевыхъ, свирѣпыхъ и жадныхъ до добычи народовъ, которые наводнятъ Италію, Испанію и Францію; одну часть ихъ жителей истребятъ, другую уведутъ въ неволю для заселенія сибирскихъ пустынь и отнимутъ у остальныхъ всякую возможность къ сверженію ига. Всѣ эти диверсіи дадутъ тогда полный просторъ регулярной арміи дѣйствовать со всею силою, съ полнѣйшею увѣренностію въ побѣдѣ и въ покореніи остальной Европы».

Вникнувъ въ сущность плановъ Петра Великаго, сообщаемыхъ Лезюромъ, читатель, полагаемъ, убѣдится, что первые 11-ть пунктовъ представляютъ не что иное, какъ сжатое и относительно вѣрное изложеніе политической системы, которой слѣдовало русское правительство въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и войнахъ со времени кончины Петра Великаго до 1812 года. Подобное обстоятельство указываетъ, что, при сочиненіи этихъ пунктовъ, авторъ справлялся съ исторіей, хотя и передѣлалъ ее сообразно съ своими взглядами; въ пунктахъ же 12, 13 и 14, гдѣ ему уже нельзя было руководствоваться событіями, совершившимся до 1812 года, онъ прибѣгаетъ къ помощи воображенія и въ общихъ чертахъ ставитъ конечной цѣлью плановъ Петра Великаго—завоеваніе всей Европы и господство Россіи надъ всѣмъ міромъ. Въ совѣтахъ, будто бы даваемыхъ при этомъ Петромъ его преемникамъ, говорится о «несмѣтныхъ азіатскихъ ордахъ» (nuée de hordes asiatiques), которыя должны слѣдовать за регулярными войсками при ихъ вторженіи въ Европу, о «свирѣпыхъ и жадныхъ до добычи кочующихъ народахъ» (peuples nomades féroces et avides de butin), которыми нужно наводнить Францію, Италію и Испанію, чтобы они, «истребивъ одну половину жителей, увели другую въ неволю для населенія сибирскихъ пустынь» и т. п. Вообще, высокопарный, декламаторскій слогъ, которымъ изложена сущность «Завѣщанія» Петра Великаго, плохо вяжется съ серьезнымъ и ученымъ тономъ всей книги Лезюра и невольно наводитъ на мысль, что эта часть памфлета написана другой рукой и только включена въ его трудъ.

Книга Лезюра, надѣлавшая въ свое время довольно шума, была наконецъ забыта, какъ и все на свѣтѣ, и послѣ нея, до 1836 года, мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ иностранной литературѣ упоминанія о «Завѣщаніи» Петра Великаго. Въ 1836 году, въ Парижѣ появилось сочиненіе подъ такимъ заманчивымъ заглавіемъ: Mémoires du chevalier d'Eon, publiées pour la première fois sur ses papiers, fournis par sa famille et d'après les matériaux authentiques deposés aux archives des affaires étrangères. Par Frederic Gaillardet, auteur de la Tour de Nesle» (Записки кавалера д'Еона, напечатанныя въ первый разъ по его бумагамъ, сообщеннымъ его родственниками, и по достовѣрнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Соч. Фридриха Гальярде, автора «Несльской башни»). Сочиненіе это, имѣвшее по внѣшности всю обстановку достовѣрныхъ историческихъ мемуаровъ, но наполненное вымыслами и анахронизмами, быстро разошлось въ продажѣ, благодаря интересу публики къ загадочной личности кавалера д'Еона. Въ книгѣ

Гальярде мы находимъ уже настоящій текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго, вывезеннаго будто бы въ «точной» копіи д'Еономъ изъ Россіи, и притомъ въ редакціи, отличающейся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ сущности этого документа, переданной въ сочиненіи Лезюра.

Извѣстно, что въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны кавалеръ д'Еонъ состоялъ съ 1755 по 1760 годъ при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и игралъ роль тайнаго дипломатическаго агента короля Людовика XV при русскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ шпіона, приставленнаго къ французскому посланнику [1]). Гальярде, не упоминая ни слова о книгѣ Лезюра, слѣдующимъ образомъ объясняетъ появленіе текста «Завѣщанія» Петра Великаго въ рукахъ д'Еона.

«Въ 1757 году», говорилъ онъ, «кавалеръ д'Еонъ привезъ (въ Парижъ) драгоцѣнный документъ, открытый имъ, благодаря его тѣсной безграничной дружбѣ (съ императрицей) и безконтрольнымъ изысканіямъ (intimité sans bornes et à ses investigations sans contrôle) въ самыхъ секретнѣйшихъ царскихъ архивахъ. Документъ этотъ, о которомъ съ тѣхъ поръ заговорилъ весь свѣтъ, существованіе котораго было извѣстно, но котораго никто ни могъ достать или списать, былъ тайно врученъ д'Еономъ, вмѣстѣ съ спеціально написаннымъ имъ сочиненіемъ о Россіи, министру иностранныхъ дѣлъ аббату Берни и королю Людовику XV. Это, по словамъ д'Еона, буквально вѣрная копія съ завѣщанія, оставленнаго Петромъ Великимъ его потомкамъ и преемникамъ на тронѣ».

Итакъ, авантюристъ, носившій то женское, то мужское платье и долго считавшійся гермафродитомъ, мелкій дипломатическій агентъ-шпіонъ французскаго правительства при французскомъ же посланникѣ пользуется «тѣсной, безграничной дружбой» русской императрицы, получаетъ доступъ въ «секретнѣйшіе царскіе архивы», не зная русскаго языка, «безконтрольно» роется въ нихъ, отыскиваетъ актъ, который долженъ бы считаться величайшей государственной тайной, снимаетъ съ него «точную копію» и привозитъ ее во Францію для врученія королю. Какъ много во всемъ этомъ правдоподобія!

Политическая программа, которую Петръ Великій завѣщаетъ, устами кавалера д'Еона, своимъ преемникамъ, заключается такъ

---

[1]) Біографія кавалера д'Еона, написанная по новѣйшимъ источникамъ Е. П. Карновичемъ, напечатана въ 7-й кн. сборника «Древняя и Новая Россія» 1875 г.

же, какъ и у Лезюра, въ 14 пунктахъ, но ей уже приданъ видъ торжественнаго и несомнѣннаго акта — «Завѣщанія» (названіе, которое съ тѣхъ поръ и удержалось за нимъ), посредствомъ такого вступленія: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы, мы, Петръ, императоръ и самодержецъ всероссійскій, всѣмъ нашимъ потомкамъ и преемникамъ на престолѣ и правительству русской націи и проч., и проч.». За вступленіемъ слѣдуютъ пункты съ изложеніемъ совѣтовъ:

I.

«Поддерживать русскій народъ въ состояніи непрерывной войны, чтобы солдатъ былъ закаленъ въ бою и не зналъ отдыха: оставлять его въ покоѣ только для улучшенія финансовъ государства, для переустройства арміи и для того, чтобы выждать удобное для нападенія время. Такимъ образомъ, пользоваться миромъ для войны и войною для мира, въ интересахъ расширенія предѣловъ и возрастающаго благоденствія Россіи.

II.

«Вызывать всевозможными средствами изъ наиболѣе просвѣщенныхъ странъ военачальниковъ во время войны и ученыхъ во время мира, для того, чтобы русскій народъ могъ воспользоваться выгодами другихъ странъ, ничего не теряя изъ своихъ собственныхъ.

III.

«При всякомъ случаѣ вмѣшиваться въ дѣла и распри Европы, особенно Германіи, которая, какъ ближайшая, представляетъ болѣе непосредственный интересъ.

IV.

Раздѣлять Польшу, поддерживая въ ней смуты и постоянные раздоры, сильныхъ привлекать на свою сторону золотомъ, вліять на сеймы, подкупать ихъ для того, чтобы имѣть вліяніе на выборы королей, проводить на этихъ выборахъ своихъ сторонниковъ, оказывать имъ покровительство, вводить туда русскія войска и временно оставлять ихъ тамъ, пока не представится случая оставить ихъ тамъ окончательно. Если же сосѣднія государства станутъ создавать затрудненія, то ихъ успокоивать временнымъ раздробленіемъ страны, пока нельзя будетъ отобрать назадъ то, что было имъ дано.

V.

«Дѣлать возможно большіе захваты у Швеціи и искусно вызывать съ ея стороны нападенія, дабы имѣть предлогъ къ ея покоренію. Для этого изолировать ее отъ Даніи и Данію отъ Швеціи и заботливо поддерживать между ними соперничество.

VI.

«Въ супруги къ русскимъ великимъ князьямъ всегда избирать германскихъ принцессъ для того, чтобы умножать родственные союзы, сбли-

жать интересы и, увеличивая въ Германіи наше вліяніе, тѣмъ самымъ привязать ее къ нашему дѣлу.

VII.

Преимущественно добиваться союза съ Англіею, въ видахъ торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболѣе нуждается въ насъ и которая можетъ быть наиболѣе полезною для нашего флота. Обмѣнивать нашъ лѣсъ и другія произведенія на ея золото и установить между ея и нашими торговцами и моряками постоянныя сношенія, которыя пріучатъ нашихъ къ торговлѣ и мореплаванію.

VIII.

«Неустанно расширять свои предѣлы къ сѣверу и къ югу, вдоль Чернаго моря.

IX.

Возможно ближе придвигаться къ Константинополю и Индіи. Обладающій ими будетъ обладателемъ міра. Съ этою цѣлью возбуждать постоянныя войны то противъ турокъ, то противъ персовъ, основывать верфи на Черномъ морѣ, мало-по-малу овладѣвать какъ этимъ моремъ, такъ и Балтійскимъ—ибо то и другое необходимо для успѣха плана—ускорить паденіе Персіи, проникнуть до Персидскаго залива, возстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта черезъ Сирію и достигнуть Индіи, какъ мірового складочнаго пункта. По овладѣніи ею, можно обойтись и безъ англійскаго золота.

X.

«Заискивать и старательно поддерживать союзъ съ Австріею, поощрять для виду ея замыслы о будущемъ господствѣ надъ Германіею, а втайнѣ возбуждать противъ нея недоброжелательство въ государяхъ. Стараться, чтобы тѣ и другіе обращались за помощью къ Россіи и установить надъ страною нѣчто въ родѣ покровительства съ цѣлью подготовленія будущаго господства надъ нею.

XI.

«Заинтересовать Австрійскій домъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы, а по овладѣніи Константинополемъ нейтрализовать его зависть, или возбудивъ противъ него войну, или давъ ему часть изъ завоеваннаго, съ тѣмъ, чтобы позднѣе отобрать это назадъ.

XII.

«Привлечь на свою сторону и соединить вокругъ себя всѣхъ греко-восточныхъ отщепенцевъ (grecs desunis) или схизматиковъ, распространенныхъ въ Венгріи, Турціи и южной Польшѣ, сдѣлаться ихъ средоточіемъ и опорою и предуготовить всеобщее преобладаніе надъ ними посредствомъ установленія какъ бы духовнаго главенства: будетъ столько друзей, сколько окажется у каждаго изъ ея враговъ (ce seront autant d'amis qu'on aura chez chacun de ses ennemis).

XIII.

«Когда Швеція будетъ раздроблена, Персія побѣждена, Польша покорена, Турція завоевана, арміи соединены, Черное и Балтійское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежитъ подъ великою тайной предложить сперва Версальскому двору, а потомъ Вѣнскому, раздѣлить власть надъ вселенною. Если который-либо изъ нихъ, обольщаемый честолюбіемъ и самолюбіемъ, приметъ это предложеніе—что неминуемо и случится,—то употребить его на погибель другого, а потомъ уничтожить и уцѣлѣвшаго, начавъ съ нимъ борьбу, въ исходѣ которой сомнѣваться уже будетъ нельзя, ибо Россія въ то время уже будетъ обладать всѣмъ Востокомъ и большею частію Европы.

XIV.

«Если, паче чаянія, тотъ и другой откажутся отъ предложенія Россіи, то надлежитъ искусно возжечь между ними распрю и истощить ихъ во взаимной борьбѣ. Тогда Россія, воспользовавшись рѣшительною минутою, должна устремить свои заранѣе собранныя войска на Германію и одновременно съ этимъ выслать два значительные флота, одинъ изъ Азовскаго моря, другой изъ Архангельска, съ своими азіатскими ордами, подъ прикрытіемъ (sous le convoi) вооруженныхъ флотовъ Черноморскаго и Балтійскаго. Выйдя въ Средиземное море и Океанъ, онѣ наводнятъ съ одной стороны Францію, съ другой Германію, и когда обѣ эти страны будутъ побѣждены, то остальная Европа уже легко и безъ всякаго сопротивленія подпадетъ подъ иго.

«Такъ можно и должно будетъ покорить Европу».

Сличеніе текстовъ «Завѣщанія» Петра Великаго, сообщеннаго Лезюромъ и д'Еономъ, приводитъ, по крайней мѣрѣ насъ, къ заключенію, что, несмотря на разницу въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, они тождественны между собою, и что одинъ изъ нихъ есть не болѣе, какъ передѣлка другого. Въ обоихъ излагаются одни и тѣ же взгляды на политику Россіи, большею частью, въ выраженіяхъ буквально-схожихъ, при чемъ событія совершившіяся пріурочиваются къ этимъ взглядамъ довольно ловко; тамъ же, гдѣ приходится говорить о будущемъ, оба автора даютъ полный просторъ своей фантазіи, развиваютъ невѣроятные и несбыточные планы, обнаруживаютъ совершенное незнаніе дѣйствительныхъ національныхъ интересовъ русскаго государства, преподаютъ отъ имени Петра Великаго самые нелѣпые совѣты и влагаютъ ему въ уста фразы въ родѣ «hordes asiatiques» или «peuples nomades, féroces et avides de butin» и т. п. Вообще, поддѣлка «Завѣщанія» Петра Великаго настолько неискусна и очевидна, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія и можетъ вводить въ заблужденіе только тѣхъ, къ сожалѣнію, довольно многочислен-

ныхъ, иностранныхъ публицистовъ, которые пишутъ о Россіи, вовсе не зная ея исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ поддѣлка эта даетъ отличный матеріалъ тѣмъ враждебнымъ нашему отечеству писателямъ, которые хотя и обладаютъ достаточными знаніями, но берутся за перо съ предвзятой мыслью— клеветать на Россію и ея правительство.

Въ доказательство послѣдняго приведемъ примѣръ. Извѣстный многими сочиненіями о Польшѣ польскій историкъ Леонардъ Ходзько предпринялъ въ 1839 году на французскомъ языкѣ популярное иллюстрированное изданіе, подъ заглавіемъ: «La Pologne historique, litteraire, monumental et illustrée» (Польша историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная). Въ первомъ же выпускѣ этого тенденціознаго сочиненія Ходзько перепечаталъ изъ книги Гальярде текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго, снабдивъ его, разумѣется, своими разсужденіями и умозаключеніями. Мало того, онъ не затруднился даже сдѣлать къ нему такое добавленіе:

«Петръ I набросалъ проектъ своего завѣщанія въ 1709 году, послѣ сраженія подъ Полтавой, и исправилъ и дополнилъ его въ 1724 году. Благодаря случаю, сопряженному съ романическими приключеніями, о которыхъ здѣсь неумѣстно разсказывать, французскій посланникъ при дворѣ императрицы Елисаветы нашелъ возможность, въ 1757 году, снять копію съ этого страннаго (étrange) документа и немедленно отослалъ его версальскому кабинету.

Такимъ образомъ, чтобы придать поддѣлкѣ еще болѣе видъ достовѣрнаго историческаго акта, Ходзько обозначаетъ не только года, но и обстоятельства, при которыхъ онъ будто бы былъ составленъ, и приписываетъ честь добытія этого «страннаго» документа «французскому посланнику», преднамѣренно умалчивая о кавалерѣ д'Еонѣ, такъ какъ имя этого авантюриста могло внушить сомнѣнія серьезнымъ читателямъ.

«Иллюстрированная Польша» имѣла нѣсколько изданій и сдѣлалась главнѣйшимъ источникомъ множества перепечатокъ «Завѣщанія» Петра Великаго, расплодившихся особенно во время Крымской кампаніи. Нѣкоторые иностранные доброжелатели Россіи ограничились простымъ воспроизведеніемъ «Завѣщанія» безъ всякихъ комментаріевъ; но нашлись и такіе, которые не могли отказать себѣ въ удовольствіи кое-что присочинить къ этой поддѣлкѣ. Такъ, нѣкто г. Корреадоръ, пользующійся репутаціей дѣльнаго военнаго писателя, напечаталъ въ 1854 году по-французски «Карту уве-

личенія Россіи со времени Петра I до нашихъ дней». Въ примѣчаніяхъ къ картѣ Корреадоръ напечаталъ «Завѣщаніе» Петра Великаго и прибавилъ къ нему слѣдующій варіантъ:

«Это политическое завѣщаніе было набросано Петромъ I въ 1710 году, послѣ сраженія подъ Полтавой, исправлено имъ въ 1722 году, послѣ Ништадтскаго мира и окончательно редактировано (formulé) канцлеромъ Остерманомъ».

Кто же былъ авторомъ поддѣльнаго духовнаго «Завѣщанія» Петра Великаго?

Г. Берхгольцъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно:— Наполеонъ I, и даетъ своей брошюрѣ заглавіе: «Napoléon I auteur du testament de Pierre le Grand». Цитуя нѣсколько выписокъ изъ «Souvenirs contemporains de Villemain», «Mémoires du comte Mollin», «Méssage au senat conservateur» и «Mémorial de St. Hélène», изъ которыхъ видно, что взгляды, высказанные Наполеономъ при разныхъ случаяхъ на политику Россіи, очень схожи съ выраженными въ поддѣльномъ «Завѣщаніи» Петра Великаго, г. Берхгольцъ, основываясь на этомъ, дѣлаетъ слѣдующій окончательный выводъ:

«Эти цитаты, которыхъ мы могли бы извлечь множество, намъ кажется, достаточно доказываютъ поразительное сходство между взглядами на вещи Наполеона I и выраженными въ документѣ, напечатанномъ г. Лезюромъ. И тутъ, и тамъ—тѣ же общія мысли, тѣ же заключенія, а въ мѣстахъ, гдѣ біографы цитуютъ собственныя слова императора, тѣ же образы, тѣ же выраженія, которыя можно найти и въ рѣчахъ Наполеона, и въ документахъ, диктованныхъ имъ. Къ числу послѣднихъ мы смѣло относимъ и «Завѣщаніе» Петра Великаго, которое по формѣ и содержанію доказываетъ каждому, не желающему преднамѣренно ослѣпляться, что сочинителемъ его былъ не кто иной, какъ Наполеонъ I».

Доказательства г. Берхгольца очень остроумны, но не совсѣмъ убѣдительны. Мы попробуемъ высказать наше мнѣніе о происхожденіи «Завѣщанія» Петра Великаго, не дѣлая, подобно автору брошюры «Napoléon I auteur du testament de Pierre le Grand», рѣшительныхъ приговоровъ.

Въ 1870 году, Гальярде выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе мемуаровъ кавалера д'Еона подъ измѣненнымъ заглавіемъ: «Mémoires sur la chevalière d'Eon. La verité sur les mystères de sa vie d'après des documents anthentiques, suivis de douze lettres inédites de Beaumarchais. Par F. Gaillardet, l'un des auteurs de la Tour de Nesle, ex-éditeur redacteur en chef du «Courrier des Etats-Unis» (Записки о кавалершѣ д'Еонъ. Правда о тайнахъ ея жизни по до-

стовѣрнымъ документамъ, съ присоединеніемъ двѣнадцати неизданныхъ писемъ Бомарше. Соч. Ф. Гальярде, одного изъ авторовъ «Нельской башни» и бывшаго издателя и главнаго редактора «Вѣстника Соединенныхъ Штатовъ»). Это второе изданіе такъ существенно разнится отъ перваго, появившагося въ 1836 году, что его можно признать за совершенно новое сочиненіе. Въ предисловіи Гальярде прямо и откровенно сознается въ тѣхъ вымыслахъ и мистификаціяхъ, которые онъ позволилъ себѣ сдѣлать въ первомъ изданіи.

«Уроженецъ мѣстности», говоритъ онъ, «гдѣ провелъ большую часть своей молодости кавалеръ д'Еонъ и гдѣ еще существуютъ нѣкоторые члены его фамиліи, я получилъ отъ послѣднихъ, въ 1835 году, нѣсколько манускриптовъ, печатныхъ произведеній и разныхъ бумагъ, которые имъ достались въ наслѣдство отъ ихъ загадочнаго родственника. Затѣмъ я выхлопоталъ себѣ черезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ герцога Брольи и директора канцеляріи г. Милье право разсмотрѣть въ архивѣ министерства всѣ бумаги, относящіяся къ продолжительному періоду времени политической дѣятельности кавалера д'Еона. Я нашелъ здѣсь драгоцѣнные документы, въ первый разъ опубликованные мною въ мемуарахъ, изданныхъ въ 1836 году. Но мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ и я только что написалъ вмѣстѣ съ Александромъ Дюма драму «La Tour de Nesle». Я бредилъ мрачными тайнами, трагическими любовными похожденіями и сложными интригами. Жизнь кавалера д'Еона въ томъ видѣ, въ какомъ она выяснилась изъ прочитанныхъ мною бумагъ, казалась мнѣ слишкомъ обыкновенною и, по моему убѣжденію, должна была имѣть стороны, не поддающіяся изысканіямъ и тщательно скрытыя... Мое воображеніе работало, и въ итогѣ вышло, что сочиненіе мое составилось изъ двухъ элементовъ: достовѣрнаго и выдуманнаго, романическаго».

Послѣ такого признанія Гальярде увѣряетъ, что второе, заново передѣланное имъ, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ, изданіе мемуаровъ д'Еона является совершенно очищеннымъ отъ всякаго вымысла и основаннымъ единственно на строгой исторической истинѣ (stricte vérité historique). Въ этомъ заново передѣланномъ и «основанномъ на строгой исторической истинѣ» изданіи, которое, дѣйствительно, подкрѣпляется массой документовъ и писемъ, мы опять встрѣчаемъ текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго безъ всякихъ перемѣнъ. Мало того, Гальярде въ предисловіи ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ «первый обнародовалъ этотъ «знаменитый» доку-

ментъ» (j'ai été le premier à mettre au jour la copie de cet fameux testament).

Не морочитъ ли опять Гальярде довѣрчивую публику? Не повторяетъ ли онъ снова на шестомъ десяткѣ своего возроста ту же мистификацію, которую совершилъ въ молодости, имѣя всего двадцать пять лѣтъ, когда его воображеніе «сильно работало»? Дѣйствительно ли очистилъ онъ свое сочиненіе отъ вымысловъ и не является ли оно новымъ плодомъ его пылкой фантазіи, вторичнымъ сборникомъ небывалыхъ событій и разнаго рода поддѣлокъ? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Кавалеръ д'Еонъ представляетъ собою полнѣйшій типъ авантюриста прошлаго столѣтія, всегда готоваго, безъ разбора, браться за все: и за перо, и за шпагу, и за дипломатію, и за грязную интригу и, наконецъ, надѣть женскую юбку, когда это обѣщаетъ ему какія-нибудь выгоды. Онъ началъ свою карьеру литературой. Первымъ его произведеніемъ было надгробное слово графинѣ де-Пентьевръ, затѣмъ онъ написалъ: «Essai historique sur les différentes situations de la France par rapport aux finances» (Историческій опытъ о разныхъ положеніяхъ Франціи въ отношеніи финансовъ) и два тома «Considérations politiques sur l'administration des peuples anciens et modernes» (Политическія соображенія объ управленіи древнихъ и новыхъ народовъ). Мы не знаемъ этихъ сочиненій и не можемъ судить о нихъ, но полагаемъ, что двадцатишестилѣтній авторъ, не имѣвшій серіозной научной подготовки, долженъ былъ имѣть большую смѣлость, чтобы трактовать въ нѣсколькихъ томахъ о такихъ сложныхъ и спеціальныхъ предметахъ, какъ финансы Франціи и управленіе у древнихъ и новыхъ народовъ. Какъ бы то ни было, сочиненія эти ввели его въ кружокъ тогдашнихъ писателей и доставили ему знакомство и покровительство нѣкоторыхъ французскихъ вельможъ, любившихъ въ то время меценатствовать. Черезъ нихъ онъ сблизился съ принцемъ Конти и былъ рекомендованъ послѣднимъ королю, какъ способный и ловкій молодой человѣкъ, когда Людовику XV понадобилось въ 1755 году отправить въ Россію, вмѣстѣ съ официальнымъ резидентомъ, кавалеромъ Дугласомъ, тайнаго агента, чтобы завязать съ императрицею Елисаветою Петровной прямыя, такъ сказать, интимныя сношенія и въ то же время секретно доносить королю о дѣйствіяхъ его представителя при русскомъ дворѣ. Въ инструкціи, данной Дугласу и д'Еону, имъ поручалось, кромѣ дипломатическихъ обязанностей, тайно собрать свѣдѣнія о политическомъ, военномъ и финансовомъ состояніи Россіи, о ея настоящихъ и будущихъ видахъ

на Польшу, о намѣреніяхъ относительно Швеціи и Турціи, о расположеніи императрицы и ея министровъ къ Франціи, Англіи и Германіи, о склонности русскаго правительства къ войнѣ, или миру, о преданности малороссійскихъ казаковъ, о партіяхъ, раздѣлявшихъ петербургскій дворъ, и т. д. [1]). Читая эту инструкцію, нельзя не замѣтить страннаго совпаденія: почти на всѣ задаваемые ею вопросы мы находимъ отвѣтъ въ поддѣльномъ «Завѣщаніи» Петра Великаго.

Посылка въ Россію открывала д'Еону, вмѣсто литературной, политическую карьеру. Это первое дипломатическое порученіе, полученное имъ столь неожиданно, разомъ давало ему положеніе при дворѣ и ставило его въ непосредственныя отношенія къ королю, а удачное исполненіе сулило впереди заманчивую дорогу почестей и наградъ. Понятно, что, находясь въ Россіи въ роли тайнаго агента, онъ всячески старался зарекомендовать себя передъ своимъ правительствомъ и выказать свою ловкость и дипломатическія способности. Красивый, неглупый, д'Еонъ скоро втерся въ домъ вице-канцлера графа Воронцова и другихъ русскихъ вельможъ, былъ принятъ ко двору, узнавалъ, разспрашивалъ, интересуясь, конечно, болѣе всего политическими вопросами. Доказательствомъ, что онъ желалъ ознакомиться съ Россіей и собиралъ о ней свѣдѣнія, служитъ довольно объемистое сочиненіе, представленное имъ королю и напечатанное впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Историческія и статистическія замѣтки о русскомъ государствѣ», гдѣ говорится понемногу обо всемъ: и о русской торговлѣ, и о русскомъ тарифѣ, и о распоряженіяхъ Петра Великаго относительно монашествующихъ, и о трактатахъ Россіи съ Англіей, и о судьбѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны, и т. д. Все это написано бойкимъ, самоувѣреннымъ тономъ, наполнено, разумѣется, разнымъ вздоромъ и ложными взглядами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторую наблюдательность.

Въ 1757 году, Дугласу удалось убѣдить петербургскій кабинетъ вступить въ союзъ съ Франціей, направленный противъ Пруссіи. Успѣшному исходу переговоровъ много содѣйствовалъ д'Еонъ, что засвидѣтельствовано и самимъ Дугласомъ въ донесеніяхъ его министру иностранныхъ дѣлъ. Д'Еонъ былъ отправленъ въ Парижъ, чтобы вручить Людовику XV договоръ, подписанный русской императрицей. Эта поѣздка давала ему возможность лично объяснить

---

[1]) Инструкція эта напечатана г. Бутарикомъ въ изданной имъ «Correspondance secrète, inédite de Louis XV». Paris. 1866. T. I. P. 204 и слѣд.

королю свою дипломатическую дѣятельность въ Россіи, увѣнчавшуюся успѣхомъ, который онъ исключительно приписывалъ себѣ. Есть основанія предполагать, что уже въ это время д'Еонъ мечталъ о постѣ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, постѣ, котораго онъ и добился въ 1762 году, хотя, впрочемъ, всего лишь на нѣсколько дней, такъ какъ назначеніе его было отмѣнено по случаю переворота, происшедшаго въ Петербургѣ. Достиженію этой цѣли, столь льстившей его самолюбію, могли препятствовать его молодость и неопытность, а потому ему необходимо было выставить себя передъ королемъ и министрами въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, вселить въ нихъ увѣренность въ своихъ дипломатическихъ способностяхъ и представить свое пребываніе въ Россіи плодотворнымъ и важнымъ для французскаго правительства. Онъ поднесъ королю свое сочиненіе о Россіи, какъ наглядное свидѣтельство того, что основательно изучилъ эту страну. Но все это могло казаться д'Еону еще недостаточнымъ для осуществленія его затаенной мечты. Въ его интересахъ было предъявить какой-нибудь необыкновенный подвигъ, ярко рисующій его ловкость, усердіе, умѣніе пользоваться людьми и обстоятельствами, его обширныя связи при петербургскомъ дворѣ, благодаря которымъ для него все достижимо, даже сокровеннѣйшіе тайники русской политики. Вотъ, по нашему мнѣнію, источникъ происхожденія поддѣльнаго духовнаго «Завѣщанія» Петра Великаго, и мы вполнѣ увѣрены, что авторомъ его былъ некто иной, какъ кавалеръ д'Еонъ. Сочиненіе подобнаго акта не представляло для него трудностей. Два года вращаясь при дворѣ дочери Петра I, окружившей себя чисто русскими людьми, которые чтили память ея великаго отца и старались во всемъ слѣдовать его предначертаніямъ, д'Еонъ безпрестанно долженъ былъ слышать разсужденія о политикѣ и планахъ Преобразователя Россіи, дѣйствительно какъ бы завѣщанныхъ имъ своимъ преемникамъ, потому что они были основаны на глубокомъ пониманіи національныхъ интересовъ. Д'Еонъ, разумѣется, не могъ уяснить ихъ себѣ, онъ схватилъ, такъ сказать, только внѣшность, перетолковалъ ее по-своему и изложилъ, дополнивъ, съ отличавшей его самонадѣянностью, своими домыслами и предсказаніями. Для лучшей мистификаціи поддѣлки онъ счелъ не лишнимъ придать ей офиціальный видъ начальными словами: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы, мы, Петръ, и т. д.». Однако, несмотря на это, поддѣлка была настолько очевидна и личность д'Еона внушала такъ мало довѣрія, что французское правительство отнеслось съ полнымъ пренебреженіемъ къ представленнымъ имъ бумагамъ: «французскіе мини-

стры», говоритъ по этому поводу самъ д'Еонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, «не придали никакой важности моему сообщенію и признали изложенные въ немъ планы невозможными и химерическими. На мое открытіе не было обращено серьезнаго вниманія потому, конечно, что оно было сдѣлано молодымъ человѣкомъ». Бумаги, доставленныя д'Еономъ, были, разумѣется, сданы въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и лежали покойно до той минуты, когда начинающему французскому литератору пришла, въ 1836 году, мысль описать жизнь загадочнаго авантюриста и разобрать относящіеся къ нему документы. Можно судить о радости Гальярде, когда онъ нашелъ въ кипѣ запыленныхъ бумагъ «Завѣщаніе» Петра Великаго и получилъ возможность съ гордостью заявить всему свѣту, что онъ первый открылъ этотъ знаменитый актъ, который, при его полнѣйшемъ незнаніи исторіи Россіи, не могъ возбудить въ немъ какихъ-либо сомнѣній и былъ признанъ имъ, съ французскимъ легковѣріемъ, за несомнѣнный и дѣйствительно существующій.

Теперь мы попытаемся объяснить, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, «сущность» завѣщанія, сочиненнаго д'Еономъ, попала въ книгу Лезюра. Мы знаемъ, что императоръ Наполеонъ I въ борьбѣ съ своими политическими и личными врагами не былъ разборчивъ въ средствахъ и считалъ каждое изъ нихъ хорошимъ, лишь бы оно достигало, или содѣйствовало цѣли. Задумавъ въ 1812 году вступить въ рѣшительную борьбу съ такимъ опаснымъ соперникомъ, какъ Россія, онъ, естественно, желалъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Европы, напугать его грознымъ призракомъ возростающаго могущества Русской имперіи и представить себя оплотомъ цивилизаціи противъ завоевательныхъ замысловъ сѣверныхъ варваровъ. Въ этихъ видахъ онъ и заказалъ Лезюру написать сочиненіе: «Des progrès de la puissance russe» для распространенія его въ публикѣ. Лезюръ, какъ историкъ, не могъ совершенно легко отнестись къ такой задачѣ и, чтобы исполнить ее, не компрометируя своего имени, долженъ былъ просмотрѣть въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги, касающіяся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ XVIII столѣтіи. Выбирая изъ нихъ преимущественно тѣ, которыя подходили къ его предвзятой идеѣ, онъ, разумѣется, обратилъ вниманіе на «Завѣщаніе» Петра Великаго; но имя лица, сообщившаго этотъ документъ, и содержаніе самаго документа ясно указывали на поддѣлку. Затрудняясь ввести въ свое сочиненіе столь важный актъ, достовѣрность котораго ничѣмъ нельзя было подтвердить, Лезюръ могъ показать его На-

полеону и просить императора высказать свое мнѣніе по этому поводу. Конечно, Наполеонъ ни минуты не колебался признать подобный документъ подложнымъ, но программа, заключавшаяся въ немъ, вполнѣ согласовалась съ цѣлями, которыя имѣлись въ виду при составленіи книги Лезюра,—напугать публику завоевательными планами Россіи, и потому было рѣшено, сократив и измѣнивъ этотъ документъ, сообразно тогдашнему политическому положенію и обстоятельствамъ, напечатать его съ объясненіемъ, что это есть сущность плановъ Петра Великаго, будто бы изложенныхъ имъ для руководства преемникамъ въ секретныхъ запискахъ, которыя, какъ увѣряютъ, хранятся въ домашнемъ архивѣ русскихъ государей.

Мы не утверждаемъ, что въ настоящей замѣткѣ положительно рѣшили вопросъ о происхожденіи поддѣльнаго «Завѣщанія» Петра Великаго, и будемъ очень рады выслушать мнѣнія, противоположныя нашему; они могутъ только способствовать разъясненію этого вопроса, во всякомъ случаѣ, не лишеннаго интереса.

Кладбищенская литература.

(Эпитафіи XVIII вѣка).

ПИТАФІИ и другія надписи на могильныхъ памятникахъ представляютъ своего рода литературу, которая можетъ служить отчасти источникомъ для характеристики современнаго ей общества. Въ XVIII вѣкѣ, преимущественно, считалось какъ бы обязанностью украшать могильные памятники различными надписями въ стихахъ и прозѣ, гдѣ или кратко разсказывалась жизнь покойника, или выхвалялись его заслуги и прекрасныя качества, или высказывались горестныя и неутѣшныя чувства, возбужденныя его кончиной въ людяхъ ему близкихъ, или, наконецъ, выражались, какъ бы въ назиданіе живущимъ, философскія воззрѣнія на загробный міръ. Въ то время существовали даже особые писатели, занимавшіеся исключительно сочиненіемъ эпитафій, одъ и хвалебныхъ гимновъ въ честь разнаго рода усопшихъ великихъ мужей, богачей и благотворителей. Для образца приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ надписей, еще сохранившихся на нѣкоторыхъ полуразрушенныхъ памятникахъ Александро-Невскаго и Волковскаго кладбищъ. Онѣ особенно любопытны потому, что принадлежатъ большею частью къ прошлому столѣтію и почти уже сглажены годами, такъ что ихъ весьма трудно разобрать. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и надписи эти, вѣроятно, совершенно исчезнутъ вмѣстѣ съ памятниками, на которыхъ изсѣчены.

1) «Въ гробѣ семъ мужа положенъ прахъ знаменитаго древностью и преимуществомъ рода отъ царей Израильскихъ Давида и Соломона, черезъ Пагкратія, и сперва воцарившагося въ Грузіи происходящаго, кровнымъ же родствомъ съ царемъ Карталинскимъ соединеннаго, въ 1683 году, февраля въ 3 день, въ міръ сей рожденнаго, а въ 1725 году, ради непоколебимаго содержанія вѣры во Христа, царство Грузинское природное и всея чести, славы и сласти сего міра оставившаго и съ братомъ своимъ одноутробнымъ царемъ, повелѣніемъ благовѣрнѣйшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя императора Петра Перваго, при державѣ вѣчно-достойной памяти императрицы Екатерины Алексѣевны, въ Россію пришедшаго, въ семъ же 1740 году, генваря 26 дня, за благополучнаго владѣнія всепресвѣтлѣйшей императрицы Анны Іоанновны, въ Бозѣ усопшаго, всѣхъ лѣтъ житія своего 56, 11 мѣсяцевъ, 17 дней, пожившаго благочестіемъ и Богу любовію и ближнимъ и милостію рабомъ, и всѣми христіанами, добродѣтельми достохвальнѣйшаго царевича Симеона Леоновича, тѣло почиваетъ, душа же, вмѣсто земного, на небесахъ царствія да будетъ сподоблена; всея сіе чтя здѣ, предстоя къ безсмертному всѣхъ царю, рцы слово въ умиленіи сердца: Покой, Господи, душу усопшаго раба твоего, о семъ молятъ тебѣ свѣтлѣйшая супруга, его чада и вся высокая фамилія».

Царевичъ Симеонъ Леоновичъ былъ роднымъ братомъ царя грузинскаго Вахтанга VI, который послѣ несчастной для него войны съ турками долженъ былъ бѣжать въ 1724 году изъ Грузіи со всѣмъ семействомъ и отдаться подъ покровительство русскихъ государей.

2) «Здѣсь положены грузинскіе принцы: Стефанъ, родившійся 28-го ноября 1729 года, обучался министерскимъ дѣламъ въ Голландіи при россійскомъ послѣ и тамъ скончавшійся 13-го іюля 1744 года, и принцъ Димитрій, какъ сіе изъ слѣдующихъ стиховъ узнать можно:

«Азъ тысяча седмь сотъ двадцать девята лѣта
«Въ 28-е ноября жителемъ сталъ свѣта,
«А годъ, мѣсяца, седмь сотъ былъ сорокъ четвертый,
«13-го іюля, какъ вкусилъ я смерти;
«Въ Голландіи живота я тогда лишился,
«Когда дѣлъ отечеству полезныхъ учился,
«При россійскомъ министрѣ съ братомъ, что въ срединѣ
«Здѣ же лежитъ погребенъ въ день и часъ единый;
«Въ томъ только разнство, что мя матерь несчастлива,
«Въ Голландію пріѣхавъ, не застала жива,
«А брата хотя здрава привезла съ собою,
«Но умершаго вскорѣ погребѣ со мною.
«И тако съ братомъ меньшимъ съ малымъ тремя годы
«Оба здѣсь положены; кія-жъ мы породы,
«На отеческомъ сіе гробѣ ты узнаешь
«Когда полную тамо надпись прочитаешь».

3) «Здѣсь погребено тѣло, въ Бозѣ усопшаго, господина генералъ-аудиторъ-лейтенанта Петра Кирилловича Хлѣбникова, служившаго въ штатѣ

генералъ-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго съ 1774 г., родившагося въ 1734 г., декабря 16-го, въ городѣ Коломнѣ, скончавшагося 1777 г., декабря 17-го дня, жившаго 43 лѣта и 1 день.

«Здѣсь Хлѣбниковъ лежитъ, достоинствъ рѣдкихъ мужъ.
«Кой въ жизни сей любимъ отъ всѣхъ честныхъ былъ душъ;
«Хотя былъ вѣкъ его на свѣтѣ скоротеченъ,
«Но трудъ его всегда пребудетъ славой вѣченъ.
«И поздни времена тѣхъ не умалятъ хвалъ,
«Чрезъ добродѣтели которы онъ стяжалъ.
«Они во всѣхъ вѣкахъ пребудутъ равно громки
«И память дѣлъ его прославятъ всѣ потомки.
«Здѣсь Хлѣбникова зря любезный музамъ прахъ,
«Который весь свой вѣкъ препроводилъ въ трудахъ
«Не для себя живя, но пользу ближнихъ строя;
«Читатель помолись, да вѣчнаго покоя
«Сподобитъ духъ его въ селеньяхъ райскихъ Богъ!
«Сіе творить намъ всѣмъ предписанъ свыше долгъ».

Хлѣбниковъ, человѣкъ богатый, покровительствовалъ многимъ изъ современныхъ ему литераторовъ. Онъ имѣлъ превосходную библіотеку, въ которой, между прочимъ, находились нѣсколько сотъ древнихъ рукописей. Изъ числа изданныхъ на его счетъ книгъ намъ извѣстны слѣдующія: а) «Древняя Степенная книга». 2 части М. 1775. б) «Японская исторія». М. 1773. в) «Лѣтопись Малыя Россіи». Спб. 1777.

4) «Главнаго санктпетербургскаго градоначальства священно-іерей Андрей, мужъ отмѣннаго благонравія и примѣрнаго житія, родился 1719 года мѣсяца октября, преставился 1777 г., апрѣля 20 дня, священствовалъ 29 лѣтъ съ особливо отъ всѣхъ сограждaнъ похвалою; свѣдущіе о жизни его начертали здѣсь слѣдующую достопамятность:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ тотъ пастырь и отецъ,
«Кой двадцать девять лѣтъ словесныхъ пасъ овецъ;
«Пучину житія толь свято преплывалъ,
«Что кормчимъ всякъ его себѣ имѣть желалъ».

5) «Здѣсь погребенъ почившій о Господѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка іерей Алексѣй Михаиловичъ, кой въ 1 день 1776 года началъ себѣ новый годъ въ вѣчности, въ чинѣ священника служилъ 32 года, а умирая безъ мала 60 лѣтъ оставилъ память добродѣтелей своихъ безсмертну.

«Прохожій! я достигъ къ пристанищу надежну,
«Къ нему имѣя всѣ дорогу неизбѣжну;
«Старайтеся свою жизнь тако провождать,
«Чтобъ не страшилися въ семъ портѣ приставать».

6) «Здѣсь лежитъ, любезныя мои дѣти, мать ваша, которая оставила вамъ на память послѣднее сіе завѣщаніе: живите дружелюбно и имѣйте всегда между собою любовь; а если которая изъ васъ запомнитъ сіе приказаніе, то прійди и взгляни на скрижаль сію; при томъ помните и то, что Ириной ее звали, въ супружествѣ была за петербургскимъ купцомъ Василіемъ Крапивинымъ 19 лѣтъ и 44 дня, отъ роду имѣла 34 года, 11 мѣсяцевъ и 16 дней, къ несказанной-жъ моей и вашей печали разлучилась съ вами, оставя миръ вамъ и благословеніе 1777 года, марта 30 дня, пополудни въ 7 часовъ. Молите за меня Бога.

7) «На мѣстѣ семъ лежитъ пожившій въ свѣтѣ вѣкъ,
«Въ священствѣ церкви былъ онъ честенъ человѣкъ;
«Почерпъ живой воды, ученья благородна,
«Той и другихъ поилъ, душа богоугодна!
«Жилъ въ мірѣ, но въ немъ міръ жить мѣста не имѣлъ,
«Врученно стадо пасъ, какъ долгъ и Богъ велѣлъ;
«Постигла смерть, но духъ его живъ пребываетъ,
«Предъ судію въ отвѣтъ и насъ всѣхъ ожидаетъ.
«Кто имя хочетъ знать, Степанъ, онъ попъ былъ здѣсь,
«Всякъ поминай, молись, чтобъ Богъ и тя въ рай внесъ».

«Преставился въ 1768 году, мая 1 дня, отъ роду ему было 42 года; священникомъ при церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что при Невскомъ монастырѣ, былъ 12 лѣтъ.

«Бѣхъ—нѣсмь.
«Есте—не будете».

8) «На семъ мѣстѣ погребено тѣло рабы Божія Елисаветы Ѳедоровой супруги главной дворцовой канцеляріи секретаря Ѳедора Григорьева сына Вахтина, сего 1773 г., іюля 18 дня, а преставилась сего-жъ іюля 15 дня; всего житія ея было 39 лѣтъ.

«Посѣтитель мой любезный!
«Пріими отъ гроба моего гласъ слезный,
«И моли за мя къ милостиву Богу,
«Да обрящу въ день судный милость его многу».

9) «Камень сей покрываетъ гробъ Василія Петровича Епифанова, родившагося 24-го декабря 1765 года, а скончавшагося 1-го сентября 1776 года, жившаго 10 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 11 дней, обучавшагося въ Сухопутномъ Шляхетскомъ корпусѣ свободнымъ наукамъ, въ нихъ являя успѣхи превышающіе лѣта его, сердца родителей напоялъ надежною радостью; но смерть въ цвѣтущей юности отъ среды живыхъ его исхитивъ, веселящимся о успѣхѣ его сердцамъ внѣдрила чувства горестнаго воспоминанія о произношеніи сея молитвы къ Богу:

«Да отрока сего вселя Онъ внутрь небесъ,
«Отретъ ліющіясь о немъ потоки слезъ;

«Евангельское въ томъ насъ увѣряетъ слово,
«Что дѣтямъ царствіе небесное готово.

10) «Здѣсь въ чаяньи небесныхъ благъ
«Покоится смиренный прахъ
«Усерднаго раба Христова
«Матвѣя Кузмича Каткова,
«Родившагося въ жизнь земную
«Ноемврія 10-го 1795 года
«Преставившагося въ жизнь иную
«Іюля 1-го 1848 года».

11) «Здѣсь погребена Александра Ѳеодотовна Ржевская, рожденная дѣвица Каменская, родилась въ 1740 году, августа 10-го дня, бракомъ сочеталась съ Алексѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ въ 1766 году, марта 19-го дня; по прошествіи трехъ лѣтъ произвела первымъ плодомъ супружества сына, именемъ Ивана, и по разрѣшеніи отъ бремени въ восьмой на десять день горячкою скончалась въ 1769 г., апрѣля 27-го дня, около 12-го часа пополудни, на 27 году вѣка своего, оставя по себѣ сего новорожденнаго младенца, который, будучи невступно четырехъ мѣсяцевъ, скончался и въ семъ же мѣстѣ погребенъ».

«Здѣсь Ржевская лежитъ, пролейте слезы, Музы:
«Она любила васъ, любезна вамъ была,
«Для васъ и для друзей на свѣтѣ семъ жила,
«А нынѣ смерть ее въ свои пріяла узы:
«Среди цвѣтущихъ лѣтъ, въ благополучный вѣкъ,
«Рокъ жизнь ея пресѣкъ,
«Увянулъ острый умъ, увяла добродѣтель,
«Погибло мужество и бодрый духъ ея.
«Могущій Всесодѣтель!
«Она ли участи достойна есть сея,
«Чтобъ вѣкъ ея младой пресѣкло смерти жало:
«Не долгій ли ей вѣкъ здѣсь жити надлежало?
«Въ достоинствахъ она толико процвѣла,
«Что полу женскому здѣсь честію была.
«Ни острый умъ ея, наукой посвѣщенный
«Ни даръ художествамъ и музамъ просвященный.
«Ни нравъ, кой столь ее пріятно украшалъ,
«Который и друзей и мужа утѣшалъ,
«Ни сердце нѣжное ее не защитило,
«И смерти лютыя отъ ней не отвратило:
«Великая душа, мужаясь до конца,
«Достойна сдѣлалась лавроваго вѣнца.
«Скончаясь, Ржевская оставила супруга;
«Супругъ, къ ней потерявъ любовницу и друга.
«Отчаясь, слезы льетъ и будетъ плакать вѣкъ:
«Но что-жъ ей пользы въ томъ? Вотъ что есть человѣкъ!

Ржевская была родной сестрой фельдмаршала графа Михаила Өедотовича Каменскаго и отличалась своимъ умомъ, образованіемъ и любовью къ наукамъ и художествамъ. Изъ ея сочиненій въ свое время имѣли большой успѣхъ такъ называемыя «Кабардинскія письма».

12) На Волковскомъ кладбищѣ есть, между прочимъ, два совершенно разрушенныхъ памятника, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь плиты съ слѣдующими курьезными эпитафіями. На одной:

«Двубрачной бывъ, была душой обоихъ.
«Одинъ оплаканъ ей, другой рыдалъ по ней,
«И вмѣстѣ съ дочерью, виной ея кончины,
«Здѣсь сердца своего скрылъ обѣ половины».

На другой можно разобрать только три первыя строки:

«О ты, жестокая холера,
«Какого ты сразила кавалера
«Измайловскаго унтеръ-офицера...
. . . .»

Мы могли бы привести много эпитафій подобнаго рода, но, кажется, и этихъ достаточно для того, чтобы имѣть понятіе о характерѣ кладбищенской литературы. Остается развѣ упомянуть еще о такихъ надгробныхъ надписяхъ, которыя были, такъ сказать, ходячими и, за неимѣніемъ оригинальныхъ, повторялись на разныхъ памятникахъ. Напримѣръ:

«Прохожій! ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я;
«Присядь и отдохни на камнѣ у меня,
«Сорви былиночку и вспомни о судьбѣ;
«Я—дома, ты—въ гостяхъ; подумай о себѣ».

Или:

«Мой ангелъ спитъ въ сырой землѣ,
«Жестоку грусть оставилъ мнѣ:
«Куда идти—тоску разбить?
«Спѣшу къ могилѣ слезы лить».

Кладбищенская литература отошла теперь въ область преданій: старыя могилы разрушаются и постепенно исчезаютъ вмѣстѣ съ витіеватыми эпитафіями, когда-то ихъ украшавшими. Ихъ замѣнили цвѣты и вѣнки, заимствованные нами у иностранцевъ, и только изрѣдка можно увидѣть на какомъ-нибудь современномъ памятникѣ краткое изреченіе изъ священнаго писанія или молитвы.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

портретовъ и рисунковъ.

Портреты.

Виды мѣстностей и зданій.

Бытовыя сцены.

Памятники.

